В138/18

М-88
В138 118
1445

ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ РОССІИ XVIII ВѢКА

ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ

7 НОЯБРЯ 1775 ГОДА.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. Мрочекъ-Дроздовскаго.

ЧАСТЬ I.

ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ЭПОХИ ПЕРВАГО УЧРЕЖДЕНІЯ ГУБЕРНІЙ (1708—1719 Г.)

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
721999

По опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать дозволяется. Москва 21 мая 1876 года.

Деканъ *Ѳ. Мильгаузенъ.*

ПОЛОЖЕНІЯ.

1-е. Эпоха областнаго управленія 1708 года была переходною. Въ ней *приводятся въ порядокъ* начала, выработанныя въ теченіе XVII вѣка. Это приведеніе въ порядокъ было совершено не сразу, не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ практической необходимости, и закончилось учрежденіемъ 29 мая 1719 г.

2-е. Областныя преобразованія Петра В. не были простою пересадкою чуждыхъ учрежденій на русскую почву; они имѣютъ свои прецеденты въ жизни русской области XVII вѣка. Петръ В. былъ реформаторомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

3-е. Преобразованія въ русскомъ областномъ управленіи идутъ объ-руку съ развитіемъ Русскаго государства вообще. Воевода XVII вѣка былъ исполнитель-кормленщикъ, губернаторъ XVIII-го исполнитель-чиновникъ: идея государства, его интересовъ при Петрѣ В. восторжествовала надъ идеею частноправовыхъ интересовъ, которые были принесены ей въ жертву. *Завѣдываніе дѣлъ на государя*, характеризовавшее приказный элементъ воеводской власти XVII вѣка, въ XVIII-мъ обратилось въ завѣдываніе дѣлъ на государство и для государства.

4-е. *Приведеніе въ порядокъ существующаго* въ первой четверти XVIII вѣка выразилось въ общегосударственномъ управленіи въ учрежденіи Сената, а въ управленіи областномъ въ централизаціи его въ лицѣ губернатора, непосредственно подчиненнаго Сенату. Сенатъ—единственный правитель всего государства, а губернаторъ представитель его власти въ губерніи и этой послѣдней передъ Сенатомъ.

5-е. Такая административная централизація всего управленія въ Сенатѣ имѣла своимъ слѣдствіемъ уясненіе типа второстепенныхъ областныхъ правителей по отношенію къ губернаторской власти. Первоначально подчиненіе второстепенныхъ областныхъ правителей губернатору, связь уѣзднаго управленія съ губернскимъ не были опредѣлены, но съ теченіемъ времени они опредѣляются, и губерніи 1708 года мало-по-малу пріобрѣтаютъ органическія свойства, бывъ прежде механическимъ аггрегатомъ областныхъ единицъ и властей.

6-е. Централизація области Сенатомъ съ одной стороны, а развитіе и преобладаніе государственной идеи надъ частноправовыми началами съ другой, породили по отношенію къ областному управленію типъ *коммиссіи, порученія*; всѣ областные чины суть прикащики Сената, его коммиссары разныхъ величинъ: главный правительственный коммиссаръ губернаторъ, остальные чины состоятъ при немъ. Но изъ этого родоваго типа коммиссіи нѣкоторыя должности выдѣляются, получаютъ спеціальный характеръ и особыя наименованія и только тѣ изъ нихъ называются общимъ именемъ коммиссіи, а облеченныя ими

лица коммиссарами, для которыхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, т. е. ни въ XVII. ни въ XVIII вѣкахъ, не было выработано ни особаго типа, ни соотвѣтствующаго этому типу спеціальнаго наименованія.

7-е. Въ XVII вѣкѣ только служба въ рядахъ войска считалась дѣйствительною, а служба гражданская считалась льготою, наградою за труды понесенные на военной службѣ; въ XVIII понятіе обязанности распространяется и на службу гражданскую, хотя слѣды прежняго воззрѣнія на эти два рода службы замѣтны и въ это время.

8-е. Въ слѣдствіе такого измѣненія отношеній правительства къ гражданской службѣ вообще и къ службѣ въ области въ особенности измѣняется понятіе о вознагражденіи областныхъ правителей. Воевода XVII вѣка посылался въ область *кормиться*, а за это долженъ былъ управлять областью, напротивъ, областные правители XVIII вѣка прежде всего должны были управлять, служить, исполнять тѣ обязанности, которыя возлагаются на нихъ, какъ на правителей, а затѣмъ, если эти обязанности были исполняемы ими добросовѣстно, они уже получали право на вознагражденіе денежными окладами.

9-е. Область начала XVIII вѣка была безгласнымъ орудіемъ государства: она была лишь источникомъ, откуда государство черпало матеріальныя средства для удовлетворенія своихъ потребностей; эти послѣднія должны были удовлетворяться вопервыхъ и главнымъ образомъ, потребности же области отодвинуты на второй планъ, удовлетворялись изъ остатковъ и то лишь въ такомъ случаѣ, если удовлетвореніе ихъ было тѣсно связано съ общегосударственною необходимостью.

10-е. Главныя общегосударственныя потребности, на удовлетвореніе которыхъ область должна была поставлять средства, въ это время были: организація войска, потребности войны, международныя сношенія. Первая изъ этихъ потребностей въ главной своей части удовлетворялась не только изъ области, но и въ самой области, а потому вмѣстѣ съ вопросами финансоваго управленія съ вопросами прибыльщичества, составляла главный предметъ вѣдомства областнаго управленія.

11-е. Въ губерніи 1708 года расходы на общегосударственныя потребности сравнительно съ доходами постоянно увеличиваются, что составляетъ норму соотношенія доходовъ и расходовъ во все продолженіе разсматриваемаго періода.

12-е. Общественные, земскіе интересы не существовали, они были поглощены интересами государственными подобно тому, какъ само общество, будучи подчинено казеннымъ властямъ, было поглощено государствомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ свой первый трудъ, я считаю долгомъ изложить тѣ мотивы, которые руководили мною при выборѣ предмета для изслѣдованія.

Область имѣетъ громадное значеніе для государства: въ ней, такъ сказать, сосредоточена вся его жизнь, тогда какъ въ столицѣ соединено правленіе этою жизнью. По отношеніямъ столицы къ области мы судимъ о томъ, въ какой стадіи развитія находится данное государство; въ изслѣдованіи этихъ отношеній заключается основа изслѣдованія развитія внутренней жизни государства и народа. Равномѣрно, наилучшее управленіе государства зависитъ отъ правильности отношеній центра къ области. Словомъ, исторія областнаго управленія есть фундаментъ исторіи государства.

Русская область и до сихъ поръ обращала на себя вниманіе нашихъ ученыхъ, но, при этомъ, вниманіе, несравненно меньшее, нежели другіе вопросы государственной жизни нашего отечества: большая часть историковъ Русскаго Права относились къ вопросу о русской области въ тотъ или другой періодъ ея исторіи какъ-бы мимоходомъ, какъ-бы только для большей полноты своихъ изслѣдованій, посвященныхъ другимъ вопросамъ, болѣе или менѣе тѣсно связаннымъ съ вопросомъ объ области; съ другой стороны, время отъ времени въ нашей историко-юридической литературѣ появлялись также труды, спеціально посвященные изслѣдованію о русской области въ разныя эпохи; однако большинство этихъ трудовъ, по недостаточности матеріаловъ, независимо отъ несомнѣнной талантливости и трудолюбія изслѣдователей,—представляютъ мало поучительнаго.

Но въ числѣ такихъ трудовъ, т. е. трудовъ, спеціально посвященныхъ русскому областному управленію, должно указать на дѣйствительно-замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ изслѣдованіе бывшаго профессора Московскаго Университета, Б. Н. Чичерина: «Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Не мнѣ, конечно, расточать похвалы этому почтенному труду: онъ цѣнится по достоинству русскимъ ученымъ міромъ; я хочу только сказать, что, находясь подъ благотворнымъ вліяніемъ труда г. Чичерина, я захотѣлъ слѣдовать по пути, имъ указанному. Это тѣмъ необходимѣе, что вопросъ о русскомъ областномъ управленіи въ началѣ XVIII вѣка, а особливо эпоха перваго учрежденія губерній, до сихъ поръ весьма недостаточно изслѣдованы; русская область въ эту эпоху своего существованія до

сихъ поръ еще terra incognita, не смотря на то, что въ нашей историко-юридической литературѣ были попытки изслѣдованія ея именно въ эту эпоху. Между тѣмъ, отъ близкаго знакомства съ этимъ вопросомъ зависитъ, кромѣ другихъ выгодъ, возможность освѣтить еще одну сторону дѣятельности Великаго Петра и, быть можетъ, очистить его память, столь драгоцѣнную для всѣхъ насъ, отъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ отъ недостатка матеріаловъ для ознакомленія съ Петромъ Великимъ, какъ преобразователемъ.

Познакомившись съ вопросомъ о русской области въ началѣ XVIII вѣка по печатнымъ источникамъ, я прежде думалъ изслѣдовать весь періодъ отъ губерній Петра В. до губерній Екатерины II вмѣстѣ, посвятивъ этому изслѣдованію одну книгу; но, благодаря ходатайству покойнаго профессора И. Д. Бѣляева, былъ допущенъ къ изученію подлинныхъ актовъ царствованія Петра В., хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи: здѣсь-то, увидя громадность матеріала, я измѣнилъ своему первоначальному плану и рѣшился ограничить свой настоящій трудъ эпохою перваго учрежденія губерній. Въ будущемъ я намѣренъ изслѣдовать учрежденіе 1719 года и его послѣдующія измѣненія до 1775 г.

Эпоха перваго учрежденія губерній есть переходъ отъ областныхъ учрежденій XVII вѣка къ областнымъ учрежденіямъ XVIII-го,—въ это время развились всѣ тѣ начала, которыя выразились въ учрежденіи 1719 года, которыя даютъ ключъ къ пониманію областной реформы Петра В.; поэтому эпоха 1708 (1710) вполнѣ заслуживаетъ особаго вниманія и особеннаго изслѣдованія: вотъ тѣ мотивы, которые рѣшили мой выборъ предмета для изслѣдованія и которые заставили меня ограничить эту книгу эпохою перваго учрежденія губерній, до сихъ поръ еще основательно не изслѣдованной. Насколько удачно исполнилъ я свою обязанность,—судить не мнѣ.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести искреннюю благодарность нашему почтенному ученому, Н. В. Калачову, доставившему мнѣ полную возможность ознакомленія съ сокровищами Архива, находящагося въ его завѣдываніи, а равномѣрно также и признательность, столь же искреннюю, почтеннымъ чиновникамъ этого Архива, которые съ такимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ относятся ко всякому, трудящемуся надъ разработкою архивныхъ документовъ.

Авторъ.

Москва 24 іюля 1875 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Государственная идея объединяетъ всѣ части территоріи въ одно политическое цѣлое: это цѣль государственной организаціонной политики; поэтому каждая область должна быть лишена своихъ верховныхъ правъ, если они ей принадлежали прежде, подчиниться общему законодательству и общей системѣ управленія и суда. Всякое изъятіе изъ этого, безъ сомнѣнія, бываетъ продуктомъ временной необходимости и въ послѣдствіи должно исчезнуть, ибо государство представляетъ собою организмъ, въ которомъ всѣ члены должны быть одухотворены и направляемы общею имъ всѣмъ идеей, въ которомъ уклоненіе отъ этой нормы есть признакъ или несложившейся вполнѣ организаціи, или же болѣзненнаго состоянія, могущаго, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, разложить самый организмъ [1]). Но, подчиняясь общему законо-

[1]) Въ литературѣ Государственныхъ Наукъ до сихъ поръ существуетъ смѣшеніе понятій о самостоятельности частей государства — политической и административной. Результатомъ этого смѣшенія является отсутствіе правильнаго пониманія внутренняго государственнаго управленія, наклонность къ возведенію въ теорію полнаго разобщенія того, что должны представлять собою члены единаго организма. Такъ, Робертъ фонъ-Моль, несмотря на его талантъ и всеобъемлющія свѣдѣнія, не избѣжалъ этой ошибки, которая въ данномъ случаѣ еще болѣе увеличивается оттого, что вопросъ о внутреннемъ управленіи онъ разсматриваетъ преимущественно съ политической, а не съ юридической точки зрѣнія (*Энциклоп. Госуд. Наукъ.* Изд. I-е, перев. Попова, стр. 514 и слѣд.). Установляя политическую теорію различныхъ административныхъ системъ, онъ дѣлитъ послѣднія на два вида: *реальную* и *провинціальную*. Первую изъ нихъ онъ называетъ также *логическою*, ибо въ ней „вся масса дѣлъ, находящаяся въ завѣдываніи государства, раздѣляется на основаніи логическихъ правилъ, и, слѣдовательно, по отношенію къ предметамъ этихъ дѣлъ и для каждаго изъ этихъ отдѣловъ назначаются соотвѣтствующія по числу и роду учрежденія“ (ibidem, стр. 515). Эту систему почтенный ученый характеризуетъ тѣмъ, что при дѣйствіи ея „вся государственная территорія является, какъ взаимно-тяготѣющее цѣлое, которое однообразно снабжено во всѣхъ своихъ частяхъ одинаковыми властями и учрежденіями съ матеріальной и формальной стороны“ (ibid.). Такая характеристика, вполнѣ вѣрная, совершенно соотвѣтствуетъ понятію о государствѣ, какъ объ *организмѣ*, и указываетъ на то, что *реальная* система можетъ быть съ успѣхомъ оправдана не только съ точки зрѣнія полезности, но и со стороны философскаго права. Въ противоположность этой системѣ, система

дательству и въ этомъ отношеніи являясь органомъ государства исключительно-исполнительнымъ, область въ лицѣ своихъ административныхъ и общественныхъ властей играетъ самостоятельную роль въ управленіи и судѣ, задачи которыхъ, по самому существу своему, могутъ разрѣшаться лишь въ мѣстности, въ виду мѣстныхъ условій и знакомства правителей и судей съ мѣстнымъ обществомъ. Эту самостоятельность мы, слѣдуя Токквилю, можемъ назвать *административною*. Она по существу своему условная, ибо дѣйствуетъ въ законныхъ границахъ и находится подъ контролемъ высшихъ областныхъ и общегосударственныхъ властей и учрежденій; по характеру дѣятельности ее должно назвать *самоуправленіемъ*, въ сферѣ котораго дѣла, на основаніи закона, распредѣляются между органами администраціи и общественными.

Итакъ, область, подчиняясь общему законодательству, управляется и судится сама собою, при посредствѣ областныхъ правителей и судей.

провинціальная есть предоставленіе области почти полной отдѣльности. Но такая система раздѣляетъ государственное единство, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться нормальною. Р. Моль характеризуетъ ее такимъ образомъ: „здѣсь не обращается вниманія ни на единообразіе характера и устройства учрежденій, ни на равенство географическихъ округовъ администраціи, но какъ исторически сложилось административное устройство въ какой-либо провинціи, такъ оно въ ней уже и оставляется. *Все законодательство отдѣльныхъ провинцій можетъ быть различное*, и т. д.“ (ibid. 517). Опять необходимо сказать, что характеристика понятія набросана чрезвычайно удачно, но признаніе такой первобытной системы государственнаго управленія наряду съ реальною, которая, по справедливому замѣчанію ученаго автора, есть произведеніе новаго времени (ibid. 522, примѣч. 1-е), признаніе это, по нашему мнѣнію, не можетъ быть принято за вѣрное: оно есть несомнѣнный плодъ смѣшенія понятій. Примѣръ Франціи, какъ образца государства съ логическою системой (ibidem), еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ. Но въ Энциклопедіи Р. Моль невполнѣ развилъ свою теорію, здѣсь онъ лишь старается примирить двѣ несогласимыя системы, полагая, что крайности одной формы уравновѣшиваются началами другой. Гораздо рѣшительнѣе онъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ другомъ своемъ трудѣ, по времени изданія предшествовавшемъ Энциклопедіи; здѣсь еще нагляднѣе выступаетъ смѣшеніе двухъ упомянутыхъ выше понятій. Въ статьѣ, посвященной французскому административному праву, Р. Моль разбираетъ основы реальной системы, установляетъ вѣрныя понятія о централизаціи и административной самостоятельности области, и съ этой точки зрѣнія весьма остроумно и справедливо замѣчаетъ, что Франція страдаетъ *гипертрофіей головы и атрофіей остальнаго тѣла*, но, къ сожалѣнію, не доводитъ идеи до конца и, въ слѣдствіе этого, въ Энциклопедіи становится на почву полезности, признаетъ одинаково нормальными государственное единство и рознь. Смѣшеніе понятій заставило знаменитаго ученаго задаться даже такимъ вопросомъ: „Ob... von der Einheit einer Staatsgewalt nur da die Rede sein kann, wo keinerlei Verschiedenheit in den Vollziehungsbehörden und Maasregeln stattfindet und gar keine Rücksicht genommen wird auf etwaige oertliche Verschiedenheiten, sei es der Bedürfnisse, sei es der Gewohnheiten?“ и на этотъ вопросъ отвѣтить основательною оцѣнкой

Эта власть *дѣйствительнаго управленія* и суда контролируется и направляется правительствомъ и обще-государственными судебно-административными органами, а связью между управленіемъ и судомъ области и правительствомъ служатъ высшія областныя инстанціи управленія и суда, какими являются представитель правительства въ тѣсномъ смыслѣ и инстанціи аппелляціонныя.

Изъ сказаннаго очевидно, что для правильности въ функціяхъ государственной власти въ общегосударственныхъ органахъ ея должны быть сосредоточены законодательство и верховный надзоръ за дѣйствительнымъ управленіемъ и судомъ, а послѣдніе переносятся на органы областнаго управленія, въ которыхъ получаютъ характеръ самостоятельности административной и общественной и производятъ то, что мы называемъ *самоуправленіемъ области*. Затѣмъ, верховный надзоръ и руководство не только не исключаютъ возможности ближайшаго, областнаго надзора и руководства, но даже необходимо требуютъ ихъ: высшая

французской централизаціи и прекрасными замѣчаніями объ административной самостоятельности частей государства: „In Frankreich ist „Provinz“ die Bezeichnung von Geistesarmuth, blinder Nachahmung und Unselbstständigkeit geworden, währénd sie der Sitz einer regen und sachverständigen Besorgung der eigenen oertlichen Angelegenheiten, der Mittelpunkt eines *allerdings untergeordneten, aber in seinem Kreise selbstständigen* Lebens, der Gegenstand einer gemüthlichen Anhänglichkeit, welche mit einer Liebe zum Vaterland gar wohl vereinbar wäre, die Veranlassung zu eigenem Urtheile und zur Uebung in oeffentlichen Angelegenheiten sein könnte und sein sollte. Hierdurch leidet Frankreich an Hypertrophie des Hauptes und einer Atrophie des übrigen Korpers, u. s. w.“ (Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, III, S. 197—200). Само собою разумѣется, что Р. Моль не вдается въ тѣ крайности, какія проповѣдаютъ французскіе *децентрализаторы*, но тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ предъидущихъ цитатъ, въ его твореніяхъ рядомъ съ прекрасною, строгою теоріей мѣстной администраціи видны слѣды смѣшенія понятій, не допустившаго ученаго автора дойти до конечныхъ выводовъ и установить правильную административную теорію, подтвердивъ ее своимъ авторитетомъ. Между тѣмъ, Французы, выросшіе и воспитавшіеся въ государствѣ пораженномъ такою болѣзнью, какую имъ приписываетъ Р. Моль, сдѣлались творцами раздѣленія означенныхъ понятій и, такимъ образомъ, проложили путь правильной государственной теоріи. Токквиль подмѣчаетъ разницу между государственною и административною централизаціей (centralisation gouvernementale et administrative): „Concentrer dans un même lieu, ou dans une même main le pouvoir de diriger les intérêts communs, c'est fonder, que j'appellerai *la centralisation gouvernementale*. Concentrer de la même manière le pouvoir de diriger les intérêts speciaux à certaines parties de la nation, c'est fonder, ce que j'appellerai *la centralisation administrative*“ (*De la Démocratie en Amerique*, I, 104); то же повторено и другимъ французскимъ писателемъ, Леономъ Фоше. О томъ же предметѣ въ нашей литературѣ см. проф. Градовскаго *Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи*, т. I, Введ. и Лохвицкаго *Губернія, и т. д.*, откуда нами взято вышеприведенное опредѣленіе Токквиля.

областная инстанція служитъ звеномъ, соединяющимъ область съ государствомъ, управленіе съ правительствомъ. Самоуправленіе области есть продуктъ взаимодѣйствія администраціи и общества, соединеніе самостоятельности какъ той, такъ и другаго, а вся совокупность областныхъ самоуправленій составляетъ то, что въ наукѣ извѣстно подъ именемъ administration, Verwaltung, въ отличіе отъ gouvernement politique, politische Leitung, Politik, Regierung [2]). Различіе между правительствомъ и управленіемъ можно считать установившимся въ наукѣ послѣ трудовъ французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ [3]).

Прямымъ противоположеніемъ системѣ областнаго самоуправленія является система централизаціи всего дѣйствительнаго управленія и суда, насколько это возможно, въ столицѣ. При господствѣ этой системы область не имѣетъ самостоятельнаго значенія, она служитъ безжизненнымъ орудіемъ государственной власти, которая распоряжается въ ней посредствомъ своихъ исполнителей, коммиссаровъ, прикащиковъ. Такимъ образомъ, здѣсь съ политическою централизаціей соединена централизація административная, которая основывается на чрезмѣрномъ усиленіи государственной власти и на непризнаніи области организмомъ правительственно-общественнымъ. Административная централизація составляетъ необходимую ступень въ развитіи государства, являясь неизбѣжною реакціей индивидуализму, который характеризуетъ собою первый моментъ появленія національнаго общежитія; но эта система можетъ быть только переходомъ къ правильной и разумной системѣ управленія и, задержанная на продолжительное время тѣми данными, которыя обусловливаютъ историческій ростъ даннаго народа, служитъ источникомъ

---

[2]) Идею самоуправленія обыкновенно противополагаютъ централизаціи, но изъ односторонняго взгляда на это противоположеніе является и одностороннее слѣдствіе: обыкновенно, при этомъ, отождествляя централизацію съ правительственными органами, съ казеннымъ управленіемъ, отождествляютъ понятіе самоуправленія только съ общественными властями, не замѣчая того, что самоуправленіе общества безъ самостоятельности областныхъ правительственныхъ органовъ ведетъ къ результатамъ вовсе неблагопріятнымъ для государственной власти и единства управленія. Слѣды этого воззрѣнія видны въ объемистомъ сочиненіи Васильчикова (*О самоуправленіи*, т. I, Введ., стр. I — XLIV), онъ говоритъ о самоуправленіи общества, а не области, развиваетъ эту мысль всюду, несмотря на то, что, какъ видно изъ списка прочитанныхъ имъ сочиненій, ему не безъизвѣстны воззрѣнія на этотъ предметъ проф. Градовскаго, который, если мы не ошибаемся, первый установляетъ правильную теорію самоуправленія (*Исторія мѣстн. управл.*, т. I, Введ., с. I—CXVII).

[3]) См., напр., Блунчли *Allgemeines Staatsrecht*, 4 Auflage II, S. 95 fg. Въ томъ же родѣ, но съ большею самостоятельностью относится къ этому предмету Аренсъ: *Organische Staatslehre*, S. 186 fg. Ср. съ ними Л. Штейна *Vollziehende Gewalt*. О французскихъ ученыхъ, раздѣлившихъ эти два понятія, см., между прочимъ, сочиненіе М. М. Шпилевскаго: *Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія*, стр. 64 и слѣд.

шаткости государственныхъ началъ и безсилія общества или же склонности къ анархіи (Т. Бокль: *Исторія цивилизаціи въ Англіи*, т. 1, первыя главы). Напротивъ, развитіе общества подъ охраной областнаго самоуправленія утверждаетъ власть и, дѣлая возможнымъ внутренній прогрессъ государства, придаетъ послѣднему непобѣдимую силу народности и патріотизма. Настолько важно для государства раціональное областное управленіе! Но, повторяемъ, оно не можетъ явиться вдругъ, ибо оно есть продуктъ исторіи, въ ходѣ которой все искусственное, насильственное будетъ непрочно и, будучи дѣломъ генія и энергіи отдѣльнаго правителя, не найдетъ поддержки въ преданіяхъ и характерѣ народа. Все въ исторіи идетъ постепенно, и переходные моменты, какъ бы они ни были сами по себѣ неудобны, получаютъ смыслъ и цѣну въ ходѣ общаго развитія.

Сказаннаго достаточно для пониманія того идеала, къ которому стремится каждое государство тѣмъ путемъ, который ему указанъ естественными и духовными факторами жизни его народа. Эти факторы продуктируютъ ту или другую форму государственнаго устройства, которая можетъ быть болѣе или менѣе способна къ созданію управленія на началахъ самоуправленія, а слѣдовательно, способна содѣйствовать ходу развитія государства или же задерживать его. Въ связи съ этимъ должно быть разсмотрѣно развитіе русскаго областнаго управленія, что дастъ ключъ къ правильному пониманію, какъ современнаго его состоянія, такъ и каждаго момента его развитія, отдѣльно взятаго. Моментъ взятый нами, какъ предметъ предлежащаго труда, заключаетъ въ себѣ такую массу разнородныхъ явленій, находящихся въ такомъ — съ перваго взгляда — хаотическомъ безпорядкѣ, что для полнаго его уясненія еще болѣе необходимо привести этотъ моментъ въ причинную связь съ предшествующею ему исторіей, иначе можно рисковать растеряться во множествѣ частныхъ фактовъ, не возведенныхъ къ высшему началу, и лишиться возможности выяснить себѣ истинный характеръ и основаніе областной реформы Петра В. Вотъ почему группировкѣ матеріала и подробностямъ мы рѣшились предпослать краткій очеркъ хода развитія Русскаго государства, останавливаясь въ этомъ очеркѣ лишь на тѣхъ моментахъ, въ которыхъ можно прослѣдить ходъ развитія русскаго областнаго управленія.

Первоначальная исторія русскихъ Славянъ неизвѣстна, ибо тѣ скудныя свѣдѣнія о ней, которыя находятся въ лѣтописи, не могутъ служить источниками яснаго представленія о прежнемъ ихъ бытѣ. Все, что извѣстно о нихъ, группируется около факта ихъ переселенія на территорію нынѣшней Россіи. Но во всякомъ случаѣ видно, что этому факту или — правильнѣе сказать — отдѣльнымъ фактамъ ихъ переселенія предшествуетъ цѣлый періодъ завоеванія ихъ разными кочевниками по дорогѣ послѣднихъ изъ Азіи; даже мотивами этихъ переселеній было то же преемственное иго. Это показаніе лѣтописи чрезвычайно важно,

ибо чуждое господство болѣе всего благопріятствуетъ отсутствію всякой самостоятельности въ націи и обусловливаетъ невозможность свободнаго развитія ея въ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ реакція прежнему игу, у славянскихъ племенъ въ первый моментъ ихъ новой жизни развивается сильно идея личныхъ интересовъ, которые, сталкиваясь на вѣчахъ, не могли быть примирены безъ вмѣшательства чуждой силы. Завоеванія, которымъ время отъ времени подвергались Славяне-пересленцы на Руси, наглядным образомъ убѣдили ихъ въ такой невозможности. Въ 859 году, по счету преп. Нестора, Варяги брали дань на Новгородцахъ, Мерѣ, Кривичахъ, а Хозары—на Полочанахъ, Сѣверянахъ и Вятичахъ (Полн. Собран. Русск. Лѣтоп. Т. I-й, Лавр., стр. 8), т.-е. почти всѣ славянскія племена подпали чуждому владычеству, но черезъ нѣкоторое время сѣвернымъ племенамъ удалось свергнуть варяжское иго, быть можетъ, благодаря силѣ и удальству Новгородцевъ. Тогда снова на вѣчахъ этихъ племенъ начинается полное господство личныхъ интересовъ и рознь—тѣ же явленія, которыя несомнѣнно привели и прежде сильную сѣверную республику къ покоренію. Между тѣмъ Варяги были постоянно на сторожѣ: они находились въ тѣсныхъ торговыхъ и, быть можетъ, даже родственныхъ связяхъ съ Новгородомъ и, конечно, легче и удобнѣе другихъ могли воспользоваться внутренними несогласіями. Не видя возможности выхода изъ состоянія полной анархіи и сознавая ея послѣдствія, Новгородцы и ихъ союзники рѣшились допустить чуждое вмѣшательство, и тѣ же Варяги, которые нѣсколько временй назадъ были владыками Новгорода, были имъ призваны, какъ рѣшители несогласій и примирители противорѣчій. И такъ, фактъ допущенія чуждаго вмѣшательства имѣетъ основаніе въ общихъ причинахъ, опредѣлившихъ исторію Славянъ, а фактъ призванія Варяговъ объясняется случайностью—болѣе близкимъ знакомствомъ сѣверныхъ племенъ со скандинавскими выходцами. Новгородское посольство обратилось къ Рюрику съ братьями въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и володѣть нами». Въ этихъ словахъ ясно обозначены мотивы призванія—невозможность самопримиренія и самозащиты. Племенные варяжскіе предводители являются къ нимъ какъ князья, т.-е. предводители дружины, защитники отъ нападеній извнѣ, и какъ *володѣтели*, но смыслъ послѣдняго термина нетождественъ съ понятіемъ владыки: онъ опредѣленъ на новгородскомъ вѣчѣ обязанностями князя *рядить по ряду и судить по праву* (ibid. подъ 862 г.), т.-е. князь въ смыслѣ *володѣющаго* долженъ былъ явиться судьей ихъ и рѣшителемъ раздоровъ на основаніи правъ и обычаевъ, вытекшихъ изъ жизни народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что эти обязанности были возложены на князя безраздѣльно, а потому рядъ и судъ не могъ принадлежать тѣмъ мужамъ, которыхъ Рюрикъ разсадилъ по городамъ Новгородской земли: эта мѣра была вызвана необходимостью, ибо Рюрикъ не могъ править лично всею землей. Посадники были лишь

временною замѣной князя, и власть посадника прекращалась, какъ только князь самъ пріѣзжалъ въ городъ врученный ему (В. И. Сергѣевича *Вѣче и Князь*, с. 363). Итакъ, посадники не представляли собою самостоятельныхъ органовъ мѣстнаго управленія: всѣ задачи и вся власть послѣдняго были централизованы въ лицѣ самого князя. Вмѣстѣ съ этимъ, въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное отъ гражданскаго. Къ такой нераздѣльной власти князь, конечно, относился не съ государственной точки зрѣнія: онъ видѣлъ въ ней источникъ доходовъ, также смотрѣли на нее и княжіе мужи (ibidem, стр. 352). Итакъ, два начала: централизація власти въ лицѣ князя и частноправное отношеніе къ этой власти, составляютъ характеристику княжаго управленія и отчасти обусловливаютъ дальнѣйшій ходъ развитія Русскаго государства. Но положеніе князя не могло быть особенно прочнымъ и привлекательнымъ на сѣверѣ, у такого сильнаго и своевольнаго племени, какъ Новгородцы. Сознавая это, а, можетъ быть, и побуждаемые жаждой къ бродячей жизни, сродною ихъ природѣ, князья двинулись по слѣдамъ своихъ удалыхъ соплеменниковъ на югъ, и здѣсь осѣлись на берегу Днѣпра, пресловутаго пути *изъ Варягъ въ Греки*. Здѣсь они нашли племя, сравнительно недавно вышедшее изъ родовой замкнутости, племя, въ которомъ индивидуализмъ еще не успѣлъ развиться до такой степени, какъ къ Новгородѣ, власть князей здѣсь вмѣстѣ съ богатствомъ пріобрѣла болѣе значенія, а Днѣпръ послужилъ прямымъ проводникомъ ихъ въ Византію, набѣги на которую удовлетворяли ихъ привычкѣ къ похожденіямъ и страсти къ наживѣ.

Единодержавіе князей на Руси не нарушалось до половины XI вѣка, когда умеръ Ярославъ I и передъ смертью раздѣлилъ Русскую землю между многочисленными сыновьями, предоставивъ старшему лучшую волость—Кіевъ. Характеръ отношеній князей къ *волостямъ* и характеръ управленія остались прежніе. Лично князь управляетъ лишь извѣстнымъ округомъ, и здѣсь его въ случаѣ надобности замѣняетъ не посадникъ, а такъ-называемый *введенный бояринъ* (ibid. стр. 348—388), и т. д. Между тѣмъ, значеніе кіевскаго стола, выраженное въ завѣщаніи Ярослава, и фактъ многочадія послѣдняго ввели въ междукняжескія отношенія семейно-родовой элементъ, который съ этого времени также дѣлается однимъ изъ факторовъ Русской исторіи. Князья стремятся къ Кіеву и остальныя волости считаютъ переходными; регуляторомъ этихъ стремленій послужила теорія *лѣствичнаго восхожденія*, по силѣ которой удѣльные столы имѣли различное значеніе, смотря по тому, насколько возможенъ былъ съ каждаго изъ нихъ переходъ на Кіевскій столъ (С. М. Соловьевъ: *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, т. II, стр. 11 и др.), но честолюбіе и энергія отдѣльныхъ князей нерѣдко преступали предѣлы этого обычая, и князья путемъ междуусобій достигали иногда Кіев-

скаго стола помимо іерархическихъ ступеней [4]). Такое перемѣщеніе князей исключало возможность возникновенія какой бы то ни было прочной связи князей съ земщинами отдѣльныхъ волостей. Вліяніе князей по отношенію къ земщинамъ было чисто внѣшнимъ: княжеское управленіе не проникало въ вѣчевые порядки, оно касалось только фактовъ выдающихся, какъ-то: правонарушеній всякаго рода, обороны отъ враговъ или же финансовыхъ отношеній; по этимъ вопросамъ князь и его чиновники обращались не прямо къ общинѣ, а къ ея властямъ, сотскимъ и десятскимъ [5]). При такихъ обстоятельствахъ только привычка земщины къ одному и тому же княжескому роду могла породить болѣе тѣсную связь, возбуждая взаимныя симпатіи, и способствовать постепенному обращенію отношеній чуждаго, хоть и необходимаго, наемника къ нанимателямъ въ отношенія самодержца къ подданнымъ. Но такая привычка не могла возникнуть, и рознь между интересами князя и земщинъ росла, вмѣстѣ съ нею росла и самостоятельность послѣднихъ: не говоря уже о Новгородцахъ, которые въ XII вѣкѣ добились даже земскихъ посадниковъ (*Вѣче и Князь*, стр. 36 и сл.), а своевольная перемѣна князей и даже изгнаніе ихъ еще ранѣе обратились въ Новгородѣ въ *обычай* [6]), даже Кіевляне, наиболѣе умѣренные изъ всѣхъ значительныхъ русскихъ земщинъ, проявляли иногда свою самостоятельность весьма рѣзкими фактами. Приведемъ примѣръ. Послѣ смерти великаго князя Всеволода Ольговича, на Кіевскій столъ изъявилъ притязаніе братъ его, Игорь Черниговскій, но земщина передала столъ сыну Мстислава В., Изяславу Переяславскому, а Игоря заточила въ порубъ. Между тѣмъ, Ольговичи, соединившись вмѣстѣ, рѣшились погубить Изяслава и старались завлечь его въ Черниговъ. Для этого Владиміръ и Изяславъ Давидовичи, союзники Ольговичей, прислали къ Изяславу просить его идти съ ними вмѣстѣ на послѣднихъ. Изяславъ повѣрилъ обману и отправился къ Чернигову, оставивъ въ Кіевѣ брата своего, Владиміра. Но умыселъ союзниковъ не удался, и Изяславъ, узнавъ объ измѣнѣ, послалъ въ Кіевъ своихъ мужей, Добрыню и Радила, повѣдать

---

[4]) Теорія лѣствичнаго восхожденія, какъ право, нисколько не исключаетъ возможности фактическихъ захватовъ. Послѣдніе всегда возможны и даже неизбѣжны при увлеченіи отдѣльныхъ лицъ, не проникнутыхъ идеей права, честолюбіемъ и страстью къ прибытку. Эта мысль прекрасно выражена проф. Романовичемъ-Славатинскимъ. См. его *Пособіе для изученія Русскаго Государств. Права.* Вып. 1-й с. 34 и слѣд.

[5]) *Вѣче и Князь*, с. 374 и сл.; Градовскаго *Исторія мѣстн. управл.* т. I, с. 95 и сл.; И. Д. Бѣляева *Крестьяне на Руси*, и т. д., стр. 34 и сл.; Чичерина *Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.*, стр. 3.

[6]) Наприм., въ лѣтописи подъ 1186 год. читаемъ: „Въ се же лѣто выгнаша Новгородци Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мстислава пояша къ себѣ княжить Новгороду: *такъ бо бѣ ихъ обычай*“. (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I, стр. 169).

это дѣло на вѣчѣ. Раздраженные Кіевляне страшно отомстили ни въ чемъ неповинному Игорю, бывшему тогда монахомъ въ Кіевѣ: несмотря на увѣщанія князя Владиміра и тысяцкихъ, кіевскаго — Лазаря и владимірскаго — Рагуйлы, они умертвили Игоря и безчеловѣчно наругались надъ его трупомъ (Лавр. подъ 1146 год.). Этотъ примѣръ не единичный, но предѣлы настоящаго очерка не дозволяютъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ. Итакъ, неосѣдлость князей задержала развитіе государства на нѣкоторое время. Но тѣ же самыя родовыя права, которыя произвели рознь князя съ земщиной, были, съ другой стороны, причиной того, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ, занимавшихъ исключительное положеніе на родовой лѣствицѣ, княжескіе роды вступили въ большую связь съ земщиной. Этому помогло то положеніе, которое занимали такъ-называемые князья—изгои въ княжескомъ родѣ; они не имѣли и не могли имѣть притязаній на великокняжескій Кіевскій столъ, а потому поневолѣ оставались въ своихъ удѣлахъ. Но въ этихъ княжествахъ утвержденію самодержавія мѣшали постороннія обстоятельства, изъ которыхъ самымъ выдающимся было образованіе сильнаго класса земскихъ бояръ, происшедшаго отъ сліянія дружины съ земщиной, земскими коноводами и лучшими людьми. Между тѣмъ, на сѣверо-востокѣ Мономаховичи стали прикрѣпляться къ землѣ; несмотря на то, что имѣли право вмѣшиваться въ родовые счеты. Дарованія Юрія Долгорукаго и его преемниковъ указали имъ настоящій путь къ образованію государственнаго единства. Презирая родовые споры, Юрьевичи всегда оставались въ своей *отчинѣ*, Ростовско-Суздальскомъ краѣ, гдѣ старались соединиться съ новыми земщинами противъ старыхъ, защищая первыхъ отъ властолюбивыхъ стремленій и исконныхъ традицій послѣднихъ. Этимъ путемъ Мономаховичи нетолько утвердили свое единодержавіе на сѣверо-востокѣ, но и усилили привязанность къ себѣ Приднѣпровья: потребность княжеской власти въ народѣ, потребность, чувствуемая имъ издавна, нашла себѣ исходъ въ любви удѣльныхъ земщинъ къ роду Мономахову и въ стремленіи объединиться подъ властью Москвы. Политика Юрія и его преемниковъ имѣла глубоко-историческое значеніе и вызвала симпатію народа. Удѣльно-родовая рознь была явленіемъ негосударственнымъ, а потому съ развитіемъ этой политики, успѣху которой помогали также и другія благопріятныя обстоятельства, должна была мало-по-малу исчезать, и удѣльные князья должны были съ теченіемъ времени обратиться въ слугъ и подручниковъ великихъ князей московскихъ.

Но объединяя подъ своею властью Русскую землю, сознаніе о единствѣ которой никогда, впрочемъ, не исчезало ни въ народѣ, ни даже въ князьяхъ [7]), московскіе князья остались вѣрными прежнимъ

---

[7]) См. примѣръ изъ лѣтописи, приведенный проф. Градовскимъ: *Исторія мѣстн. управл.* I, с. 4, и проф. Сергѣевичемъ: *Вѣче и Князь*, с. 100, примѣч. 2.

частноправнымъ воззрѣніямъ на свою власть, и народъ также продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на судей и правителей непосредственныхъ. Итакъ, въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ болѣе оно расширяется въ границахъ, тѣмъ болѣе уясняется система полной административной централизаціи при существованіи прежнихъ частноправныхъ отношеній къ власти князей, которыхъ управленіе характеризуется, главнымъ образомъ, финансовыми заботами, и ихъ агентовъ въ областяхъ, намѣстниковъ и волостелей, которымъ область отдавалась въ *кормленіе*. Но развитіе государственныхъ началъ должно было рано или поздно подчинить частноправные принципы государственной идеѣ, и Московскіе государи мало-по-малу замѣняютъ намѣстниковъ и волостелей воеводами, во власти которыхъ новое *приказное* начало смѣшивается съ прежнимъ, *кормовымъ* [8]). Это смѣшеніе мало-по-малу исчезаетъ, и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ воевода, исполнитель-кормленщикъ, обращается въ губернатора, исполнителя-чиновника. Въ тотъ же періодъ времени, когда государство стало мало-по-малу выдѣляться изъ сферы частноправныхъ отношеній, централизація продолжаетъ развиваться. Приказы подчиняютъ себѣ всю совокупность дѣйствительнаго управленія и суда, количество ихъ съ теченіемъ времени увеличивается соотвѣтственно вновь появляющимся государственнымъ потребностямъ, выдѣлявшимся въ особыя вѣдомства [9]). Эта система произвела подчиненіе области различнымъ приказамъ единовременно: иные къ ней относились, какъ территоріальные, другіе—въ качествѣ особыхъ вѣдомствъ; отсюда—отсутствіе единства управленія и медленность его, постоянныя пререканія разныхъ вѣдомствъ, встрѣчающихся на одномъ и томъ же поприщѣ. Воеводы были лишь агентами приказной власти въ области, но на самомъ дѣлѣ, стоя къ мѣстному населенію ближе московскихъ приказовъ, пріобрѣтали de facto все болѣе и болѣе власти надъ общинами, постепенно утрачивавшими свою самостоятельность и закрѣпляемыми государствомъ. Такимъ образомъ, власть приказовъ, централизующая область, въ самой области сталкивалась съ властью воеводъ, которые, будучи de jure исполнителями, de facto пріобрѣтали власть правителей. Эта послѣдняя власть въ рукахъ воеводъ, которые все-таки смотрѣли на ввѣренную имъ область какъ на кормленіе, естественно породила многочисленныя злоупотребленія и крайній произволъ, противодѣйствовать чему прямо не было воз-

---

[8]) Ср. Б. Н. Чичерина: *Областн. Учрежд.*, с. 36—37 и Градовскаго указ. соч. II томъ, гл. V, с. 296 и слѣд., а также Андреевскаго: *О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ*, с. 40 и сл., 151.

[9]) О приказахъ Московскаго государства см. *Котошихина*. Изд. 2, гл. VII, *Древн. Россійск. Вивліоѳ.* т. XX, с. 277 и слѣд., Неволина: *Полн. Собр. сочин.* т. VI: *Образованіе управл. въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.*, Градовскаго: *Ист. мѣст. управл.* I, с. 219—257, *Высшая администрація Россіи XVII вѣк. и Генералъ-Прокуроры*, Лохвицкаго: *Губернія*, и т. д. с. 30 и слѣд.

можности при отсутствіи правильно-организованнаго надзора, какъ въ области, такъ и въ столицѣ. Участіе въ областномъ управленіи общественныхъ элементовъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое общественное значеніе, обращаясь въ простую повинность. Крайнія послѣдствія такого порядка вещей во всей своей полнотѣ сказались къ концу XVII вѣка, но, спрашивается, что можно было сдѣлать для уничтоженія безпорядка въ управленіи, какія были возможны дальнѣйшія усовершенствованія? Прежде всего надобно замѣтить, что система административной централизаціи не могла произвести иныхъ слѣдствій, но въ области конца XVII вѣка не было никакихъ задатковъ для самоуправленія: общества не было, ибо отдѣльные классы его были закрѣпощены государствомъ и могли возродиться въ земскій организмъ не вдругъ, а въ продолженіе долгаго періода времени; приказныя же власти не были подготовлены къ функціямъ самостоятельнаго управленія, онѣ даже не могли быть хорошими исполнителями, ибо относились къ области, какъ къ доходной статьѣ, а недостаточность контроля парализовала власть московскихъ приказовъ. При такомъ положеніи дѣлъ самая идея объ областномъ самоуправленіи не могла возникнуть ни въ народѣ, ни въ правительствѣ. Ясно, что для возможнаго улучшенія и порядка преобразованія должны были идти въ томъ же централизаціонномъ направленіи, необходимо было «привести въ порядокъ все существующее» (Чичеринъ: *Областн. Учрежд.* с. 590). Пестрота областнаго дѣленія, образовавшагося исторически, должна была въ видахъ этого *приведенія въ порядокъ* уничтожиться, и государство должно было раздѣлиться на болѣе или менѣе правильные административные округи, а самое исполненіе должно было быть поручено такимъ органамъ, которые по своему характеру и положенію могли бы подлежать постоянному контролю той же центральной власти, которая была сосредоточена въ столицѣ. Мы видѣли выше, что воеводы, исполнители-кормленщики, не могли быть хорошими *завѣдывателями дѣлъ на государя*. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока государственная дѣятельность въ связи съ частными интересами, послѣдніе всегда de facto берутъ перевѣсъ надъ первою; для исполненія необходимы *чиновники на жалованьѣ*, т.-е. власть воеводъ должна была организоваться на началахъ исключительно государственныхъ. Въ этомъ и заключается главное значеніе и руководящая идея преобразованій Петра В. по отношенію къ области. Но съ расширеніемъ области, обратно пропорціональнымъ уменьшенію пестроты бытоваго дѣленія, отношенія начальниковъ уѣздныхъ центровъ, подчиненныхъ общему областному, къ главному областному начальнику должны были болѣе и болѣе уясняться въ смыслѣ подчиненія и зависимости. Итакъ, область XVII вѣка должна была представлять собою органъ исполнительной власти, въ которомъ отдѣльныя части подчиняются цѣлому, а цѣлое—центральной власти, въ этомъ состояло приведеніе въ порядокъ существующаго относительно области. Но этого было мало:

раздробленіе самой центральной власти между различными приказами произвело безпорядокъ въ управленіи и слабость этой власти. Средствомъ къ устраненію этого зла является учрежденіе Прав. Сената, въ которомъ почти всѣ приказы слились какъ части въ цѣломъ, и стали въ положеніи второстепенныхъ спеціальныхъ органовъ центральной власти; при этомъ нѣкоторые приказы слились съ губернскимъ управленіемъ и, такимъ образомъ, въ лицѣ губернаторовъ произвели соединеніе исполнительной власти съ функціями дѣйствительнаго управленія.

Что касается до характера исполненія, то онъ остался прежнимъ: руководящимъ началомъ были, какъ и прежде, финансовыя заботы, а потребности времени выдвинули впередъ и поставили рядомъ съ дѣлами этого рода вопросы управленія военнаго. Этими двумя факторами, главнымъ образомъ, опредѣляется дѣятельность губернаторовъ, которые въ этой сферѣ получаютъ значеніе дѣйствительныхъ правителей и прибыльщиковъ. Но такъ какъ военно-финансовый типъ былъ общимъ для всѣхъ остальныхъ частей управленія, то и онѣ подчинились губернаторской власти въ болѣе значительной степени и съ большею опредѣленностью, нежели прежде; поэтому губернаторъ, будучи въ существѣ своей власти лишь органомъ высшей областной исполнительной власти, пріобрѣтаетъ значеніе органа власти правительственной; губернскія и другія областныя канцеляріи все болѣе и болѣе сосредоточиваютъ въ себѣ завѣдываніе дѣйствительнымъ управленіемъ и судомъ. При такомъ развитіи губернаторская власть не могла оставаться единоличною: образуются ландратскіе совѣты на началахъ, подготовленныхъ прежнимъ временемъ, но получившихъ въ этомъ учрежденіи бо́льшую опредѣленность и дѣйствительность; то же самое начало коллегіальности при большемъ усовершенствованіи центральнаго управленія привело къ замѣнѣ приказовъ коллегіями по шведскому образцу. Но областное управленіе тогда лишь можетъ принять строгую, стройно-организованную форму, когда эта форма обнимаетъ собою стройную внутреннюю организацію, т.-е. форма лишь тогда хороша, когда соотвѣтствуетъ содержанію, потому что никакая логичность построенія не будетъ въ состояніи восполнить недостатокъ матеріальнаго. Губерніи 1708 года подчинены уѣзды, губернатору—уѣздные начальники, но, при этомъ, сами губернаторы по отношенію къ губернскому городу съ его уѣздомъ суть такіе же уѣздные начальники и стоятъ въ одинаковомъ съ послѣдними положеніи; въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что невсегда собственно уѣздные начальники слѣдуютъ общему порядку подчиненія: они прямо сносятся съ Сенатомъ, и Сенатъ — съ ними; даже встрѣчаются такіе примѣры относительно бурмистровъ, которые были, какъ извѣстно, представителями городскаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находились въ непосредственной власти губернаторовъ. Безпорядокъ въ сношеніяхъ и неопредѣленность отношеній еще болѣе увеличивались величиной губерній, ибо восемь административныхъ центровъ не могли стянуть къ

себѣ всю Россію. Вслѣдствіе этого, учрежденія 1708 года во все время своего существованія измѣняются до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, всѣ эти частныя и въ большинствѣ случаевъ пробныя измѣненія уложились въ учрежденіи 29 мая 1719 года. Это учрежденіе составляетъ моментъ окончательнаго приведенія въ порядокъ началъ XVII вѣка и служитъ канвой для дальнѣйшихъ преобразованій, по мѣрѣ которыхъ формальная сторона, введенная Петромъ В., все болѣе и болѣе соединяется съ матеріальною и получаетъ жизненное значеніе; вмѣстѣ съ этимъ развивается система областнаго самоуправленія, которая въ настоящее время обращаетъ нашу область, прежде слѣпую исполнительницу и безгласный органъ центральной власти, въ провинцію, правильно организованный и одухотворенный органъ государства. Итакъ, областныя преобразованія Петра В. были упорядоченіемъ управленія XVII вѣка, а потому и состояли въ формальномъ, а не матеріальномъ улучшеніи этого вопроса; они послужили матеріаломъ для преобразованій Екатерины II, ко времени которой измѣненія въ отношеніяхъ государства къ обществу подготовили путь къ воскрешенію области, какъ самостоятельнаго организма, дали толчекъ дальнѣйшему развитію. Сущность всей дѣятельности Петра В. заключается въ признаніи абсолютнаго авторитета началъ государственныхъ, передъ которымъ должны умолкнуть всякіе частные интересы; государство преобладаетъ надъ обществомъ и лицомъ, все служитъ ему и лишь черезъ эту службу пріобрѣтаетъ и честь, и обезпеченіе. Эта идея рѣзко повліяла на государственное положеніе закрѣпощеннаго служилаго класса и въ отношеніи къ нему выразилась въ табели о рангахъ. Происхожденіе уступало мѣсто рангу, или чину, полученному на службѣ государству; это же начало государственной пользы, государственнаго авторитета восторжествовало надъ всѣми иными тенденціями и въ областномъ управленіи и повлекло за собою замѣну воеводъ губернаторами. Слѣдственно, одна и та же идея дѣйствовала въ различныхъ направленіяхъ: опредѣляя значеніе новообразованнаго сословія *чиновнаго шляхетства*, въ сферѣ управленія она дала чиновниковъ взамѣнъ кормленщиковъ. [10])

Время Петра В. представляетъ собою эпоху полнаго развитія административной централизаціи. Перенесеніе нѣкоторыхъ частей управленія изъ столицы въ область, начала чего были сдѣланы въ это время, и правильное раздѣленіе дѣлъ въ самой области, къ чему стремился Петръ В., не были подготовлены предъидущимъ и не имѣли почвы. Начала дѣйствительнаго управленія остались невыдѣленными изъ сферы власти собственно-исполнительной, не разграничены съ нею, пока находились въ безразличномъ завѣдываніи губернскихъ канцелярій, а правильное рас-

[10]) О значеніи этой идеи преобладанія государства надъ всѣмъ остальнымъ ср. проф. Романовича-Славатинскаго: *Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостн. права*, стр. 14—112.

предѣленіе дѣлъ управленія и суда могло быть основано только на тѣхъ данныхъ, которыя необходимы для областнаго самоуправленія. Все преждевременное, будучи поддерживаемо при жизни Петра В., разрушилось при его преемникахъ, и начала XVII вѣка, упорядоченныя реформой Петра, еще долгое время продолжали господствовать въ русскомъ управленіи.

Примѣчаніе. Въ системѣ воеводскаго управленія XVII вѣка элементъ кормленія безспорно преобладалъ надъ элементомъ управленія. Въ область посылался воевода *покормиться*, причемъ за это долженъ былъ содѣйствовать приказамъ въ управленіи ею, исполняя предписанія ихъ. Насколько идея воеводства XVII вѣка отличалась отъ идеи намѣстничества XVI вѣка, настолько же она разнилась отъ идеи губернаторской власти. Намѣстники управляли областью въ свою пользу, воеводы были исполнителями приказнаго управленія. Первые соотвѣтствуютъ низшей ступени развитія Русскаго государства, когда централизація управленія проявлялась лишь при личномъ присутствіи князя, упразднявшемъ дѣятельность намѣстника, вторые соотвѣтствуютъ административной централизаціи, наиболѣе развитой въ государственномъ смыслѣ, приказной, когда власть начинаетъ дѣйствовать на область, несмотря на то, что сосредоточивается въ столицѣ. Въ институтѣ намѣстниковъ исключительнымъ основаніемъ было кормленіе, въ институтѣ воеводъ къ этому основанію присоединяется другое, государственное: *завѣдываніе дѣлами на царя* (*Областн. Учрежд.* с. 54). Въ институтѣ губернаторовъ, напротивъ, идея кормленія исчезаетъ: губернаторъ сдѣлался чиновникомъ, который управлялъ областью и за это получалъ вознагражденіе отъ государства. Всматриваясь въ преемственность этихъ трехъ институтовъ, легко подмѣтить, что каждый изъ нихъ былъ ступенью одного и того же процесса, въ ходѣ котораго государство развилось изъ массы частноправныхъ отношеній. Взглядъ, который имѣло правительство и общество XVII вѣка на воеводство и который, какъ увидимъ въ послѣдующемъ изложеніи, не былъ чуждъ и началу XVIII вѣка, засвидѣтельствованъ намъ Котошихинымъ, въ твореніи котораго относительно этого есть нѣсколько чрезвычайно характеристичныхъ мѣстъ; вотъ они: «....А по всей его царской радости (женитьбѣ) жалуетъ Царь по Царицѣ своей отца ея, а своего тестя, и родъ ихъ съ нисшіе степени возведетъ на высокую, а кто чѣмъ недостатенъ,—сподобляетъ своею царскою казною, *а иныхъ разсылаетъ для прокормленія по воеводствамъ въ городы* и на Москвѣ въ Приказы, и даетъ помѣстья и вотчины, и они тѣми помѣстьями и вотчинами, и *воеводствами*, и приказнымъ сидѣніемъ побогатѣютъ» (Гл. I, ст. 23, стр. 12). Нѣсколько ниже говорится о привилегіяхъ кормилицъ Царевичей и Царевенъ:... «а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска рода,—*мужа ея пожалуетъ Царь на воеводство въ городъ или вотчину дастъ*» (ibid ст. 28 стр. 14. См. также гл. II, ст. 20, стр. 28). Такимъ образомъ на воеводство или на приказное

сидѣнье правительство смотрѣло какъ на пожалованіе, которое приравнивалось къ пожалованію помѣстьемъ или вотчиной и замѣняло это послѣднее, тогда какъ губернаторство сдѣлалось назначеніемъ. Первое опредѣлялось понятіемъ права, второе — обязанности.

Прежде нежели Петръ обратился къ созданію новыхъ порядковъ областнаго управленія, онъ, вникая въ положеніе общества, подавленнаго приказною администраціей, рѣшился возвысить его, охранить его интересы отъ приказовъ и воеводъ, и первыя преобразованія были обращены къ обществу съ намѣреніемъ поднять его, высвободить изъ-подъ давленія приказной власти. Съ этою цѣлью Петръ В. въ 1699 году учреждаетъ бурмистерское управленіе, которымъ старается выдѣлить городское общество изъ общаго областнаго вѣдомства, подчиняя его и въ столицѣ особому центру — Бурмистерской Палатѣ, вскорѣ переименованной въ Ратушу (П. С. З. №№ 1.674, 1.675, 1.718). Это учрежденіе было примѣнено, однако, неповсемѣстно: оно было мыслимо лишь тамъ, гдѣ были общественные элементы, напротивъ, тамъ гдѣ, какъ въ Сибири, общество было малолюдное, безсильное, не достигшее извѣстной степени развитія, т.-е. гдѣ общественные элементы не были достаточно живучи, самобытны, управленіе остается на прежнихъ основаніяхъ, безъ измѣненій (П. С. З. № 1.708). Затѣмъ высшею мѣрой общественныхъ преобразованій было раздѣленіе государства въ торговомъ отношеніи на провинціи. Это произошло по силѣ указа 27 октября того же 1699 года. Главною цѣлью этой мѣры торгово-административнаго дѣленія были, конечно, постоянно присущія царю фискальныя выгоды, для достиженія которыхъ лучшимъ средствомъ въ данномъ случаѣ было признано улучшеніе и развитіе торговли посредствомъ учрежденія торговыхъ компаній, средство уже оправданное на практикѣ въ Западной Европѣ; съ другой стороны—для того, чтобы отъ улучшенной по западно-европейскому образцу торговли можно было ожидать наибольшей прибыли казнѣ, необходимо было ввести систему болѣе строгаго надзора за торговцами и промышленниками, а равно и болѣе упорядочить и обезпечить денежные сборы, состоявшіе въ вѣдѣніи Бурмистерской Палаты. Для послѣдняго и признано за благо раздѣлить Россію на провинціи, въ которыхъ провинціальные бурмистры были главными, т.-е. областными общественными властями, только съ ними непосредственно сносится Бурмистерская Палата, а остальныя общественныя власти, т.-е. бурмистры городовъ, приписанныхъ къ той или другой провинціи, могли сноситься съ палатой, и она съ ними не иначе, какъ при посредствѣ провинціальныхъ бурмистровъ [11]). Провинціальные бурмистры на представленія уѣздныхъ, или приписныхъ, даютъ сами

[11]) Такое облегченіе въ сношеніяхъ высшаго центральнаго вѣдомства съ областными единицами ясно выражено въ самомъ текстѣ указа, гдѣ прямо сказано: „чтобъ съ Москвы въ тѣ приписные города и въ уѣзды ни за чѣмъ не посылать“.

указы и пишутъ въ палату лишь въ рѣдкихъ случаяхъ [12]). Что касается до вопроса о томъ, какъ были росписаны провинціи, т.-е. какіе города были назначены *провинціальными*, то за неимѣніемъ данныхъ, мы его отказываемся рѣшить, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нелишнимъ высказать по этому поводу нѣсколько общихъ соображеній. Актъ 27 октября указываетъ лишь на три пункта, какъ на провинціальные города: на Новгородъ, Псковъ и Астрахань; опредѣленіе остальныхъ провинціальныхъ центровъ, какъ явствуетъ изъ смысла самаго указа, было предоставлено на усмотрѣніе общества, ибо, вопервыхъ, еслибы было признано необходимымъ произвести это раздѣленіе административнымъ путемъ, то въ указѣ было бы гораздо болѣе опредѣленности относительно того, гдѣ назначить центры, это было бы разъяснено также обстоятельно, какъ въ позднѣйшихъ указахъ подобнаго рода; здѣсь же повелѣвается лишь учредить провинціи, а вопросъ о томъ, какъ и гдѣ ихъ учредить, тронутъ только какъ бы для примѣра [13]); вовторыхъ, такъ какъ дѣленіе это было предпринято въ интересахъ общества, а не непосредственно въ интересахъ правительства, то и самый разумъ такой мѣры требуетъ согласоваться въ опредѣленіи центровъ провинціи съ усмотрѣніемъ лицъ, прямо въ томъ заинтересованныхъ, которымъ была ближе и обстоятельнѣе извѣстна выгода отъ назначенія того или другаго провинціальнаго центра; наконецъ, втретьихъ, правительству было все равно, какіе центры ни будутъ назначены, ему было только нужно, чтобы Россія была раздѣлена на провинціи. На основаніи представленныхъ нами соображеній вопросъ о томъ, гдѣ были провинціальные центры, сводится на слѣдующій: какіе города въ то время могли считаться имѣющими для торговли значеніе? Чѣмъ важнѣе городъ въ торговомъ отношеніи, тѣмъ болѣе выгоды для торговаго общества этого города въ томъ, чтобы правительство менѣе вмѣшивалось въ его дѣла и управленіе—чѣмъ болѣе свободы, тѣмъ болѣе условій для преуспѣянія торговли и промышленности; поэтому весьма естественно, что съ самаго того времени, когда нашимъ общественнымъ элементамъ было впервые предоставлено право освобождаться изъ-подъ власти правительственныхъ агентовъ, т.-е. со второй половины XVI вѣка, города болѣе значительные старались воспользоваться этою льготой, и въ нихъ образовалось общественное самоуправленіе въ лицѣ *излюбленныхъ головъ и старостъ*. Какіе были эти города, не знаемъ, но весьма возможно предположить, что они послужили готовыми единицами и для провинціальныхъ центровъ 1699 года,—на нихъ и остановилось усмотрѣніе общества.

---

[12]) А именно—лишь тогда, когда „зачѣмъ указу чинить будетъ не можно“.

[13]) „...къ Великому Новугороду, ко Пскову и къ Астрахани, *и къ инымъ такимъ городамъ*“, т.-е. и къ другимъ городамъ, подобнымъ имъ по значенію. Вотъ какъ касается указъ 27 октября вопроса о дѣленіи на провинціи и о провинціальныхъ центрахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что реформы Петра В. относительно общественныхъ элементовъ касались преимущественно торговаго класса, въ нихъ явственнѣе обозначались признаки окончательнаго выдѣленія городскаго сословія въ особую корпорацію, процессъ, начавшійся еще въ XVII вѣкѣ. Но изъ послѣдующихъ указовъ видно, что на этомъ дѣло не остановилось: первоначальное узкое пониманіе общества какъ бы расширяется, и реформы, какъ оказывается, не были исключительно предназначены для упомянутаго слоя общества; такъ въ 1702 году даже въ той сферѣ, которая принадлежала воеводамъ, власть этихъ послѣднихъ была ограничена выборными дворянскими совѣтами, съ чѣмъ мы еще встрѣтимся въ этой книгѣ. Но всѣ эти мѣры, унаслѣдованныя отъ XVII вѣка и развиваемыя въ XVIII, не могли имѣть для нашего общества созидающаго значенія, въ немъ была утрачена всякая самобытность, замолкла жизненная сила, и при Петрѣ В. оно подверглось еще худшей участи, нежели въ XVII вѣкѣ, такъ какъ усилившаяся централизація управленія и потребности эпохи еще болѣе, нежели въ XVII вѣкѣ, усилили интересы государственные въ ущербъ интересамъ общественнымъ и подчинили общество всецѣло казенной администраціи, что само собою уяснится изъ послѣдующихъ очерковъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА I.

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНІЕ.

Древняя русская область развилась исторически. Множество областныхъ единицъ существовали независимо другъ отъ друга, каждая имѣла свои органы для управленія. Это осложнило составъ центральной власти и при отсутствіи всякой опредѣленности, т.-е. общихъ началъ въ смыслѣ правительственномъ, мѣшало разграниченію отдѣльныхъ вѣдомствъ и затрудняло сношенія центральной власти съ органами областнаго управленія. При подобныхъ условіяхъ невозможна была энергическая правительственная дѣятельность, необходимая для многосторонней реформы Петра В.: послѣдняя предполагала область не бытовую, а искусственную, учрежденную самимъ правительствомъ для его цѣлей, — область, съ которой сношенія центральной власти были бы наиболѣе облегчены, въ которой предписанія исполнялись бы быстрѣе, при чемъ контроль надъ дѣйствіемъ областныхъ правителей и отвѣтственность послѣднихъ приняли бы болѣе широкіе размѣры, сдѣлались бы возможнѣе и строже.

Такова цѣль новаго областнаго дѣленія Петра В., измѣнившаго прежнюю бытовую область въ административную. Первую попытку раздѣленія Россіи на такія единицы должно отнести къ 1707 году, когда предписано было всѣ города, отстоящіе далѣе 100 верстъ отъ Москвы, для удобства управленія ими, росписать на слѣдующіе пять округовъ: къ Кіеву, Смоленску, Азову, Казани и Архангельску [1]). Что же касается до городовъ въ 100 верстахъ отъ Москвы, то изъ нѣкоторыхъ узаконеній явствуетъ, что они были соединены въ административномъ отношеніи съ Москвой [2]).

Какъ были распредѣлены эти округа, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было указаній, рѣшить нельзя; что же касается до управленія въ нихъ, то мы, кажется, имѣемъ право предположить, что оно осталось прежнимъ, т.-е. со времени общественныхъ реформъ 1699 года.

Имѣя характеръ предуготовительной, кратковременной мѣры, эти округа не были еще извѣстны подъ названіемъ *губерній*, хотя терминъ «губернія» встрѣчается еще раньше, а именно въ 1706 году, когда была образована Ингерманландская губернія, предупредившая, такимъ обра-

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ № 2.176. — [2]) Тамъ же № 2.217.

зомъ, всѣ остальныя [3]). Равнымъ образомъ, терминъ «губернаторъ» встрѣчается ранѣе оффиціальнаго учрежденія, о чемъ будетъ сказано ниже. Болѣе серіозная, какъ по сущности, такъ и по продолжительности, попытка принадлежитъ концу 1708 года: именнымъ указомъ 18 декабря этого года Россія раздѣлена была на восемь губерній, къ которымъ и росписаны всѣ города [4]). Однимъ изъ основаній этого дѣленія послужила, какъ видно изъ текста указа, бо́льшая или меньшая близость того или другаго города отъ *назначеннаго* областнаго центра, т.-е. *губернскаго города*, въ которомъ сосредоточено управленіе. Начала управленія областью, какъ административною единицей, обозначены довольно ясно въ актѣ учрежденія и послѣдующихъ указахъ; впрочемъ развитіе этихъ началъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ нашей исторіи, а здѣсь, такъ сказать, лишь положенъ краеугольный камень.

Обозначимъ эти начала въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Область, губернія—есть административная единица, состоящая изъ административнаго центра, губернскаго города и подчиненныхъ ему, или *приписанныхъ*, городовъ.

2) Каждый городъ въ области имѣетъ свой районъ, по отношенію къ которому является частнымъ центромъ. Такой-же районъ имѣетъ и губернскій городъ: слѣдовательно, губернскій городъ, кромѣ значенія общаго для всей области центра, имѣетъ еще значеніе центра частнаго по отношенію къ своему спеціальному району (дѣленіе губерніи на уѣзды).

3) Губернія снабжена однимъ главнымъ правителемъ, вѣдомство

---

[3]) Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Стрѣшневу, относящихся къ 1706 году, Петръ повелѣваетъ ему приписать къ губерніи *Меншикова* Новгородъ, Великія Луки и др. города. Здѣсь губерніей *Меншикова*, очевидно, названы новозавоеванная Лифляндія, Карелія, Ингерманландія и др. страны, губернаторомъ которыхъ еще въ 1702 году былъ назначенъ *Меншиковъ* (Голикова *Дѣянія Петра В.*, т. II, стр. 88 и 285). Слѣдуя Полн. Собр. Зак., профессоръ Неволинъ относитъ этотъ фактъ къ 1703 году; къ этому же году онъ относитъ и первую попытку преобразованій въ мѣстномъ управленіи. Вотъ его слова: „Первое начало преобразованій въ мѣстномъ управленіи можетъ быть отнесено еще къ 1703 году. Ужъ въ этомъ году Меншикову, которому были поручены въ управленіе завоеванные тогда города Ингерманландіи и Эстляндіи со многими другими въ тѣхъ странахъ, усволяется названіе губернатора“ (см. статью его: „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.“, помѣщенную въ Полн. собр. соч. т. VI, стр. 238—245, п. 2). Намъ кажется, что этотъ фактъ должно считать обыкновеннымъ назначеніемъ своего правителя въ области вновь завоеванныя, не придавая ему инаго смысла и, ужъ тѣмъ болѣе не считая его исходною точкой преобразованій въ русскомъ областномъ управленіи: дѣло въ томъ, что до завоеванія этихъ областей Россіей въ нихъ былъ шведскій, а послѣ завоеванія—русскій губернаторъ. Что же касается того, что первое упоминаніе термина *губернія* мы отнесли не къ 1702, а къ 1706 году, то причина этому та, что лишь въ 1706 году въ составъ „губерніи“ вошли русскія области.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 2.218.

котораго распространяется на всю губернію, и нѣсколькими второстепенными, изъ которыхъ каждый завѣдываетъ врученнымъ ему райономъ.

Вотъ тѣ три начала, которыя заключаются въ учрежденіи 1708 года, но они не составляютъ его особенности; скажемъ болѣе—они не составляютъ особенности нашихъ областныхъ учрежденій послѣдующаго времени вообще. Область, въ смыслѣ административной единицы, непремѣнно и вездѣ имѣетъ такой характеръ, т.-е. назначается какой-нибудь центръ, который и становится главой области; остальные же города запечатлѣваются характеромъ подчиненія, который и удерживаютъ, несмотря ни на какую долю самостоятельности, предоставленной имъ. Въ противномъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть того строгаго порядка, безъ котораго трудно достигнуть единообразія въ государственномъ управленіи. Чѣмъ болѣе государство получаетъ перевѣсъ надъ обществомъ и общественные интересы приносятся въ пользу общихъ, государственныхъ, тѣмъ сильнѣе централизація, и, съ этимъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе единообразія въ управленіи, какъ высшемъ, государственномъ, такъ и въ областномъ. Слѣдовательно, сказанное нами объ учрежденіи 1708 года относится ко всякому административному областному дѣленію, составляя его общій типъ, и отличаетъ административную область отъ бытовой. Съ другой стороны, эти начала не были совершенною новостью и въ русскомъ государственномъ управленіи: и прежде правительство учреждало время отъ времени административныя областныя единицы, стремясь къ уменьшенію пестроты бытоваго дѣленія. Разница въ томъ, что эти административныя единицы были чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ бытовому происхожденію области и, сливаясь съ послѣднею, утрачивали иногда свое значеніе. Такъ Новгородскія пятины или, въ другихъ областяхъ, трети и четти съ теченіемъ времени совершенно утратили значеніе административныхъ округовъ; даже относительно дѣленія на трети и четти нельзя опредѣлить съ какою цѣлью оно было сдѣлано [5]). Въ учрежденіяхъ же 1708 года эти начала сдѣлались руководящими и составили плоть и кровь новой, искусственной областной единицы; кромѣ того, къ нимъ здѣсь примѣшиваются новыя начала, находящіяся пока въ зародышѣ, развитіе котораго принадлежитъ позднѣйшимъ преобразованіямъ, закончившимся, какъ извѣстно, въ главныхъ чертахъ, въ 1775 году.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что учрежденіе 1708 года составляетъ какъ-бы переходъ отъ допетровской областной администраціи, въ которой главнымъ образомъ сказывались бытовыя свойства области, къ той строго административной эпохѣ жизни послѣдней, которая продолжается до сихъ поръ и носитъ названіе губернскаго управленія. Разсмотримъ теперь, какъ были приложены выставленныя три начала къ областному дѣленію 1708 года, при чемъ уяснится переходный характеръ всего учрежденія.

---

[5]) См. Чичерина „Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“ 1856 г., стр. 68 и слѣд.

Указомъ 18 декабря Россія раздѣлена на слѣдующія восемь губерній: Московскую, Ингерманландскую, которая въ 1710 году была переименована въ Санктпетербургскую [6]), Кіевскую, Смоленскую, Казанскую Азовскую, Архангелогородскую и Сибирскую. Если обратимся къ самому акту учрежденія, то увидимъ, что это скорѣе программа, нежели учрежденіе: въ немъ только намѣчены областные центры и перечислены города, росписанные къ нимъ; все остальное какъ бы предоставлено практикѣ и времени. Однимъ изъ основаній росписанія послужила близость городовъ отъ назначеннаго центра. Въ слѣдствіе этого города росписаны крайне неравномѣрно, а именно: въ Московской губерніи, включая Москву, 39 городовъ, изъ которыхъ ближайшій къ губернскому Звенигородъ (40 верстъ), а самый дальній Любимъ (330 верстъ); въ Ингерманландской, кромѣ Петербурга, Ямбурга и Копорья (города Ямбургъ и Копорье отданы, какъ говоритъ указъ, *во владѣніе* князю Меншикову), 29 городовъ; въ Кіевской, включая и Кіевъ, 36; кромѣ этого къ Кіевской губерніи причислены: а) изъ азовскаго округа по большей близости къ Кіеву, нежели къ Азову, 16 городовъ, изъ которыхъ ближайшій къ Кіеву—Ливны (54 в.), а отдаленнѣйшій—Старый Осколъ (420 в.); б) изъ смоленскаго округа—Трубчевскъ, Бѣлевъ и Болховъ, итого въ Кіевской губ. 52 города; въ Смоленской, включая Смоленскъ, а равно и приписанный изъ Кіевской губ., взамѣнъ Трубчевска, Одоевъ. 17 городовъ; въ Архангелогородской съ Архангельскомъ 20, въ Казанской, включая Казань и пригороды, приписанные къ Казани, Астрахани и Уфѣ, городки, построенные на дворцовыхъ земляхъ, и Пензу, приписанную изъ азовскаго округа, 71 городъ; въ Азовской вмѣстѣ съ Азовымъ, саранскими и инсарскими городками и приписанными изъ Кіевскаго округа, 52 города, наконецъ, въ Сибирской, включая Тобольскъ, который и прежде былъ областнымъ городомъ Сибири [7]) и въ 1708 г. сдѣланъ центромъ этой губерніи, 30 городовъ. Впрочемъ, начало близости не вездѣ послѣдовательно проведено: такъ Бѣлевъ и Болховъ гораздо ближе къ Смоленску, нежели къ Кіеву [8]). Для объясненія этого можно воспользоваться мнѣніемъ профессора Неволина, утверждавшаго что основаніемъ для распредѣленія городовъ по губерніямъ служило сколько разстояніе ихъ отъ главныхъ городовъ, столько и существовавшая уже правительственная связь между ними [9]).

---

[6]) Голиковъ, т. VI, стр. 299.

[7]) „А началной городъ въ Сибири зовется Тоболескъ“ (Котошихинъ, изд. 2. С.-Петерб. 1858 г. Гл. XVII, ст. 7, стр. 76). Подобное же извѣстіе о старинномъ значеніи Тобольска встрѣчаемъ въ журналѣ иностранца Эбергарда Избраннедеса, бывшаго въ Сибири въ 1692 г.: „Тобольскъ столичный городъ всей Сибири и губерніи Сибирской“ (Древн. Росс. Вивліоѳика, т. VIII, стр. 376).

[8]) Бѣлевъ отъ Смоленска 490 в., а отъ Кіева—730; Болховъ отъ Смоленска 490 в., отъ Кіева—600. См. Ук. 18 декабря.

[9]) Образованіе управл., стр. 240.

Пространства различныхъ губерній были также крайне неравномѣрны; для примѣра возьмемъ maximum и minimum дѣленія. Самая меньшая изъ всѣхъ губерній — Смоленская: пространство ея было немногимъ больше современнаго; самая же большая—Сибирская: она обнимала: въ Азіи все пространство нынѣшней Сибири отъ Тобольской губерніи до Якутской Области включительно, а въ Европѣ — Вятскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи. Такое дѣленіе не могло быть удовлетворительнымъ и требовало позднѣйшихъ поправокъ; дѣйствительно, въ слѣдующіе годы встрѣчаются образованіе и выдѣленіе новыхъ областныхъ единицъ, но при этомъ вниманіе законодателя было обращено только на Европейскую Россію, Сибирская же губернія, самая обширная, оставлена была безъ измѣненій до 1719 г.

Примѣръ образованія новой областной единицы встрѣчается въ 1713 г., когда была образована новая Рижская губернія, въ составъ которой вошла Смоленская [10]). Выдѣленіе новыхъ губерній изъ прежнихъ началось въ 1714 г. именнымъ указомъ отъ 26 января этого года: изъ района Казанской губерніи выдѣлена была Нижегородская, къ которой были отнесены слѣдующіе города: Нижній, Алатырь, Балахна, Муромъ, Арзамасъ, Гороховецъ, Юрьевъ-Польскій, Курмышъ, Василь и Ядринъ [11]). Эта новая губернія существовала до конца 1717 г., когда была снова соединена съ Казанской, а какъ бы на мѣсто ея, изъ послѣдней выдѣлена Астраханская съ слѣдующими городами: Симбирскомъ, Самарой, Сызранью, Кашпиремъ, Саратовомъ, Петровскомъ, Царицынымъ, Черным Яромъ, Краснымъ Яромъ, Гурьевымъ на Яикѣ и Теркомъ [12]).

Кромѣ того, происходили частныя измѣненія въ видахъ частныхъ потребностей управленія, опредѣляемыя не закономъ, а такъ сказать административнымъ порядкомъ. Такъ, Касимовъ и Елатьма, приписанные по учрежденію 1708 г. къ Казанской губерніи, въ 1711 г. находились въ одномъ управленіи съ Азовскою губерніей, и ландрихтеръ Кикинъ изъ нихъ распоряжался азовскими дѣлами [13]). Равнымъ образомъ, по тому же учрежденію—Шацкъ, оба Ломовы (Верхній и Нижній) и Козловъ приписаны къ Азовской губерніи, между тѣмъ въ 1711 г. справка о количествѣ руги на Чернѣевъ монастырь, Шацкаго уѣзда, и на церкви

---

[10]) Именные ук. 28 іюля 1713 г. и 26 іюня 1714 г. Полн. Собр. Зак. №№ 2.703 и 2.831.

[11]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 513, л. 22.

[12]) Тамъ-же, кн. 91, л. 1 и слѣд.; см. также Полн. Собр. Зак. №№ 3.119, 3.727 и 3.374.

[13]) Доношеніе Сенату изъ Елатьмы отъ 28 іюня 1711 г. о томъ, что по сенатскому указу, объ укрывающихся отъ службы, слѣд. три лица подвергнуты тюремному заключенію: Губаревъ и кн. Кугушевъ—въ Касимовѣ, а Михаилъ Борноволокъ—въ Кадомѣ. Подпись Кикина. На это доношеніе послѣдовалъ указъ Прав. Сената *азовскому губернатору, адмиралу Апраксину*, объ освобожденіи ихъ и объ отсылкѣ въ бѣлгородскій полкъ (Арх. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2, л. 376 и 451).

остальныхъ трехъ городовъ дѣлается въ Московской губернской канцеляріи, несмотря на то, что эта руга никогда не производилась изъ московскихъ доходовъ [14]). Кромѣ того, изъ одного подлиннаго сенатскаго дѣла 1713 г. видно, что Орелъ, приписанный по учрежденію 1708 г. къ Кіевской губерніи, въ этомъ году принадлежалъ Смоленской, а Одоевъ, тогда же приписанный къ Смоленской губерніи, отнесенъ къ Воронежской провинціи [15]). Когда и по какому случаю были сдѣланы эти измѣненія, и долго ли они продолжали существовать, ни откуда не видно.

Существованіе уѣздовъ безспорно и, кромѣ того, фактически доказывается существованіемъ второстепенныхъ правителей и органовъ управленія, что въ послѣдующемъ изложеніи уяснится само собою. Областные центры, какъ объяснено выше, имѣли подобно приписаннымъ городамъ свои уѣзды. Достаточно для оправданія этой мысли привести слѣдующіе примѣры: первый изъ нихъ относится къ 1714 г., а именно— заключается въ указѣ 8 декабря, которымъ опредѣленъ порядокъ аппелляціи по гражданскимъ дѣламъ: тамъ предписано вчинать иски въ первой степени правителямъ городовъ, въ числѣ которыхъ упомянуты и губернаторы [16]). Ясно, что губернаторы здѣсь упоминаются въ смыслѣ начальниковъ не губерній, а губернскихъ городовъ съ ихъ уѣздами. Второй примѣръ находится въ указѣ 8 февраля 1716 г., по силѣ котораго епархіальные начальники, духовные судьи и поповскіе старосты должны были подавать росписаніе лицъ не бывавшихъ на исповѣди и у св. причастія въ губернскихъ городахъ—губернаторамъ, а въ уѣздахъ—ландратамъ: «а имъ губернаторамъ и ландратамъ на тѣхъ людей класть штрафы» [17]), т.-е. губернаторы въ этомъ случаѣ налагаютъ штрафы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ландраты, уѣздные начальники. Наконецъ, третій примѣръ находится въ двухъ указахъ 13 февраля 1718 г. [18]). Обращая вниманіе на все, что можетъ служить на пользу науки и просвѣщенія, Петръ повелѣлъ всѣхъ уродцевъ изъ царства животныхъ и другія необыкновенныя вещи, гдѣ бы то ни было найденныя, представлять въ уѣздныхъ городахъ—комендантамъ, а въ губернскихъ—губернаторамъ, за что тѣ или другіе должны были выдавать положенное вознагражденіе.

Управленіе такими огромными областями, какими были нѣкоторыя губерніи 1708 г., не могло ограничиваться губернскимъ и уѣзднымъ; между *губерніей* и *уѣздомъ* должно было стоять еще посредствующее дѣленіе, *провинціальное*. Какъ извѣстно, оффиціальнымъ образомъ дѣленіе губерній на провинціи было учреждено въ 1719 г. [19]), но и въ описываемомъ періодѣ оно существовало. Такъ, въ 1711 и послѣдующихъ годахъ упоминается Ярославская провинція, принадлежавшая Петербургской губерніи; говорится, что въ ней было 7 городовъ [20]), а въ одномъ

---

[14]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 2, л. 473. — [15]) Тамъ же, кн. 21, л. 1.356.

[16]) Полн. Собр. Зак. № 2.865. — [17]) Тамъ же № 2.991. — [18]) Тамъ же №№ 3.159, 3.160. — [19]) Тамъ же № 3.380.

[20]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 1-я, л. 287, 2-я, л. 370, 487, и др. Полн. Собр. Зак. №№ 2.326, 2.355, 2.422.

изъ указовъ 1712 г. нѣкоторые изъ этихъ семи городовъ поименованы [21]). Но указаніями на Ярославскую провинцію дѣло не ограничивается: есть указанія болѣе или менѣе подробныя и на другія провинціи. Изъ одного суднаго дѣла, производившагося въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ февралѣ 1712 г., мы узнаемъ о существованіи въ Московской губерніи Серпуховской провинціи, къ которой въ порядкѣ управленія принадлежалъ городъ Алексинъ [22]). Въ другомъ актѣ, относящемся къ тому же времени, переименованы еще нѣкоторыя провинціи той же губерніи и другихъ. Въ февралѣ 1712 г. для высылки въ Сенатъ лишнихъ подьячихъ посланы служилые люди (царедворцы) въ Московскую, Казанскую и Азовскую губерніи; эти служилые люди были командированы по провинціямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо поименованы. Оказывается, что въ Московской губерніи было, кромѣ названной выше, шесть провинцій: Владимірская, Ростовская, Звенигородская, Калужская, Костромская и Каширская, а въ остальныхъ двухъ губерніяхъ по двѣ, имена которыхъ не обозначены [23]). Впрочемъ изъ иныхъ источниковъ извѣстны имена двухъ провинцій Азовской губерніи: Воронежской, которая весьма часто упоминается въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ, образовавшейся, какъ будетъ видно ниже, еще въ 1708 году, и Тамбовской [24]). Въ другомъ актѣ есть подробное указаніе на то, что въ Кіевской губерніи было десять провинцій, а именно: Сѣвская, Бѣлгородская, Курская, Брянская, Карачевская, Бѣлевская, Орловская, Обоянская, Старооскольская и Ливенская [25]). Наконецъ, мы уже видѣли, что въ 1717 г. Нижегородская губернія была соединена съ Казанскою *подъ однимъ управленіемъ*. Ясно, что при такомъ условіи она не могла сохранить значенія губерніи, это было бы своего рода status in statu, а была включена въ Казанскую въ качествѣ провинціи. Смоленская вошла въ 1713 году въ округъ Рижской тоже въ качествѣ провинціи, а въ учрежденіи 1719 года даже офиціально названа этимъ именемъ [26]). Указы того времени нерѣдко провинціи называютъ губерніями, что при обычномъ въ то время смѣшеніи понятій весьма естественно; такъ въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ Воронежская провинція постоянно носитъ названіе губерніи [27]). Это заставило профессора Неволина сказать: «въ то же время (въ 1711 г.) *въ числѣ губерній поименовывается Воронежская*» [28]). Мы не считаемъ себя въ правѣ причислить Воронежскій округъ къ губерніямъ, ибо до 1719 года не только въ Полномъ Собраніи, но и въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ нѣтъ ни прямаго, ни косвеннаго указанія на выдѣленіе его изъ

---

[21]) (Тверь, Торжокъ). См. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 10, л. 702.

[22]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Судн. Прик., вязка 766, № 2, л. 2 и 3.

[23]) Ibid. Дѣла Сен., кн. 9, л. 455. — [24]) Тамъ же, кн. 96, л. 563 и слѣд.

[25]) Вѣдѣніе изъ Кіевской губ. отъ 1 августа 1718 г. о жалованьѣ. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 111-я, л. 198, 205. — [26]) Полн. Собр. Зак. № 3.380.

[27]) То же встрѣчается и въ Полн. Собр. Зак. № 2.342. — [28]) Образ. Управ., стр. 242.

Азовской губерніи; мы называемъ его провинціей тѣмъ болѣе, что и въ 1719 году онъ не сдѣланъ губерніей, а остался провинціей той же губерніи.

Итакъ дѣленіе на провинціи существовало до 1719 г. Образованіе этихъ посредствующихъ единицъ, по всей вѣроятности, происходило административнымъ порядкомъ, такъ какъ до 1719 г. мы не встрѣчаемъ почти ни одного примѣра, чтобы провинціи гдѣ-либо были учреждаемы закономъ, т.-е. именнымъ указомъ, или хоть оффиціальнымъ правительственнымъ распоряженіемъ, т.-е. сенатскимъ указомъ, но, вѣроятно, при образованіи провинціи пользовались уже готовыми провинціальными единицами, т.-е. провинціями 1699 г., учрежденными, какъ извѣстно, для торговыхъ цѣлей.

Въ концѣ 1710 г. введено было новое областное дѣленіе, по значенію равное уѣзду: это такъ-называемыя *доли*, изъ которыхъ каждая имѣла 5.536 дворовъ обывателей [29]). Это росписаніе губерній на доли имѣло преимущественно финансовое значеніе, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесло новыя начала и въ систему областнаго управленія вообще [30]). Кромѣ того, было еще дѣленіе *на разряды*, или *полки*, напр. Бѣлгородскій, Новгородскій полки, и т. п. Это дѣленіе, очевидно, остатокъ древней Руси и имѣло спеціальный военно-служебный характеръ [31]). Впрочемъ, выше мы видѣли, что въ Кіевской губерніи была Бѣлгородская *провинція*. Очень возможно, что древнее дѣленіе *на полки* совпадало съ новымъ *на провинціи*.

Таково было областное дѣленіе 1708 и слѣдующихъ годовъ (по 1719). Въ составѣ его встрѣчаются примѣры особаго дѣленія, въ основаніе котораго положены были не общія правительственныя соображенія, а частныя—по роду дѣлъ. Это—приписка нѣкоторыхъ городовъ ко флоту: доходы съ этихъ городовъ главнымъ образомъ употреблялись на кораблестроеніе, и съ нихъ по преимуществу набирались работники для верфей. Еще въ 1708 г. въ Азовской губерніи 24 города были приписаны къ Воронежской верфи [32]), и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Воронежемъ составили особую провинцію. Затѣмъ въ 1712 г. къ Адмиралтейству «для всякія корабельныя работы» были приписаны еще слѣдующіе города и волости: въ Петербургской губерніи Олонецъ, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна Желѣзопольская, въ Новгородскомъ уѣздѣ волость Сермаксъ,

---

[29]) Табель 14 октября. Полн. Собр. Зак. № 2.305.

[30]) Управленіе долей тѣсно связано съ ландратами: поэтому, говоря о ландратахъ, мы подробнѣе разовьемъ и эту мысль.

[31]) Чичеринъ: „Обл. учрежденія“, стр. 60 и слѣд.

[32]) Въ Азовской губерніи города, приписанные къ корабельнымъ дѣламъ: Воронежъ, Коротоякъ, Острогожскъ, Олшанскъ, Костянскъ, Землянскъ, Орловъ, Усмань, Демшинскъ, Бѣлоколодской, Романовъ въ степи, Соколскъ, Доброе Городище, Ряской, Скопинъ, Лебедянь, Ефремовъ, Данковъ, Елецъ, Усердъ, Чернь, Талицкой, Урывъ, Сапожокъ, Битюцкія села. Полн. Собр. Зак. № 2.218.

въ Архангелогородской губерніи дворцовая волость Чаронда [33]). Это особое дѣленіе было въ послѣдствіи измѣнено: въ росписи городовъ, приписанныхъ къ флоту, относящейся къ началу 1719 г., есть упоминаніе о Сомерскихъ, или Сумерскихъ, погостахъ Новгородскаго уѣзда [34]) и о Чамеровской волости Архангелогородской губерніи, волости же Сермаксъ и Чаронда не упоминаются [35]). Приписаніе городовъ и волостей къ флоту имѣло преимущественно значеніе для этого рода дѣлъ, но оно оказывало то же вліяніе и на общій строй областнаго управленія, что̀ будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что учрежденіе 1708 года было только программой административнаго *областнаго раздѣленія* Россіи. Во все время его существованія идутъ частныя измѣненія, поправки и учрежденія, которыя совершаются то закономъ, то путемъ одной практики, пока, наконецъ, новыя областныя начала не выразились въ учрежденіи 1719 г., составляющемъ новый періодъ въ исторіи русскаго областнаго управленія.

Итакъ учрежденіе 1708 г. было только попыткой измѣнить бытовую область въ административную, переходомъ отъ областныхъ учрежденій XVII вѣка къ губернскому управленію, а неопредѣленность самой его редакціи показываетъ, что и самъ законодатель смотрѣлъ на него, какъ на попытку, и не придавалъ ему иного значенія, кромѣ переходнаго [36]).

—

Главными областными правителями были генералъ-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы; второстепенными же, т.-е. управлявшими извѣстною частью губерніи, уѣздомъ, долей или провинціей, подъ начальствомъ первыхъ, — оберъ-коменданты и коменданты, ландраты, вице-губернаторы, а иногда и ландрихтеры.

Областныя учрежденія 1708 г. были не сразу введены въ дѣйствіе: новость дѣла требовала ознакомленія съ нимъ, и первые областные правители должны были цѣлый годъ присматриваться къ дѣламъ управленія. Для этого въ началѣ 1709 г. повелѣно было старымъ воеводамъ, а равно и бурмистрамъ, изготовить приходо-расходныя и иныя книги, которыя и передать новымъ губернаторамъ; равнымъ образомъ имъ предписано было немедленно удовлетворять всякимъ требованіямъ послѣднихъ, относящимся до ознакомленія съ порядкомъ дѣлопроизводства въ приказныхъ и земскихъ палатахъ и избахъ, и давать свѣдѣнія, затребованныя ими; та же обязанность возложена была и на московскіе приказы. Но въ продолженіе всего 1709 года областное управленіе ос-

---

[33]) Им. ук. 6 іюня, Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 16, л. 449.

[34]) О Сумерской волости см. Чичерина „Обл. учр.“, стр. 60, примѣч.

[35]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен. по Военной Коллегіи за 1719 годъ, кн. 5-я, л. 6—25. — [36]) Ср. указан. статью проф. Неволина.

тавалось на прежнихъ основаніяхъ, и новое учрежденіе было введено въ дѣйствіе только съ 1710 года [37]).

Примѣчаніе. По поводу этого распоряженія о введеніи въ дѣйствіе новаго областнаго учрежденія, извѣстный *прибыльщикъ* Курбатовъ, бывшій въ 1709 году инспекторомъ Ратуши, представлялъ Государю свое мнѣніе о невыгодѣ оставлять управленіе въ разныхъ рукахъ, о большей цѣлесообразности передачи его прямо новымъ областнымъ правителямъ съ упраздненіемъ старыхъ. Курбатовъ, очевидно, не понялъ смысла этого распоряженія, что губернаторы въ теченіе 1709 г. должны были не вступаться въ управленіе, а только присматриваться къ нему. Отвѣтъ Государя, бывшаго въ то время въ Воронежѣ и поглощеннаго заботой о войнѣ, изобличаетъ, что и самъ Петръ, благодушно относясь къ поправкамъ и возраженіямъ подданнаго, не смотрѣлъ на новое учрежденіе, какъ на постоянное. Вотъ этотъ отвѣтъ: «всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ въ губерніи велѣно только сей настоящій годъ осмотрѣть и вѣдомости взять; а чтобъ имъ управлять, отнюдь того не велѣно, о чемъ нынѣ дупликатъ посылаю къ воеводѣ (Астраханскому) Апраксину (Петру Матвѣевичу). А что напоминаешь о томъ, что въ разныхъ рукахъ не будетъ лучше, о томъ ужъ мы довольно разсуждали и нынѣшняго порядка не нашли хуже, гдѣ каждому близь 20 отписей надлежитъ взять, то хотя по полушкѣ, и того 5 к. издержать; *къ тому жъ человѣку трудно за очи все разумѣть и править* [38]).

ГЛАВА II.

ГЛАВНЫЕ ОБЛАСТНЫЕ ПРАВИТЕЛИ.

Губернаторъ, въ общемъ значеніи этого слова, былъ начальникъ всей области; отъ него зависѣли всѣ остальные областные правители, завѣдывавшіе извѣстною частью области. Центральная власть по различнымъ вопросамъ сносилась прямо съ губернаторомъ и ужъ черезъ него съ второстепенными правителями; примѣры тому противорѣчащіе сравнительно рѣдки, представляя исключеніе. Отъ губернатора зависитъ движеніе областнаго дѣлопроизводства, соблюденіе интересовъ казны и обывателей, на немъ же лежитъ и полная отвѣтственность по всѣмъ вопросамъ областнаго управленія.

Губернаторы назначались большею частью именными указами, но есть примѣры назначенія и по сенатскому указу: такъ въ 1713 году князь Долгорукій (Алексѣй Григорьевичъ) былъ назначенъ смо-

---

[37]) Полн. Собр. Зак. № 2.227. — [38]) Голиковъ, т. III, стр. 81.

ленскимъ губернаторомъ [1]), но въ такомъ случаѣ указъ былъ издаваемъ въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ и за общей ихъ подписью. Иногда губернаторы назначались не особыми именными указами, а въ актѣ какого-нибудь учрежденія, напр. въ актѣ учрежденія Сената (22 февраля 1711 года) московскимъ губернаторомъ назначенъ извѣстный въ исторіи того времени Ершовъ на мѣсто боярина Стрѣшнева, сдѣланнаго сенаторомъ; равнымъ образомъ, въ учрежденіи Нижегородской губерніи назначенъ первымъ губернаторомъ Измайловъ (Андрей Петровичъ) [2]). Указы о назначеніи новаго губернатора посылались лицу назначенному и сообщались для вѣдома въ приказы: такъ было въ 1712 году при назначеніи Ромодановскаго (Михаила Григорьевича) московскимъ губернаторомъ [3]), впрочемъ такой порядокъ не былъ постояннымъ, и другія назначенія сообщаются только лицу назначаемому и тѣмъ лишь лицамъ, до которыхъ это назначеніе близко касалось, напр. при выдѣленіи новой губерніи указы объ этомъ и назначеніи новаго губернатора посылались къ начальникамъ той губерніи, откуда произведено выдѣленіе [4]). Напротивъ, для смѣны не посылалось особыхъ указовъ, ибо фактъ смѣны самъ по себѣ подразумѣвается при новомъ назначеніи: такъ, назначеніе въ 1711 году въ Архангелогородскую губернію Курбатова было въ то же время и смѣной прежняго губернатора Голицына (Петра Алексѣевича), или назначеніе въ 1713 г. того же Голицына рижскимъ губернаторомъ было также смѣной прежняго смоленскаго губернатора Долгорукова, замѣстившаго въ мартѣ того же года Салтыкова (Петра Самойловича) [5]). Равнымъ образомъ, смѣна происходила путемъ назначенія губернатора на новую должность, съ которой была несовмѣстна губернаторская; такъ напр. назначеніе въ 1713 г. Апраксина (Петра Матвѣевича), а въ 1711 г. Стрѣшнева сенаторами было въ то же время и смѣной ихъ съ должностей губернаторовъ; или же смѣна была слѣдствіемъ такого обстоятельства, при существованіи котораго нельзя было оставаться губернаторомъ, напр. отдачи подъ судъ: такъ въ концѣ 1713 г. Курбатовъ былъ отданъ подъ судъ по обвиненію его архангельскимъ оберъ-коммиссаромъ, Дмитріемъ Соловьевымъ. Ясно, что, будучи подъ судомъ, онъ не могъ уже быть губернаторомъ, и дѣйствительно, въ январѣ 1714 года Архангелогородскою губерніей *вмѣсто него* велѣно было *временно* управлять кн. Гагарину (Василью Ивановичу), бывшему прежде сибирскимъ при Сенатѣ коммиссаромъ [6]). Но иногда о смѣнѣ прежняго губернатора говорилось въ указѣ о назначеніи новаго: такъ въ указѣ 16 марта 1713 г. читаемъ: «въ Смоленской губерніи на мѣсто

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 21, л. 1.785. — [2]) Тамъ же, кн. 513, л. 22. — [3]) Тамъ же, кн. 9, л. 367.

[4]) Смотри примѣры выдѣленія, указанные въ 1-й главѣ.

[5]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 21, л. 1.785, кн. 22, л. 261.

[6]) Тамъ-же, кн. 25, л. 1-й.

ближняго боярина и губернатора Петра Самойловича Салтыкова быть губернаторомъ князю Алексѣю княжъ Григорьеву сыну Долгорукову;» такимъ образомъ, смѣна не предвидѣлась при назначеніи, а была отдѣльными случаями; другими словами, *губернаторская должность была безсрочна.*

Интересно остановиться на вопросѣ: какъ и когда были назначены первые губернаторы.

Ни въ указѣ 18 декабря, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ предшествующихъ ему, никакихъ назначеній не было; между тѣмъ Голиковъ представляетъ перечень первыхъ губернаторовъ, не упоминая, впрочемъ, когда и какимъ образомъ назначеніе произошло [7]).

Перечень, помѣщенный Голиковымъ, слѣдующій: «въ Московской губерніи Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ; въ Ингерманландской, переименованной въ 1710 г. въ С.-Петербургскую, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, въ Кіевской стольникъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ; въ Смоленской бояринъ Петръ Самойловичъ Салтыковъ; въ Архангелогородской стольникъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ; въ Казанской Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ; въ Азовской генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ; въ Сибирской московской комендантъ и генералъ-президентъ Сибирской провинціи судья кн. Матвѣй Петровичъ Гагаринъ. Впрочемъ, основываясь на указаніяхъ того же автора, можно утверждать, что нѣкоторые изъ нихъ были назначены за нѣсколько времени до оффиціальнаго учрежденія губерній; такъ какъ мы ужь выше видѣли, что къ губерніи Меншикова въ 1706 г. были присоединены и русскія области, слѣдовательно, онъ сдѣлался съ этихъ поръ губернаторомъ въ смыслѣ 1708 г.; кромѣ того, Салтыковъ былъ *смоленскимъ губернаторомъ* также еще въ 1706 г. [8]); равнымъ образомъ, на основаніи свидѣтельства того же автора, Казань и Астрахань еще ранѣе, а именно въ 1705 г., управлялись однимъ лицомъ, которое титуловалось *губернаторомъ*: это былъ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ [9]). Если по отношенію къ послѣднему свидѣтельству и допустимъ, что авторъ, живя въ вѣкъ Екатерины В., настолько привыкъ къ современному ему порядку губернскаго управленія, что областнымъ правителямъ прежней эпохи даетъ названіе губернаторовъ невѣрно, тѣмъ болѣе, что отъ такого бытописца нельзя требовать точности въ выраженіяхъ, то, тѣмъ не менѣе, самый фактъ, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ, оправдываетъ наименованіе Голицына губернаторомъ: вопервыхъ, соединеніе Казани и Астрахани подъ однимъ управленіемъ напоминаетъ эпоху губерній 1708 г. и было, по всей вѣроятности, однимъ изъ фактовъ перехода отъ областнаго управленія XVII вѣка къ этой эпохѣ; вовторыхъ, центральная власть трактуетъ Голицына какъ главнаго правителя цѣлаго края: такъ царь

---

[7]) Дѣянія Петра В., т. VI, стр. 299 и слѣд.

[8]) Голиковъ, т. II, стр. 230. — [9]) Тамъ же, стр. 203.

поручаетъ ему наградить царицынскаго воеводу и Царицынцевъ за вѣрность [10]), что также ближе подходитъ къ типу губернаторскаго, нежели воеводскаго управленія. Изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, что и до учрежденія 1708 г. были назначенія губернаторовъ, которыя, по всей вѣроятности, происходили тѣмъ же путемъ именныхъ указовъ, какъ это видно на примѣрѣ Меншикова. Что касается до времени назначенія, то, очевидно, послѣднее произошло до изданія указа 18 декабря, въ которомъ ничего о томъ не сказано, но когда именно, за отсутствіемъ данныхъ, рѣшить нельзя.

Получивъ именной указъ о своемъ назначеніи, губернаторъ ѣхалъ на мѣсто, гдѣ отъ своего предшественника принималъ дѣла и вступалъ въ должность. Если прежній губернаторъ во время назначенія новаго находился внѣ губерніи, то посылалъ въ послѣднюю послушные указы, которые такимъ образомъ предваряли пріѣздъ туда смѣнившаго его лица; такъ весной 1719 г. казанскій губернаторъ Салтыковъ (П. С.) находился въ Москвѣ, въ это время произошло назначеніе въ Казань новаго губернатора. Вотъ какъ доноситъ Салтыковъ о своемъ образѣ дѣйствія по этому случаю:

«Въ нынѣшнемъ 719 г. апрѣля въ 10 день въ его Великого Государя указѣ изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената въ Казанскую губернію ко мнѣ писано: Великій Государь указалъ по Именному Своему В. Государя указу генералу отъ кавалеріи князь Никитѣ Ивановичу Рѣпнину быть Рижскимъ, а изъ Риги князь Петру Алексѣевичу Голицыну быть губераторомъ въ Казанской губерніи *и всякое управленіе ему у меня принять*, а сего мая 2 дня получилъ я именной указъ, по которому князь Петру Алексѣевичу Голицыну въ Казанской губерніи губернаторомъ быть не велѣно, а быть боярину Алексѣю Петровичу Салтыкову; *и о послушаніи ему, Салтыкову, въ Казань я писалъ*, и обрѣтающуюся при мнѣ канцелярію (т.-е. походную) со служащими отдалъ» [11]).

Говоря о назначеніи губернаторовъ, смѣнѣ ихъ и вступленіи въ должность, мы не можемъ умолчать, что въ подлинныхъ дѣлахъ намъ встрѣтился одинъ случай древняго *проѣзда*: Курбатовъ, назначенный въ 1711 г. начальникомъ Архангелогородской губерніи, обратился въ Сенатъ съ просьбой о дачѣ ему для проѣзда до Вологды 50 подводъ подъ его людей и скарбъ, на что Сенатъ и отвѣчалъ согласіемъ [12]). Само собою разумѣется, что изъ этого частнаго случая нельзя дѣлать никакихъ общихъ выводовъ, но тотъ фактъ, что Курбатовъ просилъ Сенатъ какъ чего-то принятаго въ практикѣ, указываетъ на то, что высшее правительство продолжало, попрежнему, смотрѣть на проѣзды, какъ на законное право областныхъ правителей, и случаи ихъ были возможны;

---

[10]) Голиковъ, т. II, стр. 203.

[11]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен. по Казанской губ., кн. 1, л. 87.

[12]) Тамъ же, л. 73.

кромѣ того, на это указываетъ существованіе даже и въ наше время такъ-называемыхъ подъемныхъ денегъ, выдаваемыхъ чиновникамъ при отправленіи ихъ на мѣсто службы. Должность губернаторовъ, какъ сказано выше, была безсрочна. Сравнивая ее съ должностью воеводы XVII вѣка, мы видимъ, что это свойство было однимъ изъ отличій ея отъ послѣдней. Дѣйствительно, воеводства были даваемы на опредѣленный срокъ, который уменьшался въ случаяхъ явнаго злоупотребленія властью и иныхъ преступленій воеводъ и увеличивался въ видѣ награды за безпорочную службу: такъ, сибирскимъ воеводамъ за безпорочную службу, а главное—за справедливый и неоплошный сборъ ясака, срокъ увеличивался до 6 лѣтъ [13]). Сроки при назначеніяхъ на воеводства оправдывались съ одной стороны тѣмъ взглядомъ на гражданскую службу, который былъ присущъ не только обществу, но и правительству того времени, а съ другой—стремленіемъ правительства контролировать дѣйствія областныхъ правителей и тѣмъ предупреждать, по возможности, ихъ злоупотребленія [14]).

Въ древней Руси управленіе областями было кормленіемъ: намѣстникъ получалъ область для пользованія доходами съ нея, подъ условіемъ управленія ею [15]). Въ Московскую эпоху нашей исторіи это пользованіе было нѣсколько ограничено запрещеніемъ намѣстникамъ лично или чрезъ своихъ слугъ собирать съ народа кормы и предписаніемъ осуществлять свое право только въ извѣстные сроки въ году; наконецъ, въ началѣ XVII вѣка намѣстники замѣнены воеводами, и оффиціально прежній гражданскій титулъ въ областномъ управленіи долженъ былъ перейти въ государственный: воеводы уже коммиссары Приказовъ, а не кормленщики. Но взглядъ, усвоенный вѣками, не можетъ исчезнуть сразу, онъ долго существовалъ не только de facto, но и de jure, будучи признаваемъ правительствомъ. Обязанностью служилаго сословія считалась только военная служба, гражданская же была главнымъ образомъ средствомъ къ пріобрѣтенію состоянія: въ челобитныхъ о назначеніяхъ на воеводства просились «отпустить покормиться» [16]), и назначенія мотивировались не столько способностями лицъ назначаемыхъ или требованіями государственными и общественными, сколько правомъ просителя или назначаемаго получить выгодное мѣсто, а право это пріобрѣталось прежними службами, ранами и проч. Правительственное признаніе такого взгляда особенно выразилось въ узаконеніяхъ объ отсрочкѣ по исковымъ

---

[13]) Им. ук. 26 декабря 1695 г. П. С. З. № 1.526.

[14]) Обо всемъ этомъ см. Чичерина „Областныя учрежденія», стр. 84—88,

[15]) См. Новолина Исторію Гражд. Зак., т. II, въ полн. собр. его соч., т. IV. стр. 194, Чичерина „Област. учрежд“., стр. 3 и слѣд., Дмитріева „Исторія судебн. инстанцій и граждан. апелляціонн. судопр. отъ Судебника до Учрежд. о губ.“, с. 9—32, 71 и слѣд.

[16]) Чичеринъ, стр. 84. Ср. Соловьева Исторія Россіи, т. XIII, стр. 96 и слѣд.

дѣламъ [17]). Такъ продолжалось до областныхъ реформъ конца XVII и начала XVIII вѣка, когда государственныя начала получили положительный перевѣсъ надъ частными выгодами, но и въ это время прежній взглядъ на гражданскую службу не искоренился въ обществѣ и иногда добросовѣстно исповѣдывался даже лучшими дѣятелями Петра В. Будучи наградами за прежнія службы, назначенія на воеводства должны были равно распредѣляться между претендентами, имѣвшими равныя права. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ претендентовъ было не мало—болѣе числа вакантныхъ мѣстъ; въ виду этой необходимости равномѣрнаго распредѣленія воеводствъ между желавшими получить ихъ и при томъ имѣвшими на то право, освященное обычаемъ или закономъ, и являются *сроки* въ назначеніяхъ. Слѣдовательно, *сроки воеводскихъ должностей вызывались приватнымъ воззрѣніемъ на гражданскую службу, существовавшимъ въ обществѣ и признаваемымъ правительствомъ.* Новые областные правители, губернаторы, сдѣлались уже вполнѣ государственными чиновниками и назначались по личнымъ качествамъ, для пользы службы, а не въ видахъ достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Уже въ 1711 г. встрѣчается примѣръ назначенія въ должность областнаго правителя не только не по просьбѣ лица назначеннаго, но даже вопреки его желанію, на томъ лишь основаніи, что того требовала польза государственная. Мы разумѣемъ назначеніе Курбатова начальникомъ Архангелогородской губерніи изъ болѣе для него выгодной должности инспектора Ратуши [18]). При такомъ совершенномъ юридическомъ уничтоженіи приватнаго взгляда на гражданскую службу, естественно, исчезли и срочныя назначенія: губернаторъ назначается до смѣны, при чемъ и то и другое происходитъ въ силу соображеній государственныхъ.

Съ другой стороны, частыя смѣны при Петрѣ утратили значеніе повѣрки дѣйствій правителей и предотвращенія злоупотребленій: какъ увидимъ ниже, контроль надъ областными правителями получилъ обширные размѣры, и отвѣтственность ихъ за злоупотребленія принимала нерѣдко суровый характеръ. Такимъ образомъ срочныя воеводскія должности представляютъ смѣшеніе государственныхъ началъ съ частными выгодами и цѣлями, а безсрочныя губернаторскія—развитіе этихъ началъ до совершеннаго подавленія частныхъ интересовъ.

Воевода смотрѣлъ на поручаемую его управленію область, какъ на доходную статью; слѣдовательно, онъ не столько заботился объ управленіи ею, сколько о собственной выгодѣ отъ этого. Правительство, раздѣляя такой взглядъ, предписывало воеводамъ разныя правила, которыми опредѣлялись ихъ права и обязанности. Это предписаніе являлось въ формѣ *наказа*, который давался воеводѣ изъ подлежащаго центральнаго вѣдомства, предъ отправленіемъ на мѣсто назначенія [19]). Общаго зако-

[17]) Чичеринъ, тамъ же.

[18]) Соловьева Ист. Россіи, т. XVI, стр. 253 и слѣд.

[19]) Чичеринъ, стр. 88 и слѣд. См. у Соловьева въ XIII т., стр. 98.

нодательства для областнаго управленія не было: при различіи мѣстныхъ условій власть разныхъ воеводъ была далеко не равномѣрна, а чѣмъ обширнѣе власть, тѣмъ возможнѣе произволъ для лица, относящагося къ ней съ точки зрѣнія собственныхъ выгодъ. Отсюда невозможность предписывать всѣмъ воеводамъ одинакія правила для управленія, невозможность общаго всѣмъ наказа; поэтому и общее областное законодательство было немыслимо: оно могло появиться лишь тогда, когда эти разнообразныя отношенія правителей къ области были уравнены въ общей идеѣ служенія государству исключительно для пользы послѣдняго. Вслѣдствіе этого система наказовъ XVI вѣка исчезаетъ съ уничтоженіемъ воеводскаго управленія этого времени; губернаторы управляютъ на основаніи *указовъ*, общеобязательныхъ для всѣхъ областей: каждый областной законъ, въ той или другой формѣ, посылается во всѣ губерніи для исполненія, руководства или свѣдѣнія, и отличается отъ мѣстныхъ; даже терминъ «наказъ» относительно областнаго управленія вообще не встрѣчается до 1719 г., когда былъ изданъ извѣстный наказъ воеводамъ [20]); но этотъ послѣдній, кромѣ названія, представляетъ мало общаго съ воеводскими наказами XVII в.: онъ изданъ былъ для руководства всѣхъ областныхъ правителей, притомъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ [21]). И такъ, *мѣсто воеводскихъ наказовъ въ XVIII в. заняли общія узаконенія и административныя распоряженія.*

Сравнивая, далѣе, степень власти областныхъ правителей XVII и XVIII в., легко усмотрѣть, что въ XVIII в. она была выше.

Какъ и губернаторское, воеводское управленіе было коллегіальнымъ, но это обстоятельство при тогдашней безурядицѣ и неопредѣленности въ отношеніяхъ нерѣдко ослабляло власть воеводъ; товарищи воеводскіе иногда самовольно препятствовали управленію, отказывая воеводѣ въ послушаніи и содѣйствіи [22]); къ тому же, начиная съ половины XVI вѣка, рядомъ съ приказнымъ началомъ выдвигалось общественное, которое болѣе или менѣе ограничивало первое; впрочемъ, чѣмъ ближе къ концу XVII в., тѣмъ общественные элементы были все болѣе и болѣе подавляемы приказною администраціей [23]).

Петръ В., какъ уже сказано выше [24]), началъ свои реформы съ возвышенія общества, но прогрессъ послѣдняго скоро прекратился, и, какъ увидимъ ниже, оно подпало подъ власть губернаторовъ.

---

[20]) Полн. Собр. Зак. № 3.294.

[21]) См. примѣчаніе къ наказу.

[22]) См. примѣры этого, выставленные у Чичерина, стр. 78.

[23]) См. Чичерина, стр. 504 и слѣд., 574 и слѣд., Неволина П. Собр. соч., т. IV, стр. 194, 196. (Истор. Росс. Гражд. Зак.), т. VI, стр. 129, 136 (Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.).

[24]) См. Введеніе.

Соединивъ въ своихъ рукахъ военную, административную и судебную власть, губернаторы сдѣлались единственными представителями областей, которыми они, однакожъ, управляли подобно воеводамъ XVII в. коллегіально: указы и грамоты, которые посылались губернаторамъ отъ центральной власти, содержали въ себѣ обычную формулу: «губернатору съ товарыщи,» но степень власти губернатора, который, какъ увидимъ ниже, былъ и военнымъ начальникомъ края и получилъ болѣе власти надъ «товарищами», второстепенными правителями, была несравненно болѣе власти воеводъ XVII в.: если тогда, при отсутствіи опредѣленности въ отношеніяхъ воеводы къ товарищамъ, были возможные случаи неповиновенія воеводамъ не только послѣднихъ, но и дьяковъ,[25]) то та же неопредѣленность при губернаторахъ могла послужить лишь къ усиленію власти послѣднихъ; это побудило царя ввести въ областное управленіе новую систему коллегіальности, наиболѣе разумную и способную обуздать *губернаторское властительство*. Въ 1713 году введены были *ландратскіе совѣты* при губернаторахъ, въ которыхъ послѣдніе получаютъ значеніе предсѣдателей. Въ указѣ читаемъ: «учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; дѣло ихъ то, что они должны всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному два голоса, а прочимъ по одному.»[26]) Ясно, что введеніемъ этого новаго, хотя, по названію, и чужеземнаго начала, уничтожена совершенно прежняя неопредѣленность въ отношеніяхъ областнаго правителя къ его товарищамъ: здѣсь все рѣшается большинствомъ голосовъ, и въ сомнительныхъ случаяхъ голосъ губернатора, какъ предсѣдателя, рѣшаетъ дѣло, но при этомъ власть губернатора удерживается въ надлежащихъ границахъ, которыя прежде ей можно было преступить. До учрежденія ландратовъ товарищами губернаторовъ были вице-губернаторы; это значеніе они удержали и въ ландратскихъ совѣтахъ; указъ, опредѣляя подробности учрежденія, говоритъ о вице-губернаторахъ, которые находятся *не при губернаторахъ*, т.-е. онъ говоритъ о нихъ, какъ о начальникахъ той или другой части губерніи, но при томъ косвенно признаетъ и положеніе вице-губернаторовъ при губернаторахъ въ качествѣ товарищей послѣднихъ; кромѣ того, это видно изъ примѣровъ, какъ выставленныхъ нѣкоторыми изъ нашихъ писателей, такъ и найденныхъ нами въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ; эти примѣры будутъ нами представлены въ своемъ мѣстѣ.

Обратимся теперь къ вопросу: подъ какими именами были извѣстны главные областные правители 1708 года? Этотъ вопросъ необходимо разрѣшить въ видахъ того, чтобы представить возможно полную картину областнаго управленія этой эпохи, и облегчить будущимъ изслѣ-

---

[25]) См. у Чичерина.

[26]) Им. ук. 24 апр. Полн. Собр. З. № 2.675.

дователямъ путь къ пониманію многихъ относящихся сюда законодательныхъ памятниковъ.

Общее ихъ названіе—губернаторы, но въ частности были и иныя.

1. Начальники губерній, бывшихъ на военномъ положеніи, назывались *генералъ-губернаторами*. Съ этими титулами соединялись важныя должности въ сухопутномъ войскѣ или во флотѣ. Такъ назывались губернаторы Петербургскій и Азовскій, при чемъ первый изъ нихъ (кн. Меншиковъ) былъ въ то же время фельдмаршаломъ, а второй (Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ) адмираломъ. Назначеніе фельдмаршала начальникомъ С.-Петербургской губ. безъ сомнѣнія сдѣлано въ виду необходимости особенной защиты этой губерніи отъ Шведовъ, такъ какъ бо́льшая ея половина была отнята у нихъ; что же касается до назначенія Апраксина Азовскимъ губернаторомъ, то оно, по всей вѣроятности, кромѣ необходимости особой защиты, было вызвано тѣмъ, что въ Азовской губерніи была главная наша корабельная верфь.

Власть генералъ-губернаторовъ, какъ областныхъ правителей, ничѣмъ не отличалась отъ власти губернаторской; они вовсе не имѣли того значенія, которое въ послѣдствіи было имъ придано, т.-е. значенія начальниковъ извѣстнаго числа губерній, изъ которыхъ каждая имѣла своего губернатора. Впрочемъ въ этомъ отношеніи есть примѣръ, на основаніи котораго можно подумать, что и въ то время были такіе губернаторы, власть которыхъ не ограничивалась одною губерніей: встрѣчается наименованіе Кіевскаго губернатора *намѣстникомъ Смоленскимъ*. Въ подлинныхъ дѣлахъ Сената мы нашли два случая такого наименованія; оба они относятся къ 1712 г. а) Доношеніе Сенату сибирскаго оберъ-коменданта, Лошакова, о поставкѣ въ Сѣвскъ слѣдующаго съ этой губерніи за 1711 г. провіанта: «Лѣта 1712 г. генваря въ 9 день, по указу Великаго Государя изъ Киева за подписаніемъ руки Кіевскаго губернатора, *намѣстника Смоленскаго*, князь Дмитрѣя Михайловича Голицына, принято в сѣвскій магазинъ за Сибирскую губернію провіанта в государеву заорленую мѣру и т. д.» [27]). b) Грамота Кіевскаго губернатора ко всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ объ опредѣленіи въ эту губернію фискаловъ, Левшина и Безобразова, отъ 28 октября 1712 г.; приведемъ ея заглавіе. «Его освященнѣйшаго царскаго пресвѣтлаго Величества, Царя и Государя Петра Алексѣевича, Самодержца Всероссійскаго и пр., Кіевскій губернаторъ і *намѣсникъ Смоленской*, князь Дмитрѣй Михайловичь Голицынъ объявляетъ присутствующимъ во всѣхъ Кіевской губ. городахъ осподамъ оберъ-комендантамъ и комендатамъ, оберъ-камисару і воеводамъ і комисарамъ і прочімъ зборщикамъ земскимъ и таможеннымъ і кабацкимъ бурмистрамъ і кому о томъ вѣдати надлѣжитъ.» [28]) Но эти примѣры ограничиваются однимъ титуломъ и далѣе нейдутъ; при этомъ ни изъ чего не видно никакихъ

[27]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 14, л. 962 и слѣд.

[28]) Тамъ-же. Дѣла Сен. по Кіевской губ., кн. 3-я, л. 241.

слѣдовъ зависимости Смоленской губ. отъ Кіевскаго губернатора. Кромѣ того, есть примѣръ, что титулъ намѣстника принадлежалъ губернатору по отношенію не къ другой губерніи, а къ слишкой обширной провинціи тойже губерніи: въ 1713 г. встрѣчается наименованіе казанскаго губернатора Апраксина *нижегородскимъ намѣстникомъ*. [29]) Какъ указано выше [30]), до 1714 г. не было отдѣльной Нижегородской губ., а слѣдовательно Апраксинъ названъ нижегородскимъ намѣстникомъ уже совершенно въ иномъ смыслѣ, нежели Голицынъ — смоленскимъ.

Иногда второстепенные правители при генералъ-губернаторахъ, помощники ихъ, носили названіе губернаторовъ, какъ увидимъ ниже, но и въ этомъ случаѣ названіе не соотвѣтствовало власти, и такъ называемый *губернаторъ* не имѣлъ власти начальника губерніи.

2. Начальники Архангелогородской губ. съ 1711 г. носятъ названія *вице-губернаторовъ*, несмотря на то, что кругъ ихъ вѣдомства, степень и предѣлы власти были общіе губернаторскіе. Это исключеніе объясняется необходимостью и, съ своей стороны, уясняетъ характеръ эпохи. Петръ предпочиталъ личныя качества человѣка знатности рода. Такое предпочтеніе, кромѣ иныхъ какихъ-либо соображеній и основаній, было необходимо въ виду того, что родовитая знать была плохою помощницей преобразователю, какъ по скрытому недовольству преобразованіями, такъ нерѣдко и по неспособности. Новые люди, [31]) личнымъ трудомъ прокладывавшіе себѣ дорогу, оказывались способнѣе и, ничего не теряя въ прошедшемъ, были привязаны къ настоящему. Изъ такихъ людей новыхъ замѣчательны были такъ называемые *прибыльщики*. Это не были лица, имѣвшія какую-нибудь опредѣленную должность, прибыльщикомъ можно было сдѣлаться на всякомъ мѣстѣ, призваніе этого рода людей было нетолько сохранять всюду, гдѣ возможно, интересы казны, но и изыскивать новые пути къ увеличенію послѣдней. [32]) Прибыльщикамъ, обыкновенно, Петръ доставлялъ такія мѣста, на которыхъ они могли бы наиболѣе проявить свою дѣятельность и принести наиболѣе пользы казнѣ. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ нѣкто Алексѣй Курбатовъ, который съ 1705 г. состоялъ инспекторомъ Ратуши; на этомъ мѣстѣ онъ могъ принести наиболѣе пользы, но скоро Петръ далъ ему новое назначеніе. Въ началѣ XVIII столѣтія единственнымъ торговымъ

---

[29]) Дѣло о фуражировкѣ Харьковскаго полка. Дѣла Слѣдств. Коммиссій, кн. 7-я, л. 171, 175 и др.

[30]) См. 1-ю главу.

[31]) О происхожденіи новыхъ дворянскихъ фамилій въ царствованіе Алексѣя Михайловича, см. Котошихина, гл. II, ст. 12, стр. 23.

[32]) Голиковъ говоритъ, что прибыльщиками назывались тѣ лица, которыя изыскивали всѣ способы для собранія денегъ безъ отягощенія народа и заботились о всякой прибыли Государю. Онъ называетъ прибыльщиками Курбатова и Ершова. Дѣянія Петра В., т. II, стр. 201 и *примѣчаніе*.

пунктомъ Россіи съ Западною Европой былъ Архангельскъ. Такое важное значеніе этого города требовало туда въ качествѣ начальника человѣка опытнаго въ торговыхъ дѣлахъ и надежнаго. Выборъ палъ на Курбатова, и онъ былъ назначенъ начальникомъ Архангелогородской губерніи. Но не придавая значенія родовымъ тенденціямъ, Петръ въ данномъ случаѣ внѣшнимъ образомъ уступаетъ знати: надѣливъ Курбатова властью губернаторскою, онъ даетъ ему званіе вице-губернатора, какъ бы ставя его ниже остальныхъ губернаторовъ, которые принадлежали къ старинымъ фамиліямъ. [33]) Немного пробылъ Курбатовъ на этой новой должности: вскорѣ онъ попался подъ судъ, и, нѣсколько времени спустя, на его мѣсто назначенъ былъ офицеръ Лодыженскій, тоже получившій званіе вице-губернатора. [34]) Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, съ наименованіемъ начальника губерніи вице-губернаторомъ связывалось различіе въ окладѣ жалованья, но, тѣмъ не менѣе, власть такихъ вице-губернаторовъ ничѣмъ не отличалась отъ губернаторской. Вдизко къ этимъ примѣрамъ подходитъ случай наименованія начальника губерніи *управителемъ*. Мы выше видѣли, что по учрежденіи Сената начальникомъ Московской губ. былъ назначенъ тоже одинъ изъ прибыльщиковъ, Ершовъ; ему дано званіе управителя, съ которымъ онъ и управлялъ губерніей до 1712 г., когда московскимъ губернаторомъ былъ назначенъ кн. Ромодановскій. По всей вѣроятности, это званіе дано было Ершову на томъ же основаніи, на какомъ Курбатову и Лодыженскому званіе вице-губернатора, но Ершовъ управлялъ Московскою губ. какъ бы временно: это видно изъ того факта, что при назначеніи Ромодановскаго онъ получаетъ въ той же губерніи второстепенное значеніе: въ указѣ 23 января 1712 г., которымъ назначенъ Ромодановскій, читаемъ: «князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому быть въ Московской губерніи губернаторомъ *да съ нимъ быть вице-губернаторомъ Василію Ершову* [35]).

3. Наконецъ губернаторы иногда назывались *воеводами*, подобно тому какъ именовались прежніе областные правители. Такъ смоленскій губернаторъ, Салтыковъ, въ 1710 г. названъ *воеводою*, [36]) казанскій —

---

[33]) С. М. Соловьевъ говоритъ.... „Иногда впрочемъ вице-губернаторы управляли цѣлою губерніей: такъ Курбатовъ въ званіи вице-губернатора управлялъ цѣлою Архангельскою губ.; какъ видно здѣсь были уступки родовитымъ людямъ: царь не хотѣлъ дать человѣку холопскаго происхожденія одинаковаго званія съ Ромодановскими, Голицыными и Апраксиными; въ указѣ 6 марта 1712 г. было сказано: господъ Петра Апраксина, кн. Дмитрія Голицына, Петра Салтыкова, кн. Матвѣя Гагарина писать губернаторами; Алексѣя Курбатова—вице-губернаторомъ". Ист. Росс., т. XVI, стр. 193, равнымъ обр. примѣч. 174.

[34]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 33, л. 114.

[35]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 9, л. 367.

[36]) Полн. Собр. З. № 2.283.

Апраксинъ — то назывался губернаторомъ, то воеводой. [37]) Конечно это доказываетъ, что новое учрежденіе еще не установилось; но, тѣмъ не менѣе, названіе означенныхъ губернаторовъ *воеводами* не было безъ всякой связи съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, названіе Салтыкова воеводой, какъ кажется, можетъ быть приведено въ связь съ тѣмъ, что онъ былъ назначенъ начальникомъ Смоленской области до учрежденія 1708 г., когда оффиціально еще существовала прежняя система областнаго управленія; что же касается до Апраксина, то онъ называется воеводой главнымъ образомъ не въ качествѣ областнаго правителя, а въ качествѣ военачальника, такъ какъ онъ въ случаяхъ надобности нерѣдко назначался командиромъ сторожевыхъ полковъ; это видно особливо изъ означеннаго уже выше дѣла о фуражировкѣ Харьковскаго полка, находящагося въ дѣлахъ слѣдственныхъ коммиссій при Сенатѣ: тамъ онъ прямо названъ воеводой «надъ войски во охраненіи Украины.» Безъ сомнѣнія, случаи назначенія Апраксина командиромъ войскъ были причиной того, что при тогдашней неразборчивости въ терминахъ онъ назывался воеводой и въ качествѣ областнаго правителя.

Всѣ губернаторы получали жалованье въ размѣрѣ 1.200 р. и 600 четвертей хлѣба въ годъ, [38]) но вице-губернаторы въ качествѣ начальниковъ губерній получали общій вице-губернаторскій окладъ [39]).

ГЛАВА III.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПРАВИТЕЛИ.

Начало приписки малыхъ городовъ къ большимъ, дѣйствовавшее еще въ XVII столѣтіи, развивается въ XVIII. Но приписной характеръ уѣздныхъ городовъ съ ихъ районами еще не уясненъ въ учрежденіи 1708 г.; съ этой стороны, какъ и вообще, это учрежденіе есть переходный моментъ къ дальнѣйшему развитію русскаго областнаго управленія. Губернаторъ есть начальникъ всей губерніи, но отношенія его къ подчиненнымъ уѣзднымъ правителямъ не опредѣлено; даже самыя названія послѣднихъ не установились. Временное удобство, а не общая идея, руководило механизмомъ управленія, а преобладаніе военнаго элемента

---

[37]) П. С. З. № 2.291, 2.311, 2.666, 2.702. Арх. Мин. Юст. Дѣла Слѣдств. Коммиссій, кн. 7, л. 175.

[38]) Им. ук. 28 января 1715 г. П. С. З. №2.879. Росписаніе жалованья губернскимъ чинамъ на 1717 г. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн., 49 д. 149.

[39]) См. Роспис. 1717 г. и указъ о производствѣ жалованья Лодыженскому. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 33, л. 114.

въ сферѣ государственнаго управленія вообще произвело въ большинствѣ случаевъ смѣшеніе военной и гражданской властей, соединеніе ихъ въ одномъ и томъ же органѣ. Если то или другое лицо имѣло въ войскѣ извѣстный рангъ, то, по понятіямъ того времени, оно тѣмъ болѣе могло исполнять обязанности гражданскаго правителя, мѣсто котораго, хотя, по новымъ воззрѣніямъ на государственную службу вообще, оно болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ должности, по старымъ понятіямъ, завѣщаннымъ XVII вѣкомъ, все таки сохраняетъ отчасти значеніе льготы, награды, предоставляемой за прежнюю службу въ рядахъ войска. Съ другой стороны, то же смѣшеніе прежнихъ воззрѣній съ новыми было причиной крайней неопредѣленности въ отношеніяхъ губернаторовъ къ уѣзднымъ начальникамъ. Организаціонный духъ XVII столѣтія выразился въ стремленіи подчинить уѣзды губерніи, и уѣздныхъ правителей губернаторамъ, но хаотическое состояніе управленія въ XVII в. оставило свои слѣды въ той неопредѣленности отношеній, которая еще болѣе увеличивалась лихорадочнымъ состояніемъ всего управленія, при коемъ требованія строгости формы и единообразія въ дѣлопроизводствѣ приносились въ жертву временной необходимости и стремленію къ достиженію быстроты въ дѣятельности правительственныхъ органовъ.

Такимъ образомъ административное единство, введенное de jure безпрестанно нарушалось фактически, и общія правительственныя начинанія приносились въ жертву единичнымъ потребностямъ.

Таковъ общій духъ областнаго управленія начала XVIII в. Безъ его пониманія немыслимо опредѣлить институтъ современныхъ ему второстепенныхъ областныхъ правителей: состояніе его безъ этого наведетъ на мысль о полномъ, безсмысленномъ хаосѣ, тогда какъ всякая сторона государственной жизни, въ какомъ-бы хаотическомъ состояніи она ни находилась въ данное время, имѣетъ тѣсную связь съ прошедшимъ и будущимъ, имѣетъ въ нихъ свое объясненіе, и дѣло историка объяснить ее, вскрыть внѣшнюю оболочку и показать тѣ начала, которыя руководили ея жизнью въ данное время.

Второстепенные областные правители, т.-е. начальники болѣе мелкихъ областныхъ дѣленій, провинцій, уѣздовъ и волостей, въ началѣ XVIII в. носили разныя наименованія,—нѣкоторые изъ нихъ были родовыми, т.-е. безразлично употреблявшимися для опредѣленія понятія второстепеннаго областнаго правителя, а нѣкоторые были видовыми. Къ первымъ принадлежало названіе *воеводы* и *коменданта*; первое изъ нихъ увлекаетъ насъ въ XVII в., а второе, напротивъ, представляетъ собою симптомъ новаго времени, петровскихъ воззрѣній.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что и относительно губернаторовъ иногда въ употребленіи было слово «воевода»: ясно, что и это слово неболѣе какъ остатокъ стараго времени, но въ обоихъ случаяхъ употребленія этого названія есть нѣкоторая разница. Извѣстно, что въ

XVII в. областными правителями сдѣлались военные чины [1]), такъ что названіе воеводы имѣло прямое значеніе; др. словами: типъ военачальника слился съ типомъ областнаго правителя, они совмѣстились въ одномъ понятіи «воевода». То же сліяніе, только подъ другими названіями, сохранилось и въ XVIII в.; но въ названіяхъ воеводами губернаторовъ преобладаетъ значеніе военачальника, а уѣзднаго начальника называютъ воеводой вообще, какъ областнаго правителя.

Уѣздъ XVII в. еще продолжалъ существовать, хотя и подъ иною формой, и понятіе губерніи и губернскаго управленія еще не успѣло сдѣлаться типомъ областной администраціи; поэтому губернаторъ, произведеніе новаго времени, и называется по новому, старое названіе воеводы дается ему лишь въ прямомъ, непосредственномъ смыслѣ военачальника, а второстепенные правители, главнымъ образомъ представители уѣзда, сохраняютъ прежній свой типъ и даже называются воеводами, но уже не въ прямомъ, а переносномъ смыслѣ этого термина. Напротивъ, комендантъ есть произведеніе петровскихъ воззрѣній и, какъ начальникъ мѣстнаго гарнизона, представляетъ собою новый типъ *командира*, надѣленнаго гражданскою властью. Безразличное употребленіе того и другаго термина для означенія одного и того же понятія— необходимое послѣдствіе вліянія началъ XVII в. на преобразованія XVIII в. Иногда второстепенные правители прямо называются воеводами [2]) или комендантами [3]), но иногда указы раздѣляютъ воеводъ отъ комендантовъ, какъ два особые вида, при чемъ, очевидно, названіе воеводы, какъ правителя съ преобладающимъ гражданскимъ характеромъ, противополагается названію коменданта, какъ военнаго начальника по преимуществу [4]). Безразличіе въ употребленіи этихъ двухъ названій доходило до того, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ одни и тѣ же лица назывались то воеводами, то комендантами; такъ, въ дѣлѣ производившемся въ Сенатѣ въ 1710—1711 г. по жалобамъ гвардейскаго поручика Алексѣя Леонтьева, которому былъ порученъ надзоръ за судостроеніемъ на Дубенской пристани, на мѣстныхъ уѣздныхъ начальниковъ за неисполненіе ими законныхъ требованій его, послѣдній въ жалобахъ постоянно называетъ уѣздныхъ начальниковъ воеводами, тогда какъ сенатская резолюція по этому дѣлу называетъ ихъ комендантами [5]); или въ дѣлѣ по жалобѣ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго на правителей нѣкоторыхъ уѣздовъ Казанской и Азовской губ. за злоупотребленія ихъ по сборамъ доходовъ съ митрополичьихъ селъ, въ чело-

---

[1]) Чичеринъ, стр. 52, Дмитріевъ, стр. 74—75 и др.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2.300 — 29 сент. 1710; 2.310—30 ноября 1710 г.; № 2340—16 марта и др.

[3]) Idem. № 2.312—2 генв. 1711 г.

[4]) Idem. № 2.350—30 апрѣля 1711 г., ст. 7.

[5]) Арх. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2, л. 402 и слѣд.

битной встрѣчаются безразлично названія—то воеводы, то коменданта относительно однихъ и тѣхъ же лицъ; съ другой стороны Сенатъ въ рѣшеніи своемъ называетъ обвиняемыхъ воеводами [6]). Такимъ образомъ, названіе: «воевода», по отношенію къ уѣздному правителю, есть остатокъ прежнихъ понятій; оно утратило всякое матеріальное значеніе, что продолжалось до учрежденія 29 мая 1729 г., когда названіе это получило спеціальное значеніе относительно правителей болѣе крупныхъ областныхъ единицъ—провинцій. Напротивъ, названіе: «комендантъ», указывая на общій типъ петровскаго управленія, въ которомъ воинская команда была идеаломъ всякой административной дѣятельности [7]), имѣло, какъ мы увидимъ ниже, и спеціальное значеніе, отличавшее коменданта отъ всѣхъ другихъ областныхъ администраторовъ, для которыхъ были приняты иныя названія.

Какъ не установлены были наименованія второстепенныхъ областныхъ правителей, такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ не установлены были и отношенія ихъ къ губернаторамъ и правительству. Мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ непосредственнаго сношенія второстепенныхъ областныхъ правителей съ Сенатомъ и обратно; такъ въ іюлѣ 1712 г. Ярославскій оберъ-комендантъ Нелединскій — Мелецкій подалъ непосредственно въ Сенатъ доношеніе о командированіи въ его провинцію къ дѣламъ кого-либо вмѣсто заболѣвшаго Ртищева [8]), а въ октябрѣ того же года непосредственно требуетъ изъ Военнаго Приказа разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній по дѣламъ военнаго вѣдомства [9]). Равномѣрно и Сенатъ въ случаяхъ особенной надобности сносится прямо съ уѣздными правителями, ставя ихъ какъ бы наравнѣ съ губернаторами: такъ проѣзжія грамоты шведскаго военноплѣннаго капитана Шталя, посланнаго въ мартѣ 1711 г. въ Стокгольмъ для переговоровъ о размѣнѣ шведскихъ плѣнныхъ генераловъ Круга и Горна на князя Якова Долгорукова,—были даны на имя кн. Меншикова и на имена комендантовъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые онъ долженъ былъ проѣзжать [10]). Указъ о вѣдѣніи рекрутскихъ наборовъ для Бѣлгородскаго полка мѣстнымъ воеводамъ былъ посланъ въ копіяхъ къ нимъ [11]); тѣмъ же поряд-

---

[6]) Арх. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 1, л. 208—211.

[7]) Коменданты и оберъ-коменданты въ смыслѣ областныхъ правителей назывались также командирами и оберъ-командирами (Арх. М. Ю. idem., кн. 19, л. 1 и сл.), что при вышеозначенномъ безразличіи въ терминахъ даетъ понятіе о тѣхъ идеалахъ, къ которымъ должно было стремиться областное управленіе того времени. Вообще замѣна терминомъ „команда“ термина „областное управленіе“, въ актахъ того времени явленіе нерѣдкое.

[8]) Арх. М. Ю., idem, кн. 10, л. 764.

[9]) Idem, кн. 14, л. 744. Полн. Собр. Зак. № 2.608.

[10]) Idem, кн. 1, л. 152 и слѣд.

[11]) Idem, л. 315 и слѣд.

комъ были посланы указы о невзиманіи прогоновъ по подорожнымъ курьеровъ, отправленныхъ съ важными государственными дѣлами [12]). Отсутствіе всякой опредѣленности въ соблюденіи административныхъ инстанцій въ теченіе описываемаго періода все болѣе и болѣе исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ новыя административныя начала получаютъ преобладаніе надъ порядкомъ XVII столѣтія. Въ ходѣ этого процесса губернаторы пріобрѣтаютъ огромный авторитетъ въ областномъ управленіи, которое изъ *уѣзднаго* обращается въ *губернское*, а послѣдующія преобразованія, раздѣливъ несоединимое, бывшее прежде какъ бы въ состояніи безразличнаго хаоса, мало-по-малу уясняютъ значеніе начальниковъ губерній и уѣздовъ, опредѣляютъ мѣсто, какое эти органы должны занимать въ сферѣ областнаго управленія. Что касается до примѣровъ сношенія по инстанціямъ, какъ центральнаго правительства съ уѣздомъ, такъ и уѣзда съ нимъ, то примѣры этого будутъ видны изъ послѣдующаго изложенія; здѣсь же надлежитъ сказать лишь то, что существованіе такихъ инстанцій, хотя и неутвердившееся, служитъ вѣрнымъ симптомомъ зарождающейся губернской связи прежде самостоятельныхъ областныхъ единицъ: оно есть необходимое условіе областной правительственной организаціи, по силѣ которой область есть организмъ, въ которомъ всѣ части, будучи относительно самостоятельны, не должны находиться внѣ общей связи.

Таковъ общій характеръ уѣзднаго управленія въ смыслѣ учрежденія 1708 г. Уѣздъ начала XVIII в., будучи состояніемъ переходнымъ къ уѣзднымъ учрежденіямъ послѣдующаго времени, хранилъ слѣды прежняго порядка и совмѣщалъ въ себѣ начала новаго. Прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ этого была неопредѣленность, какъ во внѣшней формѣ института, такъ и во внутреннемъ его содержаніи: общихъ нормъ почти не было, ибо время еще не могло ихъ выработать, общими были лишь тѣ учрежденія, которыя остались отъ прошедшаго вѣка и которыя должны были съ теченіемъ времени видоизмѣниться согласно съ новыми началами областной организаціи. Сообразно съ этимъ, послѣдующее изложеніе будетъ пріурочено къ отдѣльнымъ очеркамъ, посвященнымъ отдѣльнымъ видамъ второстепенныхъ правителей, съ дѣлью опредѣлить, по возможности, характеръ и относительное значеніе послѣднихъ. Въ уѣздѣ этого времени, какъ и въ губерніи не было никакихъ самостоятельныхъ учрежденій,—были правители и ихъ канцеляріи: поэтому для ознакомленія съ ходомъ областнаго управленія необходимо представить очеркъ дѣятельности этихъ правителей. Что касается провинціи, какъ областнаго дѣленія, средняго между губерніей и уѣздомъ, то понятіе ея, какъ мы видѣли выше, не было еще признано положительнымъ закономъ: оно существовало только, какъ плодъ административной политики, а потому организація провинціи была дѣ-

[12]) Арх. Мин. Ю. Дѣла Сен., кн. 3, л. 358.

ломъ будущаго, хотя, какъ увидимъ ниже, и въ это время можно уловить нѣкоторыя черты провинціальнаго устройства.

Второстепенными правителями въ описываемое время были вице-губернаторы—въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были губернаторы или генералъ-губернаторы, оберъ-коменданты, ландрихтеры и ландраты; кромѣ того, встрѣчаются воеводы и приказные люди. Первый терминъ былъ, какъ мы видѣли, родовымъ названіемъ, а вторымъ именемъ назывались правители волостей, населенныхъ казенными крестьянами.

Вице-губернаторы, какъ второстепенные правители, были, по указамъ, или помощниками губернаторовъ, т.-е. находились при губернаторахъ и завѣдывали тѣми или другими вопросами общаго губернскаго управленія, или же второстепенными правителями въ собственномъ смыслѣ слова. Второстепенной областною единицею они управляли на общихъ съ губернаторами основаніяхъ, и при нихъ въ этомъ случаѣ находились учрежденія, подобныя губернскимъ [13]).

Назначеніе и смѣна вице-губернаторовъ производились по именнымъ указамъ, которые посылались къ лицу, назначаемому или смѣняемому, и мѣстному губернатору. Изъ подлинныхъ сенатскихъ дѣлъ мы могли извлечь только слѣдующіе три примѣра назначенія и смѣны вице-губернатора, но всѣ три въ формѣ именныхъ указовъ: именнымъ указомъ 27 ноября 1713 г. азовскій оберъ-комендантъ, Колычевъ, былъ назначенъ азовскимъ же вице-губернаторомъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея Россіи Самодержецъ, указалъ по именному своему, Великаго Государя, указу азовской губерніи оберъ-коменданту Степану Колычеву, быть въ той же губерніи вице-губернаторомъ. И о томъ къ генералъ-адмиралу и кавалеру Федору Матвѣевичу Апраксину послать Его, Великаго Государя, указъ» [14])... Второй примѣръ: назначеніе и смѣна въ одномъ и томъ же именномъ указѣ. «Великій Государь» и проч., какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, «въ Рижской губерніи въ Смоленску на мѣсто Василья Ржевскаго быть вице-губернаторомъ князь Василью княжъ Иванову сыну Гагарину, а Василью Ржевскому вице-губернаторомъ не быть. И о томъ къ Рижскому губернатору и ко князю Василью Гагарину и къ Василью Ржевскому послать Его Великаго Государя указы» [15]). Равномѣрно, нижегородскій вице-губернаторъ, князь Путятинъ, былъ назначенъ по именному указу 1 февраля 1715 г., а уволенъ, по болѣзни, именнымъ же указомъ 19 марта 1718 г. [16]). Изъ этихъ примѣровъ ясно, что вице-губернаторы были въ непосредственной зависимости отъ губернаторовъ, такъ что если назначеніе производилось изъ чиновниковъ одной и

---

[13]) См. Полн. Собр. Зак. № 2.759, 2.776, 2.879 и др.

[14]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 28, л. 767.

[15]) Idem, кн. 35, л. 12, 6 апр. 1714 г.

[16]) Idem, кн. 98, л. 382; кн. 131, л. 172.

той же губерніи, какъ это видно на примѣрѣ Колычева, то къ назначенному даже не посылался указъ, а къ губернатору, который и дѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. По отношенію къ другимъ второстепеннымъ правителямъ вице-губернаторы трактовались какъ старшіе, хотя относительная степень ихъ власти не была вовсе опредѣлена. Старшинство это явствуетъ отчасти изъ того, что въ должность вице-губернатора назначались тѣ лица, которыя прежде занимали мѣста остальныхъ провинціальныхъ и уѣздныхъ правителей: такъ Колычевъ былъ сдѣланъ вице-губернаторомъ изъ оберъ-комендантовъ [17]), а Путятинъ—изъ ландратовъ [18]), но въ какой градаціи шло это старшинство опредѣлить нельзя, что ясно изъ примѣровъ, только-что приведенныхъ. Главнымъ образомъ старшинство доказывается большимъ приближеніемъ этой должности къ губернаторской: прежде всего самое названіе говоритъ за то, что вице-губернаторъ есть непосредственный помощникъ губернатора; онъ по преимуществу замѣняетъ его при отлучкахъ изъ губерніи; таково было управленіе вице-губернатора Кудрявцева казанской губ. въ 1711 г., когда Апраксинъ (Петръ Матвѣевичъ) долженъ былъ уѣхать въ Азовъ и за Кубань: Апраксинъ самъ поручаетъ управленіе Кудрявцеву, какъ своему помощнику, и даетъ ему наказъ [19]); таково же было управленіе Азовскою губ. вице-губернатора Колычева въ 1715 г., когда адмиралъ Апраксинъ находился по дѣламъ морскаго вѣдомства въ Петербургѣ [20]). Впрочемъ, вице-губернаторы были не во всѣхъ губерніяхъ, а потому исправленіе губернаторской должности поручалось и другимъ второстепеннымъ правителямъ, но естественно, что при бытности ближайшаго губернаторскаго помощника исправленіе должности губернатора должно было поручаться ему. Значеніе вице-губернатора, какъ ближайшаго губернаторскаго помощника, видно изъ многихъ фактовъ тогдашняго управленія, а главнымъ образомъ оно подтверждается указомъ 28 февраля 1714 г., по которому предписано было губернскія доношенія въ Сенатъ о всякаго рода дѣлахъ подавать не иначе, какъ за губернаторскими, а если губернаторовъ на лицо не находилось,—то за вице-губернаторскими подписями [21]). Изъ этого указа явствуетъ, во-первыхъ, что вице-губернаторъ въ отсутствіи губернатора eo ipso признавался правящимъ его должность и, во-вторыхъ, что это значеніе ближайшаго помощника и исправляющаго должность могло перейдти къ инымъ второстепеннымъ правителямъ лишь въ томъ случаѣ, если вице-губернатора не было. Наконецъ сами губернаторы оффиціально признавали находившихся при нихъ вице-губернаторовъ за своихъ ближай-

---

[17]) См. примѣч. 14.

[18]) См. примѣч. 16 и Арх. М. Ю., idem, кн. 35, л. 98 и слѣд.

[19]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 5, л. 696 и слѣд.

[20]) Idem, кн. 221, л. 15—20.

[21]) Полн. Собр. Зак. № 2,780.

шихъ помощниковъ. Такъ московскій губернаторъ Ромодановскій (Михаилъ Григорьевичъ), въ 1712 г., жаловался Государю на неправды Сената относительно его лучшаго и «добраго» помощника Ершова, бывшаго тогда при немъ вице-губернаторомъ [22]).

Ясно, что ближайшій губернаторскій помощникъ, замѣнявшій собою губернатора въ случаяхъ отсутствія послѣдняго, сдѣлавшись правителемъ подчиненной областной единицы, все-таки трактовался рангомъ выше всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, высшее предъ другими областными чинами положеніе вице-губернатора, какъ губернаторскаго помощника, подтверждается многими примѣрами, встрѣчающимися въ областномъ дѣлопроизводствѣ. Такъ, въ приговорѣ Московской Губернской Канцеляріи по одному дѣлу, относящемуся къ 1715 г., прямо выражена та мысль, что приговоры этой канцеляріи лишь тогда могутъ имѣть юридическую силу, когда они состоялись въ присутствіи «высшихъ командировъ», а именно: «его благородія господина губернатора и вице-губернатора» [23]); при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что, какъ помощникъ, вице-губернаторъ представлялъ собою нѣкоторымъ образомъ противовѣсъ, и иногда довольно значительный, власти губернатора. Такъ, обращаясь къ приведенному выше примѣру Ершова, мы узнаемъ, что, по смерти Ромодановскаго, жившаго въ ладу съ Ершовымъ, московскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Салтыковъ. Будучи креатурой Сената, Салтыковъ не ссорился съ нимъ, подобно Ромодановскому, но завелъ распри съ Ершовымъ, который не разъ публично упрекалъ губернатора въ казнокрадствѣ. Въ 1716 г. произведено было, по повелѣнію государя слѣдствіе объ этихъ распряхъ, и дѣло окончилось увольненіемъ Салтыкова. Безъ сомнѣнія, впрочемъ, такое значеніе Ершова главнымъ образомъ коренилось на томъ, что онъ былъ однимъ изъ прибыльщиковъ, т.-е. оно было главнымъ образомъ личное, но ужь тотъ фактъ, что прибыльщикъ былъ вице-губернаторомъ, показываетъ, какъ смотрѣло само правительство на эту должность. На старшинство указываетъ отчасти сравненіе вице-губернаторскаго оклада жалованья съ остальными губернскими окладами, какъ это будетъ видно ниже, но вообще при тогдашнемъ порядкѣ вещей отношенія вице-губернатора, какъ старшаго, къ остальнымъ второстепеннымъ правителямъ не были опредѣлены, а потому намъ приходится въ этомъ отношеніи удовольствоваться лишь вышеприведенными общими чертами. Кругъ вѣдомства вице-губернаторовъ былъ различенъ, смотря по тому были ли они при губернаторахъ, т.-е. помощниками ихъ въ собствен-

---

[22]) См. С. М. Соловьева Ист. Росс., т. XVI, стр. 180 и слѣд. Нашъ почтенный историкъ того же мнѣнія, что вице-губернаторы были помощниками губернаторовъ. Idem, 195.

[23]) Дѣло стольниковъ Тараканова и Ѳедорова, о бѣглыхъ крестьянахъ. Арх. Мин. Юст. Дѣла Судн. Приказа. Вязка 765, № 17, л. 20.

номъ смыслѣ этого слова, или имъ поручалось самостоятельное управленіе. Въ первомъ случаѣ они занимались дѣлами обще-губернскаго управленія вмѣстѣ съ губернаторами, а во второмъ были правителями той или другой областной единицы на общемъ основаніи. Впрочемъ, иногда вице-губернаторамъ, въ качествѣ коммиссаровъ, т.-е. лицъ облеченныхъ какимъ-либо спеціальнымъ полномочіемъ, поручалось въ завѣдываніе особо какая-нибудь часть управленія: такъ, московскому вице-губернатору, Ершову, были поручены рекрутскіе наборы и наборы петербургскихъ рабочихъ со всѣмъ сюда принадлежащимъ въ районахъ Московской губ.,[24]), а казанскому вице-губернатору, Кудрявцеву, поручено было завѣдываніе казенными лѣсами[25]).

Итакъ, институтъ вице-губернаторовъ не былъ опредѣленъ съ юридической стороны; трудно сказать чѣмъ былъ вице-губернаторъ, ибо онъ могъ быть всѣмъ, если того требовали обстоятельства; съ другой стороны, вице-губернаторы на практикѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, но если и встрѣчаются, то въ большинствѣ случаевъ или въ качествѣ губернаторскихъ помощниковъ, или какъ коммиссары; между тѣмъ намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ, изъ котораго можно заключить, что вице-губернаторъ въ данномъ случаѣ управлялъ второстепенною областною единицей, а именно провинціей[26]); въ этомъ отношеніи можно, какъ кажется, сказать, что идея вице-губернаторства не получила надлежащаго развитія. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, значеніе вице-губернаторовъ, какъ помощниковъ, уясняется и получаетъ окончательное освященіе въ областныхъ преобразованіяхъ Екатерины II и послѣдующихъ царствованій. Слѣдовательно, основнымъ типомъ института была служебная помощь губернаторамъ и замѣна послѣднихъ; если же въ законодательствѣ первой половины царствованія Петра Великаго эта мысль была смѣшана съ другою, съ мыслью управленія низшихъ областныхъ единицъ, то такое смѣшеніе было слѣдствіемъ неясности понятій, свойственной раннему періоду государственной организаціи. Мы можемъ, во всякомъ случаѣ, сказать, что если не по законодательнымъ опредѣленіямъ, то на практикѣ вице-губернаторъ 1708 г. былъ скорѣе помощникомъ губернатора въ полномъ смыслѣ этого слова, нежели начальникомъ провинціи или уѣзда. Справедливость этого положенія подтверждается также и въ послѣдующемъ изложеніи.

Оберъ-коменданты и коменданты были начальниками провинцій, уѣздовъ и командирами мѣстныхъ гарнизоновъ. Очевидно, что первые были старшими, но отношенія между этими двумя чинами мало выяснены;

---

[24]) Полн. Собр. Зак. № 2639, 28 янв. 1713 г.

[25]) Idem. № 2.913, 29 мая 1715 г.; № 3.057, 28 дек. 1716 г.; № 3.149, 3 янв. 1718 г.

[26]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 46, л. 760.

типомъ этого рода должностей были коменданты. Будучи командирами мѣстныхъ гарнизоновъ, они были и правителями тѣхъ уѣздовъ, въ городахъ которыхъ эти гарнизоны находились, но первоначально это не было необходимымъ условіемъ, т.-е. коменданты были уѣздными правителями не въ качествѣ гарнизонныхъ командировъ: всякій уѣздный правитель назывался безразлично воеводой или комендантомъ, т.-е. всѣ уѣздные правители, собственно, имѣли одни и тѣ же права и обязанности, но въ послѣдствіи должность коменданта болѣе выдѣляется изъ сферы гражданскаго управленія и пріобрѣтаетъ исключительно военный характеръ: коменданты дѣлаются исключительно гарнизонными командирами и только, какъ таковые, мѣстными воеводами [27]). Назначеніе комендантовъ, также какъ и назначеніе вице-губернаторовъ, производилось не иначе, какъ по именнымъ указамъ; равнымъ образомъ и смѣнялись они также по именнымъ указамъ, хотя есть примѣръ смѣны коменданта Сенатомъ по доношенію мѣстной губернской канцеляріи [28]). Указы о назначеніи посылались тѣмъ лицамъ, до коихъ это касалось, а смѣна подразумѣвалась въ самомъ актѣ новаго назначенія [29]). Передъ вступленіемъ въ должность комендантъ присягалъ въ мѣстной губернской канцеляріи, въ присутствіи губернатора, который присяжный листъ за подписью присягавшаго отправлялъ при доношеніи въ Сенатъ [30]).

Предметы вѣдомства комендантовъ были чрезвычайно разнообразны, смотря по ихъ положенію въ данномъ случаѣ.

Комендантъ, какъ начальникъ гарнизона только, былъ главнымъ образомъ военный администраторъ, находившійся подъ властью или генералъ-фельдмаршала, какъ былъ рижскій комендантъ до основанія Рижской губ., или мѣстнаго губернатора, какъ коменданты Москвы и Кіева; но въ этомъ случаѣ подчиненіе губернатору имѣло характеръ подчи-

---

[27]) Полн. Собр. Зак. № 2.879, 28 января 1715.

[28]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 24, л. 1.485 и слѣд.

[29]) Примѣры: имен. ук. 7 декабря 1713 г. „Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Россіи Самодержецъ, указалъ по Именному Своему, Великаго Государя, указу въ Смоленску комендантомъ быть полковнику Ягану Георгію Либерату фонъ-Фолкенштейну, на мѣсто прежняго коменданта Плуталова, и Великаго Государя жалованье давать ему въ бытность его въ Смоленску потому жъ, почему давано оному Плуталову. И о томъ Рижскому губернатору господину князю Голицыну и Смоленскому вице-губернатору Ржевскому послать изъ Канцеляріи Прав. Сената Его, Великаго Государя, указы". Арх. М. Ю. idem, кн. 29, л. 386 и слѣд. Имен. указъ Сенату отъ 16 января 1714 г. «Указалъ по Именному Своему Великаго Государя указу быть на Его, Великаго Государя, службѣ, на Саратовѣ комендантомъ столнику Дмитрію Ефремову сыну Бахметеву, и для той службы дать ему Великаго Государя жалованье. И о томъ въ Казанскую губернію къ губернатору и къ нему Дмитрію послать Его Великаго Государя указы». Idem., кн. 35, л. 12.

[30]) Арх. Мин. Ю., idem, кн. 119, л. 285 и слѣд.

нения не гражданскому правителю области, а военному начальнику края, и опредѣлялось статьями Воинскаго Устава, а не общими административно-судебными указами, служившими основаніемъ губернскаго управленія. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ коменданты иногда имѣли функціи гражданской власти. Такъ, коменданты, какъ таковые, иногда объявляли именные указы въ своемъ районѣ [31]), или имъ поручались дѣла полицейскія и надзоръ за особаго рода сдѣлками между частными лицами [32]). Обязанности коменданта, какъ уѣзднаго правителя, были общія правительственныя въ обширномъ смыслѣ этого слова, т.-е. комендантъ былъ администраторомъ и судьей ввѣреннаго ему уѣзда [33]). Коменданты находились въ полной зависимости отъ мѣстныхъ губернаторовъ; эта зависимость особенно увеличилась съ 1712 г., когда выборъ комендантовъ былъ предоставленъ губернаторскому усмотрѣнію, и судъ надъ ними былъ опредѣленъ въ слѣдующемъ составѣ: изъ вице-губернатора, оберъ-комендантовъ, комендантовъ и ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора [34]). Мѣсто коменданта имѣло во всякомъ случаѣ значеніе должности, а не награды, безъ сомнѣнія, такой характеръ всего сильнѣе выдавался въ должности коменданта, какъ военнаго администратора по преимуществу: онъ въ этомъ случаѣ былъ командиромъ на дѣйствительной военной службѣ, но въ качествѣ уѣзднаго правителя комендантъ до начала 1715 г., какъ мы видѣли, могъ и не быть гарнизоннымъ командиромъ. Вслѣдствіе этого на послѣдній видъ комендантской должности, сообразно прежнему воззрѣнію на службу гражданскую вообще, продолжали смотрѣть какъ на льготу: есть примѣръ того, что при назначеніи въ коменданты назначаемый обязывался поставить въ *дѣйствительную* службу вмѣсто себя коннаго рекрута; такая обязанность была возложена въ 1713 г. на кн. Ухтомскаго, который былъ опредѣленъ во Владиміръ комендантомъ, вмѣсто кн. Гундорова [35]).

Мы сказали, что коменданты были типомъ этого рода должностей, подобно тому какъ, по крайней мѣрѣ до 1715 г., эта должность была типомъ уѣзднаго управленія. Напротивъ, типомъ провинціальнаго управленія были оберъ-коменданты: какъ провинціи были дѣленіемъ высшимъ уѣзда, такъ и оберъ-коменданты были рангомъ выше комендантовъ; они были начальниками провинцій, въ городахъ которыхъ были коменданты, подчиненные имъ въ порядкѣ управленія. Такъ управлялась Ярославская провинція С.-Петербургской губерніи [36]). На зависимость комендантовъ

---

[31]) Полн. Собр. Зак. № 2.292, 7 сент. 1710 г., № 2.306, 17 октября того же г.

[32]) Idem, № 3.147, 24 января 1718.

[33]) Idem, №№ 2.356, 2.403, 2.439, 2.744 и др.

[34]) Idem. № 2.484, 15 февраля 1712 г.

[35]) См. прим. 27. Сен. ук. 12 іюня 1713 г.

[36]) См. письмо кн. Меншикова Сенату отъ 28 марта и сен. ук. отъ 4 апрѣля 1712 г. о назначеніи оберъ-комендантомъ Ярославской провинціи Нелединскаго-Мелецкаго. Арх. Мин. Ю. Дѣла Сен., кн 10, л. 23.

отъ оберъ-комендантовъ указываютъ нѣкоторые примѣры сношеній губернаторовъ съ комендантами чрезъ посредство оберъ-комендантовъ: такъ въ одномъ дѣлѣ, производившемся въ 1712 г. въ Московской Губернской канцеляріи, сохранился указъ послѣдней къ Можайскому коменданту Дохтурову, писанный черезъ посредство Звенигородскаго оберъ-коменданта Потемкина [37]); то же видно и въ сношеніяхъ Земскаго Приказа съ уѣздами: такъ въ одномъ дѣлѣ того же года Земскій Приказъ посылаетъ указы Алексинскому коменданту Суровцову черезъ посредство Серпуховской Провинціальной канцеляріи [38]). Впрочемъ, какъ уже было замѣчено выше, общаго правила и относительно этого вопроса не было, ибо относительно положенія оберъ-комендантской должности не было выяснено. Въ самомъ дѣлѣ, изъ одного дѣла 1718 г. явствуетъ непосредственное сношеніе губернскихъ властей съ Можайскимъ комендантомъ Дохтуровымъ [39]), тогда какъ Можайскій уѣздъ попрежнему находился въ вѣдѣніи Звенигородской провинціи.

Провинція не была учрежденіемъ установившимся, а потому въ одной губерніи весь штатъ провинціальнаго управленія былъ сполна, а въ другой, напротивъ, провинціи существовали лишь номинально, безъ соотвѣтствующаго правительственнаго персонала. Такъ, напр., изъ одного сенатскаго дѣла явствуетъ, что въ 1712 г. во всѣхъ провинціяхъ Московской губ. были оберъ-коменданты, а въ уѣздахъ коменданты, что указываетъ на существованіе всѣхъ провинціальныхъ инстанцій, тогда какъ въ Азовской губ. даже не во всѣхъ городахъ были коменданты, вслѣдствіе чего одинъ комендантъ завѣдывалъ нѣсколькими городами вдругъ [40]); иногда провинціями управляли не только коменданты, но и ландраты, такъ что провинціальное управленіе сливалось съ уѣзднымъ [41]). Итакъ оберъ-комендантская должность не была строго опредѣлена, ибо провинція, правительственный типъ которой воплощался въ этой должности, не была еще твердымъ установленіемъ. Напротивъ, по учрежденію 29 мая 1719 г., типъ провинціальнаго правителя опредѣлился окончательно, при чемъ оберъ-коменданты 1708 г. обратились въ воеводъ 1719 г. Подобно тому какъ коменданты были иногда только военными администраторами, характеръ которыхъ все болѣе и болѣе уясняется въ нихъ съ теченіемъ времени, оберъ-коменданты также имѣли, кромѣ того,

---

[37]) Дѣло можайскаго помѣщика Строкина съ мѣстными подъячими. Арх. Мин. Ю. Дѣла Судн. Пр. Вязка 1.222, № 12, л. 34 и слѣд.

[38]) Дѣло Тулубьевыхъ и Аѳанасьева о завладѣніи помѣстьями ibidem, вязка 766, № 2, л. 2.

[39]) Дѣло помѣщика Ермолина ibidem, вязка 1.378, № 41, л. 5—7.

[40]) Дѣло по доношенію изъ Азовской губ. отъ 22 мая 1712 г. Дѣла Сен., кн. 10, л. 698 и слѣд.

[41]) Вѣдомость изъ Кіевской губ. о производствѣ жалованья отъ 1 августа 1718 г. idem., кн. 111, л. 198—205.

значеніе главныхъ мѣстныхъ военныхъ администраторовъ: при нихъ въ такомъ случаѣ были въ качествѣ помощниковъ коменданты; такъ въ Москву въ 1712 г. были назначены однимъ и тѣмъ же указомъ оберъ-комендантъ, кн. Голицынъ, и при немъ комендантъ, полковникъ Измайловъ [42]), или въ 1716 г. въ Москвѣ встрѣчается оберъ-комендантъ Измайловъ и при немъ комендантъ Якубовскій [43]). Оберъ-комендантъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ, а иногда и одинъ, если вице-губернатора не было, исправлялъ должность губернатора, такъ въ 1716 г. московскій губернаторъ, Нарышкинъ, былъ отозванъ въ С.-Петербургъ, а управленіе губерніей было возложено на вице-губернатора Ершова и оберъ-коменданта Измайлова, но когда въ 1718 г. и Ершовъ былъ отозванъ, то управленіе осталось на рукахъ одного Измайлова [44]). Иногда должность оберъ-коменданта замѣняла отчасти должность губернаторскаго помощника; такъ 1713 г. при новомъ смоленскомъ губернаторѣ, кн. Долгорукомъ (Алексѣѣ Григорьевичѣ), велѣно быть оберъ-коменданту Бѣлкину, вмѣстѣ съ ландрихтеромъ Чичеринымъ; въ послѣдствіи ихъ замѣнилъ вице-губернаторъ Ржевскій [45]).

Чинъ *ландрихтера*,—установленіе шведское, перенесенное на русскую почву,—носилъ на себѣ также ясный отпечатокъ того времени, когда земскіе чины не имѣли ничего или очень мало земскаго: они были или правительственными чиновниками исключительно, т.-е. какъ по функціямъ и порядку подчиненія и отчетности, такъ и по способу назначенія, или же сохраняли старинный типъ вѣрныхъ властей, кото-

---

[42]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 15, л. 11 и слѣд. 16 янв. 1719 г.

[43]) Ibid. кн. 119, л. 285. Дѣла Судн. Прик. Вязка 1.378, № 26.

[44]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 125, л. 182 и слѣд.

[45]) Арх. Мин. Юст. ibid., кн. 16, л. 673 и слѣд. *Примѣчаніе.* Коменданты и оберъ-коменданты существовали и до 1710 г., но отношенія между ними были иныя сравнительно съ тѣми, которыя установились послѣ, а именно: коменданты были независимы отъ оберъ-комендантовъ, и подъ начальствомъ ихъ состояли вице-коменданты (П. С. З., № 2.135). Въ послѣдствіи чинъ вице-комейданта въ нашей служебной іерархіи встрѣчается очень рѣдко. Въ подлинныхъ дѣлахъ Сената мы нашли примѣръ, указывающій на существованіе въ Москвѣ при комендантѣ Матвѣѣ Гагаринѣ вице-коменданта Богдана Гагарина. (См. переписку Сената съ М. Гагаринымъ 1713 г. о жалованьѣ, кн. 96, л. 375—376). Вице-комендантъ здѣсь называется бригадиромъ и находится въ прежнемъ подчиненномъ положеніи. Другой примѣръ упоминанія вице-комендантовъ представляетъ указъ 8 дек. 1714 г. (П. С. З., № 2.865). Быть можетъ вице-коменданты въ Москвѣ замѣнены были комендантами, также какъ коменданты,—оберъ-комендантами въ смыслѣ первыхъ, главныхъ и вторыхъ комендантовъ. (См. примѣч. 42 и 43). Но какъ кажется, въ другихъ городахъ не было вообще такого раздѣленія комендантской должности, въ смыслѣ начальствованія мѣстными войсками.

рые, собственно говоря, были тѣми же правительственными чиновниками, только по выборамъ общества.

Понятіе: земское управленіе, а слѣдовательно, и земскіе чины, въ смыслѣ, установленномъ современною наукой и законодательствомъ, не было и не могло быть извѣстно въ то время.

Централизація области не допускала никакой земской самостоятельности ея. Въ этомъ отношеніи Россія начала XVIII столѣтія сходствовала многимъ съ Швеціей,—причина, по которой шведскія учрежденія могли до нѣкоторой степени вкорениться въ русскомъ правѣ: подобно тому, какъ въ Швеціи эпитетъ «Lands» былъ замѣняемъ другимъ, какъ бы равносильнымъ, «Kron», и въ Россіи земскія начала были только видоизмѣненіемъ общаго, кореннаго типа управленія. Съ другой стороны, раздѣленіе властей судебной и административной было дѣломъ будущаго: каждый областной правитель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судьей, а каждый судья могъ совмѣщать въ своемъ вѣдомствѣ функціи правительственныя, а иногда и просто исполнительныя. Впрочемъ, послѣднее смѣшеніе властей съ теченіемъ времени гораздо скорѣе исчезаетъ и замѣняется началами отдѣленія суда отъ администраціи.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя мы очитали необходимымъ предпослать рѣшенію вопроса о нашихъ ландрихтерахъ эпохи учрежденія 1708 г.

Названіе чина доказываетъ, что въ кругѣ вѣдомства ландрихтера главнымъ предметомъ долженъ быть судъ. Дѣйствительно, есть безспорное основаніе утверждать, что ландрихтерскій чинъ имѣлъ преимущественно судебное значеніе, т.-е. судебное значеніе въ смыслѣ того времени, когда слѣдствіе вовсе не было отдѣлено отъ самаго судопроизводства и когда, поэтому, въ большинствѣ случаевъ судья былъ и слѣдователемъ, т.-е. вѣдалъ розыскныя дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ ландрихтеру въ отдѣльныхъ случаяхъ поручались разныя дѣла, предоставлялись разныя полномочія. Такъ въ 1718 г. нижегородскому ландрихтеру Андрею Михайлову предписано было произвести жалованье лишь въ томъ случаѣ, если онъ вѣдалъ только межевыя, розыскныя и судебныя дѣла, а не участвовалъ въ денежныхъ сборахъ [46]). Для правильнаго пониманія этого свидѣтельства необходимо установить точку зрѣнія на него. Слово «только» доказываетъ, что занятіе судебными и другими, съ ними связанными, дѣлами eo ipso предполагается, какъ спеціальность ландрихтера, тогда какъ участіе въ финансовомъ управленіи въ данномъ случаѣ разсматривается, какъ дѣло, которымъ ландрихтеръ могъ и не заниматься: жалованье Михайлову предписано произвести лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе даннаго времени былъ ландрихтеромъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, если въ кругъ его дѣятельности не входили такія дѣла, которыя хотя и часто соединялись съ

[46]) Арх. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 46, л. 921, 17 сент. 1718 г.

этимъ чиномъ, но не были необходимою прибавкой къ функціямъ его. Дѣла, тѣсно связанныя съ судомъ, были: розыскъ (предварительное слѣдствіе) и дѣла межевыя.

Такимъ образомъ изъ приведеннаго выше примѣра ясно, что ландрихтеръ былъ судьей по преимуществу. Но этого мало: въ Москвѣ, гдѣ судебная власть была главнымъ образомъ сосредоточена въ особомъ учрежденіи, Земскомъ Приказѣ, судьей былъ ландрихтеръ Тобильскій въ продолженіе всего разсматриваемаго періода [47]).

Въ смыслѣ судьи, ландрихтерская должность была близка къ своему шведскому прототипу: въ Швеціи, гдѣ судебная власть въ то время отдѣлялась отъ правительственной, ландрихтеръ, или герарсъ-гевдингъ, былъ только судьей извѣстнаго *дистрикта* и состоялъ подъ апелляціей оберъ-ландрихтера и высшаго областнаго суда; тогда какъ правительственныя функціи въ томъ же дистриктѣ принадлежали другому чиновнику [48]). Но у насъ отдѣленіе суда отъ управленія, какъ уже сказано, было дѣломъ будущаго, а вслѣдствіе этого и ландрихтеры были нетолько судьями, но и администраторами. Впрочемъ, дальнѣйшія измѣненія этой должности были производимы по шведскому образцу и въ послѣдствіи судебныя функціи сдѣлались исключительными занятіями ландрихтеровъ, хотя не въ томъ объемѣ и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ въ Швеціи.

Въ качествѣ областныхъ правителей, ландрихтерамъ принадлежалъ судъ на общемъ основаніи: въ этомъ смыслѣ они назывались судьями, какъ и всѣ другіе областные правители, губернаторы, коменданты и т. д. Смѣшеніе судебныхъ функцій съ административными дѣлало вполнѣ послѣдовательнымъ назначеніемъ ландрихтеровъ правителями уѣздовъ наравнѣ съ другими, въ сферѣ дѣятельности которыхъ также весьма послѣдовательно званіе администратора было вмѣстѣ и званіемъ судьи [49]). Ландрихтеры, какъ и всѣ другіе областные правители, зани-

---

[47]) Доношеніе Тобильск. отъ 6 ноября 1718 г. А. М. Ю., кн. 42, л. 292 и слѣд., и розыскъ по этому доношенію въ сенатской канцеляріи ibid., кн. 118, л. 523 и слѣд.

[48]) Совѣтникъ Камеръ-Коллегіи, Генрихъ Фикъ (Heinrich Fick.), представилъ по порученію Петра В., въ 1723 г. сравнительную табель русскихъ и шведскихъ чиновъ; вотъ что пишетъ онъ объ этомъ предметѣ: „Въ каждомъ губернаментѣ есть оберъ-лантъ-рихтеръ, который именуется Лагманъ, и кромѣ того еще обрѣтаются 4, 5 или 6 лантъ-рихтеровъ, и чего который лантъ-рихтеръ въ дистриктѣ своемъ окончать не можетъ: оное происходитъ предъ оберъ-лантъ-рихтера, а буде кто его приговоромъ недоволенъ будетъ, тотъ можетъ апеллевать до выпняго суда, подъ который оная губ. подлежитъ“. Сравн. таб. п. 7-й. А. М. Ю. idem, кн. 58, л. 1 и сл.

[49]) П. С. З. № 2.439, 12 окт. 1711 г. — 1712 г.: 2.536, 3 іюня, 2.598, 29 окт., 2.707, 25 авг. 1713 г. 1714 г.: 2.759, 13 янв., 2.776, 26 февр., 2.833, 2 іюля. 1719 г.: 3.282, 15 янв., 3.298, 4 февр., 3.319, 3 марта.

мались обще-губернскими дѣлами и въ совѣтахъ и коммиссіяхъ, находившихся подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ; такъ это видно изъ того, что иногда ландрихтеры прямо назначались въ губернскіе совѣты [51]). Они входили въ персоналъ судебныхъ коммиссій: такъ они вмѣстѣ съ вице-губернаторами и оберъ-комендантами судили комендантовъ [52]). Вслѣдствіе этого, ландрихтеры, наравнѣ съ прочими областными правителями, бывшими при губернаторахъ, т.-е. бывавшими помощниками губернаторовъ, могли замѣнять послѣднихъ при отлучкахъ ихъ изъ губерній, если, конечно, болѣе замѣнить ихъ было некому за отсутствіемъ ближайшихъ губернаторскихъ помощниковъ, вице-губернаторовъ. Такъ, въ 1711 г. Азовскою губ. правилъ ландрихтеръ, Кикинъ, доносившій о всѣхъ важныхъ дѣлахъ прямо Сенату, который дѣлалъ свои распоряженія тоже прямо на его имя, сообщая о нихъ Апраксину лишь для вѣдома [53]), тѣмъ же порядкомъ управлялась Азовская губ. въ 1712 [54]), и въ 1713 г. [55]). Иногда ландрихтерамъ давались какія-либо спеціальныя порученія; такъ с.-петербургскій ландрихтеръ Мануковъ въ 1712 г. былъ надсмотрщикомъ надъ измѣреніемъ земель по обѣимъ сторонамъ Невы [56]), въ 1714 г. ландрихтерамъ было предписано провожать на тульскіе заводы губернскія партіи рабочихъ [57]), а въ 1717 г. имъ поручено было взятіе штрафовъ съ губернаторовъ, вице-губернаторовъ и иныхъ областныхъ правителей, которые забрали себѣ жалованье, вопреки указамъ, прежде исполненія третныхъ платежей въ приказы [58]). Наконецъ, иногда ландрихтеры управляли провинціями [59]). Итакъ, функціи ландрихтеровъ были чрезвычайно разнообразны, хотя in genere они были судьями. Мы сказали, что въ теченіе періода судебныя функціи получаютъ все болѣе и болѣе перевѣсъ надъ всѣми остальными въ этой должности. Но окончательно выяснился судебный характеръ ландрихтеровъ въ 1719 г.: имъ предписано было всѣмъ быть при дѣлахъ Юстицъ-Коллегіи, не примѣшивая къ этимъ дѣламъ никакихъ другихъ [60]); вслѣд-

---

[51]) А. М. Ю. Д. Сен., кн. 16, л. 673.

[52]) П. С. З. № 2,484, 15 февр. 1712 г.

[53]) Донош. отъ 20 сент. 1711 г. о мѣрахъ защиты противъ нападенія на Азовскую губ. Кубанскихъ Татаръ. А. М. Ю. idem, кн. 3, л. 610 и сл. Подобный же прим. см. idem, кн. 2, л. 376 и сл.

[54]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 21 л. 1.302.

[55]) Полн. С. З. № 2.706, 24 авг. 1713 г.

[56]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 11, л. 354 и слѣд.

[57]) П. С. З. № 2.806, 5 мая 1714 г.

[58]) Idem. № 3.078, 3 апр. 1717 г. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 112, л. 214 кн. 154 л. 979 и слѣд.

[59]) Ibid. кн. 96, л. 563.

[60]) П. С. З. № 3.337, 19 марта 1719 г.

ствіе этого, въ томъ же году должность эта и подчинена Юстицъ-Коллегіи [64]).

Ландрихтеры назначались сенатскими указами по представленію губернаторовъ [62]), или по собственному усмотрѣнію Сената [63]). Какъ кажется, ландрихтеръ, по общему правилу, былъ одинъ на всю губернію [64]), но иногда, смотря по надобности, ихъ бывало и болѣе [65]). Назначенный ландрихтеръ присылался въ данную губернію, начальникъ который давалъ ему то или другое назначеніе: или оставлялъ у судебныхъ дѣлъ, или употреблялъ на какія-либо иныя дѣла [66]), но главнымъ дѣломъ, на которыя употреблялись ландрихтеры, кромѣ судебныхъ дѣлъ, были денежные сборы: всякія вѣдомости о нихъ посылались въ Сенатъ за ландрихтерскими подписями, и этотъ порядокъ съ теченіемъ времени получилъ силу обычая, который, хотя и были исключенія [67]), сохранился до 1719 г. [68]). Находясь въ распоряженіи губернаторовъ, ландрихтеры были изъяты изъ ихъ юрисдикціи и подлежали суду Сената [69]). Это послѣднее обстоятельство, естественно, уменьшало степень за-

---

[61]) Idem, № 3.354; 17 апр. 1719 г.

[62]) Арх. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 17, л. 156, 163, 199, 205.

[63]) А. М. Ю. ibid., кн. 42, л. 292.

[64]) Это видно изъ вышеприведеннаго пункта сравнительной табели Фика. (См. выше прим. 48): „Въ губерніяхъ опредѣлены одни только лантъ-рихтеря и то по одному человѣку".

[65]) Такъ въ Московской губ. въ 1713 г. были два ландрихтера: Карпъ Сытинъ и Иванъ Тихменевъ (А. М. Ю. idem, кн. 21, л. 2.027; 30 марта 1713 г.). Того же числа требовалъ сибирскій губернаторъ, кн. Гагаринъ, въ 1712 г. См. прим. 62.

[66]) Московскій ландрихтеръ Топильскій въ доношеніи Сенату отъ 6 ноября 1718 г. говоритъ, что онъ назначенъ судьей Земскаго Приказа по опредѣленію московскаго губернатора Нарышкина и вице-губернатора Ершова. (Доношеніе Топильскаго. Арх. М. Ю. ibid., кн. 42, л. 292 и слѣд.; также см. ibid., кн. 118, л. 523 и слѣд.).

[67]) Напр., въ 1713 г. предписано было всѣмъ губернаторамъ прислать въ Сенатъ вѣдѣніе о денежныхъ сборахъ и недоимкахъ съ января 1710 г. по май 1713 г. за своими, а не за ландрихтеровыми, руками (А. М. Ю. idem, кн. 23, л. 700, 11 мая 1713 г.). Въ данномъ случаѣ exceptio firmat regulam, ибо если-бы порядокъ подписыванія финансовыхъ вѣдомостей одними ландрихтерами не вошелъ въ обычай, то прибавка: „а не за ландрихтеровыми", не имѣла бы смысла. Но самый этотъ обычай, безспорно, означалъ лишь то, что ландрихтеры, если не всегда, то часто были губернскими сборщиками податей.

[68]) Архангелогородскій вице-губернаторъ, Курбатовъ, проситъ Сенатъ, чтобы въ Счетную Канцелярію на мѣсто его дозволили прислать ландрихтера, который *у сборовъ былъ и отвѣтъ дать можетъ* (А. М. Ю. idem, кн. 20, л. 476 и слѣд.). Сборы выставлены, какъ предметъ занятій ландрихтеровъ, въ указѣ 19 марта 1719 г. (См. прим. 60).

[69]) П. С. З. № 2.673, 30 апр. 1713 г.

висимости ландрихтеровъ отъ губернаторовъ, ставило ихъ въ положеніе исключительное, оно какъ бы противорѣчило общему порядку губернскаго подчиненія, но такое противорѣчіе — вообще нерѣдкость въ томъ вѣкѣ противорѣчій, не примиренныхъ никакимъ общимъ учрежденіемъ, имѣетъ свое разумное основаніе, какъ кажется, въ томъ, что къ ландрихтерамъ обращались иногда съ такими порученіями, для добросовѣстнаго и нелицепріятнаго исполненія которыхъ они должны были обладать по отношенію къ губернаторамъ нѣкоторою долей независимости; въ самомъ дѣлѣ: можно ли было поручать взиманіе штрафовъ съ губернаторовъ тѣмъ лицамъ, которыя находятся подъ ихъ непосредственною юрисдикціей? Придирки и пристрастное осужденіе были бы наградой за это въ данномъ случаѣ. Поэтому, личность ландрихтера и была ограждена закономъ, и интересы справедливости были соблюдены предоставленіемъ суда высшему учрежденію, нейтральному относительно, какъ губернатора, такъ и ландрихтера.

Кромѣ всѣхъ, означенныхъ выше, чиновъ, второстепенными областными правителями были ландраты. Слово «ландратъ», имѣло такое же практическое значеніе, какъ и слово «ландрихтеръ», гдѣ эпитетъ «Lands», какъ видно было выше, могъ быть съ успѣхомъ замѣненъ эпитетомъ «Kron». Ландратъ былъ земскимъ чиновникомъ по назначенію правительства. Собственно говоря, чинъ этотъ былъ учрежденъ въ качествѣ губернаторскаго совѣтника. Стараясь о введеніи повсюду коллегіальныхъ формъ, Петръ Великій въ губерніяхъ учредилъ такъ-называемые ландратскіе совѣты подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, которые были, такимъ образомъ, не начальниками («не яко властитель»), а предсѣдателями совѣта, имѣя лишь по отношенію къ остальнымъ членамъ преимущество двухъ голосовъ [70]), но въ то время не было ни одного чина въ области, который, несмотря на какое бы то ни было свое общее должностное значеніе, не могъ бы быть и не былъ бы — въ то же время—правителемъ провинціи или уѣзда. На этомъ основаніи и ландраты, будучи членами губернскаго совѣта, были въ то же время и уѣздными правителями. Въ 1710 г. губерніи, какъ мы видѣли выше, были раздѣлены по населенію на доли, начальниками этихъ долей и были сдѣланы ландраты: въ уѣздахъ, гдѣ въ городахъ не было крѣпости и гарнизона, уѣздными правителями были ландраты—каждый надъ своею долей [71]). Въ качествѣ уѣзднаго правителя, или начальника доли, ландратъ былъ, подобно всѣмъ другимъ, представителемъ мѣстнаго суда и управленія и находился подъ начальствомъ губернатора [72]). При ландратскомъ уѣздномъ управленіи ландраты были только начальниками

[70]) Полн. С. З. № 2.673, 24 апр. 1713 г.

[71]) Idem, № 2.879.

[72]) Объ этомъ см. П. С. З. № 2.900, 7 апр. 1715, 2.943, 21 окт. 1715 г. 2.990, 28 янв. 1716 и др.

уѣздныхъ людей, управленіе же городомъ и судъ надъ городскими обывателями были предоставлены земскимъ бурмистрамъ, на которыхъ, какъ и на ландратовъ, должно было аппеллировать губернаторамъ [73]).

Итакъ, ландратъ, какъ членъ совѣта, былъ товарищемъ губернатора, имѣлъ свободный голосъ въ дѣлахъ управленія и суда. Персоналы ландратскихъ совѣтовъ были различны, какъ по величинѣ губерній, такъ равно и по чинамъ тѣхъ лицъ, при которыхъ они состояли: вопервыхъ, всѣ губерніи въ этомъ отношеніи были раздѣлены на три категоріи, большихъ, среднихъ и меньшихъ: при губернаторахъ первыхъ ландратскіе совѣты состояли изъ 12 членовъ, вовторыхъ, изъ 10, наконецъ въ меньшихъ изъ 8; втретьихъ, ландратскіе совѣты были учреждены нетолько при губернаторахъ для обще-губернскаго, но также при вице-губернаторахъ и оберъ-комендантахъ — для провинціальнаго управленія: въ этомъ отношеніи вице-губернаторскій рангъ былъ поставленъ выше оберъ-комендантскаго, а потому и ландратскіе совѣты при вице-губернаторахъ состояли изъ $^3/_4$ общаго губернскаго числа членовъ (по три доли), т.-е. если при губернаторѣ было 12 ландратовъ, то при вице-губернаторѣ, правившемъ должность провинціальнаго правителя въ той же губерніи, ихъ должно было состоять 9 человѣкъ и т. д.; при оберъ-комендантахъ совѣтъ состоялъ изъ половиннаго числа, т.-е. былъ вдвое менѣе совѣта губернаторскаго. Ландратскіе совѣты иногда замѣняли собою губернаторовъ: такъ, по смерти перваго нижегородскаго губернатора Измайлова, для управленія этою губерніей былъ назначенъ стольникъ Путятинъ, въ качествѣ предсѣдателя Нижегородскаго Ландратскаго Совѣта [74]); впрочемъ, въ приведенномъ примѣрѣ, ландратскому совѣту подлежали не всѣ дѣла губернскаго управленія: сборы и вообще финансовое управленіе, какъ кажется, находилось въ рукахъ мѣстнаго ландрихтера, хотя Сенатъ и по вопросамъ этого рода обращался къ совѣту, — вообще, отношенія Нижегородскаго Ландратскаго Совѣта къ мѣстному ландрихтеру были неопредѣлены. Приведемъ подтвержденіе этому: 23 іюня и 4 іюля 1714 г. Сенатъ обращался къ Нижегородскому Ландратскому Совѣту съ указомъ о скорѣйшей присылкѣ опредѣленныхъ платежей, но на эти указы послѣдовало доношеніе не отъ ландратовъ, а отъ ландрихтера Кутузова [75]). Если ландрихтеры, какъ мы видѣли выше, до 1719 г. были финансовыми правителями и при губернаторахъ, то при отсутствіи губернатора, какъ въ

---

[73]) Idem, № 2.879.

[74]) Сен. 17 іюня 1714 г.: „Столнику князь Степану княжъ Иванову сыну Путятину быть въ Нижегородской губ. ландраторомъ, и тое губернію во всемъ вѣдать и отправлять всякія дѣла съ прежними ландраторы обще до Его, Великаго Государя, указу, покамѣстъ въ тое губернію опредѣленъ будетъ губернаторъ или вице-губернаторъ". А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 35, л. 98 и сл.

[75]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 130, л. 1 и 16.

данномъ случаѣ, ландрихтеръ долженъ былъ обладать еще болѣе широкими финансовыми функціями, тѣмъ болѣе, что завѣдываніе ими, сопряженное съ серіозною отвѣтственностью, вовсе не было привлекательнымъ для ландратовъ, и безъ того отягощенныхъ дѣлами областнаго управленія. Но иногда за отсутствіемъ губернатора управлялъ одинъ какой-либо ландратъ на тѣхъ же правахъ, какъ вице-губернаторы или иные второстепенные правители; такъ, въ 1718 г. Кіевской губ., за отсутствіемъ губернатора (кн. Голицына), управлялъ ландратъ Кафтыревъ [76]). Какъ начальникъ уѣздныхъ жителей, крестьянъ, ландратъ былъ обязанъ время отъ времени переписывать дворы своей доли съ подробнымъ обозначеніемъ разныхъ видоизмѣненій въ ихъ числѣ, увеличенія или пустоты, числа душъ во дворѣ, пола и возраста ихъ, а равно съ болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ усадьбы, полей и угодій, составляющихъ надѣлъ каждаго двора [77]). Эти періодическія переписи, предшественницы позднѣйшихъ болѣе правильныхъ ревизій народонаселенія, были однимъ изъ главныхъ занятій ландратовъ [78]). Прежде, до учрежденія ландратовъ, обязанность переписи была время отъ времени возлагаема на командируемыхъ для сего царедворцевъ и другихъ служилыхъ людей, такъ, въ 1710 г. для этого былъ посланъ стольникъ Мещерскій въ Сибирь [79]), а въ 1713, еще до учрежденія ландратовъ, какъ отдѣльныхъ, уѣздныхъ правителей, царедворцы были командированы для переписи новопоселенныхъ крестьянъ въ районахъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ [80]). Но эпоха 1708 — 1719 г., какъ не разъ было изъяснено, есть эпоха переходная: въ ней старыя учрежденія существовали рядомъ съ новыми, замѣняя другъ друга на основаніи тѣхъ или другихъ правительственныхъ распоряженій, мотивы которыхъ невсегда объявлялись въ указахъ и потому должны оставаться, въ большинствѣ случаевъ, внѣ предѣловъ изслѣдованія. То же мы видимъ и по отношенію къ переписи: будучи одною изъ главныхъ обязанностей ландрата, какъ уѣзднаго начальника, перепись иногда поручалась и царедворцамъ, попрежнему; такъ, въ 1715 г. губернаторамъ, кіевскому, нижегородскому, азовскому и сибирскому, предписано было послать изъ мѣстныхъ служилыхъ людей царедворцевъ, *знатныхъ и добрыхъ* людей для скорѣйшаго производства переписи помѣщиковъ и вотчинниковъ изъ инородцевъ, но въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, ви-

---

[76]) Доношеніе гвард. сержанта Логинова Сенату отъ 24 дек. 1718 г. А. М. Ю. idem, кн. 111, л. 523 и сл.

[77]) См. такъ-назыв. *ландратскія книги*, хранящіяся въ Ревижскомъ Залѣ А. М. Ю.

[78]) П. С. З. № 2.964. А. М. Ю. idem, кн. 68, л. 23, кн. 129, л. 378—10 дек. 1715 и 5 марта 1716 г., кн. 111, л. 95, кн. 155, л. 462 и сл.

[79]) А. М. Ю. idem, кн. 17, л. 46 и сл.

[80]) А. М. Ю. idem, кн. 96, л. 530, 24 апр. 1713 г.

денъ мотивъ распоряженія: ландраты занимались въ это время общею переписью, которая, естественно, отнимала у нихъ много времени, почему перепись частная и при томъ не періодическая, а единовременная, предпринятая *для подлиннаго извѣстія тѣхъ народовъ*, была поручена особымъ лицамъ въ видахъ раздѣленія занятій и, слѣдственно, болѣе успѣшнаго ихъ производства [81]). Въ 1716 г. во всѣ доли Нижегородской губ. вмѣсто ландратовъ были посланы наредворцы и для той же цѣли [82]), но въ этомъ указѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, почему и для чего предпринята такая мѣра: слѣдственно, мотивы ея неизвѣстны. То же должно сказать и о третьемъ примѣрѣ, имѣющемся у насъ: въ 1718 г. для переписки дворовъ въ Ростовскомъ уѣздѣ былъ посланъ Ростовскаго драгунскаго полка унтеръ-офицеръ Гайтуровскій, который открылъ въ уѣздѣ многія злоупотребленія со стороны старостъ и крестьянъ, укрывавшихъ одинъ другаго и «тѣмъ душевредствомъ своимъ» дѣлавшихъ убытки казнѣ [83]). При этомъ ни изъ доношенія Гайтуровскаго объ открытой имъ пустотѣ, ни изъ сенатской выписки по этому доношенію не видно, почему въ Ростовскомъ уѣздѣ перепись была въ этомъ году изъята изъ вѣдомства ландратовъ. Быть можетъ, масса дѣлъ по управленію обще-губернскому и уѣздному, неисправность въ производствѣ переписи, медленность его и другія, болѣе или менѣе важныя причины, заставляли правительство обращаться къ старому порядку, но, во всякомъ случаѣ, ревизія народонаселенія составляла одну изъ существенныхъ и главныхъ функцій ландратскаго чина.

Въ Швеціи не было ландратовъ: правителемъ дистрикта въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. безъ всякой примѣси судебныхъ функцій, сосредоточенныхъ, какъ мы видѣли, въ ландрихтерской должности и особыхъ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ, былъ ланд., или кронфохтъ (Kron-Foch, Befehlemann, Gerars-Focht). Если въ должностяхъ шведскаго кронфохта и нашего ландрата и были нѣкоторыя общія черты, то, тѣмъ не менѣе, эти двѣ должности были существенно различны между собою. Кронфохтъ не былъ членомъ губернскаго совѣта, онъ былъ исключительно правителемъ уѣзда (дистрикта) и притомъ уѣзда, а не особой единицы, доли, подобно тому, какъ ландрихтеръ былъ уѣзднымъ судьей, кронфохтъ былъ администраторомъ — въ этихъ двухъ должностяхъ судъ отдѣлялся отъ управленія. Какъ правитель, кронфохтъ завѣдывалъ тѣми же дѣлами, кромѣ суда, какъ и ландратъ въ своей долѣ, и находился въ подчиненіи земскаго бухгалтера (Lands-Buchhalter), губернатора и, наконецъ, Камеръ-Коллегіи; въ то же время на судѣ ландрихтера онъ играетъ роль мѣстнаго прокурора и

---

[81]) А. М. Ю. idem, кн. 7, л. 22, кн. 155, л. 462 и сл.

[82]) Полн. С. З. № 3.027, 18 іюня 1716 г.

[83]) А. М. Ю. idem, кн. 122, л. 188.

исполнителя-судебныхъ приговоровъ [84]). Но, несмотря на такую разницу, необходимо предположить, что кронфохтская должность сильно повліяла на наше учрежденіе ландратовъ, а именно—послужила типомъ для ландрата, какъ правителя: главныя административныя функціи кронфохта были финансовыя дѣла. Но, вникая въ дальнѣйшую судьбу нашихъ ландратовъ, не трудно усмотрѣть, что по мѣрѣ того какъ функціи ландрихтера спеціализируются въ судѣ, функціи ландрата получаютъ исключительно финансовый характеръ, вслѣдствіе чего ландраты, въ концѣ-концовъ, и подчиняются Камеръ-Коллегіи [85]).

Учрежденіе ландратовъ въ Россіи заимствовано изъ Германіи [86]), но введено подъ вліяніемъ шведскаго образца, до нѣкоторой степени общаго съ нѣмецкимъ. Введеніе ландратовъ было, между прочимъ, дальнѣйшимъ развитіемъ началъ вѣрнаго управленія въ приложеніи его къ служилому классу: первыя преобразованія Петра В. были обращены къ обществу, въ этомъ отношеніи онъ былъ продолжателемъ политики XVII столѣтія, которая для ограниченія воеводской власти въ областяхъ ставила рядомъ съ нею власть выборныхъ отъ общества съ характеромъ обязанности, повинности. Этотъ характеръ въ послѣдствіи до того развился, что за нимъ не было уже видно общественныхъ началъ въ учрежденіяхъ выборныхъ; это особенно замѣтно было въ институтѣ губныхъ старостъ. Одною изъ главныхъ заботъ Петра В. въ первые годы его царствованія было возстановленіе того равновѣсія между приказнымъ и общественнымъ элементами, которое было нарушено исключительнымъ развитіемъ перваго. Для этого Петръ В. уничтожаетъ губныхъ старостъ и сыщиковъ, какъ институтъ, утратившій всякое общественное значеніе, передаетъ дѣла ихъ мѣстнымъ воеводамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ государь вызываетъ къ дѣятельности и общественные элементы въ формѣ особыхъ совѣтовъ изъ дворянъ, учрежденныхъ при воеводахъ. Назначеніе этихъ воеводскихъ совѣтниковъ было представлено выборамъ всѣми помѣщиками и вотчинниками области въ количествѣ, опредѣленномъ указомъ, раздѣлившимъ всѣ города въ этомъ отношеніи на два разряда, большихъ и меньшихъ: въ первыхъ могло быть выбрано до четырехъ, а въ послѣднихъ только два совѣтника. Въ воеводскій совѣтъ поступали всѣ судебныя и розыскныя дѣла, что само собою явствуетъ изъ того, что совѣтъ замѣнилъ собою губное управленіе XVII вѣка, но выраженія указа [87]): «а вѣдать всякія дѣла съ Воеводы и Дворянамъ» и... «а одному Воеводѣ безъ нихъ, Дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать» доказываютъ, какъ кажется, что мѣстные вое-

---

[84]) См. у Фика.

[85]) П. С. З. № 3.354.

[86]) Ср. мнѣніе объ этомъ проф. Андреевскаго: *О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ*, стр. 111.

[87]) П. С. З. № 1.900, 10 марта 1702 г.

воды были ограничены совѣтами и въ дѣлахъ чисто правительственныхъ. Съ другой стороны, это смѣшеніе дѣлъ судебныхъ съ правительственными есть явленіе необходимое въ то время, особливо, если принять во вниманіе стремленіе Петра В. въ первые годы его царствованія, стремленіе возстановить равновѣсіе между приказною администраціей и обществомъ, возвысить послѣднее, ограничивая первую. Итакъ, въ дворянскихъ совѣтахъ 1702 г. выразились начала поднятія общества и ограниченія приказной администраціи: первое было достигаемо путемъ проложеннымъ XVII вѣкомъ, а именно призваніемъ общества къ обязательному соучастію въ управленіи, а второе—новымъ и болѣе цѣлесообразнымъ путемъ введенія строгой коллегіальности. Но, несмотря на болѣе вѣрныя средства для достиженія этой цѣли, несмотря на большую энергію правительства, подобныя мѣры по отношенію къ обществу были только палліативными: необходимо было создать общество, а потомъ уже опредѣлять внѣшнія формы его соучастія въ управленіи, а такія мѣры, какъ бы онѣ ни были полезны въ данное время, не могли этого сдѣлать, не могли имѣть созидающаго значенія для общества. Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и во все продолженіе XVII, у насъ были только отдѣльные общественные круги, части великаго цѣлаго, формируемые правительствомъ время отъ времени; эти круги и и были призываемы къ соучастію въ управленіи, но идея общества принадлежала далекому будущему; въ установленіи равновѣсія этихъ круговъ, въ ихъ отношеніяхъ къ приказной администраціи и заключалось главное стремленіе Петра В. въ первые годы его царствованія; мы называемъ громкимъ именемъ общества лишь эти отдѣльныя, не имѣвшія связи, части, за отсутствіемъ цѣлаго и въ видахъ того, что изъ нихъ въ послѣдствіи, долгимъ путемъ преобразованій, создалось, наконецъ, общество.

Итакъ, общественныя преобразованія вообще, какъ и воеводскіе совѣты въ частности, были лишь формами при отсутствіи содержанія. Какъ таковыя, они не вездѣ могли быть прилагаемы во всей чистотѣ своей основной идеи: части общества существовали не вездѣ, и, подобно тому, какъ въ Сибири не могло привиться выборное городское управленіе, такъ въ другихъ мѣстахъ, за малочисленностью служилаго класса, немыслимы были выборные воеводскіе совѣты. Слѣдствіемъ этого было то, что правительственное назначеніе и здѣсь, какъ вездѣ, было восполненіемъ выборнаго. Въ самомъ дѣлѣ, были случаи назначенія дворянъ самими воеводами изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ [88]). Въ послѣдствіи мало-по-малу уясняется чисто-правительственное значеніе воеводскихъ товарищей [89]), и такимъ образомъ создается новый институтъ воеводскихъ совѣтниковъ—товарищей по дѣламъ су-

[88]) Idem, № 2.018, 19 янв. 1.705 г.

[89]) См. idem.

дебнымъ и правительственнымъ, институтъ, въ которомъ старинное вѣрное начало смѣшивается съ новымъ, коллегіальнымъ. Новыя начала вообще, а въ ихъ числѣ и это, должны были постепенно развиваться и съ своимъ развитіемъ, подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, слагаться въ институты съ заморскими названіями и отчасти съ иностранными формами. Дворянскіе совѣты при воеводахъ обращаются въ ландратскіе при губернаторахъ, и воеводскіе товарищи — въ ландратовъ, тоже избираемыхъ мѣстными дворянами [90]). Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, институтъ, принявъ иностранное названіе, получилъ отчасти и иностранное содержаніе, насколько это послѣднее было согласно съ русскимъ правосозерцаніемъ того времени вообще: русскіе ландраты, вмѣстѣ съ значеніемъ совѣтниковъ, соединяютъ въ себѣ значеніе правителей, подобно нѣмецкимъ ландратамъ и шведскимъ кронфохтамъ. Итакъ, развитіе и, такъ сказать, дальнѣйшее усовершенствованіе, сообразно съ воззрѣніями и потребностями времени института воеводскихъ совѣтниковъ 1702 г. выразилось въ учрежденіи и развитіи института ландратовъ, этимъ и объясняется типъ этого послѣдняго въ русскомъ правѣ [91]).

Порядокъ назначенія и смѣны ландратовъ соединялъ въ себѣ, какъ начала общественныя, такъ и начала правительственныя: ландраты, какъ мы видѣли, избирались мѣстными дворянами изъ своей среды, и выборы эти за подписями избирателей посылались на утвержденіе въ Сенатъ, который, такимъ образомъ, опредѣлялъ ихъ, подобно тому какъ воеводскихъ товарищей 1702 г. опредѣлялъ Московскій Судный Приказъ. Вслѣдствіе этого, всѣ ландраты назначались сенатскими указами; такъ, въ 1714 г. назначены ландраты во всѣ губерніи по сенатскимъ указамъ [92]);

[90]) Idem, № 2.762, 20 янв. 1714 г.

[91]) Ср. Романовича-Славатинскаго: *Дворянство въ Россіи* и пр., стр. 403 и слѣд.

[92]) Правит. Сенатъ приговорили: въ губерніяхъ быть ландраторамъ изъ царедворцевъ: *въ Московской*—Михаилу Петрову сыну Измайлову, Семену Матвѣеву сыну Хрущеву, князь Михайлѣ княжъ Григорьеву сыну Волконскому, князь Ѳедору княжъ Иванову сыну Борятинскому, Александру Петрову сыну Шетневу, Семену Федорову сыну Бредихину, князь Прохору княжъ Алексѣеву сыну Вяземскому, Михайлѣ Терентьеву сыну Тулубьеву, Силѣ Иванову сыну Лихареву, Григорью Петрову сыну Зиновьеву, Ивану Устинову сыну Дашкову, Артемону Ѳедорову сыну Татищеву, Василью Иванову сыну Полтеву. *Въ Кіевской*—Даніилѣ Романову сыну Шепшину, Ивану Михайлову сыну Вердеревскому, Петру Иванову сыну Воейкову, Ивану Родіонову сыну Палчикову, Леонтью Иванову сыну Рудину, Микитѣ Иванову сыну Опухтину, Ивану Ѳомину Кривцову, Карпу Григорьеву сыну Мезенцеву. *Въ Смоленской*—Ивану Михайлову сыну Потемкину, Александру Васильеву сыну Азанчееву, Якову Васильеву сыну Потемкину, Якову Станиславову сыну Денисову, Мирону Кузьмину сыну Тургеневу, Александру Денисову сыну Сомову, Григорью Ѳедорову сыну Грибоѣдову, Ивану Андрееву сыну Яковлеву. *Въ Архангелогородской*—Ивану Степанову сыну Батурину, князь

такой же порядокъ назначенія остался и въ послѣдствіи [92]). По избраніи и утвержденіи ландраты присягали въ губернской канцеляріи въ присутствіи губернатора. Подъ формулой присяги, для каждаго ландрата особой, присягавшій подписывался, а дьякъ скрѣплялъ его подпись. По окончаніи присяги всѣ присяжные листы сообщались губернаторомъ при доношеніи Сенату для вѣдома [94]). Выборы не всегда были необходимымъ условіемъ для назначенія въ ландраты: иногда Сенатъ самъ, безъ выборовъ, назначалъ то или другое лицо ландратомъ. Этотъ порядокъ назначенія выяснился въ опредѣленіяхъ такихъ лицъ, которые прежними заслугами пріобрѣли *право* на ландратство. Ландраты—гражданскіе чиновники, а потому должность эта, какъ и всѣ гражданскія, подлежала общему взгляду того времени, отличавшему службу военную отъ гражданской. Въ самомъ дѣлѣ, отставныхъ офицеровъ, которые по старости или за ранами къ строевой службѣ были неспособны, предписывалось опредѣлять въ разныя губернскія должности, а въ томъ числѣ и въ ландраты, для прокормленія [95]); въ этомъ случаѣ право назначенія было предоставлено губернаторамъ которые ихъ назначали, смотря по способностямъ лица. На осно-

---

Николаю княжъ Иванову сыну Добринскому, Дмитрію Иванову сыну Дохтурову, Карпу Иванову сыну Неелову, Василью Матвѣеву сыну Пипину, Алексѣю Ѳедорову сыну Уварову, Алексѣю Матвѣеву сыну Данилову-Домнину, князь Микитѣ княжъ Алексѣеву сынъ Дабринскому, Данилѣ Ѳедорову сыну Червину, Василью Степанову сыну Племянникову. *Въ Казанской*—Андрею Михайлову сыну Колычеву, князь Юрью княжъ Константинову сыну Щербатому, Данилѣ Михайлову сыну Татищеву, Ѳедору Иванову сыну Змѣеву, князь Александру княжъ Андрееву сыну Болховскому, князь Дмитрею Уракову, Дмитрею Иванову сыну Теряеву, Лву Аристову, Ивану Иванову сыну Молоткову, Василью Люткину, Якову Гаврилову сыну Черткову, Леонтью Ѳедорову сыну Хрущову. *Въ Азовской*—Алексѣю Иванову сыну Еропкину, Ивану Микитину сыну Остафьеву, Ивану Иванову сыну Беклемишеву, Лукьяну Остафьеву сыну Сытину, Корнилу Тимоѳѣеву сыну Вышеславцеву, Григорью Михайлову сыну Наумову, Матвѣю Лукьянову сыну Ермолову, Михайлѣ Иванову сыну Сербину. *Въ Сибирской*—Якову Иванову сыну Ржевскому, Михайлѣ Семенову сыну Колычеву, Василью Михайлову сыну Беклемишеву, Ивану Миронову сыну Кологривову, Борису Васильеву сыну Аверову, Ивану Ѳомину сыну Бибикову, Павлу Ѳедорову сыну Загряжскому, Михайлѣ Юрьеву сыну Телепневу. И о томъ въ тѣ губерніи къ губернаторамъ послать изъ Канцеляріи Правит. Сената указы. А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 35, л. 15 и слѣд. 10 февр. 1714. г.

[93]) См. А. М. Ю. idem., кн. 19, л. 258 и слѣд., кн. 125 и 208 и сл. и др.

[94]) Этотъ порядокъ мы заимствуемъ изъ переписки по дѣлу о назначеніи въ Рижскую губ. ландратовъ въ апрѣлѣ 1714 г. (А. М, Ю. idem., кн. 35, л. 104 и сл.). При этой перепискѣ уцѣлѣлъ только одинъ присяжный листъ Григорія Грибоѣдова; остальные семь почти нельзя разобрать, ибо отъ сырости чернила почти исчезли. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ словъ на листахъ 107—109 легко убѣдиться, что какъ формула присяги, такъ и форма ея совершенія на всѣхъ остальныхъ однѣ и тѣ же.

[95]) П. С. З. № 3.003, 22 марта 1716 г.

ваніи этого указа, дающаго отставнымъ офицерамъ преимущественное право на ландратство, многіе офицеры обращались прямо въ Сенатъ, а оттуда непосредственно получали требуемое назначеніе. Такъ, въ 1716 г. отставной полковникъ Таболѣвскій обратился къ Сенату съ просьбой о назначеніи его въ ландраты Московской губ. Проситель, ссылаясь на указъ о преимущественномъ правѣ отставныхъ на мѣста по губернскому управленію, поставилъ на видъ Сенату нѣкоторыя, по его мнѣнію, неправильныя назначенія на ландратства: онъ указываетъ на ландратовъ — алексинскаго, Камынина, шуйскаго и луховскаго, Сытина, и Матинскаго стана Суздальскаго уѣзда, Полонскаго, которые *на службѣ не бывали*, т.-е. были только на службѣ, которая состояла въ командировкахъ по губернскимъ дѣламъ и потому не должна, собственно говоря, считаться дѣйствительною. Сенатъ удовлетворилъ просьбѣ Таболевскаго и своею властью назначилъ его ландратомъ въ Московскую губ. [96]). Въ томъ же году отставной подполковникъ Хрипуновъ обратился въ Сенатъ съ просьбой о назначеніи его ландратомъ въ Рузскій уѣздъ, на мѣсто тамошняго ландрата Камынина: «понеже онъ», пишетъ Хрипуновъ,— «въ арміи нигдѣ не служилъ» [97]), а подпоручикъ Кривцовскій на томъ же основаніи просился на мѣсто переяславскаго ландрата Левашева [98]). Сенатъ тѣмъ же порядкомъ удовлетворилъ и этимъ просьбамъ. Таковъ былъ порядокъ назначенія на ландратства. Судя по этому можно предположить, что и смѣна производима была также по сенатскимъ указамъ, хотя акты не представляютъ ни одного примѣра ея. По всей вѣроятности, или назначеніе новаго лица на мѣсто прежняго, или назначеніе на какую-либо другую должность, при занятіи которой нельзя было оставаться ландратомъ, или же, наконецъ, преданіе суду за преступленіе или проступки было обыкновенными случаями смѣны ландратовъ.

Какъ уѣздные правители, ландраты завѣдывали извѣстными долями уѣзда. Нормой для этой областной единицы было принято 5.536 дворовъ, но эта норма не была обязательная; напротивъ, губернаторъ могъ измѣнять указную величину доли, увеличивать ее или уменьшать, сообразуясь съ мѣстными потребностями, густотой населенія, количествомъ дѣлъ и другими условіями, которыя, ускользая отъ центральнаго правительства, должны быть извѣстны областному [99]). Пользуясь предоставленнымъ правомъ административнаго усмотрѣнія, губернаторы составляли доли крайне-разнообразно, такъ иногда въ вѣдѣніи одного ландрата соединялись одинъ или два уѣзда, какъ это мы видѣли изъ вышеприведенныхъ примѣровъ; иногда же въ одно ландратство соединялось и нѣсколько городовъ: такъ, около 1718 г. можайскій ландратъ

[96]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 121, л. 576 и сл.
[97]) Idem., л. 609, 11 марта 1717 г.
[98]) Idem, л. 615 и сл.
[99]) П. С. З. № 2.879.

Дохтуровъ завѣдывалъ Можайскомъ, Звенигородомъ, Малымъ Ярославцемъ и Борисовымъ [100]), или въ 1716 г. ландратъ Потемкинъ управлялъ городами: Калугой, Боровскомъ, Вереей и Медынью [101]). Равномѣрно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ доли хотя и не были столь крупны, но, во всякомъ случаѣ, заключали въ себѣ болѣе опредѣленной нормы дворового числа: такъ, въ Нижегородской губ., состоявшей изъ пяти доль, самая меньшая, Гороховецкая, содержала въ себѣ 5.647 дворовъ, а самая большая, Юрьевецкая, — 11.055 дворовъ [102]). Такимъ образомъ, величина ландратскихъ доль, различная по различію обстоятельствъ, которыя мотивировали губернаторское усмотрѣніе, могла быть равна то той, то другой областной единицѣ, входившей въ составъ губерніи. Отсюда два слѣдствія: 1) ландраты могли быть провинціальными правителями, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Кіевской губ. [103]); 2) если,—что, какъ кажется, бывало чаще всего — доля совпадала съ уѣздомъ, то ландраты управляли уѣздами и въ такомъ случаѣ обыкновенно смѣшивались съ комендантами [104]).

Изъ всего сказаннаго ясно, что въ ландратскомъ управленіи было соединяемо значительное количество дѣлъ при необходимости разъѣздовъ, иногда довольно дальнихъ: поэтому въ долѣ былъ цѣлый правительственный персоналъ, состоявшій изъ коммиссара, четырехъ подъячихъ и 12 разсыльныхъ [105]).

Въ качествѣ губернаторскихъ совѣтниковъ, ландраты ежемѣсячно присутствовали въ совѣтѣ по двое, а къ концу года съѣзжались всѣ въ губернскій городъ для отчетности и составленія общегубернскихъ вѣдомостей [106]). Ландраты находились въ непосредственной зависимости отъ губернаторовъ и подлежали, въ случаяхъ преступленій или про-

---

[100]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 125, л. 208 и сл.

[101]) Ibid. Дѣла Судн. Пр. Вязка 770 № 3, л. 4. Въ отвѣтѣ изъ Московской Губ. канц. на доношеніе изъ Приказа Земскихъ Дѣлъ отъ 16 мая 1716 г. читаемъ: „Въ Калугѣ, въ Боровску, въ Вереѣ, въ Медынѣ лантъ-ратъ Дмитрей Ѳедоровъ сынъ Потемкинъ *Сія ево доля и одинъ онъ вѣдаетъ*“.

[102]) Idem. Дѣла Сената, кн. 129, л. 776.

[103]) Ibid., кн. 111, л. 198—205.

[104]) Примѣры смѣшенія: въ одномъ дѣлѣ, разбиравшемся въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ, а потомъ—въ Алексинской Воеводской Канцеляріи (1714—1729 г. Объ утвержденіи духовнаго завѣщанія какого-то Якова Силиверстова), Алексинскій уѣздный начальникъ Суровцевъ называется безразлично то комендантомъ, то ландратомъ (ibid. Дѣла Судн. Пр. Вязка 770, № 22, листы: 4—5, 9—10). Въ другомъ дѣлѣ, разбиравшемся во Владимірской приказной избѣ въ 1713 г. (тяжба о поземельномъ владѣніи между владимірскимъ помѣщикомъ Нестеровымъ и Троице-Сергіевымъ монастыремъ), упомянутая изба вездѣ называется *Ландратской канцеляріей*, а Владимірскій уѣздный начальникъ Ухтомскій — комендантомъ (ibid. Вязка 768, № 44, листы: 1, 24, 25, 60 и др.).

[105]) Полн. Собр. Зак. № 2.879. [106]) Idem.

ступковъ, суду ландратскихъ совѣтовъ въ составѣ вице-губернатора и остальныхъ ландратовъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ [107]). Всѣ, означенные выше, областные правители завѣдывали провинціями, уѣздами и долями, т.-е. были областными правителями въ собственномъ смыслѣ этого слова и иногда, какъ мы видѣли, носили общее родовое названіе воеводъ, или командировъ. Изъ общаго строя губернскаго управленія какъ бы выдѣлялись дворцовыя волости. Онѣ имѣли нѣкоторыя черты самоуправленія, а начальниками ихъ были прикащики, или приказные люди, иногда — съ приписью подьячіе, присылаемые изъ Приказа Большаго Дворца. На обязанности прикащика лежало управленіе всѣми казенными, государевыми и мірскими дѣлами; онъ вѣдалъ всякіе сборы, сельское хозяйство (десятинную пашню, укосные луга), казенные конскіе заводы (конюшенный дворъ, кобылью конюшню) и чинилъ судъ и расправу между крестьянами. Прикащики состояли въ вѣдѣніи и подчиненіи мѣстной администраціи, т.-е. уѣздныхъ начальниковъ и губернаторовъ. Въ случаяхъ злоупотребленій, притѣсненій крестьянъ, нарушенія казеннаго интереса и т. п., надъ прикащиками мѣстные губернаторы наряжали слѣдствіе, а уѣздные начальники сами его производили, или, какъ тогда говорилось, «въ обидахъ и налогахъ и въ интересѣ Великаго Государя чинили розыскъ». Злоупотребленія прикащиковъ и беззащитность крестьянъ иногда вынуждали послѣднихъ бить челомъ всѣмъ міромъ въ Сенатъ, который, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ предписывалъ губернатору произвести слѣдствіе, поручавшееся губернаторомъ для производства мѣстному уѣздному правителю. Въ 1715 г. началось дѣло по челобитью крестьянскаго общества дворцоваго села Даниловскаго, Костромскаго уѣзда, о злоупотребленіяхъ и даже уголовныхъ преступленіяхъ тамошняго прикащика, Бугайскаго. Сенатъ предписалъ московскому губернатору о производствѣ слѣдствія, а московскій губернаторъ поручилъ это дѣло ландрату Любимской доли Костромскаго уѣзда, Расславлеву [108]).

Дворцовые крестьяне иногда обращались къ Сенату съ просьбами объ оставленіи того или другаго прикащика у нихъ, и Сенатъ соглашался на ихъ мірскія челобитья. Такъ, въ 1714 г., дворцовыя волости Балахнинскаго уѣзда: Толоконцевская, Керженская, Дрюковская, Хохловская и Заузольская, находились въ вѣдѣніи дьяка Нижегородской губернской канцеляріи, Степана Нестерова; въ мартѣ 1715 г. Нестеровъ былъ сдѣланъ нижегородскимъ ландратомъ, но названныя пять волостей, по мірскому челобитью, остались, попрежнему, въ его управленіи [109]).

Прикащикъ принималъ и разсматривалъ жалобы подвѣдомственныхъ ему крестьянъ на ихъ старостъ, но если онъ не давалъ скораго удовле-

---

[107]) Полн. Собр. Зак. № 2.879.

[108]) Арх. Мин. Ю. Дѣла Сен., кн. 121, л. 393—413.

[109]) Idem, кн. 129, л. 173 и слѣд.

творенія и почему-либо затягивалъ дѣло, то крестьяне жаловались мѣстному губернатору, на медленность котораго приносили жалобу уже въ Сенатъ [110]).

Таковы были второстепенные областные правители. Мы видѣли, что всѣ они имѣли, кромѣ общаго, еще спеціальное значеніе: такъ, коменданты, будучи уѣздными правителями, были, собственно говоря, командирами мѣстныхъ гарнизоновъ, ландраты — губернскими совѣтниками, ландрихтеры главнымъ образомъ — судьями, и т. д. Словомъ, составъ областной администраціи былъ самый разнообразный, но при этомъ, каково бы ни было спеціальное назначеніе того или другаго чиновника, онъ—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ—былъ прежде всего правитель, совмѣщая въ себѣ власть управленія съ властью суда. Сходясь въ этомъ общемъ для всѣхъ назначеніи, всѣ областные правители, начиная съ губернатора и до дворцоваго прикащика, различались только рангами: компетенція ихъ была одна и та же; они были снимками другъ съ друга, только въ болѣе или менѣе уменьшенномъ видѣ. Вслѣдствіе этого, отношенія ихъ между собою и къ центральной власти были крайне неопредѣленныя; правительство не имѣло правильной идеи о должностномъ подчиненіи, о томъ, что можно назвать субординаціей управленія и что составляетъ необходимую принадлежность вполнѣ развитаго правительственнаго механизма; если оно обращалось въ большинствѣ случаевъ къ губернаторамъ исключительно и черезъ нихъ дѣйствовало на внутреннія пружины области, то лишь потому, что это было удобнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, въ XVII вѣкѣ центральная власть сносилась съ каждою отдѣльною областью, какъ бы она мала ни была, непосредственно,—въ XVIII же она знаетъ лишь одного представителя цѣлой, огромной, искусственной совокупности такихъ дробныхъ единицъ; онъ одинъ передъ нею отвѣтственъ. Удобство очевидное: выигрывается время, столь дорогое для правительства Петра Великаго, и самая отвѣтственность дѣлается дѣйствительнѣе; дальнѣйшимъ и необходимымъ слѣдствіемъ этого порядка, произведеннаго соображеніями большаго удобства, была, безъ сомнѣнія, громадная власть губернатора и подчиненіе ему мелкихъ типовъ той же власти, того же понятія. Но соображенія удобства не сдерживаются общими нормами и, будучи исключительными, не въ силахъ создать твердаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ же соображенія, которыя заставляли правительство въ губернаторѣ признать представителя губерніи, понуждали его иногда обращаться съ тѣми или другими правительственными вопросами, помимо губернатора, къ миніатюрамъ его власти, второстепеннымъ правителямъ. Общій порядокъ управленія здѣсь какъ бы приносился въ жертву временному удобству. Сло-

[110]) Дѣло о старостѣ Дрюковской волости, Леонтіи Лестовщикѣ, обвинявшемся крестьянами въ растратѣ мірской казны, начавшееся въ 1713 г. Арх. М. Ю., idem. кн. 129, л. 543 и слѣд.

вомъ, областное управленіе, принявъ новыя начала, страдало прежнею неурядицей, новыя начала окрасились въ прежнюю краску. Причины этого заключались, главнымъ образомъ, въ сущности центральныхъ органовъ, которые, имѣя предназначеніе быть представителями высшаго надзора и руководства, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и областными органами; не говоря уже о приказахъ, ту же окраску получилъ и новоучрежденный Сенатъ.

Вслѣдствіе такой централизаціи, въ области de facto были прикащики большаго или меньшаго ранга, къ которымъ правительство и относилось, руководствуясь лишь соображеніями удобства. Слѣдственно, здѣсь прежде всего дѣйствовали общія причины: централизація и постепенность въ образованіи государства, постепенность, которую, какъ законъ природы, не въ силахъ нарушить никакая энергія правителей. Новыя организаціонныя начала проникаютъ постепенно въ государственный строй, старыя формы и учрежденія лишь постепенно ветшаютъ и въ общемъ круговоротѣ жизни возрождаются въ новыя. Центры передвигаются, столица получаетъ свой нормальный смыслъ лишь постепенно, вмѣстѣ съ этимъ областное управленіе пріобрѣтаетъ нормальный строй, отношенія опредѣляются, ибо власти, прежде соединенныя въ безразличномъ хаосѣ, раздѣляются и строго разграничиваются.

Но для начала XVIII вѣка такой порядокъ вещей былъ еще дѣломъ далекаго будущаго.... Съ другой стороны, будучи произведеніемъ общихъ причинъ, порядокъ, или правильнѣе, безпорядокъ областнаго управленія начала XVIII в. былъ отчасти плодомъ и частностей, которыя имѣли значеніе ближайшихъ и нагляднѣйшихъ причинъ шаткости учрежденія: были губерніи на особомъ положеніи, какъ это мы видѣли не разъ выше; это *особое положеніе* вліяло и на внѣшній строй губернской администраціи. Не касаясь множества примѣровъ, которые можно было бы привести въ подтвержденіе, мы представимъ лишь одинъ. Всякій, кто знакомъ съ источниками и актами описываемаго нами времени, знаетъ, что въ Азовской губ., помимо генералъ-губернатора, власть котораго, какъ мы старались доказать [110]), была равносильна власти всякаго другаго губернатора, вице-губернатора и другихъ, болѣе или менѣе общихъ правителей, былъ еще губернаторъ, Иванъ Андреевичъ Толстой. Этотъ губернаторъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи губерніей вообще: онъ не товарищъ Апраксина, ибо въ такомъ случаѣ исправлялъ бы его должность въ частыхъ отлучкахъ послѣдняго, но губерніей въ отсутствіе Апраксина управляютъ вице-губернаторъ и ландрихтеръ, какъ это видно было выше. Толстой правилъ однимъ Азовомъ, былъ какъ бы военнымъ начальникомъ этой важной крѣпости и, какъ таковой, т.-е. какъ командиръ Азова, трактовался выше оберъ-комендантовъ и комендантовъ, а такъ

[110]) См. гл. II.

какъ въ то время военные ранги считались важнѣе гражданскихъ вообще, то Толстой трактовался выше мѣстнаго вице-губернатора, какъ по окладу, такъ и по рангу. Такимъ образомъ, частная потребность заставила появиться губернатора только по имени, безъ всякаго матеріальнаго значенія—Азовское губернаторство было плодомъ того времени, эпохи перехода отъ учрежденій XVII вѣка къ новому порядку. Новыя начала по отношенію къ областнымъ правителямъ выразились въ вопросѣ о жалованьѣ. Старый взглядъ на гражданскую службу вообще, какъ на отдыхъ отъ службы дѣйствительной, т.-е. военной, хотя еще и существуетъ, но окрашивается инымъ цвѣтомъ: право на вознагражденіе, на законную наживу, изъ-за которой хлопочутъ просители, пріобрѣтается уже не однѣми прежними заслугами на поприщѣ, собственно говоря, чуждомъ новому назначенію; прежнія заслуги даютъ право проситься на должность болѣе спокойную и безопасную, но лишь добросовѣстное исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ этою новою должностью, одно даетъ право на полученіе жалованья или вознагражденія по опредѣленному окладу.

Право обращено въ обязанность, а обязанность привела къ жалованью, замѣнившему прежнее кормленіе. Такимъ образомъ, жалованье за гражданскую службу въ началѣ XVIII столѣтія сдѣлалось вознагражденіемъ за добросовѣстное исполненіе даннымъ лицомъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагались на него по занимаемой имъ должности; оно было поощреніемъ для хорошихъ и исполнительныхъ чиновниковъ. Отсюда, само собою разумѣется, что это понятіе отличалось отъ кормленія XVII в. настолько же, какъ оно отличалось и отъ современнаго намъ понятія о жалованьѣ вообще. Для рѣзкаго разграниченія этихъ понятій необходимо напомнить читателю о разныхъ стадіяхъ служебнаго положенія лицъ въ Россіи въ эпоху кормленій, при Петрѣ В. и въ наше время. Безъ всякаго сомнѣнія, эти три стадіи принадлежатъ одному и тому же органическому процессу государственнаго развитія, или лучше сказать, процессу развитія одной стороны государственнаго организма. Обязанность службы государству въ XVII вѣкѣ ограничивалась военною службой, — въ XVIII в. понятіе обязанности, должности, распространилось и на службу гражданскую,—въ наше время юридическая обязанность служить государству обратилась въ нравственный долгъ, который въ извѣстной своей части формулируется положительнымъ закономъ и въ исполненіи котораго равно заинтересованы, какъ частныя лица, такъ и государство. Вотъ границы, въ которыхъ вращались русскіе служилые люди въ XVII и началѣ XVIII вѣка и въ которыхъ они вращаются въ настоящее время.

Въ первомъ случаѣ существуютъ понятія юридической обязанности военной службы и права на службу гражданскую; во второмъ—въ служебномъ положеніи лица, какого бы рода службу это лицо ни отправляло, нѣтъ идеи права, остается только одна строго - опредѣленная

обязанность; наконецъ, въ третьемъ—общество, доразвившееся до понятія нравственнаго долга, порождаетъ служителей государству, убѣжденныхъ въ необходимости службы, какъ дѣятельности на пользу послѣдняго, и для обезпеченія матеріальныхъ потребностей получающихъ отъ казны вознагражденіе, какъ условіе, безъ котораго чиновникъ не могъ бы безраздѣльно предаваться исполненію своихъ обязанностей, а принужденъ былъ бы заботиться также и о насущномъ хлѣбѣ. Такимъ образомъ, понятіе жалованья видоизмѣняется, какъ вслѣдствіе измѣненія самой идеи службы, такъ равно и вслѣдствіе измѣненія матеріальныхъ средствъ служилыхъ людей. Матеріальное благосостояніе служилаго класса было обезпечено поземельнымъ владѣніемъ на условіи службы военной въ XVII, службы военной и гражданской — въ началѣ XVIII вѣка; въ настоящее время титулъ помѣстнаго владѣнія представляетъ собою достояніе исторіи, а обезпеченіе матеріальныхъ средствъ жизни чиновника имѣетъ единственный источникъ въ жалованьѣ. Если жалованье за гражданскую службу прежде было лишь поощреніемъ хорошаго чиновника, имѣвшаго иное обезпеченіе въ жизни, то въ настоящее время оно есть необходимость, единственный источникъ обезпеченія лица, исполняющаго нравственный долгъ службы государству. Что же касается до отличія кормленія XVII вѣка отъ жалованья начала XVIII, то оно явствуетъ изъ различія взглядовъ на службу гражданскую. Воевода кормился и за это какъ бы отплачивалъ государству отправленіемъ мѣстнаго суда и расправы; напротивъ, областной правитель эпохи Петра В. былъ лицомъ должностнымъ,—государство за добросовѣстное исполненіе имъ должностныхъ обязанностей отплачивало ему денежнымъ жалованьемъ сверхъ помѣстнаго оклада, которымъ онъ владѣлъ.

Различаясь между собою въ понятіи, жалованье за службу въ началѣ XVIII вѣка и въ наше время различается также въ порядкѣ и основаніи производства. Не составляя насущной необходимости, первое производилось изъ суммъ остаточныхъ отъ государственныхъ расходовъ; финансовый балансъ былъ въ этомъ отношеніи рѣшителемъ судьбы чиновника: если была возможность произвести уплату, она производилась, если же этого нельзя было сдѣлать, то жалованье удерживалось, особливо, если лицо, о которомъ шла рѣчь, владѣло помѣстьемъ [112]); затѣмъ жалованье давалось только тѣмъ чиновникамъ, которые въ продолженіе года служили безпорочно и по освидѣтельствованіи отчетовъ оказались дѣятельны и исполнительны [113]). Вслѣдствіе такого порядка и основанія производства жалованья, оно производилось не постоянно, а по мѣрѣ возможности и заслуги: такъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ сибирскому коменданту Шокурову было выдано жалованье только од-

[112]) Полн. Собр. Зак. № 2.758, 10 января 1714 г.
[113]) Idem. № 3.034, 27 іюля 1716 г., № 2.879, 28 января 1715.

нажды [114]); иногда, по недоразумѣніямъ, жалованье того или другаго областнаго правителя было задерживаемо, и заинтересованное лицо для удостовѣренія предъ Сенатомъ своего права должно было заявлять о своихъ заслугахъ; Сенатъ дѣлалъ справки, и жалованье выдавалось лишь въ томъ случаѣ, если заявленіе челобитчика подтверждалось собранными о немъ справками: таковы дѣла, производившіяся въ Сенатѣ въ 1717 г., по челобитьямъ нижегородскаго ландрихтера, Андрея Михайлова, который просилъ о производствѣ ему задержаннаго жалованья на томъ основаніи, что онъ былъ не повиненъ въ финансовыхъ безпорядкахъ, а свое дѣло дѣлалъ добросовѣстно [115]), московскаго ландрихтера Топильскаго, который также добросовѣстно вѣдалъ судебныя дѣла [116]), и многія другія, попадающіяся при чтеніи подлинныхъ дѣлъ и приговоровъ Сената.

Ясно, что такая неаккуратность въ производствѣ жалованья и недоразумѣнія, столь частыя въ то время, находились въ причинной связи съ самымъ понятіемъ жалованья въ началѣ XVIII вѣка. Если обстоятельства требовали чрезвычайныхъ расходовъ, то жалованье безусловно задерживалось впредь до разрѣшенія. Всѣ доходы обращались на общегосударственное управленіе, и ими удовлетворялись *служилые люди*, т.-е. лица, находившіяся на дѣйствительной военной службѣ. Интересный примѣръ этого представляетъ одинъ изъ указовъ конца 1713 г., которымъ повелѣно было задержать, впредь до указа, жалованье въ приказахъ и губерніяхъ на 1714 годъ всѣмъ безъ изъятія, кромѣ *служилыхъ людей*; мотивомъ этого распоряженія выставлены военныя дѣйствія: «для нынѣшней службы» [117]). Понятіе обязанности, распространившееся въ это

---

[114]) Сибирск. Вѣдом. 1709—1713 г. Арх. Мин. Ю. Дѣла Сената, кн. 17, л. 46—76.

[115]) Арх. Мин. Юст. idem, кн. 46, л. 921.

[116]) Idem, кн. 42, л. 292 и сл.

[117]) Вотъ этотъ интересный указъ (Имен. 3 декабря 1713 г.): „для нынѣшней службы въ губерніяхъ и Приказѣхъ жалованья всякого чину людемъ — кромѣ служилыхъ—до Его, Великаго Государя, указу, на предбудущій 714 г. отнюдь никому не давать, а ежели кому до сего Его, Великаго Государя, указу на тотъ предбудущій 714 г. дача была, и о томъ въ Канцелярію Пр. Сената прислать вѣдѣніе немедленно безъ всякія утайки, какимъ чинамъ и кому имяны, и по какимъ указомъ тѣ дачи были. И о томъ изъ Канцеляріи Прав. Сената въ губерніи и въ Приказы послать Его, Великаго Государя, указы“ (Арх. Мин. Юст. idem, кн. 29, л. 139). Для правильнаго пониманія этого указа необходимо принять въ соображеніе, что въ началѣ XVIII вѣка слово „жалованье“ употреблялось, подобно другимъ терминамъ, крайне безразлично: *жалованье въ губерніи* означало всю совокупность денежныхъ выдачъ изъ массы губернскихъ доходовъ, кому бы выдачи эти ни предназначались, областнымъ ли правителямъ и служителямъ или церквамъ, монастырямъ, шпитальнымъ домамъ и др. учрежденіямъ. Но тѣмъ не менѣе, между этими отдѣльными видами жалованья было суще-

время и на гражданскую службу, все-таки по отношенію къ послѣдней носило слѣды стараго воззрѣнія на службу вообще; въ самомъ дѣлѣ, военные чины, какъ было установлено въ концѣ періода, удовлетворялись жалованьемъ преимущественно, а гражданскіе—изъ остатковъ [118]). Если обязанность гражданской службы была до нѣкоторой степени сравнена съ обязанностью военной, то, во всякомъ случаѣ, должности первой были, какъ уже замѣчено выше, спокойнѣе и безопаснѣе должностей второй, вмѣстѣ съ этимъ онѣ считались все-таки менѣе важными, нежели военные чины; вслѣдствіе этого, правительство и болѣе заботилось о вознагражденіи за труды воинскіе, нежели за управленіе областями и другія функціи гражданской службы.

Теперь обратимся къ порядку производства жалованья областнымъ правителямъ. Жалованье было опредѣлено извѣстными окладами, различными по различію чиновъ, или занимаемыхъ должностей; оно производилось деньгами и натурой,—эти оба способа не исключали, а напротивъ пополняли другъ друга: хлѣбное жалованье, въ послѣдствіи обратившееся въ столовыя деньги, было безъ всякаго сомнѣнія остаткомъ прежнихъ кормленій, форма которыхъ удержалась въ этихъ натуральныхъ прибавкахъ. Оклады денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ большинствѣ случаевъ были однообразны при одинаковости условій, т.-е. чиновъ, но иногда особыя обстоятельства измѣняли это однообразіе, и одинакія должности въ разныхъ мѣстахъ были опредѣлены различными окладами жалованья. Слѣдующая таблица показываетъ обыкновенные оклады денежнаго и хлѣбнаго жалованья, насколько эти оклады опредѣлены въ актахъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи:

Вице-губернаторы.		Коменданты.		Ландраты.		Ландрихтеры.	
Денежн.	Хлѣбн.	Денежн.	Хлѣбн.	Денежн.	Хлѣбн.	Денеж.	Хлѣбн.
600 р.	300 ч.	120 р.	120 ч.	120 р.	120 ч.	300 р.	150 ч. [119]).

Какой окладъ былъ опредѣленъ для жалованья оберъ-комендантамъ, изъ актовъ не видно. Таковы были общіе оклады; исключенія въ большинствѣ случаевъ мотивировались бо́льшими трудностями, сопряженными съ тою или другою должностью въ данной мѣстности: такъ петербургскій вице-губернаторъ и ландрихтеръ получали усиленные оклады денежнаго жалованья, а именно первый 3.000 р., а второй—600 [120]), очевидно, потому что первый былъ принужденъ нерѣдко управлять цѣлою губер-

---

ственное различіе въ цѣли выдачъ, а потому и во времени производства ихъ. Поощреніе хорошему чиновнику дѣлается по удостовѣреніи въ его заслугахъ, т.-е. по окончаніи года; напротивъ, содержаніе того или другаго учрежденія или лица, какъ казенная субсидія, могло быть производимо въ началѣ года: конецъ указа относится именно къ такого рода выдачамъ.

[118]) Полн. Собр. Зак. № 3.386, 9 мая 1719 г.

[119]) Полн. Собр. Зак. № 2.879, Арх. Мин. Юст., кн. 49, л. 140 и слѣд.

[120]) Полн. Собр. Зак. № 2.879.

ніей вмѣсто губернатора Меншикова, котораго обязанности главнокомандующаго заставляли большею частью находиться при войскахъ, а петербургскій ландрихтеръ иногда завѣдывалъ разнообразными и сложными дѣлами [121]). Равномѣрно, коменданты пограничныхъ городовъ Кіевской губ., каковы Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславль и Полтава, получали также усиленные оклады и не только денежнаго, но и хлѣбнаго жалованья, а именно: 580 р. и 600 четв. хлѣба [122]); безъ сомнѣнія, и здѣсь мотивами усиленія окладовъ была бо́льшая трудность и даже опасность управленія. Иногда исключенія мотивировались исключительною должностью даннаго лица; такъ азовскій губернаторъ Толстой получалъ 1.000 р. безъ производства хлѣбнаго жалованья [123]), но иногда оклады были опредѣляемы въ уменьшенномъ видѣ: такъ петербургскій комендантъ получалъ хлѣбнаго жалованья всего 100 ч. [124]); мотива этого уменьшенія изъ актовъ не видно.

Жалованье областнымъ второстепеннымъ правителямъ производилось мѣстнымъ губернаторомъ изъ мѣстныхъ доходовъ, откуда губернаторъ самъ бралъ свое [125]). Но если губернаторъ бралъ себѣ и раздавалъ другимъ областнымъ правителямъ жалованье незаслуженное, то послѣднее взыскивалось обратно въ казну съ прибавленіемъ штрафа, о чемъ будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

ГЛАВА IV.

КАНЦЕЛЯРІИ И ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

Губернія начала XVIII вѣка была механическимъ сопоставленіемъ прежнихъ областныхъ единицъ. Внѣшнія границы ея не имѣютъ опредѣленности въ очертаніяхъ: это была попытка чисто внѣшняго соединенія нѣсколькихъ уѣздовъ подъ властью губернатора для удобства управленія. Равнымъ образомъ, и губернскія учрежденія не имѣли необходимой опредѣленности, комбинація ихъ была также лишь чисто внѣшнею. Въ теченіе періода, въ сферу этихъ учрежденій, по указаніямъ практики, привходятъ все болѣе и болѣе начала большаго порядка, уясняется строй новой губернской администраціи; вмѣстѣ съ этимъ организуются новыя мѣста и учрежденія, дѣйствующія въ но-

[121]) См. напр. Полн. Собр. Зак., № 2.135, 17 января 1707 г.
[122]) Арх. Мин. Юст., Дѣла Сен., кн. 49, указ. листъ и кн. 111, л. 198—205.
[123]) Idem, кн. 96, л. 562—573.
[124]) Арх. Мин. Юст. idem, кн. 190, л. 335 и слѣд., 13 августа 1718 г.
[125]) Полн. Собр. Зак., № 3.034.

выхъ границахъ; дѣлаются новыя поправки и дополненія въ планѣ 1708 года. Итакъ, въ описываемый періодъ губернское управленіе было, такъ сказать, механическимъ аггрегатомъ порядковъ прежняго, уѣзднаго. Вслѣдствіе этого, различіе власти первостепенныхъ правителей, губернаторовъ, отъ власти второстепенныхъ было скорѣе количественнымъ, нежели качественнымъ: комендантъ, ландратъ и другіе управляли уѣздомъ или долей его; на эту территорію только и простиралась ихъ власть; напротивъ, губернаторская власть обнимала нѣсколько уѣздовъ, простиралась на всю губернію; но существо этихъ двухъ, одна другую объемлющихъ, властей было одно и то же; управлять, въ общемъ и безразличномъ смыслѣ этого слова, значило быть судьей и администраторомъ въ томъ районѣ, который былъ данному лицу предоставленъ. Но область не можетъ оставаться такимъ механическимъ аггрегатомъ: будучи плодомъ централизаціонной политики правительства (мы здѣсь не касаемся историческаго областнаго дѣленія, а имѣемъ въ виду нашу область начала XVIII вѣка; лишь такимъ образомъ сформированная область можетъ въ началѣ своего существованія быть механическимъ аггрегатомъ болѣе мелкихъ частей), она, какъ учрежденіе, можетъ дѣйствовать лишь по логическимъ законамъ, требованія которыхъ предъявляются ей практикой, а потому—какъ бы ни былъ несовершенно начертанъ планъ областнаго преобразованія, въ какомъ бы механическомъ состояніи не представлялась область извнѣ,—на основаніи этого плана, практика непремѣнно внесетъ въ такой механическій аггрегатъ начала организаціи. Отсюда,—губернія 1708 года на практикѣ представляетъ богатый матеріалъ для образованія позднѣйшей, правильной организаціи, и даже на первыхъ порахъ ея существованія количественное различіе властей и учрежденій получаетъ нѣкоторый качественный оттѣнокъ, развивающійся съ теченіемъ времени и развивающій въ механическомъ аггрегатѣ органическія начала. Этотъ качественный оттѣнокъ пріобрѣтается, главнымъ образомъ, въ силу того, что губернаторъ трактуется какъ представитель всей губерніи, какъ внѣшняя связь этого аггрегата, при существованіи которой пробуждаются органическія свойства области и одухотворяется аггрегатъ, созданный внѣшнимъ образомъ: слѣдственно, здѣсь природа помогаетъ политикѣ, но, во всякомъ случаѣ, въ общихъ чертахъ областныя власти 1708 года различаются лишь количественно, а не качественно. Отсутствіе юридическаго сознанія, столь свойственное первичной эпохѣ государственнаго образованія, было завѣщано XVIII вѣку XVII-мъ: въ этомъ отношеніи строй жизни этого послѣдняго былъ tabula rasa, на которомъ въ XVIII вѣкѣ начинаютъ напечатлѣваться первыя представленія. По мѣрѣ развитія этихъ представленій въ понятія, развитія медленнаго, формы и учрежденія мало-по-малу комбинируются въ организмъ. Введеніе коллегіальности и выдѣленіе суда изъ безразличной массы управленія—вотъ внѣшніе признаки начала того процесса, для котораго въ XVII вѣкѣ былъ приготовленъ лишь сырой матеріалъ.

Губернія создана по примѣру уѣзда: поэтому и губернскія учрежденія суть новая комбинація уѣздныхъ; то же должно сказать и объ учрежденіяхъ провинціальныхъ, образовавшихся на практикѣ, но до 1719 года не уложеныхъ въ законѣ. Такимъ образомъ, губернскія и провинціальныя канцеляріи суть повторенія одного и того же типа приказныхъ палатъ и съѣзжихъ избъ, органовъ областнаго управленія XVII вѣка; онѣ получили лишь новыя, иностранныя названія.

Остановимся на этомъ вопросѣ. Выше (I гл.) было замѣчено, что въ XVII вѣкѣ были отдѣльныя попытки введенія началъ административнаго дѣленія и приписки городовъ меньшихъ, въ которыхъ при воеводахъ были съѣзжія избы, къ городамъ бо́льшимъ, значительнымъ, въ которыхъ органы при воеводахъ носили наименованіе приказныхъ палатъ. Это были антецеденты послѣдующаго дѣленія на губерніи, центрами которыхъ были назначены города съ приказными палатами, но учрежденіе 1708 года имѣло общее значеніе и отличалось большею опредѣленностью: характеръ приписки выяснился подъ вліяніемъ новыхъ началъ; поэтому и органы управленія при губернаторахъ были переименованы въ губернскія канцеляріи. Эти послѣднія, какъ и власть ихъ начальниковъ, губернаторовъ, по отношенію къ правительственнымъ органамъ приписныхъ городовъ носили отпечатокъ того же количественнаго различія, а потому иногда и назывались, попрежнему,— приказными палатами; такъ, Смоленская губернская канцелярія иногда называлась приказною палатой [1]). Впрочемъ, случаи наименованія губернскихъ канцелярій палатами чрезвычайно рѣдки, они составляютъ исключеніе, и новыя названія сразу получаютъ право полнаго гражданства въ дѣловомъ языкѣ того времени. Терминъ «губернская канцелярія» употребляется безразлично съ другимъ, по понятіямъ того времени—равносильнымъ, «губернія». Выраженія: «такая-то губернская канцелярія», «такая-то губернія», «такой-то губернаторъ», употреблялись, какъ синонимы, въ указахъ, доношеніяхъ и челобитныхъ начала XVIII столѣтія: свидѣтельствомъ въ этомъ случаѣ служитъ вся масса актовъ и документовъ за время перваго учрежденія губерній, находящаяся въ подлинныхъ дѣлахъ разныхъ учрежденій этого времени. Такое словоупотребленіе вполнѣ понятно: съ одной стороны, губернія 1708 года была явленіемъ административнымъ, а потому и понятіе ея вполнѣ отождествлялось съ понятіемъ соотвѣтствующаго ей органа управленія; съ другой же, губернаторъ, воплощая всю полноту областнаго управленія,

---

[1]) Указъ Смоленскому губернатору Салтыкову, отъ первыхъ чиселъ декабря 1711 года, о подводахъ подъ войска до Риги и Померанія:... „а на наемъ подводъ деньги дать въ Смоленску изъ Приказныя Палаты“. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 16, л. 184 и слѣд.; о томъ же см. idem, кн. 13, л. 295 и слѣд. Также см. П. С. З. № 2.597, 27 октября 1712 г. Сущность этого свидѣтельства будетъ приведена въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

былъ представителемъ губерніи, а имя его вполнѣ могло замѣнить названіе самого учрежденія. Между губерніей и уѣздомъ практикой выработалась посредствующая единица — провинція. Она была явленіемъ совершенно новымъ, слѣдствіемъ преобразованія 1708 года, а потому типъ приказной палаты въ приложеніи его къ провинціи получаетъ исключительно новое названіе канцеляріи; такъ напр., Смоленская губернская канцелярія до тѣхъ поръ называлась приказною палатой, пока Смоленскъ былъ губернскимъ городомъ, но со времени образованія Рижской губерніи, въ составъ которой бывшая Смоленская вошла въ качествѣ провинціи [2]), она стала называться: *Смоленскою канцеляріей*. Напротивъ, органы уѣзднаго управленія удержали старинныя названія избъ, хотя, вмѣстѣ съ этимъ они назывались и новымъ именемъ канцеляріей: примѣры этого встрѣчаются въ первые годы періода; такъ въ одномъ судномъ дѣлѣ 1713 года, Владимірская приказная изба называется *ландратской канцеляріей* [3]). Но, во всякомъ случаѣ, въ концѣ періода примѣры эти сдѣлались чаще [4]). Причину этого, безъ сомнѣнія, должно искать въ той любви къ иностраннымъ словамъ, которая началась въ нашемъ литературномъ и дѣловомъ языкѣ съ преобразованій Петра Великаго и, постепенно развиваясь, въ концѣ-концовъ обратилась въ безсознательную привычку. Эти канцеляріи и избы были средоточіемъ всего областнаго управленія; онѣ были необходимыми принадлежностями каждой областной единицы. Но, кромѣ ихъ, въ области были нѣкоторыя другія учрежденія, существованіе которыхъ объяснялось, съ одной стороны, общимъ характеромъ областнаго управленія того времени, а съ другой—частными потребностями той или другой области. Централизація имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ безразличіе функцій высшаго правительства и управленія въ собственномъ смыслѣ, внѣ перваго существуютъ или одни исполнительные органы, или такіе органы, которые обладаютъ правительственною властью лишь за отсутствіемъ правительства: поэтому, въ столицѣ управленіе принадлежитъ непосредственно послѣднему. Такъ было и у насъ: въ эпоху приказной администраціи приказы были органами правительства и вмѣстѣ управленія для Москвы; функція управленія въ области поручалась ими воеводамъ и приказнымъ людямъ, которые были, такимъ образомъ, представителями приказовъ и ихъ власти. Потребности большей централизаціи и большей правильности административной системы выражались въ постепенномъ уменьшеніи этихъ центральныхъ правительствъ и въ попыткахъ уменьшенія пестроты областныхъ единицъ. Учрежденіе Сената — одинъ изъ позднѣйшихъ моментовъ этого движенія; областное

---

[2]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 46, л. 720. Доношеніе Рижскаго губернатора 1715 года.

[3]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Суднаго Приказа, вязка 768, № 44.

[4]) См. ibidem, вязка 769, № 3; 1.378, № 14, 34, 41 и мн. др.

управленіе, какъ и общегосударственное, соединяются въ этомъ новомъ учрежденіи, вслѣдствіе этого приказы, имѣвшіе значеніе областныхъ вѣдомствъ, упраздняются сами собою или получаютъ иное значеніе, обращаясь большею частью въ учрежденія, подвластныя губернскимъ канцеляріямъ, дѣлаясь какъ бы особыми комитетами этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, централизація области приказами, заключавшаяся въ идеѣ непосредственнаго приказнаго управленія, развила чрезвычайно сложную систему приказовъ; это, въ свою очередь, осложнило ходъ управленія, дало ему тотъ характеръ пестроты и безпорядочности, который служитъ общимъ признакомъ эпохи. Реакція такому ходу дѣлъ проявляется въ уменьшеніи количества приказовъ, въ осложненіи дѣятельности каждаго изъ нихъ. Это процессъ обобщенія тѣхъ предметовъ, которые прежде, въ болѣе раннюю эпоху государственнаго развитія,—находились въ разчлененіи, въ которомъ прежде не подмѣчали общихъ началъ. Дальнѣйшимъ моментомъ этого процесса является Сенатъ, великое государственное обобщеніе, въ которомъ прежнія отдѣльныя части, насколько онѣ удержались, соединяются, направляются и поддерживаются для дѣятельности: положеніе приказовъ при Сенатѣ—положеніе подчиненное, отношеніе частей къ цѣлому. Но Сенатъ, будучи общимъ центромъ, сосредоточилъ въ себѣ и областное управленіе; представителемъ его власти въ этомъ послѣднемъ служитъ губернаторъ. Слѣдственно, если приказы по обще-государственному управленію подчинились Сенату, то приказы областные, насколько они остались, и приказы, сдѣлавшіеся областными вслѣдствіе ограниченія ихъ дѣятельности извѣстною мѣстностью, должны были войдти въ составъ губернскаго управленія, подчиняясь мѣстному представителю Сената въ области — губернатору. Таковъ необходимый, логически-правильный и фактами подтверждаемый ходъ развитія нашей централизаціи до конечнаго предѣла его, когда государственная мысль достаточно окрѣпла для обобщенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начался двоякій процессъ развитія государственнаго единства и относительной самостоятельности частей.

Отсюда понятно то явленіе, которое съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, загадочнымъ, а именно, что въ Москвѣ нѣкоторые приказы поступили въ вѣдомство Московской губернской канцеляріи («приказы, вѣдомые въ Московской губерніи»). Дѣло въ томъ, что это явленіе, бывшее, какъ мы старались раскрыть, логическимъ слѣдствіемъ общаго процесса, должно было быть болѣе замѣтнымъ въ Москвѣ, гдѣ и прежде приказы дѣйствовали непосредственно, а нѣкоторые, какъ напр., Земскій Приказъ, и по самой цѣли своего учрежденія были ограничены предѣлами столицы. Изъ приказовъ, входившихъ въ составъ губернскаго управленія, особенно былъ замѣчателенъ Земскій Приказъ, или, какъ онъ назывался въ началѣ XVIII столѣтія, *Приказъ Земскихъ Дѣлъ*, или *Земская канцелярія*. Этотъ приказъ, дѣйствуя лишь въ предѣлахъ Московскаго уѣзда, какъ первая инстанція, и въ предѣлахъ Мос-

ковской губерніи, какъ вторая, былъ приказомъ по преимуществу судебнымъ, хотя и соединялъ въ себѣ функціи административныя, какъ это видно будетъ въ своемъ мѣстѣ; онъ въ порядкѣ преемства замѣнилъ собою въ 1710 году Московскій Судный Приказъ и унаслѣдовалъ кругъ дѣятельности послѣдняго [5]). Существованіе Приказа Земскихъ Дѣлъ невсегда было несамостоятельнымъ: напротивъ, по подлиннымъ дѣламъ этого учрежденія легко прослѣдить хотя и кратковременный періодъ его самостоятельности. Въ началѣ 1710 года, когда Приказъ Земскихъ Дѣлъ замѣнилъ собою старый Судный Приказъ, судьей въ немъ былъ стольникъ Бутурлинъ, отъ имени котораго и производились дѣла, внѣ всякой зависимости отъ тогдашняго московскаго губернатора Стрѣшнева [6]). Равнымъ образомъ, въ декабрѣ того же года встрѣчаются, какъ судьи Приказа Земскихъ Дѣлъ, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и Бутурлинъ, — Кирило Чичеринъ, бывшій потомъ судьей Помѣстнаго Приказа, и Григорій Камынинъ, сдѣлавшійся позднѣе однимъ изъ московскихъ ландратовъ [7]). Только въ іюлѣ 1711 года встрѣчается первый примѣръ производства дѣлъ въ этомъ приказѣ отъ имени московскаго губернатора [8]), что служитъ уже несомнѣннымъ признакомъ того, что въ это время приказъ ужь находился въ вѣдомствѣ Московской губернской канцеляріи [9]). При отсутствіи всякаго различія между государственнымъ и областнымъ управленіемъ, возможны были также примѣры порученій, дѣлаемыхъ правительствомъ губернаторамъ по предметамъ обще-государственнаго управленія; такъ въ 1711 году въ вѣдѣніе Московской губернской канцеляріи были переданы дѣла упраздненнаго Ямскаго Приказа [10]); равнымъ образомъ, въ вѣдомствѣ той же губернской канцеляріи въ продолженіе почти всего описываемаго періода находился Провіантскій Приказъ, на что въ актахъ есть много неоспоримыхъ сви-

[5]) См. о вѣдомствѣ Московскаго Судн. Пр. у Неволина, въ статьѣ „*Образованіе управленія въ Россіи*“. П. Собр. соч. т. VI, с. 180.

[6]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Судн. Пр. вязка 1.010, № 83. Ср. съ ними слѣдующіе №№ той же вязки: 1—82, заключающіе въ себѣ дѣла стараго Суднаго Приказа 1703—1709 годовъ.

[7]) Ibidem. № 84, 91, 92.

[8]) Ibid. № 93.

[9]) Преемственность, существовавшая между Московскимъ Суднымъ и Земскимъ приказами, чрезвычайно очевидна для всякаго, просматривавшаго дѣла сихъ двухъ учрежденій, но я, несмотря на это, не считаю себя въ правѣ не указать читателю на одно прямое свидѣтельство этой преемственности, найденное мною въ тѣхъ же дѣлахъ. Въ одномъ тяжебномъ дѣлѣ 1712—1723 годовъ истица въ челобитной пишетъ: „по челобитью мужа моего въ 702 году изъ Суднаго Московскаго Приказу, *что нынѣ Приказъ Земскихъ Дѣлъ*, послана твоя Великаго Государя грамота“ и т. д., (Арх. Мин. Юст. Дѣла Судн. Прик., вязка 764, № 17).

[10]) Полн. Собр. Законовъ, № 2.353, 25 апрѣля 1711 г., и др.

дѣтельствъ: такъ въ 1711 году деньги подрядчику Томилину, за поставленный имъ воронежскій провіантъ, были выданы изъ Провіантскаго Приказа «по приказу Московской губерніи управителя» [11]); то же встрѣчается и въ 1712 году [12]). Зависимость Провіантскаго Приказа отъ московскаго губернатора ясна и въ послѣдующіе годы: такъ прошенія, подаваемыя въ этотъ приказъ, адресовались на имя московскаго губернатора [13]), а въ одномъ дѣлопроизводствѣ 1715 года читаемъ слѣдующее росписаніе приказовъ, находившихся въ вѣдомствѣ *Московской губерніи*: Земскій, Провіантскій, Помѣстный, Ратуша и Ямской столъ, образованный изъ стараго Ямскаго Приказа [14]). Въ послѣдствіи, впрочемъ, Провіантскій Приказъ упоминается уже въ вѣдомствѣ С.-Петербургской губернской канцеляріи [15]).

Нѣкоторые изъ царскихъ дворцовыхъ приказовъ также вѣдались въ Московской канцеляріи: такъ сюда принадлежалъ Приказъ Большаго Дворца; это видно изъ слѣдующихъ фактовъ: обыкновенно торжественные обѣды для жителей Москвы въ честь какого-нибудь счастливаго событія въ Царствующемъ Домѣ или въ государствѣ вѣдались въ Приказѣ Большаго Дворца; одинъ изъ такихъ пировъ былъ сдѣланъ въ 1712 году—въ честь побѣды надъ Шведами при Висмарѣ, но роспись издержекъ на него была представлена въ Сенатъ изъ Московской губернской канцеляріи, куда было прислано и распоряженіе Сената объ обѣдѣ [16]). Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ такой же зависимости служитъ то, что дѣла въ Приказѣ Большаго Дворца производились отъ имени московскаго губернатора, какъ начальника [17]). Въ Азовской губерніи, по особому значенію тамошняго генералъ-губернатора, подъ вѣдѣніемъ послѣдняго и въ близкомъ соотношеніи къ мѣстнымъ органамъ управленія находился комитетъ Адмиралтейскаго Приказа, носившій названіе *Воронежскаго Приказа Адмиралтейскихъ Дѣлъ*. Кромѣ того, въ губерніяхъ были нѣкоторые приказы и другія учрежденія, подчиненныя губернскимъ канцеляріямъ въ порядкѣ управленія на началахъ временнаго и случайнаго совпаденія областной администраціи двухъ губерній. Примѣръ такого совпаденія встрѣчается въ первые годы дѣятельности губернскихъ учрежденій: въ 1710—1713 годахъ московскимъ комендантомъ былъ сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ, — вслѣдствіе

---

[11]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сен., кн. 29, л. 155 и слѣд.

[12]) Ibid., кн. 14, л. 1.729 и др.

[13]) Ibid. Дѣла Москов. губ. канц., вязка 1.876, № 4, л. 20.

[14]) См. Дѣло о соляномъ сборѣ ibid. во II Отд. (Дѣла Моск. губ. канц. № 2.). Это дѣло въ Архивѣ не пріобщено ни къ какой вязкѣ и находится въ числѣ тѣхъ четырехъ актовъ, которые въ недавнее время случайно найдены въ стѣнѣ. Нумерація сдѣлана почеркомъ, современнымъ всей рукописи.

[15]) Ibid. Дѣла Сен., кн. 47, л. 341.

[16]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 9, л. 43.

[17]) Ibid, Дѣла Судн. Пр., вязка 1.222 № 14, л. 8, 14, 17.

этого, Сибирскій Приказъ, какъ подчиненный Гагарину, находился, въ порядкѣ управленія, въ связи съ Московскою губернскою канцеляріей, что продолжалось до нѣкоторой степени и въ слѣдующіе годы [18]).

Всѣ перечисленныя учрежденія вошли въ составъ губернскаго управленія, бывши нѣкогда болѣе или менѣе самостоятельными органами: причины этого указаны выше, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ составъ администраціи осложнился не только вслѣдствіе историческихъ причинъ, но и вслѣдствіе требованій практическаго удобства или необходимости; такія осложненія были частью плодомъ новаго времени, новыхъ началъ, частью же остались отъ стараго порядка. Къ послѣдняго рода учрежденіямъ должно отнести органы полицейскаго управленія, которые по мѣстамъ были переформированы согласно новымъ началамъ, и получили особое развитіе, а въ иныхъ мѣстахъ остались въ прежнемъ видѣ. Сюда должно отнести такъ-называемые *съѣзжіе дворы*, на которыхъ производились слѣдствія, или розыски, по преступленіямъ и проступкамъ и гдѣ содержались подсудимые подъ стражей; такъ въ одномъ дѣлопроизводствѣ о конокрадствѣ, 1715 года, встрѣчается слѣдующее свидѣтельство о существованіи и кругѣ вѣдомства съѣзжихъ дворовъ за это время: «1715 году сентября въ 24 день въ Боровску *у розыскныхъ дѣлъ на Съѣзжемъ Дворѣ... бѣжалъ колодникъ* въ Боровску *отъ розыскныхъ дѣлъ, съ Съѣзжаго Двора, изъ за короула*» [19]). Такое учрежденіе въ Москвѣ издавна носило названіе *земскаго двора*, на которомъ, вмѣстѣ съ розыскомъ, производился и судъ по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ [20]); другими словами, тѣ дѣла, которыя въ другихъ городахъ вѣдались въ судныхъ избахъ, въ Москвѣ завѣдовались на земскомъ дворѣ [21]). Въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ образовалась особая полицейская канцелярія, находившаяся подъ вѣдѣніемъ мѣстнаго оберъ-коменданта и называвшаяся Канцеляріей Московскаго Гарнизона. Эта канцелярія хотя и была подчинена московскому губернатору, какъ начальнику губерніи, но тѣмъ не менѣе не считалась комитетомъ губернской канцеляріи, а отдѣльнымъ вѣдомствомъ, гдѣ дѣла производились отъ имени оберъ-коменданта. Патрули, стоявшіе въ разныхъ пунктахъ города, обязаны были доносить о всемъ, случившемся на ихъ часахъ, въ гарнизонъ и приводить туда всѣхъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія или задержанныхъ по подозрѣнію. Приведенные подвергались допросу и потомъ при постановленіи оберъ-коменданта отсылались въ подлежащее судебное мѣсто. Такъ, напримѣръ, одно дѣло о кражѣ, 1716 года, началось тѣмъ, что виновный — по указанію

---

[18]) Полн. Собр. Закон. № 2.332, 2.295 и др. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 96, л. 376 и мн. др.

[19]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Судн. Пр., вязка 768, № 2, л. 51.

[20]) См. у Неволина Полн. Собр. Соч., т. VI, стр. 174.

[21]) Уложеніе, гл. XXI, ст. 2 и 3.

истца—былъ приведенъ патрулемъ въ Гарнизонную Канцелярію, гдѣ по допросу оказалось, что онъ рекрутъ; вслѣдствіе этого оберъ-комендантъ, Измайловъ, постановилъ отправить его въ Военный Приказъ, откуда онъ, для производства слѣдствія и суда, былъ препровожденъ въ Приказъ Земскихъ Дѣлъ [22]). Но иногда по недостаточности уликъ или доказательствъ со стороны истца приводный изъ Гарнизона освобождался на росписку; такъ было поступлено съ приводнымъ бѣглымъ крестьяниномъ стряпчаго Сытнаго Дворца, Чепелева, потому что на него не было представлено крѣпости [23]). Остаткомъ прежняго порядка должно признать бывшее, вѣроятно, до послѣднихъ судебныхъ реформъ Петра В., въ Казанской губерніи, особое судебное учрежденіе для разбирательства гражданскихъ тяжбъ между инородцами; это учрежденіе носило названіе *Татарской избы*. Къ сожалѣнію, о ней имѣются весьма скудныя свѣдѣнія, такъ что нельзя судить ни о составѣ и содержаніи чиновниковъ, ни о дѣлопроизводствѣ этого учрежденія. О существованіи Татарской избы мы узнаемъ изъ одного сенатскаго указа 1714 года, въ которомъ судьей этой избы назначается служилый человѣкъ Данило Танбѣевъ, о чемъ Сенатъ и извѣщаетъ казанскаго губернатора, Салтыкова [24]).

Количество народонаселенія и важность торговыхъ оборотовъ сдѣлали Москву однимъ изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ: вслѣдствіе этого, совершеніе крѣпостныхъ актовъ здѣсь было значительнѣе, чѣмъ почти во всѣхъ остальныхъ городахъ, а это, въ свою очередь, вызвало особый органъ крѣпостныхъ дѣлъ, сформированный лучше, чѣмъ гдѣлибо: образовался особый крѣпостной приказъ, который былъ подчиненъ губернатору въ качествѣ комитета губернской канцеляріи, что очевидно изъ его дѣлопроизводства, которое было отъ имени губернатора [25]). Въ этомъ учрежденіи совершались всѣ крѣпостные акты, а главное—договоры о подрядахъ съ казной, и здѣсь же было центральное хранилище всѣхъ крѣпостныхъ пошлинъ Московской губерніи.

Потребности управленія и суда Москвы и ея уѣзда вызвали довольно странное осложненіе системы московской администраціи; здѣсь, кромѣ разсмотрѣнныхъ мѣстъ, была еще особая ландратская канцелярія, юрисдикція которой простиралась на Московскій уѣздъ; объ этой канцеляріи есть упоминаніе въ одномъ исковомъ дѣлѣ 1716 года—по иску стольника Никифорова на подьячаго Сукманова, о неправильномъ переводѣ податей на крестьянъ истца отвѣтчикомъ, сосѣдомъ по вотчинѣ, находившейся въ Замыцкомъ стану Московскаго уѣзда. Искъ былъ вчиненъ къ «Лантрацкимъ Дѣламъ», а ставочная сказка отвѣтчика форму-

---

[22]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Судн. Пр. вязка, 768 № 5, л. 2, 11 и 12.
[23]) Ibid., вязка 764, № 18, л. 5.
[24]) Ibid. Дѣла Сената, кн. 100, л. 248.
[25]) См. дѣло о соляномъ сборѣ Арх. Мин. Юст. въ Отд. II, № 2.

лѣрована такъ: «и апрѣля въ 20 день противъ вышеписаннаго челобитья, *на Станцы, на Житной Дворъ, что у Калужскихъ Воротъ, къ Лантрацкому Правленію* Алексѣй Тарасовъ сынъ Сукмановъ сысканъ и передъ Лантратомъ, Никитою Осиповичемъ Коковинскимъ, сказалъ» и т. д. [26]).

Говоря объ осложненіи состава губернскаго управленія, необходимо обратить вниманіе на Архангелогородскую губернію. Какъ извѣстно, Архангельскъ, будучи важнѣйшимъ портомъ, вовсе не имѣлъ того значенія для губернскаго управленія: мѣстоположеніе его было въ этомъ отношеніи чрезвычайно неудобно, ибо сильно удалено отъ окраинъ. Между тѣмъ, центральное положеніе Вологды заставило перенести туда важнѣйшую часть администраціи края. Всѣ эти условія создали въ Архангелогородской губерніи порядокъ безпримѣрный, а именно, вызвали появленіе двухъ губернскихъ канцелярій: одной въ Архангельскѣ, какъ центрѣ номинальномъ, а другой—въ Вологдѣ, какъ въ центрѣ дѣйствительномъ. Когда это сдѣлалось и по какому акту, источники не указываютъ; по всей вѣроятности, и эта важная мѣра была предпринята и выполнена, какъ и многое другое въ то время, не законодательнымъ, а, такъ сказать, административнымъ путемъ. Но во всякомъ случаѣ, существованіе этихъ двухъ губернскихъ канцелярій не можетъ быть подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Извѣстно, что Вологодская канцелярія была присутствіемъ вице-губернатора, извѣстнаго Курбатова, тогда какъ въ Архангелогородской засѣдалъ ландрихтеръ Оленинъ. Обѣ канцеляріи были, конечно, вполнѣ равноправны въ своихъ районахъ, но de facto обыкновенно перевѣшивала та, въ которой лично присутствовалъ вице-губернаторъ: оттуда архангельскій ландрихтеръ получалъ указы, а посылалъ туда доношенія и т. п. Порядокъ сношеній между собою и юрисдикція этихъ двухъ частей одного цѣлаго очевидны изъ одного розыскнаго дѣла о кражѣ, случившейся въ 1712 году у архангельскаго купца Пелля [27]). Это дѣло весьма интересно и богато указаніями, и я считаю не лишнимъ, въ подтвержденіе своей мысли, привести изъ него нѣсколько свидѣтельствъ. По мѣсту совершенія кражи дѣло производилось въ Архангельской канцеляріи, и приговоръ, объявленный виновнымъ, былъ подписанъ ландрихтеромъ Олениннымъ [28]); потомъ приговоръ этотъ былъ представленъ въ Вологодскую канцелярію, гдѣ былъ подписанъ самимъ вице-губернаторомъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Олениннымъ и двумя дьяками [29]). Ясно, что дѣло производилось архангельскимъ ландрихтеромъ, но только подъ надзоромъ и, конечно, главною отвѣтственностью вице-губернатора, который наблюдалъ за процессомъ изъ Вологды. Слѣдующія двѣ выдержки еще яснѣе покажутъ отношенія этихъ двухъ

[26]) Ibid. Дѣла Судн. Пр., вязка 770, № 1, л. 2.
[27]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 77.
[28]) См. ibid, л. 157, 23 декабря 1712 г.
[29]) Ibid, л. 160.

частей одного и того же учрежденія между собою. Къ дѣлу о кражѣ присоединился искъ о поклажѣ, предъявленный купчиною Государыни, Прокофіемъ Короткимъ, противъ пострадавшаго Пелля, который и былъ обвиненъ, но по аппелляціи дѣло перешло въ Сенатъ при доношеніи Курбатова, въ которомъ онъ говоритъ, что Пелль *на него* жаловался будто бы въ неправильномъ рѣшеніи, но что дѣло рѣшено законно [30]). Здѣсь объ Оленинѣ не упоминается, онъ признается какъ бы орудіемъ губернаторской власти, дѣйствовавшемъ по указанію губернатора. Въ самомъ дѣлѣ, въ другомъ актѣ, а именно: указѣ изъ Вологодской канцеляріи въ Архангельскую отъ 25 февраля 1713 года [31]) (при которомъ изъ Вологды былъ посланъ для очныхъ ставокъ по дѣлу о кражѣ съ другими обвиняемыми солдатъ, оказавшійся въ послѣдствіи главнымъ виновникомъ преступленія) Оленину предписано: «что съ розыску говорить будутъ, о томъ писать въ Вологоцкую Канцелярію немедленно»; но этого мало: указъ 25 февраля заключаетъ въ себѣ довольно подробную инструкцію для дѣйствій Оленина. Слѣдственно, не только надзоръ, но и самое направленіе дѣла принадлежало вице-губернатору, ибо это дѣло производилось не въ особомъ учрежденіи, а лишь въ отдѣльной части той же губернской канцеляріи.

Строенія для канцелярій, какъ и для мѣстопребыванія правителей, прежде возводились натуральною повинностью жителей уѣзда [32]); въ описываемое же время—или наймомъ на деньги, собранныя съ крестьянъ [33]), или самими уѣздными жителями и гарнизонными солдатами, по усмотрѣнію мѣстнаго губернатора, но на суммы общихъ губернскихъ доходовъ, безъ наложенія спеціальныхъ на этотъ предметъ сборовъ. Смѣты стоимости такихъ построекъ разсматривались въ Сенатѣ, и, лишь по утвержденіи ихъ, ассигновывалась сумма и разрѣшалось приступить къ работамъ. Само собою разумѣется, что Сенатъ при разсмотрѣніи и утвержденіи этихъ смѣтъ дѣйствовалъ крайне осторожно и дозволялъ траты съ бережливостью. Такъ, въ апрѣлѣ 1718 года, въ Кіево-печерской крѣпости произошелъ пожаръ, въ которомъ сгорѣли губернаторскій домъ и губернская канцелярія; въ концѣ мая Сенатъ, по представленію кіевскаго губернатора, князя Голицына, приговорилъ прислать изъ Кіевской губерніи доношеніе о томъ «безъ которыхъ строеній обойтитца невозможно» и смѣту расходовъ по постройкѣ, которую велѣно производить гарнизонными солдатами и уѣздными жителями, по усмотрѣнію губернатора [34]).

---

[30]) Ibid, л. 1.

[31]) Ibid, л. 3 и слѣд.

[32]) См. Чичерина „Областныя Учрежденія“, стр. 99.

[33]) Полн. Собр. Закон. № 3.025, 1 іюня 1716 г.

[34]) Дон. кіевскаго коменданта, Геринга, Голицыну, бывшему тогда въ Петербургѣ, и переписка съ Сенатомъ по этому поводу. См. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената, кн. 111, л. 229 и слѣд.

Канцеляріи, губернскія и провинціальныя и приказныя избы состояли изъ опредѣленнаго числа высшихъ и низшихъ служителей, дьяковъ, подьячихъ и разсыльныхъ, считавшихся на государственной службѣ, состоявшихъ въ извѣстныхъ разрядахъ по должностямъ и получавшихъ казенное жалованье. Всѣ они находились въ непосредственной зависимости отъ губернаторовъ и другихъ правителей, смотря потому, при комъ была данная канцелярія, и завѣдывали канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, исполняли посылки и другія порученія, которыя давались имъ отъ высшаго начальства. Кромѣ того, въ губерніяхъ были служители, завѣдывавшіе отдѣльными частями управленія и находившіеся подъ начальствомъ мѣстныхъ правителей; таковы: надсмотрщики крѣпостныхъ дѣлъ, провіантмейстеры, ратушскіе инспекторы, и др., не входившіе въ составъ канцелярій или избъ.

Должность дьяка осталась безъ измѣненія такою же, какою была и въ XVII вѣкѣ, — типъ дьячества, выработавшійся въ московскихъ приказахъ, остался неприкосновеннымъ. Дьякъ былъ непосредственнымъ начальникомъ канцеляріи, на его отвѣтственности лежала вся процедура канцелярскаго дѣлопроизводства, а главнымъ образомъ составленіе докладовъ и выписокъ изъ дѣлъ для представленія губернатору или другому областному правителю, клавшему рѣшеніе въ сложныхъ дѣлахъ не иначе, какъ на основаніи этихъ выписокъ. Этотъ типъ дьяка остается главнымъ канцелярскимъ типомъ и до сихъ поръ, а тѣсная связь этихъ стадій одного и того же типа раскрывается, между прочимъ, и въ томъ, что дьяки въ это время иногда называются секретарями; напр. въ 1711 году Петербургская вѣдомость говоритъ о *секретаряхъ* и *подьячихъ* мѣстной губернской канцеляріи [35]); впрочемъ Росписаніе жалованья губернскимъ чинамъ на 1717 годъ [36]) упоминаетъ почти во всѣхъ губерніяхъ о *дьякахъ* и *секретаряхъ*, какъ бы признавая за ними различіе причемъ изъ той же вѣдомости видно, что въ Кіевской губерніи были одни дьяки. Быть можетъ, въ послѣдніе годы описываемаго періода, въ губернскихъ канцеляріяхъ (Росписаніе имѣетъ лишь ихъ въ виду) увеличился штатъ дьяковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, между ними проявилось различіе по важности дѣлъ, по которымъ составленіе докладовъ было поручено тѣмъ или другимъ: дьяки, докладывавшіе дѣла особенной важности, быть можетъ, и секретныя, — получили названіе *секретарей*, а дьяки, завѣдывавшіе обыкновенными дѣлами суда и управленія, остались при прежнемъ имени. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно лишь то, что типъ прежнихъ дьяковъ и новыхъ секретарей одинъ и тотъ же, различій въ рангѣ не существовало, ибо акты, говоря о тѣхъ и другихъ, ставятъ ихъ на одной линіи или же употребляютъ одно названіе вмѣсто другаго, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Но

---

[35]) Арх. М. Ю. Idem. Кн. 17, л. 658 и слѣд.

[36]) Idem. Кн. 49, л. 140 и слѣд.

если дьякъ былъ начальникомъ канцеляріи и канцелярскаго дѣлопроизводства, то самое дѣлопроизводство совершалось подьячими подъ контролемъ и руководствомъ дьяка. Тамъ, гдѣ сфера дѣятельности канцеляріи не была слишкомъ сложна, канцелярію составляли одни подьячіе безъ дьяковъ, — такъ, въ ландратскихъ доляхъ были одни подьячіе [37]), то же встрѣчается и въ провинціяхъ: такъ, въ провинціяхъ Кіевской губерніи были только одни подьячіе и то въ весьма ограниченномъ числѣ [38]); то же должно сказать и о Тамбовской провинціи Азовской губ. [39]). Словомъ, дьяки составляли принадлежность только однихъ губернскихъ канцелярій, что, по всей вѣроятности, было однимъ изъ признаковъ вліянія старыхъ учрежденій, когда дьяки находились главнымъ образомъ при воеводахъ значительныхъ городовъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, были приказныя палаты. Безъ сомнѣнія, однакоже, что если первенствующимъ мотивомъ такого обыкновенія въ прежнее время была боярская честь воеводъ, то въ XVIII вѣкѣ двигателями его сдѣлались соображенія большей или меньшей сложности управленія, и, такимъ образомъ, прежній обычай, оставшись при новыхъ порядкахъ, получилъ иное основаніе, соотвѣтствующее духу времени. Это доказывается исключеніемъ изъ общаго порядка: такъ въ Воронежской провинціи Азовской губ. было два дьяка [40]), равнымъ образомъ въ Астрахани также полагались дьяки, какъ это мы тотчасъ увидимъ. Подьячіе имѣли между собою опредѣленную іерархію въ три степени: старшую, среднюю и младшую, или молодшую. Совпадая въ большинствѣ случаевъ съ физическимъ возрастомъ, различіе подьячихъ по статьямъ, безъ сомнѣнія, мотивировалось главнымъ образомъ служебною опытностью, знаніемъ дѣла и нравственными достоинствами лица: ниже увидимъ, что изъ подьячихъ были и старики, которые, будучи *къ дѣламъ незаобычными* и людьми нетрезваго поведенія, не пользовались по службѣ никакимъ довѣріемъ и не имѣли никакихъ преимуществъ. Итакъ различіе степеней, или статей, подьяческой службы находилось въ зависимости отъ внутреннихъ достоинствъ лицъ, но не изъ одного акта неизвѣстно, какой былъ порядокъ опредѣленія, повышенія и смѣны подьячихъ въ это время. Извѣстно только, что подьячіе по мѣрѣ надобности и заслуги производились въ дьяки, но и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого указанія на то, было ли постепенное прохожденіе статей необходимымъ условіемъ для пожалованія, или подъячій могъ сдѣлаться дьякомъ независимо отъ того, на какой ступени онъ стоялъ до этого. Пожалованіе во дьяки зависѣло лично отъ Государя, но оно производилось обыкновенно вслѣдствіе представ-

---

[37]) Полн. Собр. Закон. № 2.879.

[38]) Кіевск. Вѣд. А. М. Ю. Кн. 111, л. 198 и слѣд.

[39]) Перечневая вып. о жалованьѣ чинамъ Азовской губ. Idem. Кн. 96, л. 563 и слѣд.

[40]) Idem.

ленія отъ мѣстнаго губернатора. Процедура представленія была слѣдующая: если въ губернскую канцелярію требовался дьякъ, то губернаторъ выбиралъ, по своему усмотрѣнію, кого-либо изъ подьячихъ и дѣлалъ о немъ представленіе Сенату, который немедленно подносилъ это представленіе Государю; затѣмъ обыкновенно слѣдовалъ изустный именной указъ о пожалованіи, который и записывался въ Сенатѣ въ книгу, т.-е. пожалованіе производилось указомъ, объявляемымъ Сенатомъ тому губернатору, по представленію котораго произошло пожалованіе: такъ, въ 1712 г. Сибирскій губернаторъ, Гагаринъ, сдѣлалъ такое представленіе о подьячемъ Сибирской губернской канцеляріи, Боевѣ, который именнымъ указомъ того же года и пожалованъ во дьяки [41]); въ іюлѣ 1713 г. тѣмъ же порядкомъ былъ пожалованъ во дьяки Московской канцеляріи ратушскій подьячій, Василій Второй [42]), а въ августѣ того же года, — дьякомъ Казанской канцеляріи тамошній же подьячій, Осипъ Протопоповъ [43]). Именные указы о пожалованіи всегда писались по одной и той же формѣ: «Великій Государь Царь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, и т. д., пожаловалъ изъ (такихъ-то) подьячихъ (такого-то) во дьяки и указалъ ему быть у своихъ Государевыхъ дѣлъ въ (такой-то) губерніи. Сей Его, Великаго Государя, указъ Правительствующій Сенатъ приказали записать» [44]). Число дьяковъ и подьячихъ въ той или другой губерніи было различно, смотря по надобности: такъ въ Московской канцеляріи бывало по два дьяка; напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ, производившемся въ Сенатѣ въ 1712 г. по доношеніямъ изъ Московской канцеляріи — на двухъ доношеніяхъ скрѣпа дьяка Овинова, а на одномъ Павлова [45]); то же видно и изъ пожалованья въ 1713 г. во дьяки Германова и Тихменева [46]). Столько же дьяковъ было и въ Земскомъ Приказѣ, какъ это видно изъ судебнаго дѣла по иску Спафарьевыхъ на Хомяковыхъ, производившемся въ означенномъ приказѣ въ 1715—1722 годахъ [47]). Въ Архангельской канцеляріи было по 4 и по 3 дьяка, какъ это видно изъ двухъ дѣлъ о пропажѣ денегъ у архангельскаго купца, Пелля, производившихся въ упомянутой канцеляріи въ 1712—1713 годахъ и перешедшихъ по аппелляціи въ Сенатъ; такъ въ дѣлѣ 1712 г. встрѣчаются скрѣпы трехъ дьяковъ (Алексѣева, Хрипунова и Перфильева); а въ 1713 г. одинъ изъ нихъ (Алексѣевъ) былъ переведенъ въ Вологодскую канцелярію.

---

[41]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената. Кн. 10, л. 256.

[42]) Idem. Кн. 25, л. 452 и слѣд.

[43]) Idem. Кн. 29, л. 219 и слѣд.

[44]) См. всѣ вышеприведенные примѣры и указъ 15 апрѣля 1713 г. А. М. Ю. Idem. Кн. 22, л. 125, о пожалованьѣ во дьяки московскихъ подьячихъ Севастьяна Германова и Степана Тихменева. Послѣдній указъ сохранился безъ предварительной процедуры, т.-е. представленія.

[45]) Idem. Кн. 13, л. 571 и слѣд.

[46]) См. примѣч. выше.

[47]) Арх. Мин. Ю. Дѣла Моск. губ. канц. Отд. II, безъ №.

Равномѣрно, въ Казанской губ. въ 1713 г. числилось 9 дьяковъ, состоявшихъ, впрочемъ, у разныхъ дѣлъ и въ командировкахъ, но губернаторъ представляетъ Сенату подьячаго, Протопопова, жалуясь, что дьяковъ у канцелярскихъ дѣлъ почти нѣтъ, а именно: въ Казанской канцеляріи мало, а въ Астраханской ни одного [48]). Уваживъ это представленіе, Государь и пожаловалъ Протопопова. Въ Азовской губ. за время отъ 1710 по 1713 г. было тоже нѣсколько дьяковъ, а именно— въ Азовской канцеляріи—3 человѣка и въ Воронежской — 2 [49]); наконецъ, мы имѣемъ на 1717 г. подробное свидѣтельство о личномъ составѣ губернскихъ чиновъ въ 8 губ. [50]); изъ этого свидѣтельства видно, что около этого времени въ Московской губ., какъ въ канцеляріяхъ, такъ и въ приказахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ губернскомъ, дьяковъ и секретарей было 13, въ С.-Петербургской — 6, въ Рижской, Архангелогородской и Казанской—по 4, въ Кіевской, Азовской и Нижегородской— по 3. Изъ этого перечисленія видно, что штаты дьяковъ въ это время не были установлены: число ихъ было то болѣе, то менѣе, смотря по надобности. Надобность эта состояла изъ различныхъ дѣлъ, которыя поручались дьякамъ: они были не только начальниками канцелярскаго письмоводства, но и начальниками отдѣльныхъ частей управленія или находились въ различныхъ служебныхъ командировкахъ; такъ, справка въ Сенатской канцеляріи по дѣлу о жалованіи Протопопова выяснила, что изъ 9 дьяковъ Казанской губ. одинъ былъ начальникомъ соляныхъ варницъ въ Астрахани, а остальные числились въ различныхъ командировкахъ; въ Азовской губ. дьяки были командируемы въ мѣстный комитетъ Адмиралтейскаго Приказа, и т. д. Всѣ эти порученія и командировки лишали канцелярію необходимаго числа дьяковъ: отсюда новыя назначенія и увеличеніе штата; съ другой стороны, отставка, перечисленіе смерть и другія обстоятельства уменьшали это число. Въ порядкѣ канцелярскаго подчиненія между дьяками, какъ кажется, могло существовать неравенство, но, впрочемъ, это неравенство не касалось окладовъ жалованья,—они были постоянно одинаковы и опредѣлялись во 120 р. деньгами и 60 четвертей хлѣба [51]); если и были исключенія, то они мотивировались тѣмъ же, чѣмъ и исключенія, разсмотрѣнныя въ предыдущей главѣ, и притомъ эти исключенія одинаково распространялись на всѣхъ дьяковъ даннаго учрежденія: такъ въ Азовской канцеляріи всѣ три дьяка получали по 300 р., слѣдственно, исключеніе это относилось къ особому положенію Азовской канцеляріи и не установляло никакого неравенства между дьяками ея. Неравенство установлялось, такъ ска-

[48]) См. выше.

[49]) Idem. Кн. 96, л. 563 и слѣд.

[50]) Idem. Кн. 49, л. 100 и слѣд.

[51]) Полн. С. З. № 2.879. А. М. Ю. Idem. Кн. 96, л. 563 и слѣд., 49, л. 100 и сл. и др.

зать, домашнимъ порядкомъ: дьякъ болѣе свѣдущій въ письмоводствѣ и порядкахъ, естественно, получалъ преобладаніе надъ сотоварищами, дѣлался совѣтникомъ и руководителемъ ихъ въ трудныхъ казусахъ дѣлопроизводства, начальникъ довѣрялъ ему, поручая постоянный надзоръ за всею канцеляріей и руководство другихъ дьяковъ, не отличающихся такою опытностью. Такимъ образомъ, при юридическомъ равенствѣ могло возникнуть фактическое неравенство. Примѣръ этого—впрочемъ, единственный въ читанныхъ нами сенатскихъ дѣлахъ—представляетъ упомянутое выше дѣло Пелля: все оно скрѣплено по листамъ двумя дьяками, Алексѣевымъ и Хрипуновымъ, причемъ скрѣпа Алексѣева стоитъ выше скрѣпы Хрипунова. Врядъ ли могло бы одно и то же дѣло производиться двумя дьяками съ одинакими правами: это было бы и безцѣльно, и не въ обычаѣ, такъ то же дѣло въ 1713 г. было скрѣплено рукой одного дьяка, Перфильева, но въ этомъ же году мы видимъ, что Алексѣевъ переведенъ въ Вологду. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣло производилъ Хрипуновъ, но подъ контролемъ Алексѣева, слѣдственно послѣдній трактовался, какъ старшій, что вполнѣ согласно и съ постоянною послѣдовательностью подписей лицъ, по положенію неравныхъ. Но этотъ примѣръ — единственный, было ли это обыкновеннымъ явленіемъ или случайностью—судить не беремся. Если же принять первое рѣшеніе, то отсутствіе опредѣленныхъ штатовъ и колебаніе въ числѣ дьяковъ, время отъ времени бывавшихъ въ той или другой губернской канцеляріи, сдѣлается еще понятнѣе: необходимость усиленнаго надзора за дѣлопроизводствомъ, а, слѣдовательно, и большаго количества опытныхъ дьяковъ, будетъ въ такомъ случаѣ зависѣть отъ количества и сложности текущихъ дѣлъ. Еще большее разнообразіе встрѣчается въ количествѣ подьячихъ. Если дьякъ былъ главнымъ дѣлопроизводителемъ, то весь мелочный механизмъ дѣлопроизводства, какъ-то: записки челобитныхъ, явокъ, допросы и регистратура, лежали на подьячихъ разныхъ статей; такія сложныя, копотливыя, хотя и чисто механическія функціи требовали большаго числа людей. Въ этомъ отношеніи весьма важно замѣтить, что распредѣленіе подьячихъ по статьямъ было далеко неравномѣрно, и въ младшей статьѣ постоянно было несравненно болѣе подьячихъ, нежели въ двухъ старшихъ: это указываетъ на то, что низшія обязанности переписки и веденіе книгъ лежали на молодыхъ подьячихъ, ибо всегда низшія должности наиболѣе многолюдны. Въ самомъ дѣлѣ: если сравнимъ всѣ имѣющіяся у насъ данныя объ этомъ предметѣ, то увидимъ, что это численное соотношеніе между статьями всюду одно и то же. Съ другой стороны, по отношенію къ подьячимъ, правительство, въ виду разныхъ соображеній, которыя будутъ нами разсмотрены ниже, постоянно старалось объ уменьшеніи ихъ числа въ губернскихъ учрежденіяхъ: вслѣдствіе этого, вопросъ о потребностяхъ областнаго управленія въ этомъ случаѣ сталкивался съ другимъ, поставленнымъ правительствомъ, съ вопросомъ объ уничтоженіи излишнихъ канцелярскихъ служителей, а потому и колебаніе въ числѣ подьячихъ было замѣтнѣе.

Сравнимъ количество подьячихъ въ разныхъ губерніяхъ вообще за два послѣдовательные года, 1716 и 1717, причемъ, впрочемъ, для перваго изъ нихъ мы имѣемъ извѣстіе лишь о подьячихъ одной младшей статьи.

1716 г.

Московская губ.	С.-Петербургская губ.	Кіевская губ.	Рижская губ. [52])	Казанская губ.	Нижегородская губ.	Младшая статья [53]).
254 ч.	56 ч.	326 ч.	53 ч.	240 ч.	64 ч.	

1717 г.

Статьи:	Московская губ.	С.-Петербург. губ. [54]).	Рижская губ.	Кіевская губ.	Архангелогородск. губ.	Азовская губ.	Казанская губ. [55]).	Нижегородская губ.
1 (старшая).	89 ч.	44 ч.	38 ч.	23 ч.	31 ч.	27 ч.	73 ч.	22 ч.
2 (средняя).	85 „	46 „	19 „	28 „	37 „	20 „	89 „	22 „
3 (младшая).	252 „	85 „	53 „	68 „	248 „	64 „	244 „	54 „ [56])

Изъ этихъ цифръ видно, что, вопервыхъ, число подьячихъ въ губерніяхъ было болѣе числа дьяковъ и, вовторыхъ, численное соотношеніе статей показываетъ, что количество подьячихъ третьей (младшей) статьи въ каждой губерніи было болѣе количества ихъ въ каждой изъ двухъ высшихъ статей.

Подобно дьякамъ, подьячіе также употреблялись не на одну только канцелярскую работу; имъ поручались и отдѣльныя исполнительныя функціи по той или другой части управленія: такъ съ 1714 года подьячіе были сдѣланы сборщиками податей и другихъ доходовъ вмѣсто бывшихъ до тѣхъ поръ вѣрныхъ сборщиковъ [57]); подьячіе Московской губернской канцеляріи, кромѣ канцелярскихъ дѣлъ, завѣдывали сборомъ денегъ на строеніе кораблей, отправленіемъ аммуниціи на табельные

---

[52]) Въ 1714 году въ Смоленской Приказной Палатѣ было 29 подьячихъ младшей статьи (А. М. Ю. Дѣла Сен. Кн. 33, л. 258 и сл.).

[53]) Ibid. Кн. 47, л 1.

[54]) Относительно С.-Петербургской губ. мы, кромѣ того, имѣемъ свѣдѣнія о подьячихъ за 1714 и 1719 годы; вотъ эти свѣдѣнія:

Статьи.	1714 г.	1719 г.
1	18 чел.	8 чел.
2	12 »	6 »
3	64 »	23 «

(ibid. Кн. 195, л. 280 и слѣд.).

[55]) Въ концѣ того же 1717 года въ Казанской губ. число подьячихъ всѣхъ трехъ статей нѣсколько измѣнилось, а именно: средняя статья уменьшилась до 72 чел., а младшая—до 202 (ibidem. Кн. 100, л. 277 и слѣд.).

[56]) См. Росписаніе жал. на 1717 г. (примѣч. 36 этой главы).

[57]) Полн. Собр. Зак. № 2.805, 5 мая 1714 года.

полки, строеніемъ тялокъ на Дубенской и Нерльской пристаняхъ, канцелярскими сборами и др. дѣлами, признанными Сенатомъ *нужными* [58]). Эти порученія также увеличивали число подьячихъ въ губерніи, какъ и то обстоятельство, что, какъ мы замѣтили выше, они были необходимымъ персоналомъ всѣхъ областныхъ канцелярій и избъ. Но какъ бы ни важна была служба гражданская, насколько бы ни казалось необходимымъ введеніе опредѣленныхъ и достаточныхъ штатовъ гражданскихъ чиновниковъ, во всякомъ случаѣ правительство того времени еще не дошло до разумнаго взгляда на это. Штаты вводились не вездѣ и лишь отчасти, напр., относительно состава ландратскаго управленія былъ опредѣленъ извѣстный штатъ, но онъ, естественно, не могъ быть удержанъ на практикѣ, по крайней мѣрѣ всюду, ибо величина ландратскихъ доль была, какъ мы видѣли, предоставлена губернаторскому усмотрѣнію; само собою разумѣется, что при увеличеніи доли былъ потребенъ и усиленный составъ управленія: такимъ образомъ, и здѣсь штатъ, установленный закономъ, былъ не основаніемъ правительственныхъ мѣропріятій, а лишь руководствомъ для правителей [59]).

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, рѣшительное преимущество было на сторонѣ военной службы; равномѣрно, вопросъ о наилучшемъ укомплектованіи арміи имѣлъ главное вліяніе и на колебаніе количества подьячихъ въ канцеляріяхъ и избахъ. Подьячіе съ самого начала правильныхъ рекрутскихъ наборовъ верстались въ солдаты; въ послѣдствіи частные случаи сдѣлались общимъ правиломъ: подобно всѣмъ служилымъ людямъ, подьячіе обязываются являться въ Сенатъ для смотра; изъ нихъ годные выбираются въ службу въ такомъ количествѣ, лишеніе котораго, по мнѣнію правительства, не должно было остановить хода дѣлъ въ области или приказѣ. Безъ сомнѣнія, вопросъ о *нужнѣйшихъ* дѣлахъ, которыя служили основаніемъ оставленія подьячихъ въ гражданской службѣ, какъ вопросъ крайне неопредѣленный, разрѣшался областными правителями произвольно, и, несмотря на строгость требованія, губернаторы и коменданты иногда удерживали значительное число подьячихъ, но, во всякомъ случаѣ, стремленіемъ правительства было ограничивать это число сообразно самой крайней необходимости, ибо подьячіе годились не только для пополненія комплекта, но и для письмоводства въ полковыхъ и дивизіонныхъ канцеляріяхъ [60]). Смотры подьячихъ производились или Сенатомъ, или же командируемыми отъ него служилыми людьми, царедворцами.

---

[58]) А. М. Ю. Дѣла Сената. Кн. 14, л. 1.672 и слѣд. Доношеніе изъ Моск. губ. отъ 5 апр. 1712 г.

[59]) П. С. З. №№ 2.673 и 2.879.

[60]) Объ этомъ см. П. С. З. № 2.053, 26 мая 1705 г., № 2.183, 5 янв. 1708, № 2.360, 14 мая 1711 г., № 2.467, 16 янв. 1712. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 9, л. 451; кн. 10, л. 1.165 и др.

Послѣдній способъ смотровъ, однако, преобладалъ: почти во всѣхъ случаяхъ, которые будутъ приведены ниже и которые указаны въ предъидущемъ примѣчаніи, встрѣчается именно смотръ посредствомъ сенатскихъ командировокъ. Наши свѣдѣнія объ этихъ смотрахъ не восходятъ далѣе 1713 г., когда дѣйствовали тѣ же царедворцы, которые были назначены во всѣ губерніи, исключая С.-Петербургской, въ 1712 г. новыя назначенія были мѣстныя, вслѣдствіе жалобъ на злоупотребленія этихъ царедворцевъ; такъ, напр., въ 1712 г. по этому поводу былъ отозванъ стольникъ Титовъ, посланный для этого въ Сибирь [61]). Смотръ подьячихъ заключался въ томъ, что командированный ревизоръ осматривалъ каждаго подьячаго порознь, производилъ дознаніе о лѣтахъ, здоровьѣ и способности осматриваемаго и сообразно съ этимъ, а равно съ полученнымъ заранѣе отъ губернатора или инаго правителя свѣдѣніемъ о томъ, сколько необходимо оставить подьячихъ въ мѣстной канцеляріи для дѣлъ, отправлялъ избранныхъ въ Сенатъ. Вслѣдствіе всего этого смотръ царедворцами подьячихъ назывался обыкновенно *разборомъ* ихъ, а ревизоры — *разборщиками*. Между разборщиками и мѣстными правителями нерѣдко возникали пререканія, восходившія даже въ Сенатъ, который ихъ и разрѣшалъ.

Пререканія эти возникали главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что разборщики вообще мало обращали вниманія на потребности мѣстнаго управленія и, пользуясь полномочіемъ, выбирали въ службу всѣхъ лучшихъ подьячихъ, оставляя въ канцеляріяхъ недостаточное число къ чему-либо способныхъ людей, а больше дряхлыхъ, больныхъ или неумѣлыхъ. Относительно этихъ пререканій интересный примѣръ представляетъ дѣло о разборѣ подьячихъ Суздальской Приказной Избы, производившееся въ Сенатѣ въ 1712 г. по поводу пререканія между суздальскимъ комендантомъ, Данилой Татищевымъ, и стольникомъ, Ѳедоромъ Татищевымъ, командированнымъ для разбора подьячихъ всей Владимірской провинціи. Образъ дѣйствій Ѳедора Татищева въ Суздалѣ показываетъ насколько принимались во вниманіе при разборѣ потребности мѣстнаго управленія. Комендантъ доставилъ ему свѣдѣніе о томъ, сколько и какіе подьячіе должны остаться при дѣлахъ *по самой крайней нуждѣ*, но заявленіе это не было уважено разборщикомъ: изъ комендантскаго списка онъ самовольно вычеркнулъ шесть человѣкъ и притомъ такъ быстро отправилъ ихъ, что нѣкоторые не успѣли сдать дѣлъ; въ канцеляріи остались, по его опредѣленію, лишь одни *старые, къ дѣламъ незазобычные и предающіеся безмѣрному пьянству, которымъ вѣрить ни въ чемъ невозможно*. Суздальскій комендантъ вынужденъ былъ обратиться къ Сенату, боясь, *чтобъ отъ молчанія въ сборѣхъ и иныхъ дѣлѣхъ ему не было какого худа*. Дознаніе, произведенное въ Сенатѣ, подтвердило справедливость требованія коменданта, и пререканіе было

[61]) А. М. Ю. idem, кн. 12, л. 1.168 и слѣд.

разрѣшено въ его пользу [62]). Другой примѣръ еще яснѣе доказываетъ, какъ относилось правительство къ этому вопросу и насколько оно само давало поводъ къ такому насильственному и самопроизвольному образу дѣйствій, какой мы видѣли въ предъидущемъ примѣрѣ. Въ томъ же 1712 г. Сибирская губернская канцелярія донесла Сенату, что въ шести поморскихъ городахъ [63]) необходимо *по самой крайней нуждѣ* оставить 64 человѣка подьячихъ: на основаніи этого дополненія, Сенатъ повелѣлъ оставить всего 53 человѣка, а остальныхъ выслать въ службу [64]). Насколько велика была эта *крайняя нужда* въ областныхъ учрежденіяхъ, видно изъ того, что во многихъ изъ нихъ письмоводствомъ занимались, за недостаткомъ подьячихъ, разночинцы: посадскіе люди, крестьяне и дьячки; такъ, напримѣръ, въ 1713 г. въ Звенигородѣ изъ числа подьячихъ, взятыхъ въ службу, 1 былъ изъ посадскихъ людей, въ Вяткѣ — изъ 21 — 11 изъ посадскихъ и крестьянъ, въ Переяславлѣ Рязанскомъ—изъ 9 человѣкъ—1 посадскій, въ Суздалѣ—изъ 28 человѣкъ—1 посадскій и 1 монастырскій служка, въ волостяхъ Балахнинскаго уѣзда—изъ 6 чел.—3 крестьянина, въ Каширѣ—изъ 9 чел.—2 церковника, во Владимірѣ—изъ 21 чел.—изъ посадскихъ 1 и изъ церковниковъ 1, въ Лухѣ—изъ 8 чел.—изъ посадскихъ 4, церковниковъ 1, въ Костромѣ—3 изъ посадскихъ [65]); изъ этого перечисленія слѣдуетъ, что подьячіе изъ разночинцевъ также подвергались общей участи при разборѣ. Но это было вслѣдствіе частью ошибки, частью же злоупотребленій. Ошибка была въ данномъ случаѣ весьма возможна, ибо долгое пребываніе разночинца въ числѣ подьячихъ и частое упоминаніе его имени въ окладныхъ спискахъ для разборщика были достаточными поводами, чтобы считать его подьячимъ и не довѣрять его голословному показанію. Въ самомъ дѣлѣ, обычай брать разночинцевъ въ подмогу подьячимъ существовалъ и прежде учрежденія губерній, а потому нѣкоторые изъ нихъ издавна писались въ числѣ подьячихъ и, при безпорядочности въ составленіи списковъ, безъ означенія ихъ настоящаго званія.

Но разночинцы отстаивали свои права, что имъ всегда удавалось вслѣдствіе того, что они несли тягло, утрата котораго была не во вкусѣ правительства, или же исполняли какія-либо службы, для которыхъ они были необходимы: таковы—церковнослужители.

Въ 1712 г. въ Ростовской провинціи оберъ-комендантъ, Сытинъ, въ числѣ подьячихъ, подлежащихъ разбору, выслалъ одного переяславскаго дьячка церкви Св. Петра митрополита, что на Старомъ Дворѣ.

---

[62]) А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 12, л. 721 и слѣд.

[63]) Вяткѣ съ пригородами, Кунгурѣ, Соли-Камской, Чердыни, Кай-городѣ и Яренскѣ.

[64]) Idem, л. 1.168 и слѣд.

[65]) А. М. Ю. idem, кн. 23, л. 719 и слѣд.

Основанія, по которымъ дѣйствовалъ Сытинъ въ данномъ случаѣ, были такія: переяславскій воевода 1704 г., Арбеневъ, взялъ этого дьячка въ приказную избу, гдѣ онъ, несмотря на всѣ жалобы, былъ въ числѣ подьячихъ при всѣхъ послѣдующихъ воеводахъ и послѣ учрежденія губерній до 1712 г. включительно. Ясно, что при такихъ условіяхъ Сытину легко было впасть въ ошибку, еще возможнѣе это было для разборщика, стольника Дубенскаго: и дьячекъ попалъ въ число отобранныхъ въ службу. Но будучи единственнымъ дьячкомъ своей церкви, которая безъ него должна бы была стоять *безъ пѣнія*, злополучный добился признанія своихъ правъ и былъ оставленъ дома [66]). Иногда подобныя дѣйствія со стороны разборщиковъ или мѣстныхъ правителей не были слѣдствіемъ недоразумѣнія, а проистекали изъ разныхъ злоупотребленій,—превышенія разборщиками власти [67]), или же изъ стачки ихъ съ мѣстными правителями [68]). Безъ сомнѣнія, впрочемъ, такія дѣйствія не могли быть всегда оставляемы безнаказанными: въ первомъ случаѣ на разборщиковъ доносили областные правители, а вовторомъ сами потерпѣвшіе вступались за свои права.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что число подьячихъ должно было ограничиться лишь самымъ крайне - необходимымъ, да и то вопросъ объ этой необходимости былъ въ зависимости отъ Сената и разборщиковъ. Впрочемъ, въ силу различныхъ пререканій, злоупотребленій, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, многія неизвѣстны вовсе, число это было то больше, то меньше: здѣсь, какъ и вездѣ, правительство главнымъ образомъ преслѣдовало интересы военнаго управленія и интересы фискальные. Кромѣ того, въ половинѣ описываемаго періода возникли новые интересы, тѣсно связанные съ желаніемъ государя ввести коллегіи: для успѣшнаго дѣлопроизводства въ этихъ послѣднихъ необходимо было образовать особый классъ канцелярскихъ служителей, способныхъ для веденія дѣлъ въ новыхъ установленіяхъ; съ этою цѣлью 1716 г. въ Кенигсбергъ была отправлена партія избранныхъ молодыхъ подьячихъ для обученія нѣмецкому языку, при знаніи котораго они могли бы усвоять себѣ наставленія своихъ чужеземныхъ руководителей [69]). Итакъ, подьячіе, представители низшихъ степеней канцелярскаго дѣлопроизводства, были необходимою принадлежностью каждой канцеляріи; число ихъ было въ разныхъ канцеляріяхъ различно, смотря по количеству дѣлъ въ нихъ или по необходимости поручать имъ ту

---

[66]) Idem, кн. 11, л. 30 и слѣд.

[67]) Стольникъ Титовъ напр. въ Сибирской губ. велѣлъ высылать къ себѣ нетолько подьячихъ, но и тяглыхъ крестьянъ и инородцевъ. Idem, кн. 12, л. 1.170.

[68]) Idem, кн. 60, л. 78 и слѣд.—о дѣйствіяхъ въ Азовской губ. стольника Хлопова.

[69]) См. П. С. З. № 2.986, 25 янв. № 2.997, 19 февр. 1716 г. А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 47, л. 1 и слѣд., 341.

или другую отрасль исполнительной власти въ области, а равнымъ образомъ, смотря по тому, какъ въ данное время правительство относилось къ нимъ, насколько была укомплектована армія, какъ велика была потребность въ канцелярскихъ служителяхъ при полкахъ, дивизіяхъ, и т. п.

Подьячіе за службу получали жалованье, которое до изданія указа 28 янв. 1715 г. не было опредѣлено твердымъ окладомъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, законодательство Петра В. старалось ввести твердый порядокъ туда, гдѣ прежде господствовало личное усмотрѣніе, которое при неопредѣленности юридическаго сознанія легко могло обратиться въ личный произволъ. Ясно, что подьячіе губернскихъ канцелярій и избъ, какъ лица, вполнѣ подчиненныя власти губернаторовъ, всѣхъ болѣе подвергались такому произволу: при обширной власти губернаторовъ, это было нетолько возможнымъ, но и неизбѣжнымъ въ то время. Слѣдственно, нигдѣ не было такой настоятельной потребности ввести строго-опредѣленныя нормы относительно вознагражденій за службу, какъ въ областномъ управленіи вообще и по отношенію къ подьячимъ въ особенности.

Само собой разумѣется, однако, что неопредѣленность въ окладахъ мотивировалась тѣмъ, что при распредѣленіи вознагражденій между подьячими обращалось большее вниманіе на заслугу, нежели на положеніе того или другаго лица на трехстепенной подьяческой лѣстницѣ [70]). Въ силу такого мотива и широты усмотрѣнія не было, какъ говоритъ проф. Чичеринъ [71]), почти двухъ лицъ, имѣвшихъ одинаковое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, сообразуясь съ окладами, тотъ же писатель насчитываетъ въ Новгородской Приказной Избѣ 16, а въ Нижегородской 10 степеней подьячихъ [72]). То же было и позднѣе, до означеннаго указа 1715 г., которымъ, какъ мы видѣли выше [73]), принципъ вознагражденія за ревностную и безпорочную службу не только не уничтожился, но получилъ болѣе опредѣленности: оклады были установлены, но имъ подлежали только исполнительные правители и канцелярскіе чиновники, тогда какъ прежде этотъ принципъ выражался въ величинѣ вознагражденія послѣднихъ, давая такимъ образомъ возможность произволу дѣйствовать подъ маской личнаго усмотрѣнія, ограниченнаго здѣсь кон-

---

[70]) Три степени, или статьи, были, повидимому, издавна основой раздѣленія подьячихъ по рангамъ, но въ одномъ указѣ царя Алексѣя Михайловича встрѣчается наименованіе всѣхъ подьячихъ безъ различія старыми, хотя, притомъ и удержано дѣленіе на три статьи. П. С. З. № 212, 23 авг. 1657 г. Какъ кажется, въ этомъ случаѣ понятіе „старый“ мотивировалось временемъ поступленія въ службу, т.-е. всѣ подьячіе, какой бы статьи они ни были, по смыслу указа, были старыми, если находились на службѣ до 1657 г.; къ нимъ относились и установленные въ указѣ оклады.

[71]) Областн. Учрежденія стр. 192.

[72]) Idem. [73]) См. гл. III.

тролемъ Сената. Итакъ, до 1715 г. подьяческое жалованье зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія начальниковъ и канцелярій, вслѣдствіе чего по отношенію къ этому предмету мы встрѣчаемъ разнообразіе, подобное тому, какое встрѣтилъ проф. Чичеринъ въ XVII вѣкѣ. Если обобщеніе, сдѣланное имъ, не можетъ быть безусловно приложено къ XVIII вѣку, все-таки безспорно, порядокъ вещей былъ одинъ и тотъ же, и разнообразіе въ степеняхъ подьяческой службы было довольно значительно. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые подьячіе вовсе не получали жалованья: это бывало и по установленіи окладовъ и прямо вытекало изъ понятія о жалованьѣ, какъ о вознагражденіи за хорошую, добросовѣстную службу, — распредѣленіе жалованья по мѣрѣ заслугъ было крайне разнообразно: такъ въ Тамбовской провинціальной канцеляріи за время отъ 1710 по 1712 годы включительно подьячихъ 1-й статьи было 7 человѣкъ; изъ нихъ одинъ получалъ отъ 100 до 200 р., другой—отъ 50 до 100, третій—20, четвертый—25, пятый—20 и, наконецъ, два—по 15 р. въ годъ; изъ 12 чел. 3-й статьи четыре получали по 5 р., двое—по 4 р. 16 а. 4 д., четверо—по 4 р. и двое—по 3 руб. Съ подобнымъ разнообразіемъ встрѣчаемся и въ Воронежской канцеляріи, въ которой два подьячихъ 1-й статьи представляли и двѣ степени [74]), четыре подьячихъ 2-й статьи — три степени: двое получали по 25, одинъ—12 и одинъ—10 р.; равномѣрно 10 чел. 3-й ст. были раздѣляемы на 4 степени: одинъ получалъ 10 р., другой—7, два—по 5 и, наконецъ, 6 по 2 р. 16 а. 4 д. Эти оклады установлялись по повелѣнію азовскаго генералъ-губернатора и по усмотрѣнію ландрихтера, управлявшаго провинціей: такъ, напр., воронежскій ландрихтеръ, Клокачевъ, дѣлалъ прибавки окладамъ своею властью, не сносясь даже съ генералъ-губернаторомъ: Семенъ Порошинъ, одинъ изъ подьячихъ 3-й ст., получавшихъ по 5 р., въ 1712 г. получилъ отъ Клокачева еще 2 руб. 16 а. 4 д. за командировку въ Москву; другой его сотоварищъ, Лавровъ, получавшій также 5 р., въ 1713 г. былъ посланъ съ почтой въ Москву, но на дорогѣ былъ ограбленъ: какъ бы въ возмѣщеніе убытка, Клокачевъ опредѣлилъ добавить ему на этотъ годъ еще 5 р. и т. д. [75]).

Въ 1715 г. всѣ эти степени были уничтожены, и подьячимъ было опредѣлено жалованье по статьямъ, причемъ подьячіе губернскихъ канцелярій были поставлены по окладамъ выше уѣздныхъ. Впрочемъ, оклады, установленные въ указѣ 28 января, не отличаются послѣдовательностью, что въ данномъ случаѣ трудно объяснить: такъ, денежное жалованье 3-й статьи *уравнено во всѣхъ канцеляріяхъ*, а именно, опредѣлено въ 15 р., хлѣбное же опредѣлено выше для ландратскихъ, нежели для губернскихъ канцелярій, а именно: въ первыхъ оно равнялось 15, а во-вторыхъ — 10 четвертямъ въ годъ. Оклады ландратскихъ

---

[74]) Одинъ—50, другой—27 руб.

[75]) А. М. Ю. кн. 96, л. 562 и сл.

подьячихъ были распространены и на комендантское управленіе [76]), что было весьма послѣдовательно въ видахъ того, что ландраты замѣняли комендантовъ тамъ, гдѣ не было гарнизоновъ. Слѣдственно, оклады ландратскихъ подьячихъ можно принять за общіе для подьячихъ приказныхъ избъ вообще.

Оклады подьячихъ провинціальныхъ канцелярій неизвѣстны, но по всей вѣроятности, они были болѣе уѣздныхъ, если не одинаковы съ губернскими, такъ какъ кругъ вѣдомство провинціальныхъ канцелярій былъ шире, и начальники ихъ — въ большинствѣ случаевъ, оберъ-коменданты и вице-губернаторы—въ порядкѣ управленія стояли выше комендантовъ и ландратовъ. Указъ 28 января, оставляя дѣленіе подьячихъ по статьямъ, назначилъ для первой статьи 60 руб. и 30 четв. хлѣба въ губернскихъ, 30 р. и 30 четв. хлѣба въ уѣздныхъ канцеляріяхъ; для второй—40 р. въ губернскихъ и 20 въ уѣздныхъ канцеляріяхъ, хлѣбный окладъ одинаковъ для тѣхъ и другихъ, какъ и для предъидущей статьи, равнялся 20 четвертямъ. Что касается до 3-й статьи подьячихъ, то о ней уже было сказано выше [77]). Впрочемъ, въ С.-Петербургѣ, Нарвѣ, Ревелѣ, Выборгѣ и Шлюссельбургѣ жалованье дьякамъ и подьячимъ было опредѣлено вдвое противъ общаго губернскаго [78]).

Дьяки и подьячіе были собственно канцелярскими чиновниками: если имъ и дѣлались какія-либо порученія, состоявшія въ завѣдываніи отдѣльными частями, то это было слѣдствіемъ той неопредѣленности вообще, которая существовала по отношенію ко всѣмъ должностямъ въ то время. Въ областяхъ всѣ чины были по понятіямъ того времени— *у дѣлъ*, состояли *при губернаторахъ*. Справедливость этого положенія читатель могъ усмотрѣть изъ многихъ, приведенныхъ выше, примѣровъ, касающихся назначенія разныхъ второстепенныхъ правителей и дьяковъ. Здѣсь мы только напомнимъ нѣкоторые факты, относящіеся сюда: въ 1712 г. напр. *при московскомъ губернаторѣ* опредѣленъ комендантомъ полковникъ Измайловъ; въ 1713 *при смоленскомъ губернаторѣ* опредѣленъ оберъ-комендантъ Бѣлкинъ, а ландрихтеромъ Чичеринъ; ландрихтеръ Топильскій, *по распоряженію московскаго губернатора*, занимался судебными дѣлами, и т. д.; наконецъ, изъ примѣровъ приведенныхъ въ настоящей главѣ видно, что дьяки всегда опредѣлялись къ дѣламъ, и формула:... «и быть ему, имярекъ, въ такой-то губерніи у дѣлъ» постоянно встрѣчается въ дьяческихъ назначеніяхъ.

Всѣ эти факты, безъ сомнѣнія, доказываютъ, что всякая должность въ областномъ управленіи была прежде всего *коммиссіею*, возлагаемой

---

[76]) См. А. М. Ю. кн. 111, л. 198—205.

[77]) Ср. П. С. З. указанные № А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 49, л. 140 и слѣд., кн. 111, указ. листъ.

[78]) П. С. З. Ibidem.

на то или другое лицо губернаторомъ, при которомъ это лицо состояло, къ которому оно было прикомандировано. Вообще говоря, типъ коммиссіи былъ присущъ всѣмъ должностямъ, что было прямымъ слѣдствіемъ измѣненія взгляда на гражданскую службу и неопредѣленности самыхъ должностей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ прежде, въ XVII вѣкѣ, правительство смотрѣло на областныхъ правителей, начальниковъ московскихъ приказовъ и другихъ гражданскихъ сановниковъ, какъ на кормленщиковъ, теперь оно смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, на коихъ возложены извѣстныя обязанности, коимъ дана извѣстная коммиссія по внутреннему управленію; съ другой стороны, видовыя наименованія должностей, которыя могутъ быть установлены лишь тогда, когда самыя должности получаютъ извѣстную видовую опредѣленность, не представляли собою общаго достоянія управленія въ то время: было много чиновниковъ, которые не получили никакого спеціальнаго иностраннаго названія, а въ прежней жизни для нихъ не было выработано русскаго, ибо должности ихъ были нововведеніемъ XVIII вѣка,—такія лица, обыкновенно, и назывались родовымъ именемъ *коммиссаровъ*. Но такъ какъ правительству Петра В., несмотря на стремленія этого государя упрочить господство началъ государственныхъ, не были чужды взгляды прошлаго столѣтія, въ особенности въ первой половинѣ царствованія, бывшей переходнымъ моментомъ изъ XVII вѣка въ XVIII, то понятія частноправныхъ отношеній къ власти часто смѣшивались съ представленіями о власти главы государства. Вслѣдствіе этого, типъ коммиссіи, будучи примѣненъ ко всякаго рода государевымъ и государственнымъ дѣламъ, одинаково относился, какъ къ чиновникамъ, такъ и къ различнымъ царскимъ коммиссіонерамъ: словомъ «коммиссаръ» означались, какъ представители губерній въ Сенатѣ (сенатскіе коммиссары), государственные чиновники, такъ и царскіе купчины, братья Соловьевы. Вотъ причина, почему въ эпоху перваго учрежденія губерній слово это встрѣчается въ столь различныхъ смыслахъ, что можетъ серіозно затруднить всякаго, изучающаго матеріалы для изслѣдованія о русскомъ управленіи въ началѣ XVIII столѣтія. Но тѣмъ не менѣе, будучи прилагаемъ къ чиновникамъ, терминъ этотъ мало-по-малу вырабатывается въ видовое названіе, означающее главнымъ образомъ финансоваго чиновника,—понятіе, установившееся въ концѣ періода въ учрежденіи коммиссаровъ и камериировъ. Коммиссары, какъ исключительно финансовые чиновники, состояли почти во всѣхъ губерніяхъ при губернскомъ управленіи: на это указываетъ: а) раздѣленіе коммиссаровъ, сдѣланное въ указѣ 28 января 1715 г., на губернскихъ съ окладомъ въ 30 р. деньгами и 30 четвертей хлѣбомъ и на уѣздныхъ съ увеличеннымъ хлѣбнымъ окладомъ (60 четв.); б) то же раздѣленіе, удержанное въ Росписаніи жалованья на 1717 г., въ которомъ почти во всѣхъ губерніяхъ губернскіе коммиссары означены особо отъ уѣздныхъ. Уѣздные, или ландратскіе, коммиссары, состоявшіе въ каждой долѣ по одному, были помощниками ландратовъ въ управленіи долями

вообще: быть можетъ, они замѣняли въ этомъ случаѣ дьяковъ, которыхъ не полагалось въ доляхъ [79]).

Такимъ образомъ, должно различать въ губерніяхъ коммиссаровъ, какъ чиновниковъ, главнымъ образомъ финансовыхъ, отъ коммиссаровъ, какъ помощниковъ ландратовъ въ управленіи долями уѣздовъ.

Профессоръ Неволинъ не признаетъ этого различія, говоря о *земскихъ коммиссарахъ* и разсматривая ихъ съ одной стороны—какъ сборщиковъ въ доляхъ, гдѣ нѣтъ ландратовъ, а съ другой— при ландратахъ — какъ помощниковъ послѣднихъ [80]). Но врядъ ли можно говорить о *земскихъ* коммиссарахъ до 1718 г., когда были введены у насъ шведскіе земскіе чины въ полномъ составѣ [81]). Это названіе относится уже къ коммиссарамъ, какъ къ должностнымъ лицамъ исключительно финансоваго характера, введеннымъ въ дѣйствіе не ранѣе 1719 г. въ С.-Петербургской и 1720 г. во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ. Словомъ, земскіе коммиссары были чиновниками уже новой эпохи областныхъ учрежденій, начавшейся, какъ извѣстно, съ 29 мая 1719 г. Съ другой стороны, не мыслимо смѣшивать въ «одномъ родѣ» финансовыхъ коммиссаровъ, или тѣхъ, которыхъ указъ 28 янв. 1715 г. называетъ *губернскими*, съ ландратскими или уѣздными коммиссарами, такъ какъ они отличались другъ отъ друга окладами, какъ показано было выше.

Учрежденіе коммиссаровъ, какъ финансовыхъ чиновниковъ, относится еще къ 1707 г. когда въ С.-Петербургской губ. были учреждены для денежныхъ сборовъ оберъ-коммиссаръ, а для хлѣбныхъ — оберъ-провіантмейстеръ [82]); впослѣдствіи это учрежденіе было развито и въ другихъ губерніяхъ [83]), причемъ въ нѣкоторыхъ были оберъ-коммиссары и коммиссары, напр. въ С.-Петербургской губ. въ 1717 г. было при оберъ-коммиссарѣ 14 коммиссаровъ или въ Кіевской при оберъ-коммиссарѣ былъ коммиссаръ [84]); напротивъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ были одни коммиссары; таковы—Московская, Рижская и Казанская губерніи [85]). Учрежденіе финансовыхъ коммиссаровъ не было, однако, распространено на всѣ губерніи; такъ въ губ. Архангельской и Нижегородской встрѣчаются одни уѣздные коммиссары въ числѣ, равномъ числу ландратовъ [86]). Кромѣ этихъ двухъ родовъ, были еще коммиссары, которыхъ можно назвать *судебными*. Впрочемъ, источники указываютъ лишь на ихъ существованіе въ судахъ Московской губ., а главнымъ образомъ въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ. Они встрѣчаются на ряду съ дья-

[79]) П. С. З. № 2.879.
[80]) Образ. Упр. стр. 243.
[81]) Полн. Собр. Зак. № 3.244, 26 нояб. 1718 г.
[82]) П. С. З. № 2.135, 17 январ. 1707 г., ст. 6.
[83]) См. Росписан. 1717 г.
[84]) Idem.
[85]) Idem.
[86]) Idem.

ками при отправленіи тѣхъ же дѣлъ, который иногда отправляются нетолько дьякими, но и судьями. Многочисленныя свидѣтельства этого находятся въ сохранившихся записныхъ книгахъ Приказа Земскихъ Дѣлъ за 1717—1719 гг.; изъ этихъ книгъ узнаемъ, что въ 1717 и 1718 гг. въ Приказѣ челобитныя принимали и дѣлали на нихъ надлежащія помѣты вмѣстѣ съ дьяками, Тихменевымъ, Друковцовымъ и Дружининымъ, и съ судьями Топильскимъ и Пановымъ,—*коммиссары*, Колобовъ, Небольсинъ и Вяземскій [87]).

Должность судебныхъ коммиссаровъ, какъ и дьяковъ была дѣлопроизводство: такъ они производили допросы [88]), распоряжались командировкою подьячихъ для отдѣльныхъ судебно-распорядительныхъ дѣйствій [89]), и т. п.

Въ 1719 г. судебные коммиссары перестали существовать; оставшійся коммиссаръ, Небольсинъ, при преобразованіи суда переименованъ въ *ассессора*; тотъ же чинъ вскорѣ получили и нѣкоторые дьяки и секретари прежняго Приказа Земскихъ Дѣлъ [90]). Ассессоры 1719 г. вмѣстѣ съ дьяками составляли коллегіальное присутствіе преобразованнаго Приказа и подавали по дѣламъ мнѣнія въ той же формѣ, какъ ландраты въ губернской канцеляріи; такъ изъ одного тяжебнаго дѣла, начавшагося въ 1714 г. и протянувшагося до 1723 г., видно, что въ сентябрѣ 1719 г. по немъ были поданы мнѣнія ассессоровъ Земскаго Приказа, Небольсина, Дружинина и Катыгулова, и дьяка Симоновскаго [91]). Состоя въ одномъ рангѣ и имѣя одно іерархическое значеніе съ дьяками, судебные коммиссары, по всей вѣроятности, отличались отъ нихъ по нѣкоторымъ функціямъ, которыя принадлежали исключительно имъ: иначе зачѣмъ были бы разныя должностныя названія! Такимъ образомъ, не подходя совершенно подъ понятія дьячества, должность эта и была названа родовымъ именемъ коммиссіи, порученія.

Судебные коммиссары встрѣчаются не въ одномъ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ—въ томъ же смыслѣ въ 1718 г. упоминается коммиссаръ Приказа Большаго Дворца, Василій Вороновъ, наряду съ дьякомъ Никифоромъ Пановымъ [92]).

---

[87]) См. А. М. Ю. Кн. 1717 г., въ книгахъ Судн. Пр. подъ № 584; кн. за 1-ю полов. 1718 г. ibid. подъ № 585; кн. за 2-ю пол. 1718 г., найденную въ числѣ четырехъ документовъ въ стѣнѣ и хранящуюся особо во II отдѣл. Арх.; кн. за 1-ю полов. 1719 г. въ кн. Судн. Пр. подъ № 586.

[88]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. Вязка 1.378, № 17, л. 16.

[89]) Ibid. № 28, л. 8.

[90]) Ср. кн. за 2 пол. 1719 г. ibid. подъ № 587, л. 219, и кн. за 1-ю пол. 1720 г. ibid. подъ № 588, л. 4, 9, 150 и 192.

[91]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. вязка 767, № 29, л. 107—111.

[92]) Вотъ это упомиианіе: „били челомъ Великому государю столника Ивана Иванова сына Ржевскаго человѣкъ сво, Алексѣй Гавриловъ сынъ Еварлаковъ да отъ кавалеріи Володимерского полку примеръ-мазора Александра Тимофеева

Для пріема провіанта были особые коммиссары, называвшіеся провіантмейстерами и оберъ-провіантмейстерами. Должность провіантмейстера также учреждена въ 1707 г. для одной С.-Петербургской губ., а въ послѣдствіи этого рода должности распространились на другія, впрочемъ не въ одинаковомъ составѣ: такъ въ росписаніи губернскихъ чиновъ 1715 г. [93]) оберъ-провіантмейстеръ если и былъ, то только въ одной С.-Петербургской губ., а въ остальныхъ были безъ сомнѣнія провіантмейстеры, въ росписаніи же 1717 г. въ этой губерніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ (Московской, Рижской, Казанской и Нижегородской), мы вовсе не встрѣчаемъ провіантмейстерскаго чина, а оберъ-провіантмейстеръ встрѣчается въ одной Кіевской губ. Были ли въ этомъ случаѣ хлѣбные сборы соединены съ денежными, ни изъ чего не видно, но, кажется, можно предположить, что соединялись и обязанности провіантмейстера, такимъ образомъ, совпадали съ обязанностями коммиссаровъ, на что указываетъ, между прочимъ, позднѣйшее названіе всей продовольственной части военнаго управленія коммиссаріатскою.

Что касается до жалованья провіантмейстеровъ и коммиссаровъ, то относительно этого должно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: въ большинствѣ случаевъ жалованье, какъ коммиссарамъ, такъ и провіантмейстерамъ, было денежное и хлѣбное, но иногда было только одно первое: такъ, петербургскій оберъ-коммиссаръ получалъ 200 р. безъ хлѣбныхъ дачъ [94]). Жалованье было не вездѣ одинаково: въ этомъ отношеніи С.-Петербургская и Кіевская губ. были поставлены выше всѣхъ другихъ. Наконецъ, провіантмейстеры получали болѣе жалованья, нежели коммиссары. Представимъ оклады въ видѣ слѣдующей таблицы [95]).

сына Ржевскаго человѣкъ ево Василей Ѳедоровъ: челобитье на помѣщиковъ ихъ въ Приказѣ Болшого Дворца Государева дворцоваго села Коломенскаго крестьянина... будто въ завладѣніи земли... А нынѣ помѣщики ихъ на службѣ... И они, крестьяне били челомъ Великому Государю, а въ Приказѣ Болшого Дворца подавали объ отсрочкѣ того иску челобитье. *И дьякъ, Никифоръ Пановъ и комисаръ, Василей Вороновъ*, той ихъ челобитной не приняли... и они биліжъ челомъ въ Канцелярію Земскихъ Дѣлъ, чтобъ изъ наказовъ выписатъ и въ Приказъ Болшого Дворца отписать. И противъ челобитья того ихъ въ Канцеляріи Земскихъ Дѣлъ выписано и въ Приказъ Болшого Дворца данъ имъ указъ, и они тотъ указъ въ Приказъ Болшого Дворца подавали, *и дьякъ Никифоръ Пановъ и комисаръ Василей Вороновъ, не знаемо для чего указу у нихъ не приняли и къ дѣлу взять не помѣтили*“ и т. д. (Кн. за 2 пол. 1718 г., № 425).

[93]) П. С. З. № 2.879.

[94]) Росписаніе 1717 г.

[95]) П. С. З. № 2.879 и Росписаніе 1717 г. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 49, л. 140 и слѣд.

ПРОВІАНТМЕЙСТЕРЫ.			КОММИССАРЫ.		
Оберъ-провіантмейстеръ 400 р. деньгами и 150 четвертей хлѣба.	Провіантмейстеры.		Оберъ-коммиссары.	Коммиссары.	
	С.-Петербургской.	Другихъ губерній.	Петербургскій и Кіевскій.	Петербургскіе и Кіевскіе.	Другихъ губерній.
	180 р. деньгами и 90 четв. хлѣба.	60 р. деньгами и 45 четв. хлѣба.	200 р.	120 р. деньгами и 60 четв. хлѣба.	60 р. деньгами и 30 четв. хлѣба.

Для завѣдыванія хозяйственною частью при полкахъ отъ губерній состояли коммиссары (цаль-коммиссары), подьячіе и счетчики. Впрочемъ этотъ персоналъ не во всѣхъ полкахъ былъ одинаковъ: нѣкоторыя губерніи имѣли при положенныхъ на нихъ содержаніе полкахъ всѣ три рода чиновниковъ, такова была Кіевская губ. [96]); отъ нѣкоторыхъ состояли только коммиссары и подьячіе: таковы были С.-Петербургская Казанская, Нижегородская и Сибирская губ. [97]), или же были одни подьячіе со счетчиками (Архангелогородская) или безъ нихъ (Московская и Азовская губ.) [98]).

Полковые коммиссары, какъ кажется, невездѣ получали одинаковые оклады; это видно изъ окладовъ, означенныхъ въ росписаніи 1717 г.: такъ, въ Казанской губ. на 11 коммиссаровъ означено 660 р., т.-е. по 60 руб. каждому, а въ Сибирской на 7 человѣкъ 700 р., т.-е. по 100 р. каждому [99]). Подьячіе, прикомандированные къ полкамъ, безъ различія получали по 30 р. во многихъ губерніяхъ [100]). Оклады счетчиковъ неизвѣстны.

Изъ всего сказаннаго ясно, что чиновники губернскихъ полковыхъ коммиссарствъ получали только денежные оклады, выдачи хлѣбнаго жалованья имъ не производились.

---

[96]) Росписаніе, стр. 141.

[97]) Idem.

[98]) Idem. О персоналѣ чиновниковъ при полкахъ, положенныхъ на Рижскую губ., ничего неизвѣстно.

[99]) Оклады полковыхъ коммиссаровъ остальныхъ губ. въ Росписаніи не обозначены.

[100]) Для подтвержденія приводимъ слѣдующіе примѣры, заимствованные изъ Росписанія 1717 г.: въ Московской губ. при полкахъ было 96 человѣкъ подьячихъ, а жалованье имъ всѣмъ равнялось 2.880 р.; подьячихъ при петербургскихъ полковыхъ коммиссарахъ было 3 человѣка съ жалованьемъ всѣмъ 90 р.; въ Архангелогородской губ. 12 челов. подьячихъ получали 360 р., въ Азовской губ. 17 челов. 510 р., въ Казанской—22 челов. 660 и наконецъ, въ Сибирской губ. 7 челов. получали 210 р. Легко убѣдиться, что каждый подьячій изъ общей суммы получалъ по 30 руб.

Полковыя коммиссарства образовались изъ постояннаго прикомандированія къ полкамъ тѣхъ коммиссаровъ, которые прежде отвозили въ нихъ провіантъ, фуражъ и аммуницію, и которые, такимъ образомъ, сдѣлались хозяйственными посредниками между губерніею и положенными на нее полками [101]).

Наконецъ коммиссарами—кромѣ всѣхъ перечисленныхъ лицъ—иногда назывались и самостоятеленые областные правители. Иногда такъ назывались лица, завѣдывавшія какою-либо отдѣльною частью, если съ управленіемъ ею было неразрывно связано обще-гражданское управленіе извѣстною мѣстностью: такимъ образомъ коммиссарами назывались управляющіе казенными соляными заводами [102]). Но иногда коммиссары управляли уѣздами наравнѣ съ комендантами и назывались такъ же, какъ и всѣ правители, *судьями*; такъ въ 1713 г. въ слѣдующихъ городахъ Архангельской губ.: Устюгѣ, Сольвычегодскѣ и Тотьмѣ, *судьею* былъ коммиссаръ Акишевъ, о которомъ архангелогородскій вице-губернаторъ Курбатовъ доноситъ Сенату въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «при мнѣ въ Архангелогородской губерніи изъ посланныхъ въ *городы комендантовъ* и *камисаровъ* подобна ему во усердіи и во исправленіи нѣтъ» [103]).

На основаніи этого свидѣтельства, какъ кажется, можно предположить, что примѣръ назначенія Акишева въ уѣздные правители — по крайней мѣрѣ, въ Архангелогородской губ. — былъ не единственный. Словомъ, повторяемъ, слово «коммиссаръ» служило для обозначенія самыхъ разнообразныхъ должностей, выражая собою типъ «коммиссіи», общій всякаго рода гражданской службѣ, но тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени финансовыя функціи мало-по-малу становились видовыми признаками коммиссарской должности, которая мало-по-малу и пріобрѣла видовыя свойства.

Для письма крѣпостныхъ актовъ мѣсто площадныхъ подьячихъ въ началѣ XVIII вѣка занимаютъ писцы крѣпостныхъ дѣлъ, контроль надъ которыми ввѣряется крѣпостнымъ надсмотрщикамъ. Прежде такой порядокъ былъ заведенъ въ одной Москвѣ [104]), гдѣ составъ крѣпостныхъ чиновниковъ былъ таковъ: пять надсмотрщиковъ съ жалованьемъ по 70 р. въ годъ и писцы, или подьячіе, трехъ статей: 1) шесть человѣкъ съ жалованьемъ по 50 р., 2) девять по 40 р. и 3) пять—по 35 р. въ годъ [105]). Въ послѣдствіи учрежденіе надсмотрщиковъ и писцовъ было распространено на всѣ города, гдѣ повелѣно было

---

[101]) См. П. С. З. № 2.412, 31 іюля 1711 г., и Регламентъ Кригсъ-Коммиссаріату. О полкахъ, положенныхъ на губерніи, ихъ содержаніи и т. п. см. слѣд. главу, 1-й раздѣлъ.

[102]) См. П. С. З. № 2.526, 16 мая 1712 г. А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 27. Дѣло о жалованьѣ священнослужителямъ церкви св. апостолъ Петра и Павла, что на Зырянскомъ Усольѣ, л. 418 и слѣд.

[103]) Арх. Мин. Ю. Дѣла Сен., кн. 82. Дѣло объ Акишевѣ, л. 91, 111 и др.

[104]) Полн. Собр. Зак. № 1.838, 7 марта 1701 г.

[105]) Idem, № 1.848, 7 апр. 1701 г.

избирать ихъ мѣстному обществу; позднѣе вопросъ о выборахъ надсмотрщиковъ былъ разрѣшенъ опредѣленіе: ихъ велѣно было избирать по 2 въ большихъ и по 1 въ меньшихъ городахъ. Жалованье, какъ писцамъ, такъ и надсмотрщикамъ, велѣно было производить изъ денегъ, собираемыхъ за совершеніе актовъ; установленные въ Москвѣ и городахъ оклады показались правительству настолько значительными, что покупка всѣхъ канцелярскихъ принадлежностей, а равно освѣщеніе въ Оружейной Палатѣ, а въ городскихъ писчихъ избахъ и отопленіе были возложены на счетъ писцовъ [106]). Такимъ образомъ, ко времени учрежденія губерній образовался штатъ крѣпостныхъ надсмотрщиковъ и писцовъ, но съ учрежденіемъ губерній въ этомъ отношеніи произошли нѣкоторыя перемѣны. Надсмотрщики и писцы, по крайней мѣрѣ въ концѣ періода, были распредѣлены чрезвычайно неправильно: напр., въ Москвѣ въ 1717 г. [107]) было два надсмотрщика, но писцовъ не было, въ С.-Петербургѣ—1 надсмотрщикъ и 2 писца, напротивъ, въ Архангельскѣ — 9 надсмотрщиковъ и 16 писцовъ [108]). Когда и по какимъ причинамъ произошли такія перемѣны, рѣшить трудно, но, какъ кажется, величина торговаго оборота была одною изъ причинъ этого, что видно на примѣрѣ Архангельска.

Въ городахъ особенно важныхъ въ торговомъ отношеніи были ратуши, начальниками которыхъ, а вмѣстѣ и начальниками мѣстнаго торговаго класса были особые коронные чиновники съ званіемъ оберъ-инспекторовъ и инспекторовъ. Это были тѣ же ратушскіе инспекторы, которые были учреждены въ 1705 г. для контроля бурмистерскаго управленія и изысканія мѣръ къ усовершенствованію торговли и торговой администраціи [109]), но съ большею властью и болѣе опредѣленными функціями: изъ казеннаго прибыльщика инспекторъ обращается въ коронаго главу мѣстнаго купечества, которое состоитъ подъ его *диспозиціею*, подобно тому какъ дворянство подъ диспозиціею губернатора, но тѣмъ не менѣе инспекторъ въ своихъ дѣйствіяхъ относится въ порядкѣ подчиненія къ губернатору, который одинъ признается высшею властью въ губерніи [110]).

---

[106]) См. П. С. З. №№ 1.850, 1.851, 30 апр. 1.701 г. № 1927, 1 марта 1703 г. № 1986, 22 іюля 1704 г.

[107]) См. Росписаніе.

[108]) Idem.

[109]) Неволинъ: Образ. Управленія, стр. 231.

[110]) См. П. С. З. № 2.723, 14 окт. 1713 г. *Примѣчаніе.* Говоря объ оберъ-инспекторахъ, нельзя не упомянуть о фактѣ, который я встрѣтилъ при занятіи дѣлами Судпаго Приказа. Въ 1712 г. въ двухъ городахъ Московской губ., Серпуховѣ и Дмитровѣ, были оберъ-инспекторы, которые пользовались такимъ значеніемъ, что въ указахъ изъ губерніи къ тамошнимъ приказнымъ властямъ обыкновенно упоминалось имя оберъ-инспектора и ставилось выше имени оберъ-коменданта; другими словами, указы писались на имя оберъ-инспектора, а оберъ-

Таковъ былъ составъ губернскихъ чиновниковъ, какъ въ канцеляріяхъ, такъ и по завѣдыванію отдѣльными частями. При канцеляріяхъ состояли также низшіе служители, разсыльные и сторожа, оклады и число которыхъ опредѣлялись иногда указами, а въ значительной части случаевъ оставлялись на усмотрѣніе начальниковъ канцелярій.

Переходимъ теперь къ вопросу объ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ приказныхъ палатъ и избъ, насколько вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ. Въ предыдущихъ строкахъ мы уже отчасти коснулись вопроса о внутреннемъ устройствѣ областныхъ канцелярій, а именно — разсмотрѣли личный составъ ихъ; теперь намъ предстоитъ восполнить недостающее,—представить, каковы были части внутренняго механизма этихъ учрежденій. Вопросъ весьма важный, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны, ибо чѣмъ лучше и стройнѣе внутренній ходъ дѣлопроизводства, тѣмъ болѣе доказательствъ того, что государственное управленіе вообще совершенствуется, отдаляясь отъ состоянія хаоса, свойственнаго первичнымъ ступенямъ государственности; съ другой стороны, чѣмъ правильнѣе распредѣленіе занятій внутри какого-либо учрежденія, тѣмъ болѣе обезпечивается порядокъ и правильность дѣлопроизводства. Но, несмотря на всю важность этого вопроса, намъ придется, къ сожалѣнію, ограничиться по отношенію къ нему весьма немногими замѣчаніями.

комендантъ, при этомъ, трактовался какъ бы помощникомъ его по управленію. Въ дѣлѣ Телепнева съ алексинскимъ подьячимъ Епишковымъ, производившемся въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ 1712 г. (А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. вязка 766, № 2) есть указъ въ Серпуховскую Провинціальную канцелярію о высылкѣ изъ Алексина отвѣтчика, написанный такимъ образомъ: „Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца. Въ Серпуховскую Правинцыю оберъ-инспектору нашему, Ивану Никифоровичу Бобрищеву-Пушкину, да оберъ-коменданту нашему Семену Матвѣевичу Хрущову“ (л. 2); въ отвѣтъ на этотъ указъ, алексинскій комендантъ, Суровцевъ, между прочимъ, пишетъ: „прислана твоя, Великаго Государя, грамота изъ Приказу Земскихъ Дѣлъ во Олексинъ ко мнѣ, холопу Твоему, *на имя оберъ-инспектора, Ивана Бобрищева-Пушкина*“ (ibid. л. 3). То же самое встрѣчается въ другомъ дѣлѣ, производившемся въ томъ же учрежденіи и того же года, а именно, — въ дѣлѣ Тулубѣевыхъ съ дмитровскимъ подьячимъ, Афанасьевымъ (ibid. № 6). Въ указѣ изъ Земскаго Приказа въ Дмитровскую Приказную избу, отъ 12 фев. 1712 г. читаемъ: „Отъ Великаго Государя въ Дмитровъ оберъ-инспектору нашему Андрею Ивановичу Чаплину, да оберъ-коменданту нашему Карпу Евфимьевичу Сытину, да коменданту нашему Василью Ивановичу Коротневу“ (ibid. л. 2). Но во всѣхъ приведенныхъ выше фактахъ заключается лишь указаніе; ни изъ одного документа далѣе не видно въ чемъ собственно заключалось это особое значеніе оберъ-инспектора. Поэтому я и не рѣшаюсь, на основаніи этихъ намековъ, сдѣлать какое-либо обобщеніе, а лишь указываю на нихъ, какъ на факты исключительные и объясняющіеся отсутствіемъ опредѣленности и единообразія въ сферѣ администраціи, столь свойственнымъ первымъ годамъ описываемаго періода.

Отъ XVII в. остались нѣкоторыя указанія относительно этого вопроса въ приказныхъ палатахъ и избахъ: въ нихъ были особыя подраздѣленія по роду дѣлъ, называвшіяся *столами* или *повытьями*, но число и значеніе ихъ было различно въ разныхъ годахъ. Такъ, въ нижегородской избѣ въ 1663 г. было четыре, а въ псковской въ 1683 г. пять столовъ [111]). Это различіе въ числѣ можетъ быть, между прочимъ, объяснено тѣмъ, что были столы общіе всѣмъ областнымъ избамъ, и особенные—по особому значенію даннаго города: такъ, разрядные столы не были общимъ явленіемъ, тогда какъ денежные, судные и др. напротивъ встрѣчаются во всѣхъ палатахъ и избахъ [112]). Значеніе того или другаго стола опредѣлялось его названіемъ, но тѣмъ не менѣе дѣла располагались по столамъ безъ всякой правильной системы [113]). Вообще, въ устройствѣ приказныхъ палатъ и избъ не было и не могло быть никакой правильности и однообразія. Въ самомъ дѣлѣ, для мѣстнаго управленія образцами служили московскіе приказы — необходимое слѣдствіе централизаціи, между тѣмъ внутреннее устройство этихъ послѣднихъ было крайне неопредѣленно, и порядокъ дѣлопроизводства еще не установился [114]). Но тѣмъ не менѣе, въ какомъ бы состояніи ни находилось устройство областныхъ избъ XVII в., слѣды его несомнѣнны. Слѣды того же устройства, хотя несравненно менѣе явственные, встрѣчаются и въ началѣ XVIII в.

Мы уже сказали выше, что губернскія и провинціальныя канцеляріи 1708 г. суть повторенія приказныхъ палатъ и избъ, которые удержались въ своемъ первоначальномъ видѣ, только съ количественными различіями и иностранными названіями. Ясно, что и устройство палатъ и избъ XVII в. было унаслѣдовано XVIII; это несомнѣнно доказывается оффиціальными источниками послѣдняго: вопервыхъ, учрежденіе столовъ несомнѣнно существовало въ губернскихъ учрежденіяхъ начала XVIII в.; на это прямо указываютъ канцелярскіе реестры и подлинныя дѣлопроизводства, въ которыхъ встрѣчается масса помѣтъ въ родѣ слѣдующихъ: «принять къ столу», «записавъ въ *настольную книгу*, отдать къ дѣлу и, росписавъ съ челобитною, принесть *къ столу*» и т. п. [115]); вовторыхъ, столы начала XVIII в. носятъ тѣ же наименованія, какія они носили въ XVII в. За исключеніемъ лишь вновь образовавшихся, изъ которыхъ можно указать лишь на *Приказный столъ* [116]), кругъ вѣ-

---

[111]) Ср. Чичерина „Областныя Учрежд." стр. 100, и Дополн. къ Актамъ Историческимъ т. 10, № 36, стр. 419.

[112]) Idem. [113]) Чичеринъ, idem стр. 101.

[114]) Неволинъ указ. соч. стр. 141, 194.

[115]) См. всѣ вышеприведенные докум. книги и дѣла.

[116]) На доношеніи изъ Крѣпостнаго Приказа въ губернскую канцелярію отъ 6 декабря 1714 г. надписано: „Подано въ Приказный столъ Полуекту Григорьеву"; на то же указываетъ сказка, данная писцемъ, Евдокимовымъ, въ

домства котораго заключалъ въ себѣ всю сферу областной администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: это былъ столъ правительственный [117]).

Прочіе столы носятъ большею частью прежнія названія: встрѣчается Ямской столъ, который въ Московской губернской канцеляріи образовался изъ упраздненнаго въ 1711 г. Ямскаго Приказа [118]); въ Приказахъ, подчиненныхъ Московской губернской канцеляріи, осталось также прежнее дѣленіе на столы, изъ которыхъ въ данное время встрѣчаются—въ Ратушѣ—*Судный* и *Розыскный* столы, какъ особыя учрежденія [119]); Въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ встрѣчаются столы *Судный* и *Денежный* [120]).

Вотъ и всѣ извѣстія, какія мы имѣемъ о внутреннемъ устройствѣ губернскихъ учрежденій: при всей ихъ скудости можно, однако, утверждать, что дѣленіе канцелярій на столы существовало всюду: на это указываетъ, кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ, большое количество канцелярскихъ служителей, подьячихъ, въ разныхъ губернскихъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ канцеляріяхъ, между которыми, очевидно, распредѣлялись различныя дѣла; на это указываетъ также и та масса дѣлъ, которая обременяла собою областныя учрежденія начала XVIII в. и на которую часто ссылались правители, будучи обвиняемы въ медленности или по другимъ причинамъ. Но собственно говоря, установленіе правильнаго канцелярскаго устройства есть дѣло позднѣйшихъ

томъ, что онъ самъ знаетъ о посылкѣ изъ губернской канцеляріи указовъ въ подвѣдомственные приказы о крѣпостныхъ пошлинахъ... „и указы объ отвѣтствованіи оному посланы, которые-де изъ того Приказнаго стола разносилъ подьячей Матвѣй Лопаковъ“. (См. дѣло о соляномъ сборѣ, л. 15 и 25).

[117]) Ibidem.

[118]) См. выше.

[119]) ....„росписку освидѣтельствовать *въ судномъ столѣ* старой статьи *расправнаго стола* подьячимъ“. (Дѣло по тяжбѣ между торговыми людьми 1712—1719 г. А. М. Ю. Дѣла Московской губернской канцеляріи, вязка 1.876, № 1, л. 43).

[120]) Коммиссаръ Вяземскій жалуется въ августѣ 1717 г. на дворовaго человѣка князя Голицына, Ѳедорецкаго, который оскорбилъ его словомъ въ Земскомъ Приказѣ, — *въ Судейскомъ столѣ*. (Дѣла Судн. Прик. вязка 1.378, № 32, л. 1). Въ одномъ дѣлѣ 1715—1717 г. — объ отдачѣ на оброкъ пустопорожнихъ стрѣлецкихъ земель по Неглинной, отъ Воскресенскихъ воротъ, упоминается Денежный столъ, причемъ кругъ его вѣдомства опредѣленъ довольно ясно въ слѣдующемъ постановленіи: „Канцеляріи Земскихъ Дѣлъ повытчикамъ и молодымъ подьячимъ подписатца подъ симъ писмомъ своеручно объ отдачѣ стрѣлецкой порожжей земли, что въ Бѣломъ Городѣ межъ Стараго Каменнаго и Неглинскаго мостовъ, какое нынѣ есть о переторжкѣ той земли челобитье и кто бьетъ челомъ, и что по тому челобитью велѣно учинить и, подписавъ, подать въ Денежный столъ сего жъ числа непсходно“. (Ibidem, вязка 770, № 2, л. 12).

преобразованій; эпоха 1708 г. и въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, есть время перехода, борьбы новыхъ началъ стройности, порядка, съ прежнимъ неустройствомъ и безпорядкомъ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть дѣлопроизводство областныхъ канцелярій, за время отъ 1710 по 1719 гг. Но прежде всего считаемъ небезполезнымъ установить понятія. Подъ словомъ «дѣлопроизводство даннаго учрежденія» должно разумѣть тотъ порядокъ, въ которомъ движутся дѣла въ немъ отъ своего начала до окончанія; такой порядокъ состоитъ въ послѣдовательной совокупности формъ и обрядовъ, означающихъ различныя стадіи или положенія, чрезъ которыя проходятъ дѣла въ своемъ движеніи, пока не дойдутъ до окончанія или передачи въ другое мѣсто. Слѣдственно, вопросъ о дѣлопроизводствѣ даннаго учрежденія въ данное время сводится на другой, болѣе опредѣленный, — на вопросъ о формахъ и обрядахъ, которые приняты въ этомъ учрежденіи и въ это время, о разсмотрѣніи ихъ въ отдѣльности и взаимодѣйствіи.

Въ установленномъ такимъ образомъ понятіи дѣлопроизводства, мы видимъ три составныя части, или момента, которые по отношенію къ каждому дѣлу, отдѣльно взятому, составятъ его главныя положенія, и около которыхъ должны группироваться формы и обряды, какъ матеріалъ, служащій для внѣшняго выраженія понятія. Эти моменты суть начало дѣло, развитіе его и окончаніе. Въ двухъ крайнихъ, дѣлопроизводство даннаго учрежденія, такъ сказать, соприкасается съ внѣшнею средою, ибо моментъ начала есть вступленіе какого-либо казуса, случившагося извнѣ, въ это учрежденіе, метаморфоза *казуса въ дѣло*. Равнымъ образомъ, въ окончательномъ моментѣ дѣло, переходя къ исполненію или же въ порядкѣ производства въ другое мѣсто, также переступаетъ предѣлы даннаго учрежденія. Напротивъ, моментъ развитія дѣла включаетъ въ себѣ всю внутреннюю дѣятельность учрежденія; здѣсь дѣло осложняется, выясняется путемъ различныхъ актовъ и принимаетъ тотъ видъ, въ которомъ постановляется по немъ рѣшеніе. Къ крайнимъ моментамъ принадлежатъ тѣ акты, въ которыхъ главнымъ образомъ выражается начало и окончаніе дѣлъ, а равно сношеніи даннаго учрежденія съ другими высшими, равными и низшими. Это суть входящія и исходящія бумаги, дѣйствія канцеляріи по отношеніи къ нимъ, записка въ реестры, способы веденія этихъ реестровъ. Акты, относящіеся къ развитію и рѣшенію дѣлъ, суть протоколы, постановленія, резолюціи и рѣшенія въ окончательной формѣ, допросы, очныя ставки, пытки и др. формы и обряды, въ которыхъ дѣло разъясняется и подготовляется къ рѣшенію, равно какъ и тѣ, въ которыхъ происходитъ это послѣднее.

Понятіе дѣлопроизводства включаетъ въ себѣ производство всякаго рода дѣлъ, какъ административныхъ, такъ и судебныхъ, ибо каждый казусъ, подлежащій администратору или судьѣ, непремѣнно въ из-

вѣстномъ порядкѣ обращается въ дѣло, сознается тѣмъ лицомъ или присутствіемъ, которому подлежитъ, и, наконецъ, разрѣшается такъ или иначе. Но, будучи приложено къ административнымъ дѣламъ, понятіе это, во внѣшнемъ своемъ выраженіи, значительно уже, нежели судебное дѣлопроизводство, или судопроизводство. Въ послѣднемъ дѣло получаетъ значеніе *процесса* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такое различіе между административнымъ дѣлопроизводствомъ и судопроизводствомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ различію цѣлей администраціи и суда. Цѣль первой есть регламентація представившагося казуса или цѣлой совокупности ихъ, созданіе такихъ предписаній, которыя имѣютъ авторитетъ относительнаго закона, появляющагося въ виду извѣстнаго казуса. Въ этомъ созданіи дѣйствуетъ творческая правительственная воля, усмотрѣніе, ограниченное лишь въ общихъ чертахъ законодательствомъ и тѣмъ стѣсненное лишь по отношенію незаконныхъ проявленій. Цѣль суда, напротивъ, не созданіе, не творчество новаго, но лишь обсужденіе факта — на твердомъ основаніи существующихъ законовъ: здѣсь дѣйствуетъ общая воля, выраженная въ законодательствѣ, а не субъективное правительственное усмотрѣніе. Вслѣдствіе этого, судебныя рѣшенія хотя также имѣютъ авторитетъ относительнаго закона, но лишь при условіи правильности приложенія общаго закона къ данному казусу и въ болѣе тѣсной сферѣ дѣйствія. Такимъ образомъ, правительственное дѣло разрѣшается волею правителя, а судебное—общею государственною волею, раскрыть дѣйствіе которой по отношенію къ данному случаю есть прямая и единственная задача судьи. Отсюда тотъ процессъ, которымъ добывается истина въ административномъ дѣлѣ, совершается въ умѣ администратора въ интересахъ полезности; напротивъ, процессъ добыванія истины въ судѣ—процессъ внѣшній, требующій болѣе или менѣе сложныхъ внѣшнихъ операцій: здѣсь на очереди не вопросъ о полезности, а вопросъ о правѣ: въ этомъ и заключается причина обилія формъ и обрядовъ судопроизводства и внѣшней простоты административнаго дѣлопроизводства. Это положеніе въ особенности приложимо къ вопросу объ областномъ дѣлопроизводствѣ вообще въ началѣ XVIII в., когда коллегіальная форма въ правительственныхъ дѣлахъ не была установлена съ достаточною опредѣленностью, усмотрѣніе губернаторовъ и другихъ правителей, при отсутствіи точнаго законодательства, было почти ничѣмъ не ограничено и, вслѣдствіе этого, собственно-правительственная дѣятельность ихъ почти совершенно ускользаетъ отъ изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ административному дѣлопроизводству этого времени встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ лишь тѣ формы и обряды, которые касаются внѣшнихъ моментовъ; напротивъ, въ судопроизводствѣ представляется обиліе формъ и обрядовъ собственно-внутренней дѣятельности учрежденій. Вслѣдствіе этого, говоря о внутреннихъ формахъ и обрядахъ вообще, мы должны будемъ касаться главнымъ образомъ судопроизвод-

ства. Послѣднее замѣчаніе, которое мы считаемъ нужнымъ предпослать очерку дѣлопроизводства въ области начала XVIII в., состоитъ въ томъ, что при томъ взглядѣ на отношенія областныхъ учрежденій между собою, который мы провели въ первыхъ строкахъ настоящей главы, считаемъ вполнѣ возможнымъ разсмотрѣть главнымъ образомъ дѣлопроизводство однѣхъ губернскихъ канцелярій, касаясь лишь отчасти всѣхъ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что при настоящемъ состояніи источниковъ это единственно возможно.

Итакъ дѣлопроизводство губернскихъ учрежденій можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: съ внѣшней и съ внутренней. Съ внѣшней оно представляется, какъ совокупность входящихъ и исходящихъ бумагъ и относящейся къ нимъ канцелярской регистратуры; съ внутренней—оно есть послѣдовательное движеніе различныхъ бумагъ, служащихъ формами развитія, обсужденія и рѣшенія дѣла.

Входящія бумаги могли быть получаемы или отъ правительственной власти, или же отъ частныхъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ—правительственныя бумаги касались администраціи, а частныя — суда. Это, безъ сомнѣнія, совершенно соотвѣтствуетъ существу дѣла: рѣшеніе правительственныхъ вопросовъ въ большинствѣ случаевъ возбуждается по правительственной иниціативѣ, тогда какъ дѣла судебныя, которыя въ значительной степени суть возстановленія правъ частныхъ лицъ, нарушенныхъ незаконнымъ проявленіемъ чьей-либо воли, главнымъ образомъ возбуждаются по частной жалобѣ или иску.

Правительственныя бумаги назывались общимъ именемъ *указовъ*, въ понятіи которыхъ безразлично смѣшивался законъ съ распоряженіемъ въ порядкѣ управленія. Указы были или именные, или сенатскіе, послѣдніе по преимуществу были правительственными распоряженіями, хотя нерѣдко съ тѣмъ же содержаніемъ встрѣчаются и именные указы.

Формы, въ которыхъ писались указы, были различны. Собственно говоря, подлинные указы—какъ именные, такъ и сенатскіе—оставались въ сенатской канцеляріи, гдѣ они значились въ книгѣ, а въ губерніи и приказы посылались списки: или въ формѣ простой копіи, или же въ формѣ грамоты. Впрочемъ, посылка грамотъ, остатокъ порядка XVII в., скоро исчезла изъ практики: по крайней мѣрѣ, послѣ 1711 г., она уже болѣе не встрѣчается въ сношеніяхъ правительства съ губерніями. Это и понятно: извѣстно, что указы въ формѣ грамотъ посылались въ XVII в. къ областнымъ правителямъ въ видѣ почета [121]); эта форма была умѣстна въ то время, когда на воеводскія назначенія смотрѣли болѣе съ точки зрѣнія права, нежели обязанности, но право кормленія въ началѣ XVIII в. обратилось, какъ мы видѣли, въ обязанность управленія, исполненія которой правительство строго требовало, угрожая штра-

[121]) См. Чичерина „Областныя Учрежд". стр. 271 и Неволина „Образ. Управ. въ Россіи" стр. 142.

фами, наказаніями; при такомъ положеніи дѣлъ почетныя формы сношеній скоро замѣнены были однообразными формами копій съ указовъ. Впрочемъ, въ началѣ періода, или, лучше сказать, въ первые годы существованія губернскихъ учрежденій—форма грамотъ еще была въ употребленіи. Удержаніе ея, какъ кажется, было уступкою родамъ знаменитымъ, рядомъ съ которыми въ порядкѣ управленія были поставлены люди новые, незнатные, подобные Курбатову или Ершову. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1711 г. встрѣчается нѣсколько примѣровъ посылки въ губерніи *указовъ и грамотъ* [122]). Содержаніе этихъ, какъ бы различныхъ, актовъ было одно и то же, исполненіе по нимъ требовалось также одинакое [123]); слѣдственно, немыслимо предположить, чтобы къ одному и тому же губернатору объ одномъ и томъ же предметѣ были посланы два предписанія, только подъ разными именами. Но если къ однимъ изъ нихъ посылались указы, а къ другимъ—грамоты, то естественно допустить, что болѣе почетная форма была внѣшнею уступкою знатнымъ губернаторамъ по отношенію къ худороднымъ, облагороженнымъ геніемъ Петра. Когда, съ теченіемъ времени, новое дворянство включило мало-по-малу въ себя представителей знатныхъ фамилій, тогда исчезли и почетныя формы сношеній, какъ безполезные остатки стараго вѣка. Такимъ образомъ, указы, т.-е. копіи съ подлинныхъ указовъ, дѣлаются главною формою сношеній высшей власти съ губернаторами. Мы сказали, что въ сущности не было никакого различія между указомъ и грамотою, но между ними была нѣкоторая разница по внѣшней формѣ: въ началѣ грамоты обыкновенно помѣщался полный титулъ, имя, отчество и фамилія губернатора, потомъ излагалось дѣло, конецъ же былъ такой: «и какъ къ тебѣ ся наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и ты бъ, имярекъ, чинилъ по сему нашему, Великаго Государя, указу» [124]). Напротивъ, конецъ указа былъ обыкновенно такой: «и тебѣ, имярекъ, чинить по сему его, Великаго Государя, указу». Отсюда ясно, что и по формѣ различіе было весьма незначительно. По отношенію къ формѣ грамотъ и указовъ, какъ и вообще всѣхъ бумагъ, не только правительственныхъ, но и частныхъ, особливо замѣчательна судьба царскаго титула: вслѣдствіе возсоединенія Малороссіи (1653 г.) и удачныхъ войнъ съ Польшею (1654—1656 г.), титулъ московскаго государя все болѣе

---

[122]) Примѣры: 1) 2 марта этого года были посланы изъ Сената къ губернаторамъ *указы* и *грамоты* о собраніи служилыхъ людей въ Бѣлгородскій полкъ (А. М. Ю. Дѣла Сената кн. 1, л. 10 и слѣд.). 2) Въ тотъ же день состоялось распоряженіе въ формахъ *указовъ* и *грамотъ* объ уплатѣ губерніями займа, произведеннаго Посольскимъ Приказомъ у Монетнаго двора (ibid. л. 13 и слѣд.). 3) 12 марта того же года были посланы изъ Сената по губерніямъ *указы* и *грамоты* о недосылкѣ третныхъ платежей въ Артиллерійскую канцелярію (ibid, л. 39). Также см. П. С. З. № 2.326 и др.

[123]) См. предъидущую выноску.

[124]) См. прим. въ П. С. З. подъ № 2.311, 2 января 1711 г.

и болѣе увеличивался, и, наконецъ, въ 1655 г.[125]) повелѣно было во всѣхъ бумагахъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ — писать «Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ». Время отъ 1655 по 1677 г., когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ сдѣлалъ значительное сокращеніе въ *царскихъ именованіяхъ* для удобства частныхъ лицъ [126]), было эпохою особенно важнаго значенія титула не только въ дипломатическихъ актахъ, но и во внутреннемъ управленіи: за пропускъ, ошибку въ царскомъ титулѣ виновные подвергались тюремному заключенію, торговой казни, сѣченію батогами [127]). Титулъ государя, установленный въ 1655 г., остался въ XVIII в. почти во всѣхъ бумагахъ, пока не былъ измѣненъ въ титулѣ императорскомъ [128]).

Такова была форма указовъ, посредствомъ которыхъ Сенатъ главнымъ образомъ сносился съ губернаторами, предписывая имъ исполнить свой приговоръ или—объявляя монаршую волю. Подчиненіе, наиболѣе и опредѣленнѣе развившееся въ началѣ XVIII в. развило и форму сношеній высшей власти съ низшей, подчиненной: форма эта — указъ. Но если указъ былъ главною, то, во всякомъ случаѣ, не единственною формою сношеній правительства съ губернскимъ управленіемъ. Если какое-нибудь распоряженіе не прямо касалось губернатора, если напр., исполненіе его было предоставлено кому-либо помимо губернатора, а отъ послѣдняго требовалось только содѣйствіе, или если какое-либо распоряженіе, не касаясь прямо даннаго губернатора, было полезно для его соображеній и образа дѣйствій: то форма указа замѣнялась формою *вѣдѣнія*. Такъ, въ мартѣ 1711 г. состоялся сенатскій указъ объ обязанностяхъ каждаго гражданина сыскивать и представлять по начальству укрывающихся отъ службы. Этотъ указъ былъ обнародованъ, а къ губернаторамъ о немъ посланы вѣдѣнія. Равномѣрно, тогда же было послано вѣдѣніе московскому управителю объ уничтоженіи въ Клину, Каширѣ и другихъ городахъ Московской губ. заставъ, устроенныхъ по случаю моровой язвы: указы были посланы прямо къ воеводамъ и заставщикамъ, а московскому управителю это распоряженіе сообщено къ свѣдѣнію [129]). Вѣдѣнія были посланы въ губерніи въ 1714 г. по поводу различныхъ безпорядковъ въ помѣстныхъ окладахъ, для изслѣдованія и прекращенія чего были посланы въ губерніи подьячіе Помѣстнаго Приказа [130]).

---

[125]) П. С. З. № 167.

[126]) Ibid. № 709.

[127]) Ibid. № 233, 14 августа 1658 г.; № 351, 26 сентября 1663 г.

[128]) Ibid. № 3.840, 22 октября 1721 г.

[129]) А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 1, л. 53 и слѣд.

[130]) Въ этой формѣ распоряженіе было сообщено во всѣ губерніи, какъ это видно изъ помѣтъ на самомъ подлинникѣ указа, но изъ числа копій неизвѣстно почему уцѣлѣла только посланная въ Сибирскую губ., въ которой форма вѣдѣнія безспорна; вотъ она: „и сибирскому губернатору съ товарыщи о томъ вышеобъявленномъ Великаго Государя указѣ *вѣдать* и въ помянутомъ послан-

Но эти и многіе другіе, подобные, случаи посылки вѣдѣній не даютъ права заключать, что форма эта была твердо установлена и разграничена отъ другихъ: такихъ формъ въ дѣлопроизводствѣ описываемаго нами періода почти не было, большая часть формъ сливалась съ другими, и вообще было замѣтно то же безразличіе, которое по отношенію къ этому существовало въ XVII в. Въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ вѣдѣнія встрѣчаются указы въ собственномъ смыслѣ этого слова: напр., указъ о присылкѣ изъ губерній въ С.-Петербургъ денегъ на производство кирпича, облеченный въ форму вѣдѣнія [131]), или—въ той же формѣ—есть указъ въ Канцелярію Московскаго гарнизона о выдачѣ солдатамъ жалованья [132]). Ясно, что въ подобныхъ случаяхъ названіе не имѣетъ смысла, что можетъ быть объяснено лишь безразличіемъ терминовъ и понятій. Съ другой стороны, вѣдѣніе смѣшивается съ *памятью*: такъ въ томъ же 1711 г. послѣдовало сенатское распоряженіе послать во всѣ приказы *памяти* о справкѣ, сколько въ каждомъ изъ нихъ налицо аммуниціи и иныхъ полковыхъ припасовъ; но въ помѣтѣ оберъ-секретаря Щукина, на оборотѣ этаго приговора, читаемъ: «въ Приказы *вѣдѣнїи* посланы (тогда-то)» [133]).

Въ Московскомъ государствѣ форма памяти имѣла спеціальное значеніе; она употреблялась въ сношеніяхъ мѣстъ равныхъ: такъ сносились между собою Приказы, кромѣ Разряда, который до 1677 г. посылалъ памяти лишь въ тѣ Приказы, гдѣ засѣдали думные люди, а во всѣ иные указы, послѣ же посылалъ указы всюду, безъ исключенія [134]); тѣ же формы были приняты и для сношенія равноправныхъ воеводъ между собою. Это значеніе *памяти* было, какъ увидимъ ниже, удержано и при Петрѣ В., но, несмотря на то, памяти все-таки смѣшивались съ другими формами правительственныхъ сношеній.

Всѣ указы сохранялись въ канцеляріяхъ и избахъ посредствомъ записки въ такъ-называемыя *указныя книги*, установленіе которыхъ относится еще къ XVII в. [135]).

Отъ начала XVIII в. не осталось ни одной указной книги, но существованіе ихъ въ это время не можетъ быть подвержено сомнѣнію: всѣ дѣла въ канцеляріяхъ и избахъ рѣшались главнымъ образомъ по указамъ, и рѣшенія всегда предварялись выпискою изъ нихъ, т.-е. оче-

---

нымъ подьячимъ въ городѣхъ оберъ-комендантомъ и комендантомъ велѣть чинить вспоможеніе" (ibid., кн. 17, л. 130 и слѣд.; также см. П. С. З. № 2.804, 4 мая 1714 г.)

[131]) А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 1-я, л. 50, 12 марта 1711 г.

[132]) Ibid, л. 100, 28 марта 1711 г.

[133]) Ibid, л. 55.

[134]) См. П. С. З. № 677, 23 февраля 1677 г.; Неволина указанное сочиненіе, стр. 141 и слѣд.

[135]) Объ этомъ см. Чичерина указ. соч., стр. 272—274.

видно изъ указныхъ книгъ, въ которыя записывалось время составленія указа и цѣликомъ прописывался его текстъ. Выше было сказано, что въ формѣ указовъ не было различія, правильно установленнаго, между закономъ въ собственномъ смыслѣ и правительственнымъ распоряженіемъ [136]).

Но указы, содержащіе въ себѣ установленіе новаго закона, или такія правительственныя распоряженія, которыя относились къ народу, были объявляемы во всеобщее свѣдѣніе. Способы обнародованія первоначально состояли въ словесныхъ объявленіяхъ бирючами и прибиваніемъ по городскимъ воротамъ объявительныхъ листовъ [137]). Въ послѣдствіи была установлена печатная форма обнародованія: къ губернаторамъ, попрежнему, велѣно было посылать копіи, а для всенароднаго извѣстія печатать въ Сенатской типографіи и продавать экземпляры желающихъ [138]); манифесты же объявлялись въ церквахъ [139]). Указы о новыхъ назначеніяхъ объявлялись губернаторами подчиненнымъ имъ провинціальнымъ и уѣзднымъ правителямъ — иногда въ формѣ грамотъ: такъ кіевскій губернаторъ, кн. Голицынъ, въ 1712 г., объявилъ грамотою всѣмъ чинамъ своей губерніи о назначеніи кіевскимъ фискаломъ Безобразова [140]). Что касается до исполненія указовъ губернаторами, то Сенатъ за этимъ строго слѣдилъ и въ случаѣ неисполнительности или медленности угрожалъ штрафами. Губернаторъ обязанъ былъ на другой же день полученія указа обстоятельно донести что было по немъ сдѣлано, если же дѣло было сложное, то обстоятельное донесеніе откладывалось на недѣлю, но, тѣмъ не менѣе, на другой день полученія губернаторъ обязанъ былъ писать объ этомъ въ Сенатъ, излагая причины, по которымъ обстоятельнаго донесенія—за краткостью времени—не послѣдовало тотчасъ же [141]).

До сихъ поръ мы разсматривали входящія бумаги отъ правительства; теперь приступимъ къ разсмотрѣнію входящихъ отъ частныхъ лицъ. Общимъ именемъ всѣхъ подобныхъ бумагъ были *челобитная* и *челобитье*. Виды челобитныхъ были: иски, или исковыя челобитныя, мировыя, явки и извѣты. Исковыя челобитныя суть прошенія въ собственномъ смыслѣ; онѣ суть непремѣнные поводы къ начатію дѣла. По содержанію эти челобитныя отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ

---

[136]) Сообразно этому, и составители Полнаго Собранія Законовъ вынуждены были соединить рубрику „указы“, съ рубрикою „законы“ См. Алфавитный Указатель т. XLII, ч. 1, стр. XXIII и 707.

[137]) См. у Чичерина указ. соч. с. 275, А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 1, л. 53 и слѣд.

[138]) П. С. З. № 2.785, 16 марта 1714 г. А. М. Ю. Д. Сен., кн. 119, л. 23.

[139]) См. образцы въ концѣ книги.

[140]) А. М. Ю. ibid, кн. 113, л. 211.

[141]) П. С. З. № 2.483, 15 февраля 1712 г.; № 3.002, 19 марта 1716 г.; № 3.333, 19 марта 1719 г.

концѣ ихъ помѣщается просительный пунктъ объ учиненіи указа, о допросѣ того, на кого вчиненъ искъ, и т. п. Формою челобитныя XVIII в. значительно отличаются отъ старинныхъ, т.-е. отъ челобитенъ XVI и XVII в. Въ этихъ послѣднихъ челобитчики употребляли самыя унизительныя формы обращенія къ тому лицу, на имя котораго челобитная вчиналась, называли себя *холопями*, а монашествующіе и др. духовныя лица—*нищими богомольцами, худыми монашишками, игуменишками*, и т. п.; полуимя, и то въ уничижительной формѣ, было любимымъ выраженіемъ челобитчиковъ [142]).

Къ тому лицу, на имя котораго была челобитная, обращались въ дательномъ падежѣ, а въ просительномъ пунктѣ дѣлали заключеніе: «пощади», «смилуйся, пожалуй» и т. п. [143]).

Вмѣстѣ съ этимъ, еще понятіе всюду присутствующей государственной власти, отъ имени представителя которой, какъ высшаго источника правосудія, отправлялся судъ и на имя котораго должны подаваться всякія прошенія; понятіе это не было еще достаточно развито въ XVI и даже въ XVII столѣтіяхъ: на имя государя писались челобитныя большею частью лишь тогда, когда онѣ подавались дѣйствительно самому государю [144]); въ противномъ же случаѣ онѣ писались непосредственно на имена тѣхъ лицъ, кому подавались, а именно: на имена воеводъ [145]), настоятелей, монастырей [146]) и т. д.

Въ теченіе XVII в., вмѣстѣ съ усиленіемъ московскаго государя, постепенно уясняется понятіе Верховной Власти, какъ источника всякой власти и дѣятельности въ государствѣ, и фикція вездѣприсутствія субъекта этой власти все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе; вслѣдъ за этимъ, при Петрѣ В. прежнее частноправное господство государя надъ народомъ и землею обращается въ государственное правленіе: это не могло остаться безъ вліянія на ту уничижительную форму, которую челобитчики употребляли по отношенію къ самимъ себѣ, обращаясь къ суду, и вотъ—плодомъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ началѣ XVIII в. появился указъ «о формѣ прошеній» [147]), имѣющій въ нашихъ глазахъ чрезвычайно важное государственное и соціальное значеніе: по силѣ этого указа, челобитныя должны начинаться словами: «Державнѣйшій Царь, Государь Милостивѣйшій», за тѣмъ слѣдовало изложеніе дѣла, а въ просительномъ пунктѣ, вмѣсто прежнихъ обращеній, надлежало писать: «Всемилостивѣйшій Государь, прошу Вашего Величества и т. д.». Подпись челобитчика должна заключать въ себѣ имя его съ прозвищемъ. Эти общія

---

[142]) См. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, № 87; Акты Юрид. №№ 32—43.

[143]) Ibid.

[144]) См. Акты Юрид. №№ 32, 38—40.

[145]) Ibid, №№ 33—36.

[146]) Ibid, №№ 42—43.

[147]) П. С. З. № 1.899, 1 марта 1702 г.

правила для челобитныхъ относились ко всѣмъ, безъ различія состоянія и служебной чести,—въ нихъ уже видно установленіе принципа власти на государственномъ основаніи: идея величества въ первый разъ высказана съ такою опредѣленностью, она замѣнила собою прежнее представленіе о *господинѣ, который можетъ смиловаться и пожаловать своего холопа*; равномѣрно — съ другой стороны—челобитчикъ является не холопомъ, а подданнымъ въ государственномъ смыслѣ, подданнымъ, имя и прозваніе котораго должно быть почтенно, не быть похожимъ на кличку. Эта форма челобитныхъ просуществовала 17 лѣтъ: она представляетъ собою типичный признакъ эпохи перваго учрежденія губерній. Съ ходомъ времени идея государства все болѣе и болѣе уясняется и утверждается надъ всѣмъ частноправнымъ, вмѣстѣ съ этимъ и форма челобитныхъ измѣняется, приближаясь все болѣе къ нынѣшней формѣ прошеній на Высочайшее имя: съ 1719 г. начинается, а въ 1721 г. получаетъ, такъ сказать, окончательную отдѣлку форма: «всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій и т. д.», совершенно подобная современной намъ. Чтеніе подлинныхъ судныхъ дѣлъ до и послѣ 1719 г. наглядно оправдаетъ это положеніе.

Второй видъ челобитныхъ представляютъ *мировыя*. Подобно тому, какъ исковая челобитная была поводомъ къ начатію дѣла, мировая—въ дѣлахъ гражданскихъ, служила его прекращеніемъ: она заключала въ себѣ извѣщеніе о томъ, что споръ между истцомъ и отвѣтчикомъ рѣшился путемъ обоюднаго соглашенія, предупредившаго такимъ образомъ судебное рѣшеніе. Въ такихъ челобитныхъ истецъ и отвѣтчикъ обоюдно обязывались впредь другъ на друга по этому дѣлу ничего не искать, т.-е. самаго спорнаго предмета, а равно и возмещенія причиненныхъ убытковъ, проѣстей и волокить; при этомъ обязанность уплаты судебныхъ пошлинъ всегда возлагалась на отвѣтчика, ибо мировою сдѣлкою онъ самъ себя признавалъ неправымъ. Равнымъ образомъ эта обязанность возлагалась на отвѣтчика и въ томъ случаѣ, если мировая сдѣлка была заключена послѣ, и конечно вслѣдствіе предъявленнаго имъ противъ истца встрѣчнаго иска. Какъ кажется, это послѣднее обыкновеніе основывалось на томъ, что сдѣлка была заключаема всегда тотчасъ по предъявленіи встрѣчнаго иска, по которому еще не успѣли приступить къ судебному разбирательству: при этомъ, понятно, судебныя пошлины взимались только по первоначальному иску, въ которомъ отвѣтчикъ добровольно уступилъ истцу [148]).

Третій видъ челобитныхъ суть *явки*. Явка есть извѣщеніе о какомъ-либо фактѣ, касающемся лица извѣщеннаго—прямо, какъ нарушеніе какого-либо его права, или косвенно, какъ происшествіе, могущее повлечь за собою невыгодныя или гибельныя для него послѣдствія. Въ первомъ

---

[148]) См. мировыя записи въ книгѣ Земскаго Приказа за 2-ю половину 1718 г. №№ 311, 385 и мн. др.

случаѣ, какъ опредѣляетъ профессоръ Чичеринъ [149]), проситель обезпечивалъ за собою право подачи исковой челобитной впредь, а во второмъ ограждалъ себя отъ невыгодныхъ или гибельныхъ послѣдствій заявляемаго факта. Какъ тотъ, такъ и другой видъ явокъ встрѣчается одинаково часто и отличается одинъ отъ другаго не только по смыслу, но и по формѣ; явка въ обезпеченіе иска обыкновенно кончается прошеніемъ о запискѣ ея въ книгу безъ объясненія цѣли или иногда и цѣль этого выражается довольно ясно: объявитель прямо говоритъ, что исковая челобитная будетъ вчинена впредь [150]). Напротивъ, въ явкахъ, вчиненныхъ для предупрежденія дурныхъ послѣдствій факта, всегда выражалась ясно цѣль явки; эта цѣль была предупрежденіе отвѣтственности или огражденіе личности отъ насилія всякаго рода: объявитель въ такомъ случаѣ всегда объяснялъ, что заявляетъ, опасаясь отъ даннаго лица «какого-либо дурна», или для того, «чтобъ отъ Великаго Государя въ пенѣ и въ отвѣтѣ не быть». Факты, отъ которыхъ можно ожидать для себя дурныхъ послѣдствій, конечно, чрезвычайно разнообразны, но намъ кажется нелишнимъ установить подраздѣленія этого вида явокъ по тѣмъ фактамъ, которые занесены въ записныя книги XVIII в.: указывая на многія интересныя бытовыя стороны того времени, такой перечень имѣетъ несомнѣнное значеніе и съ юридической стороны, ближе знакомя насъ съ содержаніемъ данныхъ актовъ въ описываемое время. Явки, вчинаемыя въ видахъ предотвращенія дурныхъ послѣдствій, содержали въ себѣ: 1) извѣстія о побѣгахъ дворовыхъ и крестьянъ, дѣлаемыя господами или ихъ стряпчими [151]). Главною цѣлью такихъ явокъ было самоограждение въ томъ случаѣ, еслибы бѣглый человѣкъ попался гдѣ-либо въ преступленіи [152]), но иногда, хотя чрезвычайно рѣдко, къ этой цѣли присоединялась другая,—обезпеченіе объявлявшему права иска на бѣглаго, т.-е. въ томъ случаѣ, еслибы онъ по поимкѣ сталъ отрекаться холопства или крестьянства своего господина [153]). 2) Извѣстія о безвѣст-

[149]) Областныя Учрежд. Россіи, стр. 278.

[150]) См. такія явки въ книгѣ Земск. Приказа за 2-ю половину 1718 г. №№ 309, 359, 364, 386, 387, 389, 392, 393, 396, 399, 401, 403—406, 410, 413, 418, 424, 425 и мн. др. Въ другихъ, прочитанныхъ мною, записныхъ книгахъ Земскаго Приказа въ содержаніи записей нѣтъ никакой разницы съ книгой за 2-ю половину 1718 г., вслѣдствіе этого я нахожу совершенно возможнымъ дѣлать такія ссылки на одну эту книгу, не осложняя своего очерка излишними рядами цифръ.

[151]) Владѣльцы въ большинствѣ случаевъ имѣли особо приближенныхъ людей, которымъ приказывали ходатайство по своимъ дѣламъ въ судахъ; въ актахъ XVIII столѣтія такіе люди назывались *людьми, которые за дѣлы ходятъ*. Мы ихъ и называемъ стряпчими, ибо они одинаковы—по профессіи—съ монастырскими стряпчими, которые всегда были, какъ кажется, людьми вольными.

[152]) См. въ книгѣ Земск. Приказа 2-й половины 1718 г. №№ 308, 310, 328, 329, 343, 351, 360, 368, 372, 374, 395, 420, 421, 436 и мн. др.

[153]) Ibid, № 351, 352 и др.

номъ отсутствіи или дурной, развратной жизни родственниковъ и свойственниковъ, жившихъ вмѣстѣ съ объявителемъ, а равно и наемной прислуги; но цѣли эти явки были тождественны съ предыдущими [154]); 3) извѣстія о томъ, что объявитель, защищаясь отъ кого-либо, совершилъ преступленіе; цѣль такой явки понятна: она есть огражденіе объявителя отъ отвѣтственности [155]); 4) извѣстія о незаконныхъ дѣйствіяхъ кого-либо, предъявляемыя въ предупрежденіе вообще дурныхъ послѣдствій для объявителя: въ предупрежденіе неправильныхъ исковъ [156]), растраты заложеннаго имущества [157]), отвѣтственности по поручительству [158]), въ огражденіе себя отъ чьего-либо злаго умысла, выраженнаго въ *похвальныхъ рѣчахъ* [159]) и т. п. Но нерѣдко въ формѣ явокъ подавались исковыя челобитныя, которыя, такимъ образомъ, записывались въ явочныя книги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили поводомъ къ началію дѣла [160]).

Вообще смѣшеніе исковой челобитной съ явкой было то же, что замѣчается и въ XVII вѣкѣ [161]). Явки въ большинствѣ случаевъ были письменныя [162]), но иногда бывали и словесныя [163]). Форма явки XVIII в. была обыкновенная—такая же, какъ и форма исковой челобитной, и такъ же относилась къ формамъ явокъ XVII столѣтія; отличіе отъ исковой челобитной состояло въ одномъ просительномъ пунктѣ, который заключалъ въ себѣ прошеніе о записке въ книгу, а не о разбирательствѣ. Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, и это отличіе нерѣдко исчезало, и явка обращалась въ исковую челобитную [164]).

---

[154]) См. въ кн. Земск. Приказа 2-й полов. 1718 г. №№ 411, 428, 430, 434, 470, 548, 554, 555, 567, 588 и мн. др.

[155]) Ibid. № 301, 313, и др.

[156]) Ibid. №№ 314, 316, 426, 449, 455, 462 и мн. др.

[157]) Ibid. № 378.

[158]) Ibid. №№ 435, 461, 518 и др.

[159]) Ibid. №№ 563, 586, 593 и мн. др.

[160]) Ibid. № 326, 327, 339, 503, 522 и др.

[161]) Чичеринъ, указан. соч., стр. 278 и сл.

[162]) См. всѣ приведенные выше №№.

[163]) Ibid. № 577. „И чтобъ Великій Государь пожаловалъ его, велѣлъ его словесное челобитье записать въ явошную книгу.“

[164]) Ср. А. Ю. № 44—54. Сравнивая между собою образцы явокъ XVI и XVII столѣтія, можно усмотрѣть нѣкоторую разницу въ окончаніяхъ явокъ: въ явкахъ XVI в., собственно говоря, не было просительныхъ пунктовъ, въ нихъ просто заявлялось о какомъ-либо фактѣ безъ объясненія цѣли заявленія и безъ упоминанія о записке явки въ книгу. Примѣры: явка Скурата Оничкова о нежеланіи дѣлежа съ товарищами недѣльщичьими доходами въ Новгородѣ—1568 г.: „Тобѣ бы, Царю Государю, было вѣдомо“ (ibid. № 44), или явка прикащика Смирного властямъ Никольскаго монастыря, о похвальныхъ словахъ—1586 г.: „Такова моя явка: слабъ вамъ, господине, явка вѣдомѣ была“ (ibid. № 47); въ началѣ XVII в. появляются просительные пункты, хотя въ нихъ еще и не упоминается о записке въ книгу; такъ явка крестьянъ Тавренской волости, 1604 г., оканчивается слѣдующими словами: „а мы тебѣ много челомъ бьемъ, а убыт-

Наконецъ, четвертымъ видомъ челобитныхъ былъ извѣтъ, или извѣщеніе о фактѣ уголовнаго свойства, хотя и совершенно не касавшемся ни прямо, ни косвенно объявителя [165]).

Для записки челобитныхъ въ канцеляріяхъ и избахъ существовали особые реестры, или записныя книги: однѣ изъ нихъ были предназначены для записки исковыхъ челобитенъ, а другія—для явокъ, мировыхъ и извѣтовъ. Хотя до насъ не дошло ни одной записной книги исковыхъ челобитенъ этого времени; но ихъ существованіе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: вопервыхъ, это видно изъ того, что во всѣхъ судныхъ дѣлахъ XVIII в. на исковыхъ челобитныхъ есть помѣты *о записк челобитной въ книгу*: между тѣмъ вмѣстѣ съ явками, мировыми и извѣтами записывались лишь тѣ исковыя челобитныя, которыя вчинались въ формѣ явокъ: въ просительныхъ пунктахъ такихъ челобитныхъ всегда говорилось о запискѣ въ *явочную* книгу *явки*, *явочнаго челобитья* или *челобитья и явки*; вовторыхъ, въ явочныхъ книгахъ Московскаго Приказа Земскихъ Дѣлъ не встрѣчается ни одной исковой челобитной, по которой производилось судебное разбирательство, единовременное съ веденіемъ этихъ книгъ; наконецъ, втретьихъ, въ одномъ судномъ дѣлѣ 1716 г. есть положительное указаніе на существованіе въ вышеозначенномъ приказѣ особой книги исковыхъ челобитенъ, а именно, — въ дѣлѣ Мижуева съ Вельяминовымъ-Зерновымъ, о пристанодержательствѣ бѣглаго крестьянина, на исковой челобитной читаемъ слѣдующую помѣту: «1716 году апрѣля въ 27, записавъ въ настольную книгу, отдать къ записи въ книгу исковыхъ челобитенъ» [166]).

Итакъ существовали особыя книги исковыхъ челобитенъ, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одной изъ нихъ, такъ что мы не можемъ судить о формахъ ихъ веденія. За то можно составить себѣ полное и опредѣленное понятіе о такъ-называемыхъ *явочныхъ книгахъ*, какъ обыкновенно сокращенно назывались книги втораго рода. Онѣ велись по полугодьямъ, каждое полугодье дѣлилось на мѣсяцы, а мѣсяцы—на дни. По окончаніи дневной записи обозначался итогъ челобитныхъ, записанныхъ въ этотъ день [167]). Мѣсячная запись завершалась итогомъ взятыхъ въ мѣсяцъ пошлинъ, росписью расходчика и удостовѣреніемъ въ томъ, что кромѣ означенныхъ иныхъ челобитенъ въ запискѣ не было [168]).

камъ нашимъ перекъ будетъ въ челобитной поставленъ, а мы тебѣ и всему міру много челомъ бьемъ“ (ibid. № 48), но уже въ XVII в. начинаетъ развиваться та формула просительныхъ пунктовъ, которыми отличаются явки XVIII в. (см. ibid. №№ 45, 49, 50, 54).

[165]) См. кн. Земск. Пр. за 2-ю полов. 1718 г, № 543, 562. Дѣла Судн. Приказа, вязка 1.378, № 59, л. 6.

[166]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. вязка 770, № 4, л. 1 на оборотѣ.

[167]) См. кн. Земскаго Прик. № 584, 585, за вторую половину 1718 г. и др.

[168]) Напр. въ книгѣ за 2-ю половину 1718 г. мѣсяцъ августъ кончается слѣдующими помѣтами: 1) „Всего августа 1 сентября по 1 число три рубля

Впрочемъ, какъ кажется, эти мѣсячные итоги не были необходимою принадлежностью явочныхъ книгъ. Записи всегда дѣлались въ третьемъ лицѣ: «того жъ числа билъ челомъ (такой-то)»; просительный пунктъ формулировался такъ: «И чтобъ Великій Государь пожаловалъ его и т. д. [169]); въ записяхъ, за весьма рѣдкими исключеніями, обозначались всѣ канцелярскія помѣты, дѣлавшіяся на челобитныхъ [170]). Записи въ большей части книгъ означались нумерами, но иногда были и безъ нихъ [171]), что, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о канцелярскихъ безпорядкахъ того времени. Въ явочной книгѣ помѣщались не однѣ записи челобитенъ, но и другіе акты, составляющіе дополненіе ихъ, какъ-то: осмотры побоевъ и ранъ [172]), письма и другіе документы, которые объявитель представлялъ и съ которыхъ списывались копіи [173]). Современное состояніе источниковъ настолько неудовлетворительно, что трудно сказать, вездѣ ли велись эти книги по тѣмъ же образцамъ, какъ въ Московской губ., но существованіе ихъ повсюду несомнѣнно. Впрочемъ, стремленіе Петра Великаго установить правильный порядокъ дѣлопроизводства можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ большаго или меньшаго единообразія формъ. Существованіе записныхъ канцелярскимъ книгъ, какъ показываютъ источники, восходитъ въ XVII в., были ли онѣ раньше, ни изъ чего не видно.

Въ XVII в. книги эти, происшедшія, по всей вѣроятности, изъ старинныхъ смѣтныхъ списковъ, съ присоединеніемъ къ нимъ челобитныхъ и другихъ записей, хранили еще слѣды своего происхожденія: такъ, книга Торопецкой Приказной избы 1674—1675 г. [174]) содержитъ въ себѣ, на ряду съ челобитными всѣхъ видовъ, записки окладнымъ и неокладнымъ доходамъ и расходамъ, порубежнымъ и всякимъ дѣламъ, бывшимъ въ вѣдомствѣ приказной избы, но нѣсколько ранѣе такой общей книги встрѣчаются и особыя книги для записки судныхъ дѣлъ [175]) и явокъ [176]).

Что касается до записей, то въ XVII вѣкѣ онѣ были въ высшей степени безпорядочны: такъ въ Торопецкой книгѣ послѣ записи явокъ 21 сентября идетъ запись 5, а потомъ 20 сентября [177]), чего не бывало

двадцать шесть алтынъ четыре денги, тѣ денги принялъ къ расходу Илья Максимовъ и въ приходную книгу записаны"; 2) ниже и инымъ почеркомъ: „а опроче вышеписанныхъ челобитенъ въ запискѣ нѣтъ.," л. 201; то же см. по окончаніи сентябрьской записи—на л. 297 и т. д.

[169]) См. всѣ записи указанныхъ книгъ.

[170]) А. М. Ю. кн. Судн. Пр. 585, №№ 115, 129.

[171]) См. книгу № 584.

[172]) Кн. Земскаго Пр. за 2-ю полов. 1718 г. № 356 и мн. др.

[173]) Ibid. № 371 и др.

[174]) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. II, № 130.

[175]) Новгородская 1672 г. ibid. № 129, III.

[176]) Новгородская же 1649—1650 г. ibid. IV.

[177]) Ibid. № 130, столбецъ 109—111.

въ книгахъ XVIII столѣтія, гдѣ записи были ведены довольно аккуратно; этого мало: послѣ записи челобитной, кончающейся на 111 листѣ, идетъ запись порубежнымъ дѣламъ, а послѣ нея — снова запись явочнымъ и инымъ челобитнымъ [178]). Если сравнить эти книги съ однородными книгами XVIII в., насколько онѣ сохранились, то откроется много между ними общаго, но послѣднія, по своей формѣ и порядку, окажутся дальнѣйшимъ развитіемъ и улучшеніемъ первыхъ.

Таковы были входящія бумаги и ихъ записка. Исходящими бумагами въ областныхъ канцеляріяхъ были *доношенія, памяти* и *отписки*. Всѣ эти названные виды исходящихъ не были точно опредѣлены на практикѣ того времени. Относительно этого можно сказать то же, что уже было сказано относительно входящихъ (правительственныхъ бумагъ), а именно, что дѣлопроизводство начала XVIII в. не отличается опредѣленностью, какъ и дѣлопроизводство XVII в. Тогда всѣ акты смѣшивались въ одномъ безразличномъ понятіи приказныхъ писемъ; это смѣшеніе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми формами, сдѣлалось достояніемъ и описываемаго времени: такъ въ одномъ указѣ 1717 г. всѣ акты дѣлопроизводства названы общимъ именемъ приказныхъ писемъ [179]).

Доношеніе есть новая форма дѣловыхъ сношеній подчиненныхъ лицъ и мѣстъ съ начальствомъ; главнымъ образомъ оно употреблялось въ сношеніяхъ области съ Сенатомъ, какъ съ учрежденіемъ новымъ, напротивъ, въ сношеніяхъ провинціальныхъ и уѣздныхъ канцелярій съ губернской, въ большинствѣ случаевъ [180]), употреблялась старинная форма—*отписки*.

Явленіе, въ нашихъ глазахъ, знаменательное: оно—между прочимъ—указываетъ на связь областныхъ учрежденій XVII и XVIII в., мысль о чемъ развита нами въ первыхъ строкахъ этой главы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отписки не были формами, употреблявшимися исключительно въ сношеніяхъ областныхъ: иногда онѣ употреблялись и въ сношеніяхъ области съ Сенатомъ [181]), хотя это и было исключеніемъ. Иногда отписки употреблялись въ сношеніяхъ лицъ и мѣстъ, равныхъ между собою, и въ этомъ случаѣ понятіе отписки совпадало съ понятіемъ *памяти*. Формы доношеній и отписокъ разнились между собою. Первыя писались почти въ той же формѣ, какая существуетъ и нынѣ для бумагъ этого рода: въ заголовкѣ обозначалось кому и отъ кого или откуда было доношеніе, потомъ излагалось дѣло, и наконецъ слѣдовали

---

[178]) Ibid. л. 111—112 и примѣч. редакціи на 113—114 л.

[179]) П. С. З. № 3.068, 15 февр.

[180]) Есть примѣры доношеній низшихъ областныхъ правителей высшимъ. См. А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 14, л. 1.384—1.443, кн. 46, л. 720.

[181]) См. напр. А. М. Ю. Дѣла Сената кн. 77, л. 1. Доношеніе Курбатова въ Сенатъ: „а сію отписку, Государь, велѣлъ подать въ Канцелярію Правительствующаго Сената“.

подписи; форма отписки была та же, какая существовала и въ XVII вѣкѣ [182]). Но иногда отписками назывались простыя письма. Эти послѣднія были формами, признаваемыми на практикѣ того времени и имѣвшими оффиціальное значеніе. Онѣ употреблялись въ разныхъ случаяхъ: и въ сношеніяхъ лицъ, равныхъ между собою; такъ въ 1710 г. петербургскій губернаторъ кн. Меншиковъ въ формѣ простаго письма требовалъ отъ московскаго губернатора Стрѣшнева высылки въ С.-Петербургъ разныхъ мастеровыхъ людей [183]), и въ сношеніяхъ должностныхъ лицъ съ Сенатомъ. Впрочемъ, какъ кажется, въ этомъ случаѣ форма письма употреблялась лишь тогда, когда эти лица обращались не къ присутствію Сената, а къ тому или другому сенатору, или же къ сенатскому оберъ-секретарю: такъ въ началѣ 1711 г. коммиссаръ Кикинъ писалъ къ сенатору графу Мусину-Пушкину о скорѣйшемъ распоряженіи Сената относительно присылки ко двору огородниковъ, садовыхъ растеній и проч. [184]), равнымъ образомъ въ 1712 г. Тверской оберъ-комендантъ Кокошкинъ, также въ формѣ письма, увѣдомляетъ оберъ-секретаря Щукина о необходимости откомандировать въ тверскую провинцію 500 человѣкъ солдатъ—для прекращенія разбоевъ [185]). Наконецъ, есть примѣръ именнаго указа, объявленнаго въ 1714 г. московскому губернатору, Салтыкову, частнымъ письмомъ отъ сенатора Долгорукова [186]).

---

[182]) А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 82, л. 638. Отписка пустозерскаго коменданта, Телепнева, архангелогородскому вице-губернатору Ладыженскому о буйствѣ сосланнаго въ Пустозерскъ майора Кучумова (1716 — 1718 г.) Idem. Дѣла Суднаго Прик. вязка: 766, № 2, л. 3, 1.378, № 41, л. 5 — 7. Отписка можайскаго ландрата, Дохтурова, въ Приказъ Земскихъ Дѣлъ (1718 г.) и мн. др.

[183]) А. М. Ю. Дѣла Сената кн. 1, л. 140 — 144. Вотъ это письмо съ сохраненіемъ ореографіи подлинника: „высокородный господинъ мой особливой благодѣтель! Прежде сего писалъ я къ вашей милости о выборѣ и оботправленіи сюда исподмосковныхъ дворцовыхъ волостей крестянъ ради поселенія въ государевыхъ селехъ. Нынѣ посылаю для того ссимъ господина Каблукова. И предлагаю вашей милости дабы изволили вы изо всѣхъ московской губерніи дворцовыхъ волостей, а имено истакихъ, гдѣ болше промышленыхъ и мастеровыхъ людей, огородниковъ и прочихъ, выбратъ и отправитъ сюда съ нимъ Каблуковымъ пять сотъ дворовъ. А искоторыхъ оные взяты будутъ, и втѣ дворы паки перевесть изоставшихъ отмногосемейныхъ дабы тѣ дворы пусты не были и о семъ вашей милости указомъ Царскаго Величества предложивши впрочемъ пребываю: но і всегда вашей милости ко услуженію готовѣйшій Александръ Меншиковъ“; также см. П. С. З. № 2.961.

[184]) Ibidem. Форма письма—подобная предыдущей.

[185]) Ibid. кн. 11, л. 559 и сл.

[186]) Дѣло о соляномъ сборѣ 1713—1714 г. ibid. Дѣла Москов. губ. канц. № 2, л. 43 и 56. Подлинника этого письма я не отыскалъ, но въ дѣлѣ оно дважды повторено въ копіи.

Въ числѣ исходящихъ бумагъ слѣдуетъ упомянуть между прочимъ и *указы*, которыми сносились высшія областныя канцеляріи съ низшими. Форма этихъ указовъ есть грамота, что также указываетъ на связь губернскаго управленія описываемаго времени съ областными учрежденіями и формами дѣлопроизводства XVII в. Вотъ и всѣ исходящія бумаги, обращавшіяся въ практикѣ этого времени. Что касается до ихъ храненія, то ни откуда не видно, чтобы существовали въ это время какіе-либо реестры исходящимъ, но обычное выраженіе въ дѣлопроизводствѣ: «послать указъ съ прежняго отпуску», а равно и то обстоятельство, что всѣ указы, доношенія, отписки и памяти въ черновомъ оригиналѣ всегда оставались въ тѣхъ канцеляріяхъ, откуда исходили, указываютъ на замѣну исходящихъ реестровъ этими черновыми подлинниками, съ которыхъ—въ случаѣ надобности—списывались вторыя, третьи и т. д. копіи, что и называлось *послать съ прежняго отпуску*.

Существованіе черновыхъ и бѣловыхъ доношеній, изъ которыхъ первыя оставлялись въ канцеляріяхъ, а вторыя посылались по назначенію, несомнѣнно: такъ въ дѣлѣ о соляномъ сборѣ, не разъ упомянутомъ выше, въ Крѣпостномъ Приказѣ остались черновыя всѣхъ доношеній (7 февраля и 5 іюня 1713 г.), отправленныхъ въ Московскую губернскую канцелярію; на этихъ черновыхъ сдѣланы разнаго рода канцелярскія помѣты,—о томъ, кѣмъ подписанъ бѣловой подлинникъ, когда и съ кѣмъ посланъ; напр., на второмъ доношеніи (5 іюня) читаемъ: «таково доношеніе за закрѣпкою Алексѣя Протопопова іюня 5 числа и отдано для отдачи въ ту канцелярію съ подъячимъ Михайломъ Протопоповымъ». Равнымъ образомъ оставлялись черновыя и указамъ съ тѣми же надписями [187]).

Итакъ формы, въ которыхъ производились сношенія областныхъ учрежденій между собою и съ центральными были слѣдующія: во взаимныхъ сношеніяхъ областныхъ канцелярій—высшія посылали къ низшимъ *грамоты*, а получали отъ нихъ *отписки;* равныя канцеляріи сносились между собою *памятями* и *письмами* (формы XVII в.). Наконецъ, въ Сенатъ изъ области поступали *доношенія*, а изъ Сената получались *указы* и *вѣдѣнія* (новыя формы). Чѣмъ болѣе развиваются новыя начала въ управленіи вообще, тѣмъ больше преимуществъ получаютъ новыя формы передъ старыми и мало-по-малу вытѣсняютъ ихъ.

Необходимую принадлежность каждой бумаги составляютъ *подписи*. Первоначально всякіе акты дѣлопроизводства областныхъ палатъ и избъ подписывались дьяками: безъ сомнѣнія, этотъ обычай обязанъ своимъ происхожденіемъ тому, что воеводы рѣдко были грамотными, тогда какъ дьякъ былъ грамотнымъ непремѣнно. Само собою разумѣется, что это было источникомъ многихъ злоупотребленій, раскрытіе которыхъ было чрезвычайно затруднительно.

---

[187]) А. М. Ю. Дѣла Моск. губ. канц. № 1, л. 4. Дѣла Судн. Пр. вязки: 770, № 3, л. 7; 1.378, № 41, л. 5—6, 9 и др.

При Петрѣ В. требованія службы измѣнились, безграмотные областные начальники не встрѣчаются болѣе; съ другой стороны — стремленія Великаго Царя искоренить лихоимство и ввести большій порядокъ и опредѣленность въ дѣлопроизводствѣ, стремленія облегчить средства контроля надъ учрежденіями и лицами, уничтожаютъ много старыхъ преданій и обычаевъ, укоренившихся въ приказной практикѣ XVII вѣка.

Реформа коснулась и вопроса о подписяхъ. Въ 1714 г. [188]) предписано было дьякамъ и секретарямъ подписывать лишь такія бумаги, которыя не *подлежатъ рѣшенію*, какъ-то: выписи, памяти и т. п., рѣшенія же по всякаго рода дѣламъ велѣно подписывать членамъ присутствія, что вполнѣ согласно съ идеей коллегіальности, которую Петръ В. проводилъ въ своихъ преобразованіяхъ. Мало этого: еще ранѣе этого указа состоялся другой, — которымъ обезпечивался и упрощался сенатскій надзоръ за дѣйствіями начальниковъ губерній — всѣ доношенія въ Сенатъ изъ губерній велѣно подавать за руками самихъ губернаторовъ, а въ отсутствіи ихъ—за руками ихъ ближайшихъ помощниковъ по управленію, а не за руками дьяковъ или коммиссаровъ, какъ вѣроятно, было принято прежде [189]). Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, преобладали старинныя формы, не произошло измѣненій и относительно подписей: такъ, въ грамотахъ, посылаемыхъ изъ высшихъ областныхъ канцелярій въ низшія, вездѣ видимъ подписи коммиссаровъ и дьяковъ, а не губернаторовъ [190]).

Подписи въ дѣловомъ языкѣ этого времени носятъ различныя наименованія: подписи начальниковъ канцелярій называются по преимуществу *приписями*, дьяковъ — *скрѣпами*, подьячихъ — *справами*. Подписи и скрѣпы, впрочемъ, не были терминами установившимися, но подьяческія справы имѣли болѣе опредѣленное значеніе: онѣ были почти постоянною принадлежностью бумагъ, для составленія которыхъ были потребны справки изъ дѣла, непосредственное производство и храненіе котораго было въ рукахъ подьячихъ, т.-е. въ дѣлахъ, требующихъ канцелярскаго производства. Подьяческая справа была какъ бы удостовѣреніемъ того, что бумага слѣдовавшая по какому-либо дѣлу, была согласна съ обстоятельствами этого дѣла: впрочемъ, это случалось невсегда: такъ, безъ сомнѣнія, къ дѣламъ такого рода, которыя требуютъ канцелярскаго производства, должно отнести дѣла судебныя, но и въ отношеніи къ нимъ мы въ данномъ случаѣ не видимъ однообразія. Достаточно привести слѣдующіе два примѣра: на доношеніи изъ Московской губернской канцеляріи въ Сенатъ, въ 1712 г., по дѣлу

[188]) П. С. З. № 2.791, 4 апр.

[189]) Ibid. № 2.780, 28 февр. 1714 г.

[190]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. вязки: 766, № 2, л. 2; 1.223, № 59, л. 14; 1.378, №№ 36, 41, л. 5; 60, л. 4—6, 9 и мн. др.

вдовы стольника Борисова—встрѣчаются скрѣпа вице-губернатора Ершова и справа подьячаго [191]), а на доношеніи Казанской губ. канцеляріи то же по судному дѣлу, 1714 г., встрѣчается одна губернаторская подпись [192]).

Напротивъ, доношенія въ Сенатъ о такихъ вопросахъ, которые или возбуждались самими правителями, или—вообще, не требовали канцелярскаго дѣлопроизводства, — посылались за подписями однихъ правителей; напримѣръ: рижскій губернаторъ, кн. Голицынъ, въ 1713 г., сдѣлалъ предложеніе Сенату, объ устройствѣ провіантскаго вѣдомства въ Лифляндіи, въ формѣ доношенія за одною своею подписью [193]), или ярославскій оберъ-комендантъ, Нелединскій-Мелецкій, въ 1712 г., въ той же формѣ испрашивалъ отъ Военной канцеляріи разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по военному вѣдомству [194]). Сюда относятся всѣ губернскія доношенія о назначеніи въ губерніи дьяковъ, служилыхъ людей къ дѣламъ и т. п. [195]). Равнымъ образомъ, если губернатору или иному правителю поручалось какое-либо дѣло въ особое завѣдываніе, какъ коммиссія, то доношенія по сему дѣлу слѣдовали также только за приписями завѣдывавшаго имъ правителя; такъ, въ 1712 г. послѣдовало въ Сенатъ доношеніе о работахъ тялокъ на Нерли — за подписью одного оберъ-коменданта Ржевскаго, завѣдывавшаго этими работами [196]), или Курбатовъ — въ качествѣ прибыльщика, посылаетъ въ Сенатъ подобныя доношенія о хлѣбномъ торгѣ [197]).

Такимъ образомъ въ доношеніяхъ по дѣламъ, требующимъ канцелярскаго производства, была подпись губернатора, присоединеніе которой въ 1714 г. дѣлается обязательнымъ, или другаго правителя и—въ большинствѣ случаевъ—подьяческая справа, а въ доношеніяхъ по дѣламъ, особымъ или не требующимъ канцелярской процедуры,—подписи однихъ правителей. Дьякъ, какъ начальникъ канцеляріи, скрѣплялъ все дѣло и подписывалъ нѣкоторыя распорядительныя и исполнительныя бумаги.

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе дѣлопроизводства съ внѣшней стороны и переходимъ къ изслѣдованію его внутренней стороны, т.-е. къ разсмотрѣнію послѣдовательнаго движенія различныхъ бумагъ, служащихъ формами развитія, обсужденія и рѣшенія дѣла.

---

[191]) А. М. Ю. Дѣла Сената. Кн. 15, л. 233 и слѣд.

[192]) Ibid. Кн. 105, л. 1—15.

[193]) Ibid. Кн. 14, л. 1.736 и сл.

[194]) Листъ 744 и сл.

[195]) См. приведенные выше примѣры назначенія дьяковъ и слѣдующія назначенія служилыхъ людей: ibid. Кн. 19, л. 175; кн. 21, л. 1.302; 35, л. 234 и сл. Кн. 85, л. 48, 154, 159 и мн. др.

[196]) Ibid. кн. 14, л. 859.

[197]) Ibid. кн. 21, л. 1.848; кн. 25, л. 473 и слѣд.

Выше было замѣчено, что внутреннее движеніе административнаго дѣлопроизводства почти совершенно ускользаетъ отъ изслѣдованія; здѣсь большею частью тѣ же формы, какія мы встрѣтили при разсмотрѣніи внѣшней стороны дѣлопроизводства: обсужденіе вопроса, приводящее къ тому или другому рѣшенію его, лишено здѣсь почти всякой наглядности, и намъ остается установить лишь нѣсколько положеній, относящихся къ внутреннему ходу бумагъ по административнымъ вопросамъ.

Административныя дѣла начинались: сенатскими указами, доношеніями подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, усмотрѣніемъ правителей, и, наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ—по частной иниціативѣ. Сенатскими указами начинались такія дѣла и возбуждались такіе вопросы, которые касались отчетности или исполненія губернскими начальствами возложенныхъ на нихъ обязанностей по общегосударственному управленію, какъ-то: о сборахъ рекрутъ на укомплектованіе арміи, о финансовыхъ вѣдомостяхъ въ Сенатъ, и т. п.; этого рода дѣла чисто исполнительныя; административное усмотрѣніе областныхъ правителей играетъ въ нихъ ничтожную роль, а въ большинствѣ случаевъ и вовсе никакой. Доношеніями подчиненныхъ мѣстъ и лицъ начинались такія дѣла, которыя могли быть разрѣшены только губернскими канцеляріями: здѣсь усмотрѣніе губернатора получаетъ надлежащую силу,—здѣсь для него широкое поприще; то же должно сказать и о тѣхъ дѣлахъ, которыя возбуждаются губернаторами по собственной иниціативѣ. Наконецъ, по частной иниціативѣ могли начинаться такія дѣла, въ которыхъ были замѣшаны интересы частныхъ лицъ: напр., дѣла о подрядахъ, откупахъ и т. п. Здѣсь выработаны были нѣкоторыя наглядныя формы, въ которыхъ совершалось движеніе дѣла, происходило своего рода разбирательство, но это разбирательство было чисто административное, а не судебное, ибо цѣлью его было не опредѣленіе правъ этихъ частныхъ лицъ, а рѣшеніе вопроса о фискальной выгодѣ казны или удовлетвореніи какого-либо законнаго и безспорнаго требованія.

Возьмемъ, напримѣръ, дѣло объ откупѣ какой-либо казенной оброчной статьи: предположимъ, что по производству узаконенныхъ торговъ откупъ остался за *A*, который и вступаетъ во владѣніе этою статьею, но вотъ до истеченія срока откупа кто-либо другой, *B*, нарушаетъ его право, сгоняетъ его. *A* жалуется въ канцелярію, гдѣ и начинается дѣло, въ ходѣ котораго оказывается, что *B* намѣренъ дать нѣсколькими рублями дороже *A* и вообще предлагаетъ болѣе выгодныя условія. И что же?—Снова назначаются торги, и если никто не дастъ болѣе, то за нимъ остается оброчная статья, а А лишается своего права и до истеченія срока.

Ясно, что здѣсь на очереди вопросъ не о правахъ *A* и *B*, а о томъ, кто изъ нихъ больше дастъ, отъ чьего откупа болѣе прибыли казнѣ.

Для примѣра второй цѣли административнаго дѣлопроизводства можно указать на цѣлую массу дѣлъ объ отпускныхъ холопяхъ, что будетъ разсмотрѣно ниже.

Пріемъ доношенія въ губернской канцеляріи совершался не иначе какъ по приказанію губернатора или лично имъ: такъ, въ дѣлѣ о соляномъ сборѣ [198]) доношеніе въ Московскую губернскую канцелярію изъ Крѣпостнаго Приказа отъ 5 іюня 1713 г. было подано дьякамъ Павлову и Кутазникову, но не принято ими безъ разрѣшенія вице-губернатора Ершова, а потомъ, уже въ ноябрѣ того же года, принято имъ лично. По принятіи доношенія на немъ дѣлалась надлежащая помѣта, составлялась выписка и постановлялся указъ [199]).

Не только въ губернской канцеляріи, но и въ тѣхъ канцеляріяхъ и приказахъ, которые были въ ея вѣдѣніи, всѣ дѣла производились отъ имени губернатора; вслѣдствіе этой фикціи губернаторскаго вездѣприсутствія приказы, бывшіе въ вѣдѣніи Московской губ. канцеляріи, сносились между собою то доношеніями, то указами, эти формы между собою смѣшивались до полнаго безразличія. Такъ, на доношеніи отъ 5 іюня 1713 г. въ Крѣпостномъ Приказѣ сдѣлана такая надпись: «И по указу Великаго Государя, а по приказу вице-губернатора Василья Семеновича Ершова, въ губернскую канцелярію.... доношеніе подано», а потомъ, нѣсколько ниже, помѣщена сказка подьячаго о непринятіи этого доношенія—*безъ губернаторскаго указу*. Ясно, что имя вице-губернатора въ приказной надписи было употреблено, какъ фикція, выражающая лишь то, что Крѣпостной Приказъ представлялъ собою комитетъ Московской губ. канцеляріи; то же самое видимъ и въ дѣлѣ о постройкѣ Каменнаго моста: торги въ Ратушѣ производятся «у ближняго кравчаго и московскаго губернатора» [200]); приговоръ, подписанный бурмистрами, начинается словами: «По указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, ближней кравчій и Московской губернаторъ, Кирило Алексѣевичъ Нарышкинъ съ товарищи, слушавъ сего дѣла и выписки, говорили и т. д.» [201]). Вслѣдствіе такой фикціи, Ратуша посылаетъ вѣдѣніе въ губернскую канцелярію, на черновой котораго надпись: «подлинной *указъ* за рукою бурмистра Алексѣя Нестерова, справа подьячаго Василья Климонтова» [202]), равномѣрно, Крѣпостной Приказъ, будучи равенъ Ратушѣ, пишетъ ей отъ 12 марта 1712 г. доношеніе и требуетъ отъ нея указа [203]), а на черновой доношенія въ губернскую

---

[198]) А. М. Ю. Дѣла Москов. губ. канцеляріи, № 2.

[199]) Ibidem; также см. Дѣло № 1—объ уплатѣ денегъ подрядчикамъ за постройку Каменнаго моста.

[200]) Ibid. № 1, л. 16.

[201]) Ibid. л. 60.

[202]) Ibid. л. 4.

[203]) Ibid. № 2, л. 17—18.

канцелярію, отъ 6 декабря 1714 г., читаемъ надпись: «подлинной указъ за закрѣпою коммиссара отданъ на губернаторскомъ дворѣ подьячему Филипу Ключареву» [204]) и т. д. Эта фикція губернаторскаго имени еще болѣе уяснится передъ нами при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ.

Дѣла, въ которыхъ были замѣшаны частные интересы, т.-е. дѣла подрядныя и откупныя, вѣдались всегда въ областныхъ канцеляріяхъ и въ подчиненныхъ имъ мѣстахъ, а въ Москвѣ они были раздѣлены между различными приказами: въ Провіантскомъ Приказѣ завѣдывались подряды на поставку провіанта и фуража, въ Ратушѣ — откупа помѣрной мытни, ледоколовъ, таможенныхъ и питейныхъ сборовъ, въ Помѣстномъ Приказѣ—соляное управленіе, въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ—мосты и городскія оброчныя земли.

Этого рода дѣла производились порядкомъ, который будетъ разсмотрѣнъ нами ниже, въ очеркѣ военныхъ и финансовыхъ дѣлъ, лежавшихъ на органахъ областнаго управленія.

Къ административнымъ дѣламъ должно отнести также дѣла о выдачѣ отпускныхъ холопямъ. Въ большей части случаевъ челобитныя холопей объ отпускныхъ мотивировались тѣмъ, что господа выгоняли ихъ отъ себя за старостью или болѣзнью, не давая, впрочемъ, отпускныхъ; между тѣмъ безъ этого документа никто не рѣшался пріютить или нанять выгнаннаго, который, наконецъ, и обращался къ мѣстному начальству, прося объ отпускной [205]).

Но иногда челобитныя эти мотивировались послѣднею волею умершаго господина, не успѣвшаго при жизни выдать челобитчику отпускной [206]). Дѣла этого рода производились, обыкновенно, слѣдующимъ образомъ: челобитчика свидѣтельствовали, годенъ ли онъ въ военную службу, и если оказывался негоднымъ, то выдавали отпускную, какъ видъ на прожитіе [207]); ясно, что при выдачѣ отпускныхъ женщинамъ свидѣтельствованія не было [208]).

Судныя дѣла начинались по челобитнымъ, которыя писались по формѣ, разсмотрѣнной нами выше. Содержаніе челобитной должно было заключать въ себѣ только одно дѣло, безъ примѣси постороннихъ извѣтовъ и указаній [209]), съ обозначеніемъ цѣны иска [210]). Это послѣднее

---

[204]) Ibid. л. 19—21.

[205]) Дѣла Суди. Пр. вязки: 764, № 31; 765, № 1—5, 13, 23; 766, № 3; 768, №№ 1, 3, 52, 53.

[206]) Ibid. Вязка 764, № 24.

[207]) Ibid.

[208]) Ibid. В. 768, № 55, 770, № 26.

[209]) См. П. С. З. № 1.806, 19 іюля 1700 г.: «тѣмъ челобитчикамъ велѣть въ челобитныхъ своихъ писать прямое дѣло, а лишняго и посторонняго ничего не писать».

[210]) Уложеніе, гл. X, ст. 100.

условіе считалось настолько существеннымъ, что отвѣтчикъ могъ отказаться отъ отвѣта, если въ челобитной не было обозначено цѣны [211]).

Въ просительномъ пунктѣ челобитчикъ обыкновенно просилъ сыскать отвѣтчика и допросить его или, вообще, принять какія-либо мѣры, необходимыя по существу дѣла. По вступленіи челобитной, на ней дѣлалась помѣта,—во исполненіе требованій истца. Эту помѣту и должно считать формальнымъ началомъ дѣла. Помѣта всегда дѣлалась въ сокращенной формѣ: «записать въ книгу; а на кого челобитье, сыскавъ, допросить» и т. п., но иногда она писалась въ формѣ постановленія [212]).

Исковая челобитная всегда занимаетъ первый листъ дѣла, которое составлялось, какъ и нынѣ, изъ постепеннаго накопленія бумагъ, по мѣрѣ ихъ поступленія. Изъ числа этихъ бумагъ видную роль играютъ послѣдующія челобитныя сторонъ, вызванныя обстоятельствами дѣла. Онѣ подшивались къ дѣлу, а на предшествующемъ свободномъ листѣ дѣлалась надпись: «И въ нынѣшнемъ (такомъ-то) году (мѣсяцъ и число) билъ челомъ Великому Государю N N, а въ (такой-то) канцеляріи (имя начальника ея) подалъ челобитную, а въ ней пишетъ». Эти надписи всегда предваряли въ дѣлѣ подлинникъ челобитной; изъ нихъ ясно, кто трактовался начальникомъ той или другой канцеляріи или приказа: такъ, начальникомъ губернской канцеляріи и подвѣдомственныхъ ей приказовъ былъ всегда губернаторъ,—въ такихъ надписяхъ всегда обозначалось его имя, хотя бы онъ въ данномъ учрежденіи и не присутствовалъ de facto [213]). Въ надписяхъ при дѣлопроизводствѣ второстепенныхъ кан-

---

[211]) Улож. гл. X, ст. 102. Интересный примѣръ осуществленія отвѣтчикомъ этого права встрѣчается въ одномъ судномъ дѣлѣ, разбиравшемся въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ 1718 г.: поручикъ Преображенскаго полка Потаповъ жаловался на капитана артиллеріи Дашкова въ побояхъ, нанесенныхъ послѣднимъ крѣпостному его человѣку. Дашковъ отказался отвѣчать по этой челобитной, такъ-какъ въ ней не означено цѣны иска (А. М. Ю. Дѣла Суди. Пр. Вязка 1.378, № 46). Потаповъ принужденъ былъ переписать челобитную, но, къ сожалѣнію, она, а равно и судопроизводство по этому дѣлу—утрачены.

[212]) ibid № 22, л. 7 „1716 г. іюля въ 11 день по указу Великаго Государя ближней кравчей и Московской губернаторъ Кирило Алексѣевичъ Нарышкинъ съ товарыщи, слушавъ сего челобитья, приказали: записавъ въ книгу, отвѣтчикова человѣка, дворецкаго или стряпчего, сыскавъ, допросить со всякою ясною очискою, а печатей смотря, описать. И для того послать добраго стараго подъячаго по наказу". Далѣе слѣдуютъ подписи: губернатора, оберъ-коменданта и трехъ ландратовъ (Дѣло о завладѣніи дворомъ и хоромными строеніями, принадлежащими племянницѣ кн. Меньшикова, Аннѣ Ѳедоровой, вотчимомъ ея генераломъ Головкинымъ, производившееся въ Московской губернской канцеляріи).

[213]) А. М. Ю. Дѣла Суди. Пр. вязка 1.378, № 17, л. 6 и мн. др. Дѣла Москов. губ канцеляріи вязка 1.876, № 1, л. 16, 17, 21, 25; № 4, л. 20 и мн. др. Дѣла Сената кн. 77, л. 88 и др. Судебнымъ мѣстомъ въ Москвѣ, съ

целярій всегда обозначалось имя подлежащаго второстепеннаго правителя [214]).

Для челобитныхъ, какъ это видно было выше, была установлена особая, спеціальная форма, но существованіе ея не исключало возможности подавать просьбы и подъ иными формами: такъ встрѣчаются просьбы въ формѣ доношеній, [215]) или въ формѣ словеснаго объявленія [216]).

Разсмотрѣніе послѣдующихъ бумагъ судопроизводства, для удобства, можно раздѣлить по различнымъ стадіямъ процесса, къ которымъ онѣ относятся. Эти стадіи процесса, на сколько онѣ явствуютъ изъ изученія подлинныхъ дѣлъ, были слѣдующія и въ такомъ порядкѣ: 1) дѣйствія, касающіяся явки отвѣтчика или обвиняемаго въ судъ; 2) предварительныя дѣйствія отъ явки до начала допроса; 3) допросъ; 4) мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, и 5) судебное рѣшеніе и исполненіе.

1. Явка отвѣтчика или обвиняемаго въ судъ. Иногда отвѣтчикъ самъ является въ судъ, предупреждая, такимъ образомъ, всякія принудительныя дѣйствія со стороны судебной власти, [217]) но большею частію употреблялся *приводъ*. Формы привода были почти тѣ же, какія существовали въ XVII в. Прежде порядокъ привода былъ таковъ: истецъ объявлялъ суду, что имѣетъ претензію на извѣстное лицо, объявлялъ дѣло и цѣну иска; судъ еще до подачи челобитной посылалъ за отвѣтчикомъ приставовъ, которымъ выдавалась такъ называемая *приставная память*: въ ней точно обозначалась цѣна иска и дѣло, по которому требуютъ отвѣтчика къ суду. Если отвѣтчикъ укрывался, то пристава всѣми мѣрами должны были стараться привести его или хоть его человѣка; въ случаѣ же неудачи они заявляли о томъ суду, который командировалъ уже подьячаго: ему давался наказъ и предписывалось явиться къ отвѣтчику

1710 г., сдѣлался Приказъ Земскихъ Дѣлъ, подвѣдомственный, какъ извѣстно, Московской губ. канцеляріи: послѣдняя, какъ видно изъ одного дѣла 1715 г. (ibid. II отдѣленіе, Дѣло Спафарьевыхъ съ Хомяковыми, л. 30), была второю инстанціею по отношенію къ Приказу: поэтому въ такихъ надписяхъ ясна фикція губернаторскаго присутствія. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ 1719 г. Приказъ Земскихъ Дѣлъ былъ подчиненъ непосредственно Юстицъ-Коллегіи,—эта фикція замѣняется другой — фикціею присутствія президента Юстицъ-Коллегіи, Матвѣева—хотя и не въ прежнихъ размѣрахъ: значительная часть челобитныхъ означается на имя непосредственнаго начальника приказа, ландрихтера Тобольскаго (ibid. Дѣла Судн. Пр. вязка 1.378, №№ 60—113).

[214]) ibid. Дѣла Судн. Пр. вязки: 768, № 44; 769, № 3, л. 1—6; 770, № 10; 1.222, № 3 и др.; 1.378, № 14, 89, л. 7, 9, 11, 15, 39, 46, 59 и мн. др. Во всѣхъ этихъ актахъ содержатся дѣла уѣздныхъ канцелярій: мы нигдѣ не нашли ни одного дѣлопроизводства провинціальныхъ.

[215]) ibid. Вязка 1.378, № 58, л. 1—6 и др. Дѣла Сената, кн. 77, л. 106.

[216]) ibidem.

[217]) ibid. Вязка 1.378, №№ 15, 19, 20 и др. Дѣло Спафарьевыхъ съ Хомяковыми, л. 2.

непремѣнно въ присутствіи понятыхъ, окольныхъ людей [218]). Оффиціальное донесеніе подьячаго называлось *доѣздомъ*.

Въ XVII в. приводъ предшествовалъ челобитной, напротивъ въ XVIII челобитная предшествовала приводу, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда приводъ производился гарнизоннымъ патрулемъ, ибо въ этихъ случаяхъ истецъ объявлялъ свою претензію лишь въ гарнизонной канцеляріи. Но формы остались тѣ же: приставныя памяти были переименованы въ *сыскныя*, и мѣсто приставовъ заняли солдаты, разсыльные приказовъ и канцелярій, въ случаѣ неудачи которыхъ давался подьячему наказъ и отъ него получалось оффиціальное донесеніе въ формѣ доѣзда [219]). Въ губерскихъ и уѣздныхъ канцеляріяхъ употреблялся одинъ и тотъ же порядокъ и одна форма [220]). Впрочемъ въ уѣздныхъ канцеляріяхъ это было не всегда: есть примѣръ посылки по наказу солдатъ и полученія отъ нихъ доѣзда [221]). Въ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ въ формѣ привода различія не было. Если отвѣтчикъ жилъ въ другомъ городѣ, то для вызова его въ судъ къ правителю этого города, какъ и прежде, посылалась *зазывная грамота*, въ которой излагалось дѣло и назначался срокъ высылки. Форма грамотъ не потерпѣла никакихъ измѣненій [222]).

2. *Періодъ отъ явки отвѣтчика до начала допроса.* Къ этому періоду процесса относятся слѣдующія бумаги: *ставочныя сказки* и *вѣрчія челобитныя*: ими опредѣляется время судебнаго слѣдствія и лица, которыя станутъ на судѣ въ качествѣ сторонъ.

Срокъ судебнаго слѣдствія назначался въ XVII и XVIII столѣтіяхъ разными способами: по Уложенію [223]), его назначалъ приставъ по своему усмотрѣнію; единственнымъ условіемъ при этомъ была непродолжительность, чтобъ не затягивать дѣла.

Но въ концѣ XVII в. въ этомъ отношеніи появляются иныя начала: назначеніе срока ставится нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ воли отвѣтчика, такъ какъ онъ могъ заявить, что не приготовился къ отвѣту [224]). Наконецъ, въ практикѣ начала XVIII в. было принято

---

[218]) Уложенія гл. X, ст. 100, 104, 137—139. Образцы приставныхъ памятей, см. Акты Юридическіе, №№ 55 и 56.

[219]) Образцы доѣздовъ XVII в. см. Акты Юрид. №, 365 и Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, № 80, 97; XVIII-го—въ приложеніяхъ къ этой книгѣ. Относительно порядка и формъ привода въ XVIII в. см. А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязка 1.378, № 1, л. 1—3; кн. 2, л. 1; кн. 10, л. 4 и др.; кн. 17, л. 9—10; кн. 28, л. 2, 6—7 и мн. др.

[220]) Ibid. Вязка 1.222, № 3, л. 21—22 и др.

[221]) Дѣло Микулина съ Потуловымъ о займѣ. Ibid, вязка 1.223, № 59.

[222]) См. Акты Ю. № 57. А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. вязки: 764, № 92, л. 4—5; 766, № 2, л. 2, № 6, л. 2; 1.378, № 41, л. 5—7 и мн. др.

[223]) Гл. X, ст. 137 и 146.

[224]) Судныя статьи 11 ноября 1685 г. П. С. З. № 1,140, ст. 2.

за постоянное правило: срокъ разбирательства всегда зависѣлъ отъ воли отвѣтчика, на что указываетъ вся масса судныхъ дѣлъ, сохранившаяся отъ начала этого времени. Обыкновенно, отвѣтчикъ, выслушавъ исковую челобитную, самъ опредѣлялъ срокъ разбирательства, о чемъ и давалъ въ судѣ сказку; въ ней онъ не только назначалъ срокъ, но и принималъ на себя всѣ невыгодныя послѣдствія просрочки, т.-е. признавалъ себя виноватымъ. Эта сказка, за подписью отвѣтчика, пріобщалась къ дѣлу и называлась *ставочною* или *срочною* сказкою. Срочныя сказки встрѣчаются въ большей части случаевъ [225]), но не всегда: есть примѣры, что онѣ замѣняются другими, а именно: *пересрочными* или *полюбовными* сказками [226]). Срочная сказка есть односторонній актъ: это—заявленіе отвѣтчика о срокѣ, какой ему удобенъ для отвѣта; напротивъ, пересрочная сказка была почти всегда полюбовная, т.-е. двухсторонній актъ, зависѣвшій отъ соглашенія истца съ отвѣтчикомъ. Какъ кажется, полюбовныя сказки были слѣдствіемъ желанія сторонъ окончить дѣло мирно, до суда, но вмѣстѣ и желанія истца сохранить за собою право иска въ судѣ, если примиренія не послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ полюбовныя сказки дозволяются въ Уложеніи [227]). Такимъ происхожденіемъ полюбовныхъ пересрочекъ можно объяснить то обстоятельство, что число ихъ не было ограничено и совершенно зависѣло отъ усмотрѣнія сторонъ; такъ, въ дѣлахъ встрѣчаются 2 [228]), 3 [229]), 4 [230]), 5 [231]), 6 [232]), 7 [233]) отсрочекъ; иногда ихъ было гораздо болѣе, такъ что все дѣлопроизводство состояло изъ однихъ полюбовныхъ сказокъ, подшитыхъ послѣдовательно одна къ другой: въ одномъ дѣлѣ было 19 отсрочекъ и дальнѣйшаго производства не видно [234]). Если въ самомъ дѣлѣ пересрочки были слѣдствіемъ желанія окончить дѣло миромъ, то понятно, почему въ этихъ случаяхъ дѣлопроизводство

---

[225]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязки: 1.222, № 5, л. 1, № 6, л. 2; 1.223, № 5, л. 2, № 10, л. 2, № 12, л. 2, № 13, л. 3; 1.378, № 32, л. 2, № 33, л. 2, № 34, л. 2, № 40 л. 2, и мн. др. дѣла.

[226]) Ibid., вязка 1.222, №№ 1 и 2.

[227]) Гл. X, ст. 108: „А которые истцы и отвѣтчики, не ходя въ судъ, учнутъ приносити отсрочныя челобитныя за своими руками, а въ челобитныхъ у нихъ будетъ написано, *что имъ межъ себя сыскиватися, а будетъ не сыщутся и имъ объма стати въ приказъ къ суду на срокъ, какъ они межъ себя договорятся*, а будетъ кто изъ нихъ на тотъ срокъ не станетъ, и тому тѣмъ срокомъ быти виновату".

[228]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязка 1,378, № 34, л. 3 и 4.

[229]) Ibid. № 52, л. 1, 2 и 4.

[230]) Ibid. № 53, л. 2—4, № 55, л. 2, 3.

[231]) Ibid. вязки 1.222, № 5, л. 3—5,

[232]) Ibid. Дѣла Моск. губ. канцел., вязка 1.876, № 1, л. 4—6.

[233]) Ibid. Дѣла Судн. Пр., вязка 1.378, № 28, л. 18—21.

[234]) Ibid. № 25, л. 3—5, 7—12.

ограничивалось только одними ими: стороны помирятся и не явятся болѣе на разбирательство, причемъ требуемыя закономъ пошлины, безъ сомнѣнія, уплачиваются на основаніи мировой сдѣлки. (См. выше о мировыхъ).

Обыкновенно полюбовныя пересрочки предшествовали разбирательству, но иногда онѣ происходили среди допроса, т.-е. когда, выражаясь дѣловымъ языкомъ XVII в., *дѣло было засужено*. Примѣры такихъ пересрочекъ нерѣдки [235]); цѣль ихъ та же, что и предварительныхъ, какъ это явствуетъ изъ указа 19 января 1686 г., которымъ онѣ признаны [236]), а потому также и для нихъ достаточнымъ основаніемъ служило полюбовное соглашеніе [237]).

Пересрочки невсегда были полюбовными: иногда онѣ дѣлались судомъ по просьбѣ одной изъ сторонъ; основаніями такихъ пересрочекъ признавались болѣзни, или иныя препятствія, предусмотрѣнныя и въ законѣ [238]). Случаи такихъ пересрочекъ довольно рѣдки въ описываемое нами время, и потому нельзя даже и приблизительно исчислить этихъ препятствій, но видно, что въ числѣ ихъ были неприсутственные дни, если срокъ случайно совпадалъ съ ними: такъ въ одномъ дѣлѣ 1716 г. истецъ проситъ судъ о пересрочкѣ по болѣзни и по случаю сырной недѣли и первой великаго поста [239]). Пересрочки, какъ актъ обоюднаго соглашенія сторонъ или слѣдствіе необходимости, существуютъ въ дѣлахъ и при срочныхъ сказкахъ; онѣ даже чаще встрѣчаются при нихъ, нежели безъ нихъ [240]). Въ практикѣ того времени эти два вида сказокъ о срокѣ, какъ однопредметные, иногда смѣшиваются подъ общимъ названіемъ *ставочныхъ* [241]), но, въ то же время, для пересрочныхъ сказокъ выработалось, какъ уже извѣстно, спеціальное названіе — *полюбовныхъ*, по преобладающему характеру двухсторонней сдѣлки.

Таковы различные виды сказокъ о срокѣ; формы ихъ были различны по содержанію: срочныя сказки были, какъ мы видѣли выше, односторонніе акты онѣ давались одними отвѣтчиками, а потому ихъ

---

[235]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязки: 1.222, № 3, л. 34—35, № 18, л. 5—7; 1.223, № 2, л. 45, № 11, л. 3, 4, № 13, л. 16 и др.

[236]) П. С. З. № 1.156.

[237]) Въ Уложеніи (Гл. X, ст. 113) для такихъ пересрочекъ по засуженнымъ дѣламъ признавалось только одно основаніе: Государева служба, а потому срокъ здѣсь назначался судомъ, помимо полюбовнаго соглашенія сторонъ: здѣсь пересрочка дѣлалась по казенной надобности, а не по частнымъ соображеніямъ тяжущихся.

[238]) Улож. ibid. ст. 108.

[239]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязка 1.378, № 25, л. 6. О неприсутственныхъ дняхъ см. Уложеніе ibid, ст. 25.

[240]) См. указанныя выше дѣла.

[241]) Ibidem, № 252, л. 1, 2, 4.

форма была такова:.....«года.... дня въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ (или иномъ установленіи) передъ ближнимъ боярином и Московскимъ губернаторомъ, имя рекъ (или передъ инымъ *судьей*: ландрихтеромъ, оберъ-комендантомъ, ландратомъ), съ товарищи NN сказалъ: по запечатанной челобитной (такого-то) въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ (или иномъ установленіи) станетъ онъ къ допросу въ .....день нынѣшняго года, а буде онъ, N. N., на тотъ срокъ къ допросу не станетъ, и на немъ, N. N., взять тотъ исцовъ искъ безо всякаго спору, также пошлины и канцелярскія деньги по указу»; затѣмъ слѣдовала подпись отвѣтчика, а иногда и росписка его въ томъ, что копію съ этой сказки онъ взялъ себѣ [242]).

Полюбовныя сказки имѣли иную форму, отчасти сокращеннѣе, а именно: «. . . дня. . . года истецъ и отвѣтчикъ въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ (или иномъ установленіи) на срокъ стали и, поговоря межъ себя полюбовно, отсрочили: отвѣтчику стать къ отвѣту, а истцу къ уликѣ въ . . . день. . нынѣшняго. . . года, а буде они на тотъ срокъ не станутъ, и истецъ иску своего лишенъ, а отвѣтчикъ—и безъ суда виноватъ, и пошлины на виноватомъ по указу»; затѣмъ слѣдовали подписи обѣихъ сторонъ, а иногда и росписки въ полученіи копій. Но иногда о полюбовныхъ пересрочкахъ въ судъ подавались челобитныя отъ какой-либо изъ сторонъ [243]): форма, вще признанная въ Уложеніи [244]), хотя это случалось чрезвычано рѣдко въ описываемое нами время, и пересрочки почти всегда дѣлались въ формѣ сказокъ: эта послѣдняя форма была опредѣленнѣе, въ ней наглядно выражалось обоюдное согласіе тяжущихся, тогда какъ челобитная, поданная однимъ изъ нихъ, могла быть поводомъ къ пререканіямъ; въ то время менѣе, чѣмъ когда-либо можно было довѣрять добросовѣстности сторонъ.

Чтобы покончить съ актами, относящимися къ періоду до начала допроса, необходимо сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ *вѣрющихъ*, или *вѣрчихъ*, челобитныхъ. Въ нихъ истецъ или отвѣтчикъ проситъ о допущеніи вмѣсто себя повѣреннаго; онѣ обыкновенно подавались отдѣльно [245]) или были заявленіями повѣреннаго въ ставочной сказкѣ [246]); равнымъ образомъ, иногда такія челобитныя подавались не истцомъ или отвѣтчикомъ, а самимъ повѣреннымъ [247]). Впрочемъ всѣ эти формы были исключеніями, существованіе ихъ свидѣтельствуетъ

---

[242]) *Примѣч.* Полное имя отвѣтчика, съ отчествомъ и прозваніемъ, означалось только въ началѣ сказки и въ подписи.

[243]) См. напр. ibid. № 34, л. 4.

[244]) Гл. X, ст. 108.

[245]) А. М. Ю. вязки: 770, №№ 4 и 7; 1.378, № 13, л, 2, № 25, л. 8, № 40, л. 4 и др.

[246]) Дѣло Спафарьевыхъ съ Хомяковыми л. 2.

[247]) Дѣла Судн. Пр., вязка 1.222, № 7, л. 2.

лишь о безпорядкахъ тогдашняго судопроизводства, и общимъ правиломъ въ этомъ отношеніи были вѣрчія челобитныя отъ того лица, которое просило о допущеніи вмѣсто себя повѣреннаго къ разбирательству.

Всѣ разсмотрѣнные нами подъ этой рубрикой акты относятся къ одному гражданскому процессу; въ уголовныхъ дѣлахъ прямо приступали къ допросу свидѣтелей и обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ. Безъ сомнѣнія, это объясняется самимъ характеромъ дѣлъ этого рода и необходимостью при ихъ производствѣ быстроты для обнаруженія преступленій.

3. *Періодъ допроса.* Допросъ имѣлъ различныя формы: а) по различію дѣлъ и б) по различію требованій истца. а) Различіе дѣлъ уголовныхъ, въ которыхъ заинтересовано все общество, отъ гражданскихъ, интересъ которыхъ есть интересъ, по преимуществу, частный, имѣло несомнѣнное вліяніе на форму судоговоренія; это вліяніе коренится на различіи отношеніи судебной власти къ той и другой категоріямъ дѣлъ. Здѣсь достаточно указать на существованіе двоякаго рода процессовъ: обвинительнаго, гражданскаго, и слѣдственнаго (инквизиціоннаго), уголовнаго

Исторія нашего процесса заключается въ постепенномъ ходѣ отъ перваго ко второму [248]), но тѣмъ не менѣе въ разсматриваемый періодъ обвинительная форма въ гражданскихъ дѣлахъ существовала въ полной силѣ, хотя и приняла нѣкоторыя свойства инквизиціоннаго процесса: эти свойства отразились главнымъ образомъ на судоговореніи,—оно въ гражданскихъ дѣлахъ приняло смѣшанный характеръ — уликъ, посредствомъ которыхъ происходилъ споръ между сторонами, такъ-что форма слѣдственная, начавшая преобладать въ нашемъ судопроизводствѣ со времени большаго юридическаго развитія, имѣла несомнѣнное вліяніе и на обвинительныя формы гражданскаго процесса (улики).

б) Съ другой стороны, требованія истца также несомнѣнно вліяли на форму допроса въ гражданскихъ дѣлахъ: если, что было впрочемъ въ большинствѣ случаевъ, истецъ въ челобитной (исковой) заявлялъ, что въ случаѣ запирательства отвѣтчика онъ уличитъ его, или если, вообще, заявлялъ о своемъ желаніи лично присутствовать при допросѣ отвѣтчика, то допросъ происходилъ въ формѣ одного протокола, и къ нему прикладывали руки обѣ стороны [249]). Если же истецъ не заявлялъ

---

[248]) См. напр. Дмитріева *Исторія судебныхъ инстанцій*, стр. 183—192, 371 и сл., 541 и сл.

[249]) См. Дѣло Спафарьевыхъ и Хомякова, л. 5—9. Дѣла Судн. Пр. вязки: 764, № 25, л. 5, № 30; 766, №№ 2, 4, 9, 10, 12, 15 и др.; 767 №№ 30, 33; 768, № 2, л. 2—6, № 5; 770, №№ 4—7 и др.; 1.222, № 1, л. 2 и сл., № 2, л. 3—8, № 4, л. 4—6, № 7, л. 7—9 и мн. др.; 1.223, №№ 1, 2, 3, л. 18—24, № 5, л. 2—5, № 6, л. 12—24, № 11, л. 3—7, № 12, л. 4—5, № 13, л. 4—6, № 15, л. 2—4; 1.378, № 1, л. 2—8, №№ 2, 22, 32, л. 2—4 и мн. др. Дѣла Московск. Губ. Канц., вязка 1.876, № 1, л. 6—9, № 3, л. 6—11.

этого желанія, то допросъ производился отвѣтчику отдѣльно и предъявлялся истцу, который возражалъ на него также заочно; подписи при этомъ слѣдовали отдѣльно,—отвѣтчика подъ отвѣтомъ, а истца — подъ возраженіемъ [250]). Но во всякомъ случаѣ допросныя рѣчи записывались непосредственно одна послѣ другой: разница была только, какъ мы уже видѣли, въ подписяхъ и отчасти въ изложеніи; такъ, при допросѣ въ присутствіи истца, рѣчи этого послѣдняго начинались словами: «и истецъ ему, отвѣтчику, въ улику говорилъ», а при допросахъ и уликахъ порознь словами: «а истецъ (имярекъ), *смотря* (имярекъ), роспросу въ улику говорилъ».

Допросъ въ уголовныхъ дѣлахъ былъ одиночный, соединенный, въ случаѣ надобности, съ очными ставками и пыткою. Въ случаѣ противорѣчій въ показаніяхъ обвиняемыхъ, ихъ сообщниковъ и свидѣтелей, употреблялись очныя ставки; ихъ записка немного отличалась отъ записки допросовъ: ставочныя рѣчи записывались отдѣльными статьями, и каждая статья подписывалась давшимъ показаніе [251]). Что же касается до записки допросовъ, то это была простая запись словъ допрашиваемаго, подписанная имъ для вѣрности и лишенная опредѣленной формы [252]). Общепринятымъ способомъ раскрытія истины были пытки: для ихъ производства при канцеляріяхъ и Приказахъ, какъ извѣстно, находились застѣнки. Формы пытокъ были различны по различію орудій, которыми онѣ производились: употреблялись *виски*, или висѣлицы, къ которымъ допрашиваемыхъ привязывали за руки [253]), дыбы [254]) и испытаніе огнемъ [255]). Эти главные виды осложнялись иногда добавочными: такъ, подыманіе на виску осложнялось такъ-называемымъ *бревномъ промежъ ногъ* и почти всегда—сѣченіемъ кнутомъ [256]); равномѣрно страданія пытаемыхъ увеличивались большею или меньшею продолжительностью пытки [257]).

Производство пытокъ можно раздѣлить на два періода: на *допросъ съ пристрастіемъ* и самую пытку. Меньшую степень пристрастія представляетъ допросъ въ застѣнкѣ въ виду орудій пытки,—здѣсь противъ допрашиваемаго не было еще принимаемо никакихъ насильственныхъ мѣръ [258]); большею степенью пристрастія было вкладываніе рукъ допра-

---

[250]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязки: 768, № 1, л. 2; 1.378, № 41, л. 2, № 52, л. 5 и слѣд.

[251]) См. Ibid. Дѣла Сената, кн. 77, л. 7 и сл.

[252]) Ibid. л. 2, 5, 9, 11, 13, 15 и мн. др.

[253]) Ibid. л. 6 и 26.

[254]) Ibid. л. 25.

[255]) Ibid. л. 7 и др.

[256]) Ibid.

[257]) Ibid.

[258]) Ibid. л. 25.

шиваемаго въ хомутъ и притягиваніе ихъ къ огню [259]). Но допросъ съ пристрастіемъ не всегда былъ преддверіемъ пытки: иногда онъ, по закону, считался достаточнымъ, и дѣло не доходило до пытки ни въ какомъ случаѣ: такъ въ 1669 г. было постановлено, что вора, на котораго доведутъ первую татьбу и который въ ней сознается безъ пытки, о другихъ татьбахъ, а разбойника, совершившаго первый разбой безъ убійства, о другихъ разбояхъ допрашивать только съ пристрастіемъ, безъ пытки [260]). Была ли какая-либо разница въ употребленіи той или другой степени пристрастія—не видать; что же касается до различія въ употребленіи той или другой формы пытки, то оно, будучи неясно выражено въ законѣ [261]), какъ кажется, довольно опредѣленно установилось въ практикѣ: такъ изъ подлинныхъ розыскныхъ дѣлъ ясно, что виска употреблялась для допроса лицъ по словесному извѣту и подозрѣнію, а дыба—для пойманныхъ съ поличнымъ [262]).

Таковы были формы и употребленіе пытокъ. Показанія, лававшіяся пытаемыми, назывались *пыточными рѣчами;* онѣ записывались, обыкновенно, такимъ образомъ: прежде подробно описывалась форма пытки, количество данныхъ ударовъ или форма пристрастія, а потомъ слѣдовало показаніе пытаннаго безъ его подписи [263]).

Допросы свидѣтелей, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, производились всегда поодиночкѣ [264]).

4. *Мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда.* Говоря о мѣрахъ этого рода, необходимо различать уголовный процессъ отъ гражданскаго. Въ первомъ главнымъ образомъ употреблялось содержаніе преступника подъ стражею [265]), хоть иногда обвиняемые и освобожда-

---

[259]) А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 77, л. 25.

[260]) П. С. З. № 441, ст. 8 и 17.

[261]) Въ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, установляющей формы пытокъ: здѣсь установляются лишь случаи употребленія пытки вообще (См. Гл. XXI, ст. 9, 10, 16, 17 и др.); стало быть вопросъ о формахъ пытокъ предоставленъ былъ на благоусмотрѣніе слѣдователей. Въ первый разъ появилось опредѣленіе этого рода въ указѣ 1655 г. (П. С. З. № 195), но это опредѣленіе не отличается точностью: изъ него можно только понять, что пытка огнемъ признавалась закономъ высшею, употреблявшеюся въ особыхъ случаяхъ; то же должно сказать и объ указѣ 23 октября 1673 г. (ibid. № 561), который, будучи однопредметнымъ съ первымъ, опредѣленнѣе его разрѣшаетъ вопросъ о троекратной пыткѣ допрашиваемаго.

[262]) Ср. А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 77, л. 6, 25 и 26: Твороговъ, на котораго заявилъ подозрѣніе Пелль, и Панфиловъ, по извѣту одного изъ обвиняемыхъ, допрашиваются съ виски, но Часовиковъ и др., пойманные съ поличнымъ,—съ дыбы.

[263]) Ibidem.

[264]) Ibid. Дѣла Судн. Пр., вязка 1.223, № 5, л. 18—20. Дѣла Сената, кн. 77,

[265]) Ibidem.

лись кому-либо на росписку [266]). Напротивъ, въ гражданскихъ тяжбахъ содержаніе подъ стражею предпринималось въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, какъ-то: если не находилось желающихъ поручиться за тяжущагося или взять его на росписку [267]), равномѣрно, если освобожденный на поруки вѣроломно скрывался, а прежніе поручители по отысканію его не хотѣли болѣе ручаться, боясь отвѣтственности [268]), но во всякомъ случаѣ содержаніе подъ стражею продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока не появлялись иные поручители или роспищики [269]). Употребительнѣйшею мѣрою пресѣченія въ гражданскихъ тяжбахъ было освобожденіе тяжущагося на поруки. Поручительство дѣлалось въ формѣ *поручныхъ записей* или отъ имени тяжущагося [270]), или же отъ имени поручителей [271]). Въ первомъ случаѣ поручительство дѣлалось не только посредствомъ подписей поручителей, но и въ формѣ особой, добавочной сказки отъ самихъ поручителей, въ которой они ясно излагали свое намѣреніе; во второмъ же дѣло кончалось одною записью.

Порядокъ отдачи на поруки былъ таковъ: судъ поручалъ приставу, т.-е. солдату, исправлявшему въ канцеляріи эту должность, *собрать* по истцѣ и отвѣтчикѣ поручныя; приставъ съ этимъ наказомъ ходилъ по окольнымъ людямъ, и если находились желающіе, то совершалась у крѣпостныхъ дѣлъ запись, которая и представлялась въ подлежащую канцелярію: обыкновенно, отвѣтственность по поручной записи падала и на поручителей, и на взятаго на поруки.

Поручныя записи писались большею частью по допросѣ [272]), но иногда и до допроса [273]): отъ чего зависѣли эти колебанія, изъ дѣлъ не видно Число поручителей и свидѣтелей, которые скрѣпляли запись, не было опредѣлено и потому было то болѣе, то менѣе. Второю—и болѣе суровою—мѣрою пресѣченія была отдача на росписку. Роспищики, одинъ или нѣсколько, сами слѣдили за дѣйствіями тяжущихся, и эта мѣра была подобіемъ домашняго ареста: поэтому она и употреблялась весьма рѣдко въ гражданскихъ дѣлахъ, будучи лишь необходимою замѣною поручительства,—когда послѣднее не состоялось [274]).

---

[266]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр., вязки: 765, № 7, л. 24; 1.378, № 57, л. 4 и 5.

[267]) Ibid. Вязка 1.378, № 21, л. 10 и 21, № 27, л. 11.

[268]) Ibid. № 28, л. 13, 15, 17.

[269]) Ibid. л. 18 и слѣд.

[270]) Ibid. № 2, л. 10, 11.

[271]) Ibid. № 7, л. 4.

[272]) Ibid. указан. №№ и слѣд. вязки: 768 № 2, л. 7 и 8; 1.222, № 1, л. 11, № 5, л. 54—55, 56—57, № 7, л. 5; 1.223, № 4, л. 8—20, № 6, л. 25 и сл., № 10, л. 14—16, № 13, л. 7, № 15, л. 11 и сл.; 1.378, № 10, л. 31 и сл., № 22, л. 21—24 и мн. др.

[273]) Ibid. вязка 1.222, № 3, л. 16—17, № 11, л. 10.

[274]) Въ дѣлахъ исковыхъ встрѣчаются выраженія: „такой-то *вмѣсто поручной* отданъ на росписку“ (см. ibid. вязки: 1.223, № 5, л. 6; 1.378, № 5, л. 3),

Росписки подписывались одними роспищиками, и ответственность по нимъ иногда падала на однихъ роспищиковъ [275]), хотя есть примѣры и раздѣленія отвѣтственности [276]), но, какъ кажется, съ 1710 г. первое стало преобладать надъ послѣднимъ, что, съ одной стороны, болѣе соотвѣтствовало самому понятію отдачи на росписку, а съ другой, увеличило еще сильнѣе власть роспищиковъ [277]).

5. *Судебное рѣшеніе и исполненіе.* Послѣ допроса дѣлалась, обыкновенно, выписка изъ дѣла, которая слушалась судьей или присутствіемъ, и по ней постановлялся приговоръ. Выписка была изложеніемъ дѣла вкратцѣ съ присоединеніемъ подлежащихъ законовъ; она дѣлалась вслѣдствіе помѣты, гдѣ почти всегда приказывалось выписать изъ дѣла, а равно изъ Уложенія и новоуказныхъ статей, и поднесть къ слушанію. Такъ какъ выписка дѣлалась обыкновенно тѣмъ подьячимъ, у котораго находилось дѣло, то она и представлялась постоянно за подьяческою справою.

Это было резюмированіе дѣла, вслѣдствіе чего выписка и была весьма важнымъ процессуальнымъ актомъ; безъ сомнѣнія, важно ея значеніе было для тяжущихся, а потому самое существо выписки требовало предъявленія ея сторонамъ; но это требованіе было признано на практикѣ не ранѣе 1719 г.: въ дѣлахъ Приказа Земскихъ Дѣлъ, въ періодъ его подчиненія Юстицъ-Коллегіи, постоянно встрѣчаются выписки за подписями сторонъ, тоже продолжалось и въ послѣдствіи—въ эпоху Суднаго Приказа 1730 г., такъ что съ 1719 г. порядокъ предъявленія выписокъ тяжущимся можно считать правиломъ болѣе или менѣе установившимся. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1719 г. и вскорѣ послѣ, на выпискахъ встрѣчаются подписи то обѣихъ сторонъ [278]), то одного истца [279]) или отвѣтчика, но въ послѣднемъ случаѣ отвѣтчикъ жаловался на то, что онъ подписалъ выписку, а истецъ—нѣтъ [280]): такъ что видно, что существовало правило, но оно еще не установилось въ употребленіи. На-

---

а большая употребительность поручительства доказываетъ, что такая замѣна бывала слѣдствіемъ необходимости; что отдача на росписку на практикѣ считалась болѣе суровою, конечно при этомъ и болѣе надежною, мѣрою пресѣченія, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта: по дѣлу купца Малевинскаго съ иностранцемъ Лядовымъ (Ladehoff), въ 1719 г. (ibid. в. 1.223, № 7), послѣдній былъ освобожденъ на поруки, но потомъ—въ *наказаніе за просрочку*—былъ отданъ на росписку (л. 24 и 27); наконецъ, это видно и изъ того, что отдача на росписку, какъ мѣра пресѣченія, была употребляема иногда и въ уголовныхъ дѣлахъ.

[275]) Ibid. № 18, л. 15 и мн. др.

[276]) Ibid. вязка 1. 222, № 4, л. 2 и др.

[277]) Образцы поручныхъ записей и росписокъ см. въ концѣ книги.

[278]) Ibid. вязка 1.222, № 3, л. 114—145.

[279]) Ibid. вязка 1.223, № 7, л. 32—44, № 8, л. 42.

[280]) Ibid. л. 115.

противъ, до 1719 г. выписки не подписывались сторонами [281]). Впрочемъ, какъ на исключеніе, единственное въ это время, необходимо указать на выписку изъ дѣла Ушаковой съ крестьяниномъ Лукъяновымъ о безчестіи и насиліи, разбиравшагося въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ 1712—1714 годахъ [282]): эта выписка за подписью истицы.

По выслушаніи выписки постановлялся приговоръ. Въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, какими были губернскія и провинціальныя канцеляріи, предсѣдатели отбирали мнѣнія ландратовъ, присутствовавшихъ при нихъ, и потомъ уже постановлялся общій приговоръ—по большинству голосовъ; если же судъ, какъ въ Москвѣ, былъ непосредственно порученъ единоличному учрежденію — Приказу, то само собою разумѣется, что между слушаніемъ дѣла и приговоромъ не было такого формальнаго совѣщанія. Впрочемъ, въ послѣдствіи коллегіальныя начала проникли и въ Приказы; такъ, въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ 1719 г. встрѣчается примѣръ формальнаго совѣщанія судьи, ландрихтера Топильскаго, съ ассессорами, Небольсинымъ, Дружининымъ и Катыгуловымъ, и съ дьякомъ Симоновскимъ, причемъ мнѣнія этихъ лицъ были составлены и поданы въ той же формѣ, въ какой обыкновенно подавались ландратскія мнѣнія въ губернскихъ канцеляріяхъ [283]); кромѣ того, переименованіе прежнихъ коммиссаровъ въ ассессоры указываетъ на развитіе коллегіальныхъ началъ въ этомъ учрежденіи, нѣкогда единоличномъ.

Приговоры составлялись отъ Высочайшаго имени: они всегда начинались словами: «по указу Великаго Государя», потомъ помѣщалось имя судьи или предсѣдателя коллегіи съ товарищами, причемъ послѣдніе не обозначались по именамъ: «по указу Великаго Государя, ближній боярин и московскій губернаторъ, Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, съ товарыщи, слушавъ сего дѣла и выписки, приказали»; далѣе слѣдовало изложеніе дѣла, рѣшеніе суда, наконецъ мотивы рѣшенія и подписи. Прежде рѣшенія обыкновенно подписывались дьяками или чаще оставались безъ всякой подписи [284]), хотя иногда встрѣчаются и подписи судей [285]), но указомъ 4 апрѣля 1714 г. былъ положенъ конецъ такимъ безпорядкамъ [286]), и съ этихъ поръ подписи судей сдѣлались необходимою принадлежностью приговоровъ [287]). Въ коллегіальныхъ установленіяхъ приговоры составлялись за подписями всѣхъ членовъ присутствія [288]), а въ приказахъ и ландратскихъ канцеляріяхъ, по крайней мѣрѣ

---

[281]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. Вязка 1.378, № 26, л. 27, № 42, л. 5—6, № 53, л. 7—9 и др.

[282]) Ibid. Вязка 766, № 4 л. 1—30.

[283]) Ibid. вязка 767, № 29, л. 107—111.

[284]) Ibid. Вязка 765, № 15, л. 55—59, № 19, л. 25—27 и множество №№ въ другихъ вязкахъ, особенно въ 1378.

[285]) Ibid. Вязка 765, № 16, л. 36.

[286]) П. С. З. № 2.791.

[287]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. Вязки: 764, № 25, л. 26; 765, № 18, л. 55—63 и др.

[288]) Ibid. Вязка 765 № 17, л. 20, 39—42, 77—79 и др.

до 1719 г., за подписями главнаго судьи и за скрѣпою коммиссара или секретаря [289]).

Исполненіе судебныхъ приговоровъ поручалось обыкновенно приставамъ, или низшимъ служителямъ канцелярій, но въ Москвѣ уголовные приговоры иногда исполнялись въ Преображенскомъ Приказѣ, куда отсылали осужденнаго вмѣстѣ съ сообщеніемъ вины его и судебнаго рѣшенія [290]). Исполненіемъ приговоровъ по гражданскимъ тяжбамъ было взысканіе присужденнаго иска. Взысканіе дѣлалось двумя способами: или *правежомъ*, или *переводомъ;* первый способъ былъ болѣе употребительнымъ и состоялъ въ томъ, что приставъ, по наказу, который носилъ спеціальное названіе *правежной памяти* (образецъ см. въ концѣ книги), при понятыхъ бралъ подъ арестъ обвиненнаго и приводилъ его въ канцелярію или приказъ, гдѣ въ теченіе извѣстнаго срока [291]) онъ ежедневно подвергался тѣлесному наказанію. Это продолжалось или до уплаты иска и пошлинъ, или до принятія иной мѣры взысканія, а именно—описи и продажи имущества обвиненнаго, для чего посылался подьячій съ наказомъ [292]). Вообще формы правежа были нѣсколько схожи съ формами привода отвѣтчиковъ къ суду.

Этотъ возмутительный способъ взысканія, какъ извѣстно, былъ уничтоженъ Петромъ В. въ 1718 г. [293]).

Переводомъ называлось просто прошеніе милостыни для уплаты долга. Этотъ способъ употреблялся въ видѣ исключенія и, какъ кажется, въ видѣ льготы для лицъ женскаго пола, но по требованію истца несчастныя должны были подвергаться правежу и только по истеченіи законнаго срока снова имъ дозволялся переводъ [294]).

Таковы были различныя формы судопроизводства въ началѣ XVIII в.

Эти формы относятся, такъ сказать, къ главнымъ фазамъ процесса, но, кромѣ ихъ, мы встрѣчаемъ побочныя процессуальныя формы, когда судъ добывалъ тѣ или другіе факты, существенные для обсужденія дѣла: это были формы осмотровъ и экспертизы.

Какъ тѣ, такъ и другіе встрѣчаются до допроса и во время его: до допроса встрѣчаются осмотры боевъ, ранъ и увѣчій и осмотръ лошадей, приводимыхъ въ Приказъ или канцелярію, какъ поличное.

Осмотры боевъ, ранъ и увѣчій производились лишь въ такомъ случаѣ, если того требовалъ челобитчикъ [295]). Форма производства ихъ была

[289]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. Вязка 770, № 1, л. 24 и сл.; № 1, л. 29—30: подпись Топильскаго, а внизу помѣта: „справясь по дѣлу, челъ дьякъ Никифоръ Дружининъ."

[290]) Ibid. Вязка 765, № 6, л. 32 и слѣд.

[291]) Улож. гл. X, ст. 261.

[292]) Ibid. Вязка 764, № 17, л. 2—22: правежъ по распоряженію Тульскаго ландрата въ 1713. Вяз. 1.223, № 54, л. 26 и 28: по распоряженію Приказа Земскихъ Дѣлъ.

[293]) П. С. З. № 3.140, 15 января.

[294]) Ibid. Вяз. 1222, № 18, л. 3, 9 и 12.

[295]) Ibid. Вяз. 1.378, № 55 и др.

двоякая: или въ самой канцеляріи и Приказѣ, или на дому потерпѣвшаго; въ первомъ случаѣ результаты осмотра записывались на оборотѣ челобитной и подписывались осмотрѣнными [296]); во второмъ—на домъ посылался подьячій съ понятыми, и результаты осмотра представлялись въ формѣ доѣзда: формы были тѣ же, что и въ случаѣ привода отвѣтчика къ суду чрезъ подьячаго [297]). Осмотръ лошадей барышниками записывался въ видѣ сказки о лѣтахъ, масти и особыхъ примѣтахъ лошади, за подписью экспертовъ.

Осмотры мѣста, на которомъ совершилось какое-либо преступленіе, или спорнаго имущества, производились всегда подьячими по наказу, и описи представлялись послѣдними въ обыкновенной формѣ *доѣздовъ*, которые въ данномъ случаѣ, какъ и прежде, назывались спеціальнымъ именемъ *досмотровъ* [298]), но ничѣмъ не отличались отъ простыхъ доѣздовъ. Въ той же формѣ производились обыски и выемки въ домахъ лицъ, прикосновенныхъ къ какому-либо преступленію [299]). Наконецъ во время допроса—по надобности, прибѣгали къ помощи экспертовъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ относительно документовъ, представленныхъ какъ судебныя доказательства. Мы имѣемъ примѣръ экспертизы спорныхъ росписокъ въ дѣлахъ о займахъ: эти росписки предъявлялись старой и средней статьи подьячимъ, которые за подписью давали свой отзывъ по предложенному имъ вопросу [300]).

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе формъ и обрядовъ дѣлопроизводства начала XVIII в. вообще. Если, говоря о формахъ, относящихся къ внутренней сторонѣ дѣлопроизводства, т.-е. къ формамъ процесса, сравнить ихъ съ тѣми, которыя фигурировали въ допетровскій періодъ, то окажется, что формы уложеннаго процесса остались въ началѣ XVIII в. Уложеніе было главнымъ основаніемъ судопроизводства. Измѣненія, происшедшія въ процессѣ, относятся главнымъ образомъ къ позднѣйшему времени и отчасти будутъ указаны ниже. Но въ разсматриваемый періодъ ихъ не было, и чѣмъ отличался уложенный процессъ отъ процесса XV и XVI столѣтія, тѣмъ отъ послѣдняго отличался онъ и въ началѣ XVIII в. [301]).

Изъ подлинныхъ дѣлъ явствуетъ существованіе въ областныхъ канцеляріяхъ разсматриваемаго періода приходорасходныхъ книгъ судебнымъ пошлинамъ, а указомъ 4 апрѣля 1714 г. заведены журнальныя,

---

[296]) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. Вяз. 1.378, № 11, л. 2

[297]) Ibid. № 10, л. 3

[298]) Ibid. Дѣла Сената, кн. 77, л. 68 и др. Дѣла Судн. Пр. Вязка 1.222, № 3, л. 21, и **сл.**, № 5, л. 8—10, 13 и сл.

[299]) Ibid. Дѣла Сен., кн. 77, л. 8, 23 и др.

[300]) Ibid. Дѣла Судн. Пр. Вязка 768, № 5, л. 93—95. Дѣла Моск. губернск. канц. Вязка 1.876, № 1, л. 43.

[301]) См. Акты, отн. до юрид. быта древней Россіи, т. 1 №№ 22, 52, 74, 78, 103.—А. Ю. №№ 1, 27, 30, 58.—„*Исторія судеб. инст.*“ Дмитріева, стр. 380 и слѣд.

или протокольныя книги [302]), но, къ сожалѣнію, до насъ не дошла ни одна изъ этихъ книгъ, и мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго ни о формѣ, ни о способѣ веденія ихъ.

ГЛАВА V.

ПРЕДМЕТЫ ВѢДОМСТВА.

Дѣла, входившія въ кругъ областнаго управленія, были чрезвычайно многочисленны и сложны. Сенатъ поглотилъ въ своей власти всѣ старинные Приказы, изъ которыхъ многіе были вовсе упразднены, а другіе стали въ положеніе подчиненное; словомъ: по отношенію къ общегосударственному управленію въ XVIII вѣкѣ возвысился единый Сенатъ. Представителемъ его обширной и всеобъемлющей власти въ области является губернаторъ, которому все болѣе и болѣе подчиняются не только общественныя власти, но и правители второстепенныхъ областныхъ единицъ: механическое сопоставленіе, механическая связь, въ которую были приведены различныя по величинѣ и значенію областныя единицы, силою самихъ вещей мало-по-малу обращается въ болѣе и болѣе стройную систему областнаго управленія. Тѣмъ сильнѣе въ институтѣ губернаторовъ замѣтны начала представленія Сената и его власти, тѣмъ болѣе усиливается централизація, и губернаторская власть тѣмъ больше получаетъ значенія.

Какъ представитель Сената, губернаторъ есть главнымъ образомъ исполнитель сенатскихъ предначертаній, сенатской политики, но кромѣ этого, онъ невсегда и невсюду только исполнитель: ему ближе извѣстны мѣстныя потребности, онъ гораздо лучше, многостороннѣе, нежели кто-либо, можетъ взвѣшивать, оцѣнивать приложимость сенатскихъ предначертаній къ отдѣльнымъ случаямъ, ему ближе извѣстно время, когда по мѣстнымъ удобствамъ возможнѣе дѣйствовать такъ или иначе въ духѣ сенатской политики. Словомъ, простое исполненіе есть хотя и главная, но не исключительная функція областнаго управленія. Губернаторъ не только прикащикъ центральной власти, но и хозяинъ области, не только исполнитель, но и администраторъ и судья. Подобно тому, какъ въ рукахъ Сената—по отношенію къ общегосударственному управленію—было

---

[302]) П. С. З. № 2.791. О приходо-расходныхъ книгахъ см. Дѣло Спафарьевыхъ и Хомяковыхъ, л. 9, 10: „за письмо 14 алтынъ взято и въ книгу записано“; также см. приведенныя выше явочныя книги, гдѣ, по окончаніи мѣсячной записи, встрѣчаются помѣты, подобныя слѣдующей: „Всего августа съ 1 сентября по 1 число три рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги; тѣ денги принялъ къ расходу Илья Максимовъ и въ приходную книгу записаны“.

все, и въ рукахъ губернатора было *все* относительно областнаго управленія. Дѣла, входившія въ кругъ областнаго управленія эпохи перваго учрежденія губерній, были слѣдующія: 1) военныя, 2) финансовыя и торгово-промышленныя, 3) судебныя, 4) помѣстныя и разрядныя, 5) полицейскія, 6) духовныя и 7) иностранныя.

I. ВОЕННЫЯ ДѢЛА.

Губернскія дѣла по военному вѣдомству касались съ одной стороны арміи вообще, а съ другой—военныхъ силъ и предметовъ, находившихся въ непосредственномъ завѣдываніи губернскихъ начальствъ. Къ 1-му роду отношеній принадлежали: общая рекрутская повинность, правильно установившаяся только въ первыхъ годахъ XVIII вѣка; укомплектованіе кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ лошадями и продовольствіе войскъ вообще и войскъ, временно квартировавшихъ въ той или другой губерніи или проходившихъ по району ея. Каждая изъ этихъ статей лежала на отвѣтственности губернаторовъ, и правительство, интересовавшееся строгимъ и скорымъ ихъ выполненіемъ, понуждало послѣднихъ часто и различными способами, угрожая, въ случаѣ медленности или неисполненія, то штрафами, то безчестіемъ. Статьи эти лежали тяжкимъ бременемъ на губерніяхъ, ибо при тогдашнихъ обстоятельствахъ натуральныя и денежныя повинности для поддержанія военныхъ силъ государства были и часты, и значительны: бывали случаи, когда та или другая губернія прямо заявляла, что не въ силахъ удовлетворить тому или другому требованію; такъ въ 1711 г. смоленскій губернаторъ, Салтыковъ (Петръ Самойловичъ), доносилъ Сенату, что его губернія можетъ продовольствовать провіантомъ и фуражомъ полки князей Репнина (Никиты Ивановича) и Голицына (Мих. Мих), направлявшіеся къ Эльбингу, только $1^1/_2$ мѣсяца, но подводъ имъ до назначеннаго мѣста выставить не въ силахъ, такъ какъ наемъ ихъ стоилъ бы 17.700 р. [1]). Равнымъ образомъ, въ декабрѣ 1712 г. четыре кавалерійскіе полка корпуса фельдмаршала Шереметева, проходившіе чрезъ ту же губернію, получили продовольствіе на $4^1/_2$ мѣсяца изъ Московскаго уѣзда, такъ какъ Салтыковъ въ доношеніи Сенату заявилъ, что въ Смоленской губ. *нѣтъ средствъ* ихъ продовольствовать [2]). Въ октябрѣ 1714 г. въ два города Архангелогородской губ., Вологду и Кинешму, были присланы для фуражировки 2.295 кавалерійскихъ и подъемныхъ лошадей [3]), но вице-губернаторъ Лодыженскій просилъ разложить деньги на такую фуражировку на всѣ губерніи, такъ какъ его губернія не могла доставить фу-

---

[1]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 5, л. 5 и сл.

[2]) Тамъ же, кн. 14, л. 889.

[3]) Въ подлинныхъ дѣлахъ различаются постоянно: *драгунскія* и *подъемныя* лошади. Первыя нами названы *кавалерійскими*, онѣ шли въ строй; для вторыхъ же удержано названіе подъемныхъ—онѣ употреблялись подъ оружія и обозъ.

ражировку такому количеству, потому что, кромѣ этого запроснаго сбора, она обременена была значительными окладными расходами [4]); то же самое встрѣчаемъ въ доношеніи и петербургскаго вице-губернатора, Римско-Корсакова [5]). Въ уваженіе тѣхъ же данныхъ, т.-е. неимѣнія средствъ, сенатскимъ указомъ отъ 14 сентября 1713 г. съ Петербургской губ. сложены были два полка, кавалерійскій Нарвскій и пѣхотный Галицкій, которые и были положены на Казанскую губ. [6]).

Не станемъ распространяться о томъ, что частыя въ то время моровыя повѣтрія, слѣдствія безпрерывной войны, неурожаи, а равно побѣги крестьянъ (запустѣніе дворовъ) дѣлали эту тяжесть чувствительнѣе, и само собою разумѣется, что различныя неисправности губернскихъ начальствъ въ продовольствіи и укомплектованіи войскъ, бывшія въ то время нерѣдкостью, отчасти зависѣли и отъ этого.

Отношенія губерній къ военнымъ силамъ и предметамъ, находившимся въ непосредственномъ завѣдываніи губернскихъ начальствъ, касались слѣдующихъ вопросовъ: содержанія полковъ, расположенныхъ по губерніямъ въ 1710—11 г., содержанія и управленія внутренней стражи или гарнизоновъ, вопроса объ иррегулярномъ мѣстномъ войскѣ, или *земскомъ ополченіи* (ландмилиціи), и, наконецъ, строенія и содержанія крѣпостей. Впрочемъ, вопросъ о земскомъ ополченіи, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не входилъ въ кругъ общихъ губернскихъ дѣлъ по военному вѣдомству, а имѣлъ временный и мѣстный характеръ [7]).

На основаніи сказаннаго, военныя дѣла, лежавшія на губерніяхъ, можно раздѣлить на *внѣшнія*, т.-е. касающіяся всего государства, и *внутреннія*, касающіяся собственно губернскихъ вопросовъ по военному вѣдомству.

Внѣшнія военныя дѣла.

Начнемъ съ вопроса объ укомплектованіи личнаго состава войскъ, или *о рекрутскихъ наборахъ*.

Познакомившись съ обученными военному искусству и хорошо дисциплинированными войсками Карла XII, Петръ Великій на опытѣ убѣдился, что такой силѣ необходимо было противопоставить иное войско, нежели то, которое существовало въ Россіи. На это были устремлены главныя усилія Царя: онъ положилъ начало правильному войску, придерживаясь образцовъ иностранныхъ, а вмѣстѣ съ этимъ пользуясь тѣми

---

[4]) А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 16, л. 1,147 и сл.

[5]) Доношеніе отъ 15 окт. 1714 г. Тамъ же, л. 1,172.

[6]) Доношеніе изъ Казанск. губ. о продовольствіи этихъ полковъ отъ 4 іюня 1714 г. (тамъ же, л. 917 и сл.).

[7]) Мы будемъ разсматривать главнымъ образомъ отношенія губерніи къ сухопутному войску; отношенія ихъ къ флоту будутъ разсмотрѣны въ связи съ первыми и лишь съ тѣхъ сторонъ, которыми они отличались отъ нихъ и имѣли спеціальный характеръ.

начинаніями, которыя уже были сдѣланы при его предшественникахъ. Средствомъ для достиженія этой цѣли были постоянные рекрутскіе наборы, причемъ новобранцы должны были постоянно обучаться строевому искусству и пріучаться къ воинской дисциплинѣ. Безъ сомнѣнія, это было важнымъ шагомъ впередъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, военная реформа Петра Великаго не была внѣ всякой связи съ предшествующими попытками этого рода: она была продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ послѣднихъ.

Центральными вѣдомствами по рекрутскимъ наборамъ были московскіе Приказы, но вся организація и непосредственное производство ихъ касались исключительно области, вслѣдствіе чего мы и считаемъ себя въ правѣ подробнѣе развить вопросъ о рекрутскихъ наборахъ, указавъ постепенное ихъ возникновеніе отъ отдѣльныхъ попытокъ до цѣлаго учрежденія.

Военная служба въ Московскомъ государствѣ отправлялась какъ повинность, основанная на помѣстномъ правѣ: служилые люди, какъ высшіе, такъ и низшіе, получали тотъ или другой помѣстный окладъ, съ которымъ и въ размѣрѣ котораго и несли военную службу: являлись сами и приводили съ собою опредѣленное указомъ или возможное по средствамъ количество конныхъ и оружныхъ людей. Начальныя мѣста въ войскѣ были даваемы по происхожденію: это было главнымъ мотивомъ назначеній, но при этомъ на послѣднія вліяли также заслуги и отличія, если они не нарушали перваго, главнаго, мотива. Войско собиралось по именнымъ указамъ царей, издаваемымъ въ случаѣ нужды; въ мирное время помѣщики не составляли постоянной арміи и жили въ своихъ деревняхъ до востребованія. Отсюда исключалась служба въ сторожевыхъ пограничныхъ полкахъ и содержаніе постоянныхъ карауловъ въ Москвѣ, но и въ этихъ случаяхъ служба была постоянною лишь потому, что и нужда была постоянная. Что сказано о помѣщикахъ, то же должно сказать и о вотчинникахъ, ибо помѣстья и вотчины, различаясь по гражданскому титулу, составляли одинъ и тотъ же типъ по отношенію къ военной службѣ [8]).

Такимъ образомъ, въ средніе вѣка нашей исторіи существовала только идея защиты государства въ случаяхъ необходимости, но идеи правильнаго, постояннаго войска не было, ибо всякая идея въ законо-

---

[8]) См. Неволина *Ист. Росс. Гражд. Зак.* часть II въ П. Собр. соч. т. IV, стр. 190. О русск. войскѣ до Петра В. см. Устрялова *Ист. царствованія Петра В.* т. I, гл. IX, стр. 173—189, Соловьева *Ист. Россіи* т. XIII, стр. 60 и слѣд. 80—89, статью И. Д. Бѣляева *„О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ В.“*, изд. на иждивеніе Общества Ист. и Древн. Россійскихъ; П. Иванова *„Систематическое Обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи и пр.“* М. 1836 г.

дательствѣ вызывается потребностью жизни. Войны съ Татарами или подчиненіе подъ власть Москвы соплеменныхъ княжескихъ удѣловъ, чѣмъ Москва была занята до конца XVI в. почти исключительно, не могли вызвать этой идеи: незнавшіе никакой правильности въ веденіи войны, Татары противопоставляли русской жизни такую силу, для отраженія и подавленія которой не требовалось никакого искусства,—необходимо было мужество, недостатка въ которомъ никогда не было въ Русскомъ народѣ и которое въ войнахъ съ Татарами увеличивалось еще болѣе любовію къ свободѣ и воспоминаніями недавной тяжкой зависимости отъ этихъ варваровъ; что же касается до распрей Москвы съ остальными русскими удѣлами, то при равномъ умѣніи съ обѣихъ сторонъ, Москвѣ, особливо сначала, помогала главнымъ образомъ принятая ею политическая система.

Итакъ, почти ничто въ Московскомъ государствѣ до позднѣйшаго времени его исторіи не вызывало идеи о регулярномъ войскѣ, при существованіи котораго только и мыслимо преуспѣяніе въ искусствѣ вести войну не съ Востокомъ, а съ Западомъ. Мы говоримъ: *почти ничто* дѣйствительно, войны съ Польшею должны были возбудить эту идею. Польша, знакомая съ Западною Европою, представляла Москвѣ опасность, которую слѣдовало устранять иными способами, нежели тѣ, которыми устранялась опасность со стороны Татаръ [9]); но всего болѣе эту идею должны были возбуждать столкновенія съ Ливонскими рыцарями которые заимствовали военное искусство изъ сосѣдней Швеціи. Въ болѣе стройный порядокъ приходитъ войско наше начало еще со временъ Іоанна III [10]), но при внукѣ его, Іоаннѣ IV, начала правильности стали болѣе и болѣе развиваться, такъ что Стефанъ Баторій, отдавая должную честь и врагамъ мужественнымъ, удивлялся стойкости и дисциплинѣ русскихъ ратниковъ [11]). Въ царствованіе Іоанна IV образовалась посто янная пѣхота, или *стрѣльцы*, которые, впрочемъ, служили тоже на помѣстномъ правѣ; при преемникѣ Іоанна, Годуновѣ, понимая важное значеніе для государства войска, обученнаго ратному дѣлу, началъ формировать отряды изъ иноземцевъ (иноземный строй), а въ послѣдствіи, въ XVII в., ужасы самозванщины и безначалія, бывшіе еще столь свѣжими для Царя Михаила Ѳеодоровича, побудили его ввести иноземное ратное обученіе и въ войска русскаго строя, чѣмъ былъ сдѣланъ значительный

---

[9]) Образованіе регулярнаго войска въ Польшѣ задолго упредило его образованіе въ Россіи и тоже было плодомъ необходимости: по рѣшенію Піотрковскаго сейма, бывшаго при Сигизмундѣ Августѣ въ 1562 г., оно учреждено для защиты отъ татарскихъ набѣговъ. См. Нѣмцевича *Dzieje panowania Zigmunta III* t. I, wst. XVII—XXVII.

[10]) Статья Бѣляева *О русск. войскѣ* и пр.

[11]) Карамзина, т. IX, стр. 513 и слѣд.

шагъ къ преобразованіямъ Петра В. [12]). Однако, несмотря на всѣ мѣры правительства, регулярнаго войска въ Россіи не было до Петра В. [13]): иноземный строй плохо принимался, стрѣльцы же были скорѣе отдѣльною кастою, въ которой права и обязанности опредѣлялись происхожденіемъ и изрѣдка вольнымъ приборомъ [14]). Правильныхъ рекрутскихъ наборовъ не было: во время войны набирались такъ-называемые *даточные люди* [15]), но они составляли то, что въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстно подъ именемъ земскаго ополченія, и по минованіи надобности распускались по домамъ и поступали въ прежнее состояніе.

Царствованіе Петра В. началось столкновеніемъ съ Турціей, а потомъ съ Швеціей, которая имѣла контингентъ лучшій изъ всѣхъ европейскихъ. Эти двѣ державы скоро соединились вмѣстѣ и стали единодушно дѣйствовать противъ Россіи. Если слава покрыла русское оружіе при Полтавѣ, то этотъ успѣхъ скорѣе можно приписать ошибкѣ Карла XII, нежели искусству и дѣйствительному превосходству русскаго войска. Но на случай не всегда можно разсчитывать, тѣмъ менѣе на него могъ полагаться такой проницательный государь, какимъ былъ Петръ, тѣмъ менѣе онъ могъ заблуждаться въ настоящей причинѣ побѣды. Необходимо было выставить Карлу силу равную его войску, а для этаго надобно было довести до конца начинанія прежнихъ государей—основать регулярное войско, образованное по европейскому образцу.

Главною частью нашего войска послѣ всѣхъ преобразованій въ немъ XVI и XVII столѣтій все-таки остались помѣщики и вотчинники, которые составляли боевую конницу русскаго строя [16]); хотя при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обученіе иноземному строю было введено и въ русскія войска, но въ данномъ случаѣ постояннаго упражненія въ строевомъ порядкѣ и дисциплинѣ не могло быть, ибо, какъ видно изъ актовъ [17]), не всѣ помѣщики попадали въ полки: многіе отъ похода до похода жили въ своихъ деревняхъ, а въ случаяхъ нарядовъ на службу, привыкши къ домашней жизни, значились въ *нѣтьихъ* [18]). Правительство конечно строго преслѣдовало нѣтчиковъ, но тѣмъ не менѣе самая возможность такого явленія обусловливалась характеромъ службы, основанной на помѣстномъ правѣ; титулъ, на которомъ дано помѣстье, мало-по-малу забывается, и оно въ мысли помѣщика легко смѣшивается съ вотчи-

---

[12]) См. указ. выше статью И. Д. Бѣляева и указ. соч. Устрялова т. I, стр. 17—20, 179 и сл.

[13]) Устряловъ, I стр. 187.

[14]) О стрѣльцахъ см. Котошихина, гл. VII, ст. 5, стр. 75, гл. IX, ст. 3, стр. 109.

[15]) О сборахъ на время войны см. также Котош., гл. II, ст. 11, стр. 21 и сл.

[16]) Устряловъ, стр. 176.

[17]) См. въ А. М. Ю. разряды XVII в. по 1-му отдѣленію Архива.

[18]) См. также Устрялова idem., Соловьева т. XIII, стр. 80 и сл.

ною, — тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше, самъ законъ по отношенію къ службѣ не различаетъ этихъ двухъ понятій. Ясно, что помѣщики въ большинствѣ случаевъ старались освободиться отъ личной повинности и владѣть своими помѣстьями помимо нея.

Само собою разумѣется, для того, чтобы поставить войско на европейскую ногу, необходимо было оторвать его отъ прежнихъ основаній, т.-е. помѣстнаго права, и образовать войско на жалованьѣ денежномъ, такъ какъ, кромѣ того, такой способъ вознагражденія гораздо болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ службы, нежели помѣстные оклады. Начало этому было положено еще въ XVI в.: первыми военнослужилыми людьми, получившими денежное жалованье или кормы, были иноземцы [19]); впрочемъ, вскорѣ новое начало получило признаніе и въ средѣ русскихъ служилыхъ людей: они также стали верстаться денежнымъ жалованьемъ, но не иначе, какъ вмѣстѣ и съ помѣстными окладами [20]).

Служба на помѣстномъ правѣ издавна образовала особый классъ служилыхъ людей, по отношенію къ которымъ всѣ остальные были неслужилыми, или жилецкими людьми. Этотъ духъ касты еще до Петра В. сталъ колебаться, —когда началась служба по прибору, т.-е. по свободной волѣ поступающихъ; вмѣстѣ съ симъ къ воинской службѣ во второй половинѣ XVIII в. были привлечены безграмотныя дѣти священно-и церковно-служителей (церковники, см. напр. Полн. С. З. №№ 288 и 289).

---

[19]) См. Списки и Книги Боярскіе въ 1-мъ отд. А. М. Ю.

[20]) См. тамъ же, напр.: стольникъ Никита Смирного сынъ Демской въ 1647 г. былъ поверстанъ новичнымъ окладомъ въ 550 четей и денежнымъ жалованьемъ въ 25 р.; за Литовскій походъ 1654 и 1655 г. ему было прибавлено 75 четей земли и 6 р. денегъ (Кн. Боярск. 1668 г., ч. VI, стр. 106). Впрочемъ, въ послѣдствіи за нимъ не числилось никакихъ помѣстій и вотчинъ, о денежномъ жалованьѣ тоже не упомянуто (Спис. Боярск. 1668 г., стр. 18). Стряпчій Артемій Ивановичъ Яхонтовъ въ 1647 г. былъ поверстанъ 600 четей помѣстья и 30 р. денегъ, въ 1664 г. ему прибавлено 130 чет. земли и 9 руб. денегъ (Кн. Боярск. 1658 г. ч. V, стр. 169). О Хованскихъ—Андреѣ и Петрѣ Ивановичахъ, читаемъ: „I мая въ 22 день нынешнего 180 (1672 г.) князю Андрею по верстанью въ Розряде учиненъ окладъ вновь помѣстной 600 четій, денегъ 30 рублевъ, емужъ для объявленія блаженные памети благовѣрнаго государя царевича 176 году придачи 100 четій, денегъ 12 рублевъ“ (Кн. Боярск. 1668 г., ч. VI, стр. 55) О Ѳедорѣ Семеновичѣ Шаховскомъ: „в Боярской Книге 155 (1647) году окладъ ему помѣсной спридачею 700 четій, денегъ 37 рублевъ; за службу 172 и 173 годовъ, 130 четій, денегъ 9 рублевъ“. (Кн. Боярск. 1658 г., ч. V, стр. 48 на обор.); о немъ же въ 1658 г.: „в Боярской книге 166 (1658) г. окладъ ему спридачею помѣсной 830 четій, денегъ 46 рублевъ; емужъ для объявленія блаженныя памети царевича 176 году да за службу 33 рубли сполтиной“ (Кн. Боярск., ч. VI, стр. 75 на обор.) и мн. другіе примѣры. О денежномъ жалованьѣ въ соединеніи съ помѣстными окладами см. также Котошихина гл. VIII, ст. 8, стр. 79 и слѣд.; гл. IX, ст. 2, стр. 108.

Духовенство считалось тоже въ средѣ служилаго сословія, но служба его была служба не земному, а Небесному Царю. Будучи наслѣдственнымъ, званіе духовное, со всѣми правами и преимуществами, переходило отъ отца къ сыну; дѣти священно- и церковно-служителей eo ipso назывались *церковниками* и воинской повинности не подлежали, но безграмотные церковники не служили ни Богу, ни Царю: на это-то и было обращено вниманіе правительства, въ силу этого и поколеблена сословная замкнутость духовенства.—Чѣмъ ближе къ реформѣ Петра, тѣмъ болѣе колеблется замкнутость служилаго класса: на время и по мѣстамъ всѣ классы общества призываются къ защитѣ отечества [21]). Наконецъ Петръ довершаетъ весь этотъ двухвѣковой процессъ образованія регулярнаго войска: обязанность защищать родину распространена на всѣ классы общества; Царь завелъ наилучшее обученіе, вооруженіе, издалъ уставъ и сформировалъ правильное, регулярное войско по европейскому образцу. Вмѣстѣ съ этимъ, конечно не сразу, уничтожилась и помѣстная конница: она, какъ мы увидимъ ниже, продолжала существовать, хотя и со второстепеннымъ значеніемъ; этого рода служба мало-по-малу обращается въ обязанность дворянства служить государству мечомъ независимо отъ поземельнаго владѣнія. *Итакъ, въ началѣ XVIII ст. въ Россіи образовано постоянное, регулярное войско, находящееся на денежномъ жалованьѣ и состоящее изъ представителей всей земли, а не исключительнаго класса общества.*

Такое войско, естественно, не могло быть образовано сразу, и хотя энергія Петра В. много споспѣшествовала къ скорѣйшему его развитію, но, тѣмъ не менѣе, необходима была извѣстная постепенность. Единственнымъ средствомъ составленія постояннаго войска было періодическое пополненіе личнаго состава его, или *рекрутскіе наборы*. Отдѣльные случаи наборовъ встрѣчались, какъ мы видѣли, еще въ допетровской Руси (даточные люди. См. у Устрялова и И. Д. Бѣляева), хотя это были сборы только на случай войны; эти попытки сопровождали стремленія дать войску иной характеръ, и при Петрѣ развились въ цѣлое учрежденіе. Въ допетровской Руси преобладающими средствами составленія войскъ были *сборы* и *приборы;* путемъ послѣднихъ составлялись постоянные отряды русскаго строя, но будучи сходны съ *наборами* по понятію, такъ какъ прибирались разночинцы и для постоянной службы, приборы отличались отъ нихъ по мотивамъ: приборъ ратныхъ людей есть добровольное вступленіе въ военную службу вольныхъ людей, прежде не бывшихъ на ней и, на основаніи помѣстнаго права, не имѣвшихъ ни права, ни обязанности нести ее; напротивъ, рекрутскіе наборы есть вступленіе въ службу не произвольное, а принудительное. Такимъ образомъ, наборы, отличаясь отъ сборовъ или нарядовъ помѣ-

[21]) См. П. С. З. №№ 327, 1.944, 1.996 и 2.020 и др., также у Котошихина о солдатахъ и драгунахъ гл. IX, ст. 4, стр. 109, 110, ст. 5, стр. 110.

щиковъ основаніями, отличаются, равнымъ образомъ, и отъ такъ называемыхъ *приборовъ* мотивами, по которымъ лица вступаютъ въ ряды войска. Кромѣ того, приборы были все-таки дѣломъ случая: есть охотники—ихъ и прибираютъ въ службу, наборы-же должны повторяться чрезъ извѣстные промежутки времени, равномѣрность которыхъ, впрочемъ, установилась гораздо позднѣе, ибо войны Петра требовали не только постояннаго, но нерѣдко и чрезвычайнаго, усиленнаго пополненія личнаго состава войскъ. Наконецъ, будучи сходны по основаніямъ и мотивамъ вступленія съ наборами даточныхъ людей, рекрутскіе наборы отличались отъ нихъ цѣлью, ибо они суть наборы для постоянной, а не временной службы, но тѣмъ не менѣе наборы даточныхъ были, такъ сказать, зерномъ, изъ котораго развился плодъ,—наборы рекрутскіе.

Введеніе рекрутскихъ наборовъ не было слишкомъ чувствительно для русскаго общества, въ которомъ издавна укоренилось понятіе необходимости защиты государства въ случаяхъ нужды и не одною помѣстною конницею. Теперь это убѣжденіе послужило для легчайшаго перехода къ новой системѣ службы, начавшейся, впрочемъ, еще преждеисторическія событія вызвали всѣ силы государства къ постоянной защитѣ послѣдняго отъ внѣшнихъ враговъ—время не только благопріятное для введенія новой системы, но и непосредственно вызвавшее его: воля правительства была голосомъ нужды, а принудительное привлеченіе всѣхъ классовъ общества къ отбыванію *постоянной* воинской повинности—обязанностью всей земли отстаивать свою самостоятельность въ неравной борьбѣ... Продолжительность такой настоятельной нужды дало новому началу плоть и кровь, и оно незамѣтно мало-по-малу вкореняется въ понятіяхъ Русскаго народа, получая характеръ постоянный.

Съ самаго основанія рекрутскихъ наборовъ, начатыхъ именнымъ указомъ 20 февр. 1705 г., центральнымъ вѣдомствомъ по дѣламъ этого рода былъ сдѣланъ Помѣстный Приказъ, который посылалъ въ области особыхъ наборщиковъ, бывшихъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ, что и продолжалось, съ нѣкоторыми исключеніями [22]), до на-

---

[22]) Иногда, какъ показываютъ примѣры, приводъ рекрутъ въ Военный Приказъ, завѣдывавшій дальнѣйшимъ ихъ распредѣленіемъ и назначеніемъ, поручался тѣмъ, съ кого рекруты брались, или-же, за дальностью мѣста жительства послѣднихъ отъ Москвы—мѣстнымъ воеводамъ. Въ этихъ случаяхъ Помѣстный Приказъ съ своими наборщиками на время устранялся отъ дѣлъ этого рода, но такихъ примѣровъ за весь періодъ отъ 1705 по 1710 г. можно насчитать не болѣе двухъ (П. С. З. №№ 2.065 и 2.095). Съ другой стороны, не вездѣ рекрутскіе наборы въ этомъ періодѣ производились наборщиками Помѣстнаго Приказа; напр. дополнительный къ первому наборъ 14 дек. 1705 г. въ Сибири былъ порученъ боярину и воеводамъ; равнымъ образомъ и наборы—*третій* (22 октяб. 1707 г.) и *четвертый* (18 ноября 1708 г.) въ Сибири и Казани были поручены воеводамъ же, тогда какъ въ остальныхъ областяхъ дѣйствовали наборщики Помѣстнаго Приказа.

чала 1710 г., когда рекрутскіе наборы были переданы начальникамъ губерній, а въ Москвѣ—Военному Приказу [23]). Послѣ этого до самаго уничтоженія Помѣстный Приказъ завѣдывалъ только сборомъ рекрутъ съ духовныхъ вотчинъ, лежавшихъ въ районѣ Московской губ. (См. предыд. прим.), а центральное завѣдываніе рекрутскими наборами вообще съ 1711 г. перешло въ Сенатъ.

---

[23]) Это измѣненіе въ производствѣ наборовъ, которое было, какъ мы видѣли, подготовлено отдѣльными фактами, бывшими въ прошлыхъ годахъ (см. предыдущее примѣч.) совершено именнымъ указомъ 9 февр. 1710 г. (П. С. З. № 2.251). Съ этихъ поръ, какъ уже сказано, Помѣстный Приказъ пересталъ быть центральнымъ мѣстомъ по рекрутскимъ наборамъ, *но только съ этихъ поръ*, т.-е. со времени изданія указа 9 февр. Въ нашей историко-юридической литературѣ существуетъ мнѣніе, совершенно несогласное съ выставленнымъ нами, а именно: утверждаютъ, что во 1) Помѣстный Приказъ пересталъ быть центральнымъ вѣдомствомъ по рекрутскимъ наборамъ не въ 1710, а въ 1707 г., по силѣ указа 19 декабря; во 2) будто въ 1711 г. эти дѣла снова перешли въ центральное завѣдываніе Помѣстнаго Приказа (П. Иванова *Систематическое обозрѣніе помѣст. правъ и обязан.* и пр., стр. 45, п. 3.—Первое утверждаетъ и Неволинъ въ статьѣ „*Образ. управл. въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.*“ См. П. С. его соч. т. *VI*, стр. 238, г.). Что касается до 1-го пункта, то достаточно обратиться къ тексту указовъ 19 дек. 1707 г., на который ссылаются означенные авторы, и 9 февр. 1710 г., который мы считаемъ началомъ новаго порядка,—чтобы убѣдиться въ несправедливости такого заключенія. Указъ 19 дек. (П. С. З. № 2.180) постановляетъ: „Москвичъ и офицеровъ, которые изъ Помѣстнаго Приказа посланы для набора рекрутъ изо всѣхъ городовъ, взять къ Москвѣ, къ Его, Государеву, смотру, а дѣла отдать и тѣхъ рекрутъ по прежнимъ Его, Государевымъ, указамъ набрать тѣхъ городовъ воеводамъ или кому города приказаны вѣдать—*до указа и до присылки наборщиковъ*“. Ясно, что такое распоряженіе не имѣло характера постояннаго и было сдѣлано только потому, что бывшіе до тѣхъ поръ наборщики должны были явиться къ смотру, причемъ сила его простиралась только *до новаго указа и до присылки новыхъ наборщиковъ*.—Указъ 9 февр. 1710 г. состоялся въ слѣдствіе доношенія Помѣстнаго Приказа; это доношеніе начинается слѣдующимъ вопросомъ: Рекрутъ набирали по станціямъ наборщики, *нынѣ* тѣ наборщики взяты къ Москвѣ и изъ ихъ смотра отосланы въ Кіевскую губ., *а другіе къ смотру готовы, 11 человѣкъ не явилось, наборъ остановился*. Впредь кому и откуда набирать? Этотъ вопросъ показываетъ, что послѣ 1707 г. наборщики были снова присланы въ области и что рекрутскіе наборы продолжали находиться подъ вѣдѣніемъ Помѣстнаго Приказа; видно, далѣе, что правительство при вытребованіи наборщиковъ на смотръ въ 1710 г. не сдѣлало никакого временнаго распоряженія относительно рекрутскихъ наборовъ *впредь до указа*, какъ оно сдѣлало это въ 1707 г. „Наборъ остановился“, говоритъ доношеніе: при такихъ обстоятельствахъ Помѣстный Приказъ и требуетъ рѣшенія вопроса о томъ, кто будетъ *впредь* непосредственно завѣдывать наборами и подъ чьей центральною властью (*откуда?*). Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ такой: „Рекрутъ собирать по *губерніямъ губернаторамъ*, а, собравъ, ставить ихъ по станціямъ и послать ихъ, куда указамъ опредѣлено

Наборщики снабжались отъ Помѣстнаго Приказа болѣе или менѣе широкими полномочіями въ предѣлахъ ихъ командировки. Порядокъ производства наборовъ, права и обязанности лицъ командируемыхъ для этого, подробно опредѣляются въ наказѣ. Мы изложимъ главнымъ образомъ организацію перваго рекрутскаго набора, затѣмъ обозначимъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ ней до 1710 г.; наконецъ, перейдемъ

будетъ". Отвѣтъ этотъ прямо говоритъ, что вѣдомство рекрутскихъ наборовъ перешло изъ Помѣстнаго Приказа по губерніямъ, но такое измѣненіе, какъ всякій увидитъ изъ сравненія приведенныхъ нами двухъ указовъ, произошло никакъ не ранѣе 1710 г. Невѣрность 2-го пункта, что въ 1711 г. наборы будто снова перешли въ Помѣстный Приказъ, гдѣ уже и оставались до упраздненія послѣдняго,—произошла частью отъ невѣрности въ Полн. Собр. Законовъ, частью же и отъ невнимательности автора. Положеніе это, очевидно, хотя авторъ и не указываетъ на источникъ, основано было на сенатскомъ указѣ отъ 31 авг. 1711 г. котораго текстъ переданъ въ Полн. Собр. (№ 2.421) безъ изложенія процедуры, которая предшествовала его изданію и безъ которой трудно понять его основанія; видно, что составитель, пропустивъ все предшествующее, обратилъ вниманіе только на самый приговоръ, отчего и далъ послѣднему названіе широкое, не соотвѣтствующее смыслу его: „*о передачѣ дѣлъ по рекрутскому набору въ Помѣстный Приказъ по прежнему*„ гласитъ заглавіе, идущее даже въ разрѣзъ съ текстомъ, въ которомъ мы читаемъ слѣдующее: „...рекрутскому набору быть въ Помѣстномъ Приказѣ по прежнему. А въ томъ наборѣ *патріарших, архіерейских, монастырских и церковных вотчинъ прикащикамъ и старостамъ и крестьянамъ* присланнымъ изъ Помѣстнаго Приказа наборщикамъ быть послушнымъ". Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ только о наборѣ съ вотчинъ духовнаго вѣдомства, а не о наборѣ вообще. Невнимательность составителя заразила и г. Иванова. Но смыслъ этого указа еще болѣе съузится, если вникнемъ въ ту процедуру, которая привела Сенатъ къ такому приговору. Обстоятельства, давшія поводъ къ указу 31 августа, были таковы: въ 8-й наборъ (1711 г.) велѣно было съ Московской губ. собрать рекрутъ съ 20 дворовъ; съ вотчинъ духовнаго вѣдомства (той же губерніи) наборъ этотъ велѣно было вѣдать въ Монастырскомъ Приказѣ, причемъ количество причитавшееся съ этихъ вотчинъ было выложено изъ общегубернскаго, и отвѣтственность за него была возложена на Монастырскій Приказъ.—Этотъ послѣдній подалъ доношеніе, въ которомъ говоритъ, что до сихъ поръ сборъ съ духовныхъ вотчинъ Московской губ. былъ вѣдомъ въ Помѣстномъ Приказѣ, которому и ближе-де извѣстно это дѣло; Монастырскій же Приказъ только посылалъ къ прикащикамъ и старостамъ сихъ вотчинъ послушные указы; поэтому въ доношеніи просятъ передать этотъ наборъ, т.-е. *наборъ рекрутъ съ вотчинъ духовнаго вѣдомства Московской губерніи*, по прежнему, въ Помѣстный Приказъ: на основаніи этого доношенія и состоялся указъ 31 августа (А. М. Ю. Дѣла Сен. кп. 3, л. 435.) Такой узкій смыслъ имѣетъ указъ 31 авг., и заключеніе г. Иванова построено невѣрно. Эти сборы остались въ вѣдѣніи Помѣстнаго Приказа до его уничтоженія, послѣдовавшаго въ 1712 г., а послѣ переданы въ вѣдомство Московской губернской канцеляріи (П. С. З. № 2.570.).

къ разсмотрѣнію наборовъ во второй періодъ ихъ организаціи, заканчивая его учрежденіемъ 29 мая 1719 г.

Къ отбыванію воинской повинности въ 1-мъ наборѣ привлечены всѣ классы общества и всѣ виды поземельной собственности [24]). Сборъ, какъ и прежде (даточныхъ), опредѣляется количествомъ дворовъ, принадлежавшихъ данному помѣщику или вотчиннику. Нормою сбора положено 20 дворовъ, причемъ облагались не только дворы пахотныхъ крестьянъ, но и людей дворовыхъ, мастеровъ, а равно бобылей и задворныхъ людей. Если количество дворовъ у того или другаго владѣльца не доходило до 20, то нѣсколько такихъ малодворныхъ складывались и выставляли рекрута съ полныхъ 20 дворовъ. Каждый даточный снабжался всѣмъ необходимымъ, т.-е. какъ съѣстнымъ (провіантомъ), такъ и одеждою (аммуниціею), въ опредѣленномъ размѣрѣ, а именно: провіантомъ въ размѣрѣ 3 четвертей (ржаной муки и овсяныхъ крупъ вмѣстѣ), аммуниціею же по слѣдующему разсчету: кафтанъ — обыкновенно тотъ, въ которомъ рекрута привели, но доброта его опредѣлена такъ, чтобъ онъ могъ проноситься годъ; шуба на 2 года, затѣмъ на мелкую аммуницію, какъ то: шапку, рукавицы, рубаху и обувь, каждому рекруту предписано давать деньгами по рублю — годовая стоимость всѣхъ этихъ вещей [25]). Такимъ образомъ весь первый годъ службы рекрутъ одеждою ничего не стоилъ казнѣ и только по истеченіи перваго года, а относительно зимней одежды—втораго, поступалъ на ея содержаніе.

Указъ, далѣе, опредѣляетъ тѣ физическія и нравственныя условія, при которыхъ рекрута можно было принять въ службу: вопервыхъ, онъ долженъ быть отъ 15 до 20 лѣтъ возраста; вовторыхъ, долженъ быть холостъ; втретьихъ, долженъ быть *человѣченъ*, т.-е. не долженъ былъ имѣть какихъ-либо физическихъ или нравственныхъ недостатковъ и пороковъ, которые дѣлали бы его ни къ чему неспособнымъ. Таковы были требованія правительства относительно 1-го набора.

Для производства 1-го набора въ областяхъ были посланы туда стольники, бывшіе въ распоряженіи Помѣстнаго Приказа; они были снабжены наказными статьями, въ которыхъ съ точностью обозначенъ порядокъ производства набора, а равно и предѣлы полномочія ихъ; кромѣ того, такъ какъ въ основаніе набора была положена перепись 1678 г., то имъ были вручены перечневыя выписки съ переписныхъ книгъ этого

---

[24]) Указъ 20 февр. 1705 г.: „Въ солдаты взять *со всѣхъ городовъ* и *уѣздовъ* которые вѣдомы въ Розрядѣ, въ Ингерманландской канцеляріи, въ Посольскомъ, въ Новгородскомъ, въ Адмиралтейскомъ, въ Помѣстномъ, Сибирскомъ и *иныхъ Приказахъ*, съ посадовъ и съ дворцовыхъ волостей и съ конюшенныхъ слободъ, и съ Святѣйшаго Патріарха и властей, и монастырей и церквей, имеретинскаго Царя и Царевича, и бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей и всякихъ чиновъ помѣщиковъ и вотчинниковъ".

[25]) Статьи стольникамъ, прилож. къ указу 20 февр., ст. 7.

года. Стольники, какъ въ указѣ, такъ и въ наказныхъ статьяхъ, носятъ названіе *начальныхъ людей*, такъ какъ они завѣдывали высшими функціями набора, непосредственное производство котораго было возложено на извѣстный персоналъ подчиненныхъ имъ лицъ. Въ каждую область былъ посланъ одинъ стольникъ, который по пріѣздѣ долженъ былъ назначить нѣсколько пунктовъ сбора, или *рекрутскихъ станцій*, съ точнымъ обозначеніемъ того, на какую станцію изъ какихъ городовъ приводить рекрутъ. Станціи назначались по городамъ [26]) и не должны были переводиться въ послѣдствіи изъ одного города въ другой по произволу стольника [27]). Распредѣленіе станцій въ области съ росписаніемъ подлежащихъ каждой изъ нихъ участковъ стольникъ обязанъ былъ объявить во всеобщее свѣдѣніе.

Рекруты приводились съ именными росписями и сказками владѣльцевъ-отдатчиковъ о числѣ дворовъ. Стольникъ сличалъ показанія эти съ находившимися у него перечнями, и если число дворовъ въ сказкѣ было обозначено менѣе, то допрашивалъ предъявителя сказки, почему это такъ. Невѣрность показаній, умышленная утайка дворового числа, влекла за собою смертную казнь виновному.

О количествѣ сбора на всякой станціи стольникъ обязанъ былъ время отъ времени сообщать Помѣстному Приказу, прилагая при доношеніи смѣтныя росписи. Чрезъ какіе промежутки времени должны были слѣдовать эти доношенія, не опредѣлено, но велѣно дѣлать это *почасту*. Вмѣсто бѣглыхъ со станціи или умершихъ на ней рекрутъ, стольники обязаны были брать другихъ, съ тѣхъ же владѣльцевъ, которымъ принадлежали бѣглые или умершіе. Послѣднимъ срокомъ привода рекрутъ было назначено 1 мая 1705 г. Опоздавшіе отдатчики, по силѣ указа, должны были поплатиться вдвое, т.-е. съ нихъ должны были брать съ 10 дворовъ человѣка. Такова организація и таковъ порядокъ производства 1-го набора. Какое же отношеніе ко всему этому имѣли областные правители? Они должны были, вопервыхъ, обнародовать наборъ въ своей области; затѣмъ, указъ говоритъ, что они должны были *повиноваться* распоряженіямъ стольниковъ [28]), но кромѣ этого страдательнаго повиновенія, они должны были оказывать и активную помощь стольникамъ, посылая указы ослушникамъ и лично разъѣзжая по уѣздамъ, для понужденія ихъ, если того требовали обстоятельства [29]). Такимъ образомъ, власть стольниковъ по рекрутскому набору была исключительною, и областные правители обязаны были содѣйствовать и повиноваться распоряженіямъ ихъ.

---

[26]) Статьи стольникамъ, прилож. къ указу 20 февр., ст. 5.

[27]) Тамъ же, ст. 1.

[28]) „...а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ и бурмистрамъ въ томъ сборѣ даточныхъ начальнымъ людямъ *быть во всемъ послушнымъ*“.

[29]) „Да и въ городахъ воеводамъ и бурмистрамъ *о томъ радѣть* съ великимъ прилежаніемъ и по ослушниковъ посылать, и по уѣздамъ для высылки ѣздить самимъ“. Ст. стольн., ст. 1.

По пріѣздѣ въ область, стольникъ бралъ изъ мѣстной съѣзжей избы или приказной палаты потребное ему количество служилыхъ людей, которыхъ и разсылалъ по станамъ для высылки рекрутъ; если служилыхъ людей было недостаточно, то онъ уполномоченъ былъ назначать для сего изъ мѣстныхъ посадскихъ, монастырскихъ служекъ, церковниковъ и т. п. по своему усмотрѣнію. Эти *посыльщики* снабжались отъ него наказными памятями, въ которыхъ стольникъ предупреждалъ посыльщика о томъ, чтобы онъ не отсрочивалъ поставки рекрутъ по своему желанію и, вообще, не корыстовался бы подъ страхомъ смертной казни [30]).

Даточные располагались по станціямъ, по усмотрѣнію стольника, и съ этихъ поръ поступали подъ непосредственное начальство и надзоръ послѣдняго. На всякой станціи стольники отдавали рекрутъ для ученія урядникамъ, отставнымъ солдатамъ, причемъ сами были обязаны повѣрять хорошо ли идетъ ученье [31]).

Стольнику надъ рекрутами принадлежала полицейская, судебная и военно-административная власть.

А) *Полицейская власть.* Стольники смотрѣли за тѣмъ, чтобы рекруты жили на станціяхъ смирно, не притѣсняли бы хозяевъ тѣхъ постоялыхъ дворовъ, на которыхъ были расположены, не производили бы дебошей и не пьянствовали, съ постоялыхъ дворовъ никуда безъ спроса не уходили бы и т. п. Для лучшаго наблюденія, изъ среды самихъ рекрутъ стольники выбирали капраловъ и ефрейторовъ; обязанности послѣднихъ состояли въ ежедневной, утромъ и вечеромъ, повѣркѣ рекрутъ, въ наблюденіи за порядкомъ и тишиною. Если рекрутъ не былъ на утренней или вечерней повѣркѣ (нѣтчикъ) или провинился пьянствомъ, буйствомъ и т. п., то эти капралы и ефрейторы доносили о томъ стольнику, который о донесенномъ производилъ дознаніе и виновнаго подвергалъ наказанію, соотвѣтствующему, по его усмотрѣнію, совершенному имъ проступку. Равнымъ образомъ, стольникамъ были подчинены и тѣ урядники, или отставные солдаты, которымъ на станціяхъ было поручено обученіе рекрутъ строю: за пьянство, буйство или взятки этихъ учителей стольники ихъ наказывали также по своему усмотрѣнію [32]).

Б) *Судебная власть.* Иски по гражданскимъ дѣламъ тогда только подлежали юрисдикціи стольниковъ, когда отвѣтчиками по нимъ являлись рекруты, а иски рекрутъ на посадскихъ и другихъ людей стольники должны были направлять въ подлежащіе мѣстные суды [33]). Равнымъ образомъ и въ уголовныхъ дѣлахъ стольники имѣли право суда только въ тѣхъ случаяхъ, когда виновными въ проступкахъ оказывались рекруты; такъ, напр., они изслѣдовали и рѣшали дѣла о проступ-

---

[30]) Статьи стольникамъ, прилож. къ ук. 20 февр., ст. 1.

[31]) „...и самому того надъ ними смотрѣть, чтобъ однолично были выучены".

[32]) Ст. 5 и 9.

[33]) Ст. 13 и 17.

кахъ противъ бывшихъ помѣщиковъ—въ случаяхъ личныхъ оскорбленій ими послѣднихъ [34]) и т. п., или въ тѣхъ случаяхъ, если и виновнымъ въ проступкѣ, и потерпѣвшимъ отъ него были рекруты [35]). Кромѣ того, стольникамъ принадлежало право суда только по проступкамъ, по преступленіямъ же они производили слѣдствіе (розыскъ) и доносили о томъ въ Москву [36]).

В) *Военно-административная власть.* Если рекрутъ со станціи бѣжитъ и будетъ пойманъ, то поимщикъ приводитъ его и отдаетъ стольнику, который подвергаетъ виновнаго тюремному заключенію, донося о томъ въ Москву. Въ томъ случаѣ, когда стольника не было на станціи, поимщикъ долженъ былъ отдавать бѣглеца мѣстному воеводѣ, который поступалъ съ нимъ на основаніи того же правила, какъ и стольникъ [37]). Кромѣ того, стольники имѣли военно-административную власть и по отношенію къ тѣмъ отдатчикамъ, которые не исполняли своихъ обязанностей относительно своихъ рекрутъ: не давали имъ указной аммуниціи и провіанта и притомъ сопротивлялись исполненію сего; въ такихъ случаяхъ — сами стольники лично доправляли на ослушникахъ слѣдуемое количество того и другого, которое и отдавали рекрутамъ [38]).

Таковы права и обязанности стольниковъ, посланныхъ въ области для производства перваго рекрутскаго набора. Очевидно, что при такихъ широкихъ размѣрахъ власти злоупотребленіе ею было болѣе чѣмъ возможно, какъ по отношенію къ подвластнымъ рекрутамъ, такъ и по отношенію къ мѣстнымъ жителямъ. Въ видахъ предупрежденія такой возможности наказъ прямо постановляетъ, что стольники должны пользоваться своею властью въ предѣлахъ законности, угрожая въ противномъ случаѣ смертною казнью [39]). Итакъ, первый рекрутскій наборъ производился стольниками, но Московскій уѣздъ отступалъ отъ этого порядка; въ немъ наборомъ завѣдывалъ непосредственно Помѣстный Приказъ, который посылалъ по городамъ сборщиковъ [40]). Это одинъ изъ примѣровъ обычнаго въ то время смѣшенія центральныхъ властей съ областными: нѣкоторые Приказы по отношенію къ Москвѣ и ея району имѣли значеніе учрежденій областныхъ. Собственно говоря, Помѣстный Приказъ былъ единственнымъ вѣдомствомъ рекрутскихъ наборовъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ областяхъ, и наборщики были представителями его власти; тамъ же гдѣ не было нужды въ такой замѣнѣ, Помѣстный Приказъ дѣйствовалъ непосредственно. Въ эпоху централизаціи нѣтъ и не можетъ быть различія между вѣдомствами центральными и област-

[34]) Ст. 13.
[35]) Ст. 16.
[36]) Ст. 14 и 16.
[37]) Ст. 10.
[38]) Ст. 15.
[39]) Ст. 18.
[40]) Им. ук. 3 мая 1705 г. П. С. З. № 2.049.

ными; сознаніе этого различія было въ то время для Россіи дѣломъ будущаго; оно было еще чуждо ей.

Отъ общаго порядка набора отступалъ также наборъ въ Сибири гдѣ имъ завѣдывали воеводы [41]). Вѣроятно, причиною такого отступленія была отдаленность, по поводу которой тамошнимъ воеводамъ была предоставляема правительственная власть въ бо́льшихъ размѣрахъ, нежели въ остальныхъ областяхъ.

Мы разсмотрѣли степень и предѣлы власти стольниковъ на основаніи указа и статей 20 февраля. Въ половинѣ года предѣлы эти были еще болѣе расширены [42]) по отношенію къ рекрутамъ и отдатчикамъ, т.-е. расширена ихъ военно-административная власть.

А) *По отношенію къ рекрутамъ.* Въ случаяхъ поимки бѣглыхъ, какъ объяснено выше, власть стольниковъ, на основаніи указа 20 февраля, ограничивалась правомъ подвергнуть виновнаго тюремному заключенію, а затѣмъ они должны были ожидать послѣдующаго о томъ распоряженія изъ Помѣстнаго Приказа. Вѣроятно, частые случаи побѣговъ и отсюда скопленіе дѣлъ этого рода въ Помѣстномъ Приказѣ, который, кромѣ того, былъ и мѣстнымъ вѣдомствомъ по рекрутскимъ наборамъ Московскаго уѣзда, сильно затрудняли его: вслѣдствіе этого въ августѣ того же года стольникамъ было предоставлено право не только предварительнаго заключенія бѣглецовъ, но суда надъ ними и наказанія ихъ. Въ этомъ отношеніи различены *бытство въ одиночку* и *скопомъ*; конечно, все вниманіе было обращено на различіе преступниковъ въ послѣднемъ случаѣ: различены зачинщики и подстрекатели отъ остальныхъ; изъ первыхъ велѣно было десятаго подвергать смертной казни повѣшеніемъ, а остальнымъ опредѣлена торговая казнь при всемъ полку. Если же при бѣгствѣ скопомъ зачинщиковъ и подстрекателей не окажется, то предписано было десятаго по жребію казнить смертью, а остальныхъ — подвергать наказанію кнутомъ.

Б) *По отношенію къ отдатчикамъ.* Необходимость заставила правительство польготить отдатчикамъ: устрашеніе штрафами не повело ни къ чему, и рекруты не выставили сполна къ 1-му мая, какъ было назначено прежде; въ слѣдствіе этого окончательная поставка отсрочена была до 1-го сентября (см. тотъ-же указъ), но вмѣстѣ съ этимъ увеличенъ и размѣръ штрафа за просрочку: кромѣ взятія вдвое, стольникамъ предписано было за всякаго невыставленнаго въ этотъ окончательный срокъ человѣка взимать съ отдатчиковъ по 10 р. пени; тотъ же штрафъ предписано взимать и въ случаяхъ утайки бѣглаго солдата прежнимъ помѣщикомъ послѣдняго [43]). Тогда-же, т.-е. въ августѣ 1705 г.,

---

[41]) См. П. С. З. № 2.082.

[42]) Им. ук. 24 августа 1705 г. П. С. З. № 2.068.

[43]) 1-й наборъ не былъ производствомъ оконченъ и въ 1706 г., и поставка рекрутъ дополнительнаго набора 14 декабря 1705 г. (П. С. З. № 2.082)

измѣнены и обязанности стольниковъ по отношенію къ порядку набора: они должны были лично собирать рекрутъ по уѣздамъ при помощи урядниковъ, которыхъ брали со станцій, оставляя по два или по три для постояннаго обученія рекрутъ строю.

Быть можетъ, посыльщики, которыхъ стольники употребляли по указу 20 февр. для этого, относились къ сбору рекрутъ небрежно или по взяткамъ, знакомству и т. п. отношеніямъ къ отдатчикамъ медлили высылкою рекрутъ на подлежащія станціи. Страхъ наказанія, какъ показываютъ частые примѣры, рѣдко удерживалъ людей отъ соблазновъ, которые представлялись имъ при завѣдываніи тѣмъ или другимъ дѣломъ. Но какъ-бы то ни было, а стольники, наконецъ, обязаны были сами ѣздить по уѣздамъ, не довѣряя этого посыльщикамъ [44]).

Еще первый наборъ производствомъ не былъ оконченъ, какъ въ мартѣ слѣдующаго года былъ уже объявленъ второй [45]). Съ этого времени до начала 1710 г. было еще *три* набора, такъ-что общее ихъ число за весь первый періодъ было *пять*, а именно: 20 февр. 1705 г., уже нами разсмотрѣнный, 2 марта 1706 г., 22 октября 1707, 18 ноября 1708 г. и 1 ноября 1709 годовъ [46]).

Начала, развитыя въ указѣ и статьяхъ перваго набора, продолжаютъ дѣйствовать во всѣхъ остальныхъ, измѣненія касаются частностей и обусловливаются или большимъ удобствомъ въ практикѣ, или размѣромъ необходимости. Исключеніе изъ сказаннаго представляетъ одинъ второй наборъ, который по своимъ началамъ значительно разнится отъ остальныхъ, отступая отъ порядка, установленнаго указомъ 20 февраля. Какія условія заставили законодателя на первыхъ же порахъ отступить отъ созданнаго имъ порядка, а потомъ непосредственно снова къ нему обратиться, установивъ уже его, какъ болѣе твердое правило,—за отсутствіемъ данныхъ рѣшить нельзя, но думаемъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и всюду въ законодательствѣ Петра В., предстоящая надобность рѣшала дѣло: указъ быстро смѣнялся другимъ, такъ какъ въ эту эпоху образованія и борьбы невозможно было установить сразу твердыя правила, что возможно лишь при болѣе спокойномъ теченіи государственной жизни. Въ послѣдствіи начала указа 20 февр. оказались приложимѣе началъ 2 марта, и вотъ мы видимъ, что они получаютъ болѣе по-

---

была отсрочена по 1-е апрѣля, причемъ штрафы предписано брать на основаніи правилъ 20 февр., т.-е. только вдвое, о денежной ненѣ уже нѣтъ упоминанія (см. им. ук. 7 марта 1706 г. П. С. З. № 2.096).

[44]) Стольники 1705 г. вскорѣ, въ томъ же году, получаютъ наименованіе *наборщиковъ*, отличающее ихъ отъ *сборщиковъ* Москов. уѣзда и *посыльщиковъ*; это наименованіе они удерживаютъ, какъ видно изъ послѣдующихъ указовъ, во все время впредь до позднѣйшихъ преобразованій, т.-е. до своего упраздненія.

[45]) П. С. З. № 2.095.

[46]) П. С. З. №№ 2.161, 2.214 и 2.238,

стоянный характеръ, но и это не надолго, ибо не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ эти начала измѣнились снова, причемъ и самое измѣненіе есть фактъ довольно видный въ исторіи русскаго областнаго управленія.

Итакъ, послѣдующіе наборы, за исключеніемъ втораго, были организованы на основаніи началъ 20 февраля 1705 г. Это согласіе въ началахъ высказывается:

А) *Въ объектѣ наборовъ*: это были наборы со всѣхъ безъ исключенія классовъ общества [47]).

Б) *Въ основаніи наборовъ:* основаніемъ постоянно служила перепись 1678 г., въ чемъ сходится съ прочими и наборъ 2 марта 1706 г.

В) *Въ размѣрѣ:* рекруты взимались съ 20 дворовъ, какъ и въ 1705 г.

Г) *Въ физическихъ и нравственныхъ условіяхъ, необходимыхъ для принятія въ рекруты.* Указы послѣдующихъ наборовъ также требуютъ *добрыхъ* и *человѣчныхъ*. Безъ сомнѣнія, въ этомъ требованіи сходится съ остальными и наборъ 2 марта, но во всѣхъ указахъ касающихся этого послѣдняго, оно не выражено ясно и должно подразумѣваться; указы же послѣдующихъ наборовъ повторяютъ его совершенно въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ оно выражено въ указѣ 20 февр. 1705 г. Разница въ этомъ требованіи перваго набора и остальныхъ заключается въ томъ, что во-1) не всѣ указы послѣдующихъ наборовъ опредѣляютъ maximum и minimum возраста, какъ это дѣлаетъ указъ 20 февр., причемъ, и опредѣляя возрастъ, они расходятся съ своимъ образцомъ; во-2) неодинаковы требованія относительно положенія рекрута въ семьѣ: выше было сказано, что указъ 20 февр. 1705 г. призвалъ къ жребію только холостыхъ, тогда какъ указъ о четвертомъ наборѣ, устанавливающій maximum и minimum, распространяетъ повинность и на женатыхъ; такое распространеніе повинности будетъ весьма понятнымъ, если примемъ во вниманіе, что при большемъ maximum'ѣ возраста, какой устанавливаетъ указъ четвертаго набора (30 лѣтъ), увеличивается и процентъ женатыхъ, исключеніе которыхъ изъ повинности было-бы довольно чувствительно; указъ третьяго набора также прямо распространяетъ повинность, какъ на холостыхъ, такъ и на женатыхъ; наконецъ, въ-3) указъ пятаго набора, кромѣ годности къ службѣ и *человѣчности*, не выставляетъ никакихъ иныхъ требованій. Въ данномъ случаѣ умолчаніе подтверждаетъ соотвѣтствующія требованія указа предыдущаго, какъ

---

[47]) Требованіе это выражено почти во всѣхъ указахъ въ слѣдующей формѣ: „...съ городовъ, которые вѣдомы въ Разрядѣ, Посольскомъ, въ Новгородскомъ, въ Сибирскомъ, въ Казанскомъ Приказѣ, въ Ингерманландской Дворцовой Канцеляріи, въ Ратушѣ *съ посадовъ и уѣздовъ и съ своихъ В. Г. дворцовыхъ волостей и съ конюшенныхъ слободъ и съ патріаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ и съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, и съ задворныхъ людей.*“

относительно возраста лицъ призываемыхъ, такъ и относительно ихъ положенія въ семьѣ. Такое распространительное толкованіе непосредственно вытекаетъ изъ общаго духа всего законодательства о рекрутскихъ наборахъ: цѣль его—усиленіе арміи, а потому ясно, что чѣмъ большее число гражданъ подлежитъ повинности, тѣмъ лучше достигается эта цѣль; отсюда должно заключить, что здѣсь всякія изъятія и ограниченія тогда лишь могли имѣть мѣсто, когда они прямо были установляемы самимъ закономъ.

Д) *Въ завѣдываніи наборовъ*. Указы о всѣхъ наборахъ посылались въ города къ наборщикамъ или, какъ сказано въ указѣ о пятомъ наборѣ: «въ города къ прежнимъ наборщикамъ». Отсюда ясно, что стольники, посланные для производства перваго набора, остались на станціяхъ въ слѣдующихъ годахъ, производя дальнѣйшіе наборы по присылаемымъ указамъ [48]). Причиною такого явленія было то, что первый наборъ не былъ производствомъ оконченъ до 1710 г.: несмотря на угрозы штрафами, отдатчики не выставляли сполна всѣхъ рекрутъ во все это время [49]). Въ послѣдствіи указы повелѣваютъ только собирать недоимки, не упоминая о штрафахъ. Что касается до правъ и обязанностей наборщиковъ въ это время, размѣщенія рекрутъ по станціямъ, ихъ обученія и содержанія, то ни одинъ указъ не постановляетъ никакихъ измѣненій въ правилахъ объ этомъ, установленныхъ при первомъ рекрутскомъ наборѣ.

Таковы тѣ пункты, въ которыхъ указы о послѣдующихъ наборахъ сходны съ указомъ 20 февр. 1705 г. Основанія были тѣ же; измѣненія касались частностей: во-1) всеобщность наборовъ иногда измѣнялась въ ограниченіе извѣстною мѣстностью: пятый наборъ производился только съ городовъ Московской губ. и съ тѣхъ городовъ и уѣздовъ сопредѣльныхъ съ нею губерній, которые «...къ Московской губерніи *способны*», т.-е. съ тѣхъ, которые хотя и не принадлежали къ району Московской губ., но и прежде еще въ отношеніи рекрутскихъ наборовъ находились въ одномъ управленіи съ Московскимъ уѣздомъ; во-2) въ послѣдующихъ наборахъ появляется идея объ освобожденіи отъ повинности тѣхъ разрядовъ лицъ и мѣстностей, которыя отбывали какую-либо личную службу. Эта идея, впрочемъ, не установлена ни въ одномъ указѣ, а проявляется отдѣльными случаями [50]). Наоборотъ, мѣстности

---

[48]) Московскій уѣздъ и города отстоящіе на 100 в. отъ Москвы завѣдывались попрежнему самимъ Помѣстнымъ Приказомъ, но въ сборщики были посылаемы иногда дьяки этаго Приказа (См. указъ 4-го набора), а иногда изъ Разряда (П С. З. № 2.217).

[49]) Въ указахъ о всѣхъ наборахъ, начиная съ третьяго, говорится о взиманіи рекрутскихъ недоимокъ предыдущихъ, а въ томъ числѣ и перваго наборовъ.

[50]) Такъ, отъ поставки рекрутъ въ 3 и 4 наборы были освобождены каменьщики и кирпичники, которые по наряду работали въ новозавоеванныхъ городахъ, каковы, напр., Петербургъ, Шлюссельбургъ и др., а равно тѣ города,

почему-либо не попавшія прежде въ раскладку въ послѣдствіи привлекаются къ ней и за прошлое время. Отсюда, въ послѣдующихъ указахъ являются *льготы* для однихъ разрядовъ лицъ и мѣстностей и *уравнительный наборъ* для другихъ [51]). Въ 3) въ указѣ четвертаго набора установлено измѣненіе относительно взиманія провіанта для рекрутъ съ отдатчиковъ: провіантъ всюду, кромѣ Московскаго уѣзда, велѣно взимать не натурою, а деньгами по мѣстнымъ цѣнамъ, но это постановленіе не было, однакожь, твердымъ правиломъ, ибо на слѣдующій же годъ, въ указѣ о пятомъ наборѣ, провіантъ деньгами предписано было брать только въ томъ случаѣ, если запаснаго провіанта на станціи могло хватить для прокормленія рекрутской партіи впредь на 4 мѣсяца. Наконецъ, въ 4-хъ) частные случаи побѣговъ рекрутъ заставили правительство установить поручительство, которое еще не перешло въ позднѣйшую круговую поруку рекрутъ другъ по другѣ (о ней будетъ сказано ниже), а касалось отдатчиковъ [52]).

Таковъ порядокъ производства рекрутскихъ наборовъ до измѣненія въ нихъ 1710 г., и таково отношеніе дальнѣйшихъ наборовъ къ первому. Но мы исключили изъ этого очерка наборъ 1706 г. на томъ основаніи, что онъ существенно разнится отъ остальныхъ. Разсмотримъ порядокъ его производства и отмѣтимъ тѣ пункты, въ которыхъ высказывается упомянутая разница.

Прежде всего надобно замѣтить, что указъ втораго набора яснѣе, нежели всѣ остальные, выражаетъ мысль о равномѣрности распредѣленія воинской повинности. Несшіе лично службу были обложены въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, нежели тѣ, которые по болѣзни, старости и другимъ условіямъ не несли или не могли ее нести; равнымъ образомъ, здѣсь

которые были приписаны къ кораблестроенію, сосредоточенному въ то время на Олонецкой и Воронежской верфяхъ; причина такого исключенія прямо выражена въ указахъ: „...для того, что были у дѣлъ и въ тѣхъ городахъ на работѣ всегда“.

[51]) Такое уравненіе встрѣчается въ указѣ 3 набора: съ низовыхъ городовъ велѣно было взять рекрутъ не только въ 3-й но и во 2-й наборъ, въ который съ нихъ не было взято въ 1706 г. Были и другіе уравнительные наборы, которые обусловливались бо́льшимъ имущественнымъ благосостояніемъ мѣстности и выражались увеличеніемъ размѣра взиманія: такъ, съ Московскаго уѣзда и съ городовъ отстоящихъ отъ Москвы на 100 верстъ предписано было въ 4-й наборъ взять съ 10 дворовъ человѣка (Боярскій приговоръ 9 декабря 1708 г. П. С. З. № 2.217); пятый же наборъ, какъ мы видѣли, весь былъ ограниченъ извѣстною мѣстностью. Уравнительный характеръ имѣетъ также нерѣдкое въ указахъ того времени освобожденіе С.-Петербургской губ. отъ рекрутскихъ наборовъ.

[52]) „..... Набрать ... въ пятый наборъ, съ того же указнаго числа по переписнымъ книгамъ 186 году, съ 20 дворовъ человѣка, *добрыхъ и человѣчныхъ и въ службу годныхъ съ поруками по указу*“, т.-е. поруки брались при взиманіи рекрутъ, и, конечно, онѣ брались отъ того, чьи были рекруты.

проводится весьма ясно идея, что каждый долженъ нести тягости служенія государству сообразно своимъ дѣйствительнымъ средствамъ. Въ этомъ отношеніи указъ раздѣляетъ свои требованія и лица, къ которымъ они предъявляются, вопервыхъ, на *два отдѣленія*, основаніемъ различія которыхъ служитъ число дворовъ, находящихся во владѣніи извѣстнаго помѣщика или вотчинника: къ первому отдѣленію принадлежатъ всѣ, имѣющіе 20 дворовъ и болѣе, а ко второму всѣ, имѣющіе менѣе 20 дворовъ; вовторыхъ каждое отдѣленіе распадается *на двѣ статьи* по отношенію къ личной службѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Требованія относительно лицъ, во владѣніи которыхъ находилось 20 дворовъ и болѣе.

Ст. 1-я. Сюда указъ причисляетъ всѣхъ служилыхъ людей, какъ московскихъ, такъ и городовыхъ, какъ высшихъ сановниковъ (бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей), такъ и низшихъ служилыхъ людей (дворянъ), но подъ непремѣннымъ условіемъ личной службы. Съ этихъ лицъ указъ предписываетъ взять человѣка съ 300 дворовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, льготы для нѣкоторыхъ изъ лицъ, бывшихъ на службѣ, еще болѣе расширены: лица, проведшія зиму 1706 г. на государственной службѣ и во время изданія указа находившіяся на ней, были совершенно освобождены отъ всѣхъ требованій втораго набора; впрочемъ и тѣмъ, которые, не зимовавъ въ походѣ, во время изданія указа жили по домамъ предоставлено право отсрочки [53]).

Ст. 2-я. Далѣе, указъ, постановляя большій размѣръ взиманія, а именно—100 дворовъ, подводитъ подъ эту категорію всѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые почему-либо не несли или не могли нести службы лично, перечисляетъ слѣдующія лица: старыхъ, увѣчныхъ, отставныхъ, вдовъ, дѣвокъ, недорослей, Строгонова и купецкихъ людей.

Не говоря уже о томъ, что купцы пріобрѣтали себѣ куплей поземельную собственность въ вотчины, они иногда награждались помѣстьями. Напримѣръ, въ 1687 г., при заключеніи мира съ Польшей, купецкіе люди за многія имущественныя пожертвованія въ пользу государства во время предшествующихъ войнъ были пожалованы помѣстными и денежными окладами значительныхъ размѣровъ [54]) или еще ранѣе, въ 1681 г., такое же пожалованіе купцовъ было по случаю мира съ Турціей [55]). Отсюда, понятно, отчего купцы поставлены наряду съ помѣщиками, которые почему-либо не отбывали службы лично; они находились въ совершенно-одинакихъ съ послѣдними отношеніяхъ къ государству.

---

[53]) Им. ук. 25 іюля. П. С. З. № 2.113.

[54]) Им. 17 января. П. С. З. № 1.233.

[55]) См. тамъ же.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ состоялось дополненіе указа 2-го марта, по которому подъ категорію неслужащихъ лично подведены были всѣ лица, находившіяся въ гражданской службѣ, а не въ войскѣ, какъ-то: комнатные стольники, обязанностью которыхъ было прислуживаніе государю въ частной его жизни [56]), областные воеводы, судьи въ приказахъ, дьяки, подьячіе, дворовый и конюшенный чинъ [57]), переводчики и толмачи; кромѣ того, сюда же причислены были всѣ недоросли, находившіеся въ школахъ [58]).

Если число дворовъ даннаго владѣльца, принадлежавшаго къ той или другой статьѣ, было ниже установленной нормы, то указъ предписываетъ нѣсколькимъ такимъ мелкопомѣстнымъ сосѣдямъ отправлять повинность складчиной.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Требованія указа относительно лицъ, во владѣніи которыхъ находилось менѣе 20 дворовъ.

Ст. 1-я. Тѣ же лица, которыя причислены нами къ 1-й ст. предыдущаго отдѣла, должны быть поименованы и здѣсь. Съ такихъ мелкопомѣстныхъ указъ предписываетъ взимать деньгами по 2 алтына 2 деньги со двора [59]).

Ст. 2-я. Лица, которыхъ мы причисляемъ ко второй статьѣ, обязаны были платить по 6 алтынъ 4 деньги съ двора [60]). Мотивъ этого постановленія былъ тотъ же, какой мы указали для соотвѣтствующей статьи предыдущаго отдѣленія, но текстъ означенныхъ указовъ въ этомъ мѣстѣ требуетъ объясненія. Говоря объ этой категоріи лицъ, указъ не упоминаетъ о купецкихъ людяхъ: онъ перечисляетъ только старыхъ увѣчныхъ и отставныхъ помѣщиковъ, а равно вдовъ и дѣвокъ.

Причина такого неупоминанія, какъ кажется, состоитъ въ размѣрѣ пожалованія купцовъ помѣстными окладами, которое никогда не было менѣе 20 дворовъ.

Отсюда ясно, что требованія втораго набора, предъявляемыя купецкимъ людямъ, относятся только къ купцамъ-помѣщикамъ.

---

[56]) См. Иванова *Систематич. Обозр.*, стр. 117 и сл.

[57]) Къ дворовому чину принадлежали всѣ чиновники, которые завѣдывали дворцовыми имѣніями, принадлежностями царскаго стола, постели, гардероба; таковы: дворецкій, кравчій, стряпчіе, постельничій, спальники и др.; въ конюшенномъ же чинѣ находились всего два чиновника: *конюшій*, въ распоряженіи котораго состояли царскія конюшни, съ опредѣленнымъ штатомъ чиновниковъ, и волости, и *ясельничій*, помощникъ его. *Систематич. Обозр.*, стр. 115—122.

[58]) Им. ук. 28 апрѣля. П. С. З. № 2.103.

[59]) См. также. П. С. З. № 2.104.

[60]) См. также. П. С. З. №№ 2.103 и 2.104.

Такова градація лицъ и требованій по указу втораго набора. Легко усмотрѣть, какъ существенно разнится этотъ наборъ отъ предъидущаго, перваго, и всѣхъ послѣдующихъ. Онъ составляетъ какъ бы поворотъ къ прежнему порядку вещей, когда существовалъ исключительный классъ служилыхъ людей на помѣстномъ правѣ. Всеобщность призыва къ государственной службѣ, установленная въ указѣ 20 февраля 1705 г., здѣсь нарушается, ибо къ службѣ призываются только люди служилыхъ людей всѣхъ ранговъ, чиновъ и состояній и купцовъ-помѣщиковъ; о посадахъ и уѣздахъ, а равно о вотчинахъ духовнаго вѣдомства, нѣтъ и помина. Дальнѣйшія различія неособенно важны, а потому мы на нихъ и не будемъ останавливаться [61]).

Что касается до порядка производства втораго набора, то въ этомъ отношеніи указъ установляетъ *правило* и *исключенія*.

Правило. Даточныхъ и деньги вмѣстѣ съ сказками о дворовомъ числѣ предписано было доставлять самимъ владѣльцамъ лично въ Военный Приказъ.

Исключенія. Но жители отдаленныхъ отъ Москвы областей были уволены отъ такой личной доставки, имъ разрѣшено было рекрутъ ставить и деньги платить по мѣсту жительства: «въ городѣхъ, гдѣ кто изпомѣщенъ», при этомъ, если близка была рекрутская станція, то рекруты сдавались и деньги платились наборщикамъ, въ противномъ случаѣ воеводамъ, которые доставляли ихъ въ Военный Приказъ.

Такой порядокъ отбыванія повинности разрѣшенъ, впрочемъ, и жителямъ болѣе близкихъ къ Москвѣ мѣстностей, по причинѣ наступленія весны и порчи путей.

Само собою разумѣется, что большею частію этотъ наборъ лежалъ на воеводахъ — какъ потому, что рекрутскія станціи были въ рѣдкихъ городахъ, такъ и потому, что у наборщиковъ было еще много хлопотъ по первому набору: сборъ недоимочныхъ рекрутъ и исполненіе на станціяхъ количества взятыхъ въ разныя мѣста отнимали у нихъ много времени. Вслѣдствіе этого отвѣтственность за неисправности взиманія была возложена на воеводъ: они должны были понуждать отдатчиковъ къ скорѣйшему исполненію, и за медленность указъ угрожаетъ имъ жестокимъ наказаніемъ.

Если въ неисправности виноваты были отдатчики, то указъ опредѣлялъ послѣднимъ то же наказаніе, какое опредѣлено было по указу 20 февраля 1705 г., т.-е. въ такомъ случаѣ рекрутъ и деньги предписано было взимать вдвое.

Срокъ окончательной поставки рекрутъ и уплаты денегъ опредѣленъ былъ въ мартѣ, а для дальнихъ — въ апрѣлѣ, но потомъ окончательное исполненіе отсрочено было до 11 іюля того же года [62]).

---

[61]) Впрочемъ, см. П. С. З. №№ 2.106 и 2.110.

[62]) См. П. С. З. № 2.113.

Если теперь резюмируемъ все сказанное о рекрутскихъ наборахъ до преобразованія 1710 г., то получится общее правило—наборы, организованные по указу 20 февраля 1705 г., и исключеніе—второй наборъ. На основаніи сказаннаго мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Рекрутскіе наборы въ первую эпоху своего учрежденія производились подъ центральнымъ вѣдомствомъ Помѣстнаго Приказа присланными отъ него наборщиками, которые оставались въ областяхъ до самаго преобразованія 1710 г. и пользовались значительными полномочіями какъ относительно областной администраціи, такъ и по отношенію къ подчиненнымъ имъ рекрутамъ и лицамъ, помогавшимъ имъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей.

2) Въ рекруты брались лица податныя не свыше 30 лѣтъ со всѣхъ классовъ общества по дворовому числу, каковымъ владѣли отдѣльные собственники или цѣлыя общины, причемъ единицей сбора было 20 дворовъ, а основаніемъ служила перепись 1678 г.; исключенія изъ этой всеобщности дѣлались иногда въ уваженіе личной службы и другихъ личныхъ повинностей гражданъ.

3) Рекруты снабжались указнымъ количествомъ провіанта, что въ послѣдствіи перешло изъ натуральной повинности въ денежную, и аммуниціей; они ставились на станціяхъ, учрежденныхъ въ городахъ еще въ 1705 г. по усмотрѣнію наборщиковъ; тамъ они жили подъ непосредственнымъ начальствомъ послѣднихъ и обучались ратному строю нарочно для того командированными отставными солдатами и урядниками.

4) Для окончательнаго исполненія обыкновенно назначались сроки, а за просрочку виновнымъ опредѣлялось наказаніе, которое для отдатчиковъ увеличивало размѣръ взиманія вдвое.

Всѣ наборы, которые мы до сихъ поръ разсматривали, были предназначены для организаціи и укомплектованія арміи вообще, независимо отъ частныхъ случаевъ, но въ періодъ до 1710 г., кромѣ того, было еще нѣсколько наборовъ, предназначенныхъ для частныхъ цѣлей или для укомплектованія какой-либо отдѣльной части арміи. По различію цѣлей, отчасти выраженному въ самихъ указахъ, отчасти подразумѣваемому, мы и называемъ эти послѣдніе наборы *частными*.

Такихъ *частныхъ* наборовъ было въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ (1705 и 1706 г.) *четыре;* изъ нихъ *два* были опредѣлены для извѣстнаго случая — для Шведской войны, а *два* — для укомплектованія извѣстной части войска—кавалеріи.

Первый частный наборъ состоялся вскорѣ послѣ перваго общаго, а именно 3 мая 1705 г. [63]); ему подлежали всѣ служилые люди и вотчинники во всемъ государствѣ, а въ *окрестностяхъ* Москвы, т.-е. въ мѣстностяхъ, отстоящихъ отъ Москвы только на 100 верстъ, и уѣзд-

---

[63]) П. С. З. № 2.049.

ные люди. Что касается до основанія размѣра и порядка набора, то въ этомъ отношеніи онъ былъ сходенъ съ наборами общими.

Второй частный наборъ состоялся въ іюлѣ того же года [64]). Цѣлью его было охраненіе нашихъ сѣверозападныхъ границъ отъ нападенія со стороны Швеціи: рекруты, расположенные по полкамъ, должны были идти въ Новгородъ; отдатчики должны были снабдить ихъ провіантомъ на все время пути и подъемными деньгами. Лица, съ которыхъ были взимаемы рекруты въ этотъ наборъ, суть тѣ же, которыя въ послѣдствіи были поименованы въ указѣ о второмъ наборѣ. Размѣръ взиманія—80 дворовъ, ставить рекрутъ были обязаны сами отдатчики, если они принадлежали къ низшимъ чинамъ, а *палатные люди*, т.-е. высшіе чины, ставили ихъ чрезъ своихъ прикащиковъ. Въ остальномъ этотъ частный наборъ ничѣмъ существенно не разнится отъ порядка общихъ наборовъ.

Остальные два набора обращены были къ духовному вѣдомству: въ началѣ іюля того же года съ вотчинъ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря предписано было собрать со 150 дворовъ по мерину и со 100 дворовъ по человѣку [65]), а въ іюнѣ 1706 г. назначенъ былъ наборъ драгунъ съ вотчинъ и лицъ духовнаго вѣдомства вообще [66]).

Указы объ этихъ наборахъ слѣдовали изъ Военнаго Приказа въ Монастырскій, который и завѣдывалъ ими, причемъ собранные драгуны были приводимы въ Монастырскій Приказъ, куда для обученія ихъ строю изъ Военнаго Приказа были присылаемы офицеры [67]).

Упраздненіе наборщиковъ, происшедшее по силѣ указа 9 февраля 1710 г., было сдѣлано не въ видахъ необходимости измѣненій въ системѣ рекрутскихъ наборовъ, а потому, по мотивамъ, и не могло быть названо преобразованіемъ послѣдней: оно просто произошло вслѣдствіе того, что наборщики понадобились на дѣйствительной службѣ и были вытребованы въ армію; наборы остановились. Изъ указовъ мы видимъ, что такое вытребованіе случалось и прежде, однако измѣненій относительно рекрутскихъ наборовъ никакихъ не было, вѣроятно потому, что или отлучки наборщиковъ были не столь продолжительны, или въ наборахъ не было особенно-настоятельной нужды; напротивъ, въ 1710 г. Помѣстный Приказъ, какъ выше было сказано, вынужденнымъ нашелся войти объ этомъ предметѣ съ доношеніемъ, испрашивая указа, какъ поступать впредь, т.-е. кому передать производство наборовъ. Въ видахъ того, что наборщики могли часто быть требуемы на службу, а

---

[64]) П. С. З. № 2.065.

[65]) А. М. Ю. Дѣла Монастырскаго Приказа, вязка 226, № 10.

[66]) Тамъ же, вязка 230, № 30.

[67]) Такъ въ 1706 году былъ присланъ изъ Военнаго Приказа поручикъ Тютчевъ (тамъ же).

наборы могли чрезъ то замедляться, ближе всего было поручить это дѣло областнымъ начальникамъ, губернаторамъ. Такъ и было сдѣлано.

Наборщики были представителями Помѣстнаго Приказа въ областяхъ, т.-е. собственно единственнымъ вѣдомствомъ по рекрутскимъ наборамъ былъ прежде Помѣстный Приказъ, а наборщики не были областными начальниками наборовъ, — они были лишь чиновниками, осуществлявшими власть Приказа—всѣ права и преимущества принадлежали имъ только, какъ таковымъ; тамъ же, гдѣ Помѣстный Приказъ не нуждался въ представительствѣ, гдѣ онъ могъ дѣйствовать самъ, какъ въ Московскомъ уѣздѣ и городахъ, близкихъ къ нему, наборщики, кто бы они ни были, являлись простыми пріемщиками рекрутъ и, вообще, исполняли тѣ низшія функціи набора, которыя въ областяхъ, по указу 20 февраля 1705 г., лежали на обязанности командируемыхъ отъ наборщиковъ служилыхъ людей [68]).

Это доказываетъ, что вмѣстѣ съ упраздненіемъ наборщиковъ была упразднена и власть Помѣстнаго Приказа, къ тому же этотъ Приказъ скоро утратилъ совершенно свое центральное значеніе и былъ подчиненъ Московской губернской канцеляріи, а при такомъ условіи онъ, конечно, не могъ распространять своей власти на другія губерніи. Итакъ, рекрутскіе наборы были переданы по областямъ въ руки губернаторовъ, и въ 1711 г. перешли въ центральное завѣдываніе Сената вмѣстѣ съ другими дѣлами губернскаго вѣдомства.

Въ Москвѣ и Московской губ. рекрутскіе наборы были отданы въ вѣдѣніе Военнаго Приказа; иногда же ими завѣдывали Губернская канцелярія и Помѣстный Приказъ [69]).

---

[68]) Въ тѣхъ указахъ, въ которыхъ говорится о наборахъ съ Московскаго уѣзда (см. указъ 4 набора, 18 ноября 1708 г., и указъ, помѣщенный въ П. С. З. подъ № 2.217), не упоминается о наборщикахъ стольникахъ, а упоминаются сборщики, дьяки Помѣстнаго Приказа или Разряда. Ясно, что эти послѣдніе, какъ низшіе чинами, завѣдывали лишь второстепенными функціями наборовъ при областной зависимости отъ Помѣстнаго Приказа. При этомъ мы видѣли, что наборщики-стольники производили наборы до 1710 г., но сборщики Московскаго уѣзда были командируемы всякій разъ особо: такъ въ указѣ 4-го набора Помѣстному Приказу предписывается послать по городамъ Московскаго уѣзда дьяковъ для сбора, подобное же распоряженіе встрѣчается и въ указѣ подъ № 2.217. Это происходило оттого, что тамъ не было *наборщиковъ*: ихъ замѣнялъ Помѣстный Приказъ, а были лишь *сборщики*, не составлявшіе постояннаго персонала.

[69]) 30-го апрѣля 1711 г. предписано было набрать *третныхъ* дворовыхъ людей (т.-е. отъ двухъ третьяго) не въ зачетъ общаго обыкновеннаго набора (въ 1711 г. былъ 8-й наборъ), при этомъ въ Московской губерніи этотъ *третной* наборъ былъ порученъ Военному Приказу, а общій 8-й—Губернской канцеляріи и Помѣстному Приказу (А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 12, л. 675. Ср. П. С. З. № 2.355). Вслѣдствіе этого, всѣ распоряженія по 8-му набору, касавшіяся его производства въ Московской губ., были дѣлаемы изъ Губернской канцеляріи

Для сборовъ рекрутъ по городамъ Московской губ. посылались особые сборщики, бывшіе подъ начальствомъ Военнаго Приказа. Эти сборщики были служилые люди, и, когда ихъ требовали на службу, производство наборовъ переходило въ руки губернатора и уѣздныхъ начальниковъ на общемъ основаніи; власть Военнаго Приказа на время прекращалась, подобно тому, какъ съ упраздненіемъ наборщиковъ 1705 г. прекратилась власть Помѣстнаго Приказа по рекрутскимъ наборамъ [70]).

(примѣръ см. тамъ-же, кн. 3, л. 435: о производствѣ 8-го набора съ вотчинъ духовнаго вѣдомства Московской губ. указъ былъ посланъ въ Монастырскій Приказъ изъ Губ. канц.); доношенія въ Сенатъ о производствѣ не только 8-го, но и частныхъ наборовъ 1711 г. слѣдуютъ изъ Помѣстнаго Приказа (примѣръ см. тамъ же л. 512—520: Помѣстный Приказъ доноситъ Сенату отъ 10-го сентября того же года объ отправленіи въ Рижскій гарнизонъ рекрутъ, причитавшихся съ Московской губ. вообще.)

[70]) *Доношеніе изъ Военнаго Приказа Сенату.* „Въ прошломъ 710 г. февр. въ 9 день по Именному В. Г. указу рекрутному дѣлу Московской губ., бывшему въ Помѣстномъ Приказѣ, въ вѣдѣніи быть въ Воинскомъ Приказѣ, для чего въ оный изъ Помѣстнаго о сборахъ рекрутныхъ вѣдомости присланы и изъ доимки по симъ вѣдомостямъ пяти наборовъ да шестаго и нынѣшняго *десятнаго* набора *велѣно собрать* всего 31,497 человѣкъ. (*Десятный* наборъ, т.-е. съ 10 дворовъ, произведенъ былъ по силѣ указа 1-го февр. 1711 г. съ Московскаго уѣзда и ближнихъ къ нему 27 городовъ. Этотъ указъ не помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Зак. и значится въ упомянутомъ доношеніи). И въ то число собрано 18,215 человѣкъ, а за тѣмъ въ доимкѣ и съ остаточнымъ за сборомъ помянутыхъ 18,215 челов., указнымъ числомъ—46,246 челов., и тѣхъ рекрутъ набирать ли, *и наборщиковъ къ Москвѣ-ль взять* или тотъ наборъ одержать, пока тѣхъ рекрутъ спросятъ, и впредь *тому* набору гдѣ быть, Великій Государь что укажетъ? (Для насъ здѣсь важны: во 1-хъ, вопросъ о томъ, взять-ли наборщиковъ къ Москвѣ, и во 2-хъ, указаніе на то, что рѣчь идетъ только о производствѣ этого доимочнаго набора, а не наборовъ вообще.) *Приговоръ.* „1711 г. марта въ 15 день по указу Великаго Государя Вышній Правительствующій Сенатъ, въ консиліи слушавъ сего изъ Воинскаго Приказу доношенія, приговорили:..... наборщикомъ въ городѣхъ Московской губ. больше рекрутъ не сбирать, и для того имъ быть (т.-е. въ Москву: отвѣтъ на вопросъ) и наличныхъ сбору своего рекрутъ купно съ рублевыми деньгами и съ мундиромъ, также взявъ на нихъ провіанту на мѣсяцъ, привесть съ собою къ Москвѣ, немотчавъ, и объявить о тѣхъ рекрутныхъ и рублевыхъ деньгахъ и о мундирѣ и провіантѣ и при томъ наборныя ихъ книги и подлинное о томъ вѣдѣніе за своими руками подать въ вышепомянутомъ Воинскомъ Приказѣ; а которой збору ихъ, также и прежнихъ рекрутныхъ наборовъ провіантъ въ городѣхъ у тѣхъ наборщиковъ въ вѣдѣніи былъ, и тотъ купно съ цѣловальники, которые у пріему того провіанта были, отдать имъ въ тѣхъ городахъ воеводамъ съ росписками, а что по вышеписанному доношенію рекрутовъ Помѣстнаго и Воинскаго Приказовъ съ тѣхъ Московской губерніи городовъ собрать доведется, и тѣхъ велѣть добирать тѣхъ городовъ воеводамъ неоплошно; также въ которыхъ городѣхъ нынѣ и наборщиковъ не было, и збирали помянутыхъ рекрутъ они жъ, воеводы, и имъ о присылкѣ наличныхъ набору своего рекрутъ въ Москвѣ со всѣмъ, съ чѣмъ надлежитъ, въ

Но наборщики, или сборщики, были не во всѣхъ городахъ Московской губ.: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣло это поручалось мѣстнымъ уѣзднымъ начальникамъ, которые въ данномъ случаѣ играли роль сборщиковъ и, какъ таковые, были въ зависимости отъ Военнаго Приказа. [71]) Такъ продолжалось до начала 1713 г., когда временное постановленіе 15 марта 1711 г. обратилось въ постоянное, и рекрутскіе наборы были переданы навсегда въ руки московскаго губернатора и уѣздныхъ начальниковъ [72]), а слѣдовательно Московская губ. въ этомъ отношеніи была совершенно сравнена съ остальными.

Сборами рекрутъ съ монастырскихъ, патріаршихъ и архіерейскихъ вотчинъ Московской губ. завѣдывалъ постоянно Помѣстный Приказъ, что, какъ выше было указано, особенно подтверждено было Сенатскимъ указомъ 31-го августа.

Изъ общаго характера измѣненія, происшедшаго по указу 9-го февраля, насколько оно изъяснено выше, само собою разумѣется, что губернаторы, наслѣдовавшіе власть рекрутскихъ наборщиковъ 1705, или представлявшагося ими Помѣстнаго Приказа, должны были безъ измѣненія унаслѣдовать ихъ права и обязанности.

Губернаторъ былъ центромъ системы, общимъ для всей губерніи, по уѣздамъ же были частные центры въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ. Губернаторъ руководилъ наборами,—къ нему присылались указы о нихъ и на немъ лежала отвѣтственность за оплошное и медленное ихъ производство; онъ наблюдалъ за правильностью и скоростью ихъ. Непосредственное производство наборовъ поручалось особымъ довѣреннымъ лицамъ, которыхъ губернаторы и уѣздные начальники посылали по уѣздамъ. Эти лица на дѣловомъ языкѣ того времени назывались наборщи-

---

Воинскій Приказъ съ нарочными своими велѣть учинить противъ вышеписаннаго ... а впредь *тотъ вышеписанной рекрутной наборъ* Московской губерніи вѣдать во всемъ Управителю той губерніи, Василію Ершову". (А. М Ю. Дѣла Сената, кн. 1-я, л. 68—72). Итакъ, какъ изъ доношенія Военнаго Приказа, такъ и изъ Сенатскаго приговора явствуетъ, что распоряженіе это есть временная мѣра: на время Военный Приказъ устраненъ отъ производства рекрутскихъ наборовъ, которое передано мѣстному губернскому начальству. Это устраненіе произошло отъ того, что, по случаю уже начавшейся войны съ Турціей, всѣ служилые люди, а слѣдовательно и наборщики Московской губ., понадобились на службѣ. Предвидя это, Военный Приказъ и вошелъ въ Сенатъ съ доношеніемъ относительно набора, который долженъ будетъ остановиться по случаю вызова наборщиковъ, что дѣйствительно и случилось вскорѣ послѣ этой переписки: наборщики потребованы въ Бѣлгородскій полкъ 24 апрѣля (тамъ же, л. 315—318).

[71]) См. предъидущее примѣчаніе: въ приговорѣ Сената, „также въ которыхъ городѣхъ нынѣ и наборщиковъ не было и т. д."—То же будетъ указано на примѣрѣ ниже.

[72]) Сен. 28 генв. 1713 г. П. С. З. № 2.639.

ками; само собою разумѣется, что это названіе имъ принадлежало не въ томъ смыслѣ и не съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ оно принадлежало стольникамъ 1705 г.: по значенію и смыслу они были сходны съ упомянутыми выше сборщиками Помѣстнаго Приказа въ Московскомъ уѣздѣ [73]). Поэтому мы, чтобы не смѣшивать этихъ наборщиковъ съ наборщиками 1705 г., всюду называемъ ихъ сборщиками. Такой порядокъ производства наборовъ былъ необходимъ въ видахъ того, что сами областные начальники не могли быть наборщиками. Еще яснѣе эта необходимость была для наборовъ Московской губерніи до 1713 г., гдѣ ими завѣдывало не лицо, а учрежденіе, — и дѣйствительно, упоминанія о сборщикахъ городовъ Московской губ. встрѣчаются часто въ памятникахъ, а въ одномъ изъ нихъ, относящемся къ 1712 г., даже поименованы сборщики, бывшіе въ уѣздѣ Переяславля Залѣсскаго въ 1710 и 1711 г. [74]) Одною изъ главныхъ обязанностей губернаторовъ былъ смотръ рекрутъ. Губернаторы должны были сами осматривать рекрутскія партіи въ предупрежденіе того, чтобы въ числѣ рекрутъ не было лицъ, по возрасту, здоровью или умственнымъ способностямъ не годныхъ къ службѣ. Бывали примѣры, что въ рекруты сдавали такихъ, которые *и въ крестьянахъ быть негодны*; это происходило, конечно, отъ желанія владѣльцевъ и общинъ лишаться по крайней мѣрѣ такихъ людей, которые и имъ не могли приносить пользы, и тѣмъ облегчать бремя тяжкихъ наборовъ. Въ видахъ этого правительство и вмѣняло губернаторамъ въ непремѣнную обязанность смотры рекрутскихъ партій. Въ послѣдствіи эта обязанность была точнѣе опредѣлена, и губернаторамъ дозволено было въ города, дальніе отъ ихъ мѣстожительства, для смотровъ посылать довѣренныхъ людей; на этихъ посланцевъ уже падала и вся отвѣтственность въ годности осмотрѣнныхъ рекрутскихъ партій. Иногда же для осмотра и пріема рекрутъ въ мѣсто сбора данной губерніи посылались изъ Москвы нарочные, которые вмѣстѣ съ мѣстными губернаторами должны были писать въ Сенатъ о пріемѣ, состояніи, размѣщеніи по квартирамъ, и т. п. рекрутскихъ партій. Такъ, въ началѣ 1712 г. для освидѣтельствованія и пріема рекрутъ, назначенныхъ для укомплектованія дивизіи Рѣпнина, центромъ которой былъ Смоленскъ, посланъ бызъ изъ Москвы служилый человѣкъ Канбаръ Акинфовъ; ему вмѣнено было въ обязанность принять число, необходимое для укомплектованія дивизіи, а остальныхъ рекрутъ размѣстить по станціямъ

---

[73]) Ср. Сен. ук. 12 февр. 1715 г. П. С. З. № 2.884, стр. 146, столб. лѣв.

[74]) Комендантъ Рязанской провинціи Жолобовъ, въ доношеніи своемъ Сенату 1712 г., представляетъ такой списокъ этихъ сборщиковъ за упомянутые два года: въ 1710 г.—капитанъ Василій Тютчевъ, поручикъ Лавръ Колодничевъ, оберъ-коммиссаръ Михаилъ Аргамаковъ, *оберъ-комендантъ Степанъ Пятовъ;* въ 1711 г.—Пятовъ, поручикъ Иванъ Наумовъ, поручикъ Илья Кобяковъ, *оберъ-комендантъ Григорій Петрово-Соловово.* А. М. Ю. Дѣло Сен. (кн. 153, л. 6—12.)

до указа. [75]) Рекрутамъ дѣлались именные списки, которые, будучи закрѣплены подписями губернаторовъ или упомянутыхъ довѣренныхъ лицъ, отдавались партіоннымъ офицерамъ при отправленіи партій въ мѣста назначенія. Указы возлагаютъ всю отвѣтственность по этому предмету безраздѣльно на губернаторовъ или довѣренныхъ отъ нихъ лицъ. Второстепенные правители могли въ этомъ дѣлѣ лишь замѣнять губернаторовъ, если послѣдніе были въ отлучкахъ: тогда они производили смотры и скрѣпляли своими подписями именные рекрутскіе списки; тогда на нихъ же лежала и отвѣтственность въ годности партій. Если же губернаторы были налицо, второстепенные правители могли принимать участіе въ этой обязанности только въ качествѣ лицъ довѣренныхъ [76]). Хорошее содержаніе рекрутъ, какъ на мѣстѣ, такъ и во время похода, было признано закономъ въ числѣ важнѣйшихъ губернскихъ дѣлъ, и за неисправности, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, по этому дѣлу губернаторамъ угрожало *жестокое наказаніе*. Но отвѣтственность за хорошее содержаніе рекрутъ, какъ увидимъ ниже, падала на губернаторовъ только до тѣхъ поръ, пока рекруты могли быть содержимы на губернскій счетъ: при отправленіи въ походъ къ мѣстамъ назначенія губернаторы должны были предусмотрѣть все, что могло быть предусмотрѣно, т.-е. снабдить партію достаточнымъ количествомъ денегъ, провіанта и фуража, озаботиться изготовленіемъ подводъ и судовъ, а затѣмъ уже всѣ дальнѣйшія распоряженія, а потому и дальнѣйшая отвѣтственность, были возлагаемы на партіонныхъ офицеровъ. Такимъ образомъ, главная забота губернатора о рекрутахъ была тогда, когда они находились въ предѣлахъ его губерніи, гдѣ были размѣщены по станціямъ.

Станціи не были пунктами, разъ на всегда учрежденными въ какихъ-либо мѣстахъ: положеніе и число ихъ въ каждой губерніи обусловливалось даннымъ случаемъ, такъ, мы знаемъ примѣръ, что въ 1713 г. число станцій въ одной и той же губерніи измѣнилось дважды: въ началѣ этого года въ Смоленской губ. была одна станція въ Дорогобужѣ, къ которой въ этомъ отношеніи были приписаны Смоленскъ, Бѣлый и Рославль, а въ сентябрѣ того же года въ той же губерніи было уже 14 станцій [77]); другой примѣръ измѣненія числа рекрутскихъ станцій одной и той же губерніи относится къ разнымъ годамъ: въ Московской губ. въ 1710 г. было 15 станцій [78]), а въ 1713-мъ ихъ было только

---

[75]) Сен. ук. 5 генв. А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 9-я, л. 35.

[76]) Обо всемъ сказанномъ см. П. С. З. №№ 2.377, 2.443, 2.678, 2.753, 3.000. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 9, л. 111; кн. 16, л. 15.

[77]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 21-я, л. 1.356; 26-я, л. 1.055 и 1.749. Станціи эти помѣщались въ слѣдующихъ городахъ: въ Смоленскѣ, Вязьмѣ, Бѣломъ, Старицѣ, Зубцовѣ, Дорогобужѣ, Мосальскѣ, Козельскѣ, Одоевѣ, Лихвинѣ, Перемышлѣ, Воротынскѣ, Мещевскѣ и Серпейскѣ.

[78]) П. С. З. № 2.251.

13 [79]). Иногда станціями какой-нибудь губерніи назначались ближніе къ ея границѣ города смежной съ нею губерніи или провинціи, такъ что военная власть губернаторовъ распространялась и за предѣлы ихъ губерній, такъ, изъ указаннаго выше примѣра мы видѣли, что въ числѣ станцій Смоленской губ. въ 1713 г. (въ сентябрѣ) былъ Одоевъ, перечисленный уже въ то время къ Воронежской провинціи Азовской губ., (см. 1-ю главу); равнымъ образомъ, въ началѣ 1713 г. въ числѣ станцій Кіевской губ. значится тотъ же Одоевъ и Орелъ, перечисленный уже къ Смоленской губерніи (idem).

Районы станцій были неравномѣрны, а потому въ распространенныхъ районахъ были назначаемы, кромѣ главной, нѣсколько второстепенныхъ станцій: такъ выше было указано, что въ началѣ 1713 г. въ Смоленской губ. къ Доргобужу были приписаны три города, то же встрѣчается и въ другихъ губерніяхъ и провинціяхъ: такъ, въ Кіевской губ. въ то же время къ Бѣлеву были приписаны Болховъ, Мценскъ, Орелъ и Одоевъ, въ Сибирской къ Соли Камской—Пермь, Чердынь и Кайгородъ; въ Воронежской провинціи—къ Ржеву былъ приписанъ Скопинъ, а къ Воронежу—Елецъ, Острогожскъ, Коротоякъ и Романовъ въ степи. Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ не было никакой общей нормы: требованія случая и времени рѣшали дѣло. Въ этомъ отношеніи и вопросъ о рекрутскихъ станціяхъ подвергался общей участи всѣхъ вопросовъ правительственной дѣятельности того времени — эпохи частыхъ перемѣнъ и пробныхъ мѣръ.

Заботы губернскихъ начальствъ относительно рекрутъ, расположенныхъ на станціяхъ, были двоякаго рода: во 1-хъ, содержаніе, во 2-хъ, ученіе строю.

Рекруты на станціяхъ должны были содержаться съ достаточнымъ продовольствіемъ: имъ давались кормовыя деньги и провіантъ. Неисправности и злоупотребленія были постоянными причинами побѣговъ со станцій и преждевременной смертности рекрутъ; поэтому правительство гарантировало исполненіе этой обязанности обѣщаніями строгихъ взысканій. Провіанту и деньгамъ, оставшимся отъ умершихъ или бѣглыхъ рекрутъ, велѣно было на станціяхъ вести приходорасходныя, а мундиру—записныя книги за скрѣпою ландрихтера или за припиской дьяка; эти книги по окончаніи года представлялись въ сенатскую канцелярію. [80]) Помѣщенія для рекрутъ предписывалось отводить удобныя, которыя соотвѣтствовали бы гигіеническимъ условіямъ жизни; особенное вниманіе на это обращено было въ Москвѣ, гдѣ приводимые изъ губерній рекруты были размѣщаемы по монастырямъ и нерѣдко терпѣли крайнюю нужду и страдали разными болѣзнями отъ тѣсноты и духоты келій [81]). Это особенное вниманіе мотивировалось тѣмъ, что въ

---

[79]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 21, л. 1.356.

[80]) П. С. З. № 2.678, ст. 6.

[81]) П. С. З. Тамъ же, ст. 3.

Москвѣ былъ главный центральный пунктъ сбора рекрутскихъ партій, туда онѣ вытребовались изъ губерній и тамъ ожидали дальнѣйшаго о себѣ распоряженія; ясно, что при такомъ наплывѣ особенно необходимы были гигіеническія мѣропріятія.

Рекрутъ на станціяхъ обучали строю, какъ и прежде; для этого присылались изъ Москвы особые офицеры или тѣ изъ старыхъ и увѣчныхъ воинскихъ чиновъ, которые на Сенатскомъ смотру оказались къ службѣ негодными, да и въ богадѣльни не поспѣвшими. Ученіе это должно было идти непрерывно.—Пока рекруты были на станціяхъ, до тѣхъ поръ губернаторы должны были назначать особыхъ офицеровъ, которые слѣдили бы за ихъ поведеніемъ и не допускали ссоръ, дракъ и другихъ безчинствъ, равно не дозволяли имъ дѣлать обиды и притѣсненія хозяевамъ квартиръ [82]). Таковы были обязанности губернаторовъ относительно рекрутъ.

Что касается до порядка производства рекрутскихъ наборовъ, то онъ въ общихъ чертахъ остался прежнимъ, т.-е. рекруты взимались въ опредѣленномъ размѣрѣ и съ опредѣленными мундирными, провіантскими и денежными дачами. Измѣненія въ этихъ началахъ общаго порядка были мотивированы потребностями времени и касались частныхъ вопросовъ.

Рекруты взимались, какъ сказано, попрежнему—въ размѣрѣ, опредѣленномъ указами, но съ тѣмъ различіемъ, что прежде постояннымъ, какъ бы разъ навсегда установленнымъ, размѣромъ взиманія было, какъ мы видѣли выше, 20 дворовъ, а послѣ 1710 г. этотъ размѣръ увеличивался сообразно потребностямъ: назначались наборы съ 10, 20, 40, 50, 75, 79 и 100 дворовъ [83]). Кромѣ того, указы иногда опредѣляютъ валовую цифру набора, причемъ распредѣленіе по дворамъ представлялось мѣстнымъ властямъ [84]); равнымъ образомъ, иногда наборъ опредѣлялся не подворно, а поголовно; это бывало тогда, когда объектомъ его были дворовые люди, служня, не имѣвшая осѣдлости [85]).

Провіантскія, аммуничныя и денежныя (рублевыя) дачи взимались въ прежнемъ размѣрѣ. Способы же взиманія первыхъ двухъ родовъ дачъ время отъ времени измѣнялись; такъ, провіантъ иногда взимался натурой [86]); иногда же за него брались деньги по мѣстнымъ цѣ-

---

[82]) Обо всемъ этомъ, равно и о содержаніи см. П. С. З. №№ 2.249, 2.341, 2.520. Сен. ук. 26 мая 1712 г. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 9, л. 690, помѣщ. въ П. С. З. подъ № 2.533 и др.

[83]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 1-я, л. 68 и сл.; 19-я, л. 425; 22-я съ л. 375; 98-я, л. 188, 100-я, л. 764, 1.077, 1.095, и др. П. С. З. №№ 2.629, 2.650, 2.680, 2.738, 2.884, 2.931, 3.240.

[84]) П. С. З. №№ 2.338, 2.341, 2.390, 2.397. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2-я, л. 420.

[85]) Третной наборъ. П. С. З. №№ 2.326, 2.355, 2.384. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2-я, л. 315 и др.

[86]) П. С. З. №№ 2.341, 2.629.

намъ [87]). Что касается до рекрутской аммуниціи, то виды ея и способы взиманія, съ начала рекрутскихъ наборовъ, нѣсколько разъ измѣнялись; въ этомъ отношеніи можно принять три періода измѣненій: 1-й до 1710 г., 2-й до 1714 г. и послѣдній—съ 1714 г. Мы уже видѣли, что по указу 1-го набора рекрутъ было велѣно принимать въ тѣхъ кафтанахъ, въ которыхъ ихъ приводили, но съ условіемъ, чтобы эти кафтаны могли проноситься годъ, съ шубою на два года, а взамѣнъ мелкой аммуниціи брались деньги по рублю человѣку; такимъ же образомъ снабжались рекруты аммуниціей и во всѣ остальные четыре набора до 1710 г. [88]). Въ періодъ отъ 1710 г. до 1714 г. въ этомъ отношеніи появляется новое требованіе: отдатчики должны были дѣлать рекрутамъ сермяжные кафтаны. Эти кафтаны были уже новыми, — тѣ же, въ которыхъ приводили рекрутъ, не шли въ счетъ; вслѣдствіе того, что эти кафтаны строились вновь для ставки рекрута, они назывались уже не одеждой, какъ до 1710 г., а *мундиромъ;* вмѣстѣ съ тѣмъ мелкая аммуниція, оцѣниваемая прежде въ рубль, тоже выдавалась натурой [89]). Когда установленъ этотъ порядокъ, не видно, но во всякомъ случаѣ не ранѣе 1710 г., хотя выраженіе *мундиръ* встрѣчается уже въ указѣ пятаго набора (1-го ноября 1709 г.). Вскорѣ, однако, это оказалось невыгоднымъ для казны: во 1-хъ, указы не опредѣляли доброты сермяжныхъ кафтановъ—подобно тому, какъ указы первыхъ пяти наборовъ опредѣляли доброту кафтана возможностью проносить его цѣлый годъ; вслѣдствіе этого отдатчики снабжали своихъ даточныхъ *мундиромъ* плохаго качества; во 2-хъ, поставка мундира отдатчиками натурой вообще была крайне невыгодна тѣмъ, что въ случаѣ смерти рекрута сшитый по его мѣркѣ кафтанъ оказывался непригоднымъ для другихъ—обстоятельство, имѣвшее еще болѣе значенія при плохомъ качествѣ матеріала. Вслѣдствіе этого въ іюлѣ 1714 г. постановлено было принимать рекрутъ въ тѣхъ кафтанахъ, въ которыхъ ихъ приводили къ сдачѣ съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эта одежда была приспособлена ко времени года и чтобы въ ней можно было дойти до мѣста, еслибы рекрутамъ былъ объявленъ походъ. Замѣной *мундировъ* втораго періода признаны *мундирныя деньги* въ размѣрѣ 2 р. 20 алт. на человѣка [90]). Въ послѣдствіи, въ видѣ временной мѣры, количество мундирныхъ денегъ было уменьшено до 1 р. 20 алтынъ [91]).

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ *рублевыхъ деньгахъ*. Происхожденіе рублевыхъ денегъ, какъ необходимой принадлежности рекрутскихъ наборовъ, должно отнести къ

---

[87]) П. С. З. №№ 2.355, 2.390, 2.396 и др.
[88]) См. указы этихъ наборовъ.
[89]) П. С. З. №№ 2.629, 2.738.
[90]) Сен. ук. 14 іюля. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 16, л. 891.
[91]) П. С. З. № 2.931.

1705 г., т.-е. ко времени 1-го набора. Тогда онѣ взимались взамѣнъ мелкой аммуниціи, но еще въ этомъ году не получили особаго, спеціальнаго названія *рублевыхъ*, съ которыми онѣ являются позднѣе, а именно во второмъ періодѣ—послѣ 1710 г. Значеніе этихъ денегъ вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣнилось: мы видѣли, что аммуничныя дачи до 1710 г. производились по образцу перваго набора, а слѣдовательно—рублевыя деньги въ продолженіе перваго періода взимались взамѣнъ мелкой аммуниціи, какъ и въ 1705 г., но послѣ 1710 онѣ получили другой смыслъ и взимались сверхъ аммуничныхъ дачъ (см. всѣ перечисл. выше указы), причемъ расходовались на производство кормовыхъ денегъ рекрутамъ въ случаѣ похода партіи въ назначенныя мѣста. [92])

Основаніемъ наборовъ были переписи 1678 и 1710 годовъ, а что касается до единицы, то она измѣнена относительно купеческаго сословія. Прежде, какъ мы видѣли (2-й наборъ), купцы тоже, какъ и служилые люди, облагались по дворовому числу; въ настоящемъ же періодѣ за единицу ихъ обложенія иногда принимали количество платимыхъ ими пошлинъ (десятой деньги), какъ мѣрило ихъ торговой состоятельности. [93])

Рекруты брались съ крестьянъ дворцовыхъ, духовныхъ и частныхъ помѣстій и вотчинъ, а равно съ посадовъ, т.-е. съ городскихъ обществъ. Таково общее правило всѣхъ наборовъ; кромѣ крестьянъ, въ счетъ при рекрутскихъ раскладкахъ шли бобыли и задворные люди, т.-е. одинокіе и безземельные члены крестьянскихъ обществъ.

Если же наборы были на *случай*, т.-е. если они не входили въ число ежегодныхъ, общихъ, и производились въ виду угрожающей государству опасности со стороны внѣшнихъ враговъ, то иногда объектъ наборовъ измѣнялся: такъ въ началѣ 1711 г., когда Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей, былъ объявленъ особый частный наборъ изъ дворовыхъ людей, подьячихъ, монастырскихъ и архіерейскихъ служекъ и служебниковъ [94]); здѣсь, очевидно, въ виду слишкомъ большой тяжести, падавшей на людей тяглыхъ, послѣдніе на время замѣнены людьми, не имѣвшими тягла и несшими только личную службу для тѣхъ господъ или учрежденій, которымъ принадлежали: монастырскіе и архіерейскіе служки, хотя они и не были крѣпостными монастырей и Архіерейскихъ Домовъ, по роду занятій сходствовали съ служней помѣщиковъ и вотчинниковъ, и указъ совершенно основательно включаетъ ихъ въ число даточныхъ вмѣстѣ съ послѣдними. Непостриженные крылошане были изъ тѣхъ же монастырскихъ служекъ, а подьячіе были призваны въ видахъ того, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли дворовыхъ, которыхъ и мо-

---

[92]) См. наприм. П. С. З. № 2.678, ст. 2-я.

[93]) См. П. С. З. № 2.650, ст. 7.

[94]) *Служебниками* въ то время назывались крылошане, не удостоенные еще пострига.

гли ставить за себя. Даточные набирались въ количествѣ $^1/_3$ наличнаго числа дворовыхъ частныхъ лицъ и учрежденій [95]).

Вмѣсто собственныхъ крѣпостныхъ иногда дозволялось ставить наемныхъ охотниковъ—только съ тѣмъ условіемъ, чтобы наемщикъ не былъ чужой крѣпостной, нанятый безъ согласія своего господина, и не бѣглый солдатъ [96]), съ такихъ наемщиковъ брались поручныя записки въ томъ, что они люди вольные, и съ службы не сбѣгутъ и будутъ ее нести добросовѣстно [97]). Дозволеніе нанимать охотниковъ, какъ видно изъ приведенныхъ тотчасъ актовъ, проявлялось еще до начала правильныхъ рекрутскихъ наборовъ, т.-е. 1705 г., эти случаи дозволенія существовали и во все послѣдующее время, причемъ указы въ различныхъ вопросахъ относились строже къ наемщикамъ, нежели къ крѣпостнымъ, а равно и для нанимателей связывали съ этимъ правомъ нѣкоторыя неудобства: напримѣръ, если наемный даточный убѣгалъ или умиралъ, то наниматели должны были ставить другаго, тогда какъ въ случаѣ бѣгства или смерти крѣпостнаго даточнаго, какъ въ послѣдствіи было установлено, другаго не брали: въ этихъ случаяхъ, если даточный—крѣпостной убѣгалъ или умиралъ, будучи въ домѣ своего бывшаго помѣщика, то послѣдній обязывался только бѣглаго не держать и, узнавъ его пребываніе, донести по начальству, а въ случаѣ смерти—представить сказку о томъ когда даточный умеръ и гдѣ похороненъ [98]). За наемъ завѣдомо чужихъ крѣпостныхъ съ нанимателя въ пользу потерпѣвшаго взимался штрафъ въ 50 р., кромѣ того, въ этомъ случаѣ наниматель платилъ также штрафъ въ казну въ случаѣ бѣгства, смерти его—даже еслибы даточный былъ убитъ въ сраженіи [99]).

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ указовъ о наборахъ ясно, что наемъ охотниковъ дозволялся только въ случаѣ наборовъ чрезвычайныхъ, — въ обыкновенные, ежегодные наборы отдатчики должны были ставить своихъ людей, т.-е. помѣщики и вотчинники—крѣпостныхъ, общество—членовъ своихъ; ни въ одномъ указѣ о ежегодномъ наборѣ нѣтъ дозволенія нанимать охотниковъ. Впрочемъ, это продолжалось до 1717 г., когда это дозволеніе сдѣлалось общимъ закономъ съ тѣми условіями и послѣдствіями, которыя прежде были сопряжены съ нимъ [100]). Въ тѣхъ случахъ, въ которыхъ дозволялось нанимать охотниковъ,

---

[95]) Обо всемъ эт. см. Им. ук. 1-го марта 1711 г. П. С. З. № 2.326.

[96]) П. С. З. №№ 2.050, 2.326, 3.135 и др.

[97]) Ср. порядныя даточныхъ людей въ Акт. Юр. № 206, поручная по солдатахъ, тамъ же № 321, III.

[98]) П. С. З. №№ 2.365, 2.384.

[99]) Переписка ярославскаго коменданта, Нелединскаго-Мелецкаго, съ Сенатомъ. А. М Ю. Дѣла Сен., кн. 14, л. 744 и слѣд.; также П. С. З. № 2.608.

[100]) Им. 17 декабря П. С. З. № 3.135.

взятіе въ рекруты иногда замѣнялось деньгами въ опредѣленномъ указомъ размѣрѣ [101]).

Рекрутскія партіи, какъ сказано выше, размѣщались по станціямъ своей губерніи до требованія въ какое-либо мѣсто. Въ случаяхъ требованія онѣ отправляемы были съ офицерами мѣстныхъ гарнизоновъ или полковъ; эти партіонные офицеры на языкѣ указовъ того времени назывались *приводцами*, или *отводчиками*. Если партія была велика, то назначалось нѣсколько отводчиковъ разныхъ чиновъ, причемъ именные рекрутскіе списки отдавались старшему изъ нихъ [102]).

На дорогу рекрутамъ предписывалось давать провіантскія деньги по 20 алтынъ въ мѣсяцъ, причемъ дачи были разсчитываемы на одинъ или нѣсколько мѣсяцевъ и производились изъ рублевыхъ денегъ [103]). Если же рублевыхъ оказывалось недостаточно, то отводчикамъ давались прибавочныя деньги. Кромѣ этихъ провіантскихъ денегъ рекрутамъ производились въ походѣ провіантскія дачи натурой (тамъ же). Подобно тому, какъ на станціяхъ велись приходорасходныя, а мундиру записныя книги, и въ походѣ веденіе ихъ поручалось отводчикамъ, для чего тѣ и другія книги выдавались имъ при отправленіи партіи въ путь изъ мѣстныхъ губернскихъ канцелярій или приказныхъ избъ бѣлыми и закрѣпленными по листамъ подписями дьяковъ; эти походныя книги, также какъ и ведомыя на станціяхъ, по окончаніи года представлялись на ревизію въ Сенатъ [104]). Въ походѣ, какъ и на станціяхъ, рекрутамъ предписывалось доставлять всѣ возможныя удобства. Эти удобства зависѣли главнымъ образомъ отъ добросовѣстности и распорядительности отводчиковъ, по этому имъ и предоставлялось право распоряженія, не стѣсненное рамками наказа, который, конечно, и не могъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться на пути. Указъ говоритъ прямо:... «для того посылать съ ними (т.-е. съ рекрутами) изъ дворянъ и изъ другихъ чиновъ, по усмотрѣнію отводчиковъ, добрыхъ и умныхъ людей, *которые бы могли и сверхъ наказовъ, смотря по времени и по пути посланныхъ съ ними рекрутъ, куда надлежитъ, довести и отдать исправно*» [105]). Само собою разумѣется, что неисполнительность, а тѣмъ болѣе корыстные поступки при такомъ широкомъ правѣ усмотрѣнія влекли за собою и усиленныя наказанія; дѣйствительно, въ случаѣ недобросовѣстности, отводчикамъ угрожало не только *жестокое наказаніе*, но и *страхъ смертный* [106]).

Не всегда отводчиками были офицеры: иногда это дѣло поручалось губернскимъ чиновникамъ. Такъ отводчиками назначались мѣстные

---

[101]) См. напр. П. С. З. №№ 2.326, 2.355, ст. 5, №№ 2.650, 2.840.
[102]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 16, л. 15.
[103]) П. С. З. № 2.678, ст. 2.
[104]) Тамъ же, ст. 6.
[105]) Тамъ же, ст. 2.
[106]) Ст. 2 и 7.

ландраты, въ 1715 г. рекрутъ, причитавшихся въ Нижегородской губерніи въ февральскій наборъ (съ 75 дворовъ), велѣно-было выслать въ Петербургъ съ нижегородскимъ ландратомъ [107]).

Равнымъ образомъ, рекрутъ наборовъ 1716 г. (втораго набора) и 1717 г. предписано было высылать съ мѣсячными ландратами [108]). Иногда отводчиками были ландрихтеры. Такъ рекрутъ перваго набора 1716 г. (январскаго—со 100 дворовъ), а равно и недоимочныхъ велѣно было выслать въ мѣста назначенія съ ландрихтерами [109]).

Мы здѣсь перечислили, однако, всѣ случаи замѣны партіонныхъ офицеровъ губернскими чиновниками: болѣе тому примѣровъ не встрѣчается въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ до 1719 г., вслѣдствіе этого назначеніе такихъ отводчиковъ слѣдуетъ принять за исключеніе изъ общаго правила, по которому отводчиками назначались, какъ выше указано, мѣстные офицеры.

Прибывъ въ назначенное мѣсто, отводчикъ сдавалъ по именнымъ спискамъ свою партію мѣстному коменданту или полковому командиру. По всѣмъ неисправностямъ онъ давалъ отвѣтъ, а въ случаѣ замедленія партій въ пути, изъ Москвы посылались особые офицеры, а иногда и солдаты, которые должны были осматривать попадающіяся на пути рекрутскія партіи и понуждать ихъ къ скорѣйшему маршу. Въ этомъ отношеніи обычное недовѣріе правительства того времени къ исполнителямъ его предписаній доходило до крайностей: надъ однимъ посланнымъ для надзора посылался другой, и доношенія Сенату должны были посылаться при всякомъ удобномъ случаѣ.

При системѣ крайне сложнаго *надзора* правительство не стѣснялось рангами: за офицерами надзоръ поручался простымъ солдатамъ, и гонецъ за гонцомъ летѣлъ изъ Москвы по одному и тому же направленію. Приведемъ примѣръ: въ 1711 г. для понужденія къ скорѣйшему маршу и осмотра рекрутскихъ партій, слѣдовавшихъ въ Ригу и замедлившихъ въ пути, былъ посланъ прапорщикъ Дурново; въ слѣдъ за нимъ для той же цѣли отправленъ былъ стольникъ Желябужскій, вмѣстѣ съ которымъ *для надзора* былъ посланъ драгунъ Пушечниковъ; наконецъ, такъ какъ Сенатъ нашелъ, что всѣ эти посланцы медлили, отправленъ былъ за всѣми ними офицеръ Максимовъ. И все это въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца. [110])

Мы разсмотрѣли систему рекрутскихъ наборовъ и правительственные вопросы и дѣйствія, съ нею непосредственно связанные, въ пе-

---

[107]) А. М. Ю. Дѣлопроизводство по челобитной разборщика Печатнаго двора Юрьева. Дѣла Сен., кн. 19, л. 46 и слѣд.

[108]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 100, л. 772.

[109]) А. М. Ю. Означенное выше дѣлопроизводство. Дѣла Сен., кн. 19, л. 425. Ср. кн. 100, л. 764.

[110]) Обо всемъ этомъ см. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2, л. 9—11.

ріодъ отъ 1710 г. Говоря о наборахъ вообще, съ самаго начала ихъ существованія, мы уже замѣтили, что Петръ В. явился въ этомъ отношеніи не новаторомъ, а лишь довершителемъ того процесса, который начался еще съ половины XVI столѣтія,—именно *привлеченія всѣхъ классовъ общества къ отбыванію воинской повинности*, уничтоженія замкнутости служилаго *класса*. Въ самомъ дѣлѣ, при Петрѣ государство съ требованіями защиты себя отъ враговъ внѣшнихъ обращается *постоянно* къ духовенству, купцамъ, посадамъ, крестьянамъ не помѣщичьимъ,—государевымъ, какъ равно и къ крестьянамъ помѣщичьимъ и вотчиннымъ, тогда какъ прежде, въ случаѣ надобности, *по общему правилу*, созывались служилые люди, обязанные служить государству въ рядахъ войска на основаніи помѣстнаго права, т.-е. лишь помѣщики и вотчинники, которые и приводили съ собою, по количеству четей помѣстной и вотчинной земли, находившейся въ ихъ владѣніи, соотвѣтственное число конныхъ и оружныхъ слугъ.

Отдѣльные случаи, исключенія изъ этого *общаго* порядка службы Московской Руси при Петрѣ В., возводятся въ общее правило. Вслѣдствіе этого, дѣйствительно, *всѣ классы общества были привлечены къ отбыванію воинской повинности*, но различнымъ образомъ: тѣ, которые имѣли заселенную недвижимую собственность, на какомъ-бы титулѣ она имъ ни принадлежала, или владѣли безземельными крѣпостными людьми (т.-е. дворовыми), отбывали или *могли* отбывать воинскую повинность своими крѣпостными людьми [111]); такъ отбывали ее помѣщики и вотчинники всѣхъ классовъ—служилые люди, духовенство и знатные купцы; могли отбывать приказные люди,—подьячіе, если они были къ тому призываемы [112]). Напротивъ тѣ, которые имѣли незаселенную поземельную собственность, т.-е. люди тяглые (городскія и крестьянскія общины) [113]), отбывали ее лично. Причиною такого порядка вещей было то, что отбываніе воинской повинности осталось, попрежнему, въ тѣсной связи съ землею: наборы производились главнымъ образомъ по дворовому числу. Отсюда ясно, что въ сущности отбываніе воинской повинности ограничивалось только крестьянами всѣхъ вѣдомствъ и городскими обществами. Такой порядокъ продолжался во все послѣдующее время—до прошлаго года, который ознаменованъ введеніемъ общей личной воин-

---

[111]) О замѣнѣ наемщиками сказано выше.

[112]) См. третной наборъ 1-го марта 1711 г.

[113]) *Заселенная* и *незаселенная* поземельная собственность. Эти термины употреблены нами въ томъ смыслѣ и для того, чтобы отличить землю помѣщичью и вотчинную, заселенную крѣпостными крестьянами, отъ земли общинной, населеніемъ которой были сами общинники. Въ этомъ смыслѣ въ позднѣйшее время земли лицъ, имѣвшихъ право владѣть крѣпостными (дворянъ), назывались преимущественно *заселенными*: здѣсь подъ словомъ населеніе разумѣются только крѣпостные крестьяне.

ской повинности, явившейся прямымъ слѣдствіемъ общественныхъ реформъ нынѣшняго царствованія.

При Петрѣ В. продолжала существовать, какъ сказано выше, и помѣстная конница, которая шла рядомъ съ новымъ регулярнымъ войскомъ, пока помѣстья не слились съ вотчинами и обязанность службы на помѣстномъ правѣ не обратилась въ обязанность служить государству для его защиты по происхожденію,—обязанность, уничтоженная, какъ извѣстно, въ царствованіе Императора Петра III. Кромѣ того, Петръ, *уложивъ* тѣ начала, которыя появились еще въ Московской Руси относительно военной службы, пошелъ дальше, установляя отдѣльными случаями *личное отбываніе воинской повинности внѣ связи съ землею*: онъ призывалъ иногда къ рекрутскимъ наборамъ служню помѣщиковъ и вотчинниковъ, непостриженныхъ крылошанъ, служекъ и, наконецъ, подьячихъ, предоставляя, однако, въ этихъ случаяхъ нѣкоторымъ призываемымъ право замѣны себя крѣпостными даточными или наймомъ охотниковъ.

Этимъ новымъ началамъ не суждено было развиться: не пришло еще время, и они исчезаютъ по миновании надобности—до своего полнаго осуществленія въ прошломъ году.

Интересно обратиться къ статистикѣ наборовъ за послѣднія 9 лѣтъ (1710—1719): цифры, хотя и приблизительныя, осязательно докажутъ намъ, какимъ тяжкимъ бременемъ военная повинность лежала на областяхъ, что, въ свою очередь, объяснитъ многіе факты общественной жизни того времени, дастъ возможность пониманія многихъ законодательныхъ памятниковъ, касающихся военнаго вѣдомства,—слѣдовательно имѣетъ интересъ историко-юридическій.

Всѣхъ наборовъ, исключая запасныхъ [114]), а равно наборовъ рабочихъ людей и матросовъ, — въ продолженіе 9 съ небольшимъ лѣтъ было 34, а именно: въ 1710 году — 2 [115]), въ 1711 *восемь* [116]), въ 1712 — *четыре* [117]), въ 1713 г. — *пять* [118]), въ 1714 —

---

[114]) Указъ о наборахъ *въ запасъ* состоялся въ маѣ 1712 г. См. П. С. З. № 2.520. Ср. № 2.658.

[115]) Шестой общій—15 іюля, и частный съ Сибирской губ. 11 сентября.

[116]) 7-й Наборъ въ началѣ года, такъ называемый *десятный*, т.-е. съ 10 дворовъ, 1-го февр.; такъ называемый *третной*, т.-е. наборъ изъ дворовыхъ 1/3 для Турецкой войны, 1-го марта; около того-же времени—наборъ для Рижскаго гарнизона (А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 2, л. 9—11;) наборъ 25.000 челов., 16 марта; наборъ въ 20.000 челов., 30 іюня; общій 8-й наборъ въ августѣ, и кромѣ того, частный наборъ съ одной Кіевской губ.

[117]) Наборъ изъ молодыхъ подьячихъ, наборъ въ замѣнъ личной службы въ апрѣлѣ; 1-й запасный наборъ, 2-го мая; 9-й общій, въ октябрѣ.

[118]) Для охраненія Украйны съ 50 двор., 13 янв.; 10-й общій, 15 янв.,

два [119]), въ 1715 г.—*пять* [120]); въ 1716—*два* [121]); въ 1717—*два* [122]); въ 1718—*три* [123]); въ 1719 *одинъ* [124]).

Впрочемъ общее число наборовъ должно было быть болѣе *тридцати четырехъ:* мы могли только перечислить тѣ случаи наборовъ, которые намъ попадались при чтеніи Полнаго Собранія Законовъ и подлинныхъ дѣлъ Сената, касающихся этого предмета [125]); всѣ попавшіеся намъ случаи указаны въ текстѣ, но съ одной стороны—въ Полномъ Собраніи помѣщены далеко не всѣ документы по какому-бы-то ни было вѣдомству за тотъ или другой годъ, что особенно уясняется при чтеніи подлинныхъ дѣлъ; съ другой же стороны,—и въ подлинныхъ дѣлахъ сохранились не всѣ извѣстія о рекрутскихъ наборахъ этого періода: это видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1716 г. было кромѣ набора Пруссіи еще два, ибо рекрутъ январскаго велѣно было высылать съ ландрихтерами, а другаго съ ландратами; между тѣмъ объ этомъ второмъ наборѣ въ подлинныхъ дѣлахъ, кромѣ приведеннаго, нѣтъ другаго указанія, такъ что неизвѣстно, въ какомъ мѣсяцѣ и со сколькихъ дворовъ онъ производился, почему мы его и не помѣстили въ вышеприведенномъ перечнѣ. Кромѣ того, мы не считаемъ запасныхъ наборовъ, исключая перваго, но эти наборы еще болѣе увеличивали общее число.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній мы имѣемъ право заключить, что всѣхъ наборовъ за 9 лѣтъ было болѣе тридцати четырехъ, и нашу цифру можно принять лишь за приблизительную.

Тяжесть такихъ частыхъ наборовъ еще болѣе уяснится, если обратимся къ цифрамъ, показывающимъ количество рекрутъ, остававшихся на станціяхъ за укомплектованіемъ арміи и запасныхъ. Мы имѣемъ относительно этого данныя за 1713 — 1714 годы, которыя здѣсь и приведемъ въ формѣ таблицъ.

Въ апрѣлѣ 1714 г. въ губерніяхъ оказалось слѣдующее число запасныхъ рекрутъ (прежнихъ наборовъ):

для Турецкой войны—21-го февр.; изъ Москвы въ Ригу 1.050 челов., 12 апрѣля; наборъ съ 50 дворовъ, 19-го ноября.

[119]) 11-й наборъ 1-го янв. 1714 года (А. М. Ю. Дѣла сен., кн. 16, л. 898 и слѣд.) и дополненіе къ третному набору, 1-го марта 1711 г.

[120]) Наборъ съ 75 дворовъ, 12 февр.; тотъ же наборъ въ ноябрѣ и три набора съ Кіевской губ.

[121]) Со 100 дворовъ, въ янв., и въ гвардію Прусскаго короля.

[122]) Въ Астраханскій гарнизонъ и съ Нижегородской губ. съ 40 дворовъ.

[123]) 15-й общій съ 75 дворовъ, 20 ноября; особый въ 48.987 челов. и съ 79 дворовъ.

[124]) Общій—съ 50 дворовъ.

[125]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 1, л. 68 — 72; кн. 3, л. 435, 512 — 520; кн. 99, л. 1.019; кн. 98-я, л. 210; кн. 100, л. 764, 772, 1.077, 1.095; кн. 153, л. 114; кн. 192, л. 3; кн. 195, л. 188.

Губерніи	Было въ 1713 г. на лицо	Въ недоимкѣ.	Велѣно собрать въ 1713 г.	Въ 1714 г. на лицо.	Недоимка.
Московская	309.	4.697.	3.727.	198.	4.807.
Смоленская	1.150.		996.	1.151.	
Архангелогородская	762.	1.172.	2.048.		1.172.
Казанская	1.666.	1.254.	2.640.	1.654.	1.254.
Азовская	1.591.		830.	1.591.	
Сибирская	200.	429.	996.		529.
Кіевская			553.		
С.-Петерб.			2.089.		

Кромѣ этого въ 1714 г. велѣно было собрать въ запасъ съ губерній:

Моск. Кіевск. Рижск. С.-Петерб. Казанск. Архангелогородск. Сибирск. Азовск.
3.727. 553. 996. 2.089. 2.640. 2.048. 996. 830.

Кромѣ того, въ томъ же году въ Петербургскій корпусъ отправлено: изъ Архангелогородской губ.—930 чел., изъ Сибирской—200 чел., изъ Московской—304 и изъ Казанской—1600 чел. [126]).

Затѣмъ въ 11-й наборъ (1-го янв. 1714 г.) за укомплектованіемъ полковъ этимъ наборомъ и недоимками въ іюлѣ осталось по станціямъ въ губерніяхъ:

Московской. Кіевской. Рижск. Казанск. Архангелогор. Азовск. Сибирск.
5.803. 553. 996. 2.716 1.118. 830. 1.030 [127]),

въ августѣ-же (20-го) этотъ остатокъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оказался измѣненнымъ, а именно:

Московская. Казанская. Архангелогородск. Сибирская.
4.153. 462. 118. 585 [128]).

Въ дополненіе къ этимъ цифрамъ приведемъ неменѣе интересныя данныя относительно количества людей, вытребованныхъ изъ одной Кіевской губ. съ 1714 по 1716 годъ включительно. [129])

Съ однихъ крестьянъ Кіевской губерніи взято: за 1714 годъ—1.471

---

[126]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 16, л. 310, 421 и слѣд.

[127]) Тамъ же л. 898 и сл.

[128]) Справка по указу 15 сент. 1714 г.—о высылкѣ рекрутъ и лошадей, тамъ же, л. 1.041 и слѣд.

[129]) Нижеслѣдующія данныя выписаны нами изъ *вѣдомости по тремъ пунктамъ*, представленной изъ Кіевской губ. въ 1717 г. (А. М. Ю. Дѣла Сената, кн. 112, л. 346 и слѣд.)

чел., за 1715—1.814 и за 1716—1.740 чел.; съ посадскихъ: за 1714 годъ—607, за 1715—622 и за 1716—602 чел.

Слѣдовательно въ 3 года съ однихъ крестьянъ кіевскихъ взято было въ рекруты 5.025 чел.

Посмотримъ какой процентъ наличнаго народонаселенія могъ составить это количество. По переписи 1710 валовое дворовое число кіевскихъ крестьянъ было 28.073 двора (тамъ же). Если полагать въ каждомъ дворѣ среднимъ числомъ двухъ работниковъ, т.-е. отца и взрослаго сына или двухъ взрослыхъ, не раздѣлившихся еще братьевъ, то получимъ примѣрное количество кіевскихъ крестьянъ равнымъ 56.146 душамъ, причемъ ясно, что процентъ взятыхъ въ разные наборы людей съ 1714 по 1716 годъ включительно будетъ равенъ почти $^1/_{10}$ части наличнаго населенія.

Еще большій процентъ падалъ на долю посадскихъ: число дворовъ ихъ, по той же переписи, за исключеніемъ такъ называемыхъ *Кіевскихъ мѣщанъ*, которые въ счетъ нейдутъ, ибо состояли на особомъ положеніи относительно прочихъ посадскихъ Кіевской губерніи, равнялось 2.156; за эти три года съ нихъ взято 1.831 чел., причемъ, допустивъ то же предположеніе, посредствомъ котораго мы добыли среднее число кіевскихъ крестьянъ, мы увидимъ, что процентъ поборовъ здѣсь равнялся почти $^1/_2$ наличнаго населенія.

Столько рабочихъ силъ отнималось! Такъ крайняя необходимость, въ которую была поставлена Россія въ то время, подрывала всѣ основы мирнаго преуспѣянія народа! Данныя, приведенныя выше, получатъ еще болѣе важное значеніе, если припомнить, что вмѣстѣ съ наборами людей шли столь же многочисленные поборы деньгами, хлѣбными и иными запасами, требованія личнаго труда, какъ напр., подводная повинность и т. п. Нѣтъ ничего удивительнаго, послѣ этого, что народъ бѣднѣлъ, отъ бѣдности разбѣгался, а пустота въ свою очередь вызывала правительство на болѣе или менѣе значительныя уступки.

Достаточно привести слѣдующій примѣръ: въ августѣ 1710 г. въ Монастырскій Приказъ поступила челобитная отъ крестьянъ вотчины Шуйскаго Покровского дѣвичьяго монастыря, села Ярлыкова, въ которой они просятъ, чтобы съ нихъ не взимали рекрутской недоимки прошлыхъ наборовъ.

Причина такой просьбы была слѣдующая: въ 1710 г. въ Ярлыковѣ *запустѣло*, сравнительно съ переписью 1678 года, 165 дворовъ, такъ какъ изъ 204 осталось всего 39. Такое значительное *запустѣніе* объяснено въ самой челобитной: «...а запустѣли, Государь, отъ того, что многія наша братья побраны въ разные поборы въ солдаты, также въ новозавоеванныхъ городѣхъ, которые высыланы на работу, тамъ померли, и многіе отъ скудости и отъ хлѣбнаго недороду врознь разбрелись и живутъ, невѣдомо гдѣ.» [130])

[130]) А. М. Ю. Дѣла Монастырскаго Приказа, вязка 208, № 13-й.

Въ этихъ немногихъ словахъ выражено все бѣдственное положеніе крестьянъ, которые бросаютъ хозяйство, дома и бѣгутъ, предпочитая осѣдлости скитальческую жизнь и кусокъ хлѣба Христа ради....

Правительство приняло это во вниманіе, и появился указъ о невзиманіи съ пустыхъ дворовъ духовныхъ вотчинъ рекрутской недоимки [131]). Запустѣніе въ Кіевской губ. было также значительно: по переписи 1711 г. дворовое число кіевскихъ крестьянъ различныхъ вѣдомствъ уменьшилось, противъ переписи 1678 г., почти вдвое [132]).

Не рѣдко желаніе облегчить тягость вело къ злоупотребленіямъ разнаго рода и обманамъ властей: указы постоянно предусматриваютъ эти случаи и виновнымъ назначаютъ соотвѣтствующія наказанія. Утайка дворового числа, пристанодержательство бѣглыхъ, отдача въ рекруты негодныхъ и т. п. были явленіями обыкновенными и вызывали серьезныя мѣры правительства. Съ другой стороны, нежеланіе служить и трудность военной дисциплины и службы вызывали частые случаи рекрутскихъ побѣговъ, причемъ мѣры правительства относительно предупрежденія и пресѣченія способовъ къ этому имѣютъ цѣлую исторію.

Юрисдикція по вопросу о побѣгахъ нижнихъ воинскихъ чиновъ раздѣлялась между губернскими начальствами, тѣми лицами, которымъ былъ порученъ отводъ партій со станцій въ мѣста назначенія, и военно-судебною властью, которая прежде принадлежала Военному Приказу, а въ послѣдствіи, съ 1711 года, особенной военно-судной коммиссіи, находившейся въ Москвѣ [133]).

Это раздѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ существу дѣла: нижніе чины въ качествѣ рекрутъ, т.-е. до назначенія ихъ въ дѣйствующую армію, крѣпостные гарнизоны и др. указныя мѣста находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ, надзоромъ и отвѣтственностью губернскихъ начальствъ; слѣдовательно, и вопросъ о побѣгахъ рекрутъ долженъ былъ всецѣло входить въ кругъ вѣдомства губернской администраціи. Съ поступленіемъ на дѣйствительную службу рекруты обращались въ *солдатъ* въ общемъ смыслѣ этого слова, причемъ изъ завѣдыванія губернскихъ начальствъ переходили въ вѣдѣніе военной власти; что же касается до рекрутъ въ пути со станцій до мѣстъ назначенія, то они находились въ переходномъ состояніи въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ, т.-е. по отношенію къ власти, которой поручено было завѣдываніе ими въ это время. Въ самомъ дѣлѣ, изъ преды-

---

[131]) П. С. З. № 2.252.

[132]) См. вышепривед. Вѣдом. по 3-мъ пунктамъ.

[133]) „...въ октябрѣ 1711 года кригсъ-рехтъ надъ бѣглыми солдатами и драгунами велѣно чинить въ Новонѣмецкой Слободѣ штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Фонвердена.“ Отвѣтные пункты Сената ярославскому оберъ-коменданту Нелединскому—Мелецкому, п. 12-й А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 16, л. 744 и слѣд.

дущаго мы имѣли случай усмотрѣть, что обязанности губернскихъ начальствъ относительно рекрутъ въ походѣ ограничивались снабженіемъ партіи провіантомъ и деньгами, съ которыми она должна была безъ нужды дойдти до мѣста; все остальное, т.-е., какъ экономія суммъ, такъ равно непосредственный надзоръ надъ рекрутами и всякое попеченіе о нихъ, лежало на обязанности отводчика, такъ что отводчики были временными начальниками партіи; ясно, что въ кругъ ихъ вѣдомства долженъ былъ войти и вопросъ о побѣгахъ рекрутъ съ пути, хотя право наказанія, какъ увидимъ ниже, далеко не всегда предоставлялось имъ.

Итакъ, нашему изслѣдованію подлежатъ слѣдующіе два вопроса: о побѣгахъ рекрутъ со станцій и о побѣгахъ ихъ съ пути въ томъ случаѣ, когда юрисдикція предоставлялась отводчикамъ, которые представляли собою власть губернскихъ начальствъ, поручившихъ имъ отводъ рекрутской партіи; что же касается до вопроса о побѣгахъ солдатъ, то онъ долженъ входить въ наше изслѣдованіе лишь настолько, насколько въ немъ участвовали губернскія начальства.

I) ВОПРОСЪ О ПОБѢГАХЪ РЕКРУТЪ СО СТАНЦІЙ.

Здѣсь должно различить: а) мѣры предупрежденія возможности побѣговъ, б) поимку и в) послѣдующее производство, т.-е. слѣдствіе и судъ надъ пойманными бѣглецами.

Что касается до мѣръ предупрежденія, то онѣ въ первые годы наборовъ были гораздо суровѣе, нежели въ послѣдствіи; такъ до 1710 г. была въ употребленіи крайне обременительная и несправедливая система обязательнаго поручительства родственниковъ и свойственниковъ рекрутъ, причемъ, въ случаѣ бѣгства послѣднихъ, на ихъ мѣста брались поручители, хотя бы и не были виноваты, какъ пособники, укрыватели или пристанодержатели.

Кромѣ несправедливости, — мѣра эта не была и цѣлесообразною: эти подневольные поручители, естественно, не могли при всемъ желаніи воспрепятствовать побѣгамъ; единственное объясненіе такой мѣры есть крайняя необходимость, по поводу которой для скорой замѣны бѣглыхъ новыми, хотя бы въ побѣгѣ и невиноватыми, забывалась справедливость и разумность самаго мѣропріятія. Этого мало: въ послѣднее время существованія прежняго порядка наборовъ, а именно—въ концѣ 1709 г., въ наказѣ наборщикамъ изъ Помѣстнаго Приказа предписано было, въ случаѣ бѣгства рекрутъ, поручителей цѣлыми семьями ссылать на работы въ новопостроенные города. Вопіющая несправедливость и еще большая нецѣлесообразность послѣдней мѣры настолько очевидна, что не для чего входить въ излишнія объясненія по поводу ея. До такого убѣжденія дошло вскорѣ и само правительство и въ половинѣ 1710 г. отмѣнило эти мѣры; мотивъ отмѣны выраженъ въ самомъ указѣ въ слѣдующихъ словахъ: «....хотя которые по нихъ *неволею* и поручи-

лись, однакожь про побѣгъ ихъ не вѣдаютъ и гдѣ они живутъ—не знаютъ, и изъ бѣговъ въ домахъ у нихъ не были [134])». Взамѣнъ этой мѣры принято новое начало, наиболѣе соотвѣтствующее требованіямъ справедливости и цѣли. Это—система обязательнаго поручительства самихъ рекрутъ, или круговая порука, которой предписано обязывать человѣкъ по 20 и болѣе, вмѣстѣ съ этимъ допущено и поручительство родственниковъ и свойственниковъ, но добровольное: «....а поручиковъ по рекрутахъ, что имъ со станціи и съ дороги не сбѣжать, брать волею, а по которыхъ рекрутахъ добровольныхъ порукъ не будетъ, и неволею никого въ поруки не имати» [135]). Къ этой мѣрѣ въ 1711 г. присоединена была другая, касающаяся предупрежденія побѣговъ рекрутъ съ дороги къ мѣстамъ назначенія: это—учрежденіе временныхъ заставъ по маршруту рекрутской партіи. Эти заставы учреждались около городовъ, и ими завѣдывали губернаторы по распоряженію Сената. Впрочемъ за все время встрѣчается только одинъ примѣръ такихъ заставъ, а именно: 14 іюня 1711 г. по дорогѣ изъ Москвы въ Ригу долженъ былъ слѣдовать съ партіею рекрутъ подполковникъ Бибиковъ, а потому и предписано было около городовъ, мимо которыхъ должна была пройдти партія,—Можайска (Московской губ.), Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска, построить заставы, на которыхъ и производить допросы бѣглымъ: указы объ этомъ посланы, по принадлежности, московскому управителю и смоленскому губернатору [136]).

До 1712 г. одною изъ общеупотребительныхъ мѣръ предупрежденія побѣговъ съ дороги было заковываніе рекрутъ въ ручныя и ножныя кандалы. Но такая мѣра была, прежде всего, оскорбительна для чувства личнаго достоинства рекрута, котораго безъ всякой вины трактовали такимъ образомъ на ряду съ арестантами-преступниками. Въ видахъ этого мѣра сія и была измѣнена въ серединѣ 1712 г.: вмѣсто нея повелѣно было у каждаго рекрута накалывать на лѣвой рукѣ крестъ и затирать его порохомъ [137]).

Вотъ и всѣ мѣры предупрежденія побѣговъ *рекрутъ*. Естественно, что кромѣ нихъ были общія предписанія объ осторожности, вмѣненной

---

[134]) Приговоръ министровъ Ближн. Канц. 7 іюля 1710 г. П. С. З. № 2.281.

[135]) Тамъ же. Выше мы замѣтили, что до 1710 г. было еще поручительство отдатчиковъ, но здѣсь его не упоминаемъ, ибо не считаемъ его отдѣльнымъ видомъ дѣйствовавшихъ въ то время рекрутскихъ поручительствъ: за свободныхъ людей (общинниковъ) ручались родственники и свойственники, за крестьянъ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ, которые были принадлежностью помѣщиковъ и вотчинниковъ,—отдатчики, т.-е. сами помѣщики и вотчинники, которые въ случаѣ бѣгства рекрута лишались еще одной рабочей силы.

[136]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2, л. 193.

[137]) Ук. Сен. 19 мая. П. С. З. № 2.532; также подробности о мѣрахъ предупрежденія рекрутскихъ побѣговъ см. въ указанной выше перепискѣ Нелединскаго-Мелецкаго съ Сенатомъ.

въ обязанность губернскимъ начальствамъ: въ этихъ предписаніяхъ главную роль играла утренняя и вечерняя перекличка рекрутъ по именнымъ спискамъ.

Поимка бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ была главнымъ образомъ возлагаема на губернскія начальства, причемъ указы посылались или во всѣ губерніи [138]), или въ опредѣленныя; послѣднее дѣлалось тогда, когда существовало предположеніе, что бѣглые преимущественно скрывались въ данной губерніи [139]). Иногда для поимки командировались офицеры отъ непосредственнаго военнаго начальства; послѣднее предпринималось только въ случаяхъ побѣговъ солдатъ, и губернаторы, до которыхъ касались эти командировки, обязаны были вспомоществовать командированнымъ въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія; вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторамъ предписывалось имѣть надзоръ за этими офицерами, чтобы они при поимкѣ воздерживались отъ лихоимства и оскорбленій обывателей: «...только того смотрѣть, чтобъ отъ того офицера въ сыску тѣхъ бѣглыхъ солдатъ обидъ и налогъ никому не было.» [140])

Независимо отъ всего этого поимка бѣглыхъ или донесеніе объ ихъ мѣстопребываніи возлагалась и на частныхъ лицъ, у которыхъ бѣглые проживали или которые увѣдомлялись о томъ стороною. Это считалось какъ-бы обязанностью каждаго гражданина, и для привлеченія къ исполненію ея обѣщались разныя награды: иногда неопредѣленно обнадеживали «Его, Государевой, милостію» [141]); иногда же назначалась денежная награда въ опредѣленномъ размѣрѣ [142]); за неисполненіе же опредѣлялось *жестокое наказаніе* и конфискація имѣнія [143]).

Пристанодержателямъ, объявившимъ наконецъ о бѣглыхъ, прощались ихъ вины.

Пойманные рекруты и солдаты приводились въ мѣстную губернскую канцелярію или избу: тамъ ихъ допрашивали и приговаривали къ опредѣленному указами наказанію или отправляли по подсудности [144]).

---

[138]) См. А. М. Ю., кн. 17, л. 174, 182 и слѣд.

[139]) Такъ, въ 1712 г. въ іюнѣ партія рекрутъ въ 299 человѣкъ изъ числа отправленныхъ изъ Москвы, отъ казанскаго коммиссарства, въ Ригу, разбѣжалась въ двухъ верстахъ отъ села Вяземъ, находящагося на Можайской дорогѣ отъ Москвы къ Смоленску; предполагали, что бѣглые должны были скрываться въ Смоленской губ., вслѣдствіе чего указъ о поимкѣ ихъ былъ посланъ только къ одному смоленскому губернатору, Салтыкову. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 17, л. 715 и слѣд.

[140]) См. примѣръ такой командировки офицера отъ фельдмаршала Меньшикова въ Сибирь—въ А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 19, л. 945.

[141]) П. С. З. № 2.728.

[142]) Ibid. № 2.900.

[143]) П. С. З. №№ 2.499, 2.755 и мн. др.

[144]) Прим. Въ 1714 г. въ Петербургской канцеляріи допрашиваемы были четверо бѣглыхъ изъ Петербурга новобранцевъ (forum delicti), изъ которыхъ

Слѣдствіе (розыскъ) о побѣгѣ заключалось въ распросахъ о личности пойманнаго, о времени и способѣ побѣга и поимки [145]), а равно о томъ, гдѣ бѣглые скрывались, причемъ послѣдній пунктъ розыска производился *съ пристрастіемъ*, т.-е. пойманнаго допрашивали въ застѣнкѣ въ виду орудій пытки и съ подтвержденіемъ о томъ, что онъ, въ случаѣ ложнаго, сбивчиваго показанія, будетъ пытанъ [146]). Допросныя рѣчи (протоколы) препровождались въ Сенатъ [147]). Пойманныхъ бѣглыхъ солдатъ отсылали къ подлежащему военному начальству [148]). Болѣе употребительнымъ наказаніемъ пойманнымъ бѣглецамъ была смертная казнь повѣшеніемъ [149]), но иногда наказанія за побѣги имѣли различныя степени, основаніемъ различія которыхъ было или количество совершенныхъ побѣговъ, или мѣра участія въ преступленіи. Число степени измѣнялось время отъ времени, какъ измѣнялись и самыя степени по существу: прежде назначено было всего 2 степени за двукратный и однократный побѣгъ. Первою степенью была смертная казнь повѣшеніемъ, а второю—наказаніе шпицрутенами чрезъ весь полкъ въ продолженіе трехъ дней [150]); послѣ были приняты во вниманіе троекратные побѣги, и число степеней было увеличено до трехъ, при чемъ смертная казнь была замѣнена ссылкою въ каторжныя работы безъ срока, что составило такимъ образомъ 1-ю степень наказанія; второю степенью была назначена ссылка на срокъ, а третьею—наказаніе кнутомъ и опредѣленіе въ полки попрежнему [151]).

Срокъ ссылки тоже измѣнялся: въ концѣ 1709 онъ былъ десятилѣтній [152]), а потомъ былъ измѣненъ въ пятилѣтній [153]). Наконецъ, въ 1716 г. былъ изданъ новый Воинскій Уставъ, по которому были назначены, попрежнему, двѣ степени наказанія за побѣгъ, причемъ были различены рекруты, убѣжавшіе прежде года службы, отъ солдатъ. Первою степенью, по Уставу, было наказаніе кнутомъ, вырѣзываніе ноздрей предъ полкомъ и ссылка въ каторжныя работы безъ срока, что за-

---

трое были пойманы работниками Александро-Невскаго монастыря и отосланы въ помянутую канцелярію, а одинъ былъ пойманъ около города Тихвина и отданъ въ Тихвинскую приказную избу, гдѣ комендантъ Стромиловъ, узнавъ по розыску, что онъ бѣжалъ изъ Петербурга, препроводилъ его по подсудности. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 16, л. 1.114-й и слѣд.

[145]) Ibid.

[146]) Отвѣтные пункты Нелединскому-Мелецкому п. 11, ук. Сен. 12 іюня 1711 г.

[147]) Ibid. и др.

[148]) Ibid.

[149]) П. С. З. №№ 2.437, 2.813, 2.859, 2.980, указъ 27 сент. 1700 г., справка въ Военной канц. по доношенію Нелединскаго-Мелецкаго, п. 1-й.

[150]) П. С. З. № 2.566.

[151]) П. С. З. № 2.901.

[152]) Отвѣт. пункты п. 6-й.

[153]) № 2.901.

мѣнило съ этихъ поръ смертную казнь для двукратныхъ бѣглецовъ; что же касается до виновныхъ въ троекратныхъ побѣгахъ рекрутъ, то имъ очевидно была назначена смертная казнь, какъ и солдатамъ, ибо Уставъ, снисходя къ рекрутамъ, предполагаетъ, однакожь, только два побѣга; второю степенью назначено уже прежде упомянутое наказаніе шпицрутенами сквозь строй [154]). Иногда измѣнялся самый родъ наказанія: кнутъ или шпицрутены замѣнялись батогами [155]). Вмѣстѣ съ этимъ были опредѣлены различныя наказанія пристанодержателямъ и укрывателямъ бѣглыхъ: иногда они подвергались смертной казни [156]); иногда же тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ каторгу [157]), а иногда—лишенію чина и конфискаціи имѣнія [158]). Мелкопомѣстные владѣльцы и крестьяне общинники подвергались за пристанодержательство также отдачѣ въ солдаты [159]). Родственники и свойственники рекрутъ, виновные въ ихъ пристанодержательствѣ, были подвергаемы денежнымъ штрафамъ въ значительномъ размѣрѣ, а въ случаѣ несостоятельности — наказанію кнутомъ; иногда же имъ грозила участь наравнѣ съ бѣглыми [160]). Въ послѣдствіи за пристанодержательство назначался штрафъ въ размѣрѣ трехгодичнаго солдатскаго жалованья за каждаго человѣка [161]). Въ 1717 г. по отношенію къ наказаніямъ за пристанодержательство былъ изданъ чрезвычайно интересный указъ: въ немъ различены злой умыселъ отъ незнанія. Въ практикѣ того времени встрѣчались случаи, такъ сказать, невиннаго пристанодержательства: къ какому-либо земле-или-домовладѣльцу нанимался бѣглый въ работники, но хозяинъ не зналъ про то, что онъ бѣглый, слѣдовательно вся вина послѣдняго заключалась въ небрежности: онъ нанималъ пришлаго человѣка безъ поручныхъ по немъ записей,—здѣсь было не преступленіе, а проступокъ. Эти оттѣнки и предусмотрѣны указомъ 17 октября.

---

[154]) Воинск. Уст. гл. XII арт. 95; указъ кодъ № 3.136. Впрочемъ, и послѣ изданія Воинскаго Устава мы встрѣчаемъ назначеніе трехъ степеней наказанія, причемъ существо ихъ опредѣляется на основаніи прежнихъ указовъ (П. С. З. № 2.901); такъ было опредѣлено по указу 17 окт. 1717 г. П. С. З. № 3.110. Здѣсь дѣйствовалъ не законъ, а правительственныя распоряженія.

[155]) Во 2-й статьѣ справки по доношенію Нелединскаго Мелецкаго, о наказаніи рекрутамъ, бѣжавшимъ по выходѣ партій изъ городовъ, въ 1705 г. читаемъ: „....а которые, вышедъ изъ Москвы и изъ городовъ въ близости, бѣжали, и тѣмъ въ Воинскомъ Приказѣ чинено наказаніе—по разсмотрѣнію биты кнутомъ, а иные вмѣсто кнута, снемъ рубаху, батоги.“

[156]) П. С. З. №№ 2.499 и 2.728.

[157]) П. С. З. № 2.467, ст. 8, 2.876.

[158]) П. С. З. №№ 2.813, 2.859, 2.980.

[159]) Справка по доношен. Мелецкаго, ст. 5.

[160]) П. С. З. № 2.281.

[161]) П. С. З. № 2.885.

Въ случаѣ доказаннаго злаго умысла пристанодержатели платили штрафъ въ 36 р. за человѣка, а въ случаѣ незнанія они штрафовались по состоянію, «смотря по персонамъ, чтобъ не гораздо были въ тягости, и по разчисленію житія, гдѣ сколько жилъ». Съ бояръ, окольничихъ, ближнихъ и думныхъ людей (высшихъ чиновъ) взималось 10 руб. Съ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и съ приказныхъ людей по 5 р., а съ купцовъ и крестьянъ—«примѣняясь къ томужъ», какъ сказано въ указѣ. Здѣсь предоставляется областнымъ начальствамъ, на обязанности которыхъ лежали вопросы объ искорененіи всякихъ бродягъ, а въ томъ числѣ и бѣглыхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, широкое поприще для усмотрѣнія. Но при этомъ мы не видимъ никакихъ гарантій для обывателей, купцовъ и крестьянъ, и само собою разумѣется, что такое широкое усмотрѣніе не было легко для нихъ (П. С. З. № 3.110).

Назначая болѣе или менѣе суровую кару за побѣги, правительство нерѣдко дѣйствовало и мѣрами кротости, поощряя добровольную явку изъ бѣговъ; такъ въ 1711 г. драгунамъ, солдатамъ и рекрутамъ, находившимся въ бѣгахъ съ начала Турецкой войны, было разрѣшено добровольно являться въ Москвѣ въ Военный Приказъ, а въ областяхъ — къ губернаторамъ и комендантамъ, и заслуживать свои вины въ прежнихъ чинахъ безъ наказанія. Срокъ былъ объявленъ полугодовой [162]), но такъ какъ, не взирая на это, многіе не воспользовались дозволеніемъ, то въ октябрѣ того же года добровольная явка была отсрочена по 1 января 1712 г. [163]). Въ послѣдствіи встрѣчаются примѣры еще большей снисходительности: такъ въ 1713—1715 годахъ явка была отстрочиваема четыре раза [164]), или же въ 1717 г. — бѣглымъ отсрочено было по 1 января 1718 г. [165]).

II) ВОПРОСЪ О ПОБѢГАХЪ РЕКРУТЪ СЪ ПУТИ КЪ МѢСТАМЪ НАЗНАЧЕНІЯ.

Рекрутскія партіи въ переходномъ состояніи находились подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностью отводчиковъ. Слѣдовательно, на нихъ лежала и обязанность предупреждать возможность побѣговъ; но право наказанія не всегда принадлежало имъ: во всякомъ случаѣ, оно лишь тогда принадлежало имъ, когда это было положительно выражено въ указѣ; такой же примѣръ встрѣчается лишь однажды: въ 1711 г. офицерамъ, отводившимъ партіи рекрутъ въ армію и Рижскій гарнизонъ, было предоставлено право подвергать бѣглецовъ смертной казни тамъ гдѣ они пойманы, не списываясь съ Военнымъ Приказомъ [166]). Общее же правило относительно наказанія рекрутъ бѣ-

---

[162]) П. С. З. №№ 2.318 и 2.323.

[163]) Ibid. № 2.437.

[164]) П. С. З. №№ 2.728, 2.813, 2.859.

[165]) П. С. З. № 3.060.

[166]) Отв. пункты Нелединскому-Мелецкому, п. 8.

жавшихъ съ пути было таково: отводчики должны были препровождать пойманныхъ бѣглецовъ въ Военный Приказъ, какъ центральное мѣсто по военному вѣдомству вообще [167]).

Изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, что во всѣхъ мѣропріятіяхъ того времени главною цѣлью было пріобрѣтеніе всякаго рода средствъ для рѣшенія тѣхъ задачъ, которыя были поставлены государству историческими обстоятельствами; этой цѣли государство измѣняло только въ видахъ крайней необходимости, и тогда оно обращалось къ различнымъ средствамъ, въ числѣ которыхъ видную роль играла гуманность и справедливость, — начала, которыя могутъ сами по себѣ сдѣлаться цѣлями только при спокойномъ развитіи государства, а не въ эпоху его борьбы за собственное существованіе, борьбы, во время которой необходимость есть единственный законъ, а удовлетвореніе ей — нравственная обязанность правителя.

Пополняя постоянно личный составъ войска, губерніи должны были, въ случаѣ надобности, по требованію правительства, снабжать войско лошадями строевыми (драгунскими) и обозными (подъемными). Сборы были почти ежегодными, причемъ, обращаясь ко всему государству вообще или къ данной губерніи въ особенности, указы большею частью означали валовое число, предоставляя раскладку по дворамъ мѣстнымъ властямъ.

По отношенію къ вопросу объ укомплектованіи войскъ лошадьми, мы должны прежде всего замѣтить нѣкоторое различіе, установленное относительно лицъ, которыя отбывали эту повинность. Одинъ разрядъ лицъ ежегодно отбывалъ ее: это были священно-служители, а всѣ другіе отбывали ее только въ случаѣ надобности.

Нельзя не усмотрѣть въ такой мѣрѣ того справедливаго уравненія народныхъ тягостей между всѣми классами общества, которое было одною изъ постоянныхъ цѣлей Петра Великаго и котораго достигнуть онъ стремился во время всей своей многотрудной жизни при малѣйшей къ тому возможности. Вникнемъ въ это. Священнослужители имѣли недвижимую собственность, кромѣ того получали извѣстный доходъ, иногда ругу, но между тѣмъ не несли главной тягости, не брались въ военную службу, что вполнѣ и соотвѣтствуетъ ихъ благодатному назначенію—совершителей Безкровной Жертвы; на всѣхъ же другихъ классахъ общества лежала личная служба или замѣна ея денежными взносами опредѣленныхъ размѣровъ, независимо отъ прочихъ поборовъ натурою и деньгами. Для уравненія и предпринято наложить на нихъ ежегодное укомплектованіе войскъ лошадями. Начало этого порядка было положено именнымъ указомъ 17 марта 1707 г., которымъ царь повелѣваетъ начальнику Патріаршаго Приказа, Мусину-Пушкину: «московскихъ и городовыхъ церквей съ поповъ и дьяконовъ на 707 годъ взять *и впредь по вся годы имать* съ приходовъ ихъ съ уѣздныхъ съ 300 дворовъ по драгунской лошади,

[167]) Приведенная выше 2-я ст. справки по донош. Нелединскаго-Мелецкаго.

а московскихъ и городовыхъ обложить примѣняясь по разсмотрѣнію потому какъ московскіе передъ городовыми и городовые передъ уѣздными имѣютъ излишніе доходы». Надо замѣтить, что въ основаніе принято было количество дворовъ прихода. Этотъ указъ въ послѣдствіи (25 іюня того же года) былъ дополненъ слѣдующимъ расчисленіемъ: съ бѣлаго духовенства Москвы велѣно было брать со 150 дв. прихода, а съ городоваго — съ 200 дв., причемъ означены цѣна лошади (12 руб.) и возрастъ (менѣе 10 лѣтъ); кромѣ того, въ этомъ дополнительномъ указѣ предписано было, что въ случаѣ прихода меньшаго установленной нормы священнослужители должны были отбывать повинность складчиною, предписаніе, почти всегда повторяемое въ подобныхъ случаяхъ [168]).

Итакъ, *бѣлое духовенство было обложено повинностью лошадьми, причемъ основаніемъ обложенія было принято количество доходовъ, мѣриломъ которыхъ было число дворовъ въ приходѣ.* Вскорѣ эта повинность была обращена въ деньги: 3 октября того же года въ Патріаршій Приказъ поступила челобитная отъ духовенства московскихъ сороковъ церквей о дозволеніи имъ уплачивать за каждую лошадь даже выше опредѣленной стоимости (по 15 руб.), но не брать съ нихъ натурою, такъ какъ лошадей имъ неоткуда взять. Эта челобитная была удовлетворена, что видно изъ помѣты на ней за подписью Мусина-Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ дозволеніе, сдѣланное московскому духовенству, было тогда же распространено и на остальные его разряды, и повинность была обращена въ деньги [169]).

Отбываніе этой повинности было подчинено мѣстному областному начальству, а въ Москвѣ—Патріаршему Приказу [170]). Постоянное пополненіе количества давало возможность не каждый годъ отягощать остальные классы общества этою повинностью.

Указы о сборахъ лошадей или назначаютъ валовое количество, предоставляя расчисленіе по дворамъ мѣстнымъ властямъ [171]), или назначая валовое число, опредѣляютъ и число дворовъ, съ которыхъ должны были взиматься лошади [172]), причемъ до извѣстнаго минимума дворового числа повинность отбывалась складчиною, а ниже—взимались деньги съ каждаго двора въ опредѣленномъ количествѣ [173]). Иногда же опредѣлялась прямо норма сбора—число дворовъ [174]). Иногда въ указахъ обозначались цѣна и лѣта [175]), а иногда одна цѣна безъ обозначенія лѣтъ [176]).

---

[168]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 2, л. 148 и сл.

[169]) Тамъ же, до 153 стр.

[170]) Ibid.

[171]) П. С. З. №№ 2.338, 2.341. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 19, л. 53; 16, л. 497 и сл.

[172]) П. С. З. № 2.406.

[173]) П. С. З. № 2.406.

[174]) Инструкція курьеру Уразову отъ 14 марта 1713 г. А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 96, л. 79 и слѣд. П. С. З. № 2.682.

[175]) П. С. З. № 2.406.

[176]) П. С. З. № 2.636.

Собранныя лошади ставились по станціямъ до отправленія, и во все это время продовольствовали ихъ фуражемъ или изъ губернскихъ доходовъ [177]), или изъ запасовъ монастырскихъ — въ томъ случаѣ, если станціи назначались въ монастыряхъ; такъ въ 1712 г. изъ 234 лошадей, собранныхъ съ Московской губ. для драгунскаго эскадрона, 134 были расположены на станціяхъ въ ближнихъ къ Москвѣ монастыряхъ, которые и должны были фуражировать [178]).

Въ мѣста назначенія лошади были отправляемы съ особыми отъ губерній комиссарами [179]). Если у полковыхъ командировъ на дорогѣ заболѣвали лошади или изнурялись въ пути и не были годны для дальнѣйшаго похода, то ихъ оставляли у мѣстныхъ уѣздныхъ начальниковъ на ихъ отвѣтственность съ росписками; при этомъ полковые командиры о такихъ оставленныхъ лошадяхъ должны были доносить Сенату съ подробнымъ обозначеніемъ, гдѣ онѣ оставлены, кому сданы и подъ чьи росписки, а равно и съ обозначеніемъ мастей оставленныхъ лошадей порознь [180]).

Выше мы раздѣлили повинность укомплектованія войскъ лошадьми на двѣ части по лицамъ, которыя къ отбыванію ея призывались; мы сказали, что бѣлое духовенство постоянно отбывало ее, а остальные классы общества—въ случаѣ требованія. Но случаи требованія были довольно часты, и сборы были почти ежегодными и съ другихъ классовъ; при этомъ надобно замѣтить, что на основаніи указовъ 17 марта и 25 іюня 1707 г. бѣлое духовенство было обложено повинностью выставлять драгунскихъ, т.-е. строевыхъ лошадей, что же касается до обозныхъ (подъемныхъ), то о нихъ ничего не упоминается въ этихъ указахъ, слѣдовательно, сборъ ихъ падалъ на остальной народъ.

Слѣдующія таблицы наглядно покажутъ, какъ велико было количество строевыхъ и обозныхъ лошадей, собираемое со всего государства, и дастъ намъ хоть слабое понятіе о размѣрахъ этой повинности.

На станціяхъ въ шести губерніяхъ (исключены С.-Петербургская и Кіевская), въ разные мѣсяцы 1714 г., за расходами въ остаткѣ было такое количество лошадей:

а) въ апрѣлѣ.

Названія лошадей.	Московская.	Рижская.	Казанская.	Архангелогородская.	Азовская.	Сибирская.
Строевыхъ.	364	405	5.564	68	40	—
Обозныхъ.	4.361	—	—	795	557	699

[177]) П. С. З. № 2.631.
[178]) А. М. Ю. Д. Сен., кн. 19, л. 53 и слѣд.
[179]) Тамъ-же, кн. 14, л. 758.
[180]) Тамъ-же, кн. 16, л. 100 и 142.

б) въ августѣ.

Лошади.	Московская.	Рижская.	Казанская.	Архангело-городская.	Азовская.	Сибирская.
Строевыхъ.	6.984	405	4.272	68	141	100
Обозныхъ.	—	—	462	796	—	699 [191]).

Изъ сравненія двухъ этихъ таблицъ видно, что недостатокъ запасныхъ лошадей постоянно пополнялся, такъ что, несмотря на расходы, на станціяхъ всегда находилось болѣе или менѣе значительное количество лошадей. С.-Петербургская губ., какъ вновь устрояемая и населяемая, постоянно щадилась во всякаго рода наборахъ; что же касается до Кіевской, то она, по своему положенію, нерѣдко страдала отъ постояннаго передвиженія войскъ, а равно и отъ эпидемій, которыя почти всегда начинались съ нея и нерѣдко ею и ограничивались; вслѣдствіе этого правительство также старалось, въ видахъ уравненія тягостей, время отъ времени освобождать ее отъ разныхъ чрезвычайныхъ, а иногда и табельныхъ наборовъ.

Переходимъ къ вопросу о снабженіи войскъ провіантомъ и фуражемъ. Чины, въ вѣдомствѣ которыхъ находилось это дѣло, насколько оно касалось области, по учрежденіи губерній остались тѣ же, что были и до него; они были *коронные* и *выборные*, причемъ прямымъ послѣдствіемъ этихъ различныхъ способовъ назначенія было различіе въ отвѣтственности въ случаяхъ злоупотребленій или неисправностей этихъ чиновъ: коронные чиновники были подвергаемы отвѣтственности лично, а за выборныхъ — отвѣтственность падала на избравшее ихъ общество. Коронные чиновники провіантскаго вѣдомства были дѣти боярскіе изъ мѣстныхъ жителей и подьячіе мѣстныхъ приказныхъ палатъ, по назначенію воеводъ и губернаторовъ; выборные спеціально назывались, какъ и вездѣ, *цѣловальниками*, т.-е. лицами облеченными довѣріемъ общества, высказавшимся въ ихъ избраніи и гарантированнымъ присягою (крестнымъ цѣлованіемъ). Иногда эти выборные назывались *бурмистрами къ провіантскимъ дѣламъ*, т.-е. у *провіантскихъ дѣлъ*, причемъ названіе «бурмистръ» по отношенію къ нимъ, очевидно, употреблялось въ общемъ смыслѣ: этимъ именемъ указы того времени нерѣдко называли вообще всѣхъ выборныхъ отъ общества должностныхъ лицъ, и такимъ образомъ смѣшивали понятіе бурмистра съ понятіемъ цѣловальника. Вездѣ ли были тѣ и другіе чины, изъ памятниковъ не видно, но бывали примѣры ихъ совмѣстнаго существованія. Впрочемъ, изъ чтенія различныхъ воеводскихъ наказовъ конца XVII и начала прошлаго столѣтія легко придти къ тому заключенію, что такое совмѣстное существованіе коронныхъ и выборныхъ чиновниковъ провіантскаго вѣдомства было не во всѣхъ областяхъ, въ нѣкоторыхъ существовали только выборные: иначе ничѣмъ нельзя объяснить умолчаніе о коронныхъ въ однихъ на-

[191]) А. М. Ю. Д. Сен., кн. 16, л. 635, 1.043 и слѣд.

казахъ и упоминаніе о нихъ въ другихъ. Воеводскіе наказы писались чрезвычайно подробно, въ нихъ законодательство старалось предусматривать всѣ возможные частные случаи, могущіе встрѣтиться въ воеводской практикѣ, что весьма понятно, ибо при тогдашней неопредѣленности отношеній и при обычномъ своекорыстіи должностныхъ лицъ всякое недоразумѣніе могло быть вредно для интересовъ казны: вслѣдствіе этого и нельзя предположить, чтобы при существованіи въ области коронныхъ провіантскихъ чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находилась важная часть областнаго управленія, наказы умалчивали бы о нихъ, не очертили бы предѣловъ ихъ должности, причинъ, рода и степени ихъ отвѣтственности.

Центральное вѣдомство по провіантской части учреждено было въ 1700 г. [182]) и вскорѣ получило наименованіе Провіантскаго Приказа; прежде, по всей вѣроятности, оно было раздѣлено между областными Приказами. Провіантскій Приказъ былъ какъ бы отдѣленіемъ Военнаго, что видно изъ отношеній, которыя существовали между этими двумя Приказами; въ послѣдствіи [183]) это устройство провіантскаго вѣдомства продолжало существовать и послѣ учрежденія губерній, когда областное провіантское вѣдомство было поставлено въ нѣкоторую зависимость отъ военнаго коммиссаріата, который получилъ право и обязанность надзора за областными провіантскими чинами и коммиссарами отъ губерній при полкахъ [184]).

Обязанности провіантскихъ чиновъ были слѣдующія: сборъ провіанта и доставка его, что поручалось преимущественно коронным чиновникамъ тамъ, гдѣ они существовали; храненіе провіантскихъ запасовъ въ мѣстныхъ магазинахъ и пріемъ провіанта отъ подрядчиковъ или плательщиковъ, что поручалось обыкновенно цѣловальникамъ. Въ мѣста, которыя назначались указами центральными въ поставкѣ, присылались изъ Сената особые провіантмейстеры изъ царедворцевъ; они получали отъ Сената инструкціи для своихъ дѣйствій, причемъ имъ давались въ тѣхъ губерніяхъ, куда они были посылаемы, подьячіе и цѣловальники: первые для письмоводства, а вторые для непосредственнаго пріема провіанта, что они производили подъ надзоромъ и руководствомъ присланныхъ пріемщиковъ.

---

[182]) Им. ук. 18 февраля П. С. З. № 1.764.

[183]) Указъ 3 сентября 1704 г.—о послушаніи воеводъ, приказныхъ людей и полковыхъ командировъ требованіямъ Провіантскаго Приказа, данъ Приказу Военныхъ Дѣлъ, и послушныя о томъ грамоты велѣно послать начальнику послѣдняго, Долгорукому (Якову Ѳеодор.). См. П. С. З. № 1.992.

[184]) Существованіе того же порядка вещей послѣ учрежденія губерній явствуетъ изъ упоминаній о провіантмейстерахъ и еще болѣе частыхъ о цѣловальникахъ, ихъ назначеніи и отвѣтственности. См. П. С. З. №№ 2.465, 2.835 А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 211, л. 23 (Сен. ук. 20 іюня 1714 г. объ отвѣтственности цѣловальниковъ за пріемъ дурнаго провіанта).

По совершеніи наказомъ опредѣленныхъ формальностей пріемщики давали подрядчикамъ такъ-называемыя *ссыпныя памяти*, которыя тѣ представляли цѣловальникамъ, какъ дозволеніе принять у нихъ доставленный провіантъ безпрепятственно. По окончаніи пріема, и по совершеніи другихъ, связанныхъ съ нимъ дѣйствій, напр. взиманія рублевыхъ пошлинъ, если онѣ не были уплачены подрядчиками въ мѣстахъ покупки провіанта и если тому не предъявлены ими законныя доказательства, зачета уплаченныхъ пошлинъ, записки въ книги,—пріемщики выдавали подрядчикамъ отписи [185]).

Таковъ былъ кругъ дѣйствій провіантскихъ чиновъ, изъ которыхъ коронные въ послѣдствіи стали называться общимъ именемъ провіантмейстеровъ.

Провіантмейстеры находились подъ начальствомъ областныхъ правителей, отъ которыхъ зависѣло ихъ назначеніе, штрафы и смѣна [186]). Областные начальники, воеводы, а въ послѣдствіи губернаторы, были главными лицами, завѣдывавшими сборами провіанта въ областяхъ: имъ посылались указы отъ центральнаго вѣдомства, на нихъ лежала непосредственная отвѣтственность за злоупотребленія и упущенія по этому предмету [187]).

Относительно наказаній и штрафовъ провіантскихъ чиновниковъ воеводамъ или губернаторамъ рекомендовались тѣ или другія мѣры, но все-таки лицомъ, отвѣтственнымъ передъ центральною властью, былъ самъ губернаторъ или воевода. Кромѣ того, областные начальники завѣдывали постройкою анбаровъ, или магазиновъ, для храненія провіантскихъ запасовъ на мѣстѣ, дѣланіемъ струговъ для перевозки провіанта отъ казны, а равно и договорами съ подрядчиками въ тѣхъ случаяхъ, когда доставка провіанта въ то или другое мѣсто была поручаема частнымъ лицамъ, которыя при заключеніи договора должны были платить въ казну таможенную пошлину въ размѣрѣ гривны съ рубля подрядной цѣны [188]). Усмотрѣніе воеводъ и губернаторовъ иногда, на основаніи указовъ, доходило до права расчислять потребное съ губерніи количество провіанта по долямъ дворового числа, причемъ въ указахъ означалась только валовая цифра на всю губернію [189]).

Изъ этого общаго строя провіантскаго вѣдомства въ 1714 г. была выдѣлена новозавоеванная Лифляндія. По своему географическому положенію эта провинція была причислена въ порядкѣ управленія къ учрежденной въ 1713 г. Рижской губерніи. Особенность обычаевъ и административнаго строя этой провинціи, развившагося подъ вліяніемъ шведъ-

---

[185]) П. С. З. № 2.648.

[186]) См. воеводскіе наказы и вышеуп. №.

[187]) Ibid.

[188]) П. С. З. №№ 2.631, 2.648 и др.

[189]) П. С. З. №№ 2.295, 2.320 и 2.633.

скаго законодательства, заставила перваго рижскаго губернатора, кн. Голицына (Петра Алексѣевича), устроить тамъ подходящее провіантское вѣдомство, которое выдѣлило бы Лифляндію въ этомъ отношеніи изъ общаго порядка. По проекту Голицына, принятому Сенатомъ 21 іюля 1714 г., это вѣдомство непосредственно соединялось съ лифляндскимъ коммиссаріатомъ, устроеннымъ по его же плану, и съ управленіемъ королевскими имѣніями, пріобрѣтенными Россіею вмѣстѣ съ новою провинціею. Составъ этого соединеннаго вѣдомства былъ таковъ: начальникомъ его былъ назначенъ особый генералъ-коммиссаръ въ рангѣ генералъ-майора, подъ вѣдѣніемъ котораго находились всѣ оберъ-коммиссары, коммиссары и провіантмейстеры провинціи; онъ въ случаѣ надобности ландратамъ давалъ предложенія, а чиновникамъ своего вѣдомства—указы. Кругъ его вѣдомства заключался въ расположеніи полковъ по провинціи (диспозиція), въ вѣдѣніи подлежащихъ доходовъ и расходовъ, бухгалтеріи и ревизіи счетовъ; по отношенію же къ королевскимъ имѣніямъ— онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ прикащиковъ и арендаторовъ. Самъ генералъ-коммиссаръ находился подъ вѣдѣніемъ и начальствомъ только одного рижскаго губернатора, который былъ обязанъ контролировать его дѣйствія.

Вмѣстѣ съ представленіемъ этого проекта Сенату Голицынъ просилъ о назначеніи въ должность генералъ-коммиссара Бестужева-Рюмина, бывшаго въ то время генералъ-кригсъ-цальмейстеромъ, т.-е. начальникомъ всего кавалерійскаго коммиссаріата, и гофмейстеромъ Курляндской Герцогини Анны Іоанновны. Основаніемъ такой просьбы было то, что, живя въ Курляндіи, Бестужевъ пріобрѣлъ необходимую опытность въ мѣстныхъ обычаяхъ, зналъ народъ и языкъ [190]).

---

[190]) Считаемъ нелишнимъ привести въ копіи этотъ проектъ Голицына, такъ какъ онъ не помѣщенъ въ Полн. Собр. Зак., а между тѣмъ составляетъ интересный памятникъ для исторіи русскаго областнаго управленія, тѣмъ болѣе, что онъ не остался проектомъ безъ исполненія. Вотъ текстъ его съ сохраненіемъ всей орфографіи подлинника:

„Доношу Вашему Сіятельству зѣло нужно для лутчего интересу Манарштенского врижской губерніи надлежитъ быть изрускихъ Генералу Комисару надцелою лиеляндскою правинціею Арангъ его суть яко Генералъ-Маеоръ, А всвоей онъ каманде содержитъ оборъ комисаровъ и комисаровъ и правіантъ Мейстеровъ и дѣло ево ежели что о правинцы потребно будетъ тогда приметъ отъ Губернатора указъ и дѣлаетъ диспозицыю и даетъ предложеніе лантъ-ратамъ и камисарамъ указы И оной Генералъ Камисаръ от той правинцы всякие доходы содержитъ и расходы и ревизуетъ и щитаетъ такъ же и королевские деревни онъ вѣдаетъ і втѣхъ деревняхъ Арендори и прикащики въ ево команде есть а о всѣхъ своихъ дѣлахъ извѣстие и щотъ отдаетъ втод Губернатору самому а оной Генералъ Комисаръ опричь Губернаторской надъ собой команды ничьей неимѣетъ того ради Ваши Сіятельства прошу Да повелите врижской губерніи быть Генераломъ Комисаромъ Господину Криксъ цаль Мейстеру ѣе высочества Царевны Государыни Пресвѣтлейшей Герцогини Курляндской Оборъ-Гофъ-Мей-

Провіантскіе сборы раздѣлялись на *окладные* и *неокладные*, или *запросные*. Размѣръ окладныхъ сборовъ не былъ опредѣленъ постоянною цифрою, и не въ размѣрѣ заключается смыслъ понятія. «Окладной провіантъ»: это понятіе тѣсно связано съ распредѣленіемъ полковъ по губерніямъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ, *окладной провіантъ есть постоянный, ежегодный сборъ хлѣбнаго жалованья на тѣ полки, которые, по табеляхъ 1710 и 1711 годовъ, положены были на данную губернію, причемъ размѣръ этого сбора соотвѣтствовалъ потребности*. Но кромѣ полковъ, положенныхъ на данную губернію, послѣдняя постоянно призывалась къ разнаго рода временнымъ пожертвованіямъ деньгами или натурою: напр. полки и цѣлыя дивизіи располагались въ ней на зимнія квартиры, потребляли количество запаснаго провіанта, почему и собирались запасы вновь, или въ губерніи готовились особые запасы, предназначенные исключительно для зимовки войскъ; равнымъ образомъ, въ новозавоеванные города, въ которыхъ по преимуществу было необходимо безбѣдное продовольствіе, провіантъ собирался съ губерній же и т. п. *Всѣ сборы этого рода, размѣры которыхъ были тоже неравны, и представляютъ случаи сборовъ запроснаго провіанта*, т.-е. сборовъ чрезвычайныхъ, независимыхъ отъ тѣхъ, которые разъ навсегда положены на губерніи. По необходимости, оба эти сбора были постоянными и отличались другъ отъ друга только ближайшею цѣлью и установленіемъ. Чтобы подкрѣпить эту мысль доказательствомъ, приведемъ слѣдующій примѣръ: въ концѣ 1711 г. на станціяхъ Кіевской губерніи было расположено нѣсколько полковъ, что было необходимо для безопасности границъ отъ Турокъ, казаковъ, перешедшихъ на сторону Карла XII, и Татаръ, бывшихъ почти постоянными союзниками Турціи противъ Россіи. На Кіевской губерніи лежала обязанность продовольствовать эти полки, но запаснаго провіанта въ магазинахъ не было, потому что губернія въ 1711 г. была освобождена отъ окладнаго провіантскаго сбора. Кіевскій губернаторъ въ этомъ смыслѣ и донесъ Сенату; онъ пишетъ: «а по присланному указу окладного хлѣба съ Кіевской губерніи до указу имать не велѣно; а въ запросъ сбирать не смѣю». Смыслъ этихъ словъ, очевидно, тотъ, что еслибы въ магазинахъ были запасы, то изъ нихъ еще можно бы было продовольствовать полки, но ихъ нѣтъ; въ такомъ случаѣ обыкновенно собирался запросный провіантъ, но губернаторъ не смѣлъ его сбирать, такъ какъ съ его губерніи не велѣно было брать даже окладнаго. На основаніи этого донесенія Сенатъ приговорилъ: «окладной хлѣбъ съ Кіевской губерніи сбирать попрежнему, а на прибылые на кіевскія станціи полки выслать со всѣхъ губерній въ Брянскъ 40 тысячъ четей» [191]). Въ этой перепискѣ ясно различены

стеру господину Бестужеву Рюмину, понеже онъ вздѣшнихъ краяхъ вообходительстве і вычаяхъ" А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 16, л. 1.763 и слѣд.

[191]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 9, л. 30 и 32.

два сбора: льгота для Кіевской губерніи не была отмѣнена вполнѣ, а лишь ограничена въ видахъ необходимости: освободивъ эту губернію отъ окладнаго сбора, необходимо было *для продовольствія положенныхъ на нее по табелю полковъ*—собирать провіантъ съ другихъ губерній *запросомъ*, но въ данномъ случаѣ запросомъ съ послѣднихъ предположено взять на *прибылые* въ Кіевскую губернію полки, а потому на *табельные* кіевскіе слѣдовало собрать съ Кіевской губ., чтобы хоть сколько-нибудь уравнять тягость поборовъ. Этотъ сборъ на табельные кіевскіе полки, будучи собираемъ съ другихъ губерній, имѣлъ характеръ запроснаго, а съ Кіевской собирался какъ окладной. Кромѣ того, различіе, установленное нами, явствуетъ изъ того, что во всѣхъ вѣдомостяхъ и т. п. документахъ всѣ сборы съ обывателей раздѣляются на *табельные* и *сверхъ табели*, каковое дѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣленію на *окладные* и *неокладные*. Если это дѣленіе приложимъ къ нашему вопросу, то получимъ слѣдующій выводъ: провіантскіе сборы, означенные въ табели, должны быть предназначены для полковъ, опредѣленныхъ ею же, табелью, т.-е. положенныхъ на ту или другую губернію по росписанію 1711 года; всѣ прочіе сборы провіанта не могли быть обозначены въ табели, слѣдовательно должны быть названы *сверхтабельными*, или, какъ выше было сказано, — *неокладными*, *запросными*. Впрочемъ, какъ уже было замѣчено, случаи этихъ чрезвычайныхъ сборовъ провіанта были такъ часты, что получаютъ почти постоянный характеръ, повторяясь чрезъ небольшіе, хотя и неправильные, промежутки времени. Это видно изъ приходорасходныхъ книгъ и вѣдомостей, которыя время отъ времени представлялись изъ губерній въ Сенатъ; такъ, напримѣръ, въ вѣдомости о доходахъ и расходахъ городовъ, причисленныхъ ко вновь учрежденной въ 1717 г. Астраханской губ., въ числѣ неокладныхъ значатся, какъ постоянные, денежные сборы на продовольствіе разныхъ полковъ; въ нѣкоторыхъ городахъ — постоянные сборы на армейскіе полки на мясоѣдные дни и т. п. [192]). Равнымъ образомъ, въ вѣдомости, поданной въ Сенатъ изъ Кіевской губ. въ 1716 г., въ числѣ неокладныхъ сборовъ за три года, почти постоянно упоминаются подряды провіанта въ Ригу и Петербургъ [193]). Изъ всего сказаннаго само собою слѣдуетъ, *что запросный провіантъ есть чрезвычайный сборъ, установляемый время отъ времени распоряженіями правительства, независимо отъ табели 1711 г., и предназначаемый для продовольствія войска вообще, а не для тѣхъ только полковъ, которые положены на данную губернію*. Отсюда, различіе обоихъ сборовъ заключается: вопервыхъ, *въ характерѣ ихъ*—окладной провіантъ имѣетъ постоянный и спеціальный характеръ, а запросный—чрезвычайный и общій; вовторыхъ, въ установленіи: первый установленъ закономъ (табелью 1711 г.), а второй установлялся всякій разъ прави-

[192]) А. М. Ю. Дѣла Сен., кн. 91, л. 1 и слѣд.

[193]) Тамъ же, кн. 112, л. 346 и слѣд.

тельственными распоряженіями. Сборъ провіанта производился или деньгами, или натурою [194]). Но 1-й способъ, т.-е. сборъ деньгами, какъ наиболѣе удобный, предпочитался: какъ увидимъ ниже, собираемыя деньги шли на наемъ подрядчиковъ. Что же касается до доставки его въ назначенныя мѣста, то здѣсь мы видимъ нѣсколько пріемовъ, которые и перечислимъ: доставка провіанта главнымъ образомъ производилась подрядомъ. Договоры съ подрядчиками заключались большею частью мѣстными областными правителями, но иногда были заключаемы въ Сенатѣ, въ Губернской Коммиссарской Канцеляріи, Провіантскомъ Приказѣ и Подрядной Канцеляріи или заключеніе ихъ препоручалось разнымъ должностнымъ лицамъ.

1) Порядокъ подрядовъ въ мѣстныхъ приказныхъ палатахъ или избахъ былъ таковъ: назначенное на губернію количество провіанта разлагалось на дворовое число, причемъ взыскивалось со двора деньгами по мѣстнымъ цѣнамъ. Эта сумма взималась въ приказную палату, куда призывались для торговъ охотники, которые и подряжались поставить до мѣста или до пристани опредѣленное количество. Подрядчики должны были представить поручителей по себѣ, людей состоятельныхъ и добрыхъ; послѣ этого губернаторъ обязанъ былъ удостовѣриться на мѣстѣ въ состоятельности, какъ подрядчиковъ, такъ и поручителей. Если оказывалось, что подрядчикъ представилъ въ поручители лицъ, не имѣющихъ состоянія (поземельной собственности), то съ подрядчика взыскивался штрафъ, въ обезпеченіе чего, называя поручителей, подрядчикъ долженъ былъ дать формальную сказку объ ихъ состоятельности [195]). Впрочемъ, какъ кажется, прежде поручительство по подрядчикамъ не было обязательнымъ: напр., въ началѣ 1711 г., при поставкѣ провіанта въ Ригу, съ однихъ подрядчиковъ взяты были поруки (архангелогородскій подрядъ), а были ли онѣ взяты съ другихъ, ни изъ чего не видно [196]); въ 1715 г. поручительство это было возведено въ общее правило [197]). Поручители были привлекаемы къ отвѣтственности даже и при отвѣтственности самихъ подрядчиковъ: штрафы брались, какъ съ нихъ, такъ и съ послѣднихъ [198]). При заключеніи договоровъ подрядчики представляли образцы провіанта, сообразно съ которыми губернаторы или дру-

---

[194]) А. М. Ю., кн. 1, л. 116 135: въ 1711 г. изъ всѣхъ губерній, кромѣ Сибирской, провіантъ въ Ригу былъ посланъ натурою или подрядомъ, а съ Сибирской губ., за далѣностью, были присланы въ Москву деньги, на которыя и подрядился на доставку слѣдующаго съ этой губерніи провіанта отставной кузнецъ, Филимонъ Аникѣевъ. Кн. 2, л. 9—11: изъ Казанской губ. провіантъ въ Ригу (въ томъ же году) былъ присланъ съ майоромъ Казанскаго гарнизона, Охаповымъ; ясно, что онъ былъ присланъ натурою. Также см. П. С. З. №№ 2.295, 2.465, 2.565, 2.577, 2.631, 2.633, 2.641, 2.731, 2.841 и др.

[195]) А. М. Ю. Д. С., кн. 32, л. 378, 468.

[196]) Тамъ же кн. 2, л. 10.

[197]) Ук. 18 августа 1714 г. П. С. З. № 2.841.

[198]) См. П. С. З. № 3.052.

гіе областные правители и принимали у нихъ провіантъ, выдавая въ пріемѣ отписи [199]). Деньги за подрядъ выдавались изъ сборныхъ съ губерній; порядокъ и время ихъ выдачи опредѣлялись договорами: иногда выдавался задатокъ въ количествѣ $^1/_3$ подрядной цѣны [200]), или въ задатокъ шли $^1/_2$ [201]) или $^2/_3$ ея [202]); иногда же всѣ деньги уплачивались по окончаніи подряда [203]). При записке подряда въ книгу, съ подрядчика взималась таможенная пошлина въ размѣрѣ гривны съ рубля подрядной цѣны [204]): этою пошлиною оплачивалась покупка подрядчикомъ хлѣба, который онъ долженъ былъ поставить; затѣмъ въ декабрѣ 1717 г. было постановлено освобожденіе подрядчиковъ отъ платежа всякихъ сборовъ, какъ на дорогѣ, такъ и въ мѣстахъ поставки [205]). Для удостовѣренія въ этой свободѣ отъ всякихъ пошлинъ подрядчикамъ выдавались особыя свидѣтельства, извѣстныя подъ названіемъ *заявочныхъ выписей*, которыя они и предъявляли во всѣхъ таможняхъ по пути и на мѣстѣ поставки [206]). Поставки подрядомъ обыкновенно производились по сухопутнымъ сообщеніямъ, причемъ срокъ для исполненія подряда обозначался то опредѣленнымъ днемъ, то временемъ года, напр. «по первому зимнему пути». За просрочку подрядчики платили штрафъ въ количествѣ 6 денегъ съ рубля цѣны [207]), но если въ непоставкѣ къ опредѣленному сроку провіанта виноваты были губернаторы, которые опоздали заключеніемъ договоровъ и для поставки назначили *сроки поздніе*, совпадавшіе съ весеннимъ или осеннимъ временемъ и порчею путей, то штрафъ платили они, а не подрядчики [208]). Поставка провіанта водою производилась на счетъ губерній, которыя присылали деньги къ пристани для постройки судовъ [209]); обыкновенно въ этихъ случаяхъ зимою провіантъ доставлялся въ тотъ городъ, откуда долженъ былъ далѣе слѣдовать водою, и тамъ хранился въ запасныхъ магазинахъ до вскрытія рѣкъ, или, какъ гово-

---

[199]) П. С. З. № 2.500.

[200]) А. М. Ю. Д. С., кн. 2, л. 10.

[201]) Тамъ же кн. 154, л. 159; провіантъ за Сибирь на 1714 г. въ С.-Петербургъ взялся поставить крестьянинъ Олонецкаго уѣзда, Вытегорскаго погоста, Евтихій Шестово, которому въ задатокъ дана была изъ Сибирскаго Приказа половина денегъ.

[202]) Доношеніе подрядчика, Максимова, отъ 15 февраля 1715 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 41, л. 55.

[203]) Сенатск. ук. 14 апрѣля 1715 г. объ уплатѣ денегъ подрядчику Свѣшникову. А. М. Ю. Д. С., кн. 41, л. 77; также кн. 2, л. 10 и мн. др.

[204]) П. С. З. №№ 2.648, 2.987 и др.

[205]) А. М. Ю. Д. С., кн. 17, л. 122; кн. 122, л. 112; кн. 112, л. 1.080. П. С. З. №№ 3.083 и 3.137.

[206]) А. М. Ю. Д. С., кн. 114, л. 32.

[207]) П. С. З. № 3.052 и др. А. М. Ю. Д. С., кн. 41, л. 634 и слѣд.

[208]) А. М. Ю. Д. С., кн. 2, л. 9—11; П. С. З. № 2.565 и др.

[209]) А. М. Ю. Д. С., кн. 1, л. 101 и слѣд. П. С. З. № 2.565.

рилось въ указахъ, до «первой полой воды» [210]). Контролемъ надъ подрядами завѣдывалъ Сенатъ, но въ 1715 г. было учреждено особое центральное вѣдомство для высшаго надзора за подрядными дѣлами вообще во всемъ государствѣ. Вѣдомство это получило названіе Подрядной Канцеляріи [211]); туда губернаторы должны были представлять подробные отчеты и вѣдомости по дѣламъ этого рода, а равно и самые подрядные договоры съ помѣтами и выписками, т.-е. докладными записками, или копіи съ этихъ договоровъ за своею подписью [212]). Вскорѣ по учрежденіи канцеляріи, для ближайшаго, непосредственнаго надзора въ губерніяхъ учреждены особые коммиссары, находившіеся въ вѣдѣніи начальника этой канцеляріи, Кошелева, который самъ и выбралъ ихъ для семи губерній, а для двухъ (Казанск. и Сибирск.) выборъ былъ возложенъ на мѣстныхъ губернаторовъ [213]). Эти коммиссары были снабжены отъ Кошелева наказами, а областные начальники должны были имъ доставить канцелярію, солдатъ для посылки и прогонныя деньги [214]). Обязанностью этихъ коммиссаровъ былъ надзоръ за совершеніемъ подрядовъ, но въ самое ихъ совершеніе они не должны были вмѣшиваться; это особенно объяснено въ ноябрѣ того же года,—сенатскій указъ, данный Кошелеву 2 ноября, прямо постановляетъ: «а комисарамъ въ губерніяхъ не подряжать самимъ, только смотрѣть, дабы передачъ и неправыхъ подрядовъ не было» [215]).

Если въ указѣ о сборѣ провіанта не означалось мѣсто поставки, то провіантъ ставился въ Провіантскій Приказъ, который въ такомъ случаѣ и выдавалъ подрядчикамъ отписи [216]). Въ назначенныхъ мѣстахъ пріемъ провіанта поручался или особымъ коммиссарамъ, присылаемымъ отъ Сената, какъ это мы видѣли выше, или его принималъ комендантъ крѣпости, причемъ осмотръ иногда поручался главѣ купеческаго сословія: напр., въ Ригѣ провіантъ принимался комендантомъ, Полонскимъ, а осматривался оберъ-инспекторомъ, Ильей Исаевымъ [217]).

2) Если подрядчики не брались за сходную цѣну или ихъ вовсе не было, то собранныя съ губерніи деньги обыкновенно присылались въ Сенатъ, гдѣ и производились подряды [218]); иногда это дѣло въ Сенатѣ поручалось сенатскимъ коммиссарамъ той губерніи откуда присланы были деньги: такъ въ 1714 г. подрядчикъ Казанской губ., Филимонъ Аникѣевъ, въ доношеніи своемъ Сенату отъ 18 іюня, прямо гово-

---

[210]) См. примѣч. 209.

[211]) Им. ук. 15 марта. А. М. Ю. Д. С., кн. 39, л. 1 и слѣд. П. С. З. № 2.894.

[212]) Ibidem.

[213]) А. М. Ю. Д. С., кн. 39, л. 47 и 126.

[214]) Ibidem.

[215]) А. М. Ю. Д. С., кн. 39, л. 209 и слѣд.

[216]) Тамъ же кн. 41, л. 2 и слѣд.

[217]) Тамъ же кн. 66, л. 51.

[218]) См. напр. П. С. З. № 2.841.

ритъ: «Въ прошломъ 713 г. января мѣсяца въ Москвѣ Казанской губерніи въ канцеляріи комисарскихъ дѣлъ передъ комисары, князь Ѳедоръ княжъ Ивановымъ сыномъ Борятинскимъ, князь Васильемъ княжъ Ивановымъ сыномъ Гагаринымъ, подрядился я поставить и заплатить въ Ригѣ за Казанскую губернію провіанта и т. д.» [219]). Иногда изъ губерній присылались деньги въ Москву за дальностью, причемъ подряды производились въ Провіантскомъ Приказѣ подъ надзоромъ московскаго губернатора; такъ въ 1711 г. для доставки провіанта въ Ригу были высланы изъ Архангелогородской губ. въ Москву деньги, на которыя подрядчиковъ договаривалъ московскій управитель Ершовъ: въ вѣдомостяхъ, поданныхъ въ Сенатъ, прямо сказано, что архангелогородскій провіантъ подрядился поставить въ Ригу мѣщанинъ Марьинецъ,—*по опредѣленію Московскаго управителя* [220]). Изъ Сибирской губ., по той же причинѣ, провіантъ тоже никогда не ставился подрядомъ, а постоянно въ Провіантскій Приказъ присылались деньги. Въ справкѣ, сдѣланной въ Московской Губерн. Канцеляріи 24 іюля 1711 г., указано, что изъ поморскихъ городовъ, Вятки и Соли Камской, постоянно присылались деньги съ 1707 по 1711 г., которыя такъ и названы «деньгами Провіантскаго Приказа» [221]); но иногда подряды этой губерніи были совершаемы въ Сибирскомъ Приказѣ, который получилъ значеніе не только центральнаго вѣдомства по Сибири, но и сибирской канцеляріи—особенно въ то время, когда сибирскій губернаторъ (кн. Гагаринъ) былъ и московскимъ комендантомъ, живя постоянно въ Москвѣ [222]). Вслѣдствіе такого порядка, принявшаго съ теченіемъ времени характеръ обычая, Сенатъ въ 1714 г. передалъ всѣ подрядныя дѣла Сибирской губ. въ вѣдѣніе московскаго подрядныхъ дѣлъ коммиссара, Засѣцкаго. Въ указѣ прямо выставлены мотивы такой передачи: «для того» — говоритъ указъ—«по вѣдомости лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана Герасима Кошелева *въ Сибирской губерніи подрядныхъ дѣлъ нѣтъ, а бываютъ тѣ подряды на Москвѣ*» [223]).

3) Иногда подряды производились непосредственно въ Подрядной Канцеляріи, куда ландраты присылали деньги — каждый съ своей доли; такъ было въ 1716 — 1718 годахъ [224]). Равнымъ образомъ, иногда подрядное дѣло поручалось тому или другому должностному лицу: такъ, подрядъ окладнаго провіанта на 1713 г. былъ порученъ посланному изъ С.-Петербурга чиновнику Мундирной Канцеляріи, Нелидову [225]), а въ

---

[219]) А. М. Ю. Д. Сен. кн. 66, л. 24.

[220]) Тамъ же кн. 2, л. 10.

[221]) Тамъ же кн. 154, л. 16, и слѣд.

[222]) Привед. выше прим. о Шестово.

[223]) Сен. ук. 21 іюня. А. М. Ю. Д. С. кн. 17, л. 85 и слѣд.

[224]) А. М. Ю. Дѣла Сен. кн. 39, л. 209 и слѣд.

[225]) Тамъ же кн. 32, л. 1 и слѣд.

октябрѣ того же года даже самая закупка провіанта на всю армію была поручена петербургскому вице-губернатору, Римскому-Корсакову [226]).

4) Наконецъ, иногда провіантъ съ губерній взимался натурою и ставился на губернскій счетъ съ офицерами мѣстныхъ гарнизоновъ [227]), или съ провіантмейстерами [228]); иногда же онъ поставлялся на мѣсто самими плательщиками или по приказанію губернскаго начальства, или по ихъ волѣ; бывали примѣры, что сами плательщики отъ себя нанимали подрядчиковъ, причемъ послѣдніе договаривались не только доставить извѣстную партію провіанта въ назначенное мѣсто, но и вообще производить поставку причитающагося съ нихъ количества окладнаго и запроснаго. Такъ, въ 1716 г., поступила въ Сенатъ челобитная бывшаго разборщика Печатнаго Двора, Михаила Юрьева, въ неуплатѣ ему денегъ по договорамъ о подрядахъ, которые онъ заключилъ съ крестьянами Ярославской провинціи, Служнева стана, вотчины Вознесенскаго монастыря, деревни Василева, Нижегородскаго уѣзда вотчины Печерскаго монастыря, села Наговицына, и Балахнинскаго уѣзда дворцоваго села Боружителя; истецъ начинаетъ свою челобитную такъ: «Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ ставилъ я, нижеименованный рабъ твой, на Москвѣ и въ городѣхъ подрядомъ съ монастырскихъ и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ съ разныхъ уѣздовъ окладной и запросной провіантъ, и на тотъ провіантъ на поставку денегъ бралъ у нихъ по договору по половинѣ и болши и менши и въ томъ провіантѣ платежныя отписи съ приказною очисткою давалъ, а въ досталныхъ недоплатныхъ денгахъ давали они тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ старосты и выборные крестьяна крѣпостныхъ дѣлъ писма съ поруками и т. д.» [229]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ провіантъ долженъ былъ доставляться по опредѣленному вѣсу, установленному въ 1713 г. [230]). Со сборомъ провіанта деньгами соединялись другіе побочные поборы, назначенные для покрытія различныхъ расходовъ на пріемъ и храненіе провіантскихъ запасовъ: таковъ былъ сборъ на приказные расходы по пріему и на житничное строеніе, т.-е. на сооруженіе анбаровъ и погребовъ для провіанта [231]). Впрочемъ, эти сборы соединялись не вездѣ и не въ оди-

---

[226]) А. М. Ю. Д. Сен. кн. 155, л. 249. П. С. З. № 2.731.

[227]) Примѣръ см. А. М. Ю. въ Сен. Д. кн. 2, л. 9—11.

[228]) П. С. З. № 2.465.

[229]) А. М. Ю. Д. С. кн. 19, л. 46 и слѣд.

[230]) Тамъ же кн. 96, л. 402; П. С. З. № 2.655, 2.708.

[231]) Въ провіантъ иногда входило вино и другіе напитки, для сохраненія которыхъ и строились погреба: такъ, въ началѣ 1713 г. велѣно было приготовить въ Кіевѣ на полки фельдмаршала Шереметева по 4 куфы вина на полкъ, и въ пива солдатскія сварить 1.000 четей солода; для сохраненія этихъ запасовъ и предписано построить въ Кіевѣ погреба насчетъ всѣхъ губерній. А. М. Ю. Д. С. кн. 96, л. 364.

наковой степени; такъ въ Вяткѣ съ провіантскими деньгами за 1707—1711 г. соединялись сборы на приказные расходы и на житничное строеніе, а въ Соли Камской съ ними соединялся только первый сборъ,— на житничное строеніе взималось особо [232]); иногда же и тотъ и другой сборы были отдѣлены отъ провіантскихъ денегъ и прямо шли въ Провіантскій Приказъ [233]).

Со сборомъ провіанта соединялся также сборъ фуража для строевыхъ и обозныхъ лошадей. Фуражъ взимался натурою или деньгами [234]), причемъ сборъ, храненіе и отправка его была также въ зависимости отъ областныхъ правителей [235]); но иногда для сбора фуража посылались по губерніямъ изъ Сената коммиссары, которые производили его, не ожидая на то распоряженія мѣстныхъ губернаторовъ. Это обыкновенно дѣлалось въ случаяхъ настоятельной нужды, когда всякое промедленіе могло принести вредъ; такъ въ 1712 г. собирался фуражъ для дивизій Рена, Януша и Вейде, расположенныхъ въ Кіевской губ., на случай турецкаго нападенія [236]). Кромѣ сборовъ съ обывателей, для фуражировки полковъ и для фуражныхъ запасовъ иногда предназначались лучшіе луга дворцовыхъ волостей. Косьба этихъ луговъ производилась по наряду начальника такой волости крестьянами окружныхъ помѣщиковъ: они должны были скосить лугъ, убрать сѣно въ скирды и сторожить его до тѣхъ поръ, пока оно будетъ отправлено по назначенію. Обыкновенно, косцы нанимали кого-либо изъ своихъ товарищей въ сторожа; о дозволеніи такого найма они подавали челобитную на Съѣзжій дворъ волости, начальникъ котораго на оборотѣ челобитной дѣлалъ помѣту о допросѣ нанимающагося; протоколъ допроса записывался также на оборотѣ челобитной, и здѣсь же помѣщалось постановленіе о дозволеніи наемщику быть сторожемъ. Примѣръ: въ сентябрѣ 1705 г. на Съѣзжій дворъ Ракомской дворцовой волости (Новгородскаго уѣзда, Шелонской пятины) была подана такая челобитная отъ крестьянъ окружныхъ помѣщиковъ, Бутурлина, Парскаго, Скобельцына и Назимова; начальникъ Ракомской волости, стольникъ Жолобовъ, допросивъ нанявшагося, постановилъ: взять по немъ поручную запись и дозволить сторожить, а крестьянамъ разойтись по домамъ [237]).

---

[232]) А. М. Ю. Д. С. кн. 154, л. 16 и слѣд.

[233]) См. табель сборовъ съ Воронежской провинціи за 1710 — 1713 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 221, л. 29—40.

[234]) А. М. Ю. Д. С., кн. 111, л. 396.

[235]) См. напр. А. М. Ю. Д. С., кн. 16, л. 106; 24 сент. 1713 г. предписано было комендантамъ самимъ провожать фуражъ до границъ ихъ уѣздовъ, а новгородскому самому слѣдовать за партіей до С.-Петербурга. Этимъ средствомъ, по мнѣнію правительства, предотвращался убытокъ.

[236]) Сен. ук. 4 февр. А. М. Ю. Д. С., кн. 10, л. 415, 418 и слѣд.

[237]) Обо всемъ вышесказ. см. А. М. Ю. Д. С., кн. 153, л. 12 и слѣд.

Запасный фуражъ хранился по станціямъ, причемъ осмотръ этихъ запасовъ поручался сенатскимъ коммиссарамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ были станціи [238]).

Послѣдній вопросъ, касающійся внѣшнихъ военныхъ дѣлъ, которыя лежали на отвѣтственности органовъ областнаго управленія, есть вопросъ о продовольствіи полковъ, проходившихъ по району той или другой губерніи или расположенныхъ въ ней по квартирамъ.

Относительно этого вопроса мы отыскали въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ весьма мало указаній, но тѣмъ не менѣе эти указанія могутъ служить для ознакомленія съ тѣми обязанностями, которыя были возложены на губерніи по отношенію къ помянутымъ полкамъ.

Губернія должна была продовольствовать полки, проходившіе по ея району, на свой счетъ, а равно и выставлять подводы до границъ слѣдующихъ губерній; если же полки отправлялись за границу, то пограничныя губерніи должны были давать имъ подводы до мѣста назначенія. Всѣ эти обязанности были подтверждены въ концѣ 1711 г. (см. примѣръ, приведенный въ началѣ главы — относительно Смоленской губ.). Сенатъ на доношеніе Салтыкова положительно предписалъ удовольствовать проходившіе полки провіантомъ, фуражемъ и подводами на губернскій счетъ, мотивируя это предписаніе примѣромъ Кіевской губ., чрезъ которую тѣ же полки проходили и въ это время были продовольствуемы и отправляемы на ея счетъ. Но иногда по неимѣнію средствъ продовольствовать полки въ той губерніи, по которой они проходили, продовольствіе доставлялось изъ смежныхъ губерній, болѣе богатыхъ.

Расположеніе полковъ по квартирамъ въ губерніяхъ производилось вслѣдствіе именныхъ указовъ, которые давались Сенату или военному начальству. Въ первомъ случаѣ Сенатъ дѣлалъ распоряженіе подлежащему губернскому начальству: такъ, въ концѣ 1712 г. три драгунскіе полка, бывшіе подъ командою бригадира Черницова, велѣно было расположить по квартирамъ въ Торопецкомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ С.-Петербургской губ. и продовольствовать ихъ насчетъ этой послѣдней, о чемъ и былъ посланъ указъ петербургскому вице-губернатору [239]). Если указы о расположеніи полковъ на квартиры давались военному начальству, то послѣднее для исполненія ихъ командировало кого-либо изъ военныхъ чиновъ и снабжало его наказомъ, какъ дѣйствовать. Такимъ командируемымъ предоставлялось право расположенія требуемаго для полковъ провіанта и фуража по дворовому числу, для чего они и уполномочивались требовать отъ губернскихъ коммиссаровъ переписныя книги, какъ основаніе и руководство для раскладки, но самое расположеніе полковъ на квартиры производилось ими не иначе какъ съ совѣта мѣстныхъ начальствъ. Цѣлью такой мѣры было назначеніе для

---

[238]) А. М. Ю. Д. С., кн. 16, л. 102.

[239]) Тамъ-же кн. 14, л. 1 012 и слѣд.

квартиръ такихъ мѣстностей губерніи, которыя были бы удобны для жителей по отношенію къ поставкѣ провіанта, чѣмъ обезпечивалось войско отъ замедленія въ доставкѣ продовольствія, а поставщики не были принуждены ставить послѣднее въ пункты удаленные отъ ихъ мѣстожительства. Примѣръ изложеннаго нами относится къ 1713 г., когда расположеніе по квартирамъ полковъ поручено было фельдмаршалу Шереметеву вмѣстѣ съ оберъ-комиссаромъ Чириковымъ. Шереметевъ и Чириковъ командировали для этого кригсъ-лейтенанта Полянскаго, которому и дали наказъ совершенно въ томъ родѣ, какъ объяснено выше [240]).

Такимъ образомъ, полки, поставленные въ губерніяхъ по квартирамъ, продовольствовались на губернскій счетъ. Обыватели обязаны были по отношенію къ нимъ постойною повинностью и доставкою провіанта натурою въ опредѣленныя мѣста, причемъ уравненіе въ тягостяхъ постоя и продовольствія между ними предоставлялось или областному начальству, или особо для того посланнымъ воинскимъ чинамъ съ совѣта послѣдняго.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросы относившіеся къ сухопутному войску: теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о морскихъ силахъ, на сколько вопросъ о нихъ касался губерній.

Что касается кораблестроенія, то обязанности областныхъ начальниковъ въ этомъ отношеніи ограничивались высылкою работниковъ на верфи и *вспоможеніемъ* дѣйствіямъ тѣхъ лицъ, кому были поручены заповѣдные лѣса. Этотъ вопросъ касался области главнымъ образомъ со стороны ограниченія права пользованія лѣсами для частныхъ лицъ, которымъ въ случаѣ нарушенія ими правилъ по этому предмету угрожали болѣе или менѣе суровыя наказанія. Во всемъ остальномъ вопросъ о кораблестроеніи не касался области; правда, управленіе корабельными лѣсами въ Казанской и Азовской губ. было поручено казанскому вице-губернатору Кудрявцеву [241]), но оно было поручено ему не въ качествѣ вице-губернатора, а какъ адмиралтейскому чиновнику. Такимъ образомъ, этотъ вопросъ касается исторіи нашего флота, а не исторіи област-

---

[240]) Приведемъ здѣсь выдержку изъ наказа Полянскому, въ которой выражено его отношеніе къ областнымъ начальствамъ: „Скамендантами доброй совѣтъ и надлѣжащее показаніе въ ученіи диспозиціи чинить надлежитъ дабы растановленіе было полкамъ по кампаннемъ или по послѣдней мере капральствами по селамъ вудобныхъ местехъ и тѣмъ селамъ малые около состоящіе деревни описать и ктому селу придать дабы порядочно къ удовольствованію военнымъ людемъ было и нетягость кпривозу обывателемъ что болшее росположение всемъ пункте объявленное прилежитъ до каменданта того города, ибо оному положения местъ и дистанция извесны“. А. М. Ю. Д. С., кн. 16, л. 252 и слѣд.

[241]) П. С. З. № 2.522.

наго управленія [242]). Наряды работниковъ на корабельныя верфи производились на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же порядкѣ, какъ и рекрутскіе наборы [243]); то же самое должно сказать объ укомплектованіи морскаго контингента [244]). Скажемъ нѣсколько словъ о продовольствіи, носившемъ въ нашемъ законодательствѣ того времени названіе *морскаго провіанта*. Въ августѣ 1714 г. былъ присланъ Сенату въ обычной формѣ письма именной указъ о взятіи нашими войсками Аланда. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, въ *первый разъ* предписано было собрать со всего государства на будущій 1715 г. морской провіантъ, который и поставить въ Адмиралтейство по первому зимнему пути. Въ указѣ предписано собрать этотъ провіантъ *только* на 1715 годъ, затѣмъ отъ 14 марта 1715 г. поступило въ Сенатъ представленіе Апраксина, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы означенное въ указѣ количество провіанта *собиралось ежегодно*, вслѣдствіе чего этотъ сборъ и былъ сдѣланъ ежегоднымъ [245]). Какъ продовольствовался морской контингентъ до 1715 г. ни изъ чего не видно. По всей вѣроятности, до того времени продовольствіе для флота покупалось на тѣ деньги, которыя шли въ Адмиралтейство изъ губерній въ формѣ *третныхъ дачъ*, о чемъ будетъ сказано ниже.

Продукты, входившіе въ составъ морскаго провіанта, были нѣсколько иные, нежели собиравшіеся для провіанта сухопутнаго. Окладъ послѣдняго собирался мукою, крупами и иногда виномъ, въ морской же провіантъ взимались — свиное мясо, масло, горохъ, овсяныя крупы и вино. Овсяныя крупы, вслѣдствіе представленія адмирала Апраксина отъ 14 марта 1715 г., были замѣнены ячными, какъ наиболѣе удобными для храненія во время рейсовъ; поставка же натурою мяса въ 1719 г. замѣнена была деньгами по 23 алт. 2 ден. за пудъ [246]). Поставка этого провіанта производилась тѣмъ же способомъ, какъ и сухопутнаго, т.-е. подрядами, причемъ, какъ видно изъ доношеній различныхъ губерній, послѣдовавшихъ въ Сенатъ въ 1716 г., по запросу о недоимкахъ, подряды производились главнымъ образомъ въ коммиссарскихъ канцеляріяхъ, куда присылались деньги по означеннымъ въ указѣ цѣнамъ продуктовъ [247]). Отвѣтственность за промедленіе и неисправности возложена

---

[242]) Все относящееся до сохраненія корабельныхъ лѣсовъ, управленія ими и пр. см. въ П. С. З. №№ 1.950, 2.017, 2.522, 2.607, 2.647, 2.757, 2.890, 2.895, 2.913, 2.970, 3.057, 3.149, 3.194, 3.326 и 3.329; порядокъ описанія лѣсовъ, форму описныхъ книгъ и охраненіе заповѣдныхъ лѣсовъ см. въ А. М. Ю. въ Д. С., кн. 196, л. 50—70.

[243]) См. напр. П. С. З. № 2.427.

[244]) Сх. П. С. З. №№ 2.693, 2.697, 2.709, 2.716, 2.728, 2.849, 2.883, 2.940, 2.944, 2.945, 3.170.

[245]) А. М. Ю. въ Д. С., кн. 38, л. 6, 9, 12.

[246]) Доношеніе изъ Московской Коммиссарской Канцеляріи. А. М. Ю. Д. С., кн. 124, л. 64.

[247]) Тамъ же кн. 38, л. 49 и слѣд.

также на губернскія начальства: такъ, въ 1717 г. о недосылкѣ этого провіанта велѣно допросить губернаторовъ или исправлявшихъ ихъ должность ландратовъ и ландрихтеровъ [248]), а послѣ этого за недосылку съ нихъ велѣно было взыскивать штрафы [249]).

Внутреннія военныя дѣла.

Губернскія дѣла по военному вѣдомству, названныя нами *внутренними*, были слѣдующія: 1) содержаніе полковъ, расположенныхъ по губерніямъ на основаніи табели 1711 г. [250]); съ этимъ вопросомъ непосредственно связанъ вопросъ о содержаніи и управленіи внутренней стражи, или *гарнизоновъ*, 2) вопросъ объ иррегулярномъ мѣстномъ войскѣ, или земскомъ ополченіи (ландмиліціи) и 3) строеніе и содержаніе крѣпостей.

Наше войско въ описываемую эпоху было четырехъ родовъ: кавалерія, пѣхота, артиллерія и гарнизоны; отъ первыхъ двухъ родовъ войскъ отличаются гарнизоны, находившіеся подъ вѣдѣніемъ областныхъ начальствъ, и артиллерія, какъ особая вспомогательная часть, относившаяся, какъ таковая, къ полевымъ и гарнизоннымъ полкамъ: она была подчинена особому вѣдомству—Артиллерійскому Приказу, начальникомъ котораго былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ. Всѣ эти роды войскъ состояли изъ русскихъ и иноземцевъ; послѣдніе занимали или только тѣ должности, для которыхъ потребны были извѣстныя спеціальныя свѣдѣнія, какъ это было въ гарнизонахъ [251]), или же, какъ въ полевыхъ войскахъ, всякаго рода мѣста, впрочемъ въ меньшемъ противъ русскихъ числѣ и съ болѣе значительными окладами жалованья [252]).

Военная іерархія того времени распадалась на слѣдующія три части: *генеральный штабъ*, или *генералитетъ*, который составлялъ высшее центральное начальство надъ войскомъ, исключая артиллеріи; въ него входили всѣ воинскіе чины съ фельдмаршаловъ до полковниковъ. Полковники были командирами полковъ и начинали собою вторую градацію

---

[248]) Сен. ук. 7 мая. А. М. Ю. Д. С. кн. 38, л. 205.

[249]) Сен. ук. 18 сентября. Ibid. л. 282.

[250]) Расположеніе полковъ по губерніямъ сдѣлано на основаніи слѣдующихъ табелей: 27 янв. 1710 г.—о доходахъ и расходахъ губерній (П. С. З. № 2.247); 14 октября того-же года — о росписаніи губерній на доли (П. С. З. № 2.305). Эти табели были предуготовительными, а самое распредѣленіе полковъ было сдѣлано на основаніи табелей 19 февр. 1711 г. (П. С. З. № 2.319). Это послѣднее узаконеніе есть уже результатъ прежде бывшихъ; поэтому мы и говоримъ, что расположеніе полковъ произошло на основаніи табелей 1710—1711 г., считая, однако, за окончательное узаконеніе по этому предмету означенную табель (или табели) 19 февр. 1711 г.

[251]) П. С. З. № 2.319, стр. 608.

[252]) Ibid. стр. 592.

воинской іерархіи,—такъ называемый *полковой штабъ*: это непосредственное начальство полковъ, которое простиралось до маіора включительно; члены его назывались штабъ-офицерами; сюда же включены были всѣ тѣ лица, которыя хотя не относились къ полковому начальству, но должности которыхъ касались всего полка, а не какого-либо его подраздѣленія въ частности; таковы: лѣкарь, профосъ и др., а равно и полковые канцелярскіе служители (писаря). Послѣднею градаціею былъ *ротный штабъ*, куда входили всѣ остальные служащіе, начиная съ капитановъ и до рядовыхъ включительно, т.-е. оберъ-офицеры и нижніе чины; кромѣ того, какъ при полевыхъ полкахъ, такъ и при гарнизонахъ, имѣвшихъ тотъ же составъ полковыхъ и ротныхъ штабовъ, было опредѣленное количество различнаго рода служителей, каковы, напримѣръ, — писаря, гобоисты, фельдшера, деньщики, кузнецы, извощики и т. п.: они не считались на дѣйствительной службѣ, а потому въ табели 19 февр. 1711 г. и называются *неслужащими* [253]).

Для дальнѣйшаго содержанія всѣ войска предпринято было распредѣлить по губерніямъ, что и исполнено въ февралѣ 1711 г.

Данныя, которыя были приняты при этомъ во вниманіе, можно раздѣлить на *главныя* и *вспомогательныя*. Главныя суть: 1) народонаселеніе губерній, высчитанное въ концѣ 1710 г. и опубликованное въ формѣ табели (14 окт.); за норму его былъ принятъ *дворъ*, а дворы были соединены *въ дом*ы по 5.536 въ каждой; поэтому народонаселеніе на оффиціальномъ языкѣ того времени и называется обыкновенно *дворовое число* или *доли* дворового числа; 2) цифры годовыхъ губернскихъ доходовъ, высчитанныя въ началѣ 1710 г. [254]). Эти цифры въ большинствѣ случаевъ зависѣли отъ дворового числа, хотя иногда эта зависимость и нарушалась посторонними обстоятельствами, которыя читатель найдетъ ниже. Вспомогательными основаніями раскладки были: 1) отношеніе населенія губерніи къ пространству ея и 2) особыя условія, имѣвшія мѣстный характеръ. Послѣднія нѣсколько выдѣляли нѣкоторыя губерніи изъ общаго порядка обложенія, ставя ихъ какъ-бы независимо отъ тѣхъ основаній, которыя были приняты для него; что же касается до перваго изъ вспомогательныхъ основаній, то оно было употреблено при равенствѣ дворового числа, причемъ большая цифра годоваго дохода зависѣла главнымъ образомъ отъ торговыхъ оборотовъ губерніи и предметовъ дохода, а не отъ богатства населенія.

Постараемся оправдать сказанное фактами, но прежде считаемъ не лишнимъ поставить на видъ, что содержаніе разнаго рода войскъ обходилось губерніямъ неодинаково: кавалерійскіе полки стоили дороже пѣхотныхъ, а пѣхотные—гарнизоновъ. Это напоминаніе необходимо для уясненія дѣйствительной тягости, лежавшей на той или другой губерніи.

---

[253]) П. С. З., стр. 592, 596 и слѣд.

[254]) П. С. З. № 2.247.

Исключивъ тѣ губерніи, по отношенію къ которымъ были приняты вспомогательныя основанія, получимъ факты, выраженные въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи:	Количество полковъ:	Дворовое число	годовой доходъ:
Московская.	20 [255])	44½ доли.	1.140.097 р.
Казанская.	16 полк. 1 бат. [256])	21 доля.	600.000 „
Архангельская.	13 [257])	18½ долей.	374.276 „
Смоленская.	7 [258])	9 долей.	83.258 р.

Вспомогательныя основанія были приняты, слѣдовательно, для остальныхъ четырехъ губерній: Смоленская губ. по дворовому числу была равна Сибирской, но послѣдняя была при этомъ, очевидно, бѣднѣе населена, такъ какъ пространство ея было несравненно болѣе пространства Смоленской губ. [259]) Вмѣстѣ съ тѣмъ цифра годоваго дохода Сибирской губ. была болѣе, чѣмъ вдвое, сравнительно съ доходомъ Смоленской [260]), но этотъ перевѣсъ зависѣлъ, очевидно, не отъ богатства населенія, а во-1) оттого, что казна Сибирскаго Приказа обогащалась такъ называемымъ *китайскимъ торгомъ* и другими торговыми оборотами, а во-2) отъ ясака, собиравшагося драгоцѣнными мѣхами, которые имѣли чрезвычайно выгодный сбытъ. Такимъ образомъ, здѣсь соображенія, основанныя на сравнительно-большей цифрѣ годоваго дохода, умѣрялись другими, основанными на цифрѣ населенія, и мы видимъ, что на Сибирскую губ. было положено столько полковъ, какъ и на Смоленскую, но при этомъ полевыхъ только 5 и 2 гарнизонные, что было—на основаніи вышесказаннаго о стоимости содержанія различнаго рода войскъ—также льготою для Сибирской губ. сравнительно со Смоленскою. Остальныя три губерніи находились при особыхъ мѣстныхъ условіяхъ, которыя и повліяли на расположеніе въ нихъ полковъ. Расположеніе это было таково:

Губерніи:	Количество полковъ:	Дворовое число:	Годовой доходъ.
С.-Петербургск.	26.	32½ доли.	336.621 р.
Азовская	8 полк. 2 бат.	7½ долей.	154.933 р.
Кіевская	8	5 долей.	114.857 р.

---

[255]) 10 кавалерійскихъ, 6 пѣхотныхъ, 2 лейбъ-гвардіи (Преображенскій и Семеновскій) и 2 гарнизонные. Кромѣ того изъ доходовъ Московской губ. содержался весь Генеральный Штабъ.

[256]) 6 кавалер., 7 пѣхот., 3 гарниз. и 1 баталіонъ.

[257]) 3 кавалер., 9 пѣхот., 1 гарнизонный.

[258]) 2 кавалер., 4 пѣхотн. и 1 гарниз.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о количествѣ полковъ, которыя представлены въ послѣдующей таблицѣ, заимствованы нами изъ росписанія полковъ, найденнаго въ подлинныхъ дѣлахъ Прав. Сената. См. А. М. Ю. Д. С. кн. 5, л. 1.086—1.145; въ дополненіе къ нимъ мы приняли свѣдѣнія объ этомъ, напечатанныя въ Полн. Собр. Зак. подъ № 2.319, на стр. 622 и слѣд.

[259]) См. гл. 1.

[260]) 222.080 рублей.

Новозавоеванная и пограничная Петербургская губ. особенно нуждалась въ охраненіи: поэтому въ ней опредѣлено 11 гарнизонныхъ полковъ; такимъ образомъ, полевыхъ, бывшихъ на ея иждивеніи, было всего 15. Затѣмъ мы видимъ, что это число полевыхъ полковъ было болѣе нежели въ Казанской губ., хотя послѣдняя была несравненно богаче Петербургской, вновь устрояемой; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что на Петербургской губ. было всего четыре кавалерійскіе полка, а на Казанской—6; кромѣ того, народонаселеніе послѣдней было менѣе, что также должно быть принято во вниманіе и по отношенію Петербургской губ. къ Архангелогородской. Во всемъ остальномъ обложеніе Петербургской губ. не представляетъ ничего противорѣчащаго главнымъ основаніямъ раскладки [261]).

Азовская губ. находилась при особыхъ условіяхъ по двумъ причинамъ: во-1) будучи также пограничною и привлекая къ себѣ особенное вниманіе Турокъ, она также нуждалась въ усиленномъ охраненіи, во-2) значительная часть ея годоваго дохода была употребляема на кораблестроеніе. Отсюда два слѣдствія: 1) въ ней было болѣе гарнизонныхъ полковъ нежели въ тѣхъ губерніяхъ, которыя въ усиленномъ охраненіи не нуждались (6 полковъ и 12 бат.); 2) на нее было положено только два кавалерійскіе полка (Азовскій и Троицкій). Сравнивая размѣръ обложенія этой губерніи съ обложеніемъ Смоленской, мы увидимъ, что хотя разница въ дворомъ числѣ была не велика ($7^1/_2$ и 9 дол.), но изъ дохода Азовской губ., который былъ болѣе Смоленскаго, ежегодно шло на кораблестроеніе 88.259 р., тогда какъ со Смоленской въ Адмиралтейство *сходилось* только 8.000 р. Ясно, что Смоленская губ. не была отягощена раскладкою сравнительно съ Азовскою [262]).

Остается сказать о Кіевской губ. Она тоже—по мѣстоположенію своему—находилась при особыхъ условіяхъ,—была пограничною, и опасность со стороны казаковъ и татаръ никогда не исчезала для нея. Вслѣдствіе этого, и въ ней было увеличено число гарнизонныхъ полковъ, но опасность эта не была такъ велика, какъ напр. въ Азовской губ., ибо большая часть Малороссіи была предана Россіи и стояла на границахъ Кіевской губ., какъ сторожевой полкъ (гетманскій регламентъ): поэтому въ ней было всего 4 гарнизонные полка; остальные 4 были кавалерійскіе.

Таково было расположеніе полковъ по губерніямъ. Въ послѣдствіи число ихъ въ той или другой губерніи измѣнялось, что зависѣло или отъ несостоятельности губерніи [263]), или отъ выдѣленія новыхъ област-

---

[261]) Ср. объ приведенныя нами таблицы.

[262]) П. С. З. т. IV, стр. 625 и 626. Въ Азовской губ. такимъ образомъ оставалось, за вычетомъ дачъ на кораблестроеніе, только 66.674 р., а въ Смоленской, за тѣмъ же вычетомъ, 75.258 р.

[263]) Примѣръ см. въ началѣ главы.

*

ныхъ единицъ, къ которымъ было отчисляемо извѣстное количество долей дворового числа.

Положенные на ту или другую губернію полки были на полномъ ея иждивеніи: по табелямъ, которыя ежегодно составлялись въ Кригсъ-Коммиссаріатѣ и утверждались Сенатомъ, губернаторы обязаны были доставлять своимъ полкамъ рекрутъ, причемъ это пополненіе личнаго состава не шло въ счетъ общихъ наборовъ [264]), амуницію, вооруженіе, лошадей, провіантъ, фуражъ и разные полковые припасы, каковы фуры, барабаны, знамена и т. п. [265]); кромѣ того, губерніи снабжали полки денежнымъ жалованьемъ [266]).

Деньги и другіе припасы сдавались въ губерніяхъ особымъ коммиссарамъ, которые привозили ихъ въ полки и раздавали подъ непосредственнымъ контролемъ того оберъ-кригсъ-коммиссара, которому полкъ былъ порученъ. Это происходило такимъ образомъ: губернскій коммиссаръ тотчасъ по прибытіи своемъ въ полкъ подавалъ оберъ-кригсъ-коммиссару вѣдомость о количествѣ присланной съ нимъ денежной казны, которую тотъ вносилъ въ приходо-расходную книгу. По окончаніи уплаты оберъ-кригсъ-коммиссаръ считалъ губернскаго коммиссара въ приходѣ и расходѣ и выдавалъ ему *счетный списокъ*, въ которомъ объяснялъ, что начета и передачи не было; этотъ списокъ губернскій коммиссаръ по возвращеніи съ командировки подавалъ губернатору, какъ свидѣтельство правильной раздачи въ полку жалованья. Другой такой-же счетный списокъ оберъ-кригсъ-коммиссаръ за своею и губернскаго коммиссара подписями посылалъ въ Главный Коммиссаріатъ [267]). Въ послѣдствіи при полкахъ устроены были особые *губернскіе коммиссаріаты*, начальники которыхъ, губернскіе коммиссары, называемые иначе цаль-коммиссарами, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ оберъ-кригсъ-коммиссаровъ, отвѣчая предъ ними за всякую неправильность въ употребленіи казны [268]).

Цаль-коммиссары имѣли свои канцеляріи изъ подьячихъ, старыхъ и молодыхъ, и счетчиковъ. Жалованье имъ шло изъ подлежащихъ губерній: коммиссару 100 руб., старому подьячему — 30 р., младшему — 15 р. въ годъ; эти деньги присылались вмѣстѣ съ полковыми по третямъ года [269]). Но такое жалованье было опредѣлено по указу; на прак-

---

[264]) См. резолюціи азовскаго губернатора на доношеніе ему, посланное вице-губернаторомъ Колычевымъ въ началѣ февр. 1716 г., а именно—резолюцію на вопросъ объ укомплектованіи табельныхъ полковъ: „полки губернскіе комплектовать изъ старыхъ рейтарскихъ и солдатскихъ крестьянъ, а съ помѣщичьихъ крестьянъ *кромѣ рекрутъ* не имать". А. М. Ю. Д. С. кн. 221, л. 15—20, п. 4.

[265]) См. напр. П. С. З. № 2.502, 2.614.

[266]) А. М. Ю. Д. С. кн. 5, л. 1.086—1.145.

[267]) Реглам. Кригсъ-Коммиссаріату 10 декаб. 1711 г., статья 5.

[268]) Реглам. ст. 12, им. ук. 16 генв. 1712 г. П. С. З. № 2.467.

[269]) Сен. ук. 28 марта 1715 г. П. С. З. № 2.896.

тикѣ и этотъ указъ далеко не всегда и не вездѣ исполнялся, какъ это читатель отчасти видѣлъ въ предыдущей главѣ. Размѣръ и родъ жалованья не вездѣ былъ одинаковъ, даже неодинаковъ былъ и по полкамъ, лежавшимъ на одной и той же губерніи: такъ, коммиссары Кіевской губ. при четырехъ полкахъ получали 100 р., причемъ хлѣбныхъ дачъ имъ не было назначаемо, а при двухъ полкахъ они получали по 60 р. деньгами и 60 четвертей хлѣбомъ [270]). Равнымъ образомъ, изъ того же источника видимъ, что и составъ коммиссарскихъ канцелярій былъ неодинаковъ: въ 1-мъ случаѣ подьячіе получаютъ по 30 руб., т.-е. принадлежатъ къ старшей статьѣ, а во 2-мъ—по 15 р. деньгами и 15 четей хлѣбомъ, т.-е. принадлежатъ къ младшей статьѣ; кромѣ того, при послѣднихъ двухъ полкахъ (Шарфова и Еропкина) видимъ одну коммиссарскую канцелярію, чѣмъ, быть можетъ, и объяснилась прибавка къ денежному жалованью хлѣбнаго.

Къ концу періода въ губернскомъ коммиссаріатѣ произошло важное измѣненіе: земское начало, введенное въ 1719 году по шведскому образцу, проникло и въ это вѣдомство. Кромѣ цаль-коммиссаровъ, которые назначались административною властью губерніи, въ этомъ году учреждены были при полкахъ *земскіе коммиссары* (ландъ-коммиссары, или «коммиссары отъ земли»), которые должны были ежегодно избираться мѣстнымъ дворянствомъ [271]). Земскіе коммиссары непосредственно собирали съ крестьянъ деньги, чѣмъ устранялось непосредственное вліяніе на это дѣло губернаторовъ, и передавали ихъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ цаль-коммиссарамъ, отъ которыхъ получали въ пріемѣ квитанціи. Они были подчинены избравшему ихъ дворянству, которое по окончаніи срока ихъ службы могло считать и подвергать ихъ законной отвѣтственности; въ теченіе службы они подавали отчеты въ Ревизіонъ и Военную Коллегію и земскому головѣ (ландсгевдингу) своей губерніи. Такимъ образомъ, по учрежденіи земскихъ коммиссаровъ, совершенно независимыхъ отъ губернаторовъ, Царь оставилъ послѣднимъ лишь косвенное вліяніе на содержаніе табельныхъ полковъ, выражавшееся въ правѣ назначенія цаль-коммиссаровъ.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателя на отношеніе общей суммы содержанія всѣхъ полковъ къ общей суммѣ доходовъ со всѣхъ губерній. Средній годовой доходъ со всѣхъ губерній простирался до 3.034.193 [272]), а на полки ежегодно издерживалось около 1.847.112 р. [273]), т.-е. изъ общей суммы губернскихъ доходовъ на полки издерживалось болѣе $^1/_3$, слѣдовательно эта статья губернскихъ расходовъ была самая значительная, что еще болѣе уяснится

---

[270]) См. Выписку о жалованьѣ 1718 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 111, л. 198—905.
[271]) Им. ук. 26 ноября 1719 г. П. С. З. № 3.245, п. 3.
[272]) П. С. З. № 2.247.
[273]) Ibidem. № 2.319, стр. 624 и слѣд.

при разсмотрѣніи финансовыхъ дѣлъ, лежавшихъ на органахъ областнаго управленія.

Переходимъ къ гарнизонамъ. Мы видѣли, что полки внутренней стражи были расположены по губерніямъ соотвѣтственно дѣйствительной надобности. Но росписаніе 19 февраля не осталось безъ измѣненій, которыя послѣдовали чрезвычайно скоро: такъ, въ томъ же 1711 г. въ составѣ московскаго гарнизона встрѣчается семь полковъ—вмѣсто двухъ, положенныхъ въ табели. Имена полковниковъ всѣ извѣстны, и мы ихъ представимъ ниже. По какому случаю произошло это увеличеніе состава, по неимѣнію данныхъ, рѣшить нельзя. Въ послѣдствіи, при образованіи новыхъ губерній, учреждались и новые гарнизоны; напр. въ 1714 году учрежденъ былъ нижегородскій гарнизонъ [274]), а въ 1717 г. астраханскій [275]). Число людей (солдатъ) въ гарнизонныхъ полкахъ, по табелямъ 1711 г., было опредѣлено въ 1.152 челов.; потомъ оно увеличено было до 6.000 челов. [276]); иногда это число было значительно менѣе: такъ, во вновь учреждаемый нижегородскій гарнизонъ велѣно было собрать всего 300 челов. Что касается до состава полковыхъ и ротныхъ штабовъ, то, какъ мы видѣли, онъ былъ одинаковъ со штабами полевыхъ полковъ. Но съ 1711 г. до конца періода въ этомъ составѣ произошло три измѣненія: вопервыхъ, въ 1715 г. появляется въ полковомъ гарнизонномъ штабѣ чинъ секундъ-майора [277]); вовторыхъ, въ слѣдующемъ, 1716 г., въ ротныхъ штабахъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ появляется чинъ капитанъ-поручика, помощника ротнаго командира [278]); наконецъ, втретьихъ, въ началѣ 1719 г. въ полковыхъ гарнизонныхъ штабахъ уничтожены секундъ-майоры, а въ ротныхъ—капитаны, поручики и подпоручики, вмѣсто которыхъ были оставлены капитанъ-поручики и прапорщики (фендрихи) [279]).

О содержаніи гарнизоновъ вообще мы особо говорить не будемъ; обратимъ лишь вниманіе читателя на двѣ частности. Одна изъ нихъ касается московскаго гарнизона: денежное жалованье чинамъ его производилось изъ Сенатской канцеляріи, такъ въ іюнѣ 1711 г. оно было произведено оттуда полкамъ Лембке, Вельяминова-Зерпова, Воронецкаго и Баранчеева [280]), а иногда собиралось съ московскихъ посадскихъ слободъ [281]). Послѣдній способъ былъ, очевидно, постояннымъ, а первый—

---

[274]) А. М. Ю. Д. С., кн. 131, л. 483.

[275]) Тамъ-же, кн. 518, л. 227.

[276]) Табель изъ Кіевской губ. 1712 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 12, л. 590.

[277]) Табель при допош. петерб. коменданта Чемесова о дачѣ гарнизоннымъ чинамъ порціоновъ. А. М. Ю. Д. С., кн. 190, л. 1 и сл.

[278]) Воинск. Уст. часть III, стр. 444.

[279]) А. М. Ю. Д. С., кн. 155, л. 643; П. С. 3. № 3.325.

[280]) А. М. Ю. Д. С., кн. 2, л. 196, 542.

[281]) Ibidem, л. 330. Указанный въ этихъ двухъ выноскахъ источникъ удостовѣряетъ насъ въ существованіи шести полковъ московск. гарнизона, приводя

исключеніемъ. Сборомъ и выдачею денежнаго жалованья завѣдывали разныя мѣста: до апрѣля 1711 г. ими завѣдывалъ Сибирскій Приказъ, а потомъ—Ратуша [282]). Такой порядокъ завѣдыванія понятенъ, такъ какъ, съ одной стороны, московскимъ комендантомъ съ самаго учрежденія губерніи былъ сибирскій губернаторъ, а съ другой — Ратуша, какъ читатель видѣлъ выше, вмѣстѣ съ значеніемъ центральнаго вѣдомства соединяла по отношенію къ Москвѣ значеніе мѣстное и находилась въ вѣдѣніи Московской губернской канцеляріи.

Другая частность относится къ производству денежнаго и хлѣбнаго жалованья гарнизоннымъ чинамъ. Оклады жалованья денежнаго для гарнизонныхъ полковъ были тѣ же, что и для полевыхъ, но выдачи производились не сполна, а или въ половину противъ оклада, или въ количествѣ $^2/_3$ его. Въ половину выдачи производились во всѣхъ губернскихъ гарнизонахъ, исключая гарнизоновъ С.-Петербургской, Кіевской и Азовской губ., гдѣ эти выдачи были двутретныя. Размѣръ этихъ двутретныхъ дачъ для нижнихъ чиновъ въ послѣдствіи измѣнился: въ началѣ 1712 г. рядовымъ Петербургскаго гарнизона велѣно было выдавать по 7 руб. въ годъ вмѣсто 6, какъ было опредѣлено по табели 1711 г. [283]); солдатамъ же Кіевскаго и Азовскаго гарнизоновъ опредѣлено было выдавать по 4 руб., какъ и во всѣхъ другихъ губернскихъ гарнизонахъ [284]). Надобно замѣтить, что размѣры двутретнаго жалованья нижнимъ чинамъ при одинаковости оклада были и въ табеляхъ 1711 г. опредѣлены совершенно произвольно: такъ, полный окладъ капральскаго жалованья былъ 12 р. на человѣка, а рядовымъ — по 10 р. 32 алт. 4 ден.; между тѣмъ двутретные оклады кіевскихъ и азовскихъ капраловъ и рядовыхъ опредѣлены въ табели такъ: первые въ 6 р., а вторые—въ 5 р. человѣку [285]). Та же произвольность внесена была и въ послѣдующія измѣненія. Иногда солдатамъ выдавался полный окладъ, причемъ размѣръ его увеличивался: такъ, въ 1716 г. солдатамъ Московскаго гарнизона выдавалось по 15 алтынъ въ день, что составляетъ 13 р. 16 алт. 4 д. въ мѣсяцъ и значительно превышаетъ означенный общій окладъ [286]).

Вмѣстѣ съ денежнымъ жалованьемъ иногда соединялось и хлѣбное. Въ табеляхъ 1711 г. нѣтъ никакого опредѣленія о немъ; указанія на этотъ предметъ, встрѣчающіяся въ послѣдствіи, касаются отдѣльныхъ

фамилій ихъ полковниковъ, которыхъ, по табелямъ 19 февр., должно быть по одному на каждый полкъ. Вотъ эти фамиліи: Лембке, Вельяминовъ-Зерновъ, Воронецкій, Баранчеевъ, Мильгуновъ и Грузинцевъ. Въ другихъ актахъ упоминается и седьмой полковникъ—Бибиковъ. См. П. С. З. № 2.358.

[282]) А. М. Ю. Д. С., кн. 12, л. 590.

[283]) П. С. З. № 2.319, стр. 610. Им. ук. 29 янв. 1712 г. № 2.474.

[284]) Ibidem.

[285]) См. таб. № 2.319, стр. 613.

[286]) См. А. М. Ю. Д. С., кн. 118, л. 385.

гарнизоновъ, а въ одномъ изъ указовъ 1716 г. есть довольно ясный намекъ на то, что до этого года хлѣбное жалованье было опредѣлено не во всѣхъ гарнизонахъ. Мы говорнмъ объ именномъ указѣ 16 января, которымъ предписывается слѣдующимъ гарнизонамъ: С.-Петербургскому, Нарвскому, Выборгскому, Ревельскому, Шлюссельбургскому и Кегсгольмскому, производить хлѣбное жалованье наравнѣ съ Рижскимъ; въ немъ сказано «...а которымъ людямъ до сего указу хлѣбное жалованье учинено, и тѣмъ давать по тѣмъ нхъ окладамъ» [287]). Безъ сомнѣнія слова эти касаются лишь перечисленныхъ гарнизоновъ, но, принимая во вниманіе то, что эти гарнизоны по важности своего значенія были сравнены съ Рижскимъ [288]), заключаемъ, что если въ нихъ не во всѣхъ было опредѣлено хлѣбное жалованье, то тѣмъ скорѣе можно сдѣлать такой выводъ относительно гарнизоновъ менѣе важныхъ. Что касается до частныхъ случаевъ выдачи хлѣбнаго жалованья, то мы ограничимся упоминаніемъ нхъ, не утруждая вниманія читателей подробностями. Въ 1712 г. предписано было давать нижнимъ чинамъ Московскаго гарнизона хлѣбное жалованье въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ состоянію лицъ [289]), а въ означенномъ выше доношеніи Чемесова встрѣчаются подробныя свѣдѣнія о производствѣ его штабъ и оберъ-офицерамъ Петербургскаго гарнизона [290]). Непосредственными начальниками гарнизоновъ были оберъ-коменданты и коменданты [291]). Оберъ-коменданты какъ гарнизонные начальники встрѣчаются не вездѣ: они были въ городахъ особенно важныхъ или по своему положенію, какъ Рига, или по своему значенію, какъ Москва; впрочемъ, въ послѣдней оберъ-коменданты появляются лишь съ 1712 г., до этого времени Московскимъ гарнизономъ завѣдывалъ комендантъ Гагаринъ. Равнымъ образомъ, оберъ-коменданты назначались туда, гдѣ со званіемъ гарнизонныхъ начальниковъ они соединяли и значеніе правителей провинцій, какъ это было въ Ярославской провинціи. Само собою разумѣется, что при оберъ-комендантахъ коменданты играли роль помощниковъ. Высшими начальниками гарнизоновъ были мѣстные губернаторы, которымъ принадлежали выборъ и назначеніе комендантовъ [292]). Въ присутствіи губернатора распоряженіе гарнизономъ и другія функціи принадлежали ему, а не коменданту: ему принадлежало право суда надъ оберъ-офицерами [293]) и другими низшими чинами; онъ распоряжался воен-

---

[287]) П. С. З. № 2.977.

[288]) Указъ говоритъ прямо: „оные гарнизоны подобны Рижскому гарнизону".

[289]) Сен. ук. 16 мая П. С. З. № 2.530.

[290]) См. прим. 277.

[291]) Въ им. ук. 28 янв. 1715 г. сказано: „Въ губерніяхъ, въ тѣхъ городахъ, *въ которыхъ гарнизоновъ нѣтъ*, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, а вмѣсто ихъ быть ландратамъ". Ясно, что тамъ, гдѣ были гарнизоны, были и коменданты, *какъ начальники гарнизоновъ*.

[292]) П. С. З. № 2.484.

[293]) Воинск. Уст., гл. I, ст. 1, стр. 265.

ными встрѣчами пріѣзжихъ государей и другихъ знатныхъ особъ [294]), ежедневными караулами гарнизоновъ [295]); у нихъ хранились крѣпостные ключи [296]). Въ отсутствіи губернаторовъ всѣ эти функціи принадлежали комендантамъ [297]), но и во всякомъ случаѣ ближайшими, непосредственными гарнизонными начальниками были все-таки коменданты [298]). Здѣсь у мѣста прибавить, что и не гарнизонные полки, стоявшіе въ крѣпостяхъ и вообще въ губерніяхъ, находились въ зависимости губернаторовъ и комендантовъ [299]). Что касается до сношеній Сената съ гарнизонами, то указы посылались къ губернаторамъ даже и въ томъ случаѣ, когда они вызывались доношеніями комендантовъ, но иногда они посылались и помимо губернаторовъ къ комендантамъ. Приведемъ примѣры. Въ 1715 г. указъ о присылкѣ штатовъ Московскаго гарнизона былъ посланъ къ губернатору [300]); въ 1719 г. указы объ измѣненіяхъ въ гарнизонныхъ штатахъ были также посланы къ губернаторамъ. Въ сентябрѣ 1712 г. послѣдовало въ Сенатъ доношеніе московскаго коменданта Измайлова о фуражировкѣ драгунскихъ лошадей; отвѣтный указъ послѣдовалъ на имя московскаго губернатора [301]). Случаи, когда сенатскіе указы посылались помимо губернаторовъ—къ комендантамъ, касались или отдѣльныхъ вопросовъ гарнизоннаго вѣдомства, находившихся въ рукахъ комендантовъ, напр. выдачи жалованья гарнизоннымъ чинамъ [302]), или особаго значенія коменданта: напримѣръ, указъ о передачѣ сбора и раздачи гарнизоннаго жалованья изъ Сибирскаго Приказа въ Ратушу былъ прямо посланъ къ московскому коменданту, но очевидно потому, что онъ былъ въ то же время и сибирскимъ губернаторомъ. Органами управленія гарнизонами были комендантскія канцеляріи. Въ большинствѣ случаевъ онѣ сливались съ приказными избами, такъ какъ коменданты были въ то же время и уѣздными начальниками. Но въ Москвѣ была особая канцелярія, называвшаяся канцеляріей Московскаго гарнизона, хотя кругъ ея вѣдомства тоже охватывалъ собою многія губернскія дѣла, такъ что она походила на отдѣленіе губернской канцеляріи.

Мы здѣсь обратимъ вниманіе на составъ гарнизонныхъ канцелярій пограничныхъ городовъ, такъ какъ тамъ гарнизоны имѣли значеніе сторожевыхъ полковъ и такъ какъ составъ ихъ канцелярій нѣсколько отличался отъ состава комендантскихъ канцелярій вообще. Данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, относятся къ пограничнымъ городамъ

---

[294]) Воинск. Уст., гл. LVII, ст. 3, стр. 283.
[295]) Ibidem., гл. LIX, ст. 3, стр. 288.
[296]) Ibid., гл. LX, ст. 1.
[297]) Ibidem.
[298]) См. напр., тамъ же, гл. LIX, ст. 11, стр. 292.
[299]) См. ibidem., гл. LIX, ст. 11 и 12.
[300]) А. М. Ю. Д. С., кн. 118, л. 1.148.
[301]) Тамъ же кн. 19, л. 53 и сл.
[302]) Сен. 28 марта 1711 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 1, л. 100.

Кіевской губ.; вотъ онѣ—въ формѣ таблицы съ обозначеніемъ окладовъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья:

Чины:	Денежное жалованье:	Хлѣбныя дачи:
Комендантъ	120 р.	120 чет.
Провіантмейстеръ	60 р.	60 чет.
Подьячій средн. ст.	20 р.	20 чет.

Кіевскій комендантъ, впрочемъ, получалъ денежнаго жалованья болѣе (200 р.), а въ Полтавѣ составъ канцеляріи былъ нѣсколько иной: въ ней, вмѣсто одного подьячаго средней статьи, было два молодыхъ съ окладомъ въ 15 р. и 15 четей каждому [303]).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ артиллеріи. Мы уже выше замѣтили, что артиллерія раздѣлялась на полевую и крѣпостную; здѣсь будетъ сказано о послѣдней. Надобно замѣтить прежде всего, что артиллерія, какъ особый родъ войскъ, не была разложена на губерніи съ доль дворового числа: о ней сказано, что распоряженіе послѣдуетъ впредь, но послѣдовало ли это распоряженіе и когда именно, не видать. Полевая артиллерія находилась на иждивеніи Артиллерійскаго Приказа [304]); что же касается до крѣпостной, то она составляла часть гарнизоновъ, а слѣдовательно, и была содержима на губернскій счетъ. Это видно изъ того, что въ 1715 г. велѣно было прислать вѣдомости о состояніи крѣпостной артиллеріи въ Артиллерійскій Приказъ изъ губерніи [305]).

Подобно гарнизоннымъ полкамъ, крѣпостная артиллерія была въ зависимости отъ губернскаго начальства, и эта зависимость была настолько велика, что нѣкоторое время исключала даже зависимость ея отъ центральной власти, Артиллерійскаго Приказа: такъ, до 1715 г. губернаторы повышали чинами артиллерійскихъ служителей, не сносясь съ непосредственнымъ начальствомъ. Подобное превышеніе власти мѣстными губернаторами вызвало, наконецъ, протестъ тогдашняго генерала-фельдцейхмейстера, графа Брюса, который въ доношеніи своемъ Государю, между прочимъ, просилъ воспретить такое произвольное производство въ чины безъ его вѣдома: «чтобъ безъ согласія со мною»—пишетъ онъ—«въ губерніяхъ артиллерійскихъ служителей чинами не повышали, дабы я могъ за оныхъ отвѣтствовать». На это доношеніе состоялся именной указъ 16 февраля 1715 г., которымъ и было запрещено въ губерніяхъ повышать артиллеристовъ (конечно, крѣпостныхъ) чинами [306]). Но прежній порядокъ производства былъ гораздо удобнѣе для самихъ артиллеристовъ, такъ какъ повышеніе прежде дѣлалось, такъ сказать—brevi manu. Вслѣдствіе этого, въ маѣ того же года къ петербургскому губернатору, Меншикову, поступила просьба отъ артиллерійскихъ маіоровъ, Витвера,

---

[303]) Вѣдѣніе изъ Кіевской губ., о дачѣ жалованья судьямъ и приказнымъ людямъ, за подписью обоянскаго ландрата, Кафтырева. А. М. Ю. Д. С., кн. 111, л. 198—205, отн. къ 1718 г.

[304]) См. объ этомъ напр. Штатъ Артилл. 8 февраля 1712 г. П. С. З. № 2.480.

[305]) Сен. ук. 28 февраля, повторен. 31 іюля. А. М. Ю. Д. С., кн. 63, л. 319.

[306]) П. С. З. № 2.887.

прикомандированнаго къ Кронштадской крѣпостной артиллеріи, и Гака, бывшаго въ Финляндской крѣпостной батареѣ, о производствѣ одного артиллериста въ сержанты. Меншиковъ на эту просьбу отвѣтилъ, что, на основаніи указа 16 февраля, онъ этого сдѣлать не можетъ; тогда маіоры отъ лица всѣхъ артиллеристовъ подали въ Приказъ доношеніе, въ которомъ просили возстановить прежній порядокъ производства, говоря, что отъ новаго распоряженія служащіе «будутъ непрестанно скучать» и «не сыщутъ конца». Приказъ представилъ вопросъ на усмотрѣніе Сената, который однако, не входя даже въ разборъ мотивовъ, подтвердилъ снова указъ 16 февраля [307]).

Учрежденіе иррегулярнаго войска относится къ 1711 году. Оно учреждено, какъ временное ополченіе, которое должно было собираться только въ случаѣ необходимости военныхъ дѣйствій для защиты пограничныхъ мѣстъ. По минованіи опасности, ландмилиція распускалась и солдаты ея обращались въ прежнее свое состояніе [308]). Въ продолженіе всего періода былъ только одинъ случай собранія ландмилиціи — для защиты Украйны. Въ концѣ 1712 г., когда была получена вѣсть о томъ, что Турки, недовольные нашими дѣйствіями относительно сдачи Азова и уничтоженія другихъ крѣпостей южной границы, а главнымъ образомъ — подстрекаемые клевретами Карла XII, хотятъ нарушить миръ,—Царь въ письмѣ отъ 29 декабря предписалъ, между прочимъ, Сенату для упомянутой цѣли собрать въ Кіевской губ. ландмилицію изъ 6 или, если можно, изъ 10 полковъ; эту ландмилицію предписано было оставить вмѣсто гарнизоновъ, откуда старые солдаты должны были идти для укомплектованія корпуса Шереметева. Для ученія новобранцевъ велѣно было употребить офицеровъ, оставшихся отъ уничтоженныхъ (раскассованныхъ) полковъ, а жалованье выдавать имъ — изъ солянаго сбора. По справкѣ оказалось, что въ Кіевской губ. находилось 5 полковъ, предназначенныхъ для уничтоженія, а именно: въ Переяславлѣ — Жданова (1.000 ч.), въ Нѣжинѣ—Григорова (1.000), въ Полтавѣ—Воронцова и Булартова (въ обоихъ 1.565 ч.), въ Курскѣ — Постельникова (600 ч.). На основаніи этой справки, доложенной Сенату, состоялся указъ 2 февраля 1713 года, которымъ предписано было устроить ландмилицію изъ названныхъ пяти полковъ, а въ дополненіе собрать изъ Кіевской и Азовской губ. драгунъ, солдатъ, стрѣльцовъ, пушкарей и отставныхъ по 3.500 ч. съ губерніи. Распредѣленіе ихъ по гарнизонамъ было предоставлено на усмотрѣніе кіевскаго губернатора [309]). Изъ этого примѣра явствуетъ, что начальникомъ ландмилиціи былъ сдѣланъ мѣстный губернаторъ, не говоря уже о томъ, что сборъ комплекта лежалъ на отвѣтственности, какъ мѣстнаго, такъ равно и азовскаго губернаторовъ [310]).

---

[307]) А. М. Ю. Д. С., кн. 63, л. 317 об.

[308]) Тамъ же, кн. 195, л. 188 и сл.

[309]) Тамъ же, кн. 21, л. 1.178 и сл. П. С. З. № 2.643.

[310]) Объ этомъ см. указъ Апраксину 24 февраля 1713 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 96, л. 79 и слѣд. и ук. 19 февраля того же года ibid., л. 382.

Въ XVII столѣтіи на областныхъ воеводахъ, въ числѣ прочихъ военныхъ дѣлъ, лежала постройка и поддержка укрѣпленій. Та же обязанность и въ тѣхъ же размѣрахъ возложена была и на губернаторовъ. Власть послѣднихъ какъ и воеводъ XVII вѣка, по отношенію къ этому предмету, была по преимуществу исполнительная: новыя крѣпости строились по предписаніямъ центральной власти, губернаторы обязаны были распредѣлять тяжесть строевой повинности между обывателями и распоряжаться самими работами, медленное производство которыхъ влекло за собою для нихъ отвѣтственность. Особенно важныя крѣпости, на постройку или поправку которыхъ требовалось значительное число работниковъ, возводились не мѣстными обывателями, а по наряду, — работниками изъ всѣхъ губерній: такъ возводилась Кіево-Печерская крѣпость въ 1711 г. [311]) и Котлинская въ 1712 г. [312]).

По вопросамъ непосредственно связаннымъ съ построеніемъ крѣпостей, губернаторы, предупреждая отвѣтственность, сносились съ Сенатомъ и отъ него требовали разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Такъ, при постройкѣ Кіево-Печерской крѣпости кіевскій губернаторъ, кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, не зналъ откуда взять провіанта для работниковъ, такъ какъ запасный весь былъ израсходованъ на проходившіе чрезъ губернію полки, и кромѣ того, въ виду начинавшихся въ Турціи движеній противъ Россіи [313]), потребно было значительное количество провіанта для кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ. Голицынъ объ этомъ донесъ Сенату [314]). Что касается до обязанностей губернаторовъ о поддержаніи крѣпостей, правъ и обязанностей ихъ, какъ начальниковъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, то первыя, какъ кажется, остались прежними,—какъ были и въ XVII вѣкѣ, а о послѣднихъ уже сказано выше [315]).

---

[311]) А. М. Ю. Д. С., кн. 9, л. 27 и сл.

[312]) П. С. З. № 2.467, ст. 13, 2.480.

[313]) Въ это время, по происканъ Карла XII, визирь, который благопріятствовалъ Россіи, былъ казненъ; Крымскій ханъ съ Буджацкою Ордою вознамѣрился напасть на границы, причемъ ему было обѣщано турецкое вспомогательное войско.

[314]) Донес. 30 декабря 1711 г. А. М. Ю. Д. С., кн. 9, л. 27.

[315]) Объ обязанн. области. правителей XVII в. отн. крѣпостей см. у Чичерина: *Областн. Учрежд.*, стр. 116—120.

II. ФИНАНСОВЫЯ ДѢЛА.

Насколько важна для государства правильная организація войска, на столько же, если не болѣе, важно для него увеличеніе казны, правильное употребленіе богатствъ ея и строгая отчетность тѣхъ органовъ, которымъ эти богатства поручены. Словомъ, финансовое управленіе должно занимать видное мѣсто въ сферѣ государственнаго управленія вообще, ибо результаты его, давая возможность удовлетворять потребностямъ и нуждамъ общегосударственнымъ, обусловливаютъ, съ другой стороны, возможность государственной помощи обществу въ достиженіи послѣднимъ его цѣлей, если средства для этого у него недостаточны. Богатства государственной казны и ихъ экономія способствуютъ внѣшней безопасности и внутреннему благоустройству государства. Накопленіе этихъ богатствъ производится изъ тѣхъ источниковъ, которые въ данное время признаются законами государства за таковые, но во всякомъ случаѣ всѣ эти источники, каковы бы они ни были, сосредоточиваются въ области, и, слѣдовательно, добываніе финансовъ есть дѣло областнаго управленія; распредѣленіе же ихъ, экономія и расходованіе суть функція органовъ управленія высшаго. Такимъ образомъ, государственное финансовое управленіе должно раздѣляться на двѣ вѣтви: пріобрѣтеніе средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей и самое удовлетвореніе послѣднихъ; первая изъ этихъ сферъ подлежитъ органамъ областнаго управленія. Но кромѣ потребностей государственныхъ существуютъ еще нужды общественныя, удовлетвореніе которыхъ не можетъ происходить изъ столицы, оно находится въ тѣсной и логической связи съ мѣстнымъ обществомъ и общественнымъ управленіемъ. Само собою разумѣется, что пріобрѣтеніе средствъ для этихъ общественныхъ нуждъ производится изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ и государство. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что областное финансовое управленіе распадается на двѣ части: одна изъ нихъ есть часть общегосударственнаго; по отношенію къ ней область имѣетъ характеръ служебный, исполнительный; другая же часть состоитъ изъ внутренняго областнаго хозяйства, производимаго обществомъ данной области въ предѣлахъ положительныхъ законовъ и подъ контролемъ государственной власти, т. е. представителя ея въ области и органовъ высшаго управленія. Разсматриваемая съ точки зрѣнія этой послѣдней вѣтви финансоваго управленія, область является самостоятельнымъ административнымъ организмомъ, обладающимъ самоуправленіемъ. Въ слѣдствіе этого, говоря о финансовыхъ дѣлахъ, лежащихъ на органахъ областнаго управленія, слѣдуетъ различать эти дѣла на *внѣшнія*, заключающіяся въ пріобрѣтеніи средствъ областью для государства, и *внутреннія*, содержаніе которыхъ есть удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ мѣстными средствами.

Финансовая, какъ и всякая другая, отдѣльность области, безъ сомнѣнія, не мыслима, но финансовая самостоятельность ея, ограниченная въ предѣлахъ общаго законодательства и государственнаго контроля, есть одно изъ явленій областнаго самоуправленія.

Такова система изложенія, истекающая изъ самаго предмета его; но всюду ли можно примѣнить эту систему? Далеко нѣтъ, ибо она предполагаетъ изслѣдованіе управленія въ государствѣ, стоящемъ на высокой степени развитія, когда государственное единство вполнѣ установилось и можетъ ладить съ административной самостоятельностью частей, когда теорія различія политической и административной централизаціи оправдывается въ немъ и уясняется. Административная централизація области, которая, какъ мы видѣли выше, является необходимою ступенью въ развитіи государства, производитъ слѣдствія, діаметрально противоположныя сейчасъ изложеннымъ: общество подавлено государствомъ, а потому нѣтъ и сознанія потребностей, которое оно могло бы и должно-бы было имѣть, нѣтъ органовъ общественнаго управленія, которые были-бы выраженіемъ, отголоскомъ общественной жизни. Все мертво, область дѣйствуетъ лишь механически, возбуждаемая центральною властью и ея представителемъ, и потому въ ней и мыслимы только однѣ служебныя функціи, или та часть областнаго финансоваго управленія, которую мы подвели подъ рубрику внѣшнихъ финансовыхъ дѣлъ. Потребности мѣстнаго населенія, не имѣющія органа для своего выраженія, обращаютъ на себя вниманіе центральной власти лишь постольку, поскольку ихъ удовлетвореніе тѣсно связано съ интересами правительства; въ этихъ случаяхъ центральная власть удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ по своему усмотрѣнію. При спокойномъ развитіи государства административная централизація гораздо быстрѣе уступаетъ мѣсто самоуправленію, а потому мѣстные интересы и нужды все болѣе и болѣе признаются правительствомъ, тѣснѣе и тѣснѣе сплачивается общество, его образованіе утверждается авторитетомъ государства, и, наконецъ, изъ системы самой строгой административной централизаціи развивается двойственная система—государственнаго единства и административной самостоятельности частей. Но если на пути своего развитія государство сталкивается съ такими случайностями, которыя его заставляютъ уклоняться отъ истиннаго пути, возбуждаютъ въ немъ такіе вопросы внѣшней и внутренней политики, разрѣшеніе которыхъ сопровождается крайнимъ напряженіемъ всѣхъ государственныхъ силъ; если оно, не достигнувъ еще административной самостоятельности области, принуждено отстаивать собственное существованіе, не имѣя на то даже достаточнымъ средствъ, въ такомъ случаѣ административная централизація станетъ еще суровѣе, и область принуждена будетъ истощать всѣ свои силы единственно для государства; потребности мѣстнаго населенія, какъ-бы онѣ важны ни были, почти совсѣмъ исчезаютъ въ виду государственной необходимости и должны ожидать болѣе спокойнаго и удобнаго времени.

Русская область въ царствованіе Петра В. была поглощена государствомъ. Суровость централизаціонной политики и неспокойное состояніе государства

были причинами такого ея положенія; поэтому вопросъ о внутреннихъ нуждахъ области совершенно заглохъ. Область начала XVIII вѣка, также, какъ и область XVII-го, была безжизненнымъ орудіемъ государственной власти, закрѣпившей всѣ части государства своему абсолютизму. Единственнымъ стремленіемъ государства было стремленіе къ образованію регулярнаго войска, сильнаго флота и къ установленію правильныхъ международныхъ сношеній; для всего этого необходимы были деньги, почему фискальный характеръ управленія старой Руси сильно развился въ XVIII вѣкѣ и, принявъ въ себя военный элементъ, получилъ поглощающее значеніе. При этомъ область въ финансовомъ отношеніи сдѣлалась поставщицею средствъ, необходимыхъ государству для осуществленія его стремленій, а потому въ сферу ея администраціи входили одни внѣшнія финансовыя дѣла. Такимъ образомъ, вопросъ о финансовыхъ дѣлахъ, лежавшихъ на органахъ областнаго управленія въ началѣ XVIII вѣка, можетъ быть въ своемъ изложеніи раздѣленъ на двѣ упомянутыя группы лишь съ формальной стороны: сущность всѣхъ финансовыхъ дѣлъ области состояла въ добываніи средствъ для цѣлей общегосударственныхъ, но различіе заключалось въ томъ, что однѣ цѣли могли быть достигаемы и дѣйствительно достигались на мѣстѣ (плата жалованья чиновникамъ, плата руги и т. п.), а для достиженія другихъ деньги должны были посылаться въ столицу, въ Приказы. На основаніи этого дѣйствительно возможно раздѣлить областныя финансовыя дѣла на внутреннія и внѣшнія даже и въ нашемъ изложеніи, но это раздѣленіе будетъ обозначать лишь то, что по отношенію къ однимъ вопросамъ всѣ области вмѣстѣ служатъ государству, а по отношенію къ другимъ — каждая область отдѣльно, подобно тому, какъ внутреннія военныя дѣла (см. предъид. раздѣлъ) не были дѣлами по управленію отдѣльнымъ областнымъ контингентомъ, а лишь управленіемъ извѣстною частью общегосударственнаго, порученною на особое попеченіе области[1]).

Источники доходовъ въ XVIII столѣтіи остались тѣ же, что были и прежде; это были: подати, повинности, пошлины и казенныя оброчныя статьи, но виды ихъ умножились съ увеличеніемъ потребностей внѣшняго и внутренняго управленія. Это умноженіе, постепенно возраставшее въ описываемый періодъ, образовало обширную систему, поглотившую всѣ силы отдѣльныхъ областей, систему крайне запутанную, въ которой доходы собирались различными способами, смотря по удобству; здѣсь не видно не только какихъ-либо теоретическихъ, но даже и установившихся практическихъ началъ сбора: все зависѣло отъ соображеній наибольшей казенной выгоды и наивѣрнѣйшаго устраненія казенныхъ убытковъ. Собирая всюду разсыпанныя храмины, Петръ В., въ ви-

1) Само собою разумѣется, что изложенныя выше разсужденія объ областныхъ функціяхъ по отношенію къ внутреннимъ финансовымъ дѣламъ, не могутъ быть приложимы къ дѣламъ военнымъ: существованіе отдѣльнаго контингента есть несомнѣнный признакъ политической самостоятельности области, что не можетъ имѣть мѣста въ государствѣ. Дѣйствительно мыслимы и фактически осуществимы даже такія государства, въ которыхъ отдѣльныя части имѣютъ свои контингенты, а государство, наоборотъ, не имѣетъ войска; но еще можно спорить о томъ, дѣйствительно ли это государство или же особый видъ международнаго союза. Мы разумѣемъ здѣсь то, что въ нѣмецкой наукѣ извѣстно подъ именемъ *союза государствъ* (Staatenbund).

дахъ наибольшаго порядка сборовъ и ихъ расходованія, въ 1710 году повелѣлъ привести въ извѣстность доходы и расходы новыхъ областныхъ единицъ, губерній, и на основаніи собранныхъ данныхъ самъ лично вычислилъ среднюю цифру обще-губернскихъ доходовъ [2]). На основаніи всѣхъ этихъ соображеній была составлена табель, о существованіи которой можно утверждать на основаніи многихъ указаній какъ Полнаго Собранія Законовъ, такъ и подлинныхъ дѣлъ Правительствующаго Сената, хотя при занятіяхъ послѣдними намъ не удалось отыскать этой табели ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. На основаніи этого акта всѣ государственные расходы были раздѣлены по губерніямъ соотвѣтственно доходамъ послѣднихъ, и такимъ образомъ прежніе окладные и неокладные сборы и расходы получили новое наименованіе *табельныхъ*, т. е. приведенныхъ въ извѣстность табелью 1710 года.

Увеличивающіяся потребности, какъ выше было сказано, осложнили финансовую систему; въ слѣдствіе этого вновь появились различныя статьи расходовъ, а такъ какъ подати XVIII вѣка, также какъ и прежде [3]), различались не по предмету, на который онѣ падали, а по назначенію расходовъ, то, естественно, вмѣстѣ съ новыми потребностями, статьями расходовъ, появлялись и новые сборы, какъ источники ихъ удовлетворенія. Такимъ образомъ, къ доходамъ и расходамъ *табельнымъ* присоединяется новый разрядъ *сверхтабельныхъ*. Сверхтабельные сборы могли быть, по существу своему или по назначенію правительства, окладные или неокладные: они отличались отъ табельныхъ только тѣмъ, что не были предусмотрѣны табелью 1710 года. Но, хотя съ увеличеніемъ потребностей, расходовъ, умножались и источники доходовъ, послѣдніе, какъ видно будетъ ниже, въ своемъ ростѣ далеко отставали отъ первыхъ. Къ вновь появившимся постояннымъ расходамъ время отъ времени присоединяются расходы временные, на которые не могли удѣляться деньги, предназначенныя на первые; такимъ образомъ, и здѣсь съ появленіемъ расхода появлялся новый видъ дохода, обусловленный единственно имъ и продолжавшій свое существованіе до тѣхъ поръ, пока продолжалась самая потребность въ немъ. Такіе *временные* доходы и расходы носятъ названіе *запросныхъ*, по своему характеру, потому что поводомъ къ ихъ возникновенію послужила не постоянная, а временная случайная потребность; запросные сборы и расходы отличаются какъ отъ табельныхъ, такъ и отъ сверхтабельныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всѣ эти разряды доходовъ и расходовъ, за исключеніемъ запросныхъ, постоянно раздѣлялись на *окладные* и *неокладные*,—старинное раздѣленіе, основанное на способахъ производства сборовъ, обусловливаемыхъ различіемъ предметовъ послѣднихъ [4]), но это раздѣленіе никогда не было проводимо послѣдовательно. Непослѣдовательность увеличилась въ царствованіе Петра В. Преслѣдуя большія выгоды казны, правительство нерѣдко опредѣляло окладами такіе сборы, которые по своему существу не могутъ быть окладными; такъ, наприм., таможен-

2) Полн. Собр. Зак. № 2247. Ук. 27 янв.

3) См. Чичерина: *Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*, стр. 192.

4) Ср. Осокина: *Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи*. Казань, 1850 г., стр. 1 и слѣд.

ныя пошлины иногда попадаются между окладными сборами, равномѣрно окладомъ опредѣлялись сборы съ выдѣлки и продажи кожъ и т. п. [5]). Въ слѣдствіе этого введена была крайняя неопредѣленность понятій окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, такъ что въ настоящее время нельзя съ точностью указать, какіе сборы принадлежали къ тому или другому разряду: такъ, въ Кіевской губерніи въ 1717 году слѣдующіе сборы были причислены къ окладнымъ: на дѣло кирпича, извести и на городовые припасы въ С.-Петербургъ, а въ городахъ и уѣздахъ, причисленныхъ къ Астраханской губерніи, тѣже самые сборы числятся въ неокладныхъ [6]). И такъ, различіе въ источникахъ доходовъ обусловливалось не какими-либо опредѣленными началами, а единственно—наибольшею выгодою и удобствомъ сборовъ.

Но, какъ замѣчено выше, основныя понятія источниковъ доходовъ остались тѣ же, какія были и въ XVII столѣтіи; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ, произошли измѣненія въ слѣдствіе развитія сословныхъ началъ, которыя окончательно выяснились въ царствованіе Петра В. Эти измѣненія касаются податей и повинностей, но прежде, нежели представить ихъ, необходимо предпослать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Бродяжество нашего народа, отличавшее его въ отдаленную эпоху жизни и такъ повліявшее на дальнѣйшую его исторію [7]), не допускало возможности сліянія народа съ землею; это могло возникнуть и развиться только въ послѣдствіи и не иначе, какъ посредствомъ политики правительства, закрѣпившаго сословія государству, крестьянъ—землѣ. Но пока существовала свобода крестьянскихъ переходовъ, она давала финансовой системѣ иное основаніе. Подати, какъ сборы деньгами, могутъ падать не на лицо, а на имущество лица; имуществомъ же уѣздныхъ людей было землевладѣніе. Ясно, что этотъ объектъ подати при бродячемъ состояніи населенія могъ опредѣляться личностью землевладѣльца лишь отчасти: въ данный періодъ времени данный участокъ былъ заселенъ однимъ количествомъ народа, въ другое время количество это измѣнялось или же земля вовсе оставалась впустѣ; конечно, владѣлецъ земли въ собственныхъ интересахъ старался, чтобъ пустота наполнялась, но во всякомъ случаѣ личная свобода, поддерживаемая и освящаемая закономъ въ продолженіе цѣлаго долгаго періода времени, существовала. Слѣдственно въ это время единственнымъ твердымъ основаніемъ податной системы была земля, а не люди, во владѣніи которыхъ земля въ данное время находилась. Конечно, населеніе было однимъ изъ главныхъ факторовъ этой системы, но оно было лишь орудіемъ для извлеченія изъ земли выгоды; не сливаясь съ нею, оно мѣнялось безпрестанно, а земля оставалась все тою же единственно-вѣрною единицею оклада. Въ слѣдствіе этого въ XVII вѣкѣ податною единицею была четверть пашни [8]). Но земля, какъ податная единица,

---

5) Архивъ Министр. Юстиціи, Сенатск. дѣла по Кіевск. губ. кн. $^{2}/_{1112}$, л. 346 и слѣд.

6) Ср. актъ, означенный въ предъидущемъ примѣчаніи, и Сен. д. по Астрах. губ. (1717 г.) Кн. $^{3}/_{91}$, л. 1 и слѣд.

7) См. Градовскаго *Исторія мѣстнаго управл. въ Россіи*, т. 1, гл. 1.

8) Относительно величины четверти пашни въ нашей историко-юридической

была опредѣленна только по постоянству своего положенія, доходность же ея, конечно, зависитъ отъ обработки, отъ личнаго труда; въ рукахъ лѣниваго земледѣльца она, не смотря на какія бы то ни было свойства и производительность, приноситъ меньшую долю той пользы, какую могла бы принести при другихъ обстоятельствахъ; кромѣ того, зная податной характеръ земли, поселенцы, смотря по своимъ личнымъ свойствамъ, обработывали то болѣе, то менѣе участковъ и, хотя при этомъ сами получали то больше, то меньше выгодъ, подлежали податному окладу далеко не въ равной степени. Новиковъ характеризуетъ это состояніе землевладѣнія и обработки земли слѣдующимъ образомъ: «Крестьяне подати свои платили не съ душъ, не съ дворовъ, не съ имѣнія, а съ пашни. Занимавшіе для обработыванія земли больше, больше какъ платили, такъ и сами пріобрѣтали. Лѣнивецъ, обработывая меньши земли, меньше и платилъ и меньше имѣлъ выгодъ» [9]). Отсюда видно, что податная система, завися въ значительной степени отъ личнаго произвола, была крайне неопредѣленна. Закрѣпощеніе сословій произвело въ этомъ отношеніи важную перемѣну: крестьянинъ на всю жизнь остался на томъ участкѣ, гдѣ поселился, а потому основаніе податнаго оклада, опредѣляясь постоянствомъ личнаго труда, получило наибольшую твердость; переходы были уничтожены, съ ними уничтожился и произволъ: каждый земледѣлецъ поневолѣ долженъ былъ трудиться съ прилежаніемъ, ибо участки уравнялись и, въ слѣдствіе этого, лѣнивый несъ ту же тяжесть, какъ и ретивый. Единицею оклада сдѣлался дворъ, усадьба, а не пашня [10]). Но говоря такъ объ единицѣ податной раскладки въ XVII вѣкѣ, мы видимъ явленіе совершенно противоположное относительно повинностей. Повинность, какъ жертва на пользу общую, связанная съ лицомъ жертвователя, всегда опредѣлялась дворомъ, усадьбою. Съ измѣненіемъ единицы податной раскладки, подати въ этомъ отношеніи слились съ повинностями, при чемъ явилась возможность обращенія многихъ повинностей въ подати, что, сохраняя личный трудъ, обогатило казну и дало большую силу и широту дѣйствія финансовому управленію. Сборы съ пашни доказываютъ, что подать никогда не падала на лицо, а на имущество; то же начало осталось и въ послѣдствіи, когда единицею податной раскладки сдѣлался дворъ. Дворъ также представляетъ собою выраженіе имущественнаго благостоянія лица,—понятіе его непрерывно связано съ обработкою земли и другими статьями крестьянскаго хозяйства, а въ городахъ было установлено различіе дворовъ по благосостоянію

литературѣ существуютъ противорѣчивыя мнѣнія; вопросъ объ этомъ, какъ кажется, и до сихъ поръ ждетъ безспорнаго рѣшенія. Покойный профессоръ И. Д. Бѣляевъ измѣряетъ четверть въ $1^1/_2$ раза болѣе десятины, говоря, что величина maximum'а сохи равнялась 1800 десятинамъ, или 1200 четямъ (*Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ, въ русскомъ обществѣ*, стр. 48—49). Напротивъ, другой нашъ писатель, гр. Толстой, говоритъ, что четверть равнялась $^1/_2$ десятины, а потому тотъ же maximum сохи, 1200 частей, считаетъ равнымъ 600 десятинамъ (*Исторія Финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Импер. Екатерины* II, стр. 8—9.)

9) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 158.

10) Уложен. гл. VIII ст. 1 и др. П. Собр. Зак. №№ 56,139,322,1299 и др.

ихъ хозяевъ. И такъ сборъ со двора не есть сборъ съ лицъ, живущихъ во дворѣ, а съ ихъ имуществъ, и размѣръ взиманія всегда соразмѣрялся съ имущественнымъ благостояніемъ лицъ [11]).

Другимъ источникомъ казенныхъ доходовъ были пошлины, которыя, какъ мы видѣли выше, тоже иногда опредѣлялись примѣрными окладами. Наконецъ, третьимъ источникомъ, оброчными статьями, казна пользовалась, какъ всякій частный собственникъ: здѣсь она является лицомъ владѣющимъ на частномъ правѣ, но, не смотря на такое значеніе, оброчныя статьи, т. е. пользованіе ими, на практикѣ, относились также къ податямъ, и всѣ сборы этого разряда носятъ названіе *оброчной подати*. Таковы были источники государственныхъ доходовъ; послѣдніе собирались съ области для государства, которое выдѣляло часть ихъ на внутреннія областныя потребности, если удовлетвореніе этихъ потребностей непосредственно касалось общаго государственнаго благостоянія; большая часть этого выдѣла шла на жалованье областнымъ чиновникамъ. Что же касается до областнаго финансоваго самоуправленія, то его не было даже и въ зачаткахъ, что продолжалось до окончательнаго образованія сословій съ ихъ правами и обязанностями.

Выше сказано, что подати, будучи уравнены въ единицѣ взиманія съ повинностями, способствовали обращенію послѣднихъ въ подати. Дѣйствительно, въ эпоху, близкую ко времени Петра В., и въ царствованіе послѣдняго мы видимъ, что многія повинности изъ натуральныхъ обратились въ денежныя; таковы повинности подводная, ямская и др. Личныя силы сдѣлались необходимы на мѣстѣ, ибо финансовая система получила большую опредѣленность, и въ правительствѣ естественно зародилась мысль, что чѣмъ менѣе отрывать эти личныя силы отъ частнаго хозяйства, тѣмъ возможнѣе правильность и состоятельность хозяйства государственнаго. Къ тому же, натуральныя повинности, обращаясь въ деньги, даютъ правительству наибольшій просторъ дѣйствія, сосредоточивая въ его рукахъ выкупныя деньги, которыя оно можетъ употреблять по усмотрѣнію. Но между податями и повинностями, обращенными въ деньги,

---

11) См. Полн. Собр № 2127....«чрезъ Московскую Ратушу вѣдомо ему Великому Государю учинилось, что едва не во всѣхъ городахъ въ окладныхъ тяглахъ и въ случающихся неокладныхъ и на мірскіе расходы поборахъ налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякаго скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія) платежи тяжкіе якобы забывъ Его Государевы указы, *которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборехъ съ разсмотрѣніемъ промысловъ и торговъ, и пожитковъ имѣти уравненіе; въ иныхъ же городахъ то объявленное въ указехъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они, по житочные чины, тѣмъ указамъ противленіе, въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно оставя имущество пожитковъ, равняютъ въ равныя съ собою подати числомъ дворовымъ* и т. д.» (Ук. 18 дек. 1706 г.) Дворъ, какъ податная единица, былъ переходомъ къ такъ называемой *подушной подати*, которая также имѣла въ виду имущественное благостояніе лицъ и не смотря на послѣдующія искаженія, сохранила de facto этотъ характеръ до позднѣйшихъ преобразованій въ финансовой системѣ нашего отечества. О значеніи подушной подати по мысли Петра В. и о дальнѣйшемъ искаженіи этой мысли см. кн. Васильчикова *О самоуправленіи* т. III, стр. 210, 218, 326, примѣч. 1-е. Противоположное воззрѣніе у гр. Толстаго *Истор. Фин. Учрежд. Россіи* стр. 22—32 и у нѣкоторыхъ другихъ нашихъ писателей.

въ самомъ принципѣ существуетъ различіе. Подать, по существу своему, имѣетъ цѣлью не частную потребность правительства, а доставленіе средствъ для его дѣятельности вообще, тогда какъ повинность всегда остается дѣйствіемъ и сборомъ для даннаго случая, для опредѣленной частной потребности. Эти признаки, безъ сомнѣнія, служатъ основаніемъ существеннаго различія между податями и повинностями въ принципѣ, различія, которое всегда мѣшаетъ сліянію ихъ, не смотря на одинаковость юридическаго основанія и даже способа пользованія этими источниками. Подать, указывая на общую цѣль государства, есть продуктъ болѣе высокой степени государственнаго развитія, когда государство получаетъ, такъ сказать, способность обобщенія частныхъ функцій своей дѣятельности и частныхъ потребностей въ одной идеѣ, въ одномъ сознаніи своего права и обязанности. Напротивъ, повинности удовлетворяютъ частностямъ, ими государство достигаетъ того или другаго, не имѣя никакой общей мысли. И такъ, съ развитіемъ государства появляются подати, но такъ какъ система эта, естественно, съ дальнѣйшимъ развитіемъ государства развивается, то и получаетъ преобладаніе надъ первичною системою повинностей. Съ другой стороны, сами повинности, слѣдуя ходу того же развитія политическихъ и экономическихъ началъ, изъ натуральныхъ переходятъ мало по малу въ денежныя и по формѣ близко подходятъ къ податямъ. Конецъ концовъ тотъ, что государство, развивая изъ частностей общую идею, уничтожаетъ цѣлый рядъ повинностей, соединяя ихъ въ подать. Такимъ образомъ, по принципу, невозможно сліяніе податей съ повинностями, но возможно уничтоженіе послѣднихъ и развитіе первыхъ, при чемъ правительство беретъ на себя достиженіе всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя прежде достигались имъ при посредствѣ усилій и жертвъ частныхъ лицъ. Съ ходомъ времени это дѣлается тѣмъ возможнѣе, что многіе вопросы публичнаго хозяйства, которые прежде разрѣшались самимъ государствомъ путемъ повинностей, предоставляются частнымъ лицамъ и обществамъ для рѣшенія ихъ путемъ частной или общественной иниціативы и предпріимчивости. Повинности въ глазахъ государства не существуютъ, существуетъ лишь гражданскій долгъ, онѣ предоставляются низшимъ сферамъ общежитія— обществу, въ управленіи котораго играютъ весьма важную роль въ смыслѣ *земскихъ повинностей*. И такъ, съ развитіемъ государства, повинности государственныя *поглощаются* податями. Но подати въ началѣ своемъ образуются изъ денежныхъ повинностей, въ послѣдствіи лишь развивается ихъ принципъ. Въ слѣдствіе этого онѣ первоначально также опредѣляются частными цѣлями, а потому и смѣшиваются съ повинностями и не только денежными, но и натуральными. Это смѣшеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока изъ факта не разовьется идея подати, какъ особаго финансоваго института. Отсюда само собою разумѣется, что въ болѣе раннюю эпоху подати могутъ *слиться* съ повинностями. У насъ въ началѣ XVIII вѣка податной принципъ еще не образовался, и подати, также какъ и въ XVII вѣкѣ, различались не по предмету, а по цѣлямъ взиманія (Чичеринъ, см. выше); къ тому же существовали еще многіе виды государственныхъ повинностей, которые иногда даже отбывались

натурой (напр., провіантскія поставки). Въ слѣдствіе этого трудно и безполезно различать эти два источника доходовъ, говоря объ ихъ существованіи въ началѣ XVIII вѣка.

Виды податей и повинностей были чрезвычайно разнообразны. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ можно усмотрѣть изъ актовъ, были повсемѣстными, а другіе, напротивъ, мѣстными, кромѣ того, они могутъ быть раздѣлены на городскія и уѣздныя. Это послѣднее различіе уясняется все болѣе и болѣе по мѣрѣ образованія сословій, но въ изслѣдуемую эпоху эти два разряда сборовъ, хотя и рѣдко, смѣшивались между собою; нѣкоторыя подати и повинности были общи какъ городу, такъ и уѣзду. По имѣющимся у насъ подъ руками документамъ, оффиціальнымъ губернскимъ вѣдомостямъ о доходахъ за разные годы, виды податей и повинностей въ началѣ XVIII вѣка были слѣдующіе:

Прежде всего мы встрѣчаемся съ такъ называемыми *стрѣлецкими деньгами*. Предметъ и происхожденіе этого сбора тѣсно связаны съ прежнею податью на жалованье войску, денежною и натуральною, которая существовала въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія. Подать на жалованье войску появляется въ слѣдъ за учрежденіемъ приборныхъ войскъ; содержаніе этихъ послѣднихъ первоначально производилось изъ добровольныхъ пожертвованій, которыя, однако, остались въ видѣ исключенія и по введеніи постоянной подати. Подати этой подлежали всѣ классы общества—какъ служилые люди, такъ и неслужилые: посадскіе и черносошные крестьяне [12]). Подать на жалованье, собираемая съ служилыхъ людей, была замѣною личной службы: въ томъ случаѣ, если служилый человѣкъ былъ почему либо избавленъ отъ личнаго присутствія въ рядахъ войска, онъ долженъ былъ платить на жалованье послѣднему. Сборы эти до начала XVIII вѣка были не постоянными, а на данный случай [13]). Когда случалась война, издавался именной Государевъ указъ съ обозначеніемъ, кому изъ служилыхъ людей быть на службѣ лично и какую взять съ остальныхъ подать на жалованье войску. Со времени самостоятельнаго царствованія Петра В. эта подать по случаю войны съ Турціею и ея послѣдствій—необходимости охранять новозавоеванные города, а потомъ, въ слѣдствіе войны съ Швеціей, сдѣлалась ежегодною, хотя и сохраняла прежній характеръ сбора на случай; это видно изъ всѣхъ указовъ, касающихся ея, до 1706 года: если кто либо не попалъ въ окладъ, то долженъ былъ отбывать службу лично, или если какой нибудь разрядъ лицъ былъ пропущенъ въ одномъ указѣ, то онъ могъ вносить деньги вмѣсто службы лишь въ томъ случаѣ, когда въ послѣдующемъ былъ поименованъ [14]). Размѣръ обложенія измѣнялся, смотря по обстоятельствамъ, хотя въ большинствѣ случаевъ оставался одинаковымъ для одного и того же класса. Порядокъ сбора былъ также различенъ въ разное время: подать собиралась или прямо со двора [15]), или съ извѣстнаго минимума

12) Чичерина *Областн. Учр.*, стр. 204 и слѣд.

13) См. всѣ указы, которые будутъ приведены ниже, и Улож. гл. VII, ст. 1.

14) Ibidem.

15) Полн. Собр. Зак. №№ 799, 804, 1210, 1319, 1504, 1506 и 1507.

дворовъ [16]), въ послѣднемъ случаѣ съ тѣхъ, у кого дворовъ было менѣе положеннаго минимума, подать собиралась безъ подворной раскладки. При этомъ былъ иногда принимаемъ слѣдующій расчетъ: принимались во вниманіе: а) размѣръ сбора со двора и б) минимумъ дворового числа, эти два фактора помножались, и количество, оказавшееся въ произведеніи, взыскивалось огуломъ. По этому же расчету облагались податью тѣ, у кого не было вовсе помѣстій и вотчинъ (безпомѣстные) или въ помѣстьяхъ и вотчинахъ были незаселенныя земли (пустопомѣстные). Съ торговцевъ и промышленниковъ подать была взимаема съ доходовъ, съ пятой или десятой деньги [17]). Сборы съ духовенства большею частью бывали въ формѣ добровольныхъ пожертвованій; въ вотчины духовныхъ властей или монастырей обыкновенно посылались объ этомъ грамоты [18]). Но понятіе духовенства распространялось не только на священно-и церковно-служителей, но и на неотдѣленныхъ дѣтей ихъ, или иныхъ родственниковъ, которые обыкновенно назывались поповичами и церковниками. Та же потребность, которая заставила Петра В. привлечь всѣ классы общества къ отбыванію постоянной воинской повинности, обратила его вниманіе и на церковниковъ, но такъ какъ лично служить могутъ только *годные*, то всѣ увѣчные, малолѣтные и старые оставались дома, будучи привлечены наравнѣ съ другими къ уплатѣ подати на жалованье войску. Съ учрежденіемъ постояннаго войска и флота прежняя подать на жалованье обращается въ обязанность содержанія губерніями табельныхъ полковъ и въ третныя дачи въ Приказы---Военный, Адмиралтейскій и Артиллерію.

Съ денежною податью на жалованье войску соединялся сборъ на продовольствіе послѣдняго натурою, хлѣбомъ, при чемъ сборъ этотъ, въ противоположность подворной подати, былъ постояннымъ [19]). Этотъ сборъ обратился въ послѣдствіи въ разсмотрѣнный уже нами сборъ провіанта. Но кромѣ этого обыкновеннаго сбора, который падалъ на крестьянъ-хлѣбопашцевъ, въ Сибири была еще особая хлѣбная подать, извѣстная подъ названіемъ *выдѣльнаго хлѣба*, или *выдѣльнаго снопа*. Выдѣльный хлѣбъ взимался съ лицъ всѣхъ состояній, занимавшихся хлѣбопашествомъ, и по отношенію къ нимъ замѣнялъ собою вышеозначенный хлѣбный сборъ съ крестьянъ. Размѣръ выдѣла былъ различный, смотря по качеству хлѣба: съ хорошаго хлѣба брался 4-й снопъ, съ средняго 5-й, съ худаго 6-й. Сборъ выдѣльнаго хлѣба всегда лежалъ на обязанности дворянъ и дѣтей боярскихъ по выбору и назначенію мѣстныхъ воеводъ, у которыхъ и хранился собранный хлѣбъ. Назначеніемъ этого сбора было производство хлѣбнаго жалованья служилымъ людямъ, которое замѣняло собою пашенный надѣлъ, дававшійся въ случаѣ непроизводства хлѣбныхъ дачъ или и при нихъ, но въ послѣднемъ случаѣ эти два способа жалованья взаимно другъ друга пополняли по расчету оклада [20]). Очевидно, что имѣя тоже назначе-

16) П. Собр. Зак. № 4617.

17) Чичерина указ. выше сочин. стр. 204.

18) Ibidem.

19) Ibidem, стр. 502 и слѣд.

20) О выдѣльномъ хлѣбѣ см. П. С. З. № № 1594 § 23, 1595 § 18, 1670 § 14, 1822 §§ 43, 44, 48. Чичерина указ. сочин., стр. 207.

ніе, какъ и предъидущій сборъ, выдѣльный хлѣбъ съ учрежденіемъ регулярнаго войска также вошелъ въ составъ провіанта. Но однимъ изъ видовъ обыкновеннаго хлѣбнаго сбора былъ сборъ *стрѣлецкаго хлѣба* (Чичеринъ). Ему подлежали посадскіе люди, которые доставляли его по четвертямъ казенной таможенной мѣры [21]). Мы выше видѣли, что хлѣбная подать XVII ст. обратилась въ XVIII-мъ въ сборъ провіанта, но также упомянули, что образованіе регулярнаго войска не уничтожило нѣкоторыхъ разрядовъ войска XVII вѣка; они еще долго существовали подъ названіемъ *служилыхъ людей старыхъ службъ*. Въ числѣ этихъ прежнихъ разрядовъ войска остались стрѣльцы: вотъ причина того, что и въ XVIII столѣтіи встрѣчается стрѣлецкая подать, или четвертныя стрѣлецкія деньги [22]). Въ 1681 году стрѣлецкій хлѣбъ былъ обращенъ въ денежную подать, имѣвшую весьма важное значеніе въ исторіи образованія нашихъ сословій и въ приведеніи въ порядокъ областнаго управленія [23]). Стрѣлецкія деньги собирались по окладамъ, которые въ точности неизвѣстны; въ иныхъ мѣстахъ окладъ ихъ опредѣлялся валовою цифрою: напримѣръ съ городовъ Кіевской губерніи годовой окладъ стрѣлецкихъ денегъ равнялся 1,766 р. 19 алт. 5 ден. [24]), что при 2156 дворахъ плательщиковъ [25]) составитъ болѣе 81 копѣйки со двора [26]). Оклады

---

21) П. С. З. № 499: Великій Государь указалъ и бояре приговорили, на годовое жалованіе Московскимъ стрѣльцамъ сбирать стрѣлецкій хлѣбъ на Москвѣ и въ Стрѣлецкомъ и во всѣхъ Приказахъ, также и во всѣхъ городѣхъ въ торговую таможенную обленную мѣру и верхи подъ гребло.....и... чтобы тѣхъ таможенныхъ обленныхъ мѣръ на Москвѣ и въ городѣхъ никто не перемѣняли, а былибъ на Москвѣ и въ городѣхъ тѣ указныя пріемочныя заобленныя мѣры однѣ съ верхи подъ гребло (Ук. 2 сент. 1671 г.).

22) См. Кіевск. вѣдом. по тремъ пунктамъ (п. 2) и Астраханск. 1717 г. А. М. Ю. Сен. д. кн. $^{3}/_{91}$ л. 15, $^{2}/_{113}$ л. 346 и слѣд.

23) Стрѣлецкая подать замѣнила собою многіе мелкіе доходы, собиравшіеся до тѣхъ поръ съ городовъ по разнымъ Приказамъ (А. А. Э. т. IV, № 250, А. И. т. V №. 77). Значеніе стрѣлецкой подати оцѣнивается нашими учеными не въ равной степени (Ср. Чичерина указ. сочин. стр. 565, *Опыты по Исторіи Русскаго права*, стр. 39, и Градовскаго *Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи* т. I, стр. 200 и слѣд.), но, принимая во вниманіе то, что стрѣлецкая подать образовалась изъ *стрѣлецкаго хлѣба*, сборъ котораго производился только съ городовъ, и что, по учрежденію своему въ 1681 году, эта подать была распространена на города главнымъ образомъ, а на земли какъ-бы въ видѣ исключенія, не говоря уже о подчиненіи по ея поводу городовъ во многихъ податяхъ одному Стрѣлецкому Приказу,—мѣра, могущая считаться предвѣстницею учрежденія 1699 года; принимая все это въ соображеніе, мы должны признать за учрежденіемъ 1681 года гораздо большее вліяніе на обособленіе городовъ отъ уѣздовъ, нежели какое признаетъ за нимъ проф. Градовскій. Проф. Чичеринъ на основаніи приведенныхъ имъ актовъ говоритъ, что всѣ владѣльческіе крестьяне—помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные, были *взяты этого* (т. е. стрѣлецкой подати) обложены ямскими и полоняничными деньгами (ibidem), но это разграниченіе, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, въ XVIII столѣтіи, не вездѣ соблюдалось: такъ, въ Кіевской вѣдомости *по тремъ пунктамъ* ямскія и полоняничныя деньги причисляются какъ къ первому, такъ и ко второму пунктамъ, т. е. числятся какъ съ уѣздовъ, такъ и съ городовъ, хотя при этомъ стрѣлецкая подать значится только по второму пункту, т. е. съ однихъ городовъ.

24) Кіевск. вѣдом. по 2 пункту.

25) Ibidem.

26) Для болѣе яснаго пониманія цифръ, я почти вездѣ къ общепринятому счету де-

были разные, смотря по благосостоянію плательщиковъ. Мы имѣемъ подъ руками данныя относительно нѣкоторыхъ городовъ вновь учрежденной въ 1717 году Астраханской губерніи; на основаніи ихъ можно расчитать приблизительно оклады по дворамъ стрѣлецкихъ денегъ въ этой губерніи. Данныя и расчетъ представимъ въ слѣдующей таблицѣ [27]):

Города.	Дворовое число.	Общій итогъ.	Дворовый окладъ.
Симбирскъ	411	559 р. 69 коп. (23 алт.)	Около 1 р. 36 коп.
Самара	71	37 р. 90 коп. (30 алт.)	Немного болѣе 53 коп.
Сызрань и Кашпиръ	103	37 р. 43 коп. (14 алт. 1 ден.)	Нѣсколько болѣе 36 коп.

Но не всѣ города подлежали стрѣлецкой подати; такъ въ той же Астраханской губерніи не было вовсе окладныхъ сборовъ, а въ ихъ числѣ и стрѣлецкихъ денегъ въ слѣдующихъ городахъ: Дмитріевскѣ, Царицынѣ, Петровскѣ, Астрахани съ пригородами, Теркѣ и Черномъ Ярѣ [28]); иногда же стрѣлецкія деньги не взимались и при существованіи иныхъ окладныхъ сборовъ [29]). Во всѣхъ этихъ городахъ не было уѣздовъ или же города отъ уѣздовъ не отдѣлялись, подлежа однимъ и тѣмъ же сборамъ: это обстоятельство, кажется, можетъ служить объясненіемъ приведенныхъ изъятій. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ городское общество сложилось и обособилось отъ уѣзда, стрѣлецкая подать существуетъ какъ одинъ изъ признаковъ этого обособленія; напротивъ тамъ, гдѣ города еще не образовались, какъ явленія отдѣльныя отъ уѣздовъ, не было и не могло быть никакихъ различій между тѣми и другими, не было и стрѣлецкой подати. Примѣры безсилія городскихъ обществъ относительно ихъ способности къ обособленію отъ уѣздовъ не рѣдки въ царствованіе Петра В.; это имѣло прямое вліяніе на то, что бурмистрское управленіе не было распространено на Сибирь, гдѣ, по выраженію указовъ, общество было *маломюдно*, не кому и не изъ кого было выбрать бурмистровъ—обстоятельство, доказывающее, что городское сословіе создавалось не сразу, а по мѣрѣ фактическаго обособленія отдѣльныхъ группъ; но тамъ, гдѣ оно имѣло способность къ обособленію, въ числѣ прочихъ отличій является и стрѣлецкая подать [30]).

негъ въ XVII столѣтіи и началѣ XVIII-го на деньги (московскія, которыхъ въ рублѣ было двѣсти) и алтыны (6 денегъ) присоединяю счетъ копѣечный, т. е. счетъ на новгородскія деньги, которыхъ въ рублѣ было сто и которыя введены въ московскій счетъ въ первой половинѣ XVI вѣка; при этомъ я принимаю тотъ же счетъ, который принятъ и г. Костомаровымъ (*Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, стр. 173—175, 181).

27) А. М. Ю. кн. $^{3}/_{9x}$ л. 15 и слѣд. Астраханская вѣдом. 1717 года.

28) и 29) Ibidem.

30) Выше было сказано, что въ XVIII-мъ столѣтіи стрѣлецкая подать носила названіе

На производство содержанія рекрутскимъ партіямъ, расположеннымъ на станціяхъ и на жалованье армейскимъ извощикамъ былъ назначаемъ особый сборъ подъ названіемъ *земскаго*. Впрочемъ, названіе земскаго давалось этому сбору преимущественно въ томъ случаѣ, если онъ предназначался для послѣдней цѣли; сборъ же на содержаніе рекрутъ назывался *рекрутнымъ* (ср. приведенныя вѣдомости). Эти два сбора всегда въ вѣдомостяхъ раздѣлялись и были или единовременными [31]), или же при существованіи одного не было другаго [32]). Земское было собираемо какъ съ городовъ, такъ и съ уѣздовъ, т. е. какъ съ посадскихъ людей, такъ и съ крестьянъ, но съ послѣднихъ впрочемъ невсегда во всѣхъ разрядахъ: такъ, въ Симбирскомъ уѣздѣ этому сбору подлежали только помѣщичьи и вотчинные крестьяне, а монастырскіе и церковные не подлежали [33]); тоже, съ присоединеніемъ дворцовыхъ къ первому разряду, встрѣчается и въ Самарскомъ уѣздѣ [34]). Въ Кіевской губерніи, напротивъ, этому сбору подлежали всѣ крестьяне безъ различія [35]).

Окладъ земскаго опредѣлялся иногда подворно [36]), при чемъ равнялся 2 алтынамъ (6 копѣйкамъ) со двора, а иногда—валовою цифрою [37]). Двухалтынный окладъ не былъ постояннымъ: онъ измѣнялся, смотря по обстоятельствамъ; иногда же былъ не одинаковъ единовременно въ разныхъ городахъ и уѣздахъ. Впрочемъ измѣненія его происходили, какъ кажется, въ опредѣленныхъ границахъ: для городовъ minimum оклада былъ немного болѣе 5 копѣекъ [38]), а maximum—немного болѣе 13 копѣекъ [39]) со двора; съ уѣздовъ меньшій окладъ равнялся упомянутымъ 2 алт., а высшій былъ равенъ 13 копѣйкамъ [40]). Самые оклады, какъ ихъ можно было вычислить по имѣющимся даннымъ, приведемъ въ формѣ слѣдующихъ двухъ таблицъ:

четвертныхъ денегъ, но отсюда никакъ не слѣдуетъ заключать, что она первоначально собиралась съ четвертей пашни: мы видѣли, что четверть пашни была единицею взиманія податей съ уѣздныхъ жителей, а не съ посадскихъ, по отношенію къ которымъ единицею былъ дворъ. Названіе *четвертныя деньги*, по моему мнѣнію, должно быть приведено въ связь съ мѣрою взиманія прежняго стрѣлецкаго хлѣба, который сбирался въ мѣру казенной заорленной *четверти* (П. С. З. № 499).

31) См. Воронежскую вѣдомость за 1710 годъ въ дѣлѣ по обвиненію дьякомъ Чашниковымъ азовскаго вицегубернатора Колычева. А. М. Ю. Дѣла Слѣдств. Коммиссіи за 1716 годъ. Кн. $^{5}/_{221}$ л. 29—40.

32) Ibid. за 1711 и 1713 годы. Астраханск. вѣдом. первыхъ 5 городовъ. Кіевск. вѣдом. по 1 и 2 пп.

33 и 34) Астрах. вѣдом.

35) Кіевск. вѣдом. по 1 п.

36) Ibid. и Ворон. вѣд. на 1713 г.

37) Кіевск. вѣд. по 2 п.

38) Астр. вѣд. по г. Самарѣ.

39) Ibidem по г. Саратову.

40) Ibid. по Самарскому уѣзду.

№ 1

Города.	Количество дворовъ по переписи 1170 года.	Итогъ.	Со двора
Кіевъ и другіе города Кіевской губерніи.	2,156	117 р. 24 а. 3 д. (73½ коп.)	Нѣсколько болѣе 5 коп.
Симбирскъ.	411	53 р. 14 а. 2 д. (43 коп.)	13 коп.
Самара.	70	9 р. 3 а. 2 д. (10 коп.)	13 коп.
Сызрань и Каширъ.	103	13 р. 13 а. (39 коп.)	13 коп.
Саратовъ.	148	22 р. 12 а. (36 коп.)	Нѣсколько болѣе 13 коп.

№ 2

Уѣзды.	Количество дворовъ по переписи 1710 г.	Итогъ.	Со двора.
Всѣ уѣзды Кіевской губ.	Всѣхъ разрядовъ крестьянъ: 28,063	1,683 р. 26 а. (78 к.)	6 коп. (2 алт.)
Симбирскій.	Помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ: 6,150	794 р. 3 а. 3 д. (10½ коп.)	Нѣсколько болѣе 12 коп.
Самарскій.	Дворцовыхъ крестьянъ: 516 Помѣщ. и вотчин. 68.	Съ 1-хъ 67 р. 2 а. (6 коп. Со 2-хъ 8 р. 28 а. (84 коп.	Съ 1-хъ отъ 10 до 11 коп. Со 2-хъ—13 к.

По назначенію, къ земскому близко подходили различные сборы на жалованье тѣмъ или другимъ военнымъ чинамъ и на иныя потребности арміи. Однимъ изъ повсемѣстныхъ видовъ этихъ сборовъ было такъ называемое *военное*, или сборъ Военнаго Приказа, называвшійся иногда *драгунскими деньгами* (ср. указ. вѣдомости). Судя по послѣднему названію, подать эта назначалась на жалованье кавалерійскимъ полкамъ, которые въ то время во-

обще назывались драгунскими (см. предъидущій раздѣлъ). Военное для крестьянъ имѣло постоянный окладъ, равнявшійся полуполтинѣ со двора, почему самая подать называлась также *полуполтинными деньгами*; съ городовъ подать эта собиралась съ десятой деньги. Относительно сбора военнаго исключеніе представляютъ кіевскіе однодворцы, которые при 30,824 дворахъ платили только 5 р. 16 алт. (Кіевск. вѣд. по 1-му п.) Съ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ иногда кромѣ этого сбора дѣлался другой—на жалованье драгунамъ Монастырскаго Приказа и на фуражъ ихъ лошадямъ. Какъ кажется, этотъ послѣдній сборъ опредѣлялся постояннымъ окладомъ въ размѣрѣ 11 алт. 4 денегъ (35 коп.) со двора (см. ibid и Астрах. вѣд. по Симбирскому уѣзду) и считался сверхтабельнымъ. Иногда съ нимъ соединялся тоже сверхтабельный сборъ на подъемъ каменьщиковъ и кирпичниковъ для Монастырскаго Приказа (ibidem). Если, при этомъ, 11 алт. 4 д. принять за нормальный окладъ драгунскихъ денегъ, то подъемныя деньги, въ такомъ случаѣ, имѣли окладъ въ 3 алт. 2 д. (10 коп. ibid.) со двора. Иногда съ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ собирались однѣ подъемныя деньги, а драгунскихъ не было (Ворон. вѣд. за 1710, 1712 и другіе годы), при чемъ размѣръ оклада со двора не можетъ быть расчитанъ за отсутствіемъ указанія дворового числа плательщиковъ; иногда же съ нихъ не сбиралось ни драгунскихъ, ни подъемныхъ денегъ (ibid. 1711 г.). Кромѣ означенныхъ, было немало и иныхъ сборовъ, имѣвшихъ назначеніе для арміи или для какой-либо части ея. Эти сборы были табельными и сверхтабельными и, притомъ, мѣстными по цѣли или по назначенію правительства. Таковы сборы въ Кіевской губерніи на земское ополченіе, сѣвскимъ воеводамъ и т. п. (Кіевск. вѣд. по 1 п.), дачи на гарнизонные полки пѣхотные и кавалерійскіе [41]). Въ Астраханской губерніи, въ нѣкоторыхъ городахъ и уѣздахъ, встрѣчаются денежные сборы для табельныхъ полковъ на мясоѣдные дни. Назначеніе этихъ сборовъ было, очевидно, провіантское; они были сверхтабельными окладными, при чемъ окладъ ихъ былъ одинаковъ для городовъ и уѣздовъ и равнялся 6 алт. (18 коп.) со двора (см. Астрах. вѣд.). Этой подати подлежали всѣ безъ изъятія разряды посадскихъ и уѣздныхъ обывателей, включая даже инородцевъ-ясашниковъ. Такими же мѣстными сборами по назначенію правительства были дачи рекрутамъ московскаго набора, Хоненеву полку и т. п., на которыхъ мы останавливаться не будемъ.

Для найма подводъ подъ рекрутскія партіи, полки, орудія и военные припасы обыкновенно собиралась со всего государства, какъ съ посадскихъ, такъ и съ уѣздныхъ жителей, особая подать, извѣстная подъ названіемъ *подводной*, или *двухалтынаго сбора*. Послѣднее названіе присвоено этой подати съ тѣхъ поръ, какъ окладъ ея былъ опредѣленъ постоянною цифрою—по 2 алт. со двора или съ капитала. Установленіе этого постояннаго оклада произошло неранѣе 1710 года, ибо прежде онъ былъ различенъ для разныхъ мѣстностей: такъ въ 1707 году съ поморскихъ и низовыхъ городовъ въ подводную подать было собрано по 10 алтынъ со двора, а со всѣхъ другихъ

41) См. дачи гарнизоннымъ солдатамъ и драгунскому эскадрону въ Воронежской провинціи (Ворон. вѣд. за разные годы.)

городовъ, селъ и волостей—по 4 [42]); то же разнообразіе въ окладѣ этой подати удержалось въ 1708 и 1709 годахъ [43]). Между тѣмъ въ городахъ и уѣздахъ Кіевской губерніи и въ эти годы окладъ подводной подати равнялся 2 алт. со двора и съ десатой деньги [44]). Подать эта образовалась изъ подводной повинности, и сборъ ея отсылался черезъ Московскую Ратушу въ Ямской Приказъ, въ слѣдствіе чего она и называется иначе *сборомъ ратушскаго вѣдомства*. Въ случаѣ надобности, недоимки или медленности въ сборѣ, Ратуша черезъ Московскую Губернскую Канцелярію дѣлала представленія Сенату, который уже сносился съ подлежащими губернаторами [45]). Окладъ подводной подати, какъ мы видѣли, опредѣлялся подворно, но при взиманіи ея съ городовъ онъ опредѣлялся валовою цифрою (см. Кіевск. вѣд. по 2 п.); иногда, впрочемъ, и съ крестьянъ подать эта опредѣлялась валовою цифрою: это дѣлалось тогда, когда сборъ ея назначался для какого либо особаго случая казенной отправки. Такая особая подводная подать была запросною и, какъ кажется, замѣняла собою обыкновенный подводный сборъ: по крайней мѣрѣ послѣдній, въ случаѣ запроса, не упоминается (см. Астрах. вѣд.). Но, во всякомъ случаѣ, расчитывая эти валовые оклады по дворовому числу, легко усмотрѣть, что съ крестьянскаго двора все таки приходилось большею частію по 2 а. или почти столько. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ и уѣздахъ Астраханской губерніи постоянно были подводные запросы для артиллерійскихъ припасовъ и обозначались, какъ выше сказано, валовыми окладами (ibidem). Въ Симбирскомъ уѣздѣ деньги эти собирались съ монастырскихъ, церковныхъ, помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ, а въ Самарскомъ—съ дворцовыхъ, помѣщичьихъ и вотчинныхъ. Въ первомъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ, по переписи 1710 года, числилось 698¾ дворовъ; окладъ подводнаго запроса равнялся 41 р. 31 а. 4 д., что составитъ со двора около 6 коп. (2 алт.) Помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ въ томъ же уѣздѣ и по той же переписи числилось 6,150½ дв.; окладъ запроса былъ 366 р. 17 а, и того со двора взималось около 5¾ коп. Въ Самарскомъ уѣздѣ дворцовыхъ крестьянъ было 516 дворовъ, а окладъ равнялся 30 р. 32 а., т. е. со двора ровно 6 коп., но помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ въ этомъ уѣздѣ считалось 68 дворовъ, а окладъ подводныхъ денегъ съ нихъ равнялся 14 р. 2 а. 4 д., что со двора составитъ около 6 а. 4 д., т. е. около 20 коп. Но иногда, будучи и незапросною, подводная подать съ крестьянъ не была двухалтынною: въ этомъ случаѣ кіевскіе однодворцы были, какъ и по отношенію къ драгунскимъ деньгамъ, на особомъ положеніи [46]). Иногда, въ случаѣ какой-либо спѣшной отправки, на-

---

42) Сен. указъ въ Симбирскую губ. отъ 18 іюля 1711 г. о подводныхъ недоимкахъ за 1707—1710 годы. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. $^{2}/_{\text{XI64}}$ л. 13. Какіе города считались поморскими, см. А. А. Э. т. IV № 250; это перечисленіе приведено у Чичерина: Областн. Учрежд., с. 564, примѣч. 1-е.

43) Ibid.

44) Донесеніе Кіевскаго губернатора кн. Голицына Сенату отъ 4 апр. 1712 г. А. М. Ю. Сен. д. по Кіевск. губ. $^{2}/_{\text{XI2}}$ л. 4 и слѣд.

45) Указъ 18 іюля 1711 г. (см. примѣч. 42).

46) 30,824 двора, а окладъ—4 р. 8 а. 3 д. (Кіевск. вѣд. по 1 п.)

емъ подводъ производился на казенный счетъ и расходы взыскивались уже въ послѣдствіи съ губерній; такъ, въ 1712 году на наемъ подводъ подъ пушки отъ Тулы до Москвы деньги были израсходованы изъ Земскаго Приказа, а потомъ были взысканы съ губерній въ формѣ особаго сбора [47]).

На кораблестроеніе назначался повсемѣстно особый сборъ, извѣстный подъ названіемъ *адмиралтейскаго* или *корабельныхъ денегъ*. Большею частью ему подлежали крестьяне всѣхъ наименованій и вѣдомствъ, за исключеніемъ ясашниковъ. Оклады этого сбора опредѣлялись также или валовыми цифрами, или со двора, и самый высшій окладъ равнялся 12½ коп.: такъ въ Симбирскомъ уѣздѣ Астраханской губ. съ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ взималось около 12 коп., съ помѣщичьихъ и вотчинныхъ около 9 коп. со двора, а въ Самарскомъ уѣздѣ съ дворцовыхъ, помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ взималось по 10 коп. со двора. Вообще, монастырскіе и церковные крестьяне платили болѣе, нежели остальные: такъ, въ Кіевской губ., гдѣ окладъ этого сбора опредѣлялся подворно, съ помѣщичьихъ, вотчинныхъ и дворцовыхъ крестьянъ взималось со двора по 3 а. 2 д. (10 коп.), а съ монастырскихъ и церковныхъ по 4 а. 1 д. (12½ коп.). Иногда сбору корабельныхъ денегъ подлежали и посадскіе люди. Окладъ для нихъ опредѣлялся валовою цифрою и, соразмѣряясь съ доходами, былъ значительнѣе крестьянскаго. Со сборомъ корабельныхъ денегъ иногда соединялись нѣкоторые запросные сборы, окладъ которыхъ опредѣлялся по мѣрѣ нужды и по назначенію правительства; такъ въ Кіевской губ. были запросные сборы на адмиралтейскіе припасы (Кіевск. вѣд.), въ Воронежской провинціи *дополнительный на дѣло съдель* (Ворон. вѣд. за 1710 г.). Послѣдній сборъ есть явленіе, чрезвычайно характеристическое: въ то время не было точнаго разграниченія отдѣльныхъ вѣдомствъ; сильная централизиція развила систему порученій, при которой дѣла распредѣлялись между Приказами и Канцеляріями по удобству, а не по предметамъ, почему какое либо правительственное мѣсто нерѣдко завѣдывало такими предметами, которые, по своему существу, вѣдомству его не подлежали.

Всѣмъ сборамъ, разсмотрѣннымъ выше, подлежали или могли подлежать всѣ разряды городскихъ и уѣздныхъ обывателей; другими словами, сборы эти были общими для всѣхъ классовъ общества по своимъ основаніямъ, но фактически нѣкоторые виды ихъ, сообразно потребностямъ, относились исключительно къ какому-либо классу и, такимъ образомъ, единство идеи было нарушаемо для даннаго случая политикою государства. Но были и такіе сборы, которые по самой идеѣ распространялись лишь на извѣстные разряды плательщиковъ: имъ подлежали монастырскіе и церковные крестьяне, ясашники и отчасти однодворцы. Монастырскіе и церковные крестьяне подлежали нѣкоторымъ сборамъ въ московскіе Приказы: они должны были время отъ времени уплачивать извѣстную сумму въ Приказъ Большаго Дворца на фуражъ дворцовымъ лошадямъ; сборъ этотъ, какъ кажется, всюду опредѣлился въ 5 алт.

47) См. Ворон. вѣд. за 1712 г., гдѣ этотъ сборъ озаглавленъ такъ *вмѣсто данныхъ изъ Канцеляріи Земскаго Правленія на подводы подъ пушки изъ подъ Тулы до Москвы*;

(15 коп.) со двора [48]). Съ этою податью иногда (Кіевск. вѣд.) соединялся сборъ за разные припасы, которые должны бы были натурою поступать въ казну, таковы: посопная пшеница, медъ и мн. др. Кромѣ того, съ этого разряда крестьянъ взимались такъ называемыя *данныя*, подать, ежегодно уплачивавшаяся въ Патріаршій Казенный Приказъ и т. п. Всѣ табельные сборы съ объясаченныхъ инородцевъ соединялись въ одну подать, извѣстную подъ названіемъ *ясака*. Единицею сбора этой подати былъ не дворъ, а *ясакъ*, равнявшійся двумъ дворамъ [49]). Подать эта обыкновенно взималась мѣхами и уплачивалась деньгами въ томъ только случаѣ, если существовала законная причина невозможности взиманія натурой [50]).

Объясаченные инородцы жили по сю и по ту сторону Верхотурья. По сю сторону они жили преимущественно въ предѣлахъ нынѣшнихъ восточныхъ и юго-восточныхъ губерній: это Чуваши, Вотяки и Мордва, съ давнихъ поръ вошедшіе въ составъ Русскаго государства. Но большая часть объясаченныхъ инородцевъ находилась въ Сибири, почему и большая часть актовъ, касающихся сбора ясака и принадлежащаго сюда дѣлопроизводства, относится къ Сибири. Кромѣ того, ясашники жили въ сѣверной полосѣ. Отсюда, управленіе ясашными сборами и всѣмъ, касающимся этого, до учрежденія Коллегій было раздѣлено между тремя Приказами: Сибирскимъ, Казанскимъ Дворцомъ, заправлявшимъ восточными и юговосточными инородцами по сю сторону Верхотурья, и Новгородскою Четвертью, въ вѣдѣніи которой состояли инородцы сѣверной полосы Европейской Россіи. Управленіе ясашными дѣлами въ области находилось въ рукахъ воеводъ. Порядокъ дѣлопроизводства, какъ онъ изложенъ въ воеводскихъ наказахъ и иныхъ актахъ, во все изслѣдуемое нами время (до 1719 г.) не подвергался никакимъ существеннымъ измѣненіямъ и былъ повсюду однообразенъ; изъятія изъ него были немногочисленны. Въ изложеніи очерка ясашнаго управленія мы раздѣлимъ его на три части:

I) *Сборъ ясака и ясашное управленіе въ Сибири.* Сборъ ясака обыкновенно производился служилыми людьми, которые были командируемы воеводами по выбору всѣхъ посадскихъ людей [51]); эти сборщики въ указахъ иногда назывались *ясачниками* [52]). По окончаніи сбора ясачники возвращались въ тотъ же городъ, откуда были посланы; на встрѣчу имъ изъ города высылались казаки, которые обыскивали ихъ и мягкую рухлядь привозили въ съѣзжую избу, гдѣ она оцѣнивалась экспертами, или *цѣновщиками*, по повелѣнію воеводы и иногда въ присутствіи его [53]). Этой оцѣнкѣ составлялись вѣдомости, извѣстныя подъ именемъ *цѣновныхъ*; въ нихъ, за подписями воеводъ и цѣновщиковъ по статьямъ, подробно обозначались предметы и количество оцѣн-

48) Кіевск. вѣд. по 1-му п., Астр. вѣд. по Симбирскому уѣзду.

49) Астр. Вѣд. по Симбирскому и Самарскому уѣздамъ.

50) П. С. З. № 1595.

51) Ibid. №№ 1474, 1526 и др.

52) Ibid. № 1670.

53) Ibid. №№ 1522, 1542 п. 13, 1594 п. 18; Чичерина *Областныя Учрежд.* стр. 208.

ки, имена цѣновщиковъ и то, при воеводѣ или безъ него производилась оцѣнка. Эти цѣновныя вмѣстѣ съ оцѣненною въ нихъ рухлядью присылались въ Сибирскій Приказъ, гдѣ оцѣнка повѣрялась и производилась вновь по мѣстнымъ цѣнамъ. Всякое упущеніе или обманъ, открытые при этой переоцѣнкѣ, взыскивались на цѣновщикахъ и воеводахъ (ibid). Кромѣ ясака, съ инородцевъ были еще сборы, называвшіеся *поминками*, размѣръ которыхъ былъ, кажется, неопредѣленъ [54]). Такіе же поминки *ради государева имени* давались и сборщикамъ (ibid); это было въ порядкѣ вещей, конечно, въ томъ случаѣ, если эти поминки не были вымогательствомъ, за что сборщики должны были строго отвѣчать передъ своимъ воеводою. Впрочемъ, по пріѣздѣ въ городъ, сборщики должны были объявлять и то, что дано имъ въ видѣ поминокъ безъ утайки, подъ страхомъ конфискаціи поминочной рухляди. Объявленная сборщиками рухлядь, данная имъ въ поминки, бралась тоже въ казну и взамѣнъ ея выдавалась цѣна деньгами. Все количество сбора записывалось въ такъ называемыя *ясашныя книги*.

Ясачники находились подъ властью воеводъ, которые оберегали ихъ отъ различныхъ нападеній и неправдъ, поступая по всей строгости наказовъ. Сборщики, виновные въ грабежѣ или притѣсненіяхъ инородцевъ, подвергались, смотря по винѣ, болѣе или менѣе строгому наказанію: батогами, кнутомъ [55]), а иногда и смертной казни [56]). Съ другой стороны и сами воеводы за притѣсненія инородцевъ и злоупотребленіе властью подвергались конфискаціи имущества, а иногда и смертной казни (ibid). Наградами сборщикамъ за добросовѣстное исполненіе возложеннаго на нихъ порученія было государево жалованье (ibid).

Ясаку подлежали всѣ инородцы, достигшіе 18-ти лѣтняго возраста. Малолѣтные, а равно старые и увѣчные были избавлены отъ подати. Для предупрежденія обмановъ со стороны плательщиковъ, воеводѣ предписывалось производить лично смотры послѣднимъ, а относительно старыхъ и увѣчныхъ—повальные обыски. Если старика или увѣчнаго некѣмъ было замѣнить, то онъ прямо увольнялся отъ ясака, въ противномъ случаѣ эта обязанность возлагалась на ближайшаго родственника. Въ несчастныхъ случаяхъ или при неудачѣ звѣриной охоты (лѣшаго промысла) ясашникамъ дѣлались льготы,—платежъ ясака отстрочивался по усмотрѣнію воеводы [57]).

II) *Сборъ ясака и ясашное управленіе въ городахъ вѣдомства Казанскаго Дворца.* До 1672 года сборъ ясака съ Казанскихъ инородцевъ производился тѣмъ же способомъ, какъ и въ Сибири, т. е. черезъ служилыхъ людей-но злоупотребленія этихъ послѣднихъ вынудили нѣкоторыя инородческія волости подать челобитную князю Голицыну (Алексѣю Андреевичу), бывшему въ 1672 году Казанскимъ воеводою. Вслѣдствіе этого Голицынъ прекратилъ по

54) П. С. З. №№ 1594, п. 18, 1670, п. II,
55) Ibid. № 1595, п. 19.
56) Ibid. № 1526.
57) Ibid. № 1670.

сылки сборщиковъ, поручивъ сборъ самимъ инородцамъ, которые для этого выбирали изъ своей среды лучшихъ людей, доставлявшихъ ясакъ въ Казань. Порядокъ этотъ, столь отличный отъ прежняго, держался только при Голицынѣ: его преемники снова стали посылать сборщиковъ, и прежнія злоупотребленія возобновились еще съ большею силой,—многія инородческія деревни разбѣжались. Наконецъ, правительство въ 1697 году вынуждено было поставить на видъ тогдашнему воеводѣ кн. Львову мѣру Голицына, какъ наилучшее средство къ предотвращенію зла и проистекавшаго отъ него казеннаго убытка [58]). Какъ кажется, сборъ ясака съ казанскихъ инородцевъ былъ переведенъ на деньги [59]), что вполнѣ согласно съ правиломъ о допущеніи денежнаго ясака въ случаѣ невозможности производства его натурою; въ самомъ дѣлѣ, въ областяхъ вѣдомства Казанскаго Дворца не было звѣропромышленниковъ, или, если они и были, то въ весьма незначительномъ количествѣ, а потому не было и сборовъ рухлядью. Окладъ ясака здѣсь былъ довольно значительный: такъ, въ Симбирскомъ уѣздѣ онъ доходилъ до 1 р. 68 коп. съ ясака [60]).

III) *Сборъ ясака и ясашное управленіе инородцевъ сѣвернаго берега.* Общій порядокъ сбора ясака въ этой мѣстности былъ измѣненъ въ 1706 году для всѣхъ Пустозерскихъ Самоѣдовъ, за исключеніемъ Ижемскихъ и Устьцилемскихъ. Посадскій человѣкъ, Гаврило Худоваровъ, подалъ извѣтъ на Пустозерскаго воеводу въ томъ, что онъ, воевода, обременяетъ Самоѣдовъ излишними поборами, а въ казну представляетъ незначительную часть собраннаго ясака, окладъ котораго равнялся одному песцу съ человѣка. Слѣдствіемъ этого извѣта было устраненіе воеводы отъ ясашнаго сбора съ Пустозерскихъ Самоѣдовъ и передача этого сбора извѣтчику подъ надзоромъ мѣстнаго бурмистра. Худоварову предписано было собирать по три песца съ человѣка; изъ числа ихъ два шло въ казну, а третій—на издержки по сбору и отправленію ясака въ Москву. Ясакъ, запечатанный таможенною печатью, и ясашныя книги должны были присылаться отъ лица самого Худоварова, которому дано было право брать изъ съѣзжей избы потребное для разсылокъ количество служилыхъ людей. Это не продолжалось и года. Въ январѣ 1707 Пустозерскій воевода Кушелевъ доложилъ Государю, что Худоваровъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, отвлекаетъ много приказныхъ людей отъ дѣлъ, что служитъ причиною медленности въ дѣлопроизводствѣ воеводскаго вѣдомства; при этомъ Кушелевъ заявилъ, что извѣтъ, сдѣланный Худоваровымъ, лишенъ всякаго основанія; въ доказательство же этого представилъ челобитную, поданную ему Самоѣдами, въ которой доносъ этотъ опровергнутъ и помѣщены жалобы на злоупотребленія самого Худоварова. Худоваровъ былъ устраненъ, а сборъ ясака переданъ снова Пустозерскому воеводѣ. Окладъ долженъ былъ остаться тотъ же, т. е. по три песца, если, по усмотрѣнію воеводы, онъ не обременителенъ для плательщиковъ [61]).

58) П.С.З. № 1579, п. 40. Чичерина *Областн. Упр.*, стр. 209.

59) Астр. вѣд. по Симбирск. и Самарск. уѣздамъ.

60) Ibid. по этому уѣзду.

61) П. С. З. № 2139.

При введеніи въ дѣйствіе областныхъ учрежденій 1708 года сборъ ясака вмѣстѣ съ другими дѣлами воеводскаго вѣдомства всюду переданъ губернаторамъ. На это особенно указываетъ именной указъ 22 января 1719 года [62]), которымъ обнародована первая ревизія и изложены правила производства ея. Указъ 22 января относится къ переписи лицъ податнаго состоянія, находившихся въ вѣдѣніи казенной администраціи въ области непосредственно, ибо о переписи посадовъ обѣщано распорядиться впредь. Въ числѣ лицъ, которыя должны были, на основаніи этого указа, войти въ перепись, упомянуты и объясаченные инородцы (ст. 4 и слѣд.), слѣдственно, они считались въ непосредственномъ завѣдываніи губернаторовъ. Что касается до самой подати и дѣлопроизводства по ея взиманію, то въ этомъ отношеніи въ изслѣдуемомъ періодѣ не произошло никакихъ измѣненій.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ легко усмотрѣть, что ясакъ существенно разнится отъ прочихъ податей и повинностей. Во первыхъ, мы уже видѣли выше, что понятію этихъ послѣднихъ, установившемуся въ русской финансовой практикѣ начала XVIII вѣка, соотвѣтствовало ихъ различіе не по предметамъ, а по назначенію; ясакъ, напротивъ, названъ по предмету, безъ означенія того, на что онъ издерживается. Во вторыхъ, единицею взиманія податей или отбыванія повинностей въ XVIII вѣкѣ сдѣлался дворъ—въ уѣздѣ, какъ и въ городѣ; при сборахъ ясака является или особая искуственная единица—ясакъ, или же лицо, т. е. ясачный сборъ былъ или *поясачный* или *поголовный*. Различіе между тѣмъ и другимъ способомъ соотвѣтствовало большему удобству сбора. Наконецъ, въ третьихъ, самое важное отличіе ясака отъ прочихъ податей и повинностей заключается въ юридическомъ основаніи того и другихъ. Подати и повинности суть слѣдствія отношеній государства къ подданнымъ въ государственномъ смыслѣ этого слова, отношеній, которыя при большемъ развитіи государства получаютъ общій характеръ, а на низшей ступени цивилизаціи яснѣе, нагляднѣе проявляются въ отдѣльныхъ фактахъ; напротивъ, ясакъ есть выраженія отношеній государства къ покореннымъ или присоединеннымъ племенамъ, не слившимся еще съ народомъ, слѣдственно, юридическимъ основаніемъ этого сбора было *объясаченіе инородцевъ*. И такъ, ясакъ есть сборъ деньгами или натурою съ инородцевъ, покоренныхъ силою оружія или присоединенныхъ къ государству мирнымъ путемъ и стоящихъ подъ его покровительствомъ; онъ есть или плата за это покровительство, или право побѣдителя надъ побѣжденнымъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, поголовная форма сбора наиболѣе приличная и соотвѣтствующая существу дѣла. Отсюда ясно, что по основанію, сущности и порядку производства ясакъ не можетъ быть причисленъ къ податямъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: онъ скорѣе остатокъ древней дани, источника доходовъ, современнаго первичной эпохѣ сложенія государственной власти. Но мы выше причислили ясакъ къ податямъ потому, что онъ замѣнялъ собою всѣ окладные сборы съ инородцевъ. Не смотря на существованіе ясака, инородцы обязаны были также участвовать, по мѣрѣ надобности, въ тягостяхъ, лежавшихъ на подданныхъ въ собственномъ смыслѣ слова; такъ, съ нихъ собирали деньги взамѣнъ поставки рекрутъ и

62) П. С. З. № 3287.

рабочихъ въ Петербургъ. Нѣкоторые сборы съ нихъ были общими со сборами со всѣхъ остальныхъ подданныхъ; таковъ, напримѣръ, сборъ полкамъ на мясоѣдные дни [63]). Конечно, эти сборы съ нихъ были неокладными, но во всякомъ случаѣ существованіе ихъ было признакомъ того, что государственная власть стремилась мало по малу обращать ясашниковъ изъ чуждаго нароста на государственномъ тѣлѣ въ составную часть своего народа, хотя съ другой стороны такое сліяніе было еще дѣломъ далекаго будущаго.

Съ кіевскихъ однодворцевъ, кромѣ иныхъ сборовъ, общихъ со сборами со всѣхъ другихъ разрядовъ уѣздныхъ обывателей, былъ особый ежегодный окладной сборъ, замѣнявшій собою такъ называемыя *рублевыя деньги*, которыя собирались, какъ извѣстно, при рекрутскихъ наборахъ (Кіевск. вѣд. по 1 п.). Таковы были сборы, особые по общественному положенію плательщиковъ, но также были особые сборы по служебному положенію ихъ, напримѣръ сборы съ духовенства въ Монастырскій Приказъ (данныя), сборы съ приказныхъ и другихъ служилыхъ людей и т. п. (см. ibid. и Ворон. вѣд. за всѣ годы).

Этимъ мы заканчиваемъ обозрѣніе податей и повинностей начала XVIII вѣка. Сборъ, доставка ихъ и отчетность въ этомъ лежали прямо на губернаторахъ, которые получали здѣсь право и обязанность не только простаго исполненія, но и управленія. Это уяснится само собою изъ послѣдующаго изложенія.

Теперь обратимся къ неокладнымъ сборамъ или пошлинамъ. Начало XVIII вѣка изобилуетъ разными видами пошлинъ; нѣкоторыя изъ нихъ были установлены еще прежде, а нѣкоторыя Петромъ В.: къ послѣднимъ принадлежатъ гербовые и поведерные сборы. По предметамъ, пошлины можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: пошлины, взимавшіяся съ различныхъ актовъ пріобрѣтенія и отчужденія помѣстій и вотчинъ и пошлины съ дѣлопроизводства, пошлины судебныя и пошлины съ торговъ и промысловъ. Первы два разряда подлежали непосредственному завѣдыванію какъ органовъ областнаго управленія, такъ и мѣстъ центральныхъ; третій же разрядъ завѣдывался одними мѣстными властями и лишь контроль надъ этими сборами принадлежалъ центральнымъ вѣдомствамъ.

Въ концѣ XVII вѣка былъ установленъ *гербовый сборъ*. Цѣль его установленія была двоякая: большее обезпеченіе различныхъ гражданскихъ актовъ, которые, будучи написаны на гербовой бумагѣ надлежащаго достоинства, дѣлались безспорными, и пополненіе государевой казны [64]). Гербовая бумага, введенная указомъ 1699 года, была двухъ родовъ: простая и градаціонная, и употребленіе каждой изъ нихъ было основано на тѣхъ же началахъ, что и впослѣдствіи. Градацій первоначально было двѣ: большое клеймо въ 10 коп. для всякихъ крѣпостей цѣною въ 50 р. и выше, и среднее—въ 1 коп. за листъ—для крѣпостей, ниже означенной цѣны [65]). Въ концѣ 1699 г. были прибавлены еще двѣ градаціи—въ 50 коп. для крѣпостей отъ 1000 до 10,000 р. и въ 1 рубль—для крѣпостей свыше 10,000 р. [66]). Указомъ 14 февраля

63) См. Астрах. вѣд. по Симбирскому и Самарскому уѣздамъ.

64) П. С. З. № 1673. Ук. 23 янв. 1699 г.

65) Ibid.

66) Ibid. № 1730. Ук. 7 дек.

1700 года обязанность употребленія гербовой бумаги была распространена и на дѣлопроизводство духовнаго вѣдомства. Простая бумага была также неодинаковой цѣны [67]). На ней производились челобитчиковы дѣла въ Приказахъ и областныхъ избахъ и велись разныя канцелярскія книги. Обязанность употребленія гербовой бумаги была распространена на всѣ лица и на всѣ роды дѣлъ, за исключеніемъ весьма немногихъ актовъ, съ совершенія которыхъ велѣно было взимать за негербовую бумагу по 2 коп. (4 д.) съ листа [68]). Впослѣдствіи разрѣшено было въ канцеляріяхъ употреблять негербовую бумагу во всякихъ дѣлахъ, но лишь въ томъ случаѣ, если гербовая не была еще прислана, а прежняя вся вышла, и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ выслана [69]); поэтому мѣстнымъ властямъ предписывалось немедленно посылать въ Москву за новой гербовой бумагой какъ только старая выходила.

Производство гербовой бумаги было поручено Оружейной Палатѣ, куда поступалъ и гербовый сборъ. По требованію, бумага разсылалась въ приказныя, земскія избы и другія областныя учрежденія, при чемъ изъ правительственныхъ мѣстъ деньги высылались по мѣрѣ продажи, а изъ земскихъ избъ, таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ—впередъ, т. е. при требованіи и по количеству ея [70]). Впрочемъ, время отъ времени, сами областныя мѣста клеймили бумагу или брали деньги за негербовую, что постоянно воспрещалось [71]). Въ 1719 году гербовый сборъ, вмѣстѣ съ другими, поступилъ въ вѣдѣніе Камеръ-Коллегіи [72]), Гербовый сборъ поручался то земскимъ бурмистрамъ [73]), то воеводамъ [74]), но съ учрежденіемъ губерній перешелъ подъ надзоръ губернаторовъ, составивъ одну изъ статей ихъ финансовой отчетности [75]). Непосредственное производство его было возложено на коммисаровъ, командированныхъ отъ губернаторовъ.

Акты пріобрѣтенія недвижимой собственности всѣхъ родовъ, т. е. какъ городской (дворы), такъ и уѣздной (помѣстья и вотчины) и притомъ пріобрѣтенія на какомъ бы то ни было титулѣ—даже простаго фактическаго владѣнія (закладъ), совершались издавна особымъ порядкомъ, безъ котораго актъ не могъ имѣть, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, юридической силы. Этотъ порядокъ назывался, какъ и впослѣдствіи, *крѣпостнымъ*, состоялъ въ совершеніи акта въ томъ или другомъ правительственномъ учрежденіи, которому въ данное время придана компетентность крѣпостнаго мѣста, и сопровождался оплачиваніемъ особыхъ пошлинъ, носившихъ названіе *крѣпостныхъ*; къ разсмотрѣнію этихъ пошлинъ мы теперь и приступаемъ.

---

67) П. З. С. №№ 1803, 1819, 1901 и др.

68) Ibid. №№ 1956, 1994.

69) Ibid. № 3475.

70) Ibid. №№ 1703, 1819, ст. 9.

71) Ук. 8 окт. 1714 г. А. М. Ю. Сен. д. кн. 36, л. 475. Указъ этотъ отпечатанъ въ П. С. З. подъ № 2832.

72) П. С. З. № 3320.

73) Ibid. №№ 1703, 1786.

74) Ibid. № 1717.

75) См., напр., Ворон. вѣд.

По отношенію къ пошлинному платежу порядокъ совершенія актовъ былъ таковъ: крѣпостныя пошлины взыскивались при самомъ совершеніи акта въ Помѣстномъ Приказѣ; за тѣмъ актъ предъявлялся въ Печатный Приказъ, гдѣ къ нему прикладывалась печать, за что взыскивались печатныя пошлины [76]). Впослѣдствіи роль Помѣстнаго Приказа относительно нѣкоторыхъ видовъ поземельной собственности перешла на иные Приказы и учрежденія, но порядокъ въ существѣ остался тотъ же и продолжалъ существовать до учрежденія Коллегій, когда всѣ дѣла этого рода сосредоточились въ Юстицъ-Коллегіи [77]).

Единица и размѣръ пошлиннаго платежа были неодинаковы: иногда пошлины взыскивались съ цѣны въ размѣрѣ 3 или 6 ден. ($1^1/_2$ или 3 коп.) съ рубля [78]) или, какъ было установлено впослѣдствіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ [79]), съ крѣпости въ размѣрѣ 8 алт. 2 ден. (25 коп.) [80]); въ другихъ случаяхъ единицею взиманія были или четверть земли [81]), или уступленный крестьянинъ [82]), или же, наконецъ, длина поперечника мѣста [83]).

Первоначально сборъ крѣпостныхъ пошлинъ, вмѣстѣ съ совершеніемъ актовъ, былъ сосредоточенъ въ Московскихъ Приказахъ; въ области актъ могъ быть только написанъ,—утвержденіе его и взятіе крѣпостныхъ пошлинъ зависѣли отъ Помѣстнаго Приказа [84]). Впослѣдствіи совершеніе большей части крѣпостей было передано по областямъ въ вѣдѣніе воеводъ или бурмистровъ; они же и были уполномочены въ сборѣ пошлинъ, которыя вмѣстѣ съ вѣдомостями о совершенныхъ крѣпостяхъ пересылали въ Москву въ надлежащее мѣсто [85]). Съ учрежденіемъ губерній совершеніе крѣпостныхъ актовъ сдѣлалось функціею губернскаго управленія. Для писанія крѣпостей развилась особая корпорація чиновниковъ, писцовъ и надсмотрщиковъ, которые были отданы въ непосредственное завѣдываніе бурмистровъ и Московской Ратуши [86]). Утвержденіе актовъ было предоставлено губернскимъ канцеляріямъ [87]), и сборъ крѣпостныхъ пошлинъ составилъ одну изъ статей финансовой отчетности губернаторовъ; такъ, въ вѣдомостяхъ *по тремъ пунктамъ*, въ которыхъ послѣдній пунктъ былъ посвященъ исчисленію различныхъ случайныхъ доходовъ, въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются и крѣпостныя пошлины (Кіевск. вѣд. 3 п.), тоже встрѣчается и въ другихъ вѣдомостяхъ (напр., см. Ворон. вѣд. за всѣ годы). Съ этихъ поръ сборъ крѣпостныхъ пошлинъ остается въ губернскихъ канце-

76) Улож. гл. XVIII, ст. 15 и 17.
77) П. С. З. № 3436, ст. 2.
78) Ibid. №№ 1698, 1739, 1888.
79) Ibid. № 3099.
80) Ibid. № 1774.
81) Ibid. № 1767 и др.
82) Ibid.
83) Ibid. № 279.
84) Улож. гл. XVIII, ст. 17.
85) П. С. З. №№ 1833, 1838 и др.
86) Ibid. №№ 2087, 2099 и др.
87) А. М. Ю. Сен. дѣла по разрядн. столу кн. $^7/_{647}$, л. 278.

ляріяхъ, находясь подъ надзоромъ и отвѣтственностью губернаторовъ. Со времени Екатерины II этотъ сборъ переходитъ въ гражданскія палаты, гдѣ для совершенія крѣпостныхъ актовъ появляются особые столы, начальники которыхъ получаютъ названіе надсмотрщиковъ. По введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года сборъ этихъ пошлинъ сосредоточился въ нотаріальныхъ конторахъ и у мировыхъ судей. Изъ всего сказаннаго выше ясно, что по отношенію къ крѣпостнымъ сборамъ отъ начала до позднѣйшихъ преобразованій замѣтны два главныя направленія: подчиненіе ихъ различнымъ Приказамъ и переносъ въ области съ постепеннымъ подчиненіемъ ихъ судебному вѣдомству въ губернскихъ канцеляріяхъ, гражданскихъ палатахъ, наконецъ въ нотаріальныхъ и мировыхъ учрежденіяхъ. Что касается до пошлинъ съ помѣстныхъ дѣлъ, то онѣ входили въ составъ или печатныхъ, или судебныхъ. Первыя взимались при пожалованіи помѣстій, вторыя—въ случаѣ споровъ и тяжбъ. Печатныя пошлины взимались также и съ пожалованія всякаго рода грамотъ и дипломовъ.

Одною изъ важнѣйшихъ статей государственныхъ доходовъ были таможенныя и кабацкія пошлины подъ разными видовыми наименованіями. Центральнымъ вѣдомствомъ таможенныхъ сборовъ съ 1680 по 1699 годъ былъ Приказъ Большой Казны; до 1680 года имъ былъ Приказъ Большаго Прихода и нѣкоторые иные Приказы: Новгородскій, Владимірскій, Галицкая и Новая Четверти. Впрочемъ, Новая Четверть вѣдала преимущественно питейные сборы, которые до Екатерины II въ большинствѣ случаевъ соединялись съ таможенными [88]), хотя иногда и отдѣлялись отъ нихъ [89]). Именной указъ 22 мая 1680 года [90]) изъялъ таможенное и питейное управленіе изъ вѣдомства означенныхъ Приказовъ, сосредоточивъ его въ Большой Казнѣ. Впрочемъ, и послѣ 1680 года Приказъ Большаго Прихода иногда трактуется, какъ центральное таможенное вѣдомство [91]). Таможенные сборы Сибири вѣдались въ Сибирскомъ Приказѣ.

Областное таможенное управленіе до 1681 года было двоякое: или *откупное* или *вѣрное*. Откупали таможенные сборы всякіе охочіе люди, при чемъ челобитныя объ откупѣ подавались или къ мѣстнымъ властямъ, или въ центральное вѣдомство. Отдача на откупъ таможень въ помѣстьяхъ и вотчинахъ производилась изъ Приказовъ, куда помѣщики и вотчинники подавали о томъ челобитныя, указывая и самого откупщика, кого либо изъ мѣстныхъ крестьянъ. Срокъ, на который таможни отдавались въ откупное содержаніе, былъ годовой, но иногда и болѣе. За мѣсяцъ или за два до окончанія срока откупщикъ долженъ былъ заявить о нежеланіи держать откупъ на слѣдующій срокъ: иначе откупъ считался за нимъ. Размѣръ откупной платы зависѣлъ отъ значительности мѣстнаго торга, а съ особенно важныхъ торговъ, какъ наприм. въ Архангельскѣ.

88) Чичерина *Областныя учрежденія* стр. 403.

89) Такъ, во Владимірѣ въ 1687 году, кабацкій голова былъ отдѣльный отъ таможеннаго (А. И. т. V, 156.)

90) П. С. З. № 824.

91) См., напр., Нак. Больш. там. 1681 г. П. С. З. № 873.

или въ Москвѣ, таможенные сборы никогда не отдавались на откупное содержаніе [92]). Если таможенные сборы не отдавались на откупъ, то управленіе ими возлагалось на мѣстное общество, какъ повинность, которая отбывалась имъ посредствомъ выборныхъ или *вѣрныхъ* властей: въ этомъ случаѣ управленіе называлось *управленіемъ на вѣрѣ*. Въ 1681 году таможенные откупа были уничтожены, какъ невыгодные для правительства и стѣснительные для общества, и управленіе таможенными сборами было передано безусловно на вѣру [93]); исключеніями отсюда были города Харьковскаго полка, гдѣ они отдавались въ оброчное содержаніе полковникамъ и старшинамъ [94]), и Новгородъ съ уѣздомъ, гдѣ удержались откупа [95]). Исключенія эти были уничтожены лишь въ 1699 году. Въ области таможенное управленіе было сосредоточено въ *таможенной избѣ*, подъ вѣдомствомъ которой находились второстепенныя подраздѣленія, какъ то: помѣрныя избы и кружечные дворы. Начальникомъ таможенной избы былъ обыкновенно *таможенный голова*. Онъ избирался изъ мѣстныхъ жителей, по преимуществу изъ посадскихъ людей, какъ болѣе зажиточныхъ—условіе, необходимое при этихъ выборахъ, но иногда избирались головы изъ уѣздныхъ жителей или изъ посадскихъ и уѣздныхъ вмѣстѣ [96]); къ присягѣ головъ приводили всегда въ присутствіи воеводъ, которымъ о томъ и предписывалось указами. Вѣрное управленіе таможенными сборами носило общій типъ администраціи того времени: оно было по формѣ коллегіальнымъ, ибо голова управлялъ вмѣстѣ съ цѣловальниками, но отношенія ихъ между собою были на столько неопредѣленны, что подъ формою коллегіальности скрывалось управленіе единоличное; въ самомъ дѣлѣ, вездѣ видна дѣятельность головы, а дѣятельность цѣловальниковъ касается второстепенныхъ, незначительныхъ функцій таможенной администраціи. Цѣловальники выбирались также изъ мѣстныхъ жителей и приводились къ присягѣ въ присутствіи головъ. Иногда въ головы избирались и не мѣстные жители, а изъ другихъ городовъ: причина, заставлявшая правительство дѣйствовать такимъ образомъ, приведена проф. Чичеринымъ (*Областн. учр. Р.* стр. 408) и, какъ кажется, догадка его должна быть принята за вѣроятную [97]).

Въ пункты, по торговымъ оборотамъ важные, посылались головы отъ правительства: такъ было постоянно въ Москвѣ и въ Архангельскѣ; въ послѣдній эти назначенные головы посылались, какъ кажется, на время ярмарки (корабельной пристани): по окончаніи ея деньги, собранныя въ таможнѣ, таможенныя книги и отчеты представлялись въ Приказъ Большой Казны [98]). Иногда, для надзора за этими головами, изъ Приказа посылались приказные люди,

92) Обо всемъ этомъ см. А. А. Э. т. I №№ 134,322,331,332,334,335,342,345,362,33 6; т. II № 15 и др., а равно Чичерина указ. соч. и стр.

93) П. С. З. № 876.

94) Ibid. № 1068.

95) Ibid. № 1715.

96) Чичеринъ ibid. стр. 409 и 411.

97) Обо всемъ этомъ см. А. А. Э. т. III № 143, А. И. т. III №№ 100,185, т. V №№ 16,83 и др.

98) Доп. къ А. И. т. XII № 81.

обыкновенно старые подьячіе [99]). Головами важныхъ по оборотамъ там-о жень назначались гости, но иногда въ головы пунктовъ, менѣе важныхъ, тоже назначались изъ Приказовъ посадскіе люди разныхъ разрядовъ: такъ, въ 1692 году таможеннымъ и кабацкимъ головой на Верхотурье былъ посланъ Устюжскій посадскій человѣкъ Скорняковъ [100]), а въ 1693 году на Донъ былъ посланъ головою гостиной сотни посадскій человѣкъ Полосинъ [101]). Наконецъ, иногда таможеннымъ и кабацкимъ управленіемъ завѣдывали служилые люди [102]).

Что касается до предѣловъ власти воеводъ по отношенію къ таможенному управленію, то всѣ постановленія объ этомъ, разбросанныя въ разныхъ актахъ—указахъ, наказахъ и наказныхъ статьяхъ, грамотахъ и приговорахъ, можно резюмировать главнымъ образомъ въ слѣдующихъ двухъ словахъ: *надзоръ* и *помощь*. Тогда какъ управленіе таможенными сборами было, какъ мы видѣли, въ рукахъ таможенныхъ головъ, выборныхъ или назначенныхъ, надзоръ за ними принадлежалъ воеводамъ. Въ чемъ собственно заключался этотъ надзоръ, въ точности опредѣлить нельзя: вліяніе воеводъ въ этомъ отношеніи было не вездѣ одинаково. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Москвѣ, Архангельскѣ и на Верхотурьѣ, таможенные головы пользовались наибольшею властью: къ нимъ относились всѣ наказы о сборѣ таможенныхъ пошлинъ и вообще о таможенномъ управленіи. Впрочемъ, и въ названныхъ мѣстахъ степень власти головъ была не всегда и не вездѣ одинакова: такъ, напр., на Верхотурьѣ прежде собственно-таможенные органы не были снабжены необходимою внѣшнею силою, и потому правительство для предупрежденія различныхъ таможенныхъ преступленій обращалось къ воеводомъ [103]), а такъ какъ въ то время власть была обыкновенно соединяема съ внѣшнею силой и такой фактическій порядокъ вещей нерѣдко признавался и самимъ правительствомъ, то послѣднее и считало воеводъ начальниками верхотурскаго таможеннаго управленія [104]); лишь впослѣдствіи, а именно въ концѣ XVII вѣка, верхотурскій таможенный голова по отношенію къ приказной администраціи получилъ такую долю самостоятельсти, какая была необходима и возможна по существу дѣла. Въ 1692 году головою на Верхотурье былъ назначенъ устюжанинъ Скорняковъ, скорѣе въ качествѣ прибыльщика, нежели таможеннаго головы; данныя ему права были распространяемы впослѣдствіи и на его преемниковъ. Такимъ образомъ начало самостоятельныхъ отношеній верхотурскаго таможеннаго управленія къ воеводамъ должно считать не ранѣе конца XVII вѣка; слѣдственно степень власти головъ была не всегда одинакова, но въ одно и тоже время она была одинакова не во всѣхъ означенныхъ городахъ: такъ въ Архангельскѣ голова былъ обязанъ подавать въ Двинскую приказ-

99) П. С. З. № 1409.
100) Ibid. № 1443.
101) Ibid. № 1508.
102) Ibid. №№ 1305, 1311 Чичеринъ ibid. стр. 407.
103) См. напр. А. И. т. III, №-88.
104) А. С. З. № 1595.

ную избу ежемѣсячныя вѣдомости о количествѣ кораблей, прашедшихъ въ теченіе мѣсяца къ порту, ихъ вооруженіи, количествѣ и качествѣ привезенныхъ на нихъ товаровъ [105]): слѣдственно, Архангельскій голова-гость находился нѣкоторымъ образомъ подъ отчетностью двинскому воеводѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ, не находившихся по отношенію къ этому при особенныхъ обстоятельствахъ, правительство по всѣмъ вопросамъ таможеннаго вѣдомства прямо относилось къ воеводамъ, черезъ нихъ посредство установляя тотъ или другой порядокъ таможеннаго управленія [106]). Тамъ, гдѣ общество имѣло болѣе силы, гдѣ торговые обороты были обширнѣе, вліяніе и власть таможенныхъ головъ были значительнѣе, потому что болѣе обширные торговые обороты требовали большей энергіи въ дѣйствіяхъ органовъ таможеннаго управленія, а это, въ свою очередь, обусловливалось большею свободою и независимостью ихъ отъ воеводской власти. Напротивъ, гдѣ обороты были незначительны, гдѣ въ большинствѣ случаевъ дѣло ограничивалось пропускомъ за границу, и гдѣ общество было *малолюдное*, тамъ власть таможеннаго головы была главнымъ образомъ исполнительною, и воеводы считались главными двигателями всего, что приносило пользу казнѣ. въ такихъ мѣстахъ надзоръ переходилъ во вмѣшательство, понужденіе [107]); впрочемъ, если предписанія воеводъ были несогласны съ указами или инструкціями, то головы были обязаны ихъ не слушаться [108]). Но во всякомъ случаѣ власть воеводъ была de facto сильнѣе власти таможенныхъ головъ, ибо въ рукахъ первыхъ была сосредоточена военная сила края; даже тамъ, гдѣ таможенное управленіе было снабжено наибольшею самостоятельностью, какъ, напр., на Верхотурьѣ въ 1692 году, голова рѣдко могъ обходиться безъ помощи воеводы въ отправленіи своей службы: штатъ служилыхъ людей на таможнѣ не былъ настолько великъ, чтобы при его одномъ содѣйствіи можно было произвести обыскъ въ томъ случаѣ, если проѣзжающіе сопротивлялись этому; голова долженъ былъ обращаться за помощью къ воеводѣ, который былъ обязанъ возстановить нарушенный законъ вооруженною силой. Положимъ, что воевода обязанъ былъ это сдѣлать, но въ Россіи XVII вѣка фактъ большею частью господствовалъ надъ правомъ, а потому и весьма вѣроятно, что отношенія верхотурскаго таможеннаго головы къ мѣстному воеводѣ были самостоятельнѣе de jure, нежели de facto и помощь при таможенныхъ обыскахъ, не смотря на строгость указовъ, давалась при хорошихъ личныхъ отношеніяхъ воеводы къ головѣ или въ томъ случаѣ, когда въ этомъ не былъ заинтересованъ лично самъ воевода. Что же касается до другихъ мѣстъ, гдѣ зависимость головъ отъ воеводъ признавалась и de jure, то тамъ, при общей тому времени безконтрольности, головы рѣшительно не могли сопротивляться много-

105) П. С. З. № 1687.

106) См. наказн. статьи нерчинск. воеводамъ 18 февр. 1696 г. (П. С. З. № 1542), нак. терекскому воеводѣ, кн. Волконскому (Ibid. № 1585, 14 мая 1697 г.), нак. якутск. воев., Кровкова, мѣстному таможенному головѣ (А. И. т. V № 124, 30 іюня 1685 г.).

107) См. П. С. З. № 1594, А. И. т. IV № 163, т. V №№ 143,212,240, 261 и др.

108) Ibid.

численнымъ правонарушеніямъ. Приведемъ примѣръ безсилія таможенной власти и потачки воеводы нарушителямъ таможенныхъ наказовъ: въ 1683 году трубчевскій таможенный голова донесъ Приказу Большой Казны, что многіе провозятъ изъ Малороссіи черезъ Трубчевскъ товары тайно и въ случаѣ поимки таможенными властями сопротивляются имъ, *чинятся сильны*. Голова проситъ объ указѣ [109]). Ясно, что дѣло было изъ нетерпящихъ отлагательства; самый смыслъ донесенія говоритъ въ пользу того, что трубчевскій голова неразъ принужденъ былъ бороться съ контрабандистами: это-то и принудило его искать защиты отъ Приказа, такъ какъ на воеводу была надежда плохая. Не думаемъ, чтобы воевода не могъ оказать ему при этомъ помощи,—по всей вѣроятности, онъ потакалъ контрабандистамъ изъ за своихъ интересовъ, ибо военная сила воеводы во всякомъ случаѣ могла перевѣсить въ схваткѣ съ безпорядочною шайкою контрабандистовъ. Наконецъ, голова просилъ *объ указѣ*: само собою разумѣется, что этотъ *указъ* ничто иное, какъ предписаніе тому же воеводѣ охранять трубчевскую таможню отъ контрабанды; другими словами: трубчевскій голова проситъ Приказъ о томъ, чтобы ему въ отправленіи должностныхъ обязанностей помогала мѣстная приказная власть. При фактическомъ безсиліи головъ и сравнительно большей силѣ воеводъ послѣдніе нерѣдко преступали законныя границы предоставленнаго имъ вліянія на таможенную администрацію. Подтвержденія этого находятся во многихъ актахъ, ограничивающихъ воеводскую власть по отношенію къ таможенной администраціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Еще въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича въ Чердыни воеводамъ и приказнымъ людямъ не велѣно было вмѣшиваться въ выборы цѣловальниковъ [110]); между тѣмъ, во всѣхъ актахъ, касающихся этого вопроса, выборъ цѣловальниковъ признается всецѣло дѣломъ общественнымъ, функціею *мірскихъ людей*: слѣдственно, ясно, что вмѣшательство въ него приказной власти было не болѣе, какъ правонарушеніе, право сильнаго, для противодѣйствія которому потребовалось особое правительственное распоряженіе относительно частнаго случая. Другой примѣръ, относящійся уже ко времени совмѣстнаго царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей, еще яснѣе покажетъ, что власть воеводъ по отношенію къ таможенной администраціи преступала юридическіе предѣлы. По указу царя Алексѣя Михайловича, у всѣхъ мірскихъ дѣлъ, а въ ихъ числѣ и у таможенныхъ сборовъ, велѣно быть подьячимъ по выбору земскихъ старостъ и мірскихъ людей. Но впослѣдствіи указъ сей былъ нарушенъ: лица, желавшія быть подьячими у мірскихъ дѣлъ, подавали о томъ челобитныя въ приказныя избы, къ воеводамъ, которые своею властью и назначали ихъ, не узнавая даже мнѣнія о томъ общества. Безъ сомнѣнія, такой порядокъ былъ стѣснителенъ для торговыхъ людей, ибо такіе назначенные воеводою подьячіе дѣлали различныя злоупотребленія при запискѣ пошлинъ въ таможенныя книги и при выдачѣ выписей. Въ концѣ концовъ одно изъ городскихъ обществъ, Вятчане, въ іюнѣ 1682 года подало царямъ челобитную объ

109) Доп. къ А. И. т. X, № 63.

110) Грамота чердынск. воеводѣ Наумову отъ 17 мая 1677 г. А. И. т. V, № 16.

отмѣнѣ этого нововведенія и о возстановленіи прежняго порядка, на что цари и отвѣчали подтвержденіемъ отцовскаго указа [111]). Наконецъ, третій примѣръ также относится къ позднѣйшему времени: въ 1687 году правительство вынуждено было подтвердить указъ 1646 года, которымъ предписано было во всѣхъ сибирскихъ городахъ, за исключеніемъ Тобольска, воеводамъ, приказнымъ людямъ и съ приписью подьячимъ ни въ чемъ не вѣдать проѣзжихъ людей: не давать имъ проѣзжихъ грамотъ и не собирать съ нихъ за это печатныхъ пошлинъ, а вѣдать ихъ во всемъ этомъ таможеннымъ головамъ [112]). Помощь воеводъ таможеннымъ головамъ заключалась въ томъ, что они посылали стрѣльцовъ и иныхъ служилыхъ людей на заставы и въ таможни въ качествѣ стражи и разсыльныхъ, а равно и въ томъ, что они подкрѣпляли головъ военною силою въ случаяхъ сопротивленій при таможенныхъ обыскахъ [113]), или безпорядковъ при выборѣ цѣловальниковъ [114]). Иногда на заставы для наблюденія за таможенными головами воеводы посылали отъ себя довѣренныхъ лицъ: такъ, въ 1691 году на Обскую и Оборскую заставы былъ посланъ для этого тобольянинъ Ѳедоръ Феофиловъ [115]). Наказанія головъ за преступленія были предоставлены воеводамъ [116]).

Обратимся теперь къ порядку и способу взиманія таможенныхъ пошлинъ. Съ товаровъ, привозимыхъ куда-либо на продажу, взималась, на основаніи указа 25 октября 1653 года [117]), таможенная пошлина въ размѣрѣ 10 ден. (5 коп.) съ рубля. Если торговый человѣкъ пріѣзжалъ въ городъ для покупки товаровъ, то онъ долженъ былъ въ мѣстной таможнѣ объявить сумму, ассигнованную имъ на эту покупку; съ этой суммы бралась половинная пошлина, т. е. 5 ден., или $2^1/_2$ коп., съ рубля. Сборъ записывался въ таможенную книгу, откуда плательщику выдавалась *выпись*, въ которой обозначалось количество и качество купленнаго товара и взятыя пятиденежныя пошлины. Въ этомъ случаѣ при продажѣ въ таможнѣ того города, гдѣ она производилась, взыскивали остальныя 5 денегъ. Но если торговый человѣкъ являлъ деньги на покупку товара для торга въ уѣздѣ, т. е. между таможнями, то съ такихъ явленныхъ денегъ, во избѣжаніе протаможья, взыскивались всѣ 10 денегъ сполна; полная же десятая пошлина взималась и съ товаровъ, везомыхъ для заграничнаго торга—*въ отъѣздъ* [118]). Такимъ образомъ, таможенная пошлина раздѣлялась на двѣ части: на пошлину съ *явленныхъ денегъ* или товаровъ и на пошлину съ продажи; каждая изъ этихъ пошлинъ равнялась 5 деньгамъ съ рубля цѣны или денегъ. Пользуясь правомъ платить съ товаровъ только 5 ден., нѣкоторые мѣстные торговцы на архангельской ярмаркѣ уклонялись отъ взноса остальныхъ 5 ден.: для

111) Грам. вятск. воеводѣ Дорошенкѣ А. И. т. V, № 88.
112) Грам. верхотурск. воеводѣ Нарышкину отъ 14 марта указ. года, ibid. № 150.
113) См. указ. выше № П. С. З., а равно А. И. т. V, № 224 и др.
114) А. И. ibid № 83.
115) Ibid. № 212.
116) Привед. выше № П. С. З.
117) П. С. З. № 107.
118) Ibid. № 1425, 30 ноября 1691 г.

этого они товары, оплаченные пятой деньгой, отдавали иностраннымъ купцамъ въ число ихъ товаровъ, съ которыхъ была уже взыскана полная пошлина, и такимъ образомъ получали продажную цѣну, не оплативъ ея въ таможнѣ. Въ предупрежденіе такого протаможья было постановлено, чтобы съ ихъ товаровъ, купленныхъ на архангельской ярмаркѣ, взимать пошлину сполна [119]). Порядокъ, установленный указомъ 1653 года, подтвержденъ былъ и Новоторговымъ Уставомъ 1667 года, но въ послѣднемъ размѣръ пошлинъ былъ нѣсколько измѣненъ: различены товары *вѣсчіе* и *невѣсчіе*; съ первыхъ установлена десятиденежная, а со вторыхъ восьмиденежная пошлина [120]). Товары, оплаченные пошлиною, записывались въ таможенныя книги, въ которыхъ каждому торговому человѣку была предназначаема особая статья; въ ней обозначалось: пошлина съ денегъ или продажи, количество денегъ, наименованія товаровъ и итогъ взятой пошлины. Статьи должны были составляться ясно, чтобы не было никакого недоразумѣнія; къ нимъ прикладывались руки объявителей или плательщиковъ [121]). По требованію торговца, заплатившаго пошлину съ товаровъ или съ продажи ихъ, изъ таможенныхъ книгъ выписывалась подлежащая статья, она подписывалась таможеннымъ головою и къ ней прикладывалась таможенная печать. Такой документъ назывался *таможенною выпискою* и выдавался торговому человѣку для предъявленія и доказательства уплаты пошлинъ [122]). Товары, которые везли торговые люди изъ своего города въ другой для продажи, не оплачивались пошлиною на мѣстѣ отправленія, но на нихъ, по освидѣтельствованіи въ таможнѣ, выдавались такъ называемыя *отпускныя выписи*, т. е. формальные реестры товарамъ, конечно безъ означенія пошлинъ, такъ какъ онѣ при отпускѣ не взимались; этимъ отпускныя выписи и отличались отъ предъидущихъ, которыя были, какъ мы видѣли выше, квитанціями въ уплатѣ пошлинъ. По прибытіи въ городъ, гдѣ должна была производиться продажа, торговецъ предъявлялъ въ мѣстной таможнѣ данную ему отпускную выпись, по которой привезенный товаръ свидѣтельствовали; послѣ этого изъ таможни выдавалась память, съ которою торговецъ и приступалъ къ разгрузкѣ или выгрузкѣ своего товара [123]). Иногда уплата отсрочивалась на нѣкоторое время, но такія отсрочки имѣли мѣсто лишь при уважительныхъ причинахъ и на непродолжительное время [124]).

Таковъ былъ общій порядокъ таможеннаго управленія и общій размѣръ таможенныхъ пошлинъ, но въ этомъ отношеніи были и особенности: такъ, пошлина съ торговли солью имѣла размѣръ 10 коп. съ рубля; эта пошлина

---

119) П. С. З. № 1389.

120) Новоторгов. Уст. ст. 12, 48.

121) См. образцы таможенныхъ книгъ въ *Акт., отн. до юр. быта древн. Россіи*, т. II, № 145, стр. 329 и въ Доп. къ А. И. т. XII № 21; также см. П. С. З. № 1432, 27 янв. 1592 г.

122) См. образцы таможенныхъ выписей: 1683 года въ *Акт., отн. до юр. б. древн. Р.*, т. I № 19, стр. 53, и выписи 1714 г. А. М. Ю. Сен. дѣла по Сибирск. губ. кн. $^{1}/_{163}$ л. 91. Послѣдняя приведена въ концѣ книги.

123) Новоторг. Уст. ст. 1—13.

124) П. С. З. №№ 1593, 1641, 1654, ст. 1.

взималась такимъ образомъ: съ покупки бралось 5 ден. и съ продажи 2 алт. 3 деньги (7½ коп.) [125]). Съ желѣзныхъ издѣлій и съ невыдѣленнаго желѣза пошлины предписано было брать только при продажѣ [126]). Вѣсчіе товары предписано было, кромѣ того, продавать съ уплатою такъ называемой *перекупной пошлины*, которая взималась съ покупателя въ различномъ размѣрѣ [127]). Ловля морскихъ рыбъ, по существу, не можетъ составить предмета оброчной статьи: поэтому съ промышленниковъ-продавцовъ бралась обыкновенная таможенная пошлина съ присоединеніемъ къ ней 1/10 части натурою или деньгами по оцѣнкѣ: послѣдній сборъ назывался *десятиною*, или *десятильничьимъ сборомъ* [128]). Главный сбытъ рыбы былъ въ Архангельскѣ, гдѣ прежде пошлиннымъ и десятильничьимъ сборами завѣдывали цѣловальники и стрѣльцы, посылаемые изъ Кольскаго острога, а впослѣдствіи—архангельскіе таможенные головы и лоречные старосты [129]). Казенные товары или продавались изъ Приказовъ торговымъ людямъ или же ими уплачивались долги. Въ первомъ случаѣ пошлины предписано было брать съ перекупщиковъ, а не съ первыхъ пріобрѣтателей, которымъ, по всей вѣроятности, пошлинный платежъ былъ зачитаемъ въ цѣну товара; во второмъ же пошлины взыскивались съ того Приказа, который уплачивалъ долгъ, или зачитались въ этомъ Приказѣ въ отпускѣ [130]). Впрочемъ впослѣдствіи предписано было въ первомъ случаѣ взимать пошлины по Новоторговому Уставу, т. е. съ обѣихъ сторонъ [131]).

Иноземцы не имѣли у насъ права розничной торговли: они могли торговать лишь оптомъ [132]). Если иноземецъ, не продавъ своихъ товаровъ въ Архангельскѣ, отправлялся съ ними во внутреннія города, то онъ долженъ былъ платить проѣзжія пошлины въ размѣрѣ 10 коп. съ рубля на томъ основаніи, что, пользуясь выгодами торговли, иноземцы не отбывали никакихъ повинностей и не платили податей; кромѣ того, на томъ же основаніи, съ продажи своихъ товаровъ во внутреннихъ городахъ они должны были платить 2 алт. (6 коп.) съ рубля. [133]) Что касается до проѣзжихъ пошлинъ, то онѣ были установлены еще въ 1653 году [134]) въ размѣрѣ 4 ден. (2 коп.) съ рубля; Новоторговый Уставъ только увеличилъ ихъ до 10 коп. Чтобъ избѣжать усиленныхъ пошлинъ, торгуя во внутреннихъ городахъ, иностранные купцы обыкновенно дѣлали такъ: они отдавали свои товары за границею русскимъ купцамъ; тѣ провозили ихъ черезъ Архангельскъ во внутреннія города, какъ-будто собственные, и продавали съ платежомъ обыкновенной пошлины, не платя, при томъ, ничего за проѣздъ.

125) П. С. З. №№ 1286, 1323.
126) Ibid. № 1353.
127) Ibid. №№ 1500, 1614 ст. 17.
128) Ibid. № 1399.
129) Ibid.
130) Ibid. №№ 1500, 1952.
131) Ibid. № 1620.
132) Новот. Уст. ст. 4, 60, 83, 84. *Уставъ торговый въ царствующемъ градѣ Москвѣ*, приложенный къ Новот. Уставу, ст. 3.
133) Новот. Уст. ст. 56 и 59.
134) П. С. З. № 107.

Такія злоупотребленія продолжались въ теченіи цѣлыхъ 32 лѣтъ, пока, наконецъ, правительство не обратило на это вниманія. Въ наказѣ 1699 года [135]) было постановлено, что если у русскаго купца по возвращеніи его изъ за границы окажутся лишніе противъ отпуска привозные товары, то архангельскій таможенный голова дозволяетъ торговлю ими съ уплатой обыкновенной пошлины только въ Архангельскѣ; если же купецъ, не продавъ этихъ лишнихъ заграничныхъ товаровъ на мѣстѣ, повезетъ ихъ во внутреніе города, то съ него взыскиваются тѣ же пошлины и въ томъ же размѣрѣ, какъ и съ иностранца.... «потому знатно, продолжаетъ наказъ, что тѣ лишніе товары иноземскіе, а не ихъ Русскихъ людей, чтобъ имъ по совѣту утаить и не платить проѣзжихъ пошлинъ» (Нак. ст. 47). Таковы были постановленія относительно взиманія пошлинъ съ западныхъ купцовъ, ведшихъ торгъ съ Архангельскомъ; торговля же иностранными товарами въ самомъ Архангельскѣ подлежала платежу обыкновенныхъ пошлинъ [136]). Подъ тѣмъ же условіемъ, т. е. платежа проѣзжихъ пошлинъ, могли доставлять во внутренніе города свои товары азіатскіе купцы, ведшіе торгъ съ Астраханью, [137]) но, какъ кажется, при производствѣ торговли въ мѣстѣ доставки они подлежали платежу обыкновенной пошлины; за то проѣзжія пошлины относительно ихъ взимались не только съ товаровъ, привезенныхъ во внутреніе города, но и съ тѣхъ, которые были куплены на деньги, вырученныя за продажу этихъ товаровъ, или были вымѣнены на послѣдніе. Эти двойныя пошлины взыскивались съ азіатскихъ купцовъ по возвращеніи ихъ въ Астрахань [138]). На этихъ условіяхъ торговали Индѣйцы, Кизильбаши, Кумыки, Черкесы и Армяне [139]); послѣдніе торговали съ Россіею шелкомъ на основаніи особыхъ привиллегій, съ которыми мы встрѣтимся ниже. На тѣхъ же основаніяхъ предоставлено было право торговли Грекамъ, Молдаванамъ и Валахамъ [140]). Впрочемъ, изъ этихъ общихъ постановленій о торговлѣ иностранныхъ купцовъ были нѣкоторыя изъятія: такъ, прусскимъ купцамъ, по ходатайству бывшаго въ 1689 году въ Москвѣ прусскаго посла Чаплича, дозволено было торговать во внутреннихъ городахъ на основаніяхъ, одинакихъ съ русскими купцами [141]). Были также чрезвычайно-важныя льготы для купцовъ, пріѣзжавшихъ съ иностранными посольствами. Преимущества, проистекающія изъ особаго уваженія къ достоинству иностранныхъ государствъ, издавна распространялись не только на посольскія свиты, но иногда и на частныхъ лицъ, которыя прибывали съ посольствами для дозволенныхъ цѣлей; это было нечуждо не только народамъ, образованнымъ настолько, насколько были Русскіе въ XVII вѣкѣ, но даже и народамъ, стоявшимъ на низкой степени развитія [142]). Купцы, пріѣзжавшіе съ иностранными посольствами, иногда пользовались правомъ безпошлинной торгов-

135) П. С. З. № 1687.
136) Ibid. № 107, Новот. Уст. ст. 40, 61.
137) Новот. Уст. ст. 77 и 78.
138) Ibidem.
139) Ibidem.
140) Ibid. ст. 80.
141) Отвѣтныя грамоты 20 и 28 янв. 1689 г. П. С. З №№ 1330, 1332.
142) См. напр. Ярошевича: Obraz Lytwy pod wzglądem jej cywilisacyi, I, XII, 110.

ли, но само собою разумѣется, что право это давалось особымъ указомъ и безъ этого не предполагалось; кромѣ того, право это было ограничено мѣстомъ Посольскаго двора, при чемъ покупатели, русскіе люди, платили особую, такъ называемую *сносную* пошлину въ размѣрѣ 2 денегъ съ рубля. [143])

Таможенная пошлина въ актахъ того времени называлась *рублевою*, такъ-какъ она взималась, какъ мы выше видѣли, съ рубля цѣны. Введеніемъ этой рублевой пошлины наше торговое законодательство сдѣлало значительный шагъ впередъ: до этого времени (1653 г.) мелочная торговля, т. е. торговля товарами цѣною ниже рубля, была обременена многочисленными и тягостными поборами, собиравшимися откупщиками безъ всякой пощады для торговцевъ. Кромѣ того, порядокъ таможенныхъ сборовъ, существовавшій прежде, не могъ быть удобенъ для уничтоженія таможенныхъ откуповъ, ибо повсемѣстное управленіе на вѣрѣ требовало единообразія въ самомъ таможенномъ законодательствѣ [144]). Со введеніемъ рублевой пошлины, однообразной для всякаго рода товаровъ и повсемѣстно, сборы съ мелочной торговли были ограничены круглыми цифрами по слѣдующему расчету: за норму была принята пошлина съ вѣсчихъ товаровъ, т. е. 10 денегъ, или 5 коп., съ рубля, мелочная торговля была обложена пятыми долями: такъ 45 долей, или 2 деньги, взималось съ товаровъ цѣною въ 20 копѣекъ; товары, ниже этой цѣны, были совершенно освобождены отъ пошлинъ; съ другой стороны, съ товаровъ отъ 20 до 40 копѣекъ взималась та же пошлина, что и съ 20 копѣекъ, но съ 40 копѣекъ уже взималось 4 деньги и т. д. Такой порядокъ сбора съ мелочной торговли въ актахъ того времени носитъ названіе сбора *съ дву гривенъ* [145]). Въ указанномъ смыслѣ и должно понимать выраженіе актовъ: «мелочные сборы положены въ рублевую пошлину». Эта мѣра послужила не только къ облегченію мелочной торговли, но и къ упрощенію самого таможеннаго счетоводства, ибо прежде дробныя доли путали счетъ, мѣшали сводить концы съ концами и могли быть источниками разныхъ злоупотребленій и ущерба казнѣ. Мало этого: до введенія рублевой пошлины торговля наша была обременена разнообразными поборами, по существу посторонними таможенной пошлинѣ; такъ были полозовые, поколесные, тепловые, судовые, привязные и другіе сборы, изъ которыхъ въ настоящее время не всѣ даже понятны и объяснимы [146]). Большая часть этихъ поборовъ были отмѣнены и положены въ рублевую пошлину (ibidem), т. е. взамѣнъ ихъ признана была только одна рублевая пошлина, въ которую безраздѣльно вошли всѣ мелкіе сборы.

Выше было сказано, что съ таможеннымъ управленіемъ въ большинствѣ случаевъ соединялось управленіе питейное, но, вмѣстѣ съ этимъ, питейные сборы отдавались на откупъ особо отъ таможенныхъ, [147]) а равномѣрно и при

143) П. С. З. № 1641 ст. 19.

144) Чтобы познакомиться съ разнообразіемъ размѣра таможенныхъ пошлинъ и правилъ таможеннаго управленія до 1653 г. см. различныя таможенныя грамоты, отпечатанныя въ Актахъ Археографической Экспедиціи.

145) П. С. З. № 1162, А. И. т. 5, №№ 153, 179.

146) Уставн. грам. 30 апр. 1654 г. (П. С. З. № 122), А. А. Э. т. 3, № 241.

147) Чичерина *Областн. Учрежд. Россіи* XVII *вѣка* стр. 406.

вѣрномъ управленіи никогда не смѣшивались съ таможенными. Привозъ заграничныхъ винъ въ большомъ количествѣ дѣлалъ подрывъ продажѣ вина внутренняго производства; на государевыхъ кружечныхъ дворахъ замѣчались недоборы; вслѣдствіе этого пошлины съ привознаго вина были значительно увеличены, при чемъ ввозная пошлина взималась отдѣльно отъ продажной. Ввозная пошлина взималась со всякаго вина, кромѣ церковнаго, въ размѣрѣ не болѣе 60 и не менѣе 20 ефимковъ, а съ церковнаго вина—6 ефимковъ съ бочки [148]). Съ продажи заграничнаго вина иностранцами взималось 5 алтынъ, т. е. 15 копѣекъ, но русскіе торговцы могли продавать его на общемъ основаніи [149]); при этомъ розничная продажа была воспрещена какъ иностранцамъ, такъ и русскимъ. За поддѣлку винъ, произведенную за границею, взыскивались увеличенныя пошлины въ видѣ пени, а за внутреннюю поддѣлку опредѣлена была конфискація поддѣльнаго вина и торговая казнь [150]).

Пошлины съ иностранцевъ обыкновенно взыскивались серебряными монетами, извѣстными подъ названіемъ *ефимковъ*, которыми наше правительство чрезвычайно дорожило, такъ-какъ они шли въ передѣлъ на русскую монету, но иногда и золотомъ, и даже мелкою, бѣлонною монетою. Цѣна, по которой принимались ефимки, въ разное время была различна: она зависѣла отъ того, сколько изъ ефимка выходило въ передѣлѣ русскихъ денегъ. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что ефимокъ принимался въ его время за 21 алт. 2 деньги (64 коп.), при чемъ прибавляетъ, что отъ каждаго ефимка въ передѣлѣ прибыль равнялась 7 алт. 2 деньгамъ (22 коп.), ефимокъ же, на которомъ не было *царской печати*, принимался за 4 гривны (40 коп.) [151]). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича курсъ ефимковъ понизился до 50 копѣекъ; въ томъ же положеніи онъ находился и въ первые годы царствованія Петра В. [152]), но впослѣдствіи возвысился: въ 1713 году ефимки ходили по рублю [153]); за тѣмъ въ 1717 году цѣна ефимковъ снова понизилась до 26 алт. 4 ден., т. е. 80 коп. [154]). Доставка ефимковъ въ казну цѣнилась такъ дорого, что купцы, доставившіе ефимки для передѣла, не платили пошлинъ съ денегъ, вырученныхъ ими за ефимки, такъ что товары, купленные на эти деньги, оплачивались лишь въ половину [155]). Въ

148) Новот. Уст. ст. 51.

149) Ibid. ст. 53.

150) Наказъ 1699 г. ст. 16—88.

151) Гл. VII, ст. 9 стр., 80—82.

152) Новот. Уст. ст. 50. Договоръ о торговлѣ табакомъ съ англичаниномъ Гудфеллемъ, заключенный въ 1698 г. (А. М. Ю. Сен. дѣла, кн. 89, л. 31, 97—100).

153) Иностранецъ Любсъ взялся поставить въ казну въ 1714 году 100.000 ефимковъ и просилъ принять ихъ по 29 алт. (87 коп.), указывая на то, что въ іюлѣ 1713 года въ разныхъ канцеляріяхъ они принимались по рублю (А. М. Ю. Сен. дѣла, книга 29, л. 401 и слѣд.)

154) Въ одномъ изъ докладовъ Сенату этого года, а именно въ докладѣ о пріемѣ провіантскихъ подрядовъ, читаемъ: . . .„на русскіе деньги по двадцати по шти алтынъ по четыре денги ефимокъ иноземецъ Борштъ предлагаетъ взять въ казну наличный у него провіантъ“ (А. М. Ю., Сен. дѣла по разнымъ предм. на 1717 г., кн. $^{3}/_{5\text{тв}}$ л. 32 и слѣд.).

155) П. З. С. № 1519.

обезпеченіе того, чтобы ефимки не попадали въ гражданскій оборотъ, въ 1714 году предписано было производить на нихъ торговлю только съ иноземцами въ портовыхъ городахъ, а всякую другую торговлю на русскія деньги; равномѣрно воспрещено было употреблять ефимки на какіе бы то ни было расходы [156]). Золотые также цѣнились различно въ разное время: въ Новоторговомъ Уставѣ (ст. 50) цѣна золотаго опредѣлена въ рубль, въ Наказѣ же 1699 года (ст. 2—4) въ 40 алтынъ (1 р. 20 коп.).

Изъ общаго порядка таможеннаго управленія и сборовъ выдѣлялась Сибирь. Здѣсь пошлины отличались разнообразіемъ и были взимаемы въ размѣрѣ, увеличенномъ противъ размѣра ихъ въ *русскихъ городахъ*, какъ назывались въ указахъ города по сю сторону Верхотурья, пограничнаго сибирскаго города. Этотъ пограничный городъ былъ чрезвычайно важнымъ пунктомъ относительно таможеннаго управленія Сибири: черезъ него проѣзжали туда торговые и служилые люди, провозили съ собою русскіе товары, которые тамъ продавали или мѣняли на мѣстные продукты, преимущественно на мягкую рухлядь, составлявшую главную и богатую статью казеннаго дохода въ Сибири. Если на верхотурской таможнѣ этимъ проѣзжавшимъ удавалось такъ или иначе скрыть провозимое ими количество товаровъ, то они, пользуясь огромностью пространства и рѣдкостью городовъ, продавали и мѣняли ихъ безпошлинно и обогащались цѣнною рухлядью въ ущербъ казенному интересу, провозили эти богатства въ Россію, гдѣ, продавая ихъ по сходной цѣнѣ, дѣлали подрывъ торговлѣ Сибирскаго Приказа. Отсюда ясно, что правительство въ своихъ интересахъ должно было обращать особое вниманіе на устройство таможеннаго управленія на Верхотурьѣ, но выше уже было сказано, что до конца XVII вѣка Верхотурское таможенное начальство было безсильно противодѣйствовать контрабандѣ. Вслѣдствіе этого Петръ В. въ 1692 году употребилъ въ этомъ отношеніи ту же мѣру, какую постоянно употреблялъ съ цѣлью увеличенія казенныхъ доходовъ: онъ избралъ по своему усмотрѣнію человѣка, снабдилъ его нужными полномочіями и назначилъ Верхотурскимъ таможеннымъ головою. Этотъ человѣкъ былъ устюжанинъ Скорняковъ [157]). На основаніи наказа, Скорняковъ прежде всего долженъ былъ устроить двѣ заставы: по сю и по ту стороны города; на этихъ заставахъ предписано было производить осмотръ всѣмъ, проѣзжавшимъ изъ Москвы въ Сибирь и обратно, не только торговымъ, но и служилымъ людямъ безъ лицепріятія. Въ случаѣ сопротивленія употреблялась сила: верхотурскій воевода, по требованію головы, обязанъ былъ давать для стражи на заставы стрѣльцовъ и иныхъ служилыхъ лодей, а равно и наказывать отсылаемыхъ ему головою ослушниковъ, сопротивлявшихся обыску. Оказавшееся сверхъ проѣзжихъ грамотъ у воеводъ и другихъ служилыхъ людей и сверхъ таможенныхъ выписей у торговцевъ, равномѣрно всякіе товары, воспрещенные для ввоза въ Сибирь, какъ то: вино, табакъ и др., отбирались на Государя и записывались въ таможенныя книги постатейно. Конфискованныя

156) Ук. 29 апр. А. М. Ю. Сен. дѣла по Московск. губ. 1716—1719 г., кн. 6/122, л. 70
157) П. С. З. № 1443.

деньги и мягкую рухлядь предписано было хранить въ таможенной избѣ, а припасы, кромѣ съѣстныхъ, велѣно было отсылать въ приказную избу. Весь строй верхотурскаго таможеннаго управленія находился въ вѣдѣніи головы; воевода могъ вмѣшиваться сюда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его вмѣшательство было полезно или необходимо.

Таможенныя пошлины въ Сибирскихъ городахъ взимались, какъ выше было замѣчено, въ увеличенномъ размѣрѣ, а именно 10 коп. съ рубля [158]). Выписи, полученныя торговыми людьми въ *русскихъ* таможняхъ, на верхотурской таможнѣ не зачитались, при чемъ, во избѣжаніе протаможья, взыскивалась вся пошлина сполна, т. е. явочная и продажная. Она взималась или натурою или деньгами; послѣдній способъ употреблялся относительно слѣдующихъ товаровъ: серебряной посуды, жемчуга, кружевъ и съѣстныхъ припасовъ [59]). Если у купца оказывались товары сверхъ предъявленной имъ выписи или сказки (словеснаго показанія), то такой излишекъ безусловно конфисковался. Впрочемъ, позднѣе эта суровая мѣра была значительно смягчена,—предписано было въ этомъ отношеніи различать слѣдующіе три случая: 1) если торговый человѣкъ подъ присягой показывалъ, что утаилъ неумышленно, по забвенію, и если, при томъ, утаенныхъ товаровъ было на сумму не болѣе 200 рублей, то виновный освобождался отъ всякой пени; 2) если утаенныхъ товаровъ было на сумму болѣе 200 р., или если оказывалось, что купецъ утаилъ товары умышленно, съ цѣлью провезти ихъ безпошлинно мимо Верхотурья, и если при этомъ онъ попадался въ протаможьѣ въ первый разъ, то виновный подвергался платежу двойныхъ пошлинъ; наконецъ 3)если купецъ попадался въ умышленномъ протаможьѣ вторично, то товары конфисковались, виновный подвергался наказанію батогами и лишался права торговли въ Сибири (idem).

Заплатившій пошлины немедленно пропускался изъ Верхотурья въ Сибирь, а если онъ хотѣлъ остаться для торговли въ Верхотурьѣ, то ему отводились головою лавки, гдѣ онъ торговалъ безъ платежа пошлинъ. Оплаченные товары, отправляемые въ Сибирь, верхотурскій голова отличалъ особыми знаками, чтобы не смѣшать ихъ съ неоплаченными; но такіе товары, на которые знаковъ наложить было нельзя, отпускались и безъ нихъ (idem). При сплавѣ товаровъ позднею весною, когда рѣки уже мелѣютъ, на Верхотурьѣ товары только провѣрялись, а пошлины съ нихъ брались посылаемыми головою цѣловальниками ниже города—по рѣкѣ Турѣ, въ деревнѣ Меркушинѣ (idem). На верхотурскихъ заставахъ съ товаровъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь, взималась еще особая пошлина—на жалованье заставнымъ цѣловальникамъ, въ размѣрѣ 2 денегъ съ воза. Эти деньги хранились въ особомъ ящикѣ и по окончаніи зимняго пути раздавались по назначенію, о чемъ, какъ равно и о количествѣ этого ящичнаго сбора, посылались вѣдомости въ Сибирскій Приказъ (idem ст. 2). Таковы были постановленія о количествѣ и порядкѣ таможенныхъ сборовъ на Верхотурьѣ; они же дѣйствовали и внутри Сибири, ибо верхотурская торговля

158) П. С. З. № 1474 ст. 1

159) Статьи 12 ноября 1698 г., 1-я.

была подчинена тѣмъ же правиламъ, какъ и торговля всѣхъ другихъ сибирскихъ городовъ. Сибирскія пошлины, какъ уже было замѣчено, вообще отличались разнообразіемъ: это разнообразіе было частью слѣдствіемъ необходимости и правительственныхъ соображеній, а частью просто остаткомъ прежняго состава таможенныхъ пошлинъ, который въ *русскихъ* городахъ былъ отмѣненъ введеніемъ рублевой пошлины. Такъ, въ видахъ поощренія хлѣбопашества, было предписано: если кто продавалъ въ сибирскихъ городахъ хлѣбъ своего производства, то съ него взыскивалась не гривенная, а лишь десятиденежная пошлина, но перекупщики этой льготѣ не подлежали и должны были платить обыкновенную сибирскую пошлину [160]). Если перекупщикъ везъ хлѣбъ къ Соликамскому, то, кромѣ пошлинъ, платилъ за провозъ 2 деньги съ воза [161]). Съ продажи лошадей и рогатаго скота взималась пошлина какъ съ продавца, такъ и съ покупателя: продавецъ оплачивалъ продажу обыкновенною гривенною пошлиною, а съ покупателя взималась *пошерстная* въ размѣрѣ 6 ден. съ лошади или *рогатая* въ размѣрѣ 2 алт. со штуки рогатаго скота. Съ соляныхъ варницъ взималась пошлина натурой—5-й пудъ. Промышленникъ, уплативъ эту пошлину, могъ безпошлинно торговать своею солью въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ у него были варницы; торговля же солью въ иныхъ городахъ и уѣздахъ, не смотря на уплату пятаго пуда, равномѣрно торговля ею перекупщиковъ гдѣ бы то ни было оплачивались обыкновенною пошлиною [162]).

Звѣропромышленники, возвратясь съ промысловъ, добытую ими мягкую рухлядь, а рыболовы—рыбную кость предъявляли въ мѣстной таможнѣ, гдѣ голова записывалъ ихъ промыслы въ таможенную книгу и взыскивалъ съ нихъ промысловую пошлину въ размѣрѣ десятой части натурой, а съ неполныхъ десятковъ по гривнѣ съ рубля, при этомъ промыслы, производимые время отъ времени въ продолженіи года и приносившіе каждый неполные десятки, должны были оплачиваться пошлиной по истеченіи года, т. е. съ полныхъ десятковъ, а не порознь; та же промысловая пошлина взыскивалась и съ перекупщиковъ, но съ тою, однако, разницею, что послѣдніе съ неполныхъ десятковъ платили съ той цѣны, за которую товаръ ими былъ купленъ, а не по предварительной оцѣнкѣ, какъ платили первые пріобрѣтатели; перекупщики, уплативъ пошлину, получали право продавать свой товаръ, при этой продажѣ десятая пошлина взыскивалась съ покупателя: это была *вторая перекупная пошлина*; съ продавца, т. е. съ перваго перекупщика, взыскивалось только *записное*, т. е. пошлина за записки сдѣлку въ таможенную книгу въ размѣрѣ алтына съ рубля [163]). Случалось, что мягкую рухлядь торговые люди пріобрѣтали въ уѣздахъ, между таможнями, оптомъ или розницею, при чемъ, конечно, товаръ не оплачивался промысловою пошлиною; кромѣ того, покупая розницею, покупатели могли и забыть, у кого они купили товаръ, или же, при

160) Наказъ 30 авг. 1693 г. ст. 4.
161) 2 и 16 ст. 12 ноября.
162) Нак. 30 авг. ст. 5, 12 ноября ст. 17.
163) Ibid. 8, 9 и 12 статьи, 12 ноября 10-я.

оптовой покупкѣ, умышленно таили имена продавцовъ. Для предупрежденія этого было постановлено, чтобы торговые люди, не помнившіе у кого купили рухлядь, сами платили и за промыселъ, т. е. съ десятка не однимъ, а двумя звѣрями.[164])

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ родовъ пошлинъ, въ Сибири были еще и такія, которыя, по существу, не относились къ таможеннымъ. 3-я статья Наказа 30 августа 1693 года и 21 ст. 12-го ноября 1698 года упоминаютъ о *поанбаршинѣ*. Этому сбору подлежали товары, отдаваемые хозяевами въ поклажу на казенные частные дворы. Размѣръ поанбаршины, по Наказу 1693 г., опредѣленъ въ 3 алтына въ недѣлю, но въ статьяхъ 1698 г. при опредѣленіи его принята была во вниманіе степень безопасности зданія отъ огня; поэтому за деревянные анбары былъ принятъ размѣръ въ 10 ден., а за каменные въ 3 алт. 2 деньги въ недѣлю. Гостинные прикащики, торговцы, промышленники и гулящіе люди, пріѣзжавшіе въ Сибирь для промысловъ, за право производства послѣднихъ платили особую *поголовную* пошлину, которая, сообразуясь съ состоятельностью плательщиковъ, называлась иначе *оброкомъ*. Съ гулящихъ людей бралось по полуполтинѣ, а съ прочихъ по полтинѣ въ годъ; въ уплатѣ этого оброка изъ таможенъ выдавались квитанціи, называвшіяся *отписями*.[165])

Изъ всего сказаннаго о сибирскихъ пошлинахъ слѣдуетъ, что составъ ихъ былъ таковъ: 1) со всѣхъ товаровъ общая, гривенная пошлина; 2) съ продажи своего хлѣба пятикопѣечная; 3) съ продажи скота: гривенная, пошерстная и рогатая; 4) съ соли натурою за промыслъ; 5) съ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ: промысловая, двѣ перекупныя и записное; 6) поанбаршина; 7) оброкъ и, наконецъ, 8) сборъ на жалованье заставнымъ цѣловальникамъ. Такое осложненіе пошлинъ частію мотивировалось, безъ сомнѣнія, большими барышами отъ сибирскаго торга; къ тому же здѣсь главныя статьи торга считались заповѣдными, хотя и не были вовсе изъяты изъ гражданскаго оборота; поэтому частныя лица за пользованіе ими должны были платить усиленныя пошлины. Но осложненіе это было настолько велико и такъ затрудняло торговые обороты, а лихоимство мѣстныхъ властей было такъ безпощадно, что купцы неохотно пользовались правомъ сибирскаго торга. Такое состояніе сибирскаго торга обратило вниманіе правительства, тѣмъ болѣе, что доходы отъ этой важной статьи годъ отъ году уменьшались. Предписано было, между прочимъ, уничтожить перекупныя пошлины и записное (алтынное), и установлены были нѣкоторыя льготы, которыя уже разсмотрѣны выше.[166])

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ осмотрахъ на Верхотурьѣ воеводъ и служилыхъ людей, ѣхавшихъ изъ Сибири въ *русскіе* города. На основаніи статей 1698 года, воеводамъ за безпорочную службу жаловались льготныя грамоты, по предъявленіи которыхъ на верхотурской таможнѣ голова не имѣлъ права обыски-

164) Наказъ 30 авг. ст. 11 и статей 12 ноября 10-я.
165) Ibid. ст. 6.
166) Указъ 12 ноября 1698 г.

вать проѣзжающихъ. Съ служилыхъ людей, ѣхавшихъ въ Москву съ ясакомъ, если при томъ они ѣхали изъ дальнихъ сибирскихъ городовъ, не добиралось по 2 рубля съ человѣка. Этотъ недоборъ замѣнилъ собою прежнее дозволеніе безпошлиннаго провоза товаровъ на 50 рублей. Равнымъ образомъ по 2 рубля не добиралось и съ возвращавшихся изъ Москвы. Съ служилыхъ людей ближайшихъ городовъ или верхотурскихъ не добиралось $1^1/_2$ р. Ясно, что этотъ недоборъ былъ значительнымъ уменьшеніемъ прежней льготы, ибо съ 50 р. Сибирской пошлины выходило 5 рублей; это уменьшеніе мотивировалось тѣмъ, что...«служилымъ людямъ дается Государево жалованье, и больше имъ надо тщаться о службѣ, а не о торгахъ» [167]). Ясачнымъ сборщикамъ, если они отправляемы были въ отдаленныя отъ своего жительства мѣста, дозволялось провозить безпошлинно товаровъ на 30 р., а если они посылались въ мѣста, неслишкомъ отдаленныя, то на 10 р.

Таково было таможенное управленіе во время, предшествовавшее первымъ преобразованіямъ Петра В. Въ немъ очевидны признаки того порядка, который былъ характеристической чертой этого времени. Таможенная власть, сосредоточенная въ московскихъ Приказахъ, въ области являлась какъ повинность общества, выдѣляющагося подъ ея вліяніемъ въ служебное государству сословіе. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развивается эта повинность, дѣлается общимъ правиломъ и замѣняетъ собою прежнюю систему откуповъ, при чемъ замѣна эта служитъ признакомъ постепеннаго выдѣленія государственныхъ началъ изъ сферы частноправнаго государства московскихъ государей. Является потребность болѣе правильнаго порядка въ управленіи, и таможенныя дѣла, первоначально разъединенныя въ разныхъ Приказахъ, сосредоточиваются въ одномъ, что, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ въ таможенномъ законодательствѣ, ведетъ къ большему единообразію этой вѣтви администраціи и къ возможности повсемѣстнаго введенія вѣрнаго управленія сборами. Дѣйствуя въ области, таможенные головы сталкиваются съ воеводами, и перевѣсъ получаетъ та сторона, которая оказывается фактически сильнѣе, т. е. воеводы. Правительство стремится ограничить это фактическое преобладаніе, отъ котораго, между прочимъ, страдаютъ его фискальные интересы. Но это стремленіе не вызвало никакой органической мѣры: правительство въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, дѣйствуетъ путемъ отдѣльныхъ мѣропріятій. Иначе дѣйствовать и нельзя, ибо фактическое преобладаніе воеводъ въ области есть необходимое слѣдствіе сильнаго развитія приказной системы, и только съ постепеннымъ ослабленіемъ ея фактъ могъ обратиться въ право и, какъ таковое, быть заключеннымъ въ юридическіе предѣлы; только при переходѣ административной централизаціи въ областное самоуправленіе власть представителя государственнаго центра въ области мало по малу освобождается отъ несвойственныхъ ей элементовъ и, занявъ подобающее ей мѣсто, получаетъ опредѣленность въ объемѣ и содержаніи. Первое преобразованіе Петра В. было послѣднимъ словомъ того процесса, въ ходѣ котораго развилась государ-

167) Ук. 12 ноября ст. 8 и 15.

ственная идея въ таможенномъ управленіи XVII вѣка; въ немъ выказалось и стремленіе обособить городское общество въ отдѣльное сословіе подъ управленіемъ вѣрныхъ властей, и стремленіе оградить этихъ послѣднихъ отъ вмѣшательства воеводъ. Но Петръ В. вообще не любилъ полумѣръ и сразу достигъ того, чего его предшественники добивались путемъ единичныхъ мѣропріятій. Впослѣдствіи иные интересы, стремленіе водворить всюду абсолютную государственную идею въ противоположность частноправнымъ началамъ, стремленіе въ новомъ духѣ разрѣшить столкновенія ея съ этими началами, долго еще не исчезавшими изъ строя русской жизни, а равно и другіе вопросы дня, неменѣе важные и имѣвшіе сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Россіи, отвлекли Великаго Государя на иной путь, и таможенное управленіе подпало подъ власть болѣе сильную, чѣмъ воеводская,—подъ власть петровскихъ губернаторовъ и черезъ нее объединилось съ другими частями управленія въ Сенатѣ.

Мы сказали, что первое преобразованіе Петра В. было окончательнымъ выраженіемъ идей и стремленій XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, съ учрежденіемъ бурмистровъ общество было изъято изъ-подъ власти воеводъ; вмѣстѣ съ этимъ изъ ихъ вѣдомства было изъято и таможенное управленіе, начальниками котораго были сдѣланы бурмистры. Бурмистрское управленіе сдѣлалось типомъ всего общественнаго, вѣрнаго, а потому и таможенные головы получаютъ названіе таможенныхъ бурмистровъ. Они, по прежнему, остались непосредственными начальниками таможенъ подъ высшею властью земскихъ бурмистровъ. Изъ разсмотрѣнія разныхъ бурмистерскихъ наказовъ и изъ сравненія ихъ съ актами таможеннаго законодательства до 1700 года легко замѣтить, что порядокъ таможеннаго дѣлопроизводства остался прежній: таможенное законодательство этого времени придерживается не только характера, но даже, въ большинствѣ случаевъ, самой буквы прежняго [168]); разница между эпохами таможеннаго управленія до и послѣ общественныхъ преобразованій 1699 года заключается лишь въ центральномъ завѣдываніи имъ; выше было указано, что до учрежденія бурмистровъ центральнымъ вѣдомствомъ таможенныхъ сборовъ и управленія былъ Приказъ Большой Казны; послѣ же этого учрежденія такимъ вѣдомствомъ сдѣлалась Московская Ратуша, власть которой распространена была на Европейскую Россію; въ Сибири таможенное управленіе осталось неизмѣненнымъ, по прежнему, въ рукахъ таможенныхъ головъ и мѣстныхъ воеводъ. Что касается до существа таможенной пошлины, то въ немъ съ 1700 года были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Стараясь уравнять тяжесть таможенныхъ пошлинъ между лицами, подлежащими ихъ платежу, Петръ В. издалъ указъ 15 февраля 1705 года [169]). Въ этомъ именномъ указѣ были предусмотрѣны всѣ существовавшіе случаи протаможья; во исполненіе его, 29 марта того же года Ратуша издала статьи о пошлинномъ сборѣ,

168) Ср. Новот. Уст. и слѣд. №№ П. С. З.: 1399, 1474, 1674, 1683, 1686, 1697, 1704, 1816 и 1819.

169) П. С. З. № 2033.

которыя значительно видоизмѣнили въ приложеніи прежнюю рублевую пошлину: онѣ какъ бы ввели новую пошлину, которая, дѣйствительно, до самой отмѣны своей въ 1714 году, носила названіе *новоуравнительной* [170]). Собственно говоря, новоуравнительная пошлина есть такъ называемая *лавочная*, которая платилась въ различномъ размѣрѣ, смотря по тому, гдѣ купленъ торговцемъ товаръ, въ томъ ли городѣ, гдѣ онъ ведетъ постоянно торгъ, или въ иномъ мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ платилось 10 денегъ съ рубля цѣны товара, предназначеннаго для лавочной продажи; во второмъ же, т. е. если торговецъ привезетъ товаръ откуда-нибудь въ свой городъ и, не продавъ его оптомъ другому торговцу, положитъ въ лавку, платилась пошлина за привозъ и за лавочную продажу вдвое, на томъ основаніи, что еслибы онъ продалъ свой товаръ оптомъ, то заплатилъ бы за оптовую, а покупатель за лавочную продажу.

Лавочная (новоуравнительная) пошлина не была совершеннымъ нововведеніемъ. Дѣло въ томъ, что прежнія таможенныя узаконенія исключительное вниманіе обращали на оптовую торговлю, что же касается до торговли розничной или лавочной, то она была, по Новоторговому Уставу, свободна отъ пошлиннаго платежа, вслѣдствіе чего для казны пропадали пошлины, не смотря на то, что розничная торговля, какъ и всегда, была значительна. Для предупрежденія такой *истери* и была введена новоуравнительная лавочная пошлина, которая, такимъ образомъ, есть не болѣе, какъ приложеніе обыкновенной рублевой пошлины къ случаю, прежде ускользнувшему отъ опредѣленія. Задавшись идеею управленія, статьи 29 марта 1705 года оставляютъ прежнюю рублевую пошлину: ихъ нововведенія, кромѣ лавочной пошлины, касаются болѣе подробнаго развитія началъ рублеваго сбора и порядка таможеннаго дѣлопроизводства, такъ что въ этомъ отношеніи сводится на болѣе строгое подтвержденіе правилъ, прежде существовавшихъ. Но сказаннымъ еще невполнѣ обрисовалось существо *новаго управленія*: новоуравнительная пошлина взималась, какъ мы видѣли, въ размѣрѣ обыкновенной рублевой пошлины *съ товаровъ*, а не съ *права торговли*. Въ томъ же году установлена, кромѣ лавочной, особая пошлина за право торговли [171]). Эта пошлина взималась въ различномъ размѣрѣ, а именно: съ лавокъ по 16 алт. 4 деньги (50 коп.), съ лотковъ по 7 алт. 2 деньги (22 коп.), съ бѣломѣстцевъ, которые до тѣхъ поръ, не будучи на службѣ, торговали безпошлинно, взималась она въ удвоенномъ размѣрѣ (1 рубль). Въ тѣхъ же статьяхъ установлены поголовныя пошлины съ работниковъ, ремесленниковъ, опредѣлены вѣсчіе сборы въ казну и жалованье дрягилямъ, и, наконецъ, возобновлены отмѣненные при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ [172]) откупа продажи сусла, кваса и уксуса на ярмаркахъ и торжкахъ. Вся совокупность этихъ постановленій и составляетъ то уравненіе, которое коснулось всѣхъ статей торговли и промысловъ, подчи-

170) Статьи Ратуши въ П. С. З. № 2043.

171) Idem № 2084, статьи 1705 г. безъ означенія мѣсяца и числа.

172) Уст. грам. 20 апр. 1654 г.

нивъ всѣ ихъ, по возможности, равному пошлинному рублевому платежу; кромѣ того, оно строго различило самый фактъ торговли съ ея доходами отъ права производить ее и опредѣлило послѣднее, какъ понятіе, подлежащее строгой регламентаціи, какъ особую статью пошлинныхъ платежей. [173])

Торговля въ это время производилась главнымъ образомъ на казенныхъ гостиныхъ дворахъ; продажа изъ собственныхъ амбаровъ или лавокъ была исключеніемъ, привиллегіею [174]). Это было весьма важно для интересовъ казны какъ въ видахъ предупрежденія протаможья, такъ и потому, что лавки и амбары сдавались въ оброчное содержаніе торговавшимъ въ нихъ купцамъ и, слѣдственно, приносили лишній доходъ казнѣ. Со времени уничтоженія всѣхъ мелкихъ откуповъ, т. е. съ 1654 года, въ оброчное содержаніе не были отдаваемы торговыя площади и судовыя пристани: правительство обратило на это вниманіе, и въ мартѣ 1704 года были возобновлены откупа этихъ двухъ статей [175]). Откупъ предписано было производить въ обыкновенномъ порядкѣ, т. е. изъ наддачи; если откупщики давали слишкомъ низкую цѣну, то сборъ пошлинъ съ площадей и пристаней (поземельныхъ и струговыхъ) оставался на вѣрѣ. Поземельная и струговая пошлины раздѣлялись на *пріѣзжія* и *отъѣзжія*, при чемъ послѣднія были вдвое (вполы) менѣе первыхъ. Какъ тѣ, такъ и другія взимались въ различномъ размѣрѣ и въ этомъ отношеніи дѣлились на категоріи: категоріи поземельныхъ пошлинъ обусловливались родомъ товаровъ, а струговыхъ родомъ судовъ, приходившихъ въ пристань [176]). Но откупщики или цѣловальники тогда только имѣли право брать струговыя пошлины, когда товаръ выгружался въ пристани; если же стругъ останавливался не для торговли, а съ цѣлью запастись харчами для дальнѣйшаго плаванія, то пошлинъ съ него не взималось (idem, ст. 10), равномѣрно не было пошлинъ съ пустаго струга или лодки (idem, ст. 11), но если пустой стругъ или лодка въ пристани нагружался товарами, то съ нихъ предписано было взимать отъѣзжія пошлины (idem). Также взимались пошлины съ гоняльныхъ плотовъ, которые становились у пристаней. Эти пошлины раздѣлялись, смотря по размѣру лѣса, на 6 классовъ, отъ 6 ден. (3 коп.) до алтына 4 ден. (5 коп.) со ста бревенъ. Если на плотахъ были бочки съ дегтемъ, то съ нихъ взималась трехкопѣечная пошлина; съ обыкновенныхъ дровъ бралось 2 деньги, съ длинныхъ 6 ден., какъ за саженный лѣсъ. Въ томъ же размѣрѣ оплачивались и рубленные струга, которые пригоняли водою. Лѣсопромышленникъ, оставившій свой лѣсъ или дрова на берегу, долженъ былъ платить, кромѣ струговой пошлины, за занятое на берегу мѣсто съ сажени лѣса или дровъ по 6 ден.

---

173) О новоуравнительной пошлинѣ ср. Осокина *Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи*, стр. 106, 134—138.

174) См. напр. П. С. З. № 1641, 29 авг. 1698 г. ст. 5 и 6; № 1654, 12 ноябр. 1698 г., ст. 1; № 1687, 1699 года, ст. 22; № 1795, 2 іюн. 1700 г., ст. 13 и 42.

175) П. С. З. № 1972, статьи 1-го марта.

176) *Примѣчаніе.* Въ обоихъ разрядахъ пошлинъ классовъ было по три; по нимъ въ поземельныя поялины взималось отъ полушки до 2 коп. съ воза, а въ струговыя отъ 20 коп. до 5 рубл. съ судна (idem, ст. 2—8).

(idem, ст. 12). Торговля скотомъ была обложена поземельной пошлиной въ размѣрѣ 2 ден. со штуки (idem, ст. 31). Таковы были измѣненія, происшедшія въ таможенномъ вѣдомствѣ въ періодъ отъ учрежденія бурмистровъ до 1708 года.

Выше было сказано, что въ 1681 году были отмѣнены прежде бывшіе таможенные откупа, и управленіе этими сборами, за нѣкоторыми исключеніями, перешло въ руки общества, или *на вѣру*; такъ продолжалось до начала XVIII-го вѣка: въ 1705 году [177]) сборы эти тамъ, гдѣ они не превышали 1000 рублей, были объявлены откупными на общемъ основаніи. Это постановленіе имѣло силу и въ послѣдствіи, но откупщики не имѣли власти вѣрныхъ сборщиковъ [178]). Что касается до канцелярскаго порядка въ таможенныхъ избахъ, то онъ остался прежнимъ, получивъ впрочемъ болѣе опредѣленности: заведены были шнуровыя книги, замѣнившія прежнія тетради въ листъ; сюда заносились сборы ежедневно, еженедѣльно или, гдѣ рынки бывали не каждый день, по торговымъ днямъ. Веденіе этихъ книгъ было вмѣнено въ обязанность таможеннымъ головамъ. [179])

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, кто подлежалъ платежу таможенныхъ пошлинъ въ періодъ отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній. Начало равномѣрности въ распредѣленіи пошлинной тягости, проявившееся, какъ видно было выше, еще въ 1705 году, все болѣе и болѣе развивается: всякое лицо или учрежденіе, производя торговлю, должно было платить пошлину наравнѣ со всѣми; даже казенные товары были обложены пошлиною [180]). Если были исключенія, то они основывались на жалованныхъ грамотахъ и сами собой не предполагались [181]). Такимъ образомъ, мѣры Петра В. относительно таможеннаго управленія, въ краткій періодъ отъ 1699 (1700) года по 1708 (1710) годъ, были проникнуты стремленіемъ уравнять таможенную пошлину, слѣдствіемъ чего было широкое приложеніе рублевой пошлины въ новоуравнительныхъ постановленіяхъ. Это стремленіе, однако, мотивировалось главнымъ образомъ фискальными выгодами казны, а потому и самыя мѣры, не смотря на достоинство идеи, положенной имъ въ основаніе, не смотря на всю предусмотрительность относительно подробностей, на практикѣ

---

177) П. С. З. № 2059.

178) Въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ я нашелъ одинъ указъ (24 апр. 1713 г.), которымъ проведена рѣзкая черта между вѣрнымъ и откупнымъ таможеннымъ управленіемъ. Откупщики, по силѣ этого указа, лишены были права выдачи таможенныхъ выписей, такъ какъ у нихъ не было мѣсячныхъ печатей, признанныхъ принадлежностью одного вѣрнаго управленія. Другими словами, они могли только собирать пошлины съ мѣстной мелочной торговли, но не останавливать и не свидѣтельствовать провозимыхъ товаровъ, какъ это было въ таможняхъ. Вотъ этотъ указъ вкратцѣ: «во всѣхъ губерніяхъ откупщикомъ мѣсечныхъ таможенныхъ печатей не давать, а быть мѣсечнымъ таможеннымъ печатемъ въ городѣхъ, гдѣ таможенныя пошлины сбираютца у бурмистровъ на вѣрѣ». А. М. Ю. дѣла Сен., кн. 96, л. 530-й.

179) П. С. З. № 1922, 1 янв. 1703 г.

180) Idem № 1952, статья 21-я 1700 г.

181) См. idem №№ 1791, 1861, 2208.

скоро оказались тяжкимъ бременемъ для торговли, что и повело къ ихъ уничтоженію. Впрочемъ идея равенства по отношенію къ торговымъ правамъ лицъ развивается все болѣе и болѣе, хотя рядомъ съ этимъ разумнымъ началомъ существуетъ и прежняя система привиллегій. Относительно органовъ таможеннаго управленія преобразованія Петра В. совпадаютъ съ общественною реформою 1699 года и получаютъ характеръ исключительно сословный въ ущербъ областной власти воеводъ. Словомъ, въ этомъ періодѣ Петръ В. является продолжателемъ дѣла предшествующаго столѣтія какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Далѣе идетъ эпоха губернаторовъ, власть которыхъ мало-по-малу подчиняетъ себѣ всѣ сословія области, въ числѣ ихъ и горожанъ, всѣ предметы областнаго управленія, а потому — и таможни съ ихъ начальствомъ. По отношенію къ торговлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Петръ В. старается установить понятіе о государственной пользѣ, предъ которою должны исчезнуть частныя выгоды, развиваетъ понятіе объ обязанностяхъ подданнаго относительно государства, подобно тому, какъ въ XVII вѣкѣ развивается идея служенія государю и понятіе государевой пользы. Частноправовое отношеніе къ власти Московскаго государя замѣняется идеею власти государства и высшаго его представителя—монарха. Въ силу этого и губернаторы получаютъ обязанность управлять губерніями не *на государя*, какъ управляли воеводы, а *на государство*; какъ правители, они обязаны же имѣть наблюденіе за всѣмъ и руководить всѣмъ, приносящимъ пользу государству: основаніе, на которомъ губернаторская власть подчиняетъ себѣ, въ числѣ прочихъ областныхъ дѣлъ, и дѣла таможеннаго управленія.

Отношенія таможеннаго управленія къ губернаторамъ довольно ясно очерчены указами, хотя этихъ указовъ очень мало, и выраженія многихъ изъ нихъ о таможенномъ управленіи не отличаются подробностью и обстоятельностью. Внутренній порядокъ таможеннаго управленія отъ 1710 по 1719 годъ остался прежній, но въ указахъ, касающихся этого вопроса, правительство рѣдко относится прямо къ бурмистрамъ, а обращается къ губернаторамъ, а нѣкоторые акты прямо указываютъ на зависимость таможенныхъ бурмистровъ отъ губернаторовъ. Отсюда ясно, что отношенія губернаторовъ къ бурмистерскому таможенному управленію были совершенно иныя, нежели отношенія къ нему воеводъ; самостоятельность его мало по малу исчезаетъ, и оно входитъ въ составъ губернаторскаго вѣдомства, ибо губернаторъ дѣлается средоточіемъ всего губернскаго управленія и единственнымъ отвѣтчикомъ за него предъ высшею государственною властью Сената. Съ учрежденіемъ послѣдняго всѣ вопросы таможеннаго управленія разрѣшаются сенатскими указами, которые достигаютъ области при посредствѣ губернаторовъ, т. е. идутъ отъ центра государственнаго управленія къ центру областнаго. Въ это время, если исключить изъ общаго обзора Архангельскъ съ 1711 по 1713 г. и Москву, о которыхъ мы скажемъ особо, и Сибирь, такъ какъ въ послѣдней бурмистерское управленіе не существовало,—къ губернаторамъ относились по слѣдующимъ таможеннымъ и торговымъ вопросамъ: о сборѣ таможенныхъ пошлинъ съ купцовъ Армянской компаніи, отправлявшихся въ

Москву, въ Астрахани [182]); о переводѣ главнаго рынка изъ Архангельска въ С.-Петербургъ [183]); о непропускѣ за границу недозволенныхъ товаровъ и изъ за границы фальшивыхъ русскихъ денегъ [184]); о цѣнѣ золота и ефимковъ, при чемъ, въ случаѣ недоставленія этихъ свѣдѣній или медленности доставленія ихъ, губернаторы подвергались штрафамъ [185]); наконецъ объ отдачѣ табачной продажи на откупъ [186]). Губернаторы старались доставлять барышъ казнѣ въ таможенныхъ и питейныхъ сборахъ. Такъ, первый Казанскій губернаторъ Петръ Апраксинъ, въ 1710 году, сдѣлалъ въ нихъ прибора на сумму болѣе 50 тысячъ рубл., тогоже правительство требовало и отъ его преемника, Салтыкова [187]). Вліяніе губернаторовъ на таможенныхъ головъ было настолько сильно, что они или сами награждали ихъ за хорошую службу, или представляли объ этомъ по начальству: такъ въ 1712 году бывшій архангелогородскій губернаторъ, князь Голицынъ, подалъ Сенату меморіалъ, которымъ представилъ къ жалованной грамотѣ нѣкоего Попова, бывшаго таможеннымъ бурмистромъ въ Архангельскѣ во время ярмарки 1710 года; при этомъ Голицынъ объясняетъ, что Попову уже дана имъ денежная награда по примѣру прошлыхъ лѣтъ. [188])

Изъ предъидущаго обзора мы исключили Архангельскъ и Москву. Дѣйствительно, Архангельскъ отъ 1711 по 1713 годъ находился какъ бы на особомъ положеніи; въ немъ, какъ единственномъ въ это время пунктѣ торговыхъ сношеній съ западомъ, строгій надзоръ за таможеннымъ управленіемъ былъ интереснѣе для правительства, нежели въ иныхъ мѣстахъ: прежде, какъ мы видѣли, должность архангельскаго таможеннаго головы поручалась лицамъ по назначенію правительства; равномѣрно наказы, касавшіеся дѣлопроизводства и управленія въ Архангельской таможнѣ, были подробнѣе и обстоятельнѣе многихъ. Но изъ предъидущаго извѣстно, что царствованіе Петра В. отличалось особою потребностью въ доходахъ и особою строгостью въ управленіи ими; извѣстно также о существованіи особаго класса людей, *прибыльщиковъ*. Съ 1711 года по 1713 начальникомъ Архангелогородской губерніи былъ одинъ изъ такихъ прибыльщиковъ, Курбатовъ, которому дано были это назначеніе для большей вѣрности въ сборѣ таможенной пошлины въ столь важномъ портѣ. Ясно послѣ этого, что по отношенію къ Архангелогородской таможнѣ власть Курбатова, какъ начальника губерніи, увеличилась спеціальнымъ значеніемъ его какъ прибыльщика. Можно прослѣдить отношенія губернаторской власти къ архангельскому таможенному управленію за все кратковременное губернаторство Курба-

182) П. С. З. № 2609, 5 дек. 1712 г.

183) Ibid. №№ 2737 и 2760: 16 ноябр. 1713 и 16 янв. 1714 г.—Въ 1719 году предписано было съ этою цѣлью, чтобы каждый купецъ привозилъ къ петербургскому порту, по крайней мѣрѣ, 1/3 своихъ товаровъ (именн. ук. губернаторамъ отъ 9 янв. означенн. года. А М. Ю. Сен. дѣла по Сибирск. губ. за 1711—1722 г. кн. 3/155, л. 614).

184) П. С. З. № 2889, 18 февр. 1715 г.

185) Idem, № 2912, 29 мая 1715 г.

186) Idem, № 3043, 10 окт. 1716 г.

187) А. М. Ю. Сен. дѣла, кн. 99, л. 718 и слѣд.

188) Idem, кн. 9, л. 274 и слѣд.

това до 1713 года, когда онъ, по происканъ Меншикова и его креатуръ, братьевъ Соловьевыхъ, былъ преданъ суду и устраненъ отъ должности. Въ іюлѣ 1711 года ему былъ посланъ указъ, чтобы онъ въ сборѣ пошлинъ съ русскихъ и иностранныхъ купцовъ *чинилъ* по прежнимъ указамъ, а равнымъ образомъ ему поручено было дознаніе по дѣлу объ обманѣ англійскихъ купцовъ русскими, продавшими имъ бракованную пеньку, и объ иныхъ преступленіяхъ, о которыхъ тогда же послѣдовалъ меморіалъ англійскаго посланника [189]). Въ сентябрѣ слѣдующаго года ему вмѣстѣ съ архангельскимъ оберъ-коммиссаромъ, Дмитріемъ Соловьевымъ, поручено было брать съ иностранныхъ и русскихъ купцовъ при отправленіи ихъ за границу векселя на имя царскаго коммиссара въ Голландіи, Осипа Соловьева, вмѣсто пошлинныхъ платежей, которые на этотъ годъ были переведены въ Голландію и Гамбургъ для субсидіи нашимъ войскамъ, находившимся въ Помераніи [190]). Въ ноябрѣ 1713 года ему былъ посланъ указъ объ объявленіи купеческимъ людямъ, торговавшимъ юфтью и пенькой, чтобъ они впредь доставляли свой товаръ не въ Архангельскъ, а въ С.-Петербургъ [191]). Таковы были отношенія Курбатова къ архангельскому таможенному управленію. Мы видимъ, что рядомъ съ вопросами, по которымъ правительство постоянно обращалось къ начальникамъ губерній, здѣсь поставлены такія таможенныя дѣла и порученія, которыя указываютъ на непосредственное участіе Курбатова въ сборахъ и таможенномъ дѣлопроизводствѣ. Къ слѣдующему же за Курбатовымъ начальнику Архангелогородской губерніи правительство обращается по такимъ вопросамъ, которые для своего разрѣшенія требуютъ права надзора, высшаго начальствованія губернатора надъ Архангельской таможней, а не непосредственнаго участія въ дѣлахъ ея [192]).Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ губернаторы имѣли право, признаваемое правительствомъ, вмѣшиваться непосредственно въ дѣло сборовъ, если это вмѣшательство было въ интересахъ казны: примѣръ Апраксина, *прибравшаго* таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ на значительную сумму, подтверждаетъ это, но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что выраженія указовъ о таможенномъ управленіи, посланныхъ къ Курбатову и прочимъ губернаторамъ, существенно между собою разнятся: вообще писалось: «велѣть учинить», «надъ сборами смотрѣніе имѣть» и т. п.; къ Курбатову же правительство обращается съ требованіемъ, «чтобъ онъ самъ учинилъ». Ясно, что въ первомъ случаѣ губернаторы трактуются, какъ высшіе начальники таможенъ, завѣдываніе которыми входило, между прочимъ, въ кругъ губернскаго управленія, а во второмъ—къ губернатору обращаются какъ къ лицу, которому предоставлено право и на котораго возложена обязанность непосредственно управлять таможенными дѣлами не въ качествѣ губернатора, а въ качествѣ прибыльщика.

Что касается до Москвы, то здѣсь Ратуша пріобрѣтаетъ значеніе мѣстнаго

189) П. С. З. № 2401, 16 іюля 1711 г.
190) Ibid. № 2589, 29 сент. 112 г.
191) Ibid. № 2737, 16 ноябр. 1713 г.
192) Ср., напр., съ вышеозначенными №№ П. С. З. слѣдующіе: 3073, 3093.

таможеннаго органа: будучи подчинена московскому губернатору, она сдѣлалась какъ бы департаментомъ Московской губернской канцеляріи, носитъ постоянно названіе *Ратуши Московской губерніи* и трактуется въ числѣ Приказовъ, *вѣдомыхъ въ Московской губерніи* [193]). Тѣмъ значительнѣе была таможенная власть московскаго губернатора. Такъ въ декабрѣ 1712 года московскій губернаторъ, кн. Ромодановскій, желая пополнить казну для продолжавшейся шведской войны, постановилъ съ товарищи отдать всѣ сборы *ратушскаго вѣдѣнія*, а въ томъ числѣ таможенные и кабацкіе, въ откупное содержаніе; въ этомъ же смыслѣ состоялся и именной указъ 15 декабря. [194])

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о существѣ таможенной пошлины отъ введенія въ дѣйствіе учрежденія 1708 года по 1719 годъ. Изъ предъидущаго обзора извѣстно, что прежде таможенная пошлина распадалась на двѣ: явочную и съ продажи: первая взималась съ денегъ, употребленныхъ на покупку товара или явленныхъ въ таможнѣ для этой цѣли, а вторая съ продажной цѣны. Въ 1712 году предписано было брать всю пошлину сполна тотчасъ послѣ явки товаровъ въ таможнѣ, не откладывая до продажи, при чемъ велѣно пошлину съ продажи исчислять по средней мѣстной цѣнѣ [195]). Облегчая таможенный счетъ, эта мѣра была значительнымъ облегченіемъ и для торговцевъ, ибо они могли продать свой товаръ по большей цѣнѣ, и прибыль отъ этого поступала прямо въ ихъ пользу. Вообще, время это отличается стремленіемъ къ лучшей организаціи торговли, для совѣщанія о чемъ въ 1712 году была собрана въ Москвѣ коммисія (коллегіумъ) въ составѣ трехъ нѣмецкихъ купцовъ: Дитмара и Бумгарда (Boomgard) изъ Нарвы и Таберта изъ Дерпта, и русскихъ именитыхъ людей подъ предсѣдательствомъ архангельскаго оберъ-коммиссара Соловьева [196]). Какіе были результаты дѣятельности этой коммисіи, не видно, но такой примѣръ не былъ единственнымъ въ изслѣдуемомъ періодѣ. Еще ранѣе упомянутой коммиссіи, въ 1711 году, были собраны, по сенатскому указу, оффиціальныя свѣдѣнія отъ торговыхъ людей о томъ, возможно-ли безъ ущерба ихъ оборотамъ допу-

---

193) Напр. такъ она названа въ дѣлѣ о завѣдываніи торговлею селитрою въ 1712 году. См. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 9, л. 21 и слѣд.

194) П. С. З. №№ 2610 и 2611.

195) Имен. указъ 9 мая: «Какъ русскимъ, такъ и иноземцемъ не брать съ *большого конца* (?), но симъ образомъ, когда явятъ товары и выложатъ въ амбары или на берегъ,—тогда и пошлину брать, не отлагая до продажи или отвозу, или иныхъ отволочекъ,—только при складкѣ брать: и для того всѣмъ товаромъ положить пошлину (которымъ нѣтъ опредѣленія, а берутъ съ продажи съ рубля) средней цѣны.» А. М. Ю. Сен. дѣла, кн. 21, л. 1495 и слѣд.

196) Предписаніе о составленіи этой коммиссіи послѣдовало въ указѣ 12 февр. 1712 г.: «Учинить колегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ оную въ лутчее состояніе привесть, къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцовъ (которыхъ надо удовольствовать, дабы пранду и ревность показали) съ присягой, дабы лутче порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги лутче есть нашихъ», Во исполненіе этого именнаго указа, Сенатъ вытребовалъ поименованныхъ въ текстѣ иноземцевъ и слѣдующимъ указомъ повелѣлъ въ 1713 году открыть въ Москвѣ засѣданія коммиссіи: «въ торговлѣ у дѣла быть оборъ-комисару Дмитрею Соловьеву и для того тогроваго состоянія съ вышеписанныхъ его, Государевыхъ, указовъ (т. е. 12 февр. и 9 мая 1712 года) и съ

стить свободную торговлю всѣхъ безъ изъятія [197]). До правительства въ это время доходили голоса и отдѣльныхъ личностей, не призванныхъ оффиціально для рѣшенія торговыхъ вопросовъ, какъ призваны были всѣ вышеупомянутые. Правительство слушало ихъ и, по мѣрѣ надобности, по степени справедливости и разумности представленій, осуществляло послѣднія или доставляло самимъ этимъ лицамъ такія должности, на которыхъ ихъ планы въ своемъ осуществленіи могли принести ожидаемую пользу государству. Одинъ изъ иностранныхъ

Торговаго Уставу при указѣ къ нему, оборъ-камисару, изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената послать списки за дячею приписью, въ которомъ указѣ написать, что при немъ быть и съ нимъ о томъ торговомъ дѣлѣ совѣтовать съ иноземцы, съ нарвскими жители съ Дидмаромъ да съ Бумбграфомъ (sic) да съ дерпскимъ жителемъ Табертомъ, да къ тому еще себѣ выбрать изъ купецкихъ знатныхъ людей пять или шесть, а кого выберетъ, о томъ подать ему въ Канцелярію Прав. Сената доношеніе, а гдѣ имъ для того дѣла сидѣть, отвесть полаты» (Idem).

197) П. С. З. № 2349, Сенатскій указъ 19 апрѣля 1711 года, которымъ предписано было собрать свѣдѣнія, означенныя въ текстѣ, и сущность самыхъ свѣдѣній помѣщены въ доношеніи Сенату изъ Московской губенск. канцеляріи отъ 8 янв. 1714 года, п. 2, который мы и выписываемъ сполна: «711 года апрѣля въ 19 день Пр. Сенатъ приказали: о свободномъ всѣмъ торгу освидѣтельствовать знатныхъ купецкихъ людей сказками и инымъ, чѣмъ надлежитъ, и разсмотрѣть, буде подлинно купецкимъ людемъ никакого препятія и обиды въ торговыхъ ихъ промыслахъ не будетъ отъ того, то позволить всякаго чину людемъ торговать всѣми товары вездѣ невозбранно своими имянами и съ платежемъ всѣхъ обыкновенныхъ пошлинъ, а подъ имянами торговыхъ людей самимъ и складываясь съ ними отнюдь никому не торговать и никакихъ заводовъ, промысловъ и откуповъ не держать, а особо, чтобъ губернаторы и каменданты и иныхъ чиновъ люди, будучи у Государевыхъ дѣлъ въ губерніяхъ, нынѣ и впредь своими и чужими имянами въ тѣхъ губерніяхъ и кто гдѣ нынѣ у дѣлъ есть и впредь будетъ, того не чинили, а въ другихъ губерніяхъ торгъ имѣть своими имянами волно, а подъ чужими имянами нигдѣ ничѣмъ не торговать, а вмѣсто десятой денги на тѣхъ, которые вышеупомянутыхъ чиновъ люди будутъ гдѣ торги свои имѣть (и опричь купецкаго чину), имать десятую денгу по препорцы торговъ ихъ, какъ о томъ по даннымъ за приписаніемъ Великаго Государя руки Правит. Сенату пунктамъ указъ повелѣваетъ; и для того и торговымъ людемъ складываясь съ ними и своими имянами товаровъ ихъ никуды съ своими товары не провозить и не продавать подъ опасеніемъ штрафа, который, по винѣ смотря, взятъ на нихъ будетъ, и буде кто изъ вышеписанныхъ чиновъ (опричь купечества жь) похочетъ взять что себѣ на откупъ или на подрядъ, и тѣ бъ имали всякіе откупы и подряды съ торгу своими имянами, однакожь чтобъ былъ во всемъ томъ торгъ съ другими волно безо всякаго челобитчикомъ опасенія, чтобъ впредь спору и челобитья о томъ, а паче Государевой казнѣ убытковъ напрасныхъ не было. А въ сказкахъ гостиной сотни и слободцкихъ старостъ написано: ежели повелѣно будетъ торговать всякихъ чиновъ людемъ съ равнымъ пошлиннымъ платежемъ и вмѣсто десятой и всякіе поборы, которые съ нихъ будутъ, по препорцы равно съ ними будутъ брать, то въ томъ обиды и тягости не будетъ, а ежели поборовъ равныхъ съ нихъ брать не будутъ, а брать да не въ препорцію съ ними и въ ихъ оклады не зачтутъ, но *такожъ, како и нынѣ*, торгуютъ съ ними равно, и болши на гостинѣ дворѣ и въ рядѣхъ, и отъѣзжими промыслы разныхъ чиновъ, а съ ними никакихъ податей не платятъ и въ службахъ и въ постою солдатъ не помогаютъ, но всѣ тѣ оклады и службы на однихъ на оставшихся, которыхъ при прежнемъ счисленіи мало не треть осталась, то не только имъ оттого обида будетъ, но и всеконечное раззореніе.» (А. М. Ю. *Сенатскія дѣла по разнымъ предметамъ*, 1712—1725 г. книга $^{6}/_{512}$ л. 21—30.)

купцовъ, Метцель, усмотрѣвъ многія злоупотребленія въ таможенномъ управленіи и сборахъ, въ 1712 году сдѣлалъ представленіе Сенату, въ которомъ, между прочимъ, поставилъ на видъ, что таможенные головы дѣлали при сборахъ послабленія торговцамъ какъ для корысти, такъ и потому, что, будучи и сами торговыми людьми и имѣя передъ другими лишь кратковременное преимущество, боялись мести ихъ въ будущемъ. Въ слѣдствіе этого Метцель предложилъ *назначеніе бурмистровъ не изъ торговыхъ*, а *изъ всякаго чина людей*, которые, не будучи связаны съ торговымъ классомъ общественными условіями, не могутъ быть поставлены въ необходимость дѣлать вредныя для казны послабленія. Сенатъ, по многимъ причинамъ, не осуществилъ этого предложенія, но самъ Метцель, какъ лицо благонамѣренное и старавшееся о пользахъ государства, сдѣланъ былъ Московскимъ таможеннымъ головою [198]). Кромѣ мѣръ и попытокъ, означенныхъ выше, въ торговомъ законодательствѣ этого времени былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ уничтоженіемъ новоуравнительной пошлины, которая на практикѣ сдѣлалась тяжкимъ бременемъ для торговли [199]); къ этому присоединились еще нѣкоторыя другія мѣры [200]). Пошлины платились всѣми, кто занимался торговлею и промыслами; исключенія, какъ и прежде, были установляемы положительно. Такъ съ казенныхъ подрядчиковъ, которые возили въ армію аммуницію [201]), артиллерійскіе припасы [202]) и провіантъ [203]), не взимались пошлины съ найма, хомутныя, привальныя, отвальныя и иныя, входившія въ составъ таможенныхъ сборовъ. Равнымъ образомъ отъ пошлинъ были свободны лѣсные и иные строительные матеріалы, поставляемые подрядчиками въ Канцелярію городовыхъ дѣлъ на построеніе С.-Петербурга и новозавоеванныхъ городовъ [204]). Но исключенія не всегда были льготами для тѣхъ, къ кому они относились,— иногда съ нѣкоторыхъ лицъ взималась увеличенная пошлина: такъ, съ сѣры и селитры, покупаемыхъ пороховыми подрядчиками, была взыскиваема пошлина въ увеличенномъ размѣрѣ, опредѣленномъ въ самомъ договорѣ о подрядѣ. Причиною этого были выгоды, приносимыя подрядчикамъ пороховымъ производствомъ [205]).

Питейное управленіе, по прежнему, было соединено съ таможеннымъ и сосредоточивалось на Таможенномъ и Питейномъ дворѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи земской избы [206]). Уничтоженіе питейныхъ откуповъ послѣдовало гораздо ра-

198) А. М. Ю. Сенатск. дѣла, кн. 18, л. 26.

199) П. С. З. № 2773, 20 февр. 1714 г.

200) См. напр. idem, №№ 2314, 3146, 3153.

201) Idem, № 3035, 3 авг. 1716 г.

202) Idem, № 3064, 23 янв. 1717 г.

203) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 17, л. 122; кн. *112*, л. 1080, *122*, л. 112. П. С. З. №№ 3083, 3137.

204) П. С. З. № 3076, 29 март. 1717 г.

205) Idem, № 3047, 31 окт. 1716 г.

206) Соединеніе этихъ двухъ вѣтвей управленія было всегда общимъ правиломъ. См. Полн. Собр. Закон. №№ *642*, 17 мая 1676 г.; *824*, 22 мая 1680 г.; *1685 года*: *1109*; 13 февр.;

нѣе отмѣны таможенныхъ, а именно въ 1677 году [207]), и такъ какъ мотивомъ отмѣны были, между прочимъ, начала нравственныя, то исключеній здѣсь не было: даже въ Харьковскомъ полку, гдѣ, какъ указано выше, удержались таможенные откупа, по питейнымъ сборамъ было введено вѣрное управленіе, только съ тѣмъ, чтобы въ головы и цѣловальники были избираемы мѣстные казаки [208]). Вѣрное управленіе питейными сборами, сосредоточенное въ 1677 году въ Новой Четверти [209]), въ дальнѣйшемъ завѣдываніи раздѣляло судьбу таможеннаго управленія; такъ въ 1680 году оно было переведено въ Приказъ Большой Казны [210]), въ 1699-мъ году сосредоточено въ Ратушѣ [211]), а въ послѣдствіи завѣдываніе питейными сборами было поручено Камеръ-Коллегіи [212]). Подряды на поставку вина и питей на государевы кружечные дворы производились въ губернскихъ канцеляріяхъ въ присутствіи самихъ губернаторовъ [213]). Корчемство наказывалось по всей строгости законовъ. Подобно тому, какъ прежде вопросы объ этомъ преступленіи входили въ юрисдикцію Новой Четверти [214]) такъ по учрежденіи губерній они чрезъ губернскія канцеляріи сосредоточились въ Сенатѣ. Въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ мы нашли одинъ, въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересный, примѣръ дѣлопроизводства о корчемствѣ; порядокъ этого дѣлопроизводства слѣдующій: виновныхъ привели на Таможенный и Кабацкій дворъ, гдѣ мѣстные земскій и таможенные бурмистры сдѣлали имъ допросъ; за тѣмъ этотъ допросъ при доношеніи былъ отправленъ въ подлежащую губернскую канцелярію, которая и донесла о томъ Сенату. Изъ Сената послѣдовалъ указъ мѣстному губернатору о томъ, чтобы онъ предписалъ мѣстному воеводѣ произвести по этому дѣлу слѣдствіе и подвергнуть виновныхъ взысканію [215]). Изъ этого примѣра слѣдуетъ, что головы по вопросамъ о корчемствѣ сносились прямо съ губернаторами, минуя ближайшую, уѣздную инстанцію, которая приступала къ дѣлу не иначе, какъ по предписанію губернатора.— Такимъ образомъ, питейное управленіе совпадало съ таможеннымъ, раздѣляло его судьбу, подчинялось одинакимъ съ ними правиламъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ подчинилось всеобъемлющей губернаторской власти.—Въ 1705 году

1142, 30 ноябр.; *1443*, 11 іюл. 1692 года.—*1698 года*: *1642*, 30 авг.; *1655*, 22 ноября; *1699 года*: *1674*, 30 янв.; *1685*, 16 марта; *1686*, 30 мая, ст. 12 и 14; *1697*, 12 сент.; *1708*, 27 окт., 1777, 13 марта; *1700 года*: *1813*, 30 сен.; *1816*, 29 ноябр.,—*1865*, 12 авг. 1701 года; *1922*, 1 янв. 1703 года.—*1705 года*: *2024*, 1 февр., *2059*, 12 іюн.; *1708 года*: *2202*, 5 авг., 2203, 18 авг.—*2507*, 28 окт. 1710 года.

207) П. С. З. № 714.

208) Ibid. № 1068, 17 марта 1684 года.

209) Idem № 714.

210) Idem №№ 824, 879.

211) См. выше №№ 1699 года.

212) Регламентъ 11 декабр. 1719 года.

213) А. М. Ю. *Сен. дѣла по Московск. губ. по челобитнымъ разныхъ лицъ*, кн. $^{5}/_{XXI}$, л. 449.

214) Улож. гл. XXV, ст. 10, 18 и 20.

215) Дѣло о корчемствѣ шведскихъ полоняниковъ въ Каширѣ въ 1711 году. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 2, л. 224 и слѣд.

въ питейныхъ сборахъ была сдѣлана прибавка: учреждена особая *поведерная пошлина*, которую велѣно взыскивать, впрочемъ въ незначительномъ размѣрѣ, съ покупщиковъ вина на кружечныхъ дворахъ. Хотя эта пошлина отдана была въ завѣдываніе Ингерманландской Канцеляріи медоваго сбора, но тѣмъ не менѣе всегда соединена была съ питейными и таможенными сборами какъ по порядку сбора, такъ и по отчетности въ немъ. [216])

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ управленіи соляною промышленностью, составлявшемъ также одну изъ формъ таможеннаго управленія. Соляная промышленность производилась постоянно отъ казны. Въ мѣсторожденіяхъ соли обыкновенно устраивались казенные заводы, на которыхъ начальниками были приказные люди, извѣстные подъ оффиціальнымъ названіемъ *соляныхъ промышленниковъ*. Они составляли администрацію заводовъ и находились въ зависимости отъ мѣстныхъ губернаторовъ, которые ихъ и избирали въ должность. Такъ въ 1714 году, на мѣсто умершаго астраханскаго промышленника Кучукова, казанскому губернатору было предписано выбрать другаго [217]). Соляные промышленники были не только начальниками заводовъ, но и всего гражданскаго управленія тѣхъ мѣстъ, гдѣ заводы находились: таковъ былъ объемъ власти промышленниковъ Зырянскаго Усолья (Сибирской губ.), и Максима Шоломина и Степана Варакснна [218]). Торговля солью производилась на общемъ основаніи, а сборомъ пошлинъ съ нея завѣдывали особыя выборныя отъ общества лица: *соленыя продажи головы и цѣловальники*, и губернаторы не вмѣшивались въ это дѣло, оставаясь по отношенію къ этой вѣтви управленія въ качествѣ представителей высшаго надзора и руководства [219]).

Таковъ былъ вообще порядокъ таможеннаго управленія и управленій съ нимъ непосредственно связанныхъ. Но на таможенное управленіе несомнѣнное вліяніе имѣлъ вопросъ, весьма важный въ таможенномъ законодательствѣ изслѣдуемаго времени. Это вопросъ о раздѣленіи товаровъ на *заповѣдные* и *незаповѣдные*, на чемъ мы теперь и остановимся. Незаповѣдные товары составляли главный предметъ гражданскаго оборота, въ которомъ и подлежали разсмотрѣннымъ нами постановленіямъ таможеннаго законодательства. Напротивъ, заповѣдные товары или были вовсе изъяты изъ гражданскаго оборота, при чемъ частная торговля ими безусловно считалась преступленіемъ, или же хотя и не были вовсе изъяты изъ оборота, но подлежали въ немъ особымъ правиламъ, стѣснявшимъ права частныхъ лицъ. Къ заповѣднымъ товарамъ перваго рода принадлежало вино внутренняго производства, продажа котораго помимо казенныхъ питейныхъ домовъ до послѣдняго времени считалась корчемствомъ и, какъ таковое, преслѣдовалась закономъ; кромѣ того, изъ общаго права торговли были изъяты такіе товары, которые были предметами монополій частныхъ лицъ и торговыхъ компаній. Составъ товаровъ, изъятыхъ изъ гражданскаго

216) См. П. С. З. №№ 2024, 2203, 2369.
217) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 31, л. 801; кн. 100, л. 314.
218) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 27, л. 718 и слѣд.
219) П. С. З. № 2251, 9 февр. 1710 г.

оборота, былъ не всегда одинъ и тотъ же: иногда правительство въ видѣ временныхъ нуждъ или пользъ объявляло тотъ или другой продуктъ заповѣднымъ и воспрещало свободную торговлю имъ: такъ, въ 1711 году, въ виду приготовленія къ турецкой войнѣ и необходимости обмундированія войска, впредь до указа, воспрещена была частная торговля сукнами [220]); равнымъ образомъ щетина была время отъ времени объявляема заповѣднымъ товаромъ [221]).

Составъ товаровъ, несовершенно изъятыхъ изъ гражданскаго оборота, былъ невездѣ одинаковъ. Въ этомъ отношеніи Европейская Россія отличалась отъ Сибири. Понятіе такихъ полузаповѣдныхъ товаровъ въ первой распространялось на слѣдующіе предметы: икру, клей, поташъ, смольчугъ, смолу, ревень, пеньку, хлѣбъ и мачтовыя деревья. Условія, при которыхъ эти товары могли быть пріобрѣтаемы для частной торговли, были слѣдующія: покупка оптомъ изъ Приказа Большой Казны, Сената, Адмиралтейскаго Приказа или изъ губернскихъ канцелярій, а съ 1715 года съ денежныхъ дворовъ, плата за нихъ нерусскими деньгами, а непремѣнно ефимками [222]). Въ апрѣлѣ 1719 года на прежнемъ основаніи остались лишь поташъ и смольчугъ, остальные, перечисленные нами, были предоставлены на вольный торгъ только съ платежемъ усиленныхъ пошлинъ [223]). Производство заповѣдныхъ товаровъ вообще было дозволяемо и частнымъ лицамъ, но подъ надзоромъ правительственныхъ органовъ. Такъ, въ ноябрѣ 1711 года было предписано обревизовать всюду заводы и не только такіе, производства которыхъ были объявляемы заповѣдными (пороховые, смольчужные, смоляные и поташные), но и иные, производства которыхъ были почему либо важны для правительства (салотопенные, мѣдноплавильные) [224]). Отъ хозяевъ или прикащиковъ заводовъ перваго рода мѣстными властями требовались время отъ времени подробныя свѣдѣнія объ ихъ производствѣ: такъ въ январѣ было взято въ Трубчевскую Приказную избу свѣдѣніе о производствѣ на смольчужномъ заводѣ гостя Сверчкова отъ прикащика вдовы его, въ ноябрѣ того же года въ Рославльскую Приказную избу были взяты такія же свѣдѣнія: а) отъ прикащика гвардіи капитана Корчмина и б) отъ бурмистра Федора Семенникова [225]). Частные смольчужные заводы переходили отъ заводчиковъ въ порядкѣ наслѣдованія ихъ женамъ и дѣтямъ и только выморочные поступали въ

220) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 1 л. 55, 57 и слѣд.

221) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 96, л. 380. П. С. З. № 2646, 17 февр. 1713 г.

222) См. имен. ук. 24 янв. 1715 года въ А. М. Ю. Сенатск. дѣла кн. 98, л. 630.

223) Доношеніе изъ Коммерцъ Коллегіи отъ 18 апр. 1719 года: «Въ нынѣшнемъ 719 году апрѣля въ 9 день въ указѣ Великаго Государя изъ Правительствующаго Сената въ Комерсъ Колегію написано: Великій Государь указалъ по именному своему, Великаго Государя, указу казеннымъ товаромъ быть толко двумъ—поташу и смолчугу, прочіе товары, которые продавали изъ Приказовъ, уволить торговлею въ народъ съ надбавочной пошлиной. И для положенія тоя надбавочныя пошлины надлежитъ нынѣ роспись тѣмъ товаромъ отъ вашего сіятельства прислать». На это доношеніе послѣдовала изъ Сената роспись всѣмъ перечисленнымъ нами товарамъ кромѣ поташа и смольчуга (А. М. Ю. Сенатск. дѣла кн. 85, л. 614 и 633).

224) А. М. Ю. Сенатск. дѣла по Сибирск. губерн. 1711—1722 год. кн. $^{X}/_{155}$ л. 24 и слѣд.

225) Ibid. кн. 9, л. 192, 210, 212.

казну обыкновенно въ завѣдываніе мѣстныхъ губернскихъ канцелярій [226]). Заповѣдными товарами въ Сибири были: соболи, пупки и хвосты собольи, сырье и сдѣльные, черныя лисицы высокой цѣны, ревень и шаръ, т. е. китайскій табакъ [227]). Эти товары для производства ими частной торговли пріобрѣтались только изъ Сибирскаго Приказа; пріобрѣтенные иными путями, они могли быть продаваемы только въ казну, въ противномъ случаѣ продажа считалась контрабандою, и товары конфисковались [228]). Безусловно заповѣдными относительно Сибири были тѣ же товары, какіе считались таковыми и въ Европейской Россіи. Въ XVII вѣкѣ, однако, понятіе контрабанды было распространяемо на ввозъ въ Сибирь всякихъ металлическихъ издѣлій: въ этомъ отношеніи были заповѣдными шлемы, панцыри, копья, топоры, ножи, *стрѣльныя желѣзца* и даже хозяйственныя принадлежности, какъ то: сошники, сковороды и т. п. Ввозъ этихъ вещей въ Сибирь былъ дозволенъ не иначе, какъ по проѣзжимъ грамотамъ, въ которыхъ обозначалось обыкновенно лишь такое количество, которое было необходимо для собственнаго употребленія проѣзжихъ [229]). Вѣроятно, причиною такой *заповѣди* было нежеланіе правительства снабжать сибирскихъ инородцевъ оружіемъ или такими предметами, которые могли бы, при случаѣ, замѣнить его.

Весьма важное вліяніе на торговлю, а слѣдовательно и на областное таможенное управленіе имѣли монополіи частныхъ лицъ и торговыхъ компаній. Мы остановимся на краткомъ очеркѣ только крупнѣйшихъ изъ нихъ, а именно: привиллегіи на торгъ табакомъ и привиллегіи Армянской Компаніи. Въ апрѣлѣ 1698 года былъ заключенъ контрактъ между русскимъ правительствомъ и повѣреннымъ и компаньономъ англичанина лорда Кармартена англійскимъ консуломъ Чарльсомъ Гудфеллемъ (Charles Goodfellow) о ввозѣ въ Москву табака англійскаго производства. Этой компаніи предоставлена была монополія торговли табакомъ и разведеніе его во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, за исключеніемъ земель Черкассовъ, но, съ другой стороны, вывозъ черкасскаго табака за предѣлы ихъ земель, какъ обстоятельство, могущее подорвать торговлю Гудфелля и К°, былъ безусловно воспрещенъ на все время существованія этой монополіи. Контрактъ былъ заключенъ первоначально на два года [230]), но въ послѣдствіи, на основаніи той же жалованной грамоты, срокъ этотъ былъ продолженъ еще на два года (1700 — 1702). Во все это время договорами было постановлено, чтобы ввозъ англійскаго табаку въ Россію за всѣ годы равнялся 10 милліон. фунтовъ англійскаго вѣса съ платежемъ пошлины въ размѣрѣ 8 ден. (4 коп.) съ фунта [231]).

226) П. С. З. Сен. дѣла кн. 9, л. 192, 210, 212. Должно полагать, что это правило относилось и ко всѣмъ инымъ заводамъ, производившимъ заповѣдные продукты, по скольку они могли быть частнымъ достояніемъ, но фактовъ относительно этого не нашлось, а потому я и не рѣшаюсь внести такое мнѣніе въ текстъ.

227) 3 ст. 12 ноябр. 1698 г.

228) Idem, ст. 5 и 10.

229) Грамота царя Михаила Ѳеодоровича верхотурск. воевод. Пушкину и Зубову, 24 сент. 1620 года А. И. т. 3-й № 88.

230) Жалов. грам. 1698 г. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 89, л. 107. Она отпечатана въ П С. З. подъ № 1628.

231) А. М. Ю. Сенатск. дѣла кн. 37, л. 881, 885 и слѣд.

Но компанія не выполнила этихъ договорныхъ статей: вмѣсто договорнаго количества ввезено было всего 2,557,024 фунта (idem) и казна утратила пошлины. Въ слѣдствіе этого наше правительство сочло контрактъ нарушеннымъ, и компанія лишилась нѣкоторыхъ привиллегій, предоставленныхъ ей по жалованной грамотѣ. Не смотря на протестъ Гудфелля и тогдашняго англійскаго посланника Уитворта, привиллегія была уничтожена, и табачная торговля отдана на вѣру. На вѣрѣ продажа табака была сосредоточена на кружечныхъ дворахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соединялась съ продажею картъ, какъ это было, напримѣръ, въ Архангелогородской губерніи въ 1711 и 1712 годахъ (idem). Губернаторы, которымъ было подчинено это управленіе, употребляли всѣ средства для увеличенія казенной прибыли сравнительно съ окладами: такъ казанскій губернаторъ Аирaксинъ, въ 1710 году, сталъ раздавать табакъ ясашникамъ своей губерніи въ количествѣ 2 фунт. въ годъ на каждый ясакъ цѣною по 8 алт. 2 деньги (25 коп.) за фунтъ. Такъ какъ въ Казанской губерніи насчитывалось въ то время болѣе 40 тысячъ ясаковъ, то этотъ доходъ предполагался довольно значительнымъ, впрочемъ онъ продолжался недолго, только два года (1710 и 1711), за которые было собрано окладныхъ и прибыльныхъ денегъ съ этой статьи 23,925 р. 86½ коп. (idem). Вообще, вѣрное управленіе табачной торговли, по собраннымъ изъ губерній свѣдѣніямъ за пять лѣтъ (съ 1710 по 1715 г. включительно), принесло окладныхъ сборовъ и прибыли всего 46,776 р. 40½ коп. (idem). Причиною такой маловажной цифры были недоимки, столь обычныя при завѣдываніи сборами на вѣрѣ, въ слѣдствіе чего въ 1716 году и рѣшено было отдать торговлю табакомъ на откупное содержаніе. [232])

Монополія Армянской Компаніи была гораздо продолжительнѣе. Посредствомъ нея производились наши торговыя сношенія съ Персіею. Всѣ указы, относящіеся къ *армянскому торгу*, главнымъ образомъ касаются размѣра и платежа проѣзжихъ пошлинъ, которыя по Новоторговому Уставу взыскивались въ размѣрѣ 10 денегъ съ рубля, если армянскіе товары препровождались изъ Астрахани въ Москву. Но въ одинъ годъ съ изданіемъ Новоторговаго Устава состоялась жалованная грамота Компаніи, по которой измѣнились размѣръ и основаніе этой пошлины: она стала взыскиваться въ размѣрѣ рубля съ пуда [233]); что касается до пошлины съ продажи, то она взималась на общихъ основаніяхъ. Тотъ же порядокъ и тоже количество сбора подтверждены были и въ 1673 году [234]). Проѣзжія пошлины взыскивались обык-

232) Полн. Собр. Зак. № 3043, 10 окт. 1716 г.

Примѣчаніе. Цифры и свѣдѣнія, приведенныя въ текстѣ, заимствованы изъ вѣдомостей, которыя, по требованію Сената, присылались изъ губерній отъ 1714 по 1716 годъ. Эти вѣдомости съ подробными вычисленіями помѣщены въ *Дѣлахъ Пр. Сената* (кн. 37 л. 88 и слѣд.); по отношенію къ нимъ считаю долгомъ оговориться, что цифра общегубернскаго дохода съ табачной торговли за означенныя 5 лѣтъ (46.776 р. 40½ коп.) относится лишь къ 5 губерніямъ и то не за всѣ годы, а именно: къ Московской, Кіевской, Рижской, Архангелогородской и Казанской; изъ остальныхъ 4 (Сибирской, Нижегородской, Азовской и С.-Петербургской) въ 1716 году вѣдомостей прислано еще не было; были-ли онѣ присланы въ послѣ ствіи—не видно.

233) Новот. Уст. ст. 77. Грам. 31 мая 1667 года, П. С. З. № 409.

234) Ibid. № 539. Привиллегія 7 февр.

новенно въ Астрахани, при отпускѣ армянскаго каравана въ Москву или чрезъ Москву въ Архангельскъ, но такъ какъ въ Астрахани трудно было достать требуемое въ уплату пошлинъ количество русскихъ денегъ, въ слѣдствіе чего караванамъ была задержка, то въ 1711 году компанія ходатайствовала передъ новоучрежденнымъ Сенатомъ о дозволеніи платить проѣзжія пошлины по пріѣздѣ въ Москву. Просьба была уважена, при чемъ и размѣръ проѣзжей пошлины былъ уменьшенъ на 13 алт. 2 деньги, вмѣсто рубля предписано было взимать по 20 алт. въ каждый путь. Но въ проѣзжую пошлину 1667 года зачтена была дача подводъ компанейщикамъ, что далеко не окупалось попудовымъ сборомъ: въ слѣдствіе этого у армянскихъ купцовъ было отнято право пользованія подводами отъ казны [235]). На основаніи этого указа армянскіе товары взвѣшивались въ Астраханской таможнѣ, при чемъ таможенный бурмистръ бралъ съ купцовъ поручную запись въ уплатѣ проѣзжихъ пошлинъ и отпускалъ безпрепятственно караванъ вверхъ по Волгѣ. По пріѣздѣ въ Москву компанейщики уплачивали пошлины и получали изъ Большой таможни выпись, которую по возвращеніи представляли въ Астраханскую таможню для уничтоженія взятой съ нихъ при отправленіи поручной записи [236]). Этотъ размѣръ и порядокъ взиманія проѣзжая армянская пошлина сохранила до самаго упраздненія привиллегіи въ 1719 году [237]).

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ втораго источника государственныхъ доходовъ—пошлинъ. Остается сказать о третьемъ и послѣднемъ—казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, доходы съ которыхъ носили общее названіе *оброчной подати*. Вся земля принадлежитъ Государю, который считается единственнымъ собственникомъ ея: такова формула, выработанная по отношенію къ русской землѣ подъ вліяніемъ начала прикрѣпленія и закрѣпощенія, начала, организовавшаго Русское государство. Безъ сомнѣнія, прямымъ слѣдствіемъ этого начала было, между прочимъ, то, что разнообразныя угодья, связанныя съ землею, непосредственно государевою или отданною Государемъ-собственникомъ въ помѣстное или вотчинное обладаніе частнымъ лицамъ, считались тоже государевыми, какъ и вся земля, и по мѣрѣ надобности фактически освоялись казною, какъ предметы, подлежащіе оброчной подати. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи, какъ уже неразъ было замѣчено, частноправовое господство московскихъ государей обращается въ государственную власть Всероссійскаго Монарха, власть, которая охватила всесторонне и проникнула во всѣхъ направленіяхъ всю территорію. Вмѣсто Государя собственникомъ земли становится государство. Частнаго права на землю нѣтъ: есть фактъ, владѣніе, и послѣдствія этого факта-пользованіе и распоряженіе, но права частной поземельной собственности нѣтъ. Этотъ коренной типъ землевладѣнія, послуживъ основою въ опре-

235) П. С. З. № 2356, 2 мая 1711 года, ст. 1, 2.

236) Этотъ порядокъ заимствованъ мною изъ дѣла по челобитной армянскихъ компанейщиковъ Степана Давыдова, Сагана Каспарова и др., на астрах. тамож. бурмистровъ Твердышева и Кузьмина, отъ 31 марта 1713 г. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 22, л. 67 и слѣд.

237) См. П. С. З. 1712 г. №№ 2490, 20 февр., 2609, 5 дек., 3022, 22 мая 1716 г., 385,6 іюн. 1719 г.

дѣленіи гражданскихъ правъ вообще, даже и въ дѣйствующемъ законодательствѣ, произвелъ смѣшеніе понятій права и факта, собственности и владѣнія [238]); въ этомъ смѣшеніи отразилась предшествующая исторія. По мѣрѣ развитія государства еще болѣе освящается институтъ оброчной подати, а по мѣрѣ увеличенія потребностей расширяется объемъ его: въ самомъ дѣлѣ, время Петра В., время чрезмѣрныхъ расходовъ, отличается, между прочимъ, и осложненіемъ оброчныхъ статей. Таковъ ходъ развитія института съ внутренней стороны его; съ внѣшней, или со стороны управленія, оброчная подать тоже отражаетъ моменты общаго государственнаго развитія. Изъ различныхъ Приказовъ [239]) въ 1704 году завѣдываніе ею объединяется въ Семеновской Приказной Палатѣ, въ центрѣ отдѣльныхъ канцелярій, по которымъ распредѣлены разныя оброчныя статьи [240]); наконецъ, власть губернаторовъ объединила управленіе ею въ Сенатѣ. Мѣстное оброчное управленіе было въ завѣдываніи воеводъ и бурмистровъ, выбиравшихъ для того особыхъ головъ и цѣловальниковъ [241]). Въ помѣщичьихъ, вотчинныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ земляхъ, а равно въ вотчинахъ св. патріарха, митрополитовъ и архіереевъ оброчными статьями завѣдывали прикащики, которые въ земляхъ монастырей и духовныхъ властей были подчинены Монастырскому Приказу [242]). Въ дворцовыхъ волостяхъ этимъ управленіемъ иногда, на правахъ прикащиковъ, или коммисаровъ, завѣдывали тѣ служилые люди, которымъ цѣлая волость поручалась въ управленіе. Такъ въ 1706 году въ дворцовой Ракомской волости, Рязанскаго уѣзда, управленіе оброчными статьями было въ рукахъ начальника всей волости, коммисара Жолобова, у котораго хранились оброчныя и укосныя книги и который былъ обязанъ по нимъ отчетностью [243]). Съ учрежденіемъ губерній губернаторы соединили въ своихъ рукахъ и эту вѣтвь мѣстнаго управленія.

Оброчныя статьи отдавались большею частью на откупъ, но иногда и управлялись на вѣрѣ: въ этомъ случаѣ казна пользовалась ими натурою. Откупа обыкновенно производились такимъ образомъ: если открывалась вакантная оброчная статья, то мѣстная администрація доводила о томъ до свѣдѣнія надлежащаго Приказа, который разсылалъ биричей по торжкамъ сзывать охотниковъ, а въ Москвѣ по воротамъ прибивались о томъ листы. Желающіе подавали челобитныя мѣстнымъ властямъ, а тѣ представляли ихъ въ Приказъ. Торги производились или на мѣстѣ, или въ Приказѣ, а послѣ 1764 года—въ надлежащей Ижорской канцеляріи; они производились обыкновенно изъ наддачи, т. е. въ томъ порядкѣ, какъ нынѣ производятся аукціоны. Въ обезпеченіе

238) Св. Зак. т. X ч. 1, ст. 420.

239) П. С. З. № *959*, 20 окт. 1682; *1544*, 11 іюля 1696 г.; *1667*, 9 январ. 1699 г. и др.

240) Idem №№ *1956*, янв. 1704 г.; *1959*, 21 янв. того же года.

241) Idem №№ *1544*, *1816*, 29 ноябр. 1700 г.; *2007*, 1 янв. 1705 г., ст. 4 и 5.

242) Idem №№ *1839*, 11 март. 1701 г., *1982* и *1983*, 30 іюн. 1704 г., *2016*, 17 янв. 1705 г., *2086*, 2 янв. 1706 г.

243) А. М. Ю. Сенатск. дѣла по Сибирск. губ. 1704—1711 г., кн. $^{3}/_{163}$ л. 40, 66, 99, 492, 562, 830—879.

исправнаго платежа оброка съ откупщика бралась поручная запись, а ему выдавалась данная. Откупъ продолжался до истеченія условнаго срока, но были примѣры, что условія нарушались со стороны казны, и угодья отдавались другимъ откупщикамъ до истеченія срока прежняго откупа, только потому, что новые откупщики давали болѣе оброка, нежели прежніе. Желая взять за себя откупъ на слѣдующій срокъ или же по истеченіи срока отказаться отъ него, откупщикъ долженъ былъ увѣдомить какъ о томъ, такъ и о другомъ за полгода до срока. Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія за просрочку въ этомъ отношеніи не полагалось никакого штрафа, а только откупщикъ признавался согласнымъ на продолженіе оброчнаго содержанія, но впослѣдствіи было признано лучшимъ взысканіе штрафа въ размѣрѣ двойной суммы годоваго оброка. Заявленія свои откупщики подавали въ формѣ челобитныхъ въ Ижорскую канцелярію, завѣдывавшую тѣмъ или другимъ угодьемъ, прямо или черезъ воеводу. Въ послѣднемъ случаѣ штрафъ за просрочку взыскивался съ воеводы, если просрочка была по его винѣ. [244])

По введеніи въ дѣйствіе областныхъ учрежденій 1708 года губернаторы сдѣлались мѣстными начальниками оброчнаго управленія: они разрѣшаютъ вопросы объ отдачѣ угодій на откупное содержаніе [245]), еслиже угодье отдано на оброкъ Сенатомъ, то объ этомъ подлежащаго губернатора увѣдомляли указомъ [246]). Въ сущности порядокъ управленія не потерпѣлъ измѣненій. Наконецъ, въ 1719 году — при измѣненіи всей администраціи по сборамъ вообще — оброчное управленіе раздѣлилось между земскимъ коммиссаромъ, дѣйствительнымъ сборщикомъ, и камериромъ, которому вмѣстѣ съ губернаторомъ и мѣстнымъ воеводою порученъ былъ высшій надзоръ за производствомъ сборовъ. [247])

Изъ предъидущаго обозрѣнія источниковъ доходовъ явствуетъ, что обиліе ихъ не только не уменьшилось сравнительно съ XVII вѣкомъ, но еще и увеличилось. Основанія финансовой системы остались прежнія, и подати различались по назначенію расходовъ, т. е. были отдѣльные случаи податей, не сведенные въ общую идею. Ясно, что въ этомъ отсутствіи обобщенія отдѣльныхъ фактовъ сильно сказываются прежнія частноправовыя отношенія правительства къ народу. Усиленіе государства при Петрѣ В. и тѣ случайныя причины, которыя длились почти безъ перерыва въ это царствованіе, увеличили государственныя потребности, а централизація областнаго управленія придала имъ силу, подавляющую всякія частныя нужды и потребности. Такимъ образомъ частноправовыя начала смѣшались съ государственными, и это смѣшеніе всего замѣтнѣе было въ финансовой системѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что финансовыя дѣла области, будучи подчинены безраздѣльно губернаторамъ, полу-

244) См. обо всемъ, здѣсь сказанномъ, Полн. Собр. Закон. №№ 1544, 1839, 1956, 2222, ст. 1 и 2. Писцовый нак. 1684 год., ст. 38.

245) П. С. З. № 2562, 4 авг. 1712 г.

246) Idem № 2820, 3 іюн. 1714 года.

247) Инструкція земскому камериру янв. 1719 года, ст. 13 (П. С. З. № 3295).

чили типъ исключительно прибыльщичій: если само правительство, какъ мы видѣли, иногда давало прибыльщику рангъ губернатора, то, съ другой стороны, губернаторы всюду въ силу самой необходимости относительно финансоваго управленія дѣйствовали какъ прибыльщики. Дѣйствительно, нѣкоторые губернаторы, стараясь получить благоволеніе Государя, въ первые же годы своего управленія достигли результатовъ довольно важныхъ. Таковы были: архангелогородскій губернаторъ, кн. Голицынъ, предмѣстникъ Курбатова: онъ на ярмаркѣ 1710 года увеличилъ прибыль на 829 золотыхъ, 60 тысячъ ефимковъ и 40 тысячъ мелкихъ денегъ [248]); петербургскій—кн. Меншиковъ, который въ 1712 году прибавилъ къ доходу своей губерніи 72, 000 р.,—сумма, еще увеличившаяся впослѣдствіи [249]), и казанскій — Апраксинъ, который въ 1710 году сдѣлалъ тоже на 182,805 р. 11 алт. 3 деньги [250]). Но главная заслуга названныхъ лицъ состояла въ томъ, что они, судя по ихъ увѣреніямъ въ оффиціальныхъ докладахъ Сенату, увеличивали казенную прибыль безъ отягощенія народа: они для этого не накладывали лишнихъ податей, не вымогали иными какими-либо средствами у народа денегъ, а достигли такихъ похвальныхъ результатовъ единственно благодаря своему благоразумію, смотрѣнію и неусыпнымъ заботамъ о пользѣ государства. Поступки ихъ были достойны подражанія, но другіе губернаторы, соревнуя имъ, по всей вѣроятности увлеклись и стали отягощать народъ излишними поборами: по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи не разъ встрѣчается воспрещеніе губернаторамъ налагать на народъ подати безъ Сенатскаго вѣдома [251]). Вмѣстѣ съ этимъ, ограничивая своеволіе губернаторовъ, правительство не только рекомендовало имъ политику Голицына, Меншикова и Апраксина, но и угрожало штрафами за нерадѣніе (idem). Мало этого: кромѣ общихъ предписаній объ увеличеніи доходовъ, отъ губернаторовъ иногда прямо требовали отчетовъ, отчего при ихъ управленіи не было казенной прибыли. Такой запросъ былъ сдѣланъ въ 1715 году казанскому губернатору Салтыкову. Переписка по этому поводу чрезвычайно интересна и важна въ томъ отношеніи, что раскрываетъ истинное значеніе губернаторской власти въ финансовыхъ дѣлахъ и характеръ отношеній ея къ послѣднимъ: отсюда легко убѣдиться, что Апраксинъ поступалъ какъ прибыльщикъ, употребляя всѣ средства для достиженія цѣли. Отъ Апраксина, бывшаго въ 1715 году уже сенаторомъ, были затребованы свѣдѣнія о сдѣланномъ имъ *приборѣ*, что было необходимо какъ для узнанія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ, такъ и для нагляднаго примѣра Салтыкову. Изъ этихъ свѣдѣній мы видимъ, что значительная цифра *прибора* (болѣе 60,000 р.) зависѣла отъ положенія въ окладъ новыхъ ясаковъ, которые прежде не платили дани; съ этою цѣлью Апраксинъ ѣздилъ по губерніи самъ и посылалъ ландрихтера Кузмина-Короваева. Вторая, по значительности, цифра получена

248) А. М. Ю. Сенатск. дѣла кн. 5, л. 93 и слѣд.
249) Idem кн. 15, л. 80 и слѣд. П. С. З. №№ 2467, ст. 10, 2881.
250) А. М. Ю. Сенатск. дѣла кн. 99, л. 716 и слѣд.
251) П. С. З. №№ 2467, I, ст. 10, II, ст. 26, 2876 и другіе.

была отъ увеличенія таможенныхъ и питейныхъ сборовъ (болѣе 50,000 р). Собственноокладные доходы были увеличены на 50,000 р., а остальной приборъ былъ сдѣланъ мѣрами, особенно характеризующими губернаторскую власть того времени: во 1-хъ, Апраксинъ принуждалъ ясашниковъ къ куренію табака, для чего и ввелъ раздачу послѣдняго по 2 фунта на ясакъ, отчего, какъ мы видѣли выше, получилась солидная прибыль; во 2-хъ, онъ, своею властью, замѣнилъ прежнее взиманіе съ ясаковъ конскихъ пошлинъ опредѣленнымъ окладомъ. Отсюда явствуетъ, на сколько финансовой власти губернаторовъ былъ присущъ характеръ прибыльщичества и насколько широка, по объему и значенію, была эта власть. Между тѣмъ объясненія Салтыкова по этому поводу разоблачаютъ то, что мѣры Апраксина были приведены въ исполненіе не безъ тягости народу и что выгода оказалась лишь временною, державшеюся только на авторитетѣ Апраксина: въ то время, когда онъ уже былъ переведенъ, а Салтыковъ не вступалъ еще въ должность, большинство ясаковъ разбѣжались; на этомъ основаніи Салтыковъ и представилъ Сенату о невозможности слѣдовать примѣру Апраксина. Однако, не смотря на это, Сенатъ предписалъ, чтобы прибыль, сдѣланная въ 1710 году, была ежегодно прибавляема къ казанскимъ доходамъ. И такъ смѣшеніе государственныхъ началъ съ началами частноправоваго господства Московскихъ государей, окончательно выразившимися въ теченіи XVII вѣка,—въ сферѣ областнаго финансоваго управленія породило идею прибыльщичества. Но общія соображенія, указывая на фактъ, невполнѣ объясняютъ его: для этого необходимо обратиться къ подробностямъ, которыя наглядно доказали бы справедливость нашего положенія, — необходимо фактами доказать необходимость губернатора-прибыльщика. Юное государство въ началѣ XVIII вѣка находилось при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ необходимы были финансовыя средства во что бы то ни стало. Это была государственная необходимость, передъ которой должны были отступить всѣ частные интересы и нужды; насколько сильна была эта необходимость, настолько ясенъ для насъ прибыльщичій характеръ губернаторской финансовой власти, ибо обыкновенныя средства для достиженія государственныхъ цѣлей черпаются не изъ безграничнаго источника, а мѣры чрезвычайныя должны быть измышляемы благоразумными и безкорыстными, насколько возможно, правителями областей, въ районахъ которыхъ сосредоточены всѣ источники государственнаго богатства; при этомъ ясно, что типомъ такихъ правителей въ началѣ XVIII вѣка былъ губернаторъ-прибыльщикъ. Само собою разумѣется, что для подкрѣпленія доказательствами нашего положенія необходимо обратиться къ подробностямъ, изслѣдовать существо государственныхъ расходовъ, производимыхъ на губернскія средства, и отношеніе ихъ къ доходамъ того времени. Это изслѣдованіе, съ другой стороны, не только полезно, но и необходимо для полнаго очертанія отношеній государства къ области въ сферѣ финансоваго управленія.

Разсматривая тѣ данныя о доходахъ и расходахъ губерній, которыя намъ удалось добыть, мы видимъ, что, во 1-хъ, доходы, въ началѣ періода, т. е. тотчасъ по введеніи въ дѣйствіе губернскихъ учрежденій 1708 года, покрывали

расходы въ каждой отдѣльной губерніи; напротивъ, впослѣдствіи ихъ недостаетъ на покрытіе расходовъ, и такое соотношеніе доходовъ и расходовъ увеличивается въ ходѣ разсматриваемаго нами періода. Причины такого явленія, какъ очевидно на основаніи тѣхъ фактовъ, которые будутъ приведены ниже, заключаются, съ одной стороны, въ уменьшеніи самыхъ доходовъ, такъ какъ стремленіемъ правительства, выразившимся въ началѣ 1711 года, было увеличивать казну, выдѣляя изъ общей суммы губернскаго дохода болѣе или менѣе значительную часть и оставляя только на такіе расходы, которые считались необходимыми для государства [252]), а съ другой стороны, — въ увеличеніи расходовъ какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ. Вычисленное въ мартѣ 1713 года соотношеніе доходовъ и расходовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на 1710 годъ было дѣйствительно таково, что первые (доходы) преобладали надъ вторыми (расходами): такъ, въ Кіевской губ. доходъ превышалъ расходъ на 133,607 р. 13 алт. 2 деньги, въ Смоленской — на 27.907 р. 19 алт. 3 деньги, въ Архангелогородской — на 100,308 р. 14 алт. 1 ден., въ Казанской на 305,000 р. 13 алтынъ [253]); наконецъ, въ Сибирской губ. — болѣе, чѣмъ на 600,000 р. [254]) Но всѣ губернскіе доходы, показанные за 1710 годъ, были значительно уменьшены въ росписаніи на 1711 годъ, т. е. значительная ихъ часть была изъята въ казну непосредственно. Для подтвержденія сравнимъ доходы перечисленныхъ губерній за 1710 и 1711 годы:

Кіевская губ.		Смоленская губ.		Архангелогородская губ.		Казанская губ.		Сибирская губ.	
1710	1711	1710	1711 г	1710 о	1711 д	1710 ы.	1711 *	1710	1711 **
235.285 р. 20 а. 2 д.	114.587 р.	113.165 р. 10 а. 4 д.	83.258 р.	497.969 р. 18 а. $5^{x}/_{2}$ д.	374.276 р.	932.045 р. 28 а. $1^{x}/_{2}$ д. и 1791 золотой	600.000 р.	655.169 р. 3 а. 2 д.	222.030 р

Не смотря, однако, на такое уменьшеніе доходовъ расходы въ началѣ 1711 г. еще не превышали ихъ, но уже въ росписаніи, составленномъ въ Ближней Кан-

252) Пункты 2 марта 1711 года А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 5, л. 1021 и слѣд., кн. 37, л. 454—925, кн. 63, л. 212 и слѣд. Полн. Собр. Закон. № 2330 (пункты 2 марта 1711 г.), 2348, 13 апр. 1711 года.

253) Табель Счетной Канцел. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 37, л. 454 и слѣд.

254) Idem и кн. 17, л. 44, 46 и слѣд. Доношеніе Сенату отъ начальника Счетной Канцел., кн. Вадбольскаго, отъ 15 дек. 1712 г., и Сенатск. ук. 27 апр. 1713 г.

*) Данная относительно всѣхъ пяти губерній на 1711 годъ главнымъ образомъ заимствованы изъ Табели 1711 г. (П. Собр. Закон. № 2319)

**) Цифры Полнаго Собр. Закон. относительно Кіевской и Сибирской губерній подтверждаются табелями, находящимися въ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ подлинныхъ Сенатскихъ дѣлахъ: для Кіевской губ. см. кн. 14, л. 1052, а для Сибирской кн. 19, л. 167 и слѣд.

целяріи 7 февраля этого года, въ которомъ губернскіе расходы были опредѣлены, по количеству дворовъ въ каждой губерніи, въ шести губерніяхъ (С.-Петербургской, Кіевской, Архангелогородской, Смоленской, Азовской и Сибирской. См. табель 1711 г. стр. 624, прав. столб. и слѣд.), расходы превышаютъ доходы; только въ двухъ, Московской и Казанской, соотношеніе доходовъ и расходовъ осталось прежнее. Изъ этихъ остатковъ велѣно было покрывать недочеты прочихъ губерній и, при этомъ, остатокъ Казанской губерніи былъ весь потраченъ на вспомогательную сумму, которую эта губернія должна была выплатить и которая была равна 152,442 р., чему былъ равенъ и остатокъ (ibid. стр. 625, прав. ст.); въ одной Московской губ., за издержками на другія губерніи, оставалась еще сумма болѣе 18,000 рубл. (idem), но вскорѣ затѣмъ, а именно въ 1712 г., расходъ Московской губ. увеличился настолько, что превысилъ даже увеличившійся сравнительно доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1711 году средняя цифра дохода этой губерніи была вычислена въ 1,140,097 р., въ 1712 г., за вычетомъ въ казну, она простиралась до 1,159,616 р., но, не смотря на это, расходъ этого года превысилъ доходъ на 68,766 р. [255]) Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ такое соотношеніе всюду возрастало: было и исключеніе. Если сравнимъ цифры С.-Петербургской губ. за 1711 и 1713 годы, то увидимъ, что въ этой губерніи съ увеличеніемъ дохода уменьшилось отношеніе дохода и расхода. Въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ 1711 года равнялся 128,179 р., а въ 1713 году онъ сдѣлался равенъ 23,357 р. [256]), тогда какъ изъ предъидущаго извѣстно, что въ 1712 году, стараніями кн. Меншикова, Петербургскій доходъ значительно увеличился. Но подобное исключеніе есть вообще явленіе довольно рѣдкое, и, объясняясь особымъ положеніемъ С.-Петербургской губерніи, какъ вновь населяемой, устрояемой и пограничной, можетъ служить лишь большимъ подтвержденіемъ общаго правила, т. е. увеличеніе расходовъ сравнительно съ доходами въ изслѣдуемое время.

Во 2-хъ, расходы, на которые назначались губернскіе доходы, были удовлетвореніемъ потребностей, исключительно государственныхъ: всѣ они сводились на расходы по управленію и на расходы по содержанію тѣхъ учрежденій и лицъ, которыя почему либо получали субсидіи отъ государства. Губернія, какъ уже сказано выше, живя исключительно для государства, внутреннихъ, земскихъ потребностей какъ бы не имѣла: вслѣдствіе этого раздѣленіе губернскихъ доходовъ на внутренніе и внѣшніе было бы чисто формальнымъ, ибо, по существу, всѣ расходы были внѣшними. При послѣдующемъ изложеніи мы различимъ расходы для высшихъ правительственныхъ мѣстъ и расходы на содержаніе органовъ областнаго управленія и иныхъ мѣстныхъ учрежденій и лицъ. Первые были общими для всѣхъ губерній, а вторые—частными, для каждой губерніи особо. Расходы для высшихъ правительственныхъ мѣстъ были распредѣлены между слѣдующими четырьмя Приказами: Посольскимъ, подъ вѣдѣніемъ

255) Ср. таб. 1711 г., стр. 621, прав. ст., и А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 14, л. 1016 и слѣд.

256) Ср. таб. 1711 г. стр. 625, лѣв. ст., и А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 15, л. 80 и слѣд.

котораго были соединены Малороссійскій и Аптекарскій, Адмиралтействомъ, Артиллеріею и Военнымъ Приказомъ. Дѣйствительно, эти четыре Приказа олицетворяли въ себѣ всѣ главныя вѣтви государственнаго управленія, соединявшіяся, какъ въ общемъ средоточіи, въ Сенатѣ; функціи ихъ, кромѣ того, были для Россіи потребностями времени, на удовлетвореніе которыхъ было обращено особое вниманіе Петра В.: войско, флотъ и международныя сношенія были главнѣйшими двигателями всего управленія, опредѣляли дѣятельность его, а имъ, въ свою очередь, особое значеніе придавала великая война съ великою силою. Послѣднее обстоятельство до такой степени поглощало умъ Петра В., что онъ на увеличеніе дохода казны смотрѣлъ исключительно съ этой точки зрѣнія, придавая ему важное значеніе исключительно потому, что «деньги суть артеріею войны» [257]). И такъ, война, фактъ случайный и давшій своеобразный типъ управленію при Петрѣ В., опредѣляетъ главныя потребности государства: въ сухопутномъ войскѣ, флотѣ и правильныхъ международныхъ сношеніяхъ, при чемъ каждая изъ этихъ статей или была установлена, или же получила болѣе правильности въ своей организаціи при Петрѣ В., а удовлетвореніе этихъ потребностей опредѣляетъ, въ свою очередь, главныя направленія, въ которыхъ расходовались государственные доходы. Отсюда само собою разумѣется, что всѣ остальныя статьи управленія, какъ бы онѣ ни были важны при нормальномъ развитіи государства, въ данномъ случаѣ должны были уступить мѣсто названнымъ потребностямъ; расходы на нихъ должны были производиться или изъ остатковъ, или изъ какихъ либо иныхъ источниковъ, время отъ времени указываемыхъ правительствомъ; частью же потребности эти вовсе не удовлетворялись, уступая закону необходимости, по которому одни элементы государственной жизни въ своемъ развитіи получали значеніе преобладающихъ надъ всѣми другими.

Расходы въ указанныя три мѣста были табельными и, притомъ, они были особенно предусмотрѣны табелью 1710 года; въ томъ же году было прямо выражено то начало, что удовлетвореніе этихъ потребностей составляетъ главнѣйшую обязанность областныхъ начальствъ, обязанность, которую они должны были исполнять прежде, нежели заботиться объ удовлетвореніи какихъ либо иныхъ потребностей (Полн. Собр. Закон. № 2250).

Но, не смотря на такое значеніе этихъ потребностей, не всѣ губерніи расходовали на нихъ свои доходы: были губерніи, избавленныя отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Къ исключеніямъ въ данномъ случаѣ принадлежатъ С.-Петербургская, Кіевская и Азовская губерніи. Мы не разъ уже объясняли выше, что эти губерніи, какъ пограничныя и находившіяся при особыхъ обстоятельствахъ, постоянно щадились правительствомъ при распредѣленіи общихъ тягостей. Эту же постоянную и, безъ сомнѣнія, разумно мотивированную пощаду должно считать главною причиною исключенія и въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, Азов-

257) Полн. Собр. Закон. №№ 2330, 2349 и др.; это выраженіе встрѣчается также во многихъ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ, если къ нимъ приложена подлинная переписка Государя съ Сенатомъ, какъ въ книгахъ 1 и 2.

ская губ. много тратила для кораблестроенія на своей верфи. Всѣ остальныя губерніи были обязаны ежегодными расходами на означенныя потребности. Эти расходы производились обыкновенно посредствомъ разновременной уплаты по извѣстнымъ срокамъ въ подлежащіе Приказы окладной суммы; платежи поступали туда черезъ губернскія коммиссарскія канцеляріи, находившіяся при Сенатѣ [258]). Срокъ уплаты былъ первоначально установленъ по третямъ года, отчего и самые платежи, или, какъ они называются на дѣловомъ языкѣ того времени, *дачи*, называются *третными*, но впослѣдствіи неисправности въ ихъ производствѣ заставили правительство прибавить къ трети лишній мѣсяцъ, имѣвшій значеніе льготнаго. Однако, мѣра эта, какъ вскорѣ оказалось, не принесла ожидаемой пользы, ибо «конечнаго исправленія» въ платежахъ не было; напротивъ, эта мѣра замедляла платежи на цѣлый мѣсяцъ, отчего происходилъ безпорядокъ въ самой дѣятельности означенныхъ Приказовъ. Вслѣдствіе этого, пятый, льготный мѣсяцъ вскорѣ былъ отмѣненъ, и губернаторамъ было подтверждено, чтобы они высылали третныя дачи въ четыре мѣсяца окончательно [259]).

Таково происхожденіе и значеніе губернскихъ расходовъ по общегосударственному управленію. Но сказаннаго еще недостаточно для показанія дѣйствительнаго значенія ихъ въ смѣтѣ губернскихъ расходовъ и ихъ отношенія къ доходамъ. Для этого надобно снова обратиться къ цифрамъ, какія можно было добыть изъ источниковъ касательно даннаго предмета. Прежде всего цифры эти доказываютъ преобладаніе третныхъ платежей надъ всѣми иными расходами. Въ самомъ дѣлѣ, средній доходъ, получавшійся со всѣхъ губерній и вычисленный по табелямъ, поданнымъ губернаторами въ началѣ 1710 года въ Ближнюю Канцелярію, равнялся 3,016,590 р. [260]), цифра, оставававшаяся постоянно вѣрною, если не принимать въ соображеніе нѣкоторыхъ, т. е. лишнихъ налоговъ единовременныхъ, которые были выраженіемъ того же закона необходимости, господствовавшаго во всей государственной жизни того времени, и могутъ быть не принимаемы въ расчетъ при обобщеніи, представляя случайныя отклоненія отъ нормы [261]). Что же

---

258) Это видно изъ слѣдующаго примѣра: въ 1718 году казанскій и нижегородскій коммиссаръ Тимашевъ донесъ Сенату о недосылкѣ означенныхъ платежей изъ Нижегородск. губ. (А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 99, л. 957 и слѣд.) Кромѣ того, это видно изъ примѣровъ, довольно нерѣдкихъ въ то время, когда личность была плохо ограждена отъ несправедливостей и произвола. Я разумѣю случаи, когда сенатскіе коммиссары ставились на правежъ въ тѣхъ Приказахъ, въ которые были не высланы и не досланы деньги изъ ихъ губерній. Факты см. у Петровскаго, *О Сенатѣ и пр.* стр. 90 и слѣд.

259) Обо всемъ, здѣсь сказанномъ, см. Полн. Собр. Закон. №№ 2250, 2313, 2777, 3084, 3353, а равно и А. М. Ю. Сен. дѣла по Кіевской губ. кн. $^{2}/_{11_2}$, л. 27, 99 и слѣд.

260) Полн. Собр. Зак. № 2247, 27 янв. 1710 года.

261) Случайности, наиболѣе вліявшія на увеличеніе средней цифры губернскихъ доходовъ, были, безъ сомнѣнія, *губернаторскіе приборы*, но, во 1-хъ, они, какъ показываютъ акты, не смотря на принужденія правительства, были сравнительно рѣдки, и во 2-хъ, значеніе этого фактора умѣряется объясненнымъ выше стремленіемъ правительства *уменьшать доходы* т. е. изымать болѣе или менѣе значительную часть ихъ прямо въ казну. Между тѣмъ, эти случайности были самыя значительныя, ибо приборы были не на одинъ только годъ, а и на всѣ послѣдующіе; что же касается до другихъ увеличеній, то они имѣли временный характеръ, а по-

касается до третныхъ платежей, то они, какъ уже видно было выше и какъ будетъ видно далѣе, съ теченіемъ времени увеличивались, но для болѣе рѣзкаго сопоставленія возьмемъ общую цифру этихъ платежей, опредѣленную въ табели 1710 года и оставшуюся безъ измѣненія при составленіи табели 19 февраля 1711 года. Она равнялась 2,965,006 р., что составитъ болѣе $^2/_3$ средняго губернскаго дохода: на удовлетвореніе всѣхъ иныхъ потребностей оставалось только 51,584 р. [262]). Такой остатокъ самъ по себѣ, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, ясно свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что третные платежи преобладали надъ всѣми иными расходами, такъ и о томъ, что нѣкоторыя потребности, не считавшіяся государствомъ особенно важными, должны были остаться вовсе безъ удовлетворенія или удовлетворяться лишь отчасти.

Обращаясь къ подробностямъ, мы замѣчаемъ вліяніе того же начала, рѣдко нарушавшееся: третные платежи съ теченіемъ времени увеличиваются на довольно значительную сумму. На это особенно указываютъ имѣющіяся у насъ данныя относительно платежей въ Посольскій Приказъ. Въ 1712 году общая ихъ сумма была увеличена на 10,198 руб. (Полн. Собр. Зак. № 2525). Эта прибавка, за рѣдкими исключеніями, существовала во всѣ послѣдующіе годы: только въ одной Московской губерніи сумма платежа на посольскіе и иные подвѣдомственные этому Приказу расходы въ росписаніи 1714 года уменьшена даже сравнительно съ цифрою 1711 года [263]). Причина этого неизвѣстна, равномѣрно неизвѣстно, какъ долго существовало это уменьшеніе платежа, но относительно послѣдняго, исходя изъ общаго духа правительственныхъ мѣропріятій въ этой сферѣ, разоблаченнаго столь многочисленными фактами, необходимо предположить, что какъ бы ни была важна причина, заставившая правительство сдѣлать такое исключеніе, послѣднее не могло быть продолжительнымъ, а тѣмъ болѣе установленнымъ навсегда: оно было, безъ сомнѣнія, яв-

---

тому при обобщеніи могутъ быть опущены безъ чувствительнаго урона истинѣ. Съ другой стороны, изъятія извѣстной части доходовъ въ казну, безъ сомнѣнія, не касались интересовъ, преслѣдованіе которыхъ было для правительства важно на столько, на сколько важны были правильность и постоянство третныхъ платежей. Эта мысль оправдывается на фактѣ при внимательномъ разсмотрѣніи документовъ какъ выше приведенныхъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ приведены въ послѣдующемъ изложеніи.

262) Для устраненія всѣхъ недоразумѣній, со стороны читателя, по поводу этой послѣдней цифры, считаемъ не лишнимъ объясниться. Нѣсколько выше, вычисляя соотношеніе доходовъ и расходовъ въ 1711 году, мы сказали, что цифра остатка на все государство равнялась лишь 18,000 р.; здѣсь же показанная нами цифра значительно превышаетъ прежнюю, хотя и въ первый разсчетъ, какъ и во второй, не входили *особые* губернскіе расходы. Но это кажущееся противорѣчіе: оно произошло въ слѣдствіе того, что въ первомъ случаѣ въ нашъ разсчетъ вошли всѣ статьи, показанныя въ табели 19 февр. 1711 года, здѣсь же мы приняли въ разсчетъ одни третные платежи.

263) „На положенныя окладныя дачи надлежитъ взять въ Государственной Посолской Приказъ съ Московской губерніи на нынѣшней 714 годъ, въ первую треть, 22,807 рублевъ". Вѣдѣніе изъ Посольскаго прик. въ Сенатъ отъ 28 мая 1714 г. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 37 л. 1—6. Если треть опредѣлена въ 22,807 р., то цѣлая годовая дача 68.421 р. Ср. эту цифру съ цифрами таблицъ, которыя приведены будутъ ниже.

леніемъ временнымъ, не оказавшимъ особаго вліянія на общее соотношеніе доходовъ и расходовъ. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ суммы платежей, увеличась въ 1712 году, представляютъ за нѣсколько извѣстныхъ намъ лѣтъ, а въ томъ числѣ и за 1714 годъ, такую абсолютную правильность, что вліяніе общаго начала не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Цифры, которыя будутъ приведены въ слѣдующихъ таблицахъ, наглядно удостовѣрятъ читателя въ справедливости сказаннаго. Сравненіе послѣдующихъ платежей съ платежами 1711 года покажетъ чѣмъ увеличились они отъ сдѣланной прибавки, а сравненіе ихъ въ различныя изъ послѣдующихъ лѣтъ послужитъ наглядпымъ доказательствомъ правильности цифръ въ ежегодныхъ росписаніяхъ расходовъ этой статьи по губерніямъ.

Въ 1711 году цифры платежей въ Посольскій Приказъ изъ пяти губерній, на которыхъ лежала обязанность ихъ производства, были таковы:

Московская губ.	Смоленская губ.	Архангело-городская губ.	Казанская губ.	Сибирская губ.
72,615 р.	2,127 р.	27,339 р.	32,937 р.	13,012 р.

[264]);

въ 1712 году цифры эти, вслѣдствіе упомянутой выше прибавки, увеличились въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Московская губ.	Смоленская губ.	Архангело-городская губ.	Казанская губ.	Сибирская губ.
77,421 р.	2,478 р.	28,916 р. 16 а. 4 д.	35,465 р. 16 а. 4 д.	13,948 р.

[265])

Послѣднія цифры остались въ 1713 г. [266]) и, за исключеніемъ Московской губ., въ 1714 [267]) году.

Обратимся теперь къ платежамъ въ Военный Приказъ: и здѣсь увидимъ повтореніе того же явленія. Но прежде всего необходимо уяснить самое понятіе этихъ платежей. Военный Приказъ, какъ извѣстно, былъ главнымъ средоточіемъ военнаго управленія Россіи; отсюда само собою разумѣется, что платежи въ него изъ губерній предназначались на расходы по этой отрасли управленія.

264) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 9, л. 389. Полн. Собр. Закон. № 2319.

265) См. копію съ письма гр. Головкина Сенату отъ 4 дек. 1712 г. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 20, л. 285 и слѣд.

266) Доношеніе изъ Посольскаго Прик. отъ 6 ноябр. 1713 г. и сен. указъ 2 дек. того же года, ibid. кн. 29, л. 21 и слѣд. Вѣдѣніе 28 мая 1714 г. (См. прим. 263.)

267) Вѣдѣніе 28 мая.

Терминъ „дачи Воинскаго Приказа“ имѣлъ общее значеніе, не смотря на то, что лишь часть всѣхъ этихъ дачъ поступала въ Военный Приказъ непосредственно, а часть вносилась въ подчиненныя ему учрежденія и расходовалась въ нихъ, не восходя въ Приказъ, такъ что терминъ этотъ обозначалъ лишь вѣдомство тѣхъ дѣлъ, на расходы по которымъ вносились платежи, а не порядокъ поступленія ихъ. Такимъ образомъ, въ составъ этихъ послѣднихъ входили: содержаніе армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, положенныхъ на губерніи въ 1710 году, а извѣстно, что суммы, назначенныя для этого, не восходили въ Военный Приказъ, а поступали прямо въ полковыя и комендантскія канцеляріи; содержаніе генералитета или генеральнаго штаба, деньги на построеніе мундировъ и аммуниціи, которыя уже прямо поступали въ Военный Приказъ и назывались *вычетными*, такъ какъ онѣ вычитались изъ жалованья нижнихъ воинскихъ чиновъ, и т. п. Иногда къ платежамъ Военнаго Приказа причислялись такіе, которые хотя и касались военнаго вѣдомства, но шли въ иные Приказы, не подчиненные Военному: такъ, въ составѣ ихъ встрѣчаются иногда платежи въ Оружейную Палату за высылаемое въ полки вооруженіе, въ Аптекарскій Приказъ за медикаменты и иные. Изъ сказаннаго ясно, что отъ платежей Военнаго Приказа не была избавлена ни одна губернія, ибо извѣстно, что въ расположеніе табельныхъ полковъ и гарнизоновъ вошли всѣ губерніи, при чемъ пощада, оказываемая правительствомъ нѣкоторымъ изъ нихъ, выразилась лишь въ относительныхъ льготахъ. При такой всеобщности начало, замѣченное нами въ соотношеніи доходовъ и расходахъ, должно прилагаться еще шире, сдѣлаться еще замѣтнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, данный касательно этого предмета, хотя ихъ очень немного, представляютъ убѣдительныя доказательства приложимости этого начала. Платежи Военнаго Приказа, какъ показываютъ эти данныя, съ 1710 года увеличиваются, и это увеличеніе—хотя непослѣдовательно и неповсемѣстно,—можно прослѣдить до 1718 года. Съ другой стороны, и здѣсь, какъ и въ предъидущей статьѣ, это начало подвергалось исключеніямъ: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эти платежи съ 1710 года уменьшились, при чемъ уменьшеніе это вошло въ табель 19 февраля 1711 года и, слѣдственно, получило значеніе постояннаго закона. Губерніи эти суть Московская и Казанская. Онѣ были, какъ извѣстно изъ предъидущаго, самыя богатыя, но также извѣстно, что остатки ихъ шли на покрытіе недостатковъ остальныхъ губерній: въ этомъ, какъ кажется, и слѣдуетъ искать причину такого, на первый взглядъ, страннаго исключенія. Соотношеніе доходовъ и расходовъ было такъ строго вычислено и такъ сообразно съ необходимостью, что содержаніе главныхъ статей управленія было совершенно обезпечено, при чемъ остатки однихъ губерній должны были идти на восполненіе недостатковъ другихъ: безъ этого правильность была бы нарушена, и недостатки, которые все таки существовали бы, особливо при возрастающихъ потребностяхъ, не могли бы восполняться и, такимъ образомъ, составили бы пробѣлъ, чрезвычайно чувствительный въ управленіи. Восполненіе этихъ недостатковъ и было возложено на двѣ самыя богатыя губерніи, которыя, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, все таки содержали такое количество полковъ, которое соотвѣтствовало ихъ силамъ. Впрочемъ, не смотря на законъ, въ послѣдствіи и эти губерніи, какъ увидимъ ниже, не ускользнули отъ увеличенія разсматриваемыхъ платежей: быстрая смѣна законовъ того времени, нерѣдкія отмѣны ихъ простыми распоряженіями, есть явленіе, не только не подверженное никакому сомнѣнію, но даже логически—необходимое въ то время. Но для насъ здѣсь важно именно то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ измѣненіе прежняго закона совершено было въ интересахъ того начала финансовой системы, которое нами выставлено, какъ типическое.

И такъ, платежи Военнаго Приказа—также, какъ и предъидущіе—съ теченіемъ времени увеличиваются; исключенія дѣлаются лишь въ виду сохраненія правильности въ соотношеніи губернскихъ доходовъ и расходовъ, но эти исключенія, уступая возрастающимъ потребностямъ, вскорѣ начинаютъ исчезать. Потвердимъ сказанное цифрами. Изъ общаго перечня, на основаніи вышесказаннаго, пока исключимъ Московскую и Казанскую губерніи; въ остальныхъ шести губерніяхъ получимъ слѣдующія цифры платежей за 1710 годъ:

С.-Петербургская губ.	Кіевская губ.	Смоленская губ.	Архангелогородская губ.	Азовская губ.	Сибирская губ.
400,632 р. (*)	112,931 р.	74,131 р.	267,546 р.	72,361 р.	84,003 р. [268]

Въ этомъ году въ составъ платежей Военнаго Приказа входило лишь содержаніе полковъ и генералитета. Табель 19 февраля 1711 года, не измѣнивъ состава платежей, увеличила ихъ суммы на каждую изъ приведенныхъ шести губерній, а именно:

С.-Петербургская губ.	Кіевская губ.	Смоленская губ.	Архангелогородская губ.	Азовская губ.	Сибирская губ.
464,806 р.	136,103 р.	141,484 р.	269,708 р.	118,704 р.	126,024 р. [269]

* Цифра, поставленная нами въ этой графѣ, несогласна съ напечатанною въ Полномъ Собраніи Законовъ, гдѣ сумма всѣхъ платежей Военнаго Приказа изъ этой губерніи вычислена равною 480,677 р., но кто возьметъ на себя трудъ внимательно просмотрѣть самое вычисленіе и, такимъ образомъ, повѣрить результатъ его, тотъ увидитъ, что мы правы. Для желающихъ дѣлаемъ подробную ссылку: *т. IV, стр. 622, львый столбецъ и слѣд.*

268) Полн. Собр. Закон. № 2319, стр. 621 и слѣд.

269) Ibid. стр. 621 и слѣд.

Сличивъ эти двѣ таблицы, всякій увидитъ, какое рѣзкое измѣненіе произошло въ окладѣ. Само собою разумѣется, что причинами этого было, съ одной стороны, увеличеніе комплектовъ, необходимое при устройствѣ регулярнаго войска, а съ другой—то, что въ 1711 году было произведено окончательное распредѣленіе полковъ, изъ которыхъ иные до этихъ поръ были на содержаніи разныхъ учрежденій и лицъ, а въ этомъ году были возложены на губерніи [270]). Только двѣ губерніи, какъ уже сказано было выше, были облегчены въ этомъ отношеніи, а именно: по табели 1710 года платежъ Военнаго Приказа изъ Московской губерніи равнялся 684,270 р., а въ 1711 г. онъ былъ опредѣленъ въ 621,727 р.; въ Казанской губ. въ 1710 году онъ равнялся 465,249 р., а въ 1711 году 313,853 р. (idem). Къ 1713 году увеличился штатъ генералитета; вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и содержаніе его. По табелямъ 1710 и 1711 годовъ содержаніе этой статьи было возложено на одну Московскую губернію и равнялось 91,090 р.; въ 1713 году оно было возложено на всѣ губерніи, при чемъ окладъ прежнихъ лѣтъ былъ увеличенъ для Московской губ. Цифры окладовъ были слѣдующія:

Московская губ.	95,984 р. 2 а. 4 д.	Кіевская губ.	960 р.
С.-Петербургская губ.	1,999 р. 6 а. 4 д.	Смоленская губ.	1,311 р. 12 а.
Казанская губ.	3,310 р. 18 а. 4 д.	Азовская губ.	480 р.
Архангелогородская губ.	1,384 р. 5 а. 2 д.	Сибирская губ.	1,103 р. 17 а. 2 д. [271])

Послѣднее данное, на которое необходимо обратить вниманіе читателя, относится къ одной Кіевской губ. и, при томъ, за одинъ 1717 г., но оно имѣетъ интересъ какъ потому, что относится къ одному изъ послѣднихъ годовъ изслѣдуемаго періода и, слѣдственно, можетъ подтвердить ту мысль, что расходы увеличивались во все время его, такъ и потому, что оно касается одной изъ такихъ губерній, которыя постоянно щадились правительствомъ въ общегосударственныхъ тягостяхъ. Изъ этого даннаго явствуетъ, что, во 1-хъ, полковые платежи въ періодъ отъ 1711 по 1717 годъ увеличились на значительную цифру и во 2-хъ, за этотъ періодъ прибавилось такое количество постоянныхъ расходовъ по военному вѣдомству въ этой губерніи, что общая сумма ихъ въ 1717 году далеко превышала губернскій доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1712 году на губернію было прибавлено 10 полковъ, а въ послѣдствіи еще два, что, вмѣстѣ съ недоимками прошлыхъ лѣтъ, въ 1717 году составило 241,731 р.; кромѣ того, на разныя иныя статьи, входившія въ составъ платежей Военнаго Приказа, какъ то: на жалованье мясоѣдныхъ дней,

270) П. С. З. № 2319, стр. 618 и слѣд.

271) Сенатск. ук. 4 марта 1713 г. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 21, л. 157 2.

на укомплектованіе лошадей и на вычетныя за мундиръ (сборъ Военнаго Приказа въ собственномъ смыслѣ) расходилось болѣе 90 тысячъ рублей. Въ общую табель губернскихъ расходовъ по военному вѣдомству здѣсь прибавлены еще такіе платежи, которые поступали въ иные Приказы, какъ-то: въ Оружейную Палату — 2, 736 р. и въ Аптекарскій Приказъ — 991 р. 16 а. 2 д. [272]). Все, вмѣстѣ взятое, составитъ цифру, которая, особенно при сравненіи съ цифрою губернскаго дохода, дастъ полное понятіе о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя область дѣлала для государства.

Намъ остается теперь подтвердить свою мысль примѣрами платежей въ Адмиралтейство и Артиллерію, т. е. на флотъ, на содержаніе артиллерійской части арміи, которая не была распредѣлена по губерніямъ подобно кавалеріи и пѣхотѣ, и на производство и улучшенія пушечнолитейнаго дѣла и фабрикаціи снарядовъ. Но—на основаніи существующихъ данныхъ — безъ натяжки этого сдѣлать нельзя [273]). Впрочемъ, недостаточность данныхъ въ этихъ двухъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, не можетъ поколебать справедливости выставленнаго-выше соотношенія доходовъ и расходовъ, подтвержденнаго столькими фактами-ибо недостатокъ свидѣтельствъ не есть еще доказательство ихъ противорѣчія доказываемому положенію, тѣмъ болѣе, что при современномъ состояніи документовъ, послужившихъ основою нашего труда, такой недостатокъ объясняется множествомъ разныхъ неблагопріятныхъ для изслѣдователя случайностей. Съ другой стороны, въ данномъ случаѣ возможно допустить, не нарушая, при томъ, справедливости общаго вывода, даже и то, что платежи въ Адмиралтейство и Артиллерію или вовсе не измѣнялись въ теченіи всего періода, или же увеличивались въ весьма незначительной степени. Возможность этого предположенія основывается на томъ, что для расходовъ по кораблестроенію было отдано нѣсколько городовъ съ ихъ доходами, а содержаніе артиллеріи облегчалось тѣмъ, что значительная часть ея была распредѣлена между губернскими гарнизонами; что же касается до изготовленія орудій, вооруженія и снарядовъ, то существовавшіе оклады, безъ сомнѣнія, съ избыткомъ могли покрывать расходы по содержанію пушечнолитейныхъ, оружейныхъ и пороховыхъ заводовъ, изъ которыхъ иные отдавались иногда въ откупное содержаніе.

Таково было соотношеніе доходовъ и расходовъ по губерніямъ, если мы примемъ во вниманіе однѣ главныя статьи, т. е. платежи на войско, флотъ и международныя сношенія. Но при этомъ были и такіе расходы, которые, хотя и имѣли временное значеніе, однако требовали немаловажныхъ суммъ. Чтобы не затруднять вниманія читателя мелкими фактами, мы остановимся лишь на одномъ изъ нихъ, болѣе крупномъ, имѣвшемъ продолжительное существованіе и характеризующемъ отношенія государства къ обществу, центра къ области въ то время. Мы говоримъ о построеніи Петербурга. Для насъ здѣсь важно то, что столица эта была воздвигнута на вынужденныя и солидныя пожертвованія области, пожертвованія деньгами, не говоря уже о тѣхъ пожертвованіяхъ, ко-

272) А. М. Ю. *Сен. дѣла по Кіевской губ.* кн. $^{2}/_{XII2}$, л. 227.

273) Ср. табели 1710 и 1711 годовъ и А. М. Ю. idem кн. 14, л. 1133—1139; кн. 15, л. 2, 80 и слѣд.

торыя стѣсняли даже личную свободу гражданъ, заставляя ихъ бросать родную губернію и толпами переселяться во вновь построяемый и населяемый городъ. Застраиваніе Петербурга и его окрестностей производилось натуральною повинностью всего народа — на основаніи правительственныхъ распоряженій. Этой повинности подлежали всѣ классы общества во всѣхъ губерніяхъ безъ изъятія. Такъ, постройка домовъ на Котлинѣ была возложена на уѣздныхъ жителей, при чемъ размѣръ отбыванія этой повинности былъ разсчисленъ по количеству дворовъ, такъ, что на каждыя пять доль приходилось по дому, стоимостью въ 1000 р. Каждыя пять доль высылали въ Петербургъ коммиссара, который и завѣдывалъ наймомъ рабочихъ и другими дѣлами по постройкѣ. На Васильевскомъ островѣ, напротивъ, дома предписано было строить помѣщикамъ, вотчинникамъ, купцамъ и посадскимъ людямъ, при чемъ стоимость дома была опредѣлена по состоянію лица: лица были раздѣлены на классы по значительности пожертвованія. Дома были каменные или деревянные, разной ширины фасада по Невѣ или по каналамъ; наконецъ, было различіе въ самомъ способѣ отбыванія повинности: одни отбывали ее отдѣльно, другіе — складчиною. Всѣ эти варіанты были подробно разсчитаны по доходамъ строителей. Для помѣщиковъ и вотчинниковъ меньшій размѣръ состоятельности былъ опредѣленъ въ 40 дворовъ: кто обладалъ количествомъ ихъ, меньшимъ этого, тотъ обязанъ былъ участвовать въ общей повинности лишь въ томъ случаѣ, если получалъ на службѣ жалованье. Купцы и посадскіе отбывали повинность съ доходовъ торговли или промысловъ, но размѣра этого отбыванія изъ актовъ не видно. Понужденіе строителей и высылка денегъ лежали на прямой обязанности губернаторовъ [274]).

Переходя теперь къ разсмотрѣнію губернскихъ расходовъ, которые по мѣсту производства могутъ быть названы *внутренними*, мы прежде всего видимъ, что въ нихъ земскія потребности не играли никакой самостоятельной роли. Статьи расходовъ, указываемыя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, имѣли цѣлью содержаніе органовъ областнаго управленія и штата служителей, церквей и монастырей, получавшихъ отъ казны ругу, и казенныхъ благотворительныхъ учрежденій, богадѣленъ и воспитательныхъ (шпитальныхъ) домовъ. Простое перечисленіе этихъ статей ясно указываетъ: во 1-хъ, на то, что казенныя потребности и расходы на нихъ и здѣсь, какъ и вездѣ, преобладали, во 2-хъ, на то, что государство, будучи опекуномъ общества, лишило его всякой самодѣятельности, и тѣ немногія общественныя потребности, которыя удовлетворялись въ области, удовлетворялись тѣми незначительными выдѣлами изъ общей массы казенныхъ доходовъ, которые правительство находило нужнымъ давать. И такъ внутри области потребности были тѣже исключительно государственныя, и въ финансовомъ, какъ и во всякомъ другомъ управленіи, преобладалъ казенный элементъ, подавившій всякую общественную самодѣятельность. Но общія государственныя потребности были несравненно важнѣе областныхъ, хотя тоже казенныхъ; государству нужна была значительная поддержка, которая и пара-

274) Объ этомъ вопросѣ см. Полн. Собр. Закон. №№ *1714 года*: 2781, 2808, 2817, 2837, 2848; *1719 года*: 3305, 3332, А. М. Ю. Сенатскія дѣла кн. 98, л. 698, кн., 99, л. 1111, 1113, 1173 и мн. др., кн. 112, л. 55 и мн. др.

лизовала даже возможность справедливаго вознагражденія чиновниковъ и другихъ служителей государства. Частные интересы ихъ были принесены въ жертву общимъ государственнымъ потребностямъ. Первою попыткою въ этомъ отношеніи было установленное пунктами 2 марта 1711 года различіе между *нужными* и *ненужными* губернскими расходами. *Ненужные*, вмѣстѣ съ *напрасными*, т. е. совершенно произвольными и непроизводительными, велѣно былъ упразднить (отставить). Послѣдствія этой мѣры уже отчасти выставлены выше: уменьшивъ доходъ непосредственнымъ изъятіемъ нѣкоторой его части въ казну, правительство старалось обезпечить удовлетвореніе лишь главныхъ потребностей, предоставивъ удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ второстепеннымъ источникамъ. Яснѣе тоже стремленіе проявляется въ слѣдующіе годы,—требованіе уменьшенія расходовъ внутри области формулируется опредѣленіе: выдача жалованья служилымъ людямъ, какую бы должность въ областномъ управленіи они ни занимали, не говоря уже о производствѣ руги церквамъ, монастырямъ и объ иныхъ казенныхъ областныхъ выдачахъ, — была ограничена въ значительной степени; напр., если кто-либо изъ служилыхъ людей имѣлъ недвижимую собственность, т. е. помѣстье или вотчину, то жалованье его удерживалось и обращалось на иные, *необходимые* расходы [275]). Эта рѣзкая мѣра, бывшая произведеніемъ того времени и общихъ причинъ въ ихъ приложеніи къ развитію Русскаго государства, спасла довольно значительную часть доходовъ, какъ средствъ къ удовлетворенію потребностей, болѣе необходимыхъ, чѣмъ плата за труды по государственной службѣ. Весною 1714 года экономія суммъ въ 7 губерніяхъ была равна 60,280 р. [276]), — цифра, которая, по сличеніи съ прежними однопредметными, показываетъ, что успѣхъ этой мѣры былъ весьма удовлетворителенъ, а будучи сопоставлена съ перечнемъ статей *внутреннихъ* областныхъ расходовъ — свидѣтельствуетъ, какъ ничтожно было удовлетвореніе *внутреннихъ* потребностей. Губернскіе расходы, опредѣляясь множествомъ случайностей, необходимыхъ при отсутствіи порядка и послѣдовательности въ управленіи, были подвержены въ разные годы колебаніямъ. Документы относительно этого даютъ мало свѣдѣній; но тѣ, которыя они даютъ, доказываютъ, что, дѣйствительно, въ этихъ колебаніяхъ не было никакой общей нормы [277]). Но какъ бы ничтожны ни были внутренніе областные расходы, все таки они были; между тѣмъ, изъ предъидущаго извѣстно, что въ большинствѣ губерній всѣ доходы поглощались удовлетвореніемъ главныхъ государственныхъ потребностей. При такомъ ходѣ дѣлъ, губернія была большею частью несостоятельна въ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которыя, помимо этихъ главныхъ статей, были возложены на нее государствомъ. Съ увеличеніемъ общихъ расходовъ несостоятельность эта все болѣе и болѣе возрастала. Слѣдствіемъ этого было обращеніе случайныхъ или постоянныхъ остатковъ одной губерніи или провинціи на издержки другой: мы уже видѣли, что остатки Московской и Казанской губерній были обращены на этотъ предметъ,

275) П. С. З. № 2758. 10 янв. 1714 г.

276) Idem № 2798. 16 апр. 1714 г.

277) См. А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 17, Л. 54—76, 658 и слѣд.

но они шли на покрытіе издержекъ по третнымъ платежамъ; внутреннія нужды также удовлетворялись изъ подобнаго обращенія: такъ, по табели 1710 года, Тамбовская провинція Азовской губ. была обязана ежегоднымъ платежемъ для выдачи руги въ Азовѣ на сумму 7,227 р. 9 а. 6 ден., что вмѣстѣ съ собственными ружными выдачами составляло сумму въ 8,215 р. 26 а. 6 дн. Это пожертвованіе въ 1713 году было увеличено, ибо въ этомъ году губернаторъ Толстой подалъ Сенату росписаніе, по которому ружные и неокладные расходы въ одной изъ новопостроенныхъ крѣпостей увеличились на 1,149 р. 31 а. 2 деньги [278]). Иногда внутренніе расходы покрывались займами изъ Приказовъ: такой заемъ былъ произведенъ въ 1712 году Казанскою губ. изъ Посольскаго Приказа на предметъ выдачи содержанія калмыцкимъ посланцамъ, виноградным мастерамъ и кабардинскимъ узденямъ [279]). Но всѣ эти источники были частью недостаточны, ибо при современномъ соотношеніи доходовъ и расходовъ остатки врядъ-ли могли сохраняться, частью же невыгодны для губерній, которыя, такимъ образомъ, должали Приказамъ и впослѣдствіи должны были уплачивать имъ болѣе обычной окладной суммы. Ясно, что для удовлетворенія второстепенныхъ потребностей оставалось обращаться къ единственно вѣрному источнику — къ народу. И такъ, путемъ новыхъ сборовъ съ народонаселенія область кое-какъ могла платить жалованье чиновникамъ, производить ругу и расходовать деньги на иныя статьи областнаго управленія, отягощая народъ, но за то не отягощая себя займами и избѣгая невѣрныхъ разсчетовъ на чужія средства.

Таковы были источники, изъ которыхъ область черпала средства для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя считались правительствомъ второстепенными, но удовлетвореніе которыхъ было все таки болѣе или менѣе необходимо. Стеченіе обстоятельствъ угрожало банкротствомъ области, а слѣдственно и государству, но доведенный до крайнихъ предѣловъ абсолютизмъ Монаршей власти исключалъ возможность всякаго противодѣйствія злу, исходящаго не отъ правительства, а геній Петра В. съумѣлъ восторжествовать надъ препятствіями, выдти побѣдителемъ изъ трудной борьбы.

III. СУДЕБНЫЯ ДѢЛА.

Въ вопросѣ объ областныхъ судахъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ представляетъ вопросъ о подсудности. Общія начала для опредѣленія подсудности въ русскомъ правѣ появились еще во времена довольно отдаленныя, но эти начала не были твердо установлены. Нарушенія ихъ были явленіемъ обыкновеннымъ. Впрочемъ, при существованіи системы кормленій, эти нарушенія преслѣдовались строже, ибо въ то время при господствѣ частноправнаго взгляда на управленіе вообще, нарушенія предѣловъ подсудности разсматривались, какъ нарушенія права судьи. Впослѣдствіи, при постепенномъ изчезновеніи кормленій, должно было исчезать это начало, сдерживавшее до извѣстной степени

278) А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 96, л. 563—645.

279) «. . . Да кромѣ того съ прошлого 712 году надлежитъ донять 5979 руб. 11 алт. 4 ден. *что выдано за казанскую губ. изъ Государственнаго Посольскаго Приказа*». Вѣдѣніе 28 мая 1714 года.

фактическія отступленія отъ порядка подсудности. Такимъ образомъ, хотя въ XVII в., въ эпоху воеводскаго управленія, общія начала подсудности установились съ большею опредѣлительностью, но фактъ всюду попиралъ право, и при ослабленіи частноправныхъ отношеній къ суду, подсудность въ это время была фактически чрезвычайно неопредѣленна, только окончательное утвержденіе государственныхъ началъ, честь котораго безспорно принадлежитъ XVIII-му вѣку, мало-по-малу уничтожаетъ это господство факта, и вопросъ получаетъ единообразное рѣшеніе [1]). Въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ сказано, въ вопросѣ о подсудности фактъ попиралъ право; не только различныя административныя соображенія, но и личные интересы сторонъ иногда рѣшали вопросъ о томъ, гдѣ должно было судиться то или другое дѣло [2]). Но, кромѣ этого, система привиллегій, чрезвычайно развитая въ XVII-мъ вѣкѣ, была весьма важною причиною нарушенія подсудности, и такимъ образомъ, само правительство нарушало порядокъ подсудности. Таковы были основанія той неопредѣленности, того хаотическаго состоянія, въ которомъ находился разсматриваемый вопросъ въ XVII вѣкѣ. Нельзя не замѣтить въ нихъ того, что они большею частью были тѣсно связаны съ состояніемъ процесса вообще. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе участія въ процессѣ принимаетъ государство, чѣмъ болѣе обвинительный элементъ переходитъ въ слѣдственный, тѣмъ болѣе должно ослабѣвать вліяніе произвола сторонъ на ходъ процесса: государство на себя беретъ задачу опредѣлить норму въ соотношеніи частныхъ интересовъ въ дѣлѣ суда. Стало-быть, чѣмъ ближе къ концу XVII в., когда слѣдственная форма получила въ процессѣ рѣшительный перевѣсъ надъ частнымъ обвиненіемъ, тѣмъ менѣе должно быть замѣтно вліяніе частной воли въ процессѣ вообще и въ рѣшеніи вопроса о подсудности въ особенности. Равномѣрно, система привиллегій, столь сильно практиковавшаяся въ Московскомъ государствѣ, находилась также въ несомнѣнной связи съ общимъ взглядомъ на процессъ, какъ на фискальный источникъ,—взглядомъ, за которымъ скрывались въ тѣни вопросы справедливости и равенства передъ закономъ: открытіе истины, матеріальная правда признавались дѣломъ сторонъ; судъ-же съ формальной стороны созерцался главнымъ образомъ съ точки зрѣнія пошлинныхъ сборовъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе къ концу XVII в., тѣмъ болѣе и болѣе установляется правильный взглядъ на процессъ [3]), но тѣмъ не менѣе окончательное установленіе этого взгляда въ то время было дѣломъ будущаго.

XVIII-й вѣкъ былъ эпохою уничтоженія всякаго рода привиллегій и изъятій въ смыслѣ XVII-го вѣка; равномѣрно въ это время начала слѣдственнаго процесса взяли верхъ надъ обвинительными, а потому положеніе сторонъ на судѣ измѣнилось. Словомъ, въ XVIII-мъ в. нѣтъ большинства тѣхъ поводовъ, по силѣ которыхъ вопросъ о подсудности рѣшался крайне неудовлетворительно. Это обстоятельство продуктировало наибольшую точность въ опредѣленіи подсудности,

1) О подсудности въ XVI и XVII вѣкахъ см. главнымъ образомъ Дмитріева: *Ист. суд. инст.* стр. 152—166, 348—350; Чичерина: *Област. Учрежд.* стр. 135—138.

2) См. Дмитріева, стр. 349, и Чичерина, стр. 137.

3) Въ половинѣ XVII в. наше законодательство рѣшительно выразилось въ пользу уничтоженія судебныхъ привиллегій. Мы здѣсь разумѣемъ уничтоженіе несудимыхъ грамотъ (Улож. гл. X, ст. 153.)

точность, все болѣе и болѣе развивавшуюся въ теченіи XVIII столѣтія и почти совершенно чуждую жизни допетровской Руси.

Но, если въ теченіи XVIII вѣка развился порядокъ подсудности въ нашемъ процессѣ, то изъ этого еще нельзя заключать, чтобы въ эпоху перваго учрежденія губерній онъ совершенно устранилъ ту безурядицу, которая въ этомъ отношеніи существовала въ XVII в. Въ это время замѣтны лишь начала этого порядка, стремленіе установить его. Не смотря на обычную энергію Петра В. въ преобразованіяхъ, вопросъ о подсудности до 1719 г. рѣшался еще крайне неудовлетворительно. Но тѣмъ не менѣе въ это время въ практикѣ новоучрежденнаго Сената, Приказовъ и областныхъ канцелярій замѣтнѣе проступаютъ тѣ общія начала, на основаніи которыхъ рѣшался вопросъ о подсудности по Уложенію. Эти общія начала, какъ говоритъ проф. Дмитріевъ [4]), суть слѣдующія: *мѣсто жительства, званіе лица* и *родъ дѣлъ*. Тѣ же начала встрѣчаются при опредѣленіи подсудности и въ началѣ XVIII вѣка, но ихъ взаимныя соотношенія въ это время еще не установлены съ точностью. Безъ сомнѣнія, если не было столкновенія различныхъ форумовъ, то вопросъ о подсудности не представлялъ никакой трудности: тогда не было и поводовъ къ возбужденію какихъ либо пререканій объ этомъ. Иски и жалобы въ этомъ случаѣ вчинались въ мѣстный судъ, которому равно подчинялись всякія дѣла, по общему правилу [5]).

При столкновеніи различныхъ форумовъ, судъ предоставлялъ сторонамъ разъяснить вопросъ о подсудности; самъ же относился совершенно безразлично къ тому, гдѣ должно разбираться данное дѣло. Прежде, когда доходы судей зависѣли отъ большаго или меньшаго количества дѣлъ, вопросъ о подсудности, какъ уже сказано было выше, не предоставлялся рѣшенію сторонъ; слѣдственно равнодушіе, замѣчаемое въ этомъ отношеніи въ началѣ XVII в., находилось въ тѣсной связи съ перемѣною взгляда на управленіе вообще. Основнымъ началомъ, главнымъ образомъ опредѣлявшимъ подсудность, было, какъ кажется, мѣсто жительства отвѣтчика; это начало нерѣдко добровольно признавалось истцами; въ самомъ дѣлѣ, въ подлинныхъ дѣлахъ встрѣчается много такихъ производствъ, въ которыхъ, не смотря на различіе въ подсудности истца и отвѣтчика, иски были вчинаемы по принадлежности [6]); но если истецъ, не зная объ особой (по званію) подсудности отвѣтчика или преднамѣренно нарушая ее для какой либо своекорыстной цѣли, вчинитъ искъ или подастъ жалобу не по принадлежности,

4) См. означен. его соч. стр. 348.

5) А. М. Ю. Д. Суди. Прик. вязки: 764, № 23, 27, 28, 29; 765, № 6, 768, № 5, 6 и др.; 1222, № 1, 4–10 и др.; 1225, № 2, 3–7, 9, 10, 12–15; 1378, № 1, 4, 5, 7, 10, 14, 15, 17, 20, 27, 28, 32, 33, 38, 40, 41, 42, 46–51, 54—76, 79—86 и слѣд.

6) Напр. въ 1716 г. въ Земскомъ Прик. разбиралось дѣло по жалобѣ дьякона церкви Св. Іоанна Воина на посадскаго человѣка Кадашевской слободы—объ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ; при этомъ отсутствіе пререканій указываетъ на то, что хотя истецъ подлежалъ иной подсудности, нежели отвѣтчикъ, но вчинилъ искъ правильно, т. е. въ Земскій Приказъ (ibid. вязка 1338 № 19). Также см. въ вязкахъ: 765, №№ 7, 19, 21; 1222, № 13, 1225, № 8 и мн. др.

т. е. въ общее областное судебное установленіе, а не въ то, которому отвѣтчикъ подсуденъ, то дѣло передается по принадлежности, если только отвѣтчикъ заявитъ о своемъ несогласіи подчиниться такой произвольной подсудности, но такая передача дѣла бывала лишь въ случаѣ заявленія отвѣтчика о несогласіи; если же такого заявленія не было, то дѣло принималось къ производству въ некомпетентномъ судѣ и тамъ оканчивалось; вопросъ о подсудности, какъ сказано выше, насколько рѣшеніе его могло интересовать тяжущихся, предоставлялся на волю сторонъ, и молчаніе въ данномъ случаѣ принималось за согласіе [7]).

Рядомъ съ принципомъ мѣста жительства отвѣтчика или его особой подсудности судебная практика начала XVIII-го столѣтія признавала еще и принципъ временнаго мѣстопребыванія, который, такимъ образомъ, есть какъ-бы видоизмѣненіе принципа мѣстожительства. Въ силу признанія этого послѣдняго принципа истцы и подкарауливаютъ отвѣтчиковъ, гоняются за ними, предпринимая иногда довольно отдаленныя путешествія изъ города въ городъ, перенося при этомъ всѣ трудности такихъ путешествій по дурнымъ дорогамъ и иногда безъ гроша въ карманѣ. Такъ въ 1714 г. бѣдные костромскіе помѣщики, Ярцевы, цѣлою семьею пѣшкомъ, безъ всякихъ средствъ, *Христовымъ именемъ*, бредутъ изъ своего уѣзда въ Москву, чтобы тамъ изловить своихъ противниковъ-сосѣдей, самовольно завладѣвшихъ ихъ деревенькой ([8]), а въ 1715 г. подьячій Суздальской Приказной избы Михайловъ, содержавшійся въ Москвѣ подъ стражею, какъ только узналъ, что въ Москву пріѣхалъ его противникъ и товарищъ по службѣ, подьячій той же избы Ражевъ, тотчасъ этимъ воспользовался и вчинилъ противъ него искъ [9]). Изъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ, которые мы не считаемъ нужнымъ приводить, явствуетъ, что принципъ временнаго пребыванія существовалъ, замѣняя собою принципъ мѣстожительства. Если предметомъ спора было недвижимое имущество и если оно не подлежало

---

7) Случаи нарушенія особой подсудности *по званію* вообще нерѣдки и между прочимъ указываютъ на шаткость общихъ началъ, унаслѣдованную XVIII вѣкомъ отъ XVII-го. Въ дѣлѣ о побояхъ, нанесенныхъ крестьянами подмосковнаго дворцоваго села Тонинскаго подьячему Земскаго Приказа Зайцеву (1715 г.), отвѣтчики-крестьяне заявили о своей подсудности Преображенскому Приказу, куда, въ слѣдствіе этого, и было передано дѣло изъ Земскаго Приказа (ibid. вязка 1378 № 11, л. 2, 3). Слѣдственно, здѣсь истецъ нарушилъ подсудность отвѣтчиковъ, подавъ на нихъ жалобу въ Земскій Приказъ, но подсудность была возстановлена по заявленію отвѣтчиковъ. Наоборотъ, изъ другого дѣла, единовременно производившагося въ Земскомъ Приказѣ, мы видимъ, что отвѣтчикъ, тоже крестьянинъ села Тонинскаго, не билъ челомъ о неподсудности своей этому Приказу, а потому нарушеніе юрисдикціи и не было возстановлено (см. дѣло Некрасова и Максимова ibid. № 3). Тоже см. дѣло Ушаковой и Лукьянова, производившееся въ Земскомъ Приказѣ въ 1717 г. и дѣло Нелюбова и Лукьянова, произв. тамъ же въ 1712 г., въ обоихъ этихъ дѣлахъ отвѣтчикъ, тонинскій крестьянинъ, не заявлялъ о своей подсудности Земскому Приказу (ibid. вязки 1223 № 29, 1378 № 37). Случаи, когда отвѣтчики заявляли о своей особой подсудности см. въ дѣлахъ Сандырева и Горяиновой 1718–1731 г. (ibid. вязка 1223, № 11) и Якуборскаго и Потемкина 1716—1717 г. (ibid. вязка 1378 № 26).

8) Ibid. вязка 767 № 29, л. 1 и слѣд.

9) Ibid. Дѣла Москов. Губ. Канц. № 4.

подсудности какого-либо особаго московскаго Приказа, то началомъ, опредѣляющимъ подсудность, считалось мѣсто нахожденія предмета спора [10]). Впрочемъ это начало вообще мало встрѣчается въ приложеніи, хотя существованіе его несомнѣнно, ибо въ случаяхъ пререканій о подсудности на него иногда ссылаются стороны; такъ, въ спорѣ о поземельномъ владѣніи между верейскимъ помѣщикомъ Десятово и мѣстными рейтарами искъ былъ первоначально вчиненъ не по подсудности отвѣтчиковъ-рейтаръ, а по мѣсту нахожденія спорной земли—въ Верейскую Приказную избу ([11]). Кромѣ того, по самому существу своему, начало мѣста нахожденія въ спорахъ о недвижимыхъ вещахъ едва-ли не одно изъ древнѣйшихъ началъ для опредѣленія подсудности: оно современно появленію недвижимой собственности и первыхъ начатковъ судебной организаціи, ибо прежде всего самое удобство суда указываетъ на это начало, какъ на норму для опредѣленія подсудности.

Развитіе приказной администраціи развило подсудность по роду дѣлъ. Этотъ видъ подсудности появился еще въ въ XVI столѣтіи и существовалъ уже въ эпоху Царскаго Судебника, но, будучи по существу своему порядкомъ позднѣйшимъ, результатомъ обособленія разныхъ дѣлъ въ различныхъ установленіяхъ, подсудность по роду дѣлъ получила особое развитіе лишь въ практикѣ Приказовъ [12]). Въ половинѣ XVII в., въ эпоху Уложенія, мы видимъ полное признаніе этой подсудности, которая практиковалась въ эпоху Учрежденія 1708 г. [3]).

Таковы были начала подсудности въ ихъ приложеніи къ судебной практикѣ первой четверти XVIII в. Но эти начала въ описываемое время были еще весьма шатко установлены, и произволъ сторонъ игралъ еще весьма видную роль; такимъ образомъ, рядомъ съ принципомъ признанія подсудности отвѣтчика, проявляется опредѣленіе подсудности по форуму истца, чему подлинныя дѣла московскихъ учрежденій представляютъ нѣсколько примѣровъ: такъ въ одномъ дѣлѣ о неустойкѣ по подряду [14]), не смотря на мѣстожительство отвѣтчика въ Алексинѣ, искъ былъ вчиненъ въ Московскомъ Земскомъ Приказѣ только потому, что истецъ былъ московскій житель, или въ другомъ, позднѣйшемъ дѣлѣ о займѣ [15]), истецъ, коломенскій фискалъ, вчинилъ искъ прямо въ

10) А. М. Ю. дѣла Суди. Пр. в. 1222 № 5.

11) Ibid. в. 1222 № 3, 1704—1770 г.

12) См. объ этомъ Дмитріева, стр. 120 и слѣд., 162.

13) Такъ дѣла о взысканіи подводныхъ денегъ производились, не взирая на подсудность сторонъ, въ Ямскомъ Приказѣ (А. М. Ю. Дѣла Суди. Пр. в. 1222 № 6); дѣла помѣстныя производившіяся прежде въ Помѣстномъ Приказѣ, по учрежденіи губерній были отданы въ вѣдомство губернскихъ канцелярій, тоже какая бы ни была подсудность сторонъ: такъ я встрѣтилъ одно дѣло о помѣстьѣ, производившееся—вслѣдствіе перемѣнъ въ помѣстной юрисдикціи—въ разныхъ установленіяхъ въ теченіи 59 лѣтъ (съ 1655 по 1714 г.); это дѣло прежде всего производилось въ Помѣстномъ Приказѣ, не смотря на то, что отвѣтчики были патріаршіе крестьяне, затѣмъ перешло въ Сенатъ, откуда было передано въ Московскую Губернскую Канцелярію, гдѣ уже и окончилось (ibid. в. 764, № 25.)

14) Дѣло Телепнева съ Епишковымъ 1704-1712 г. ibid. в. 766, № 2.

15) Дѣло Блудова съ Микляевымъ 1712—1715 г. ibid. в. 766 № 5.

Сенатъ, который, по мѣстожительству отвѣтчика и по мѣсту службы его [16]), передалъ дѣло въ *Московскую Губернію*, но истецъ снова сталъ ходатайствовать о переводѣ дѣла въ Сенатъ, на томъ основаніи, что фискаловъ не велѣно вѣдать въ губернскихъ судахъ. Ходатайство это было уважено, дѣло снова перешло въ Сенатъ, гдѣ и окончилось. Наконецъ, въ одномъ еще болѣе позднемъ дѣлѣ о личномъ оскорбленіи (безчестьѣ) истецъ, дьякъ Московской Губернской Канцеляріи, подалъ жалобу по мѣсту своей службы, а не по мѣсту службы отвѣтчика, подьячаго Земскаго Приказа [17]). Во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ со стороны отвѣтчика не было предъявляемо претензій на нарушеніе подсудности или вслѣдствіе безразличнаго отношенія къ тому, гдѣ будетъ судиться дѣло, или же вслѣдствіе особыхъ причинъ, какъ, напр., особаго служебнаго положенія истца [18]); между тѣмъ сами судебныя установленія, какъ уже было замѣчено выше, также безразлично относились къ вопросу о подсудности, а если и брали иногда на себя трудъ опредѣленія ея, то склонялись къ принципу признанія подсудности отвѣтчика [19]). Такимъ образомъ, подсудность иногда зависѣла отъ истца. Но, кромѣ этого, встрѣчаются иногда примѣры подсудности, довольно-трудно объяснимой, примѣры, осязательно доказывающіе крайнюю шаткость началъ подсудности въ описываемое время: такъ, въ 1712 г. дѣло дмитровскихъ помѣщиковъ, Тулубьевыхъ, съ дмитровскимъ же подьячимъ, Афанасьевымъ, о завладѣніи помѣстьемъ, находившимся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, вопреки всѣмъ тѣмъ началамъ подсудности, которыя проглядываютъ въ этомъ дѣлѣ [20]), началось и производилось въ Земскомъ Приказѣ, безъ предварительнаго производства въ Дмитровской Приказной избѣ [21]). То-же смѣшеніе различныхъ началъ подсудности и нарушеніе всѣхъ ихъ видимъ въ другомъ, позднѣйшемъ дѣлѣ: между дворянкой, Анной Ѳедоровой, и генераломъ Головинымъ, разбиравшемся въ 1716 г. въ Московской Губернской Канцеляріи [22]). Предметомъ иска Ѳедоровой на Головинѣ былъ дворъ и хоромное строеніе, которыми неправильно завладѣлъ Головинъ, вотчимъ истицы. Ясно, что если разсматривать это дѣло съ точки зрѣнія тѣхъ началъ подсудности, которыя въ немъ преобладаютъ, то никоимъ образомъ нельзя оправдать производство дѣла въ Губернской Канцеляріи: во 1-хъ, если принять за основное начало мѣста нахожденія спорнаго имущества, то должно признать здѣсь юрисдикцію Земскаго Приказа, московскаго судебнаго учрежденія, которому подсудны всѣ дѣла безъ различія, если только они касаются москвичей и если отвѣтчики не подлежатъ особой подсудности. Въ этомъ смыслѣ всѣ дѣла по искамъ и жалобамъ и всѣ уголовныя дѣла считались подсудными Земскому Приказу, въ чемъ убѣж-

16) Отвѣтчикъ былъ дьякомъ Московск. Губернск. Канцеляріи.

17) Дѣло Кутазникова съ Мещеряковымъ въ дѣлахъ Суд. Пр. в. 1378 № 2.

18) Дѣло Блудова съ Микляевымъ. Также см. А. М. Ю. Д. С. кн. 18 л. 520.

19) Ibidem.

20) По мѣсту службы отвѣтчика, по мѣсту нахожденія спорной земли и, наконецъ, по роду дѣла.

21) Ibid. В. 766, № 6.

22) Ibid. В. 1378, № 22.

даетъ насъ масса дѣлъ, сохранившихся отъ этого учрежденія. Во 2-хъ, если принять за основное начало личной подсудности отвѣтчика, то дѣло должно признать подсуднымъ полковому кригсрехту, который по Воинскому Уставу судилъ и рѣшалъ въ первой степени всѣ гражданскія дѣла, причемъ начало подсудности отвѣтчика было проведено чрезвычайно твердо [23]). Итакъ, съ точки зрѣнія тѣхъ двухъ началъ подсудности, которыя такъ явственно проступаютъ въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ судомъ должно признать или Земскій Приказъ, или подлежащій полковой кригсрехтъ, но ужъ никакъ не Губернскую Канцелярію. Впрочемъ, эта подсудность, будучи необъяснима съ точки зрѣнія тѣхъ нормальныхъ началъ, которыя получали въ то время все большее и большее признаніе, можетъ быть, какъ кажется, объяснена соображеніями, чуждыми праву, соображеніями чисто личнаго характера, имѣющими причины политическія, а не юридическія. Дѣло въ томъ, что истица, Ѳедорова, была племянницею всесильнаго Меншикова, а потому губернаторъ желая показать свое усердіе, подвергнулъ это дѣло своему личному разбирательству, чему представлялась полная возможность, ибо Земскій Приказъ, былъ, какъ извѣстно, подчиненъ Московской Губернской Канцеляріи, а дѣло, принявъ начало мѣсто нахожденія спорнаго имущества, можно было считать подсуднымъ Земскому Приказу. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одномъ процессѣ нѣтъ такой быстроты, точности производства, какъ въ этомъ дѣлѣ; здѣсь, можно сказать, всѣ формы судопроизводства, обращавшіяся въ судебной практикѣ того времени, нашли наилучшее свое приложеніе. И такъ, въ этомъ дѣлѣ замѣшался личный интересъ губернатора, нарушившій обыкновенное теченіе подсудности. Наконецъ, третій примѣръ, на который мы указываемъ, представляетъ въ высшей степени странную и уже совершенно необъяснимую подсудность [24]): прежде дѣло это (объ оскорбленіи дѣйствіемъ) производилось въ Земскомъ Приказѣ, а потомъ было передано въ Московскую Гарнизонную Канцелярію, при чемъ мотивовъ такой странной передачи ни откуда не видать [25]). Всѣ эти аномаліи, ставящія изслѣдователя въ сильнѣйшее затрудненіе, стояли въ тѣсной связи съ тогдашнимъ состояніемъ управленія вообще: начала государственности и порядка въ то время вели трудную борьбу съ безурядицею прежняго времени и хотя исходъ этой борьбы дѣлался все болѣе и болѣе несомнѣннымъ, но тѣмъ не менѣе господство факта надъ правомъ не

23) См. Процессы, часть 1, гл. 1, ст. 4; гл. III, ст. 2: „кто на кого бить челомъ хощетъ, тому надлежитъ противника своего въ оный судъ требовать, гдѣ онъ судимъ есть, ибо ежели онъ его въ такой судъ позоветъ, который ему никакого не можетъ учинить принужденія, тогда позывъ его безъ жаднаго есть дѣйства“. Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, считаю нелишнимъ сказать, что Воинскій Уставъ и помѣщенное въ немъ „Краткое Изображеніе процессовъ“ были введены въ дѣйствіе и начала, на которыхъ построены кригсрехты, были примѣнены и къ „Земскому Управленію“ въ апрѣлѣ 1716 г. П. С. З. № 3010, 10 апр., а дѣло Ѳедоровой и Головина началось въ іюлѣ этого года (л. 7 на обор.).

24) Дѣло Васильева и Расторгуева ibid. в. 1378 № 25.

25) На оборотѣ 6 листа находится слѣд. канцелярская помѣта: „и то дѣло перенесено изъ Московской Губерніи въ Московской Гварнизонъ“—и только,

только административныхъ соображеній, но и личнаго произвола, еще сильно проступало въ дѣлопроизводствѣ. Съ вопросомъ о подсудности тѣсно связанъ вопросъ о судебныхъ инстанціяхъ. Непосредственный судъ Государя, такъ согласный съ исконнымъ догосударственнымъ право-созерцаніемъ Русскаго народа, съ расширеніемъ государственной области, съ увеличеніемъ народонаселенія, а съ другой стороны—съ развитіемъ государственныхъ началъ въ устройствѣ и управленіи,—дѣлается все болѣе и болѣе невозможнымъ, неосуществимымъ. Вслѣдствіе этого появилась потребность такой организаціи суда, въ которой непосредственный судъ Государя игралъ-бы роль суда высшаго, контролирующаго и исправляющаго дѣйствія судовъ низшихъ, роль суда, возстановляющаго матеріальную правду, нарушенную первоначальнымъ судомъ. Посредствующимъ звеномъ, связующимъ непосредственный судъ Государя съ народомъ, являются у насъ разные суды: приказы, областныя избы, гдѣ, по делегаціи, судъ Великаго Государя воплощается въ лицѣ уполномоченныхъ судей, представителей первоначальной юрисдикціи, первой степени. Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе развивалось государство, тѣмъ яснѣе проступало существо судебныхъ инстанцій вмѣстѣ съ развитіемъ государственныхъ принциповъ въ управленіи вообще: вотъ почему законодательство Петра В., продолжавшее дѣло Уложенія, съ большею опредѣленностью говоритъ о степеняхъ суда, устанавливаетъ болѣе правильную ихъ организацію [26]). Уложеніе [27]) установило инстанціи по существовавшимъ въ то время началамъ подсудности (*гдѣ кто вѣдомъ*); непосредственный судъ Государя является въ немъ, какъ высшая инстанція. Но переносъ дѣлъ на личный судъ Государя въ Уложеніи усматривается лишь въ случаѣ отказа въ правосудіи, при чемъ въ этомъ отношеніи Уложеніе придерживается взгляда, проступившаго еще въ Судебникѣ Іоанна III и опредѣленно выраженнаго въ Царскомъ Судебникѣ [28]). Здѣсь еще, слѣдственно, не уяснена идея апелляціи, какъ обжалованія неправильнаго судебнаго рѣшенія. Законодательство Петра В. объ этомъ предметѣ, бывшее слѣдствіемъ борьбы новыхъ началъ съ исконнымъ, догосударственнымъ представленіемъ Царя-судьи, дополняетъ и уясняетъ эту идею, установляя апелляцію въ смыслѣ обжалованія. Въ указѣ 1699 г., повторенномъ вслѣдствіе неисполненія, въ 1700 г., положительно предписывается, чтобы иски вчинать въ тѣ Приказы, тѣмъ судьямъ, *гдѣ кто вѣдомъ*, а въ случаѣ неправаго рѣшенія жаловаться самому Государю, который обѣщался лично и немедленно разсматривать и разрѣшать такія дѣла [29]). Таково развитіе института апелляціи отъ Уложенія до Учрежденія 1708 г.; первоначальные суды, т. е. первая инстанція, суть суды мѣстные, личные (по званію) или по роду дѣлъ, вторая и послѣдняя инстанція—непосредственный судъ Государя, установляя который законъ освятилъ старинное правосозерцаніе Русскаго народа.

---

26) См. Дмитріева *Ист. Судебн. инстанцій* стр. 521.

27) Гл. X, ст. 20.

28) Ср. А. И. т. 1, № 105, Судебн. Татищева ст. 7 стр. 6.

29) П. С. З. № 1707, 27 окт. 1699 г. № 1748, 2 февр. 1700 г.

Въ первый разъ съ совершенною ясностью мысль объ инстанціяхъ была высказана послѣ учрежденія губерній. Въ указѣ отъ 21 марта 1714 г. [30]) предписаны четыре инстанціи, начиная съ уѣзныхъ судилищъ до непосредственнаго суда Государя. На основаніи этого указа, первоначальная подсудность предоставлена комендантамъ, обжалованіе комендантскихъ рѣшеній или жалобы на комендантовъ за отказъ въ правосудіи предписано вчинать къ губернаторамъ; затѣмъ третьею и четвертою инстанціями назначены Сенатъ, при которомъ состояла спеціально для судебныхъ дѣлъ Расправная Палата [31]), и личный судъ Государя. Въ этомъ указѣ, слѣдственно, личный судъ Государя имѣетъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ—здѣсь прямо сказано, что для челобитчиковыхъ дѣлъ учреждены «Управленія, нижніе и вышніе суды и Сенатъ»: мотивъ запрещенія обращаться прямо къ Государю. Таковъ смыслъ указа 21 марта 1714 г. Но для правильнаго пониманія этого указа нелишне напомнить читателю объ обычной въ изслѣдуемое время неустойчивости и неопредѣленности терминовъ, столь часто замѣчаемыхъ въ законодательныхъ памятникахъ эпохи 1708 г. Терминъ «комендантъ» здѣсь, очевидно, означаетъ уѣзднаго начальника вообще, не установляя никакого видоваго различія, ибо нѣтъ сомнѣнія, что какимъ видовымъ прозвищемъ ни былъ бы названъ уѣздный начальникъ, онъ былъ непремѣнно судья [32]): коммиссаръ, ландратъ также назывались общимъ именемъ судей, какъ комендантъ или иные высшіе областные правители; кромѣ того, о ландратахъ, какъ о судьяхъ въ качествѣ уѣздныхъ правителей, имѣются несомнѣнныя свидѣтельства актовъ [33]). И такъ, подъ терминомъ „комендантъ“ въ смыслѣ указа 21 марта, необходимо разумѣть уѣзднаго начальника вообще. Мы выше видѣли [34]), что власть уѣздныхъ начальниковъ была миніатюромъ власти губернской и что губернаторъ по отношенію къ губернскому городу и его уѣзду былъ тѣмъ-же, чѣмъ уѣздный начальникъ для своего района [35]); другими словами: губернаторъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть не только начальника губерніи, но и начальника губернскаго города съ его спеціальнымъ райономъ. Отсюда само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное дѣло было подсудно губернскому городу, судъ губернатора являлся уже не второю, а первою инстанціею, такъ что въ этихъ случаяхъ число инстанцій сокращалось на одну. Подлинныя дѣлопроизводства губернскихъ канцелярій и подчиненныхъ имъ Приказовъ, на сколько они дошли до насъ, подтверждаютъ эту мысль. Но, какъ уже извѣстно, въ эпоху Учрежденія 1708 г. выработались административнымъ путемъ посредствующія областныя единицы, провинціи, получившія законодательное при-

30) П. С. З. № 2787.

31) Петровскій: *О Сенатѣ и пр.*, стр. 251—253.

32) См. гл. II настоящей книги.

33) Ibid. и П. С. З. № 287, 28 янв. 1715 г.: „а въ искахъ своихъ бить челомъ посадскимъ на крестьянъ ландратамъ“.

34) Гл. III.

35) Гл. I.

знаніе въ Учрежденіи 1719 г. Существуя въ дѣйствительности и входя въ циклъ областныхъ учрежденій, провинціи естественно должны были сдѣлаться посредствующею судебною инстанціею между губерніей и уѣздомъ. Между тѣмъ указъ 21 марта о нихъ не упоминаетъ, какъ бы de jure не признаетъ ихъ существованія. Это, конечно, было весьма послѣдовательно, ибо провинціи существовали пока de facto только, но онѣ существовали и точно также de facto сдѣлались второю областною инстанціею. Повинуясь необходимости, Петръ В. въ томъ же году положительно призналъ за провинціями значеніе судебной инстанціи, и, такимъ образомъ, къ прежнимъ четыремъ инстанціямъ официально прибавлена пятая [36]). Но этими установленіями, этими указаніями вопросъ объ инстанціяхъ далеко еще не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Инстанціи не соблюдались и челобитчики всегда находили возможность обращаться къ высшимъ судамъ помимо низшихъ и даже къ самому Государю. Нарушенія эти вызывали необходимость не только повтореній прежнихъ указовъ, но и новой лучшей организаціи самихъ инстанцій, перемѣны въ судоустройствѣ. Въ 1718 г. [37]) Петръ В., жалуясь на несоблюденіе инстанцій, обѣщаетъ ввести новые суды въ такомъ порядкѣ: 1) суды городскіе и уѣздные; 2) суды надворные въ значительнѣйшихъ городахъ области; 3) въ качествѣ третьей инстанціи упомянута Юстицъ-Коллегія, на которую назначено аппеллировать въ Сенатъ; 4) Сенатъ есть уже послѣдняя ступень въ аппелляціонномъ порядкѣ, жалобы на него не допускаются. Мотивомъ этого окончательнаго воспрещенія обжалованія Сенатскихъ приговоровъ выставлено то, что Сенату поручены не только челобитчиковы дѣла, но и правленіе государствомъ; вслѣдствіе этого всякое неудовольствіе на Сенатъ объявлено прямо продерзостнымъ и жалобы запрещены подъ страхомъ смертной казни. И такъ, здѣсь личный судъ Государя совершенно уничтоженъ, а число инстанцій сокращено снова до четырехъ. По указу 25 января 1715 г., предписано было доносить Государю прямо, минуя всѣ инстанціи: во 1-хъ, объ узнанномъ злоумышленіи противъ Особы Государя; во 2-хъ, о бунтѣ и въ 3-хъ, о расхищеніи казны: донесенія объ этомъ лично Государю не только нормированы, какъ право доносителей, но и вмѣнены въ обязанность каждому, кто только узнаетъ о какомъ либо изъ упомянутыхъ дѣлъ. Вѣрный своей цѣли, указъ 1718 г., стремясь по возможности вовсе отмѣнить случаи личнаго суда Государя, измѣнилъ даже и этотъ перечень дѣлъ, о которыхъ было постановлено обращеніе къ Государю помимо низшихъ и среднихъ властей: предписано

---

36) П. С. З. № 2865, 8 дек. 1714 г.: ...«повелѣно, дабы каждый въ своей обидѣ, буде въ городахъ, тобъ подавали челобитныя вицъ-комендантамъ и комендантамъ, и *оберъ-комендантамъ, ландрихтеру, вицъ-губернатору*, губернатору... А когда неправдою вершатъ или станутъ волочить и когда въ полгода не вершатъ, то послѣ полугода вольно бить челомъ *вышнему командиру надъ тѣмъ судьею, а потомъ губернатору*». Проф. Дмитріевъ не обратилъ вниманія на указъ 21 марта, а потому у него петровское установленіе инстанцій не представляетъ той постепенности, какая очевидна по законодательнымъ памятникамъ. *Ист. Суд. инст.* стр. 522.

37) П. С. З. № 3261, 22 дек.

было въ этомъ указѣ (п. 6.) обращаться съ доношеніями къ Государю прямо только по первымъ двумъ пунктамъ: о злоумышленіи противъ Государя и о бунтѣ; что же касается до случая расхищенія казны, то возбужденіе дѣлъ этого рода предоставлено фискаламъ,—къ нимъ и предписано обращаться. Обѣщанные надворные суды были учреждены въ январѣ 1719 г. [38]) Всѣхъ ихъ опредѣлено десять и они учреждены не только въ губернскихъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ [39]). Въ этихъ учрежденіяхъ и была осуществлена новая организація судебныхъ степеней. Въ такомъ положеніи вопросъ о судебныхъ инстанціяхъ перешелъ въ слѣдующій періодъ русскаго областнаго управленія Стремленіе правильно организовать судебныя инстанціи въ реформахъ Петра В. было тѣсно связано съ стремленіемъ ввести начало коллегіальности въ сферу суда и съ стремленіемъ отдѣлить судъ отъ администраціи. Окончательнымъ выраженіемъ всѣхъ этихъ стремленій было учрежденіе надворныхъ судовъ, которые, будучи коллегіальными, совершенно были устранены отъ вліянія губернаторовъ и подчинены новому центрально-судебному вѣдомству—Юстицъ-Коллегіи. Учрежденіемъ ландратовъ, какъ извѣстно, открывается коллегіальный судъ въ области; губернскія и провинціальныя канцеляріи постановляютъ судебные приговоры по совѣщанію всего присутствія и за общею всѣхъ членовъ его подписью. Конечно, оставшіеся и сохранившіеся до насъ памятники судопроизводства первой четверти XVIII вѣка не дозволяютъ дѣлать такихъ общихъ заключеній,—мы имѣемъ относительно этого лишь указанія въ дѣлопроизводствахъ губернскихъ канцелярій, но, во 1-хъ, существованіе ландратовъ при вице-губернаторахъ и оберъ-комендантахъ прямо установлено указомъ; во 2-хъ, если такое, т. е. совѣщательное, значеніе имѣли ландраты въ губернскихъ канцеляріяхъ, то, очевидно, они съ тѣмъ же значеніемъ должны были явиться и въ провинціи: принимая во вниманіе все это, а равномѣрно зная энергію Петра В. въ проведеніи и осуществленіи задуманной имъ мысли,—трудно допустить, чтобы ландратскіе совѣты при провинціальныхъ правителяхъ не существовали de facto. Въ губернскихъ канцеляріяхъ дѣла рѣшались дѣйствительно тѣмъ порядкомъ, который указанъ выше. Приговору предшествовали совѣщанія, или диспуты присутствующихъ, затѣмъ постановлялся приговоръ по большинству голосовъ, за общею всѣхъ подписью. Въ подлинныхъ дѣлопроизводствахъ приговоры всегда сопровождались письменными мнѣніями ландратовъ, которыя составлялись почти дословно въ одной и той же формѣ. [40]) Коллегіальныя начала твердо устано-

38) П. С. З. № 3269, 8 янв.

39) Надворные суды были учреждены въ слѣд. городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Смоленскѣ, Устюгѣ (магистратъ) и Тобольскѣ (ibidem.)

40) Дѣло о помѣстьяхъ Вещагина (А. М. Ю. Д. Судн. Пр. в. 764, № 25, л. 26); приговоръ Моск. Губ. Канцеляріи подписанъ губернаторомъ, вицегубернаторомъ и 10 ландратами; также въ дѣлѣ Добрынина и Амирева (ibid. в.1223, № 24, л. 36—43) приговоръ той же канцеляріи подписанъ 7 ландратами. Приговоры эти предварены мнѣніями ландратовъ. Въ дѣлѣ Нестерова и Ескулатова (ibid. № 20) на 2-мъ мѣстѣ встрѣчается слѣдующая помѣта: „714 году декабря въ 11 день взять къ дѣлу (челобитье истца) и выписать и положить передъ господъ ландраторовъ къ слушанію немедленно“ и т. д.

вились въ дѣлопроизводствѣ губернскихъ канцелярій, что ясно изъ того, что приговоры канцеляріи считались ничтожными, если были постановлены въ отсутствіи предсѣдателя, меньшинствомъ ландратовъ и безъ *диспутовъ*. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно одно дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ, перешедшее въ апелляціонномъ порядкѣ изъ Земскаго Приказа въ Московскую Губернскую Канцелярію и разбиравшееся тамъ въ 1714—1716 годахъ. [41]) Истецъ обжаловалъ неблагопріятный ему приговоръ судьи Земскаго Приказа, Чирикова; вслѣдствіе этого въ Московской канцеляріи отъ 11 марта 1715 г. состоялся приговоръ пяти ландратовъ. [42]) Это рѣшеніе, состоявшееся въ отсутствіи губернатора Салтыкова, хотя и его именемъ, и вице-губернатора Ершова, было въ пользу аппеллятора—оно отмѣнило приговоръ Чирикова. [43]) Это рѣшеніе было, въ свою очередь, обжаловано Ѳедоровымъ, отвѣтчикомъ, какъ неправильное. Оно найдено неправильнымъ какъ потому, что было постановлено въ отсутствіи губернатора и вице-губернатора: „безъ вышнихъ командировъ“, такъ и потому, что оно было постановлено „безъ диспутовъ“ [44]). Но если въ губернскихъ канцеляріяхъ дѣла рѣшались коллегіально, то въ Приказахъ, подвѣдомственныхъ губернскимъ канцеляріямъ, рѣшеніе было единоличное: всѣ судебныя дѣла, рѣшавшіяся и вообще производившіяся въ Московскомъ Земскомъ Приказѣ, были рѣшаемы и производимы единолично, въ чемъ удостовѣряютъ подписи однихъ судей, т. е. тѣхъ, кому были непосредственно поручены судебныя функціи 1-й степени въ Москвѣ. Во всѣхъ дѣлахъ на лицо одинъ судья, которому принадлежитъ высшее направленіе, производство и рѣшеніе дѣлъ. Этотъ единоличный характеръ судопроизводства въ Земскомъ Приказѣ замѣтенъ до 1719 г. Чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ болѣе въ нашемъ законодательствѣ проступаетъ идея отдѣленія суда отъ администраціи; вмѣстѣ съ этимъ, съ подчиненіемъ судовъ Юстицъ-Коллегіи, коллегіальный элементъ замѣняетъ собою единоличный и тамъ, гдѣ этотъ послѣдній удержался, завѣщанный приказной системой XVII вѣка. Вліяніе коллегіальности отразилось и на Земскомъ Приказѣ еще въ 1717 г.: такъ въ одномъ дѣлѣ этого года приговоръ Земскаго Приказа постановленъ за подписью ландрихтера Топильскаго, коммисара Небольсина и двухъ дьяковъ, Тихменева и Дружинина. [45]) Но окончательное уста-

41) Дѣло Тараканова и Ѳедорова. А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. в. *764*, № 21; *765*, № 17.

42) Волконскаго, Толубѣева, Шетнева, Татищева и Полтева.

43) Приговоръ Чирикова отъ 21 сент. 1714 г. в. 764 № 21, л. 134—140; также см. ibid. л. 121—131, 141; приговоръ ландраторовъ см. в. 765 № 17, л. 77—79.

44) В. 765 № 17. л. 20,

45) А. М. Ю. Дѣла Судн. Пр. в. 770, № 7—Дѣло Татищева съ Домининымъ—л. 33, 35. Хотя въ дѣлахъ, современныхъ этому, встрѣчаются подписи дьяковъ въ качествѣ секретарскихъ скрѣпъ, и, слѣдовательно, не могутъ служить подтвержденіемъ мысли о вліяніи коллегіальныхъ началъ на дѣлопроизводство Земскаго Приказа въ этомъ году, но подпись дьяка, какъ скрѣпа, имѣла иную форму, нежели подпись Тихменева и Дружинина въ приведенномъ дѣлѣ, такъ что смѣшать ихъ нельзя; подпись дьяка въ смыслѣ секретарской скрѣпы имѣла слѣд. форму: «справясь по дѣлу, челъ дьякъ NN», тогда какъ подписи въ дѣлѣ Татищева и Домининыхъ не предварены этою фразою (Ср. дѣло Бѣлякова и Бахметевой 1716—1721 г. ibid. № 11. Приговоръ отъ 30 іюня 1717 г., л. 29 и 30).

новленіе новыхъ началъ въ Земскомъ Приказѣ совпадаетъ со временемъ его перечисленія изъ вѣдомства Московской Губернской Канцеляріи въ вѣдомство Юстицъ-Коллегіи: это перечисленіе состоялось въ 1719 г. [46]), и въ 1719 же году мы встрѣчаемъ въ дѣлопроизводствѣ этого учрежденія ясные признаки коллегіальности [47]). По тѣмъ же началамъ, на которыхъ были организованы суды вообще, были учреждены и новые военные суды, или кригсрехты. Юрисдикція этихъ судовъ была чисто спеціальная, по служилому званію лицъ, ей подчиненныхъ: она распространялась только на военные чины какъ высшіе, такъ и нижніе, но при этомъ суду кригсрехтовъ подчинялись не только фронтовые солдаты, но и деньщики, маркитанты и др. войсковая прислуга мужскаго пола [48]). Военные суды раздѣлялись на два вида: на полковые и генеральные кригсрехты. Различіе ихъ между собою состоитъ не только въ различіи инстанцій, но и компетентности ихъ, какъ судовъ первой степени. Полковые суды распространяли свою юрисдикцію на обыкновенныя преступленія и проступки и особливо на дѣла гражданскія, которыя въ первой степени непремѣнно должны были вчинаться въ полковые суды [49]). Особенно важныя преступленія или по объекту, или по количеству участниковъ, какъ то: совершенныя половиною полка, баталіономъ, эскадрономъ или ротою, а равно и дѣла апелляціонныя были подчинены юрисдикціи генеральныхъ кригсхертовъ [50]). Порядокъ апелляціи, установленный для военныхъ судовъ, состоялъ въ томъ, что по дѣламъ гражданскимъ приговоры полковыхъ судовъ не считались окончательными; стороны, недовольныя ими, могли переносить дѣла въ генеральный кригсрехтъ. Формы аппелляціонныхъ жалобъ также установлены въ Уставѣ: такія жалобы должны состоять изъ краткаго изложенія дѣла. По выслушаніи жалобы производили допросъ отвѣтчику и потомъ, соображаясь съ существомъ дѣла, постановляли приговоръ, который уже считался окончательнымъ. Въ этомъ порядкѣ явственно проступаютъ начала краткости въ судопроизводствѣ, бывшія основною идеею этой формы процесса и напоминающія нѣмецкій Summarischer Process [51]); съ другой стороны, здѣсь начинаетъ выясняться та мысль, что апелляціонное судопроизводство не есть, по существу своему, судъ съ судьею или уголовный процессъ, какъ это было въ апелляціяхъ XVII вѣка [52]), а лишь пересмотръ дѣла въ современномъ значеніи этого термина, хотя остатки прежняго воззрѣнія на существо апелляціи и въ описываемое время сильно еще проступали въ установленіи штрафовъ съ судей въ случаѣ справедливаго

46) П. С. З. № 3282, 15 янв.

47) См. Дѣло Ярцевыхъ. О немъ въ IV главѣ.

48) Воинск. Проц. ч. 1, гл. 1, ст. 5.

49) Ibid. ст. 4 ч. III гл. 1, ст. 5. «Въ вышнемъ судѣ гражданскія дѣла судимы не бываютъ, кромѣ того если челобитчикъ или отвѣтчикъ приговоромъ нижняго суда гражданскихъ дѣлъ недоволенъ явится» и т. д.

50) Ibidem.

51) Дмитріевъ, стр. 543.

52) Ibidem, стр. 438.

обжалованія [53]). Инстанціи выше генеральнаго суда не было, и вслѣдствіе этого былъ прегражденъ всякій путь кляузамъ въ интересахъ быстроты судопроизводства и облегченія судебной власти отъ кляузныхъ дѣлъ.

Отъ аппелляціоннаго восхожденія по инстанціямъ различаютъ порядокъ слѣдственный [54]). Докладъ дѣла, еще нерѣшеннаго, высшему судьѣ, практиковавшійся главнымъ образомъ въ эпоху Судебниковъ и проступавшій въ уложенномъ процессѣ, имѣлъ значеніе или въ смыслѣ недоразумѣнія судьи о томъ, какъ рѣшить дѣло, или же какъ средство ограниченія юрисдикціи даннаго судьи [55]). Въ эпоху перваго учрежденія губерній изъ этихъ двухъ поводовъ къ докладу послѣдній исчезаетъ изъ практики. Судъ до извѣстнаго maximum'а ,т. е. разбирательство по искамъ до извѣстной цѣны, стоялъ въ тѣсной связи съ началами кормленія судей отъ суда, а потому естественно—съ усиленіемъ государственной идеи, съ искорененіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ стремленіемъ къ искорененію кормленій,—этотъ поводъ къ докладу долженъ былъ окончательно исчезнуть изъ нашего судоустройства. Точно такъ же и докладъ, въ случаѣ недоразумѣнія судьи, почти совершенно исчезаетъ изъ законодательства и практики описываемой эпохи; въ 1718 г. онъ былъ установленъ только для Сената, а не для низшихъ инстанцій [56]). Для Сената недоразумѣніе предполагается въ томъ случаѣ, если по Уложенію нельзя будетъ рѣшить, т. е. если въ Уложеніи данный случай не предусмотрѣнъ. Это вполнѣ согласно съ предписаніемъ указа 15 іюня 1714 г., который возстановилъ дѣйствіе Уложенія, отмѣнивъ всѣ новоуказныя статьи, измѣнившія его [57]). Воинскій Процессъ предусматриваетъ еще одинъ случай слѣдственнаго пересмотра дѣла: въ уголовныхъ дѣлахъ обвиняемый могъ до рѣшенія полковаго кригсрехта перенести дѣло на судъ фельдмаршала, какъ предсѣдателя генеральнаго суда, если, по его мнѣнію, производство въ полковомъ судѣ было пристрастно или односторонне [58]). Это начало введено,

53) См. Дмитріева указ. соч. стр. 571.

54) Ibidem, стр. 283.

55) Ibid. стр. 283—285.

56) „Но развѣ такое спорное, новое и многотрудное дѣло отъ челобитчиковъ объявится, которое по Уложенію рѣшить самому тому Сенату безъ доклада и безъ именнаго отъ Его Царскаго Величества указа отнюдь будетъ нельзя: тогда ему, Сенату, кромѣ ихъ, челобитчиковъ (въ чемъ уже необходимо есть), доносить Его Величеству и, получа указъ, рѣшить". П. С. З. № 3261, 22 дек., пунктъ 6.

57) П. С. З. № 2828. Этотъ указъ имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи русскаго законодательства, что впервые замѣчено гр. Сперанскимъ. Нашъ знаменитый государствовѣдъ полагалъ, что этотъ указъ составилъ эпоху въ новой исторіи русскаго законодательства и что дѣленіе этой науки должно быть, между прочимъ, пріурочено и ко времени изданія этого указа. Такимъ образомъ, 1-й періодъ новой исторіи долженъ заключать въ себѣ эпоху Уложенія, второй—отъ изданія Уложенія до указа 1714 г., третій—отъ изданія этого указа до Екатерины II и четвертый—до настоящаго времени (См. у Неволина П. С. сочин. т. 1 § 4, стр. 14 и 15).

58) „Буде кто изъ нижняго суда видимо себя отягченна помнитъ, тотъ можетъ о себѣ фельдмаршалу черезъ просительное письмо объявить, и отъ него рѣшенія ожидать (Проц. ч. III, гл. 1, ст. 6).

впрочемъ, съ оговоркою, что въ случаѣ несправедливой жалобы обвиняемый подвергается наказанію [59]). Таковы начала апелляціоннаго и слѣдственнаго восхожденія дѣлъ. Насколько послѣднія были прилагаемы на практикѣ—судить довольно трудно по неимѣнію данныхъ.

Тижущіеся могли отводить судей. Поводомъ къ отводу признавались тѣ же обстоятельства, какія опредѣлены относительно этого въ Уложеніи, т. е. дружба или свойство судьи съ противной стороной [60]). Заподозрѣнные въ этомъ судьи не могли уже судить даннаго дѣла: оно передавалось въ другой ближній городъ или же вытребовалось въ высшую инстанцію, гдѣ по немъ уже и постановлялся приговоръ; [61]) впрочемъ, изъ судебной практики начала XVIII ст., насколько она намъ доступна, не видно, чтобы когда нибудь въ указанномъ случаѣ дѣла изъ одного города переходили въ другой, разумѣя города равные одинъ другому по своему положенію въ областномъ управленіи. Но иногда, вмѣсто перевода дѣла въ соотвѣтствующую высшую инстанцію, дѣло переводилось въ учрежденіе равное, напр. изъ одного Приказа въ другой, если оба они состояли въ вѣдомствѣ одной и той же губернской канцеляріи; такъ, въ Москвѣ дѣла изъ Земскаго Приказа въ этихъ случаяхъ передавались въ другіе равные Приказы, хотя эти послѣдніе не были вовсе судебными учрежденіями или же имъ подлежали судныя дѣла особаго, спеціальнаго свойства. Въ 1714 г. одно дѣло, по подозрѣнію, взведенному истцами на тогдашняго судью Чирикова, было передано изъ Земскаго въ Провіантскій Приказъ [62]). Равномѣрно, иногда при отводѣ судьи, изъ губернскаго города въ уѣздъ командировался иной чиновникъ для производства даннаго дѣла [63]). Но этого мало; иногда отводъ не ограничивался однимъ даннымъ дѣломъ, а распространялся вообще на подсудность даннаго лица: по просьбѣ лица, находящагося въ территоріальной зависимости отъ того областнаго правителя, который имъ подозрѣвается въ непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ,—какъ само это лицо, такъ его дѣти и крестьяне освождались вовсе отъ подсудности данному правителю и подчинялись особой юрисдикціи; это, впрочемъ, было совершенно согласно съ указомъ 26 ноября 1696 года. Хотя примѣры такихъ домогательствъ и довольно рѣдки въ практикѣ начала XVIII стол., но тѣмъ не менѣе они встрѣчаются; такъ мы видимъ просьбу боярина Салтыкова (Алексѣя Петровича), который проситъ, чтобы самъ

59) Воин. Проц. ч. 1, гл. 1, ст. 6.

60) Улож. Гл. X ст. 3 и 4.

61) П. С. З. № 331, 4 янв. 1663 г.; № 1557, 26 ноября 1696 г. Дѣло Воронина и Мещерскаго 1716 г. А. М. Ю. Д. Суди. Пр. вязка 1378, № 14, л. 1 и 6. Вслѣдствіе подозрѣнія каширскаго ландрата въ дружествѣ къ истцу, Воронину, дѣло, по челобитью Мещерскаго, было вытребовано изъ каширской приказной избы въ Москов. Губернск. Канцелярію. Тоже см. въ дѣлѣ Ильиныхъ ibidem № 60 и др.

62) Дѣло Ярцевыхъ ibid. в. 767, № 29, л. 16—17; на челобитной истцовъ отъ 21 сент. 1714 г. читаемъ такую помѣту: «взять къ дѣлу и учинить указъ по Уложенію безволокитно въ Провіантскомъ Приказѣ *для того, что на судью челобитье*».

63) А. М. Ю. Д. Сен. кн. 121, л. 227—230.

онъ, его дѣти и крестьяне были вѣдомы не московскими судами, а самимъ Сенатомъ, при чемъ просьба эта мотивировалась ссорою просителя съ губернаторомъ, Нарышкинымъ, и вице-губернаторомъ, Ершовымъ [64]); такъ, можайскій помѣщикъ Строкинъ, не поладивъ съ мѣстнымъ комендантомъ, убѣдительно проситъ московскаго губернатора, чтобы онъ разрѣшилъ деревню его вѣдать судомъ и сборами не въ Можайскѣ, а въ Рузѣ, такъ какъ эти уѣзды, къ тому же, смежны [65]). Отводъ судей по Уложенію допускался только *до суда*, [66]) т. е. до допроса; послѣ допроса отводъ уже не признавался, ибо предполагалось, что въ этомъ случаѣ лицо добровольно подчинилось юрисдикціи даннаго судьи. Это правило было объяснено и подтверждено въ 1686 году, [67]) при чемъ право отвода было еще болѣе стѣснено тѣмъ, что отводъ воспрещенъ уже послѣ дачи сказки о срокѣ явки въ судъ. Еще болѣе строгости относительно этого выражено въ 1697 г. [68]): въ указѣ этого года предписано переносить дѣла изъ одного Приказа въ другой неиначе, какъ по подписаннымъ челобитнымъ, т. е. для отвода судьи и для переноса дѣла изъ того Приказа, которому оно подсудно, требовалось формальное прошеніе, такъ же, какъ и для начала дѣла вообще (запечатанная челобитная), и считалось недостаточнымъ одного словеснаго заявленія; при этомъ постановленіе указа 1686 г. о времени отвода до срочной сказки было подтверждено. Всѣ эти постановленія объ отводѣ были слѣдствіемъ новыхъ, а частью даже петровскихъ законовъ о судопроизводствѣ вообще: въ означенныхъ указахъ всюду сказано, что это постановляется «противъ новоуказныхъ статей». Но извѣстно, что всѣ такія *новоуказныя статьи* были отмѣнены въ 1714 г. и начала уложеннаго процесса были возстановлены во всей ихъ цѣлости: понятно, что и вопросъ объ отводѣ судей былъ снова разрѣшенъ по Уложенію.

Вообще законодательство первой четверти XVIII в. не касалось вопроса объ отводѣ судей до 1716 г., когда этотъ вопросъ былъ положительно разрѣшенъ въ Воинскомъ Уставѣ. Не трудно замѣтить, что начала, положенныя въ основаніе рѣшенія этого вопроса, совершенно согласны съ тѣми, которыя проведены въ Уложеніи: статьи Воинскаго Устава, опредѣляющія поводы и порядокъ отвода судей, должно считать дальнѣйшимъ развитіемъ соотвѣтствующихъ статей Уложенія. Во 1-хъ, Воинскій Процессъ, введенный Уставомъ 1716 г., имѣетъ своею характерическою особенностью краткость судопроизводства, въ чемъ онъ сходится съ нѣмецкимъ Summarischer Process; въ немъ, между прочимъ, очевидна реакція, вызванная крайнею продолжительностью стараго приказнаго судопроизводства, продолжавшагося иногда десятки лѣтъ. Вслѣдствіе этого, установленіе срока явки къ суду, по Уставу, предоставляется самому суду, а

64) А. М. Ю. Дѣла Сен. кн. 121, л. 459.

65) Ibid. Д. Судн. Пр. в. 1222, № 12, л. 4.

66) Гл. X ст. 3 и 4.

67) П. С. З. № 1166, 23 февр.

68) Ibidem № 1597, 7 окт.

не произволу тяжущихся, какъ это было прежде [69]); при этомъ срокъ предписано назначать кратчайшій [70]). Отсюда прямо и непосредственно слѣдуетъ, что вопросъ объ отводѣ до или послѣ срочной сказки со введеніемъ Устава исчезаетъ самъ собою: здѣсь опредѣленіе срока разсматривается не какъ особенный, договорный актъ, а какъ актъ самой судебной власти,—въ немъ уже нельзя видѣть молчаливаго согласія сторонъ подчиниться данной юрисдикціи.

Вопросъ объ отводѣ подозрительнаго судьи возбуждается передъ началомъ процесса, еще до принесенія судьями присяги, что является совершенно солидарнымъ съ постановленіемъ Уложенія объ отводѣ судей до суда. Во 2-хъ, поводы для отвода судей, постановленные въ Воинскомъ процессѣ, въ общихъ чертахъ тѣ же самые, т. е. свойство и дружба съ противной стороной; въ этомъ случаѣ законъ ограждаетъ судебное рѣшеніе отъ несправедливости и пристрастія, а слѣдовательно, ясно, что не только эти, но и другія отношенія къ тяжущемуся, присутствіе которыхъ не гарантируетъ безпристрастности приговора, должны считаться поводами къ отводу. Уложеніе выставило свойство и дружбу судьи съ противной стороной; Уставъ, признавая эти поводы, восполняетъ ихъ другими, которые должны быть признаваемы, если законодатель желаетъ быть послѣдовательнымъ основной мысли; таковы: вражда судьи къ одной изъ сторонъ, пользованіе услугами кого либо изъ тяжущихся и т. д. [71]); кромѣ того, Уставъ 1716 г. вообще устанавливаетъ распространительное толкованіе 3 и 4 ст. X главы Уложенія,—онъ не довольствуется исчисленіемъ иныхъ поводовъ къ отводу, въ Уложеніи прямо не указанныхъ, но кромѣ того, предоставляетъ самому суду свободу рѣшать: можетъ-ли подозрѣніе, предъявленное тяжущимся противъ судьи, хотя бы это подозрѣніе и не было прямо предусмотрѣно закономъ, быть поводомъ къ отводу; перечисливъ различные виды подозрѣнія судьи, Уставъ прямо говоритъ: «*и прочія причины*, о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ, *ибо всѣхъ причинъ подробно въ правахъ описать не можно*» [72]). Во всякомъ случаѣ, какой бы ни былъ поводъ, предъявленный тяжущимся, хотя бы даже и прямо предусмотрѣнный закономъ, судъ самъ рѣшаетъ вопросъ объ отводѣ судьи; судъ, не смотря даже на предъявленный отводъ, можетъ оставить судью въ засѣданіи, если найдетъ предъявленный поводъ недостаточно доказаннымъ или не могущимъ въ данномъ случаѣ вліять на безпристрастность приговора [73]).

---

69) См. предъидущую главу.

70) Проц. часть 1, гл. I, ст. 2, гл. IV, ст. 2; также см. постановленія о такъ называемомъ салеѣ-кондуктѣ, ibidem, гл. II.

71) Проц. гл. 1, ст. 13.

72) Ibidem.

73) Это ясно изъ 12 ст. 1-й гл. Воинск. Проц., гдѣ прямо говорится «.....потомъ же (т. е. по предъявленіи отвода) судіи между собою согласясь, опредѣлятъ ему либо быть въ судѣ по прежнему, или лишить его чиномъ (?) (dann deliberiren die uebrigen Richter unter sich, wer im Gerichte bleiben soll, oder aus dem Gerichte auszuschliessen sey)».

И такъ, вопросъ объ отводѣ судей, какъ онъ разрѣшенъ въ Уставѣ 1716 г., построенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Уложеніи; только эти начала здѣсь распространительно истолкованы и развиты согласно съ идеею коллегіальности суда и лучшею его организаціею.

Съ отводомъ судей тѣсно связанъ отводъ подьячихъ, у которыхъ производилось данное дѣло. Установленный еще Уложеніемъ [74]) отводъ подьячихъ нерѣдко встрѣчается въ судебной практикѣ описываемаго времени. Поводомъ къ этому служило то же подозрѣніе въ пристрастіи (посяжкѣ), которое и было общимъ поводомъ къ отводу судей; при этомъ судъ всегда довольствовался однимъ голословнымъ заявленіемъ тяжущагося и, не добиваясь никакихъ съ его стороны доказательствъ, передавалъ дѣло другому подьячему. [75])

IV. РАЗРЯДНЫЯ и ПОМѢСТНЫЯ ДѢЛА.

Областные начальники, а во главѣ ихъ—губернаторы, по отношенію къ служилымъ людямъ, находившимся въ ихъ районахъ, и вообще къ разряднымъ дѣламъ, сосредоточившимся въ Сенатѣ, были только исполнителями: они не могли уже прибирать служилыхъ людей на выбытыя мѣста, не могли верстать вновь, какъ это дѣлалось въ XVII вѣкѣ [1]).

Образованіе регулярнаго войска, при постоянномъ, ежегодномъ пополненіи контингента его періодическими наборами, дѣлало немыслимымъ вакантныя мѣста, а сосредоточеніе всего государственнаго управленія въ Сенатѣ дѣлало невозможнымъ самостоятельное военное управленіе губернаторовъ, не говоря уже объ иныхъ областныхъ правителяхъ. Но тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ исполненія, власть губернаторовъ по отношенію къ служилымъ людямъ была весьма значительна: она простиралась на личность и имущество служилаго человѣка.

Мы уже знаемъ, что въ нашемъ войскѣ первой четверти XVIII вѣка, рядомъ съ регулярнымъ войскомъ, удержалась и помѣстная конница, оставшаяся на прежнихъ основаніяхъ. Духъ строгости, царившій надъ всѣмъ управленіемъ того времени, но особенно ясно проявлявшійся въ тѣхъ вопросахъ его, которые были практическою и настоятельною потребностью времени,—сильно проступаетъ въ отношеніяхъ государства къ этому старинному рускому войску. Противодѣйствіе реформамъ и вообще начинаніямъ Петра В., быть можетъ, нигдѣ такъ не было велико, какъ со стороны помѣщиковъ-воиновъ, но, съ другой стороны, Петръ шутить не любилъ,—строгія наказанія, неусыпный надзоръ—вотъ что онъ противоставилъ привычной лѣни и недобросовѣстности помѣщиковъ. При этомъ самое управленіе отдано было въ руки Сената, хотя въ немъ большею частью участвуетъ и лично самъ Государь, а исполнительныя функціи съ значительными полномочіями вручены губернаторамъ, представителямъ сенатской власти въ области.

74) Гл. X, ст. 13.

75) А. М. Ю. Дѣла Суд. Пр. в. 1223, № 5, л. 4; 1378 №№ 16, л. 23, 90, л. 2 и др.

1) См. Чичерина *Обл. Учрежд.* стр. 123—129.

Постоянный надзоръ за служилыми людьми выражался въ частыхъ смотрахъ послѣднихъ, производившихся прежде въ Разрядѣ, а потомъ, когда съ учрежденіемъ Сената Разрядъ былъ уничтоженъ и присоединенъ къ Сенату въ качествѣ особаго канцелярскаго стола, [2])—перешедшихъ въ Сенатъ. Указы о высылкѣ служилыхъ людей на смотры посылались обыкновенно къ областнымъ начальникамъ,—до учрежденія губерній къ воеводамъ, [3]) а по учрежденіи губерній—новымъ областнымъ правителямъ. [4]) Но не всегда осмотры были производимы Сенатомъ, а равномѣрно иногда дѣло обходилось безъ высылки служилыхъ людей въ столицу; если кто изъ служилыхъ людей по болѣзни не могъ явиться въ Петербургъ, того осматривали, по Сенатскому указу, въ мѣстной губернской канцеляріи. [5])

Губернаторамъ также было иногда поручаемо составленіе списковъ служилымъ людямъ, представляемыхъ потомъ въ Сенатъ: такъ, въ 1711 г. московскому управителю, Ершову, велѣно было составить и подать въ Сенатъ списки городовымъ подъячимъ старшей, средней и младшей статьи, верстаннымъ и неверстаннымъ помѣстными окладами, при чемъ предписано дѣлать это и *впредь по вся годы*, [6]) что уже ясно указываетъ на то, что Ершовъ, и вообще-московскій губернаторъ, былъ уполномоченъ производить смотръ городовымъ подъячимъ ежегодно, представляя ихъ списки въ Сенатъ. Впрочемъ, было-ли это предписаніе спеціально назначеннымъ для Московской или же распространялось на другія губерніи,—по недостатку точныхъ указаній рѣшить не беремся. Но еще ранѣе этого указа состоялся другой, относящійся ко всѣмъ губерніямъ вообще и безъ сомнѣнія указывающій на то, что производство смотровъ служилымъ людямъ было иногда Сенатомъ поручаемо губернаторамъ: въ самомъ началѣ дѣятельности этихъ послѣднихъ, въ 1710 г., было предписано губернаторамъ—каждому въ своей губерніи, переписать всѣхъ дворянъ и годныхъ къ личному отправленію службы записать въ драгуны и солдаты, т. е. въ конный или пѣшій строй, а съ тѣхъ, которые окажутся неспособными къ личной службѣ, взять деньги [7]); подобное-же распоряженіе встрѣчается въ 1718 г., когда указами 17 и 31 января Московскому губернатору предписано было пересмотрѣть всѣхъ находившихся въ Москвѣ дворцовыхъ служителей не только отставныхъ, но и

2) См., между прочимъ, Петровскаго *О Сенатѣ*, стр. 63.

3) П. С. З. № 1782.

4) Ibid. №№ 2497, 2652, 2679, 2751, 2779, 2925, 3184. А. М. Ю. Д. С. кн. 17, л. 205 и слѣд.

5) А. М. Ю. Д. С. по Разрядному столу кн. $^{1}/_{641}$. Осмотръ Московской губ. канц. стольника Ивана Ивановича Ладыженскаго въ 1718 году. Донош. за подписями оберъ-коменданта Измайлова и трехъ ландратовъ, Коковинскаго, Шетнева и Щербачева, стр. 517 и слѣд. Прошенія о такомъ же смотрѣ въ мѣстной губ. канц. Маркова, Кобелева и ин., стр. 518. Сенатскій указъ Москов. Губ. Канц. о помѣщикѣ Глѣбовѣ, стр. 573 и слѣд.

6) А. М. Ю. Сен. Д. кн. 1, л. 484 и слѣд.

7) П. С. З. № 2257, 6 марта.

состоявшихъ еще въ службѣ: способныхъ еще къ службѣ велѣно опредѣлить куда либо по усмотрѣнію, только на такія мѣста, съ которыхъ они могли бы получать жалованье, если за ними не было помѣстій, а неспособнымъ къ службѣ, старымъ и больнымъ, опредѣлить содержаніе изъ дворцовыхъ доходовъ, также по усмотрѣнію. [8]) Иногда смотры производились лично самимъ Государемъ; такъ въ 1710 г. всѣхъ раненыхъ офицеровъ предписано было выслать въ Петербургъ, на личный Государевъ смотръ. [9]) Таковы были обязанности губернскихъ начальствъ по отношенію къ смотрамъ служилыхъ людей, какъ средству постояннаго надзора за ними со стороны центральной власти. Послѣдствія неявки къ смотру для служилыхъ людей были вообще неблагопріятны, они равнялись нѣтамъ и иногда неявившимся на смотръ въ опредѣленные сроки угрожала вѣчная ссылка. [10]) Высылка служилыхъ людей на службу составляла также немаловажную заботу губернскихъ начальствъ. Неявка на службу въ случаѣ сбора, а равномѣрно и укрывательство (нѣты) были всегда строго преслѣдуемы. Въ мартѣ 1711 г. Государь повелѣлъ вновь учрежденному Сенату всѣми мѣрами стараться объ искорененіи укрывательства отъ службы; вслѣдствіе этого Сенатъ объявляетъ всѣмъ и каждому, что кто донесетъ на укрывающагося, то ему, доносчику, будутъ отданы всѣ помѣстья и вотчины того, на кого онъ донесетъ. [11]) Въ апрѣлѣ того же года этотъ указъ былъ подтвержденъ съ тѣмъ добавленіемъ, что если кто либо, зная объ укрывающихся отъ службы, не объявитъ о томъ, то будетъ подвергнутъ штрафу, *смотря по персонѣ*. [12]) Въ слѣдствіе этого подтвержденія и угрозы, въ Сенатскую Канцелярію стали появляться доносчики съ просьбами о командировкѣ съ ними солдатъ для сыска и представленія укрывающихся: такъ въ теченіи апрѣля явились стольникъ Жадовскій, донесшій, что знаетъ много нѣтчиковъ въ Костромскомъ уѣздѣ, и нѣкто Жидовиновъ [13]). Имъ была дана помощь изъ солдатъ, хотя противъ могущаго произойти обмана съ ихъ стороны и злоупотребленій такимъ опаснымъ полномочіемъ и были приняты мѣры: стольнику Жадовскому былъ данъ наказъ объ отысканіи, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что если онъ нѣтчиковъ *не изойдетъ*, то повиненъ уплатить прогонныя деньги за солдатъ, данныхъ ему въ помощь, въ противномъ случаѣ уплата этихъ денегъ возложена на отысканныхъ нѣтчиковъ; равномѣрно Жидовинова обязали не брать взятокъ при сыскѣ. [14]) Такимъ образомъ, правительство, желая искоренить *нѣты*, предоставляло это дѣло частной иниціативѣ, вмѣняя подобные доносы даже въ обязанность частнымъ лицамъ, въ обязанность, за невыполненіе которой грозило штрафами. Эта мѣра практиковалась во все послѣдующее время: встрѣчаются въ подлинныхъ Сенат-

8) А. М. Ю. Сен. Д. по Московск. губерніи кн. $\frac{9}{125}$, л. 22 и 34.

9) П. С. З. № 2245, 9 янв.

10) Ibidem, № 2098.

11) А. М. Ю. Сен. Д. кн. 1, л. 53 и слѣд. П. С. З. № 2327.

12) А. М. Ю. Сен. Д. ibid. л. 146.

13) Ibidem, л. 283 и 303.

14) Ibidem.

скихъ дѣлахъ случаи доносовъ; еще чаще встрѣчаются подтвержденія указа 1711 г. [15]) Правительство всѣми мѣрами старалось сдѣлать изъ гражданъ доносчиковъ, хотя общество, за исключеніемъ частныхъ, одиночныхъ случаевъ, далеко не сочувствовало этой системѣ, не терпѣло въ своей средѣ доносчиковъ, чѣмъ, между прочимъ, объясняется и плохой успѣхъ у насъ института фискаловъ, ненавистнаго и презираемаго нашимъ обществомъ учрежденія [16]). Областнымъ начальникамъ по отношенію къ служилымъ людямъ, по отношенію къ высылкѣ ихъ на службу, были предоставлены значительныя полномочія, всѣ указы о сборахъ на службу посылались къ губернаторамъ, которые и должны были ихъ высылать къ опредѣленному сроку въ извѣстное мѣсто или собирать съ нихъ даточныхъ и деньги взамѣнъ личной службы [17]); за поноровку и невысылку служилыхъ людей областные начальники подвергались смертной казни. [18]) Но иногда указы о явкѣ въ службу адресовались къ самимъ служилымъ людямъ, помимо ихъ областныхъ начальствъ; не смотря, однакожъ, на это, и въ такихъ случаяхъ областные начальники высылали ихъ на службу, прибѣгая при этомъ даже къ суровымъ мѣрамъ: такъ, въ 1711 состоялся указъ, по которому всѣ стольники обязаны были явиться лично въ Бѣлгородскій полкъ, при чемъ указъ былъ адресованъ прямо къ стольникамъ, а не къ подлежащимъ губернаторамъ; [19]) затѣмъ было разрѣшено за старостью и болѣзнью выставлять вмѣсто себя конныхъ даточныхъ. Но нѣкоторые коменданты (воеводы), не смотря на поставку даточныхъ, принуждали и самихъ помѣщиковъ къ личной явкѣ, а за ослушаніе подвергали аресту и правежу ихъ дворовыхъ и крестьянъ, о чемъ и поступила въ Сенатъ жалоба. [20]) За неявку на службу къ указанному сроку служилые люди подвергались тюремному заключенію. [21]) Употребленіе таковой суровой мѣры было предоставляемо областнымъ начальникамъ: такъ, въ 1711 г. ландрихтеръ Кикинъ, управлявшій въ этомъ году за отсутствіемъ адмирала Апраксина Азовскою губерніею, за неявку въ Бѣлгородскій полкъ, заключилъ въ тюрьму трехъ лицъ: Губарева и кн. Степана Кугушева въ Касимовѣ и Михаила Борноволока въ Кадомѣ, о чемъ и донесъ Сенату [22]), а въ 1712 г. вологодскій ландрихтеръ Оленинъ за просрочку посадилъ въ тюрьму мѣстнаго дворянина, Савву Макшеева [23]).

Таковы права и обязанности областныхъ начальниковъ по отношенію къ высылкѣ служилыхъ людей въ полки и таковы мѣры, которыя предпринимались

---

15) П. С. З. №№ 2337, 2845, 2988 и др.

16) Петровскій *О Сенатѣ*, стр. 135—156.

17) П. С. З. №№ 1681, 1729, 1811, 2334, 2355, 2385 и др. А. М. Ю. Сен. Д. кн. 21, л. 2070 и слѣд.

18) П. С. З. № 1947.

19) А. М. Ю. Сен. Д. кн. 1, л. 61 и слѣд.

20) Ibidem. кн. 1, л. 469 и слѣд.

21) П. С. З. № 2685.

22) А. М. Ю. Сен. Д. кн. 2, л. 42 и 376.

23) Ibid. кн. 9, л. 288, 289.

правительствомъ для искорененія укрывательства отъ службы, столь обычнаго въ изслѣдуемую эпоху и составлявшаго, при тогдашней нуждѣ въ войскѣ, немаловажное препятствіе для предначинаній Петра В. Безъ сомнѣнія, главною, первостепенною обязанностью служилыхъ людей, составлявшихъ контингентъ помѣстной конницы, была военная служба, на которую они должны были являться по первому трѣбованію, но равномѣрно на служилыхъ людей возлагались иногда и обязанности гражданской службы или, вообще, имъ поручались разнообразныя функціи невоенныя: это называлось нахожденіемъ *у дѣлъ*, командировкой *къ дѣламъ*. Мы уже видѣли выше [24]) насколько у насъ въ первой четверти XVIII вѣка былъ развитъ типъ коммиссіи, порученій: всѣ чиновники были, собственно, коммиссарами правительства, получавшими по мѣрѣ развитія должностей въ опредѣленные институты спеціальныя названія или же оставававшимися при родовомъ названіи коммиссаровъ. Тотъ-же типъ коммиссіи былъ присущъ и этимъ командировкамъ, чѣмъ объясняется то разнообразіе, которое представляли собою занятія служилыхъ людей, командируемыхъ къ дѣламъ гражданскаго управленія. Они были назначаемы на всякаго рода должности, смотря по тому, въ чемъ въ данное время и въ данной области чувствовался недостатокъ. [25]) Царедворцы въ областяхъ опредѣлялись къ различнымъ дѣламъ: они были коммиссарами разнаго рода: полковыми, Сенатскими, квартермистрами; они имѣли на своемъ попеченіи драгунскія лошади, завѣдывали отправленіемъ аммуниціи на полки, описью полковъ; они были сборщиками рабочихъ на Петербургское строеніе и сборщиками окладныхъ денегъ съ церковниковъ; были назначаемы въ смотрители лѣсныхъ засѣкъ. [26]) Царедворцы опредѣлялись иногда для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ въ губернскихъ канцеляріяхъ, назначались объѣздчиками Земскаго Приказа, равномѣрно судьями какъ въ этомъ Приказѣ, такъ и въ другихъ, какъ-то: Провіантскомъ и Ратушѣ; они бывали оберъ-комендантами, комендантами, оберъ-инспекторами [27]) и ландратами, [28]) иногда прямо назначались для производства переписи жителей, [29]) къ подрядными дѣламъ, [30]) къ отправленію корабельнаго лѣса, [31]) въ фискалы при разборѣ подьячихъ; [32]) но, какъ кажется, одною изъ главнѣйшихъ и во всякомъ случаѣ чаще встрѣчающихся

24) Гл. IV.

25) Служилые люди, на сколько они носили названія придворныхъ чиновъ, назывались въ изслѣдуемое время общимъ именемъ *царедворцевъ*; такъ называются окольничіе, думные дворяне и дьяки, стольники, комнатные стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы. См. Переп. Сен. съ Азовскою губ. о присылкѣ вѣдомостей объ испомѣщеніи вышеназв. чиновъ (А. М. Ю. Сен. дѣла кн. 114, л. 487; озаглавлено: «о царедворцахъ»). Въ опредѣленіяхъ къ дѣламъ граждан. управленія встрѣчаются исключительно царедворцы.

26) А. М. Ю. Д. С. кн. 10, л. 27 и слѣд.

27) Ibidem.

28) Ibid. кн. 19, л. 258 и слѣд., кн. 35, л. 15 и слѣд.

29) Ibid. кн. 19, л. 175 и 258.

30) П. С. З. № 2894.

31) А. М. Ю. Сен. Д. кн. 21, л. 674 и слѣд.

32) Ibid. кн. 10, л. 27.

функцій царедворцевъ должно признать производство подьяческихъ разборовъ въ областяхъ. [33]) Иногда царедворцы назначались опекунами недорослей-помѣщиковъ, [34]) т. е. командировались къ помѣстнымъ дѣламъ, дѣламъ полицейскимъ; [35]) наконецъ, царедворцы назначались отъ правительства управляющими и смотрителями домовъ разныхъ сановниковъ въ ихъ отсутствіе и по ихъ ходатайству: такъ въ 1711 г. князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгорукій, бывшій нашимъ посломъ въ Варшавѣ, [36]) обратился съ подобнымъ ходатайствомъ къ Сенату, который и опредѣлилъ для *смотрительства* его московскаго дома изъ жильцовъ Семена Брянчанинова. [37]) Таковы были разнообразныя дѣла, поручаемыя царедворцамъ въ области; царедворецъ могъ быть всѣмъ, начиная отъ должности областнаго правителя (коменданта, ландрата) и кончая смотрителемъ сановничьяго дома. Безъ сомнѣнія, на это разнообразіе назначеній постоянно вліяло различіе въ служебныхъ рангахъ царедворцевъ: окольничій, стольникъ и т. п. не могли быть назначены смотрѣть за чьимъ-либо домомъ, какъ равномѣрно изъ житья не было назначеній въ высшія правительственныя должности области, но какъ бы то ни было,—царедворцы внѣ военной ихъ службы могли быть всѣмъ по волѣ правительства и по надобности: въ ихъ назначеніяхъ къ губернскимъ дѣламъ ясно проступаетъ типъ коммиссіи, порученія, общій всей гражданской службѣ первой четверти XVIII вѣка. Но порученія могутъ быть различны по предмету и продолжительности; до сихъ поръ мы перечислили порученія болѣе или менѣе продолжительныя, но царедворцамъ иногда дѣлались временныя порученія, по отношенію къ исполненію которыхъ возникали нѣкоторыя обязанности мѣстныхъ областныхъ начальниковъ къ служилымъ людямъ; такъ, иногда областное начальство было обязано помогать Сенату въ искорененіи медленности въ посылкахъ: изъ губернскихъ канцелярій продавались дома царедворцевъ, замѣченныхъ въ медленности въ исполненіи даннаго порученія, при этомъ губернаторамъ было вмѣняемо въ обязанность продавать такія дома лицамъ постороннимъ, а не родственникамъ или свойственникамъ прежняго владѣльца: *чтобъ посылаемымъ тамъ пристанища не было.* [38]) Для объявленія по гу-

33) А. М. Ю. Сен. Д. кн. 10, л. 5 и слѣд., кн. 22, л. 79 и слѣд., кн. 23, л. 719 и слѣд., кн. 29, л. 34, 188; кн. 60, л. 78. П. С. З. № 2494, 21 февр. 1712 г.

34) П. С. З. № 2205.

35) Ibid. № 2296.

36) См. Соловьева *Исторія Россіи* и Петровскаго *О Сенатѣ*, ст. 57.

37) А. М. Ю. кн. 10, л. 95.

38) Мѣру эту, скорѣе предупредительную, чѣмъ карательную,—нельзя считать общею; это былъ просто сепаратный указъ (14 янв. 1712 г.) Сената, касавшійся слѣдующихъ лицъ: дьяка Дворцовой Походной Канцеляріи Мих. Воинова, и канцелярскихъ служителей той же канцеляріи: Ив. Аверкіева, Алексѣя Строева, Василья Ивина, Ив. Завьялова, Луки Минина, Якова Давыдова и Тимоф. Кучукова. Всѣ эти лица были посланы въ Москву съ какимъ то спѣшнымъ порученіемъ, но зажились долго въ тамошнихъ домахъ своихъ. Сенатъ повелѣваетъ ихъ выслать немедленно въ С.-Петербургъ, а для предупрежденія дальнѣйшей неисполнительности—въ слѣдующихъ посылкахъ предписываетъ московскому губернатору продать ихъ московскіе дома постороннимъ (А. М. Ю. Сен. Д. кн. 15, л. 2 и слѣд.).

берніямъ о какомъ либо радостномъ происшествіи при Царскомъ Дворѣ или въ государствѣ обыкновенно также посылались царедворцы. Такіе гонцы получали за эти извѣщенія подарки деньгами, такъ называемые *презенты*, или *презентальныя деньги*. Презентальныя деньги собирались въ видѣ единовременнаго сбора, которому подлежали духовныя власти, губернаторы, вице-губернаторы, ландрихтеры и ландраты, оберъ-коменданты и коменданты, приказные люди, бурмистры, гости и гостиная сотня, а равно и всѣ горожане вообще; размѣръ этихъ денегъ или прямо опредѣлялся въ указѣ, или же предоставлялся на волю дарителей: «*каждой по силѣ своей*». Какъ кажется, это предоставленіе на волю дѣлалось относительно высшихъ чиновниковъ области; приказные люди и представители общества платились обыкновенно по указному размѣру. Презентальныя деньги собирались губернаторами и присылались въ Петербургъ; тѣ же лица, которыя во время объявленія о такомъ радостномъ событіи находились въ столицахъ, платили презенты лично. Слѣдующій примѣръ покажетъ читателямъ порядокъ сбора презентальныхъ денегъ и подтвердитъ наши слова. По указу, объявленному Сенату Меншиковымъ отъ 23 февр. 1712 г., въ Москву и въ прочіе города государства съ объявительными грамотами о бракѣ Царя (съ Екатериною) былъ посланъ ближній окольничій, Кузьма Хрисанфовичъ Патрикѣевъ. Въ томъ же указѣ велѣно ему дѣлать презенты: „*дабы онаго столь преславною и достославною радостію посланнаго каждой по силѣ своей на Москвѣ подарками почтили*“; изъ губерній же подарки, собранные губернаторами, велѣно было прислать по 50 р., разверставъ по состоянію каждаго: „*и тѣ деньги*, говорится въ указѣ, *собрать съ городовъ, разверставъ по состоянію тѣхъ городовъ, что съ котораго города доведетца взять денегъ*“. Но если какой либо городъ былъ не въ силахъ заплатить 50 р., то велѣно брать менѣе, по усмотрѣнію, а остальные добрать съ тѣхъ городовъ, которые были побогаче. Эти презенты изъ областей предписано присылать въ Петербургъ, Меншикову, а за его отсутствіемъ—вице-губернатору, Римскому Корсакову, а о количествѣ почестья, даннаго Патрикѣеву на Москвѣ, онъ долженъ былъ донести обстоятельно Сенату. Относительно исполненія этого указа мы знаемъ только, что въ декабрѣ того же года изъ Сибирской губерніи были присланы въ Петербургъ презентальныя деньги въ такомъ размѣрѣ: отъ губернатора лично 300 руб. и съ 30 городовъ (по 50 р.) 1500 р. Объ исполненіи указа въ другихъ областяхъ свѣдѣній нѣтъ. [39]) Также точно въ 1717 г. былъ одаренъ стольникъ Борисъ Ивановичъ Нероновъ, объявившій о рожденіи Великаго Князя Петра Петровича [40]). Судя по примѣрамъ, презентальныя деньги доходили до значительной цифры; сомнѣваемся, чтобы всѣ онѣ шли глашатаю: такія огромныя пожалованія и награды не были и не могли быть въ духѣ и въ силахъ того времени; но что касается до какого либо инаго употребленія этихъ денегъ, то мы на то не имѣемъ ровно никакихъ указаній, а потому и вынуждены отказаться отъ рѣшенія вопроса всѣ-ли презентальныя деньги шли глашатаямъ

39) А. М. Ю. Сен. Д. по Сибирск. губ. о разныхъ сборахъ, кн. $^{2}/_{164}$, л. 43, 47.

40) А. Ю. Сен. Д. кн. 37, л. 1152 и слѣд.

радостныхъ событій или же только извѣстная ихъ часть, а остальная сумма имѣла какое либо иное предназначеніе.

Презентальные сборы и дачи не были нововведеніемъ XVIII вѣка; нѣчто подобное встрѣчается и въ XVII вѣкѣ: за объявленія какого либо событія въ Царскомъ Домѣ, радостнаго или печальнаго, объявители получали помѣстныя прибавки и денежныя награды; [41]) но какимъ образомъ производились эти презенты въ XVII-мъ вѣкѣ и съ кого собирались—свѣдѣній нѣтъ. Командировки царедворцевъ къ гражданскимъ дѣламъ считались дѣйствительною службою; за неявку командированному угрожало отнятіе помѣстій и вотчинъ; такъ въ 1711 г. въ Кіевскую губ. къ дѣламъ былъ опредѣленъ царедворецъ Канбаръ Акинфовъ, который не явился на мѣсто службы: за это у него было конфисковано недвижимое имущество, и ему стоило большаго труда убѣдить Сенатъ въ томъ, что онъ былъ болѣнъ и, кромѣ того, еще до командировки въ Кіевскую губ., былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими на службу въ Бѣлгородскій полкъ. [42]) Командировкой къ дѣламъ царедворцы могли отговариваться даже отъ явки на военную службу.—стало быть такая командировка могла замѣнять собою полковую службу. Такъ въ 1711 г. стольникъ Григорій Огаревъ былъ командированъ для розыскныхъ дѣлъ во Владимірскій уѣздъ. Не зная о такой командировкѣ, Казанскій губернаторъ, считая Огарева *въ нѣтяхъ*, предписалъ арзамасскому коменданту конфисковать тамошнія его вотчины. Но когда дѣло объяснилось, Сенатъ призналъ такую конфискацію неправильною и предписалъ владимірскую командировку засчитать Огареву за бѣлгородскую службу. [43]) Равномѣрно, еще ранѣе этого факта, а именно въ 1707 г., было предписано явиться въ Разрядъ къ смотру только тѣмъ служивымъ людямъ, которые находились *не у дѣлъ* [44]). Но съ другой стороны, такой взглядъ правительства на *нахожденіе у дѣлъ* нельзя считать постоянною нормою. Военная служба все таки считалась важнѣе и необходимѣе гражданской и въ случаѣ надобности, при коллизіи требованій той или другой, перевѣсъ оставался на сторонѣ военной службы. Такъ въ 1706 г. было предписано осмотрѣть въ Разрядѣ всѣхъ служилыхъ людей, состоявшихъ у дѣлъ въ Москвѣ, и такихъ только оставить, которые по смотру окажутся неспособными къ драгунской службѣ; [45]) тоже было повторено и въ началѣ 1708 г. [46]).

Опредѣленіе царедворцевъ къ дѣламъ всегда зависѣло отъ центральнаго правительства. Обыкновенно, губернаторы, которымъ ближе всѣхъ знать потребности управленія своихъ губерній, обращались къ Сенату съ доношеніями, въ которыхъ обозначалось, какія лица и къ какимъ дѣламъ нужны, и Сенатъ

41) См. о Хованскомъ Боярск. кн. 1668 г., ч. VI, л. 55; о Шаховскомъ Боярск. кн. ibid. л. 75, и мн. др.

42) А. М. Ю. Сен. д. кн. 12, л. 1191.

43) Сен. ук. 25 янв. 1712 г. ibid. кн. 9, л. 292—294.

44) П. С. З. № 2181.

45) Ibidem, № 2100.

46) Ibidem, № 2183.

разрѣшалъ командировку; при этомъ, если въ губернаторскомъ доношеніи не было опредѣлено, къ какимъ дѣламъ потребны просимые царедворцы, то Сенатъ предписывалъ подлежащему губернатору увѣдомить его о томъ. [47]) Иногда такія доношенія въ Сенатъ были присылаемы прямо отъ второстепенныхъ областныхъ правителей, помимо губернаторовъ: такъ, въ 1712 г. Ярославскій оберъ-комендантъ, Нелединскій-Мелецкій, донесъ Сенату объ опредѣленіи къ дѣламъ своей провинціи царедворца Кузьмина вмѣсто заболѣвшаго Ртищева. [48]) Но иногда, особливо въ началѣ періода, встрѣчаются и примѣры назначеній самими губернаторами безъ предварительной переписки съ Сенатомъ: такъ, въ 1711 г. азовскій губернаторъ Апраксинъ, своею властью, опредѣлилъ къ дѣламъ своей губерніи пять человѣкъ царедворцевъ, о чемъ и увѣдомилъ Сенатъ. [49]) Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утверждается принципъ назначенія царедворцевъ къ дѣламъ Сенатомъ, но, по всей вѣроятности, и въ позднѣйшее время бывали примѣры самовольныхъ командировокъ безъ сенатскаго распоряженія, что, наконецъ, и вызвало потребность указомъ опредѣлить порядокъ назначенія царедворцевъ къ дѣламъ гражданскаго управленія не иначе, какъ по усмотрѣнію Сената. [50]) Впрочемъ Сенатъ всегда соглашался съ представленіями областныхъ начальствъ: по крайней мѣрѣ нѣтъ примѣра отказа въ такихъ назначеніяхъ.

Таковы были отношенія губернскаго управленія къ разряднымъ дѣламъ. Главнымъ рѣшителемъ по дѣламъ этого рода сдѣлался Сенатъ, своею властью ограничивавшій компетенцію областныхъ правителей, низводя эту компетенцію, по особенно важнымъ разряднымъ вопросамъ, до простаго исполненія, хотя полномочія губернаторовъ и были все таки чрезвычайно обширны, хотя губернаторамъ и были подчинены въ этомъ отношеніи не только имущественныя, но и личныя права членовъ помѣстной конницы. Въ началѣ періода, еще до учрежденія губерній, областные начальники еще не совсѣмъ утрачиваютъ свое право, принадлежавшее имъ въ XVII вѣкѣ,—право прибирать служилыхъ людей; такъ, въ 1707 г., кн. Матвѣй Гагаринъ, какъ *Сибирскихъ провинцій судья*, прибираетъ драгунскій полкъ изъ царедворцевъ, городовыхъ дворянъ, вольницы, солдатъ, пушкарей и дѣтей ихъ. [51]) Но это было исключеніемъ; по общему правилу приборы ратныхъ людей областными начальниками утратили уже свой смыслъ. По крайней мѣрѣ, ни

47) См. слѣд. командировки 1712 г.: *въ Московскую губер.* кн. Черкасскаго и Бестужева-Рюмина (А. М. Ю. Сен. Д. кн. 9, л. 485), Трусова, Ушакова, кн. Гундорова и др. (ibid. л. 705), Полонскаго (ibid. л. 709), Ларіонова (ibid. л. 743), Шетнева и Игнатьева (ibid. кн. 12, л. 1146), кн. Вяземскаго и Хотѣтовскаго (ibid. кн. 13, л. 295 и слѣд.). *Въ Сибирскую губ.* кн. Щербатова, Норова, Братцова, Кречетникова и ин. (ibid. кн. 9, л. 1017, кн. 10, л. 133). Равнымъ образомъ см. командировку въ Сибирск. губ. Измайлова (Ивана) въ 1714 г. (ibid. кн. 10, л. 175).

48) А. М. Ю. Сен. д. кн. 10, л. 764 и слѣд.

49) Ibid. кн. 21, л. 1302.

50) П. С. З. № 2770, 4 февр. 1714 г.

51) Ibid. № 2136.

въ одномъ воеводскомъ наказѣ съ 1699 г. не встрѣчается такого полномочія, а въ одномъ изъ нихъ, именно въ наказѣ нерчинскому воеводѣ отъ 5 янв. 1701 г., прямо сказано: „А по вѣстямъ о прибавочныхъ ратныхъ людяхъ для приходу подъ Нерчинскъ и подъ уѣзды воинскихъ людей..... писать". [52])

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ областнаго управленія къ помѣстнымъ дѣламъ. Вопросъ о помѣстьяхъ вообще тѣсно связанъ съ вопросомъ о службѣ, и чѣмъ строже отношенія къ службѣ, тѣмъ болѣе поземельное владѣніе принимаетъ помѣстный типъ; вотчины сливаются съ помѣстьями и оба вида поземельнаго владѣнія какъ-бы исчезаютъ въ идеѣ временнаго и условнаго правомочія помѣщика. Въ началѣ XVIII вѣка помѣстья и вотчины имѣютъ уже настолько казенный характеръ, настолько въ нихъ утратилось всякое представленіе о частной принадлежности, что за безчестье, нанесенное помѣщикомъ, не велѣно уже отписывать его помѣстья и вотчины въ пользу истца, а велѣно брать деньги и въ случаѣ несостоятельности подвергать отвѣтчика тѣлесному наказанію. [53]) Здѣсь основная идея не требуетъ особаго толкованія: помѣстья и вотчины есть собственность Государя, а потому на нихъ не должно падать вознагражденіе истца, который долженъ имѣть дѣло съ помѣщикомъ лично, котораго помѣщикъ вознаграждаетъ тѣмъ, что ему принадлежитъ лишь на правѣ частной собственности, а не помѣстнаго владѣнія.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о помѣстьяхъ въ первой четверти XVIII вѣка, когда, съ учрежденіемъ губерній, помѣстныя дѣла, для удобства управленія, были перенесены въ губернскія канцеляріи, [54]) а въ столицѣ по отношенію къ этимъ дѣламъ прежде фигурировали разныя учрежденія, какъ-то Мундирная Канцелярія по выморочнымъ помѣстьямъ, [55]) Ближняя Канцелярія по вопросамъ о справахъ помѣстій за женихами послѣ брака [56]) и т. д., а впослѣдствіи значеніе центральнаго вѣдомства по помѣстьямъ воплотилось въ Сенатѣ. Испомѣщеніе происходило обыкновенно по Сенатскимъ указамъ, посылаемымъ къ губернаторамъ. Впрочемъ, когда дѣло шло объ испомѣщеніи какого либо иностранца, перешедшаго въ русскую службу, то указы въ губерніи посылались изъ Посольскаго Приказа: такъ въ 1716 г. въ Кіевской губ., въ Сумскомъ полку былъ исомѣщенъ перешедшій въ русскую службу волошскій полковникъ Апостолъ Кигичъ, по указу изъ Посольскаго Приказа. [57]) Во всякомъ случаѣ власть губернатора и въ дѣлахъ этого рода, какъ и въ дѣлахъ разрядныхъ, получила главнымъ образомъ исполнительный характеръ.

---

52) П. С. З. № 1822.

53) Ibid., № 1796, 7 іюня 1700 г.

54) Ibidem № 2251.

55) См. дѣло Свищевыхъ 1711 г. А. М. Ю. Сен. д. кн. 5, л. 226 и слѣд.; П. С. З. № 2461 и дѣло Монастыревыхъ того же года, ibid. л. 809 и слѣд.

56) Ук. 9 февр. 1710 г.

57) А. М. Ю. Сен. д. по Кіевск. губ. кн. $^{4}/_{XI4}$, л. 41 и слѣд.

V. ПОЛИЦЕЙСКІЯ ДѢЛА.

Одною изъ главнѣйшихъ полицейскихъ обязанностей губернаторовъ въ началѣ XVIII вѣка были мѣры противъ заразительныхъ болѣзней, которыя, главнымъ образомъ, опустошали нашу южную украину. Частыя и продолжительныя повѣтрія обращали на себя особое вниманіе правительства. Сенатъ особенно заботился о предотвращеніи мора, и подъ его надзоромъ губернаторы зорко слѣдили за появленіемъ заразы. Мѣры предупрежденія и пресѣченія повѣтрій были чрезвычайно сильны, энергичны. При появленіи повѣтрія тотчасъ учреждались карантины, или заставы, на которые назначались служилые люди съ огромными полномочіями, съ правомъ жизни и смерти для ослушниковъ. [1]) Письма и бумаги, которыя получались изъ зараженной мѣстности, подвергались окуриванію; [2]) ярмарки тотчасъ закрывались и до слѣдующаго сенатскаго указа не открывались; такъ, въ 1710 г., по случаю появленія моровой язвы, была закрыта Свинская ярмарка (Кіевск. губ. Брянск. уѣзда) и открылась только по сенатскому указу 25 іюня 1712 г. Сенатскій указъ въ подобныхъ случаяхъ постановлялся неиначе, какъ по увѣдомленіи мѣстнаго губернатора объ окончаніи эпидеміи. [3]) Лица, какого-бы значенія и служебнаго ранга они ни были, проѣзжая изъ мѣстности завѣдомо зараженной, были останавливаемы ближайшимъ областнымъ начальствомъ и задерживаемы, о чемъ областные начальники доносили Сенату: такъ, въ 1712 г. нашъ посланникъ при Турецкомъ Дворѣ, Толстой, по случаю появленія въ Константинополѣ моровой язвы, пробирался назадъ въ Россію и былъ задержанъ кіевскимъ губернаторомъ, донесшимъ о томъ Сенату. [4]) Таковы мѣры, которыя принимались, подъ постояннымъ надзоромъ Сената, нашими губернскими начальствами въ случаѣ появленія моровой язвы и вообще эпидеміи. Будучи исполнителями предначертаній Сената, областные правители въ случаяхъ, требующихъ немедленнаго мѣропріятія, дѣйствовали по своему усмотрѣнію: такъ, когда лѣтомъ 1718 г. появилось моровое повѣтріе въ Бахмудѣ, Запорожской Сѣчи и Черкасскихъ городахъ, то бахмудскій комендантъ, Корецкій, своею властью приказалъ сжечь не только трупы умершихъ, но и самые зараженные дома. [5]) Въ виду возможности скорѣйшаго принятія мѣръ относительно повальныхъ болѣзней, въ 1718 г. состоялся указъ, предписавшій всѣмъ жителямъ Петербурга немедленно объявлять генералъ-полицмейстеру о всѣхъ заболѣвшихъ горячкою. [6]) Но кромѣ мѣры пресѣченія повальныхъ болѣзней, въ XVIII вѣкѣ практиковалось и нѣсколько мѣръ предупрежденія заразы; жаль только, что всѣ эти мѣры были направлены на однѣ столицы и не касались другихъ городовъ. Въ числѣ этихъ мѣръ достойно упоминанія запрещеніе бросать въ Москвѣ на улицахъ

1) П. С. З. № 2296, 2280, 2418, 2441, 2568 и др.
2) Ibid. № 2300.
3) А. М. Ю. Сен. д. кн. 2, № 13, л. 382 и слѣд.
4) Ibidem кн. 12, л. 740 и слѣд.
5) А. М. Ю. Сен. д. кн. $^{XI}/_{62x}$, л. 5 и слѣд.
6) П. С. З. № 3256, 13 дек.

помётъ и мертвечину подъ угрозою кнута и денежной пени. [7]) Эта мѣра, приправленная такимъ суровымъ обѣщаніемъ, указываетъ вообще на внѣшнюю обстановку нашей городской жизни, и, понятно, если для очищенія Москвы отъ нечистотъ нуженъ былъ кнутъ, то въ другихъ городахъ и пройдти нельзя было за нечистотами. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ частыхъ повальныхъ болѣзней, такъ жестоко опустошавшихъ въ то время Россію. Равномѣрно, правительство старалось слѣдить за продажею съѣстныхъ припасовъ, предписывая смотрѣть, чтобы продажное мясо было хорошаго качества и. т. п. [8]) Но, повторяемъ, такія санитарно-предупредительныя мѣры были предпринимаемы главнымъ образомъ для столицъ; что же касается до такихъ же мѣръ въ областяхъ, то объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Точно также правительство интересовалось и вопросомъ о городскихъ постройкахъ почти исключительно для столицъ и всѣми мѣрами принуждало жителей строиться по плану и образцу, имъ предписаннымъ.—Въ Москвѣ предписывалось строить въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ каменныя строенія, а для людей, не столь зажиточныхъ,—мазанки. Строеніе должно было выходить фасадомъ на улицу или въ переулокъ, а не находиться среди двора, крыши должны быть крыты не дранью или лубомъ, а черепицею или дерномъ и т. п. Эти предписанія повторяются ежегодно въ теченіи періода, а иногда и нѣсколько разъ въ годъ, при чемъ полицейскія требованія стѣсняли даже права частныхъ лицъ: люди, настолько несостоятельные, что даже не могущіе построить мазанокъ, были лишены права пріобрѣтать дворы въ той части города, гдѣ были предписаны каменныя постройки или мазанки, а если имѣли уже дворы въ такой мѣстности, то должны были продавать тѣмъ, кто былъ въ состояніи построить по крайней мѣрѣ мазанку. Завѣдываніе постройками было поручено прежде Ратушѣ, а потомъ перешло въ Гарнизонную Канцелярію, которая вообще сосредоточила въ себѣ полицейскія функціи города Москвы. [9]) Также точно, если даже не строже еще, относилось правительство къ вопросу о строеніи домовъ въ Петербургѣ. Кромѣ общихъ предписаній и угрозъ за неисполненіе ихъ, указы предписываютъ строиться въ Петербургѣ по чертежамъ, сдѣланнымъ архитекторами, подробно опредѣляютъ матеріалъ, изъ котораго должны быть произведены постройки и т. п. Въ слѣдствіе того, что строеніе домовъ въ С.-Петербургѣ шло очень медленно, не смотря на безпрестанныя понужденія со стороны правительства, не смотря также на то, что постройки въ Петербургѣ производились повинностью всѣхъ классовъ общества,—была принята въ высшей степени стѣснительная для свободы частныхъ лицъ мѣра, а именно воспрещеніе впредь до указа строить во всемъ государствѣ каменные дома. [10]) Необходимость заставляла правительство ограничиваться въ вопросѣ о внѣшнемъ

7) П. С. З. №№ 1684, 2225.

8) Ibid. № 2714.

9) Ibid. №№ 1825, 1963, 2051, 2052, 2265, 2306, 2548, 2552, 2825, 2868, 3147. А. М. Ю. Сен. д. кн. 10, л. 1290, кн. 15, л. 278—293.

10) П. С. З. №№ 2848, 2850, 2855, 2909, 2932, 3019, 3125, 3192.

видѣ городовъ главнымъ образомъ однѣми столицами, но, насколько можно, правительство вообще старалось о внѣшнемъ видѣ всѣхъ городовъ. Губернаторамъ въ этомъ случаѣ была предоставлена чрезвычайно широкая власть, ибо они, конечно, трактовались какъ непосредственные отвѣтчики передъ центральнымъ вѣдомствомъ. [11]) Постройки казенныхъ зданій въ городахъ производились или натуральною повинностью общества, при помощи мѣстныхъ гарнизоновъ, [12]) или же подъ завѣдываніемъ представителей общества, бурмистровъ, но на казенный счетъ. [13])

На обязанности областныхъ правителей лежало завѣдываніе почтовою частью въ губерніяхъ и уѣздахъ. Вопросъ о почтовомъ сообщеніи находился въ прямой связи съ начинаніями и реформами Петра В., а потому и обращалъ на себя его вниманіе; вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ бюрократической централизаціи во всѣхъ видахъ внутренняго управленія, что составляло одно изъ вѣрныхъ средствъ для достиженія цѣлей преобразователя,—подчинило и почтовую часть строгому контролю областныхъ начальствъ и непосредственной зависимости отъ нихъ. Но вопросъ о сообщеніяхъ внутри государства, прежде нежели онъ сдѣлался правительственнымъ, перешолъ нѣкоторые фазисы, постепенно измѣняясь изъ частнаго, общественнаго въ общій, государственный. Первоначальная форма сообщеній, или гоньбы, имѣла всецѣло общинный характеръ. Съ образованіемъ проѣзжихъ дорогъ, посредствомъ которыхъ извѣстная часть земель отчуждалась изъ частнаго обладанія во имя общей потребности, естественнымъ путемъ образовалась и самая повинность гоньбы, безспорно, эта первопачальная гоньба отправлялась натурою, при чемъ падала тяжелымъ бременемъ лишь на тѣ общины, которыя были поселены по направленію проѣзжей дороги (шляха), такъ какъ натуральная повинность гоньбы, по самому существу своему, не могла быть распространяема на общины, далекія отъ дороги. Въ это время гоньба подводъ по шляху производилась мірами тѣхъ общинъ, на которыхъ падала; внутренній распорядокъ и содержаніе потребнаго числа лошадей было дѣломъ мірскимъ, и правительство въ это не вмѣшивалось. Потомъ, съ ходомъ послѣдующаго развитія, развивается и принципъ равномѣрности въ отбываніи такихъ повинностей, которыхъ результаты составляютъ общее достояніе. Несправедливость стараго порядка дѣлается очевидною: надъ придорожными общинами тяготѣетъ гоньба лишь потому, что онѣ придорожныя; напротивъ, общины отдаленныя, запрятанныя въ глушь, не имѣли обязанности нести эту тягость. Общины передаютъ непосредственное отправленіе гоньбы наемнымъ охотникамъ, а сами откупаются отъ нея деньгами. Натуральная повинность переходитъ мало по малу въ денежную, и этотъ процессъ постепенно совершается отъ половины *XVI* до конца *XVII* столѣтія. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ общины привлекаются къ отправленію этой повинности—тѣмъ-же путемъ, какъ и придорожные, т. е. взносомъ опредѣленной суммы на содержаніе гоньбы.

11) П. С. З. № 2781.

12) См. строеніе Кіевопечерской крѣпости.

13) П. С. З. № 1895. Ср. Чичерина, стр. 178 и слѣд.

Но рядомъ съ этимъ новымъ порядкомъ долгое время уживаются и старыя начала мірской гоньбы, какъ-бы упорно продолжая полуторавѣковую борьбу съ новыми. Съ другой же стороны выясняются начала правительственной регламентаціи вопроса: гоньба начинаетъ производиться самимъ государствомъ, начинаетъ выдѣляться идея о почтѣ; охотники, содержащіеся общинами, мало по малу обращаются въ почтарей, и, наконецъ, прежняя земская повинность обращается въ государственное, казенное установленіе. Петръ В., дѣйствовавшій исключительно для государства и въ видахъ государства, завершилъ весь этотъ процессъ учрежденіемъ почтъ, давъ этому вѣдомству центральное управленіе и подчинивъ его въ области всеобъемлющей власти губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ. Таковъ общій ходъ образованія почтоваго вѣдомства, какъ одного изъ дѣлъ, входившихъ въ составъ губернскаго управленія. Теперь перейдемъ къ частностямъ. [14]) Охотники, которымъ общества передавали непосредственное отправленіе гоньбы, издавна получили названіе *ямщиковъ*, откуда и самая гоньба получаетъ названіе *ямской*. Ямщики составляли особый классъ, выходъ изъ котораго сначала былъ нѣсколько затрудненъ, сопровождаясь необходимостью замѣны вышедшаго новымъ охотникомъ; [15]) впослѣдствіи, какъ кажется, замѣна перестала быть необходимымъ условіемъ выхода изъ ямщиковъ: по крайней мѣрѣ, въ 1704 г. ямщиковъ Тверскаго ямa, вышедшихъ въ посадъ, велѣно было возвратить снова въ прежнее состояніе не на основаніи прежнихъ запрещеній, а лишь по причинѣ военнаго времени и большаго разгона. [16]) Ямщикамъ отводились, независимо отъ производства жалованья, земли подъ усадьбы, пашню и др. угодья. [17]) Такъ, въ Торжкѣ было 30 ямщичьихъ вытей; имъ шло жалованья по 600 р. на выть, и, кромѣ того, во владѣніе были отданы пашни, сѣнокосы и др. угодья упраздненнаго Старицкаго ямa; [18]) то же видно и изъ табелей, представленныхъ въ Сенатъ въ 1714 г. по случаю переселенія ямщиковъ изъ всѣхъ губерній на Волхово-Невскій трактъ. [19]) Ямщики освобождались отъ податей и всякихъ поборовъ; [20]) жившіе по берегамъ рѣкъ, ямщики обязаны были гоньбою и по нимъ, въ другія же никакія работы, кромѣ гоньбы, не употреблялись. [21]) Ямскіе охотники селились вытями, въ которыхъ было неодинаковое число дворовъ. [22]) Надъ всѣми вытями какого-либо ямa назначался отъ правительства безсрочно *ямской прикащикъ*: такъ, въ 1718 г. въ Клинскій

14) Объ этомъ постепенномъ ходѣ развитія почтоваго вѣдомства см. интересныя замѣчанія въ книгѣ проф. В. Н. Лешкова: «*Русскій народъ и Государство.*» М. 1858 г. стр 299—329.

15) См. напр. П. С. З. № 564.

16) П. С. З. № 1971

17) Тамъ же № 223.

18) Доношеніе петерб. ландрихтера Манукова, 1712 г. А. М. Ю. Д. С. кн. 15, л. 154 и слѣд.

19) К. М. Ю. Д. С. кн. 36, л. 108—172.

20) П. С. З. № 2037, 2750.

21) П. С. З. № 1476, 1971.

22) См. въ перепискѣ о переселеніи ямщиковъ на Волхово-Невскій трактъ.

ямъ былъ назначенъ прикащикъ, сѣнной истопникъ, Иванъ Ермиловъ, [23]) но, кромѣ прикащика, назначаемаго правительствомъ, на ямахъ были и свои, общественныя власти, или *старосты*. [24]) На содержаніе ямовъ и ямщиковъ шли такъ называемыя *ямскія деньги*, составлявшія денежную повинность общинъ по отношенію къ ямской гоньбѣ. Подъ этимъ общимъ именемъ разумѣлись два вида денежныхъ сборовъ. Одинъ изъ нихъ предназначался на покрытіе внутреннихъ расходовъ общинъ по гоньбѣ и собирался съ данной общины земскими или приказными властями. Этотъ сборъ былъ, очевидно, остаткомъ прежняго порядка гоньбы, когда въ отправленіи этой повинности участвовалъ непосредственно міръ, который своими средствами и покрывалъ расходы по этому предмету; съ другой стороны, и въ немъ, и въ этомъ остаткѣ прежней частной иниціативы, проглядываетъ уже начало правительственнаго опредѣленія, такъ какъ сборщиками иногда бывали и приказные люди. Другая часть этихъ *денегъ* составляла такъ называемую *ямскую подать*. Эти деньги собирались не съ отдѣльныхъ общинъ, стоявшихъ фактически въ болѣе-близкихъ отношеніяхъ къ производству гоньбы, а со всего государства—соотвѣтственно количеству четвертей помѣстныхъ, вотчинныхъ и общинныхъ земель и шли въ Ямской Приказъ. [25]) Помимо этихъ сборовъ ямскихъ денегъ, съ 1680 г. появляется особый сборъ, спеціально предназначенный для производства ямщикамъ денежнаго жалованья, которое уплачивалось прежде изъ упомянутой выше четвертной подати. Этотъ новый сборъ отличался отъ прежнихъ какъ по единицѣ обложенія, такъ и по объекту. Единицею обложенія былъ опредѣленъ дворъ, почему и самый сборъ получаетъ наименованіе *подворной подати*; объектомъ же взиманія были назначены помѣстья и вотчины всѣхъ разрядовъ и дворцовыя земли. Черныя волости были освобождены отъ этой подати. [26]) Жалованье ямщикамъ обыкновенно выдавалось въ размѣрѣ 20 р. на выть, [27]) но этотъ окладъ былъ невсегда одинаковъ,—онъ иногда былъ менѣе, а иногда доходилъ и до значительной цифры. [28]) Это жалованье невсегда производилось изъ ямскихъ денегъ; при общей въ то время безурядицѣ въ финансовомъ управленіи и счетоводствѣ, оно иногда производилось изъ суммъ, имѣвшихъ совершенно иное предназначеніе. Такъ, Сенатъ указомъ отъ 14 августа 1713 г. предписалъ ямщикамъ Клинскаго и Переяславскаго ямовъ выдать жалованье на этотъ годъ изъ ямскихъ денегъ, а не изъ тѣхъ суммъ, которыя предназначались на расходы по арміи. [29]) Съ подворною податью, которая для упомянутыхъ разрядовъ землевладѣнія

23) Им. ук. 17 янв. А. М. Ю. Д. С. кн. 125, л. 15.

24) Ibid. Д. С. кн. 153, л. 92: въ авг. 1711 г. на Коломенскій ямъ былъ посланъ указъ о дачѣ подводъ переяславскому коменданту Жолобову; указъ этотъ адресованъ: «прикащику Ивану Мальцеву, старостѣ и всѣмъ ямщикамъ».

25) П. С. З. № 1251. Чичерина *Областныя Учрежденія*, стр. 201.

26) Тамъ-же.

27) П. С. З. №№ 1842, 1894, 1896, 1926 и др

28) См. переписку о переселеніи 1714 г. и примѣръ Торжковскаго яма, приведенный выше.

29) А. М. Ю. Д. С. кн. 26, л. 37, 1039.

была замѣною четвертной, соединялись полоняничныя деньги: [30]) въ актахъ эти сборы постоянно сливаются. [31]) Кромѣ того, хотя и не вездѣ, была особая подворная подать, предназначавшаяся на устройство и поддержаніе почтовыхъ становъ; эта подать взималась въ размѣрѣ 10 ден. со двора, и, какъ кажется, только съ однихъ уѣздныхъ жителей. Ямскія и полоняничныя деньги, которыя, согласно своему установленію, должны были сбираться только съ дворцовыхъ волостей, помѣстій и вотчинъ, сбирались иногда съ посадскихъ людей. [32])

Выше было сказано, что хотя ямская гоньба еще съ половины XVI вѣка стала входить въ употребленіе, вытѣсняя собою мірскую и представляя второй моментъ въ развитіи вопроса о сообщеніяхъ, но и въ XVII вѣкѣ еще существовали остатки прежняго порядка. Дѣйствительно, иногда общины держали гоньбу сами, не отдавая ее на откупъ ямскихъ охотникамъ,—производили ее міромъ: въ такомъ случаѣ ямскія четвертныя деньги не собирались съ такихъ общинъ, сборы были мѣстные и предназначались на покрытіе мѣстныхъ расходовъ.[33]) Впрочемъ, случаи мірской гоньбы были рѣдки и мало по малу, по мѣрѣ того, какъ устройство сообщеній получало болѣе правильности, мірская гоньба всюду исчезаетъ и замѣняется ямскими охотниками. Ямская гоньба была повинностью общинъ. Она предназначалась для разъѣздовъ лицъ правительственныхъ и для казенныхъ посылокъ и первоначально была установляема исключительно для государственныхъ надобностей, [34]) въ послѣдствіи ею разрѣшено было пользоваться и частнымъ лицамъ, но только для ѣзды,—перевозку тяжестей велѣно было производить вольнымъ наймомъ, а не на ямскихъ подводахъ. [35]) Но, кромѣ этого, для скорѣйшей гоньбы, или *гонитьбы*, съ особенно-важными отписками отъ различныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей къ царю и съ грамотами, еще въ XVII вѣкѣ были учреждаемы *почты*: такъ объ этомъ упоминается въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1659 г., когда къ опредѣленному прежде числу почтарей по тракту между Москвою и Путивлемъ были прибавлены еще новые. [36]) Изъ этого указа [37]) видно, что почтари, называвшіеся иначе *трубниками*, вѣроятно отъ рожковъ, или трубъ, которые были въ употребленіи у почталіоновъ и кондукторовъ казенныхъ экипажей и въ послѣднее время, были служилые люди и снабжались отъ казны лошадями для гоньбы, фуражемъ для нихъ и жалованьемъ (кормами) для себя. Пунктами остановокъ на такихъ трактахъ были станы, какъ на ямскихъ—ямы. Это учрежденіе почты отъ Москвы до Путивля впослѣдствіи было болѣе опредѣлено: росписаны станы, и назначено количество почтарей на каждомъ изъ нихъ, при чемъ начала остались тѣ-

30) См. Чичерина.

31) См. на 1710—1713 годы вѣдомость сборовъ Воронежской провинціи. А. М. Ю. Д. С. кн. 221, л. 29—40; на 1714—1716 годы вѣдом. по 3 пунктамъ Кіевской губ.; на 1717 г. росписаніе сборовъ съ городовъ и уѣздовъ, приписанныхъ къ Астраханской губ. кн. 91, л. 1 и слѣд.

32) Обо всемъ этомъ см. Кіевскую табель по 3 пунктамъ.

33) П. С. З. № 223.

34) Тамъ же № 251, 541.

35) Тамъ же № 2741.

36) Тамъ же № 257.

37) Им. ук. 19 сентября.

же [38]). Такимъ образомъ, почтовая гоньба, въ отличіе отъ ямской, была не земскою повинностью, а казеннымъ установленіемъ.

Почта, какъ и ямская гоньба, была предназначаема преимущественно для казенныхъ дѣлъ, но ею было дозволено пользоваться и частнымъ лицамъ: такъ, по договору Россіи съ Польшею 14 декабря 1667 года, [39]) бывшему дополнительнымъ къ Андрусовскому,—учреждена была постоянная почта съ обѣихъ сторонъ до пограничнаго мѣстечка Мигновичъ; эта почта была предназначена не только для казенныхъ сношеній, но и для частной, а именно—торговой корреспонденціи. То же встрѣчается и впослѣдствіи, въ царствованіе Петра В., по отношенію въ сибирской почтѣ. [40]) Въ послѣдующее время дозволеніе пользоваться почтою частнымъ лицамъ встрѣчается во многихъ указахъ; это дозволеніе распространено не только на торговыхъ людей, но и на всѣхъ безъ изъятія. Какъ частныя лица, такъ и казна, за пользованіе почтою платили пошлину, извѣстную подъ названіемъ *прогоновъ*; вся разница между казною и частными лицами въ этомъ отношеніи заключалась въ размѣрѣ прогоновъ: казна платила вдвое менѣе сравнительно съ частными лицами. Это было постановлено 27 марта 1717 г. и повторено 28 іюля того же года. [41])

Сначала почты содержались на откупѣ, и откупщиками были иноземцы: такъ отъ 1665 по 1668 г. почту между Москвою и Ригою содержалъ голландецъ, Фанъ-Сведенъ, а съ 1-го іюня 1668 года ее откупилъ Марселіусъ. [42]) Съ 1668 г. для почтовой гоньбы стали употребляться ямщики, [43]) что впослѣдствіи сдѣлалось общимъ правиломъ. [44]) Впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ для почтовой гоньбы употреблялись рейтары, которымъ эта повинность зачиталась за службу: такъ содержалась почта въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Переяславѣ въ 1712 г. [45]) Такимъ образомъ ямщики изъ откупщиковъ земской повинности общинъ обращаются въ почтарей, дѣлаются служилыми людьми; ямская гоньба сливается съ почтовою: впослѣдствіи уже не различаются болѣе ямы отъ почтовыхъ становъ. Государство беретъ гоньбу на свое попеченіе, и мало по малу развивается особое, самостоятельное вѣдомство почтъ съ строго-очерченною организаціею центральной власти и областныхъ ея станцій.

Какъ курьеры по казеннымъ надобностямъ, такъ и всякіе проѣзжающіе должны были предъявлять на ямахъ подорожныя. Въ подорожныхъ прописывались имена и званія проѣзжающихъ, количество ихъ, количество подводъ, которыя имъ должны

38) Им. ук. 8 іюля 1668 г. П. С. З. № 432.

39) П. С. З. № 420.

40) Ук. 12 ноября 1698 г. ст. 22. П. С. З. № 1654.

41) М. Ю. Д. С. кн. 17, л. 162 и слѣд. Указъ 27 марта напечатанъ въ П. С. З. подъ № 3075.

42) П. С. З. № 1402.

43) Тамъ-же.

44) Тамъ-же № № 1082, 1408, 1470, 1882, 2579.

45) А. М. Ю. Д. С. кн. 12, л. 677.

были быть выданы, мѣсто и цѣль поѣздки. [46]) Правило обозначенія всѣхъ лицъ, проѣзжавшихъ по одной подорожной, было особенно строго соблюдаемо относительно дачи почтовыхъ подводъ: если кто-либо изъ лицъ, требовавшихъ почтовыхъ подводъ по одной подорожной, не былъ прописанъ въ послѣдней, то его задерживали по распоряженію мѣстнаго начальства. Такъ, въ февралѣ 1718 г. выборгскій комендантъ, Шуваловъ, донесъ Сенату, что въ Выборгъ прибылъ изъ С.-Петербурга провіантмейстеръ Воронежскаго полка Масловъ и съ нимъ нѣкоторыя лица, не обозначенныя въ подорожной, выданной ему до Або, и что онъ, Шуваловъ, задержалъ послѣднихъ до разъясненія дѣла, давъ пропускъ и подводы одному Маслову. [47]) Подорожныя выдавались за подписями губернскихъ начальствъ, но иногда ихъ подписывали иныя должностныя лица, а не областныя; послѣднее бывало въ тѣхъ случаяхъ, если почтовый трактъ былъ учрежденъ для какихъ либо спеціальныхъ сообщеній: такъ въ 1712 г. въ Смоленской и С.-Петербургской губерніяхъ была учреждена почта для скорѣйшаго движенія переписки царя съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ; на этомъ трактѣ подводы давались только по подорожнымъ за подписью Шереметева или оберштеръ-кригскоммиссара Чирикова. [48]) Большая часть подорожныхъ, попадавшихся намъ въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ, скорописныя, но между ними, хотя сравнительно рѣдко, попадаются и печатныя. Въ послѣднемъ случаѣ собственныя имена и другія частности вписывались въ пробѣлы, нарочно оставленные на печатной формѣ. Такая печатная подорожная выдана была, напримѣръ, въ 1712 г. кн. Меншиковымъ Безобразову, назначенному въ Кіевскую губернію фискаломъ. [49])

Непосредственное завѣдываніе почтовою частью—сначала въ тѣхъ только случаяхъ, если гоньба производилась отъ казны,—принадлежало почтмейстерамъ. [50]) Впослѣдствіи оно было сосредоточено въ рукахъ губернаторовъ и уѣздныхъ правителей. [51]) Ямщики также были въ вѣдѣніи областныхъ начальствъ, на что указываетъ упомянутая выше переписка по дѣлу о переселеніи ямщи-

---

46) См. подорожную, выданную сен. подьячему Алексѣю Иванову, посланному въ 1712 г. въ Бѣлевъ для сыскныхъ дѣлъ, А. М. Ю. Д. С. кн. 16, л. 439 и слѣд. и множество подорожныхъ въ разныхъ книгахъ сенатскихъ дѣлъ.

47) А. М. Ю. Д. С. кн. 192, л. 241.

48) Ук. 20 окт. 1712 г. А. М. Ю. Д. С. кн. 12, л. 1364.

49) А. М. Ю. Д. С. кн. 113, л. 211.

50) П. С. З. № 534, 1186, ст. 29; [6]1402. О полевой почтѣ Воинск. Уст. гл. 35.

51) Въ декабрѣ 1711 г. отправленъ былъ подьячій Аѳеимовъ въ Торунь съ прислугой для царя, въ то время находившагося тамъ; почтовыя подводы велѣно было ему дать изъ Московск. губерніи, о чемъ и былъ посланъ указъ къ Московскому управителю. А. М. Ю. Д. С. кн. 5, л. 51 и слѣд. Такіе же примѣры встрѣчаются и въ послѣдующіе годы: въ 1712—о дачѣ подводъ изъ Московской канцеляріи деньщику и повару царевича Алексѣя. Ibidem, кн. 11, л. 497; о дачѣ подводъ курьеру Яковлеву, посланному изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Ibidem, кн. 14, л. 1671. Примѣры на другіе годы см. кн. 15, л. 96; 17, л. 162 и мн. др., а равно см. примѣры, приведенн. нами выше.

ковъ изъ губерній на Волхово-Невскій трактъ. Центральное завѣдываніе почтами было поручено подканцлеру барону Шафирову. [52]) Таково было состояніе почтовой части до 1718 года. Въ немъ мы видимъ смѣшеніе древнихъ началъ гоньбы, какъ повинности, съ новыми—почтами, какъ правительственнымъ установленіемъ. Эти новыя начала все болѣе и болѣе получаютъ перевѣсъ надъ прежними, и, наконецъ, послѣ учрежденія коллегій, появляется необходимость болѣе правильнаго устройства почтовой части въ интересахъ удобства сношеній центральной власти съ областью. Эта необходимость ускорила окончательный переходъ къ новому порядку, и въ 1718 году учреждаются правильныя почтовыя сношенія между столицею и губерніями. [53]) Дальнѣйшее развитіе этого новаго, исключительно-почтоваго, порядка сообщеній принадлежитъ послѣдующей эпохѣ жизни русской области и должно быть разсмотрѣно въ связи съ нею.

Одною изъ важнѣйшихъ функцій областнаго управленія при Петрѣ В. были мѣры противъ бѣглыхъ. Побѣги были чрезвычайно распространены въ царствованіе Петра В.: бѣжали и укрывались служилые люди отъ службы, крестьяне и холопи отъ помѣщиковъ и господъ, бѣжали отъ несправедливостей и жестокостей послѣднихъ, бѣжали отъ тяжкихъ налоговъ. Запустѣніе было всюду велико, а это заставило правительство обратить серьозное вниманіе на этотъ предметъ; стараніе его было направляемо на поимку бѣглыхъ и водвореніе ихъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, были предпринимаемы строгія мѣры противъ пристанодержателей. Безъ сомнѣнія, однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ такихъ стараній служила потребность чисто-фискальная, которая была потребностью времени.

При Петрѣ В. возникаетъ у насъ система паспортовъ, которая перешла безъ измѣненій къ его преемникамъ и получила свое окончательное выраженіе въ позднѣйшій періодъ нашего законодательства. [54]) Но паспортная система возникла въ 1719 г. и установилась въ извѣстномъ плакатѣ 1724 г. [55]) Слѣдственно, въ эпоху перваго губернскаго учрежденія о ней и говорить нечего. Въ это время были предпринимаемы главнымъ образомъ карательныя, а не предупредудительныя мѣры противъ бѣглыхъ; при этомъ, не говоря о бѣглыхъ солдатахъ, о мѣрахъ относительно которыхъ было уже сказано выше, [56]) поимка бѣглыхъ крестьянъ и холопей была возлагаема иногда на ихъ владѣльцевъ или ихъ стряпчихъ (людей, состоявшихъ у дѣлъ).

Мѣстные суды удостовѣряли въ правѣ владѣльца на приводнаго бѣглеца и отдавали его по принадлежности; если же возникалъ вопросъ *о пожиломъ*, или пристонадержательствѣ бѣглаго кѣмъ либо, то дѣло о бѣгломъ принимало характеръ судебнаго процесса между владѣльцемъ бѣглаго и пристанодержате-

52) П. С. З. № 3362.
53) Ibid. № 3208, ст. 6.; 3362. А. М. Ю. Д. С. кн. 98, л. 466.
54) Градовскій: *Начала Русскаго государственнаго права.* Т. I, ст. 334.
55) Ibidem и П. С. З. № 3294, п. 19, 4533.
56) См. Военныя дѣла.

лемъ, возникало понятіе о вознагражденіи за неправильное пользованіе рабочею силою.

Таковы существенныя черты дѣлъ о бѣглыхъ, хотя къ сожалѣнію мы могли ихъ прослѣдить только по практикѣ московскихъ установленій за отсутствіемъ какихъ либо данныхъ относительно того, какъ производились такія дѣла въ другихъ областяхъ. Практика Московскаго Суднаго Приказа, перешедшаго впослѣдствіи въ Приказъ Земскихъ Дѣлъ, въ теченіе времени до 1719 г., т. е. до эпохи втораго учрежденія губерній, выработала по отношенію къ вопросамъ этого рода слѣдующія начала: владѣлецъ бѣглаго крестьянина или холопа или его стряпчій, встрѣтивъ бѣглеца въ городѣ, могли его тотчасъ заарестовать. Въ этомъ случаѣ они должны были закричать: *караулъ*, а мѣстная стража брала ихъ обоихъ и представляла въ Гарнизонную канцелярію, откуда дѣло и съ прикосновенными къ нему лицами пересылали въ Приказъ. Впрочемъ, это дѣлалось лишь въ томъ случаѣ, если по допросѣ, сдѣланномъ въ Гарнизонной канцеляріи, оказывалось, что претендентъ имѣетъ крѣпость на пойманнаго; въ противномъ случаѣ бѣглый освобождался на росписку, а тому, кто заявилъ себя владѣльцемъ его, предоставлялось искать своего права судомъ. [57]) Въ Судномъ Приказѣ, дѣйствовавшемъ до 1710 г., практика была нѣсколько иная по отношенію къ дѣламъ этого рода, нежели въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ. Послѣ допроса бѣглаго, на немъ обыкновенно осматривали платье, въ которомъ его привели и актъ такого осмотра всегда находится въ дѣлахъ о бѣглыхъ до 1710 г. [58]) Такой осмотръ уже болѣе не встрѣчается въ практикѣ Приказа Земскихъ Дѣлъ, хотя и были осмотры иныхъ предметовъ, съ которыми нашли бѣглаго, напр., лошадей, на которыхъ его поймали. Лошади обыкновенно осматривались экспертами-барышниками и отдавались кому либо на росписку впредь до востребованія, [59]) что встрѣчается и въ практикѣ Суднаго Приказа. [60]) Въ Судный Приказъ также иногда бѣглые пересылались полицейскою властью, съ Потѣшнаго Двора, замѣнявшаго въ то время Гарнизонную канцелярію. Въ Приказахъ съ приводныхъ бѣглыхъ взималась пошлина, называвшая *приводною*, въ размѣрѣ 4 алтынъ 2 ден. (13 коп.) съ головы. Дѣло, если не возникало вопроса о пристанодержательствѣ, оканчивалось отдачею бѣглаго его владѣльцу или отказомъ въ искѣ, если бѣглый отпирался отъ крестьянства или холопства своего господина, а послѣдній не имѣлъ на него крѣпости [61]). Изслѣдуемая эпоха—время крайней нужды въ рабочихъ рукахъ, продуктировала особую строгость ко всему бродячему, бросившему свою осѣдлость, не имѣющему опредѣленныхъ за-

57) А. М. Ю. Д. Судн. Прик. вязка 764 № 18, л. 1—5; № 20, л. 2 и слѣд. и др.

58) Ibidem вязка *1010*, № 1, 3, 6, 8, 9, 10 и 11 (1703 года), №№ 12—24 (1704 г.), №№ 28—42 (1705 г.), №№ 43—55 (1706 г.), № 56—58, 60—63 (1707 г.), №№ 64—71 (1708 г.), №№ 72—82 (1709.)

59) Ibid. вязки 1213, № 1 (1718 год.) и *1378*, № 16 (1716 год.)

60) Ibid. в. *1010*, № 3, л. 5 и слѣд.

61) Ibid. в. 764, № 21; *765*, № 17; 770, № 3, 4, 10, 28; 1010, №№ 83, 88—157; 1011, №№ 160—193, 195, 197, 198; *1222*, № 17; *1223*, № 10, 35.

нятій. То было время дѣла, а не застоя и праздности. Къ тому же здѣсь на очереди былъ вопросъ объ охраненіи общества отъ вредныхъ бездѣльниковъ, Христовымъ именемъ прикрывающихъ свое бездѣлье, отъ бродягъ, изъ среды которыхъ не рѣдко являются всѣхъ родовъ мошенники, воры, убійцы. Конечно, уничтоживъ общественную самодѣятельность, взявъ общество подъ свою опеку, правительство должно было сознавать, что оно въ то же время взяло на себя трудную и многосложную обязанность полицейскаго надзора и охраненія, но во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ преобладающимъ мотивомъ этого рода попеченій была польза казны отъ осѣдлыхъ жителей и ущербъ отъ бродягъ. Розысканіе бѣглыхъ и бродягъ съ самаго начала періода поручалось, главнымъ образомъ, или областнымъ начальникамъ, [62]) или особымъ сыщикамъ, которые время отъ времени посылались розыскивать воровъ и разбойниковъ: на нихъ иногда возлагалась обязанность розыскивать не только о воровскихъ, но и о пришлыхъ людяхъ: такая обязанность была возложена на сыщика Ѳедосѣя Козина, посланнаго для розыскныхъ дѣлъ въ Клинъ, Можайскъ и Волоколамскъ 1710 году. [63]) Но, какъ кажется, въ послѣднее время сыскъ бѣглыхъ и ихъ водвореніе были вообще возложены на областныхъ начальниковъ, и въ наказахъ сыщиковъ власть ихъ не распространялась на *пришлыхъ* людей; тѣмъ болѣе, въ XVIII вѣкѣ уже не встрѣчается посылка особыхъ сыщиковъ, спеціально для бѣглыхъ, какъ это бывало въ концѣ XVII в. [64]) Въ іюнѣ 1710 г. по губерніямъ были учреждены особые вѣрные чиновники подъ именемъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, на которыхъ была возложена обязанность наблюденія каждому въ своемъ районѣ за тѣмъ, чтобы не было бродягъ. [65]) Такимъ образомъ эти вѣрныя власти были помощниками областныхъ начальниковъ въ преслѣдованіи бродяжничества. Въ число бѣглыхъ бродягъ были причтены праздношатающіеся монахи и нищіе. Противъ нихъ были принимаемы различныя, болѣе или менѣе суровыя мѣры: монаховъ отправляли въ Монастырскій Приказъ, которому уже предоставлялась расправа съ ними, во что гражданское начальство не вмѣшивалась; что же касается до нищихъ, то повтореніе попрошайничества наказывалось батогами и казенными работами на извѣстный срокъ. [66]) Наконецъ, самою благоразумною и цѣлесообразною мѣрою по отношенію къ бродягамъ, способнымъ по своему званію, возрасту и здоровью служить въ войскѣ, была отдача ихъ въ рекруты съ зачетомъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, если они были владѣльческіе, или обществу. [67]) Таково было отношеніе правительства къ бродягамъ и таковы были обязанности областныхъ начальствъ по отношенію къ этому вопросу.

62) П. С. З. № 2891, 2910, 3334 и мн. др.

63) П. С. З. № 2310 . . . А. будучи ему, Ѳедосѣю, въ тѣхъ вышеписанныхъ городахъ и въ уѣздахъ . . . . приказать накрѣпко, чтобъ татей и разбойниковъ и воровскихъ и *пришлыхъ* людей . . . . не было, а буде такіе воры гдѣ объявятся, и ихъ . . . поимавъ приводилибъ къ нему, Ѳедосѣю, на съѣзжій дворъ безъ понаровки.

64) Ibid. № 1625.

65) Ibid. № 2271.

66) Ibid. №№ 2470, 3213 и др.

67) Ibid. № 3369.

Бродяжничество—торная дорога къ преступленію; усиленіе его есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и увеличеніе воровъ и разбойниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ XVIII в., когда бродяжничество усилилось отъ внѣшняго давленія налоговъ и повинностей, воровство и разбой доходятъ до грандіозныхъ, по истинѣ ужасающихъ размѣровъ: цѣлыя шайки воровъ и разбойниковъ опустошаютъ уѣзды, провинціи, губерніи; дерзость, съ которою этотъ сбродъ относится къ властямъ, изумительна, а звѣрскія преступленія заставляютъ содрогаться всякаго, читающаго акты дѣяній того времени, заставляютъ содрогаться, не смотря на отдаленность совершившагося. Въ 1710 году Клинъ, Волоколамскъ и Можайскъ съ ихъ уѣздами сдѣлались добычею дерзкихъ грабителей; [68]) въ 1711 г. особое разореніе потерпѣла патріаршая Карашская волость Ростовскаго уѣзда. Правительство, слыша слезныя жалобы о заступничествѣ отъ мѣстныхъ жителей, посылаетъ сыщиковъ, которыхъ надѣляетъ огромными полномочіями: такъ, сыщикъ Гѣевъ, посланный въ 1711 г. въ Карашскую волость, имѣлъ право вѣшать пойманныхъ злодѣевъ тамъ, гдѣ они были пойманы. [69]) Но размѣры шаекъ иногда превозмогали силы и областныхъ начальствъ и сыщиковъ, являвшихся несостоятельными въ борьбѣ съ вооруженнымъ сбродомъ, а между тѣмъ преступленія были такъ многочисленны и имѣли такой звѣрскій характеръ, что заставляли иногда правительство присылать отряды войска. Такъ, въ 1712 г., Ярославскій оберъ-комендантъ, Нелединскій-Мелецкій, пишетъ Сенату, что въ Твери и окрестныхъ уѣздахъ и городахъ появились вооруженныя толпы разбойниковъ, которыя опустошаютъ провинцію, наводятъ панику своими злодѣйствами. Вотъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ подвиговъ этихъ разбойниковъ: 9 мая 50 человѣкъ разбойниковъ напали на вотчину Василія Шаптицкаго, убили его съ сыномъ, вскрыли у обоихъ еще при жизни груди, жрали сало ихъ и пили кровь, разграбили 5 деревень Меншикова, до 25 другихъ деревень и селъ, нѣсколько монастырей, при чемъ нѣсколько человѣкъ сожжены ими за живо. 23 мая въ Копытовской волости Клинскаго уѣзда на пильной мельницѣ злодѣйски замучили до смерти стольника Евтихія Шояркова и прикащика Меншикова; около того же времени въ Ржевскомъ уѣздѣ разграбили вотчину ближняго боярина Андрея Матвѣевича Апраксина, сего Тургиново съ деревнями, и т. п. Все это сдѣлано въ кратчайшій промежутокъ времени. Но всего изумительнѣе дерзость разбойниковъ, съ которою они грозили взять приступомъ самую Тверь; мѣстное начальство не въ силахъ было противостоять этимъ придорожнымъ героямъ, и Сенатъ послалъ на мѣсто дѣйствія цѣлый отрядъ солдатъ подъ командою полковника Фонъ-Стралена. [70]) Пожарная полиція въ Москвѣ вѣдалась въ мѣстномъ гарнизонѣ, [71]) но вообще этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ въ законодательствѣ изслѣдуемой эпохи; относительно остальныхъ городовъ неизвѣстно, какое было устройство пожарной полиціи, такъ что можно даже, какъ кажется, предполо-

68) См. выше: посылка Козина.

69) П. С. З. № 2373. А. М. Ю. Д. С. кн. 2, № 74, л. 667 и слѣд.

70) А. М. Ю. Д. С. кн. 10, л. 590, кн. 14, л. 1384—1443.

71) П. С. З. № 2358, 2 мая 1711 г.

жить, что въ этихъ городахъ устройство пожарной части осталось прежнее, т. е. какое было и въ XVII вѣкѣ. Взявъ подъ свою опеку общество, государство простирало свои заботы о благоустройствѣ и благочиніи весьма далеко; эти заботы зашли даже въ область нравственно-религіозную, не только преслѣдовалось внѣшнее благочиніе, какъ то: благоговѣйное поведеніе предстоящихъ въ церкви, закрытіе базаровъ и лавокъ въ воскресные и праздничные дни, [72]) но устроился надзоръ за отправленіемъ каждымъ христіанскаго долга покаянія и причащенія; штрафы угрожали тѣмъ, кто неежегодно бывалъ у исповѣди и св. причастія, [73]) при чемъ надзоръ и кара была поручены частью духовнымъ властямъ, частью мѣстнымъ областнымъ правителямъ.

Таковы были функціи областнаго управленія по отношенію къ полицейскимъ дѣламъ, но кромѣ этихъ функцій областнымъ правителямъ принадлежали и функціи чисто исполнительныя по отношенію къ ссыльнымъ по дѣламъ политическимъ. Всякія распоряженія высшаго правительства относительно такихъ лицъ приводились въ исполненіе подлежащими областными начальствами по указамъ, посылаемымъ прямо на ихъ имя: такъ, въ 1711 г., московскому коменданту Сенатъ предписываетъ о переводѣ виленскаго епископа Жебокрицкаго, содержавшагося въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Соловецкій, [74]) а въ 1712 тому же Гагарину, но въ качествѣ сибирскаго губернатора, было предписано отправить въ Сибирь по этапу ссыльнаго шляхтича Валевскаго. [75])

VI. ДУХОВНЫЯ ДѢЛА.

Отношенія областныхъ начальниковъ къ дѣламъ духовнаго вѣдомства касались частью вопросовъ религіозныхъ, въ сферѣ которыхъ исполненіе христіанскихъ обязанностей членами Церкви иногда преслѣдовались общею полиціею, но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе было вмѣшательства въ матеріальную сторону церковной жизни, шире было его отношеніе къ Церкви какъ къ внѣшнему институту. Во 1-хъ, областныя начальства выдавали ежегодно изъ губернскихъ доходовъ извѣстныя суммы на содержаніе церквей и причтовъ, а равно—монастырей и братій. Количество такихъ выдачъ, или руги, было, какъ кажется, опредѣлено твердыми цифрами; при чемъ это опредѣленіе зависѣло отъ Сената: въ вѣдомостяхъ руга всегда помѣщалась въ разрядѣ окладныхъ расходовъ и въ большинствѣ случаевъ была одна и таже въ разные годы. Такъ, по вѣдомости, присланной въ Сенатъ изъ Сибирской губ. отъ 8 сен. 1713 г., [1]) протопопъ Вознесенскаго собора съ причтомъ за всѣ годы отъ 1709 по 1713 включительно получали по 27 руб. 16 алт. 4 д.; игуменъ Троицкаго Котскаго монастыря съ братіей получали за 1712 г. По прошенію, поданному въ Сенатъ отъ игу-

72) П. С. З. № 3169, 3250.
73) Ibid. №№ 2991, 3169. А. М. Ю. Д. С. кн. 155, л. 496 и слѣд.
74) А. М. Ю. Д. С. кн. 1, л. 170 и слѣд.
75) Ibid. кн. 10, л. 3–20.
1) Ibid. кн. 17, л. 46 и слѣд.

меньи съ сестрами и священнослужителей Рыльскаго Казанскаго монастыря,— состоялся указъ кіевскому губернатору о производствѣ имъ руги по прежнему, т. е. по установленнымъ окладамъ, [2]) или въ апрѣлѣ 1713 г. смоленскому губернатору велѣно изъ вяземскихъ доходовъ производить на ладанъ, свѣчи и церковное вино тамошняго собора протопопу Михаилу съ причтомъ и причту дворцоваго села *впредь на всѣ годы* по ихъ окладамъ [3]); въ томъ же 1713 г. соборяне города Инсара подали въ Сенатъ просьбу, въ которой жалуются на мѣстное начальство за то, что имъ не выдаютъ съ 1705 г. руги вовсе, что они подавали о томъ челобитную въ Тамбовскую приказную избу, но ландрихтеръ Кикинъ даже не принялъ этой челобитной; при этомъ челобитчики объясняютъ, что по 1705 г. имъ былъ положенъ слѣдующій окладъ: на свѣчи, ладанъ и вино церковное по рублю 16 алт. 4 д. на годъ, да протопопу съ братіей денегъ 39 р., хлѣба по 42 чети и овса потомужъ, а въ 1705 г. этотъ окладъ—по случаю войны съ Швеціею—уменьшенъ въ половину. Сенатъ предписалъ азовскому генералъ-губернатору выдать на 1713 г. *и впредь по вся годы* давать по опредѣленному въ 1705 г. окладу. [4]) Но если производство руги по опредѣленнымъ окладамъ и встрѣчается въ большинствѣ случаевъ, то далеко невсегда; такъ, изъ вышеприведенной вѣдомости изъ Сибирской губ. мы можемъ привести такіе факты: дачи Успенскому дѣвичью монастырю и Троицкой церкви встрѣчаются только за 1712 г.; дачи тобольскаго собора ключарю съ причтомъ—только за 1712 и 1713 г. и т. п., хотя всѣ эти дачи и причисляются въ разрядъ окладныхъ губернскихъ расходовъ; равномѣрно окладная (sic) дача сибирскому митрополиту встрѣчается только въ 1709 и 1712 г. и то не въ одномъ и томъ же количествѣ: въ 1709 г. было ему выдано 514 р., а въ 1712—всего 70 р. Эти факты ясно доказываютъ, что во время перваго учрежденія губерній и по отношенію къ этому вопросу—также, какъ и по всѣмъ инымъ—господствовала та же неопредѣленность, хотя начала новаго порядка уже замѣтно проступаютъ наружу. [5]) Во всякомъ случаѣ правительство того времени по отношенію къ вопросу о ругѣ церквамъ, причтамъ и монастырямъ стремилось къ возможному уменьшенію ружныхъ выдачъ. [6]) Не только руга не выдавалась при существованіи у церквей и монастырей поземельной собственности, [7]) но и въ тѣхъ случаяхъ, когда такого фонда не было, выдача руги производилась весьма неправильно и скупо, на что указываютъ нерѣдкія въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ просьбы о выдачѣ. Ясно, что если не по ука-

2) А. М. Ю. Д. С. Кн. 10, № 77, л. 620.

3) Тамъ-же, кн. 22, № 20, л. 157.

4) Тамъ-же, кн. 21, л. 1946 и слѣд.

5) Ср. Чичерина, стр. 105 и слѣд.

6) Это стремленіе правительства ясно выражается ужь и въ томъ, что руга, невыданная за нѣсколько лѣтъ хотя-бы и неправильно, большею частью не возвращалась: Сенатъ, въ случаѣ челобитныхъ о выдачѣ, предписывалъ только объ ея производствѣ впредь, а не за прошлые годы.

7) П. С. З. № 2194.

замъ, то на практикѣ здѣсь много зависѣло отъ губернаторскаго усмотрѣнія, клонившагося къ сохраненію интереса и прибыли казны.

Во 2-хъ, въ губернскія канцеляріи поступали сборы съ архіерейскихъ домовъ и вотчинъ. Изъ этихъ сборовъ опредѣленная часть, по сенатскому приговору, поступала на обиходъ самихъ духовныхъ властей; все же остальное должно было препровождаться въ мѣстныя канцеляріи, поступая въ общегосударственные доходы. Сумма, предназначаемая на архіерейскій обиходъ, опредѣлялась различно для разныхъ епархій: такъ въ 1712 г. эта сумма была опредѣлена Сенатомъ для смоленской епархіи въ 1500 р., [8]) а для тверской въ 1200 р., [9]) въ 1714 г. для нижегородской епархіи было назначено также, какъ и для смоленской, 1500 р.; [10]) иногда сумма эта, смотря по надобности, была увеличиваема, но не иначе, какъ по приговору Сената: такъ въ 1711 г. на содержаніе крутицкаго архіерейскаго дома было опредѣлено изъ домовыхъ доходовъ брать по 1000 р., [11]) а по указу Сената отъ 8 августа 1716 г. сумма эта была увеличена до 1350 р. въ годъ. [12])

Таковы были ограниченія, которыя правительство въ это время считало необходимымъ установить въ пользованіи духовными вотчинами. Эти послѣднія несли ту же общегосударственную тяжесть, которая лежала на всѣхъ видахъ поземельнаго владѣнія въ то время и которая была прямымъ слѣдствіемъ реформъ въ государственномъ и общественномъ строѣ. Но, не смотря на эти ограниченія, областные правители вообще не вмѣшивались ни въ управленіе духовными вотчинами, ни въ сборы съ нихъ, поступавшіе въ казну. Правда, въ началѣ періода замѣтно нѣкоторое вмѣшательство этого рода, но и въ этихъ случаяхъ губернскія начальства вмѣшивались въ сборы доходовъ съ архіерейскихъ вотчинъ лишь потому, что эти вотчины находились въ районахъ другихъ губерній, слѣдственно вдали отъ архіерейской каѳедры, которой принадлежали; такъ сарская и подонская каѳедры имѣли поземельныя владѣнія во многихъ губерніяхъ, а потому въ нихъ домовые доходы собирали подлежащіе губернаторы, а въ вотчинахъ, находящихся въ районѣ Московской губ.—Монастырскій Приказъ. Митрополитъ Сарскій и Подонскій Ѳеодосій, въ 1711 г., обратился въ Монастырскій Приказъ съ требованіемъ высылки его домовыхъ доходовъ съ вотчинъ; Монастырскій Приказъ по этому поводу просилъ Сенатъ объ указѣ подлежащимъ губернаторамъ вотъ на какомъ основаніи: въ московской губерніи вотчинъ его (митроп. Ѳеодосія) и съ нихъ доходовъ осталось малое число; а епархіи его городовъ и съ нихъ доходовъ въ той губерніи ничего не осталось,—отошли по разнымъ губерніямъ; и тѣхъ губерней губернаторы о томъ опредѣленіи указовъ изъ Монастырскаго Приказу не послушаютъ. [13]) Домовые сборы съ вотчинъ тверскаго архіерея, находившихся въ Клинскомъ уѣздѣ

8) П. С. З. № 2597.

9) Ibid. № 2615.

10) А. М. Ю. Д. С. по нижегор. губ. кн. 1/122, л. 309 и слѣд.

11) П. С. З. № 2415.

12) А. М. Ю. Д. С. кн. 19, л. 418 и слѣд.

13) Тамъ же кн. 3, № 12, л. 97 и слѣд., № 42, л. 435 и слѣд.

Московской губ., вѣдалъ тверской комендантъ Кокошкинъ. [14]) Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ архіереи сами завѣдывали этими сборами и присылали ихъ въ губернскія канцеляріи. [15]) Но областные начальники нерѣдко заявляли притязанія на управленіе вотчинами духовныхъ властей и на распоряженіе по сбору съ нихъ доходовъ; споры всегда доходили до Сената, который и рѣшалъ ихъ въ пользу невмѣшательства областныхъ начальствъ въ дѣла этого рода; такъ въ 1712 г. смоленскій митрополитъ Сильвестръ жаловался Сенату на вмѣшательство мѣстнаго губернатора Салтыкова въ сборы денегъ по архіерейскому дому, не смотря даже на то, что еще въ 1708 г. смоленскому митрополиту было пожаловано право собирать съ своихъ вотчинъ доходы по своему разсмотрѣнію. Сенатъ подтвердилъ это право и воспретилъ Салтыкову всякое дальнѣйшее вмѣшательство. [16]) То же самое произошло въ Архангелогородской губ. въ 1713 г., но здѣсь уже дѣло приняло болѣе серіозный характеръ, и простое вмѣшательство, которое могло произойти даже и не по винѣ губернатора, а въ слѣдствіе неопредѣленности отношеній между различными властями, здѣсь обращается уже въ злоупотребленіе губернаторскою властью. Архангелогородскій вицегубернаторъ Курбатовъ, въ означенномъ выше году, самовольно послалъ своихъ приспѣшниковъ, управителей, въ вотчины вологодскаго архіепископа Іосифа; этимъ своимъ управителямъ (коммиссарамъ) Курбатовъ предоставилъ власть не только собирать домовые доходы, но и хозяйничать тамъ по-своему. Іосифъ жалуется Сенату на такое безчинство, заявляетъ, что Курбатовъ—между прочимъ—вывелъ изъ его вотчинъ лучшихъ жеребцевъ и кобылицъ, которыхъ онъ (преосв. Іосифъ) *ради приплоду, проча всякаго прибытку, размножилъ*, что онъ не даетъ ему (преосв. Іосифу) никакихъ запасовъ и доходовъ, чѣмъ *приводитъ его въ скудостъ немалую и всеконечное пребидѣніе*. Сенатъ рѣшилъ споръ въ пользу архіепископа [17]). Послѣ этого спора, а именно въ іюнѣ того же года, вологодскому архіепископу еще разъ подтверждено право собирать свои домовые, а равномѣрно данные и вѣнечные доходы по своему разсмотрѣнію, конечно платя опредѣленную часть въ казну, [18]) но по всей вѣроятности и впослѣдствіи были столкновенія между архангелогородскими губернаторами и вологодскими архіепископами по поводу этихъ вопросовъ,—столкновенія, о которыхъ въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ не сохранялось даже и слѣдовъ; что были такія столкновенія, на это, какъ кажется, намекаетъ то обстоятельство, что означенное выше право архангелогородскаго епархіальнаго начальника, право, принадлежавшее и всѣмъ епархіальнымъ начальникамъ, какъ таковымъ, было

14) Доном. Монастырск. Приказа Сенату 1712 г. ...й о присылѣ тѣхъ денегъ (домовыхъ) къ Москвѣ въ Монастырской Приказъ Вел. Государя шесть грамотъ къ нему, Ивану (Кокошкину), послано» А. М. Ю. Д. С. кн. 9, № 38, л. 190.

15) См. предъид. выноски.

16) А. М. Ю. Д. С. кн. 13, л. 295 и слѣд.

17) Мартъ 1713 г. А. М. Ю. Д. С. по Архангелог. губ. за 1713—1722 г. кн. $^{10}/_{180}$ № 1, л. 2 и слѣд.

18) П. С. З. № 2686.

подтверждено въ 1716 г. [19]) Тоже право личнаго управленія и сбора доходовъ принадлежало и монастырскимъ властямъ по отношенію къ ихъ вотчинамъ: здѣсь также монастырскій соборъ собиралъ всѣ вотчинные доходы, изъ нихъ опредѣленную часть бралъ на монастырскія потребы, а остальные препровождалъ въ мѣстную губернскую канцелярію, какъ это видно изъ переписки настоятеля Вяземскаго Ивановскаго монастыря, архимандрита Іоны, съ Сенатомъ въ 1713 г. Мы приведемъ здѣсь изъ этой переписки только сенатскій приговоръ, состоявшійся по этому дѣлу 27 февр. 1713 г.:...«Вяземскаго Предтечева монастыря архимандриту съ братіею. Всякіе денежные сборы съ ихъ монастырскихъ вотчинъ *имъ сбирать самимъ* и изъ тѣхъ сборныхъ денегъ ему, архимандриту, съ братіею на церковныя потребы и ружникомъ всего *по ихъ окладу* 227 р. 3 ал. 2 д. на прошлой 712 и впредь по вся годы *имать* противъ того-жъ, какъ опредѣлено ихъ, Правительствующаго Сената, приговорами *о зборѣ и дачѣ Крутицкому епископу и Смоленскому митрополиту*; а что сверхъ того тѣхъ денегъ будетъ сбираться,—и тѣ деньги *имъ, архимандриту съ братіею, сбирая, отсылать* въ Смоленскъ, въ приказную палату на расходы.» [20]) Эта переписка начата и этотъ приговоръ состоялся по поводу вмѣшательства смоленскаго губернатора (Салтыкова) въ сборъ вотчинныхъ доходовъ Ивановскаго монастыря, т. е. по тому же поводу, по какому начинались подобныя переписки и у архіереевъ съ Сенатомъ: это—споръ духовной власти со свѣтскою, вмѣшивавшеюся въ неподлежащій ей кругъ дѣлъ, и Сенатъ не только разрѣшилъ этотъ споръ такъ же, какъ разрѣшалъ подобные споры между архіереями и свѣтскими властями, но и прямо указалъ, что вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ и о сборахъ съ нихъ слѣдуетъ трактовать такъ-же, какъ и вопросъ о вотчинахъ архіерейскихъ: «....противъ тогожъ, какъ опредѣлено ихъ, Правительствующаго Сената, приговорами о сборѣ и дачѣ Крутицкому епископу и Смоленскому митрополиту.»

Вѣнечные сборы, шедшіе на содержаніе госпиталей, больныхъ и раненыхъ воинскихъ чиновъ, такъ-же, какъ и домовые доходы, собирались самими архіереями и были ими препровождаемы въ мѣстныя губернскія канцеляріи. [21])

Въ 3-хъ, постройка монастырскихъ зданій и церквей производилась по сенатскимъ указамъ иногда съ вмѣшательствомъ областной администраціи, а иногда и безъ него,—самими духовными властями. Такъ въ 1712 г. постройка келлій въ погорѣвшихъ московскихъ монастыряхъ: Никитскомъ, Георгіевскомъ, Рождественскомъ, Варсонофьевскомъ, Моисеевскомъ и Алексѣевскомъ производилась частью на суммы Сенатской Канцеляріи, частью (въ Алексѣевскомъ монастырѣ)—на счетъ Монастырскаго Приказа, кирпичъ поставлялся изъ мѣстнаго цейхгауза, но работы производились подъ наблюденіемъ московскаго губернатора. [22]) Напротивъ, въ 1705 г. строеніе погорѣвшихъ въ Ниж-

19) П. С. З. № 3038.
20) А. М. Ю. Д. С. кн. 21, л. 1421—1427.
21) П. С. З. № 2821. А. М. Ю. Д. С. кн. 37, л. 356, 357.
22) А. М. Ю. Д. С. кн. 12, л. 1230.

немъ Новгородѣ церквей было предоставлено въ полное распоряженіе нижегородскаго митрополита безъ всякаго вмѣшательства со стороны областнаго начальства. [23])

Въ 4-хъ, общая областная полиція отчасти распространялась и на лицъ духовнаго вѣдомства: такъ, по кончинѣ архіереевъ, оставшееся имущество описывалось и опечатывалось мѣстнымъ областнымъ начальствомъ, какъ это было въ 1716 г. по кончинѣ астраханскаго митрополита Самсона. [24]) Свѣтская власть помогала духовной въ отысканіи лицъ, подлежащихъ духовной юрисдикціи и уклонявшихся отъ повиновенія своему непосредственному начальству: такъ въ 1717 г. казначей Троице-Сергіевской Лавры, Ѳеоктистъ Второвъ, былъ сосланъ въ Каргопольскій Крестный монастырь, откуда и бѣжалъ. Сенатъ предписываетъ губернаторамъ розыскивать ослушника, и, сыскавъ, отдать настоятелю Крестнаго монастыря, архимандриту Ѳеодосію, съ росписокою. [25]) Но если священнослужители обвинялись въ какомъ-либо преступленіи, то были подвергаемы общему суду не иначе, какъ по лишеніи сана и предварительномъ дознаніи въ духовномъ судѣ: такъ, въ 1713 г., одинъ священникъ Калужскаго уѣзда былъ обвиненъ въ воровствѣ-кражѣ; прежде былъ ему произведенъ допросъ въ Патріаршемъ Духовномъ Приказѣ, гдѣ онъ былъ лишенъ сана, наказанъ плетьми и потомъ уже отосланъ въ Земскій Приказъ для дальнѣйшаго раскрытія дѣла. [26]) Такова была практика еще до законодательнаго разрѣшенія этого вопроса.—Соборъ, бывшій въ Москвѣ въ 1667 г., постановилъ, что особы духовнаго сана подлежатъ градскому суду лишь въ случаѣ повторенія преступленія, а по первому разу подлежатъ одному духовному суду, [27]) но, какъ видно изъ вышеприведеннаго примѣра, практика высказалась противъ этого соборнаго постановленія, и духовныя особы, обвиняемыя въ преступленіи, по первому разу подлежали лишенію сана и за тѣмъ обыкновенному розыску. Эта практика узаконена въ 1719 г., когда было прямо высказано: «... Буде же приличатся къ тому воровству (т. е. вообще преступленію) духовнаго чину, тѣхъ брать за караулъ, и напредъ чрезъ опредѣленную къ тому духовную особу лишить ихъ священства и потомъ ими потомужъ розыскивать.» [28]) Таковы были отношенія областной администраціи къ духовному вѣдомству.

VII. ИНОСТРАННЫЯ ДѢЛА.

Въ заключеніе очерка предметовъ вѣдомства областнаго управленія необходимо упомянуть и объ участіи послѣдняго въ дѣлахъ внѣшней политики. Собственно говоря, губернаторы и вообще областная администрація не участвовали

23) А. М. Ю. Сен. Д. по Нижегород. губ. кн. $^{1}/_{129}$, л. 294—302.
24) Ibid. кн. 91, л. 402.
25) Ibidem, кн. 17, л. 208.
26) Ibidem, Дѣла Судн. Пр. вязка 765, № 7, л. 2—5, 11, 13—24.
27) Дѣян. собора 1667 г. П. С. З. № 412, вопр. 2.
28) П. С. З. № 3477, ст. 2.

въ дѣлахъ этого рода, но, въ видѣ исключенія, въ губерніяхъ пограничныхъ губернаторамъ были предоставляемы нѣкоторыя международныя дѣла, но конечно въ этихъ дѣлахъ власть губернатора главнымъ образомъ ограничивалась однимъ исполненіемъ сенатскихъ предписаній. Губернаторамъ предписывалось, какъ принимать и что тратить на пріемы пословъ: такъ казанскому губернатору въ 1716 г. было предписано о пріемѣ, содержаніи и отправленіи въ Москву бухарскаго посла, Хойкулы Топчи Болики, со свитою, при чемъ Сенатъ указываетъ на порядокъ содержанія бухарскаго посла Хаджи Алембека, бывшаго въ Россіи въ 1705 г. [1]), откуда видно, что пріемъ посла и дѣйствія казанскаго губернатора относительно этого случаются не въ первый разъ, но тѣмъ не менѣе, не смотря на прежніе примѣры, губернаторъ самъ ничего не предпринимаетъ по этому поводу, но ждетъ разрѣшенія и предписанія отъ Сената. Равномѣрно, непріязненныя военныя дѣйствія относительно сосѣднихъ народовъ, если къ нимъ не вынуждала необходимость обороны, предпринимались губернаторами не иначе, какъ съ сенатскаго предписанія; такъ, въ 1715 г. бахмудскій комендантъ Бахметевъ получилъ два извѣстительныя письма отъ состоявшихъ у насъ на жалованьѣ азовскаго *оберегателя* Хаджи Ибрагима и азовскаго янычарскаго аги Эбу Бекра, въ которыхъ эти покупные доброжелатели увѣдомили, что Кубанцы переманили нашихъ 13 казаковъ, которые вмѣстѣ съ своими новыми друзьями разбойничаютъ и нѣкоторые изъ нихъ измѣнили не только отечеству, но и вѣрѣ, принявъ магометанство. Бахметевъ переслалъ эти письма при доношеніи къ казанскому губернатору Салтыкову, который препроводилъ ихъ въ Сенатъ и оттуда выждалъ указъ *о промыслѣ о Кабанцахъ* [2]). Губернаторамъ Сенатъ присылалъ цѣлыя инструкціи объ ихъ образѣ дѣйствій относительно сопредѣльныхъ съ ихъ губерніями инородцевъ, принявшихъ русское подданство: губернаторы и коменданты должны были ихъ охранять отъ сосѣднихъ немирныхъ племенъ и удовлетворять всѣмъ ихъ законнымъ требованіямъ и просьбамъ: такъ въ 1717 г. было изъяснено Сенатомъ казанскому губернатору, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно извѣстнаго въ исторіи царствованія Петра В. Аюки-хана, [3]) а въ 1718 г. тому же губернатору и астраханскому коменданту было предписано, какъ поступать относительно вновь вступившаго въ русское подданство кумыцкаго хана Адиль Гирей Будая. [4]) Такимъ образомъ, участіе областной администраціи въ дѣлахъ внѣшней политики было въ большинствѣ случаевъ чисто пассивное, ихъ дипломатическая власть была только исполнительною. Такъ оно и должно быть, если самъ Сенатъ, представителемъ котораго въ области былъ губернаторъ, при всей своей всеобъемлющей власти, при всемъ своемъ обширномъ значеніи, принималъ сравнительно малую долю участія въ международныхъ дѣлахъ: его задача, какъ равно и задача представителя областной администраціи, была внутренняя

1) А. М. Ю. Д. С. кн. 96, л. 1 и слѣд. П. С. З. № 3031.
2) Ibid., кн. 96, л. 945—959.
3) П. С. З. № 3062.
4) Ibidem, № 3190.

политика, а дѣла политики внѣшней лежали внѣ предѣловъ его полномочія, и участіе въ нихъ, на сколько оно встрѣчается, есть исключеніе изъ общаго правила, плодъ необходимости—и только. [5]) Но относительно нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней политики, тоже въ виду необходимости, власть губернатора принимала иногда активный характеръ: это вопросы о вступленіи инородцевъ въ русское подданство, [6]) но и то иногда, а не всегда и не иначе, какъ при условіи послѣдующей Сенатской ратификаціи.

Таковы были предметы вѣдомства, кругъ дѣятельности и предѣлы власти областныхъ начальниковъ. При господствовавшей въ то время централизаціи, власть губернаторовъ была велика и всеобъемлюща по стольку, по сколько губернаторы были представителями Сената въ области, которому все болѣе и болѣе подчинялись другіе областные правители и органы общественнаго управленія.

Но съ другой стороны, эта власть не была только исполнительною во всѣхъ отношеніяхъ: губернаторы были администраторами, а, будучи какъ и всѣ правительственныя лица того времени вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыльщиками казны, губернаторы были истинными хозяевами губерній. Широтѣ правительственнаго полномочія много способствовало полное въ то время преобладаніе политическихъ мѣропріятій надъ твердыми юридическими нормами. Чѣмъ былъ Сенатъ для всего государства, тѣмъ былъ губернаторъ для области, а второстепенные областные правители были миніатюрами, снимками съ губернаторовъ: чѣмъ былъ губернаторъ для всей губерніи, тѣмъ былъ вицегубернаторъ, оберъ-комендантъ, комендантъ и ландратъ для своей провинціи, уѣзда или доли.

Объемъ дѣятельности, степень власти и подчиненіе нормировались, за нѣкоторыми частными исключеніями, по одному и тому же типу.

ГЛАВА VI.

Отчетность областныхъ правителей. Злоупотребленія. Отвѣтственность.

Контроль надъ областнымъ управленіемъ принадлежалъ Сенату, который былъ центромъ всей государственной жизни. Подобно тому, какъ въ *XVII* вѣкѣ въ сферѣ областной отчетности главное, почти исключительное вниманіе центральныхъ учрежденій было обращаемо на финансовые отчеты, [1]) и въ *XVIII* вѣкѣ финансовая отчетность главнымъ образомъ поглощаетъ вниманіе какъ Сената, такъ и областныхъ правителей. Что касается до отчетности въ дѣлахъ, то въ этомъ отношеніи не было никакого твердо-установленнаго порядка: эта отчетность производилась по спеціальнымъ сенатскимъ запросамъ и не была пока общимъ установленіемъ. Съ формами этой отчетности мы уже

5) Ср. изслѣд. Петровскаго *о Сенатѣ въ царствов. Петра В.*, стр. 326 и слѣд.

6) См. П. С. З. № 2291.

1) См. Чичерина *Областн. Учрежд.*, стр. 289 и слѣд.

познакомились выше, въ главѣ о дѣлопроизводствѣ; здѣсь мы обратимъ исключительно свое вниманіе на одну финансовую отчетность, вопросъ о которой такъ живо интересовалъ правительство того времени. Для того, чтобы правильно организовать употребленіе суммъ и самую отчетность въ ихъ употребленіи, необходимо было привести въ извѣстность данныя о доходахъ и расходахъ въ губерніяхъ.

Для полнаго уясненія себѣ финансовой отчетности, начавшейся со времени учрежденія 1708 г., необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе и уяснить себѣ порядокъ отчетности при прежнихъ областныхъ учрежденіяхъ. Вопросы, которые мы здѣсь разсмотримъ, будутъ слѣдующіе: 1) въ какихъ формахъ производилась прежняя отчетность, или ревизія счетовъ? 2) Кто былъ обязанъ отчетностью? и 3) кѣмъ, т. е. какимъ центральнымъ мѣстомъ, производилась прежняя финансовая отчетность?

Говоря о формахъ, въ которыхъ производилась финансовая отчетность области до учрежденія губерній, слѣдуетъ различать отчеты коронныхъ и выборныхъ властей. Въ первыхъ преобладающею формою являются такъ называемые смѣтные списки: это были отчеты, обнимавшіе собою всѣ отрасли областнаго управленія, въ томъ числѣ, конечно, и финансовыя дѣла въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они были подчинены приказнымъ палатамъ и избамъ. Отдѣлъ финансовой отчетности въ смѣтныхъ спискахъ обыкновенно заключался въ копіяхъ съ подлинныхъ приходо-расходныхъ книгъ. [2]) Кромѣ смѣтныхъ списковъ встрѣчаются и другія формы областной отчетности: отчеты о сборахъ судебныхъ пошлинъ писались въ формѣ описей, прилагаемыхъ къ описямъ судныхъ дѣлъ, производившихся въ приказныхъ палатахъ и избахъ. [3]) Наконецъ, отчеты о всякаго рода неокладныхъ сборахъ, т. е. о такихъ, которые не могли быть напередъ опредѣлены твердою цифрою, должны были съ 1685 г. представляться независимо отъ смѣтныхъ списковъ въ формѣ *записныхъ книгъ и счетныхъ списковъ*. [4]) Эта послѣдняя форма отчетности употреблялась только при смѣнѣ однихъ воеводъ другими и была, какъ само собою явствуетъ, приноровлена къ формамъ общей отчетности воеводъ въ этихъ случаяхъ, т. е. къ такъ называемымъ *росписнымъ спискамъ*, только съ тою разницею, что, во 1-хъ, росписные списки обнимали собою всѣ отрасли областнаго управленія и хозяйства, а записныя книги и счетные списки—только одни неокладные доходы; во 2-хъ, росписные списки представлялись, куда надлежало, самими смѣненными воеводами, а записныя книги и счетные списки, напротивъ, посылались преемникомъ смѣненнаго воеводы. [5]) Что касается до значенія записныхъ книгъ и счетныхъ списковъ, то они различались между собою, такъ сказать, по происхожденію: записныя книги, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, были установлены для записки неокладныхъ доходовъ по мѣрѣ ихъ поступленія и расходовъ, по мѣрѣ

2) См. напр. Доп. къ Акт. Ист. т. 10, № 32, 33, 96, 104 и слѣд.

3) П. С. З. № 1494.

4) Ibid. № 1122.

5) Образецъ росп. списка см. въ Доп. къ Акт. Ист. т. 10, № 70.

производства выдачъ, потому эти книги содержали въ себѣ подробное обозначеніе каждаго сбора отдѣльно съ указаніемъ за что, когда и кѣмъ внесенъ, выдана ли плательщику въ уплатѣ опись; если же эти суммы расходовались, то съ указаніемъ, куда онѣ употреблены и на какомъ основаніи. Счетные списки дѣлались съ цѣлью свести концы съ концами, т. е. подвести итоги приходу и расходу съ окладныхъ сборовъ по записнымъ книгамъ, слѣдственно, они были просто цифровыми вѣдомостями, составленными на основаніи записныхъ книгъ. Смѣтные списки иногда посылались послѣ посылки такъ называемыхъ *росписей*, или простыхъ перечней предметовъ, безъ обозначенія ихъ наружнаго вида, времени ихъ пріобрѣтенія; въ росписяхъ служилыхъ людей помѣщались только одни именные ихъ списки безъ обозначенія жалованья и т. п. [6])

Таковы формы отчетности коронныхъ областныхъ правителей въ *XVII* вѣкѣ. Что касается до отчетности общественныхъ, или такъ называемыхъ *вѣрныхъ* властей, то она до начала *XVIII* вѣка отличалась чрезвычайною безпорядочностью. Эта отчетность состояла въ представленіи высшему вѣдомству подлинныхъ приходо-расходныхъ книгъ, которыя для этого велись въ двухъ экземплярахъ: одинъ изъ нихъ представлялся для ревизіи, а другой оставался въ мѣстной земской избѣ. Но, какъ кажется, этотъ способъ счетоводства въ двухъ экземплярахъ не былъ общимъ правиломъ, ибо въ большинствѣ случаевъ очевидно, что книги по окончаніи ревизіи возвращались тому лицу, кто ихъ представилъ, и такимъ образомъ трудъ двойныхъ книгъ самъ собою является излишнимъ. Обыкновенно, книги, представляемыя для ревизіи, снабжались перечнями, которые, судя по позднѣйшимъ примѣрамъ, были возможно-краткимъ изложеніемъ содержанія самыхъ книгъ и служили такимъ образомъ для облегченія ревизіи. Не ранѣе 1703 г. начинается отчетность посредствомъ *вѣдомостей*: въ началѣ этого года, для большаго порядка въ счетоводствѣ, на таможняхъ и кружечныхъ дворахъ были введены шнуровыя тетради въ десть, которыя выдавались изъ земскихъ избъ за скрѣпами бурмистровъ и въ которыя должны были вноситься поденно или въ торговые дни записи доходовъ и расходовъ; изъ этихъ шнуровыхъ книгъ бурмистры обязаны были ежемѣсячно составлять вѣдомости для представленія въ Ратушу. Вѣдомости того времени имѣли совершенно иную форму, нежели нынѣшнія, а потому мы и должны опредѣлить, какая форма въ то время называлась вѣдомостью. Современная вѣдомость имѣетъ форму такъ называемой *табели*, которая вошла въ употребленіе уже послѣ 1708 г., слѣдовательно табель не должно смѣшивать съ вѣдомостью въ ея первоначальномъ видѣ, хотя она и представляетъ собою—безъ всякаго сомнѣнія—дальнѣйшее усовершенствованіе и упрощеніе послѣдней. Вѣдомость того времени, какъ показываютъ многочисленные примѣры, встрѣчающіеся въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ петровскаго царствованія, была не больше, какъ подробнымъ и точнымъ, хотя и сжатымъ, изложеніемъ доходовъ и расходовъ, съ показаніемъ для первыхъ—источниковъ, суммы, времени, а иногда и способовъ собиранія, а для вторыхъ—основанія, цѣли и количества выдачъ. Вѣдомости

6) Доп. къ Акт. Ист. т. 11, № 100, т. 12, № 28. П. С. З. № 1594, ст. 2.

обыкновенно представлялись за подписями тѣхъ лицъ, которыя были отвѣтственны въ пріемѣ и расходованіи суммъ и вообще казеннаго имущества, и носили иногда и иныя названія: росписей, вѣдѣній, выписокъ и т. п. Вскорѣ появляются *табели*, т. е. вѣдомости, изображенныя наглядно въ графахъ, надъ которыми надписывалось ихъ содержаніе—форма, вытѣснившая въ концѣ концовъ прежнія сплошныя вѣдомости и преобладающая въ практикѣ и до сихъ поръ.

Появленіе вѣдомостей не было, собственно говоря, совершенною новостью: при перечисленіи формъ отчетности коронныхъ властей мы встрѣчались съ росписями и списками, которые были ничто иное, какъ вѣдомости, но дѣло въ томъ, что вѣдомости представляютъ собою нововведеніе относительно вѣрной отчетности и здѣсь-то онѣ и есть несомнѣнный шагъ впредъ. Подлинныя приходо-расходныя книги были чрезвычайно неудобны для ревизіи и при тогдашней безурядицѣ въ финансовомъ управленіи нерѣдко были понятны только для самихъ составителей, въ слѣдствіе чего являлась необходимость въ словесныхъ объясненіяхъ, такъ какъ, не говоря уже про небрежность самой скорописи конца *XVII* и начала *XVIII* вѣка, которая сильно затрудняла чтеніе, книги эти и составлялись весьма небрежно: разныя статьи соединялись въ одну, иногда не было обозначенія цѣнъ товаровъ, съ которыхъ взимались пошлины, нерѣдко помѣщались такъ называемыя *глухія статьи*, въ которыхъ не обозначено ни товара, ни цѣны его, а одна только валовая цифра взятой пошлины, словомъ безпорядочность и неудобство подлинныхъ приходо-расходныхъ книгъ чрезвычайно затрудняли повѣрку, что и вызвало, наконецъ, въ началѣ 1701 г. положительное предписаніе составлять книги *вразумительныя*; [7]) что же касается до глухихъ статей, которыя нерѣдко были слѣдствіемъ таможенныхъ и иныхъ злоупотребленій, то положительныя ихъ запрещенія нерѣдки въ указахъ этого времени, но безъ всякаго успѣха. Перечни, которые обыкновенно прилагались къ книгамъ, не могли существенно облегчать повѣрку, ибо они были небольше какъ реестрами содержанія книгъ и могли слѣдовательно служить только для удобнѣйшаго нахожденія, но никакъ не пониманія той или другой статьи. Въ вѣдомостяхъ наблюдалась, какъ было уже объяснено выше, возможная точность, а потому глухія статьи здѣсь не могли имѣть мѣста: здѣсь сводились концы съ концами съ ясными указаніями на траты или недоборы, а равно—и на основаніе пріема, что при существованіи глухихъ статей, очевидно, немыслимо; наконецъ, самый почеркъ, которымъ писались вѣдомости, несравненно разборчивѣе и отличается большею тщательностью нежели почеркъ бумагъ, не восходившихъ къ высшему начальству: все, вмѣстѣ взятое, значительно облегчило ревизію счетовъ, но, съ другой стороны, введеніе вѣдомостей облегчило и канцелярскій трудъ составленія, такъ какъ двойные экземпляры и перечни сдѣлались излишними. Таковы формы отчетности, существовавшія въ нашемъ финансовомъ дѣлопроизводствѣ въ періодъ до учрежденія губерній. [8])

7) П. С. З. № 1822, ст. 9.

8) П. С. З. №№—454, 802, 873, 874, 882, 1122, 1357, 1432, 1494, 1520, 1542, 1922, 2000, 2074, 2127, 2146. А. М. Ю. Д. С. кн. 17, л. 46, и слѣд., по Астрах. губ. кн. $^{3}/_{9\text{т}}$, л. 1 и слѣд., по Кіевск. губ. кн. $^{2}/_{\text{хіз}}$, л. 346 и слѣд.

Что касается до вопроса о томъ, кто былъ обязанъ отчетностью, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить кратко: тѣ лица, на отвѣтственности которыхъ лежало управленіе финансами. Въ самомъ дѣлѣ, отчетность въ той его части, которая была возложена на отвѣтственность административныхъ властей, была обязанностью этихъ послѣднихъ, т. е. воеводъ и приказныхъ людей; отъ нихъ требовались смѣтные, счетные списки и другіе отчеты, съ нихъ взыскивалась и каждая неисправность или злоупотребленіе по спорамъ или расходованію ихъ. Равнымъ образомъ, въ той части финансоваго управленія, которая находилась въ вѣдомости вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, отчетность и отвѣтственность составляли обязанность этихъ послѣднихъ. Въ заключеніе отвѣтимъ на третій вопросъ: кто производилъ ревизію счетовъ? Смотря по тому, о какой части финансоваго управленія идетъ рѣчь—и отвѣты на этотъ вопросъ должны быть различны. Коронныя власти были обязаны отчетностью передъ областными Приказами, а вѣрные головы и цѣловальники—передъ тѣми, которые завѣдывали тѣми или другими сборами: такъ, таможенные и кабацкіе головы до учрежденія Ратуши представляли отчеты прежде Приказу Большаго Прихода, а съ 1680 г.—Приказу Большой Казны, которая съ этого времени дѣлается центральнымъ вѣдомствомъ этихъ сборовъ; но этого мало: таможенные и питейные сборы въ Сибири вѣдались въ Сибирскомъ Приказѣ и остались въ его вѣдомствѣ даже и по учрежденіи Ратуши, такъ какъ въ Сибири не была введена общественная реформа 1699 г. Впрочемъ, въ большинствѣ сибирскихъ городовъ вѣрные головы и цѣловальники были обязаны отчетностью не передъ Сибирскимъ Приказомъ, а передъ мѣстными воеводами; исключеніе изъ этого составляло Верхотурье, гдѣ самостоятельность вѣрныхъ властей была значительна. Отчеты о вѣрномъ управленіи оброчныхъ статей до 1704 г. представлялись въ областные Приказы, которые завѣдывали въ то время этою частью областнаго хозяйства, а съ 1704 г. когда оброчныя статьи перешли въ вѣдомство Семеновской Приказной Палаты и мало по малу стали распредѣляться между подвластными ей канцеляріями, ревизія оброчныхъ счетовъ сдѣлалась обязанностью этого центральнаго учрежденія, или вѣрнѣе сказать—этой системы центральныхъ вѣдомствъ.

Такова была въ общихъ чертахъ система финансовой отчетности до учрежденія губерній, когда въ нее были введены большій порядокъ и точность и когда требованія центральной власти сдѣлались серьознѣе. Губернаторы, соединившіе въ своихъ рукахъ все областное управленіе, дѣйствовали подъ строгимъ надзоромъ Ближней Канцеляріи и Сената, и вопросъ о постоянной, періодической отчетности получаетъ важное значеніе. Да иначе и быть не могло: это было потребностью времени, вопросомъ насущнымъ: безпрерывная война съ Швеціею, постоянная опасность со стороны Турціи, а частью—и прикаспійскихъ кочевниковъ требовали постоянной арміи на сушѣ и основанія и приведенія въ возможно-лучшее состояніе флота, затѣмъ сознанная Петромъ необходимость непосредственныхъ сношеній съ западомъ, сношеній, только и удобныхъ черезъ Балтійское море; словомъ, стремленіе къ славѣ и безопасности государства извнѣ и къ просвѣщенію и благоустройству внутри требовало значитель-

ныхъ затратъ, а потому сборъ, пріемъ и расходованіе казны необходимо должны были вызвать строжайшій контроль со стороны центральной власти. Этотъ строжайшій контроль, въ свою очередь, былъ мыслимъ только при большемъ порядкѣ и однообразіи учрежденій, производившихъ ревизію счетовъ, а равно и формъ, въ которыхъ отчетность производилась. Первое находилось въ тѣсной связи съ реформами, центральными и областными: учрежденіе 1708 г., какъ оно ни было несовершенно само по себѣ, въ отношеніи къ финансовому управленію было несомнѣнно началомъ большаго порядка и опредѣленности, такъ какъ раздѣленіе на губерніи замѣнило прежнее мелкое областное дѣленіе; съ другой стороны, по отношенію къ центральному управленію—власть Сената замѣнила раздробленныя вѣдомства старинныхъ Приказовъ и соединила отчетность областныхъ правителей въ однихъ рукахъ. Такимъ образомъ губернаторы сдѣлались единственными отвѣтственными лицами передъ однимъ центральнымъ учрежденіемъ; здѣсь сосредоточились всѣ областные финансовые отчеты, которые посредствомъ разсмотрѣнія ихъ въ Ближней Канцеляріи дѣлались извѣстными самому Царю. Что касается до формъ отчетности, то неудобства, бывшія естественнымъ слѣдствіемъ, такъ сказать, распущенности управленія стараго времени, были уничтожены введеніемъ на будущее время однообразной и строго-опредѣленной формы отчетовъ, ибо въ первый же годъ дѣятельности новыхъ областныхъ учрежденій введены были третныя и годовыя вѣдомости; [9]) появляется табель, о которой мы уже имѣли случай сказать выше. До учрежденія Сената ревизія финансоваго управленія была препоручена Ближней Канцеляріи, куда и должны были присылаться изъ областей третныя и годовыя вѣдомости; [10]) при Сенатѣ дѣло это перешло къ нему, но нѣкоторое время власть его въ этомъ отношеніи стояла ниже власти Ближней Канцеляріи: третныя и годовыя вѣдомости по прежнему входили на ея разсмотрѣніе, но съ тою лишь разницею, что прежде Ближней Канцеляріи онѣ представлялись Сенату, [11]) который, такимъ образомъ, сдѣлался какъ бы посредствующимъ звеномъ между областью и Ближней Канцеляріею по отношенію къ текущей финансовой отчетности. Впрочемъ, такъ было невсегда: въ послѣдствіи Сенатъ дѣлается главнымъ ревизоромъ областныхъ финансовыхъ отчетовъ [12]). Въ 1714 г. Сенатъ предписалъ представлять себѣ полугодичныя вѣдомости, которыя въ 22 пунктахъ содержали въ себѣ полный отчетъ по общегубернскому управленію [13]), а третныя и годовыя вѣдомости по-прежнему остались въ Ближней Канцеляріи [14]). Если свѣдѣнія о финансахъ собирались съ какою-нибудь временною цѣлью, то въ этихъ случаяхъ иногда требовались подлинныя приходо-расходныя книги вмѣстѣ съ вѣдомостями и перечнями; при этомъ съ книгами

9) П. С. З. № 2270.
10) Ibidem.
11) П. С. З. № 2458.
12) Ibid. № 2571.
13) Ibid. № 2774.
14) См. Петровскаго *О Сенатѣ въ царствованіе Петра В.* стр. 280.

командировались мѣстные дьяки и подьячіе, обязанные давать разъясненія въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній. Такая ревизія подлинныхъ приходо-расходныхъ книгъ съ цѣлью уменьшенія областныхъ расходовъ началась въ 1712 г. и продолжалась въ слѣдствіе неисправностей въ доставленіи книгъ большую часть изслѣдуемаго періода. Сначала это дѣло было поручено Сенатской Канцеляріи, гдѣ въ томъ же 1712 году главнымъ счетчикомъ былъ назначенъ кн. Вадбольскій, но впослѣдствіи, а именно—въ 1714 г. сложность такого дѣла и неуспѣшность его производства въ Сенатѣ, а равномѣрно и значеніе вопроса объ уменьшеніи областныхъ расходовъ, вопроса, сильно интересовавшаго самого Государя,—вызвали особое спеціальное учрежденіе счетной канцеляріи или счетнаго Приказа при Ближней Канцеляріи. Насколько правительство при этомъ достигло своей цѣли, какія свѣдѣнія оно успѣло собрать относительно этого предмета, и какъ имъ воспользовалось, мы уже видѣли выше, говоря о финансовыхъ дѣлахъ; но самое изслѣдованіе тянулось, какъ уже замѣчено выше, большую часть разсматриваемаго періода, по крайней мѣрѣ въ началѣ 1717 г. еще встрѣчается Сенатское подтвержденіе о высылкѣ изъ губерній въ Ближнюю Канцелярію приходо-расходныхъ книгъ. [15]) Единовременно съ этимъ, а именно въ концѣ 1717 г., для ближайшаго ознакомленія съ губернскими доходами, была предпринята новая мѣра, но уже въ этомъ случаѣ подлинныя приходо-расходныя книги были замѣнены вѣдомостями, и дѣло ревизіи счетовъ по этимъ вѣдомостямъ предположено было сосредоточить уже не въ Счетномъ Приказѣ, а въ самомъ Сенатѣ. Въ декабрѣ 1717 г. состоялся именный указъ, въ силу котораго губернаторы были обязаны въ теченіи 10 мѣсяцевъ прислать въ Сенатскую канцелярію вѣдомости, въ которыхъ были-бы собраны подробныя свѣдѣнія по слѣдующимъ тремъ вопросамъ: 1) *Что сходится съ поселянъ?* 2) *Что сходится съ посадскихъ?* и 3) *Что прочихъ доходовъ?* Эти вѣдомости по тремъ пунктамъ должны были, слѣдственно, представить собою полный итогъ денежныхъ средствъ каждой губерніи и полную картину губернскихъ сборовъ, но и здѣсь, какъ и вездѣ, неисполнительность, а отчасти и недостатокъ въ людяхъ губернскаго управленія были причиною того, что именной указъ 1717 г., не смотря на многочисленныя подтвержденія и угрозы, въ большинствѣ случаевъ былъ исполняемъ крайне-плохо, а быть можетъ и остался мертвою буквою; исправнѣе другихъ оказался кіевскій губернаторъ, представившій требуемую вѣдомость по своей губерніи тогда-же, т. е. въ декабрѣ 1717 г., вѣдомостей же остальныхъ губерній въ подлинныхъ дѣлахъ Сената не находится, такъ-что вообще судьба этого дѣла остается для насъ, къ сожалѣнію, не извѣстною. [16]) Въ 1714 г. произошла перемѣна и относительно самого счетоводства въ губернскихъ и иныхъ областныхъ канцеляріяхъ: прежде обыкновенно пріемъ казны и отпускъ ея были возлагаемы на выборныхъ изъ

15) П. С. З. №№ 2763, 2851, 2912, 2995. А. М. Ю. Д. С. по Счетн. Канц. кн. $^{37}/_{37}$, л. 454, 489, 502, 528, 581, 615.

16) А. М. Ю. Д. С. по Счетн. К. кн. $^{37}/_{34}$, л. 914, 922, 925 и др. Сен. дѣла по Кіевск. губ. кн. $^{2}/_{XII2}$, л. 338 и слѣд.

купечества; эти обязанности на цѣлый годъ отрывали выборныхъ отъ занятій торговлею, промыслами и т. п., да и въ самомъ сборѣ *происходило немалое помышательство*, такъ-какъ, при отсутствіи строгаго порядка, нерадѣніе со стороны сборщиковъ было весьма естественно; въ 1714 г. эти выборные сборщики были уничтожены, дѣло счетоводства было поручено особымъ дьякамъ и подьячимъ, при чемъ какъ у сбора, такъ и у расхода былъ свой персоналъ счетчиковъ, состоящій изъ дьяка, какъ-бы главнаго бухгалтера, и стараго подьячаго, которому поручались непосредственно сборы и веденіе книгъ. Персоналъ этотъ назначался на годъ, по истеченіи котораго казна и книги были ревизуемы новыми дьяками, выбранными на новый годъ. Въ теченіи года счетчики обязаны были подавать ежедневныя и помѣсячныя вѣдомости мѣстнымъ начальникамъ, т. е. въ уѣздныхъ и провинціальныхъ городахъ комендантамъ и оберъ-комендантамъ, а въ губернскихъ—губернаторамъ. [17])

Въ той части финансоваго управленія, которая была поручаема выборнымъ отъ общества, т. е. вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ,—еще долгое время въ текущей отчетности на ряду съ вѣдомостями оставались подлинныя книги: по крайней мѣрѣ примѣръ этого встрѣчается въ 1715 г. [18])

Таковъ былъ порядокъ финансовой отчетности до и послѣ учрежденія губерній. Стремленіе къ большей правильности и порядку, стремленіе всегда и во всемъ воодушевлявшее Великаго Петра, высказалось также и въ вопросѣ объ отчетности, но изслѣдуемая нами эпоха губернскаго управленія и въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, была эпохою переходною, и упроченіе началъ новаго порядка принадлежитъ временамъ послѣдующимъ. Дѣятельность Великаго Монарха—за весьма немногими исключеніями—всюду встрѣчала противодѣйствіе иногда открытое, даже съ епископскихъ каѳедръ, но въ большинствѣ случаевъ скрытое, подпольное. Это противодѣйствіе, однако, не должно насъ приводить къ заключеніямъ о насильственномъ характерѣ всесторонней петровской реформы: она, эта реформа, была тѣсно связана съ русскою жизнью, была плодомъ не кабинетныхъ измышленій, а глубокаго знанія потребностей русской жизни, свѣтлаго орлинаго взгляда на нихъ. Петръ былъ русскій человѣкъ, истинный патріотъ и самоотверженный работникъ для своего народа. Это противодѣйствіе свидѣтельствуетъ о грубости нравовъ той эпохи вообще, объ упадкѣ общества, изъ котораго не вышло почти никого, кто бы могъ сдѣлаться достойнымъ сотрудникомъ Великаго Царя. Да, наконецъ большая часть противодѣйствія состояла въ страшныхъ злоупотребленіяхъ лицъ, власть имѣющихъ, слѣдственно, имѣла не общій, а частный, индивидуальный характеръ. Прежнее время съ его приказными мошенничествами, произволомъ, волокитой оставило глубокіе слѣды, которые чувствовались долго и по смерти Петра, а при немъ и сановники, и болѣе мелкіе чиновники были въ громадномъ большинствѣ случаевъ притѣснителями слабыхъ, казнокрадами, а подъ часъ и сущими разбойниками. Энергія Великаго Царя, поддерживавшая его въ

17) П. С. З. № 2768, 2805.
18) Ibid. № 2902.

неусыпныхъ трудахъ, была недостаточна для искорененія зла, а это зло тормозило благосостояніе, надъ созиданіемъ котораго трудился Петръ. . . , Если взглянуть на бытовую сторону жизни русскаго общества въ это время, то откроется ужасающая картина отвратительной грубости нравовъ, необузданности своеволія и разврата. Нѣтъ пощады никому и ничему: ни возрасту, ни полу. Звѣрскія преступленія частныхъ лицъ, не менѣе звѣрскія злоупотребленія властью лицъ правительственныхъ суть явленія, способныя поразить каждаго и поражающія на самомъ дѣлѣ при знакомствѣ съ строемъ общественной жизни того времени. И изъ такой то среды Великій Петръ принужденъ былъ брать себѣ помощниковъ, ожидать слугъ государству!

Злоупотребленія областныхъ правителей были часты и возмутительны, а укрывательство высшихъ властей развивало ихъ иногда до громадныхъ размѣровъ. Въ 1713 г. нѣкто Акишевъ, бывшій коммиссаромъ (уѣзднымъ правителемъ) надъ тремя городами Архангелогородской губ.: Устюгомъ, Сольвычегодскомъ и Тотьмою, безчинствуетъ и злодѣйствуетъ съ своею свитою въ уѣздахъ ввѣренныхъ ему городовъ: вымогая взятки, онъ мучитъ несчастныхъ жителей, наноситъ имъ побои, увѣчья, убиваетъ до смерти, насилуетъ женщинъ, приказываетъ водить ихъ нагихъ по улицамъ, даже самыя папёрти церковныя оскверняетъ своими неистовствами, а Курбатовъ молчитъ и не старается противодѣйствовать всѣмъ этимъ мерзостямъ. [19]) Дѣло Акишева дѣло вопіющее; оно какъ нельзя лучше рисуетъ картину полнаго безначалія, царствовавшаго въ губернскомъ управленіи того времени, выставляя въ настоящемъ свѣтѣ тѣхъ дѣятелей, съ которыми Петръ долженъ былъ приводить въ исполненіе свои великія предначертанія. Или: въ 1716 г. нѣкоторые крестьяне Пензенскаго уѣзда, села Покровскаго, Болта тожъ, жалуются Сенату на казанскаго ландрихтера Кузьмина-Короваева за то, что онъ отнялъ у нихъ принадлежащую имъ по крѣпости землю. Кузьминъ-Короваевъ, которому понравилась эта земелька, недолго думавши, посадилъ подъ стражу собственниковъ ея и вымучилъ у нихъ запись, что впредь ни отъ нихъ, ни отъ ихъ нисходящаго потомства объ этой землѣ споровъ и прекеканій противъ Кузьмина-Короваева и его потомства предъявляемо не будетъ. Освободившись изъ заточенія, несчастные обратились къ казанскому губернатору Салтыкову, но удовлетворенія не получили и, наконецъ, собравши послѣднія крохи, дотащились кое какъ до столицы и подали челобитную самому Сенату. [20]) Чѣмъ кончилось это возмутительное дѣло, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Вымогательство крѣпостей и записей на недвижимыя имущества дѣло нерѣдкое въ то время; по правилу кто силенъ, тотъ и правъ: лица, власть имѣющія, часто прибѣгали къ этому удачному способу грабежа. [21]) Много можно привести примѣровъ разнообразныхъ злоупотребленій и злодѣйствъ, которыя дозволяли себѣ разные областные правители, но мы воздерживаемся далѣе утруждать читателя подобными подробностями, имѣющими

19) А. М. Ю. Д. С. по Арханг. губ., кн. $^{12}/_{82}$, л. 9, 17 и слѣд.
20) Ibidem. Сен. Д. кн. 19, л. 497 и слѣд.
21) См. напр., idem, кн. 27, л. 519 и мн. др.

громадное значеніе для знакомства съ строемъ общественной жизни того времени. Достаточно упомянуть о томъ, что въ декабрѣ 1717 г. была назначена цѣлая слѣдственная коммиссія для разслѣдованія множества злоупотребленій, совершенныхъ разными областными правителями, завѣдывавшими отдѣльными частями управленія и другими лицами, болѣе или менѣе извѣстными въ исторіи Петра В. Въ эту коммиссію были назначены Петромъ генералъ-маіоръ Петръ Голицынъ, лейбъ-гвардіи маіоры Юсуповъ, Волковъ, Салтыковъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, капитаны: Ѳедоровъ, Скорняковъ-Писаревъ, Лихаревъ и капитанъ-поручикъ Пашковъ, поручики: Бибиковъ, Бахметевъ, Баскаковъ.—Здѣсь обвинялись московскій губернаторъ, Кирилъ Нарышкинъ, сибирскій губернаторъ, кн. Матвѣй Гагаринъ, адмиралъ Апраксинъ, Головинъ и сенаторъ Долгоруковъ, не считая множества низшихъ чинами лицъ. [22]) Дѣйствія этой коммиссіи во всѣхъ подробностяхъ мало извѣстны, но печальная участь кн. Гагарина ясно свидѣтельствуетъ о томъ, съ какой энергіею были въ этомъ случаѣ приняты мѣры для искорененія зла, ставшаго истиннымъ народнымъ бѣдствіемъ.

Что касается до отвѣтственности областныхъ правителей, то въ этомъ случаѣ практиковались въ то время главнымъ образомъ два способа наказаній: штрафъ и арестъ. Штрафы были значительны по тому времени и по тогдашней цѣнности денегъ, но размѣры ихъ не были опредѣлены какимъ либо общимъ закономъ, а опредѣлялись всякій разъ отдѣльно особымъ сенатскимъ указомъ. Главными отвѣтчиками передъ Сенатомъ были губернаторы: они были after ego Сената въ области, но въ тѣхъ случаяхъ, когда за отсутствіемъ губернаторовъ другіе низшіе областные правители занимали ихъ должности, послѣдніе и отвѣчали за всѣ общегубернскія неисправности; [23]) въ противномъ случаѣ каждый отвѣчалъ за ввѣренную спеціально ему часть управленія, а губернаторы за все губернское управленіе. [24]) Опредѣленности въ степени и родѣ отвѣтственности областныхъ правителей было, конечно, гораздо болѣе, нежели въ XVII вѣкѣ, [25]) но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ это время, по отношенію къ этому, встрѣчаются иногда однѣ глухія угрозы, не дающія понятія о томъ, что будетъ съ тѣмъ, кому угрожаютъ, въ случаѣ исполненія угрозы; выраженія, подобныя слѣдующимъ: *жестокое наказаніе*, *истязаніе безъ пощады* и проч., нерѣдки и въ памятникахъ XVIII вѣка. Главными поводами къ отвѣтственности областныхъ правителей были неисправности въ рекрутскихъ наборахъ и финансовомъ управленіи области. За неприсылку рекрутъ губернаторы объявлялись даже измѣнниками отечеству, а за неисправности въ сборахъ съ нихъ брались огромные штрафы. Для предупрежденія этой послѣдней неисправности предписано было жалованье брать послѣ *исполненія табельныхъ мѣстъ*, т. е. послѣ присылки опредѣленныхъ суммъ на армію, флотъ и дипломатическія сношенія;

22) А. М. Ю. Д. С. кн. 51, л. 56 и слѣд.

23) П. С. З. №№ 2483, 2758, 2774, 2776, 2912, 3078. А. М. Ю. Д. С. кн. 5, л. 1086—1145 и мн. др.

24) Ibidem.

25) Чичеринъ *Областн. Учрежд.* стр. 335.

въ противномъ случаѣ съ крестьянъ провинившихся чиновниковъ взыскивались штрафы. [26]) Исполнителями въ данномъ случаѣ были разныя лица, по назначенію правительства; эти лица, не смотря ни на какія отговорки, представляемыя провинившимися, не смотря, далѣе, на личное значеніе и вліяніе кого бы то ни было, должны были исполнять возложенныя на нихъ порученія въ точности. Сенатъ зорко слѣдилъ за казеннымъ интересомъ, и отговорки не принимались во вниманіе. Такъ въ 1717 г. начальникъ Подрядной Канцеляріи Кошелевъ, которому въ этомъ году было поручено собрать съ губернскихъ чиновъ штрафныя деньги за забранное ими вопреки указу жалованье, доноситъ Сенату отъ 16 іюля, что онъ не взыскалъ штрафовъ съ персонала Петербургской губерніи и не взыскалъ потому, что кн. Меншиковъ написалъ ему, что онъ самъ велѣлъ всѣмъ своимъ чиновникамъ получить слѣдующее имъ жалованье, и представилъ такому распоряженію уважительные мотивы, но Сенатъ, не слушая никакихъ доводовъ, настоятельно подтвердилъ Кошелеву, чтобы онъ взыскалъ штрафы и съ чиновниковъ Петербургской губ., не взирая ни на какія отговорки [27]).

Если высшіе областные чиновники, правители отдѣлывались штрафами и арестами, то канцелярскіе служители, дьяки и подьячіе, за служебные проступки, наказывались на тѣлѣ; [28]) также наказывались и Сенатскіе коммиссары, которые не рѣдко передъ Сенатомъ отвѣчали за грѣхи своихъ губернаторовъ. [29]) Впрочемъ и губернаторамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ угрожало не только лишеніе чиновъ, но и самая висѣлица.

Таково было областное управленіе эпохи перваго губернскаго учрежденія. Въ началѣ для него, какъ въ началѣ и для всѣхъ петровскихъ учрежденій, были начертаны лишь одни главныя положенія; подробности привходили мало по малу по мѣрѣ практической необходимости, и въ концѣ концовъ первое пробное учрежденіе развивается и переходитъ во второе, въ которомъ верховная власть окончательно установила и освятила тѣ начала, которыя до этого времени выработала практика.

Слѣдственно, общій характеръ изслѣдованной нами эпохи въ жизни русской области переходный; учрежденіе 1708 г. было лишь попыткою введенія началъ стройности и порядка въ средневѣковой хаосъ областнаго управленія, но, при этомъ, попыткою, заслуживающею вполнѣ наше вниманіе, ибо при девятилѣтнемъ существованіи учрежденія 1708 года (оно введено было въ дѣйствіе съ 1-го января 1710 г.) развились и организовались тѣ начала, которыя вылились въ учрежденіи 1719 г. Послѣднее съ болѣе или менѣе существенными измѣненіями просуществовало до 1775 г., когда началось образованіе областнаго управленія на началахъ новыхъ, посредствомъ которыхъ область стала постепенно освобождаться отъ давленія столицы, и петровскія коллегіи перемѣстились въ губерніи.

---

26) П. С. З. №№ 2776, 3078.

27) А. М. Ю. Д. С. кн. 49, л. 167 и слѣд.

28) П. С. З. № 2912.

29) См. Петровскаго *О Сенатѣ* и т. д. стр. 93 и слѣд.

Область въ изслѣдованную нами эпоху находилась въ положеніи органа несамостоятельнаго; вторымъ Я. Петра В. былъ Сенатъ, полномочный правитель государства, которому принадлежала въ обширномъ смыслѣ власть распоряженія (Verordnungsgewalt), а полномочнымъ представителемъ Сената въ области былъ губернаторъ, власть котораго поглощаетъ въ себѣ всю самодѣятельность общества, а вмѣстѣ съ этимъ и самостоятельность области, какъ органа государственной жизни. Связью области съ столицею, областнаго управленія съ Сенатомъ служили два учрежденія, изъ которыхъ одно играло роль пассивную и довольно плачевную, а другое получило въ нашей исторіи печальную извѣстность и въ свое время возбуждало массу жалобъ и полную ненависть. Мы разумѣемъ здѣсь институтъ сенатскихъ коммисаровъ и институтъ фискаловъ. Активная роль послѣднихъ была вліятельна, всѣ боялись этой страшной ненавистной силы, порожденной крайней необходимостью и въ ней имѣвшей свое оправданіе. Посредствомъ этой связи Сенатъ имѣлъ всегда возможность наблюдать за дѣятельностью органовъ областнаго управленія, ближе становился къ областной жизни. Вопросъ о томъ, какъ всѣ эти начала выразились въ послѣдующемъ учрежденіи 1719 г., составитъ предметъ особаго изслѣдованія.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе. I

Введеніе. 1

ГЛАВА I. Областное дѣленіе. 18

ГЛАВА II. Главные областные правители. 27

ГЛАВА III. Второстепенные правители. 38

ГЛАВА IV. Канцеляріи и дѣлопроизводство. 72

ГЛАВА V. Предметы вѣдомства. 141

ГЛАВА VI. Отчетность областныхъ правителей. Злоупотребленія. Отвѣтственность 339

Примѣчаніе. Приложенія, въ которыхъ читатель найдетъ копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, извлеченныя нами изъ Архива Министерства Юстиціи и относящіяся къ этой части нашего труда, будутъ отпечатаны въ концѣ слѣдующей второй части.